НМ

Д. И. РОЗЕНБЕРГ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Д. И. Розенберг

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

★

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

СЕРИЯ «КЛАССИКИ МАРКСИЗМА»
РАЗДЕЛ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ»

ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ «НАУКА МАРКСИЗМ»

1-е электронное издание, 2026
(версия от 14.01.2026)

Издание 2026 года

Автор:
Д. И. Розенберг

В книге «История политической экономии» излагаются экономические воззрения выдающихся мыслителей, писателей, политиков античного мира и эпохи феодализма и история политической экономии, возникшей как наука одновременно с капитализмом.

Книга охватывает всю историю политической экономии от античного мира до Маркса и Энгельса включительно.

—

Технический редактор:

И. Токач

Печатный орган «Наука марксизм».
«Рабочая парадигма»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА 4

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АНТИЧНОГО МИРА И ФЕОДАЛИЗМА 7

Глава I. Экономическая мысль Древней Греции 9

1. Экономическая мысль древнейших времен 9

2. Дальнейшее развитие экономической мысли в Древней Греции 11

3. Новый поворот в развитии экономической мысли Древней Греции 14

4. Аристотель (884–322 гг. до н.э.) 19

Глава II. Экономическая мысль Древнего Рима 25

1. Социально-экономическая и политическая характеристика Древнего Рима 25

2. Важнейшие этапы в развитии экономической мысли Древнего Рима 29

3. Экономическая мысль в первые века христианства 35

Глава III. Экономическая мысль феодального общества 36

1. Феодализм 37

2. Экономическое учение канонистов 41

3. Революционная оппозиция феодализму 45

ОТДЕЛ ВТОРОЙ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ 48

Глава IV. Меркантилизм 48

1. Исторические условия возникновения и развитие меркантилизма 48

2. Учение меркантилистов 54

3. Крупнейшие теоретики меркантилизма 57

4. Меркантилизм в России 63

5. Возникновение утопического социализма 67

Глава V. Разложение меркантилизма и возникновение классической школы 73

1. Англия XVII в. 73

2. Возникновение английской классической политической экономии. Вильям Петти — основатель современной политической экономии 79

3. Возникновение классической политической экономии во Франции 90

Глава VI. Физиократы 94

1. Франсуа Кенэ — творец физиократической системы 97

2. Анн-Роберт-Жак Тюрго (1727–1781) 113
ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. БУРЖУАЗНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ 119
Глава VII Адам Смит 120
1. От Вильяма Петти до Адама Смита 122
2. Экономическое учение Адама Смита 127
3. Экономическая теория Адама Смита 134
4. Смитианство в России 157
Глава VIII. Давид Рикардо 161
1. Эпоха Рикардо 161
2. Рикардо как завершитель классической политической экономии 174
Глава IX. Давид Рикардо (продолжение) 186
3. Теория стоимости 186
4. Учение Рикардо о деньгах и кредите 195
5. Теория распределения Рикардо 207
6. Рикардо о перспективе и тенденциях общественного развития 214
Глава X. Симонд де Сисмонди 219
1. Сисмонди и его время 220
2. Сисмонди как экономист 222
ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ВУЛЬГАРНАЯ ЭКОНОМИЯ 240
Глава XI. Важнейшие представители вульгарной экономии в первой половине XIX в. во Франции и Англии 243
1. Жан-Батист Сэй (1768–1832) 243
2. Томас-Роберт Мальтус (1766–1834) 251
3. Школа Рикардо и её разложение 261
4. Дальнейшая вульгаризация политической экономии 266
Глава XII. Вульгарная политическая экономия в Германии (Первая половина XIX в.) 277
1. Предшественники исторической школы 281
2. Старая историческая школа 285
ОТДЕЛ ПЯТЫЙ. УТОПИЧЕСКИЙ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ 297
Глава XIII. Великие социалисты-утописты 297

1. Общая характеристика утопического социализма 298
2. Сен-Симон (1760–1825) 303
3. Шарль Фурье (1772–1837) 315
4. Роберт Оуэн (1771–1858) 336
5. Утопический социализм в России 353
Глава XIV. Ранний английский социализм 362
Глава XV. Эволюция утопического социализма во Франции и мелкобуржуазный социализм 381
1. Эволюция утопического социализма 383
2. Мелкобуржуазный социализм 390
ОТДЕЛ ШЕСТОЙ. КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА 403
Глава XVI. Развитие учения Маркса и Энгельса до «Капитала» 403
1. Маркс и Энгельс до их совместной работы 408
2. Работы Маркса и Энгельса до революции 1848 г. 420
Глава XVI. Торжество марксистской политической экономии 447
1. «К критике политической экономии» 447
2. Первый том «Капитала» 461
3. Второй том «Капитала» 479
4. Третий том «Капитала» 491
5. «Теории прибавочной стоимости» 510
6. Маркс и Энгельс о диктатуре пролетариата, о социализме и коммунизме 516
Глава XVII. Борьба Маркса и Энгельса против враждебных марксизму течений и дальнейшее развитие марксистской политической экономии ... 521
1. Последнее десятилетие жизни и деятельности Маркса 522
2. Работы Энгельса после смерти Маркса 528

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Задача курса истории политической экономии — осветить возникновение и развитие политической экономии как науки.

Политическая экономия развивалась на протяжении многих веков и на каждом этапе была обусловлена определенным уровнем производительных сил и характером производственных отношений.

В античном мире и в феодальном обществе политической экономии как самостоятельной науки еще не существовало, но и в эти эпохи выдающиеся мыслители, писатели и политики занимались экономическими вопросами. Особенно ценна экономическая мысль древней Греции. «*Греки, — говорит Маркс, — в своих случайных экскурсах в эту область науки обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях. Поэтому их взгляды образуют исторически-теоретические исходные пункты современной науки*»[1]. Их воззрения, естественно, находились в соответствии с господствовавшим тогда способом производства и интересами борющихся классов.

Как самостоятельная наука политическая экономия возникла одновременно с капиталистическим способом производства, развивалась вместе с последним и прошла при этом ряд этапов.

На первом из этих этапов — с конца XV до середины XVII в. — торговый капитал играл преобладающую роль, и сообразно этому в центре внимания экономистов того времени — меркантилистов — была сфера обращения. Борьба велась ими против феодальной: системы хозяйства и обусловленной ею средневековой идеологии Богатству в потребляющей форме, свойственной натуральному хозяйству, противопоставлялось богатство в денежной форме.

Разложение меркантилизма и возникновение классической политической экономии представляют собой следующий этап в развитии политической экономии (от середины XVII до второй половины XVIII вв.). Он соответствует возникновению промышленного капитала в форме простой кооперации и переходу его к мануфактуре. На этом этапе развития борьба направлена не только против средневековых институтов, но и против меркантильной теории.

Во второй половине XVIII в. в Англии появляется «Богатство народов») Смита, во Франции — труды Кенэ и Тюрго; меркантилизму наносится сокрушительный удар, а классическая политическая экономия — на базе роста промышленного капитала — занимает господствующее положение. Это —

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, с. 232.

канун промышленного переворота в Англии и буржуазной революции во Франции.

Таков третий этап развития политической экономии. Его завершают в эпоху промышленного переворота и французской революции в Англии — Рикардо, во Франции — Сисмонди.

До этого пункта политическая экономия, оставаясь буржуазной, развивается по восходящей линии. Учение Рикардо вооружает промышленную буржуазию для борьбы против лендлордов, а противоречия между трудом и капиталом еще не приняли фирмы открытой классовой борьбы. Пролетариат в ту пору был еще «классом в себе», а не «классом для себя».

Окончательная победа капиталистического способа производства над феодальным обнажает классовые противоречия между трудом и капиталом, показывая, что несет капитал пролетариату и трудящимся массам вообще. Отныне буржуазные экономисты руководствуются уже не задачами научного исследования, а стремлением во что бы то ни стало оправдать капитализм; наемные писаки буржуазии становятся на путь вульгаризации и апологетики.

Начинается новый этап — нисходящего движения буржуазной политической экономии.

Одновременно с завершением классической школы и появлением вульгарной экономии на арену выступает утопический социализм с его резкой критикой капитализма и мечтаниями о грядущем бесклассовом обществе. Выступая против капитализма, утописты еще не видели в пролетариате той силы, которая единственно способна уничтожить капитализм.

По мере развития капитализма и дальнейшего развертывания его противоречий крепнут силы пролетариата, развивается его самосознание, и это проявляется в таких движениях, как чартизм в Англии, восстания лионского пролетариата во Франции и силезских ткачей в Германии.

В 40-х годах прошлого века возникает марксистская политическая экономия. Маркс и Энгельс являются творцами подлинно научной политической экономии. Они вскрыли классовый характер политической экономии, увидели в борьбе ее различных школ и направлений особые формы классовой борьбы, освободили политическую экономию от буржуазной ограниченности и сделали ее орудием борьбы пролетариата за свержение власти капитала и построение бесклассового общества.

С появлением марксистской политической экономии буржуазная политическая экономия, задолго до этого вступившая уже на путь вульгаризации, поставила в центре своего внимания борьбу против марксизма и марксистской политической экономии. Наряду с буржуазными экономистами

против марксизма вели борьбу реформисты и ревизионисты, извращавшие и опошлявшие марксизм в интересах буржуазии, вэ вред пролетариату.

Научная теоретическая экономия, созданная Марксом и Энгельсом, продолжала и продолжает развиваться. Новые проблемы политической экономии, возникшие на высшей, империалистической, стадии капитализма, были разрешены Лениным на основе общей марксовой теории капитализма. Ленинский этап марксистской политической экономии не исчерпывается его теорией империализма. Лениным внесено многое и в общую теорию капитализма. Дальнейшее свое развитие марксистско-ленинская политическая экономия находит в трудах Сталина.

Являясь не догмой, а руководством к действию, марксистко-ленинская теория обогащается и развивается вместе с развитием непримиримых противоречий гибнущего капитализма, вместе с расширением революционной практики революционного пролетариата в эпоху социалистических революций, вместе со строительством коммунизма.

Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку, обосновав неизбежность гибели капитализма и необходимость диктатуры пролетариата, призванного построить коммунистическое общество. Они определили в основных чертах особенности коммунистического строя, но дать конкретный анализ социалистической экономики они, естественно, не могли. Ленин и Сталин являются творцами политической экономии социализма.

* * *

В настоящей книге охвачен период от античного мира до Маркса и Энгельса включительно, т.е. до того времени, когда политическая экономия стала подлинной наукой. Материал расположен по этапам развития политической экономии, о которых мы говорили выше. Каждый отдел посвящен в основном одному из выше охарактеризованных нами этапов. Книга написана членом-корреспондентом Академии наук СССР Д. И. Розенбергом, за исключением главы XII — о вульгарной экономии в Германии, которая написана доктором экономических наук И. Г. Блюминым.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АНТИЧНОГО МИРА И ФЕОДАЛИЗМА

Политическая экономия, изучающая капитализм, начинается с меркантилистов. Их система, как указывает Маркс, есть «*первая теоретическая разработка современного способа производства...*»[2]. Однако экономические явления всегда привлекали к себе внимание передовых умов человечества, а в античном мире экономическая мысль достигла даже значительного развития. Более того, экономические воззрения таких мыслителей, как Платон и особенно Аристотель, имели большое влияние на развитие экономической мысли последующих эпох.

Некоторые буржуазные историки политической экономии идут так далеко, что готовы признать Аристотеля отцом политической экономии. Это неверно. Аристотель и не мог быть создателем современной политической экономии, так как жил в иную эпоху, с экономической и социальной структурой, резко отличной от эпохи капиталистической.

Тем не менее наличие преемственности и даже непрерывности в развитии экономической мысли разных формаций отрицать не приходится.

Кенэ, которого Маркс считает отцом современной политической экономии, в качестве эпиграфа к своей знаменитой экономической таблице «Tableau economique» взял следующую цитату из работы Ксенофонта: «Когда земледелие процветает, процветают и другие искусства. Если земледелие приходит в упадок, то вместе с ним погибают все прочие отрасли промышленной деятельности на море и на суше».

В высказанном Ксенофонтом положении Кенэ увидел резюме своих собственных взглядов. Правда, у Ксенофонта выдвижение на первое место земледелия имело другое значение, чем у Кенэ, но близость и даже известная преемственность их идей несомненно имеют место.

То же можно сказать относительно учения Смита о разделении труда. Зародышей этого учения мы находим, как указывает Маркс в «Капитале», с одной стороны, у Ксенофонта и Платона, с другой стороны, в ещё более развитой форме, у Аристотеля.

Вспомним также, что, говоря о трудностях анализа формы стоимости, Маркс писал: «*Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И тем не менее ум человеческий тщетно пытался постигнуть её в течение более чем 2 000*

[2] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 302.

лет...»[3]. То, что осталось непостигнутым в течение более чем 2 тыс. лет, блестяще и исчерпывающе разрешено Марксом. Но в здесь важно подчеркнуть, что разработка таких проблем, как форма стоимости и деньги, началась уже в античном мире.

Экономическая мысль стала развиваться задолго до возникновения капиталистического способа производства. Но ни на минуту не следует упускать из виду различие экономических формаций, как и соответствующее им различие классового содержания и целеустремленности экономической мысли разных эпох. Классовое содержание и целеустремлённость экономических воззрений античных мыслителей совсем не те, что у буржуазных теоретиков. Особенно наглядно это выступает при рассмотрении того, как сходные явления по-разному рассматривались и оценивались мыслителями, жившими в разных исторических условиях и принадлежавшими к разным классам.

Здесь напрашивается аналогия между историей философии и историей экономической мысли. Вся античная философия, с одной стороны, является специфическим продуктом рабовладельческого общества, а с другой — матерью философии последующих эпох, в том числе и нового времени. Правда, роль древних мыслителей в истории философии несравненно значительнее, чем в истории политической экономии, но и в этой области их влияние довольно заметно.

Экономическую мысль античного мира, как и его философию, следует рассматривать в двух аспектах: 1) как продукт особой экономической формации; 2) как круг идей, получивший дальнейшее развитие в последующие эпохи и вошедший в железный инвентарь экономической науки.

Итак, историю экономических учений мы начинаем с экономической мысли античного мира, различая при этом экономические мысли древней Греции и древнего Рима.

Надо сказать, что эти два раздела не совсем равноценны: экономическая мысль древней Греции гораздо более богата и по содержанию, и по методологии. Но при переходе от экономической мысли древней Греции к экономическим учениям последующих эпох нельзя миновать и древний Рим.

---

[3] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, Предисловие к 1-му изданию, с. XIII.

Глава I
Экономическая мысль Древней Греции

1. Экономическая мысль древнейших времен

Завершителем экономической мысли древней Греции был Аристотель, но начало и развитие её можно проследить по произведениям и высказываниям мыслителей и поэтов, живших задолго до Аристотеля.

Гомер. Эпоха Гомера — переходная от родового строя к государственному. Эта эпоха классически изображена в «Илиаде» и «Одиссее».

Гомеровская поэма отображает быт и экономические воззрения родовой аристократии, жившей ещё в условиях натурального хозяйства. Её господство базировалось на концентрации в своих руках земли, на накоплении богатства в натуральной форме.

Воспевая своих героев, их могущество и богатство, Гомер всегда указывает на обилие у них быков, лошадей и всякого рода сельскохозяйственного инвентаря. Правда, к богатству он причисляет также золото и серебро, но, говоря о золоте и серебре, поэт имеет в виду не деньги, а металл. Обычно золото и серебро упоминаются наряду с медью и железом лишь как полезный ценный металл, и это вполне понятно: в ту эпоху богатство существовало ещё не в денежной форме. Припомним указание Маркса, что богатство в денежной форме было впервые создано торговым и ссудным капиталом.

Своих героев Гомер изображает богатыми и благородными: богатый и благородный для него — синонимы. Характерно и то, что певец наделяет благородных и богатых такими эпитетами, как жирный и тучный. Напомним, что, говоря о взглядах первобытных народов на богатство, Маркс пишет: «*...нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления богатства; так, напр., кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха*»[4]. От таких воззрений на богатство недалеко ушел и сам Гомер.

Бедняка поэт наделяет эпитетом худой, употребляя последний в буквальном смысле слова, т. е. в противоположность жирному и тучному.

Что касается источников богатства, то их, согласно воззрениям автора «Илиады» и «Одиссеи», было три: война, дань с подвластного населения и отчасти торговля. Война хотя и воспевалась, и поэтически приукрашивалась, но в то же время на нее смотрели довольно прозаически: война, мол, доставляет добычу в виде рабов и других благ. Одиссей по возвращении домой, застав своё

[4] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 50.

хозяйство в запущенном, разрушенном состоянии, открыто заявляет, что он восстановит его путем войны. Война, как и дань с покорённого населения, считалась вполне законным способом получения богатств.

Цари и аристократы сами занимались торговлей, но это была торговля, которая не выделилась ещё в специальную профессию. Прибавочный продукт, который они получали, взимая дань или занимаясь открытым грабежом, они продавали еще сами.

Одиссей и другие почитали за оскорбление, когда их принимали за торговцев-профессионалов; но в то же время они считали для себя вполне достойным заниматься торговлей не в качестве профессионалов, а в качестве базилевсов, царей, представителей определённого племени.

Характерно отношение Гомера к труду. В позднейшую эпоху господствующие классы стали рассматривать труд как дело раба; но в эпоху Гомера такого отношения к труду ещё не было. Герои «Илиады» и «Одиссеи» не прочь даже похвастать тем, что они умеют всё делать, что они знают всякого рода мастерство. Одиссей, например, вернулся домой инкогнито, выдавая себя за плотника, и, действительно, оказался очень хорошим мастером; но он считал себя глубоко оскорбленным, когда противники приняли его за действительного мастерового. Надо знать всякого рода профессии, но жить своим трудом считалось делом худых, а не благородных людей.

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э). Рассмотренные нами экономические воззрения не только относятся к определённой эпохе, но и принадлежат, как сказано, определённому классу — древнегреческой аристократии. А каковы были экономические воззрения широких народных масс и выразителей их интересов? На этот вопрос дает ответ поэт Гесиод в книге «Дни и труды». Гомер — певец аристократии, красочно изображающий её быт, её воззрения, в том числе и её экономические взгляды. Гесиод же, по его собственным словам, — земледелец, он принадлежит к трудовому народу и высказывает уже другие взгляды. Он полемизирует с Гомером, будучи недоволен картиной, которую тот рисует. Обращаясь к музам, он говорит: «*Мы умеем нагромождать лишь похожее на истину (это по адресу Гомера. — Д. Р). Но мы умеем также, когда захотим, рассказать и правду*».

Послушаем же правду Гесиода.

Уже в ту отдалённую от нас эпоху существовала резкая противоположность между народом и аристократией. Гесиод приводит знаменитую басню о соловье и ястребе. Под ястребом поэт понимает аристократию, а соловей — это народ. Ястреб схватил соловья, понес его ввысь и издевается над ним: «*Что ты стонешь, ведь я сильнее тебя, всё равно ты будешь там, куда я тебя утащу, и нисколько тебе не поможет, что ты —*

певец искусный. А сделаю я с тобой, что вздумаю: или съем, или выпущу». И дальше: «*Безумец тот, кто захочет спорить с сильным, он будет разбит и вдобавок увидит один позор и муки*».

Гесиод высоко ценит труд, у него уже проводится мысль, что хозяйство создаётся и держится только трудом. Он резко осуждает ленивцев и всех тех, кто хочет жить за счет чужого труда. Но любопытно, что и Гесиод смотрит на труд, как на тяжёлую обязанность, даже как на наказание. Люди вынуждены работать, иначе у них нет возможности жить. Вообще греки, как и многие другие народы древности, полагали, что некогда существовал золотой век, когда люди жили не работая. Гесиод изображает его так: «В то время смертные без скорби, без печали, без нужд и без работы дни сладко проводили».

Такое отношение к труду характерно для общества, в котором уже возникло рабство, но пока в патриархальной форме. Тут ещё нет презрения к труду, но нет и желания трудиться.

2. Дальнейшее развитие экономической мысли в Древней Греции

Солон и его реформы. Развитие товарообращения и торговли приводит к выделению слоя богатых купцов, торговцев-профессионалов. Создаётся богатство в денежной форме в противовес потребляющему богатству старой знати. Появляется новая власть — власть денег.

По своему происхождению новые богачи не принадлежали к аристократии, они выдвигались из народа, часто из среды тех мелких производителей, которых представлял Гесиод. Они вступали в борьбу с родовой знатью и искали опоры в народе. Но, с другой стороны, эти богачи сами стремились стать аристократами, что им нередко удавалось. Именно по их адресу поэт VII в. Алкей восклицает: «Деньги делают человека». А другой поэт той эпохи, Феогнид, резко выступает против новых богачей и выражает опасение, что благодаря деньгам уничтожена будет чистота сословия. Аристократ женится на дочери богача, богач роднится с аристократом, и «благородное смешивается с подлым».

Позиция этих новых слоёв, выдвинувшихся развитием торговли, была колеблющаяся — между демосом и аристократией. Их идеологи чаще всего были сторонниками «золотой середины». Именно из этих кругов вышел и знаменитый реформатор конца VI в. до н. э. Солон.

Он стремился содействовать экономическому развитию Афин на началах товарообращения и денежного хозяйства. Это диктовалось прежде всего интересами тех слоёв афинского населения, к которым он сам принадлежал.

В борьбе между народом и аристократией Солон искал компромисса, который пытался осуществлять при помощи определённой экономической политики, сводящейся к тому, что государство должно регулировать хозяйственную жизнь и коррелировать сделки частных лиц.

Известна реформа Солона, касающаяся ликвидации долгов и освобождения земли от задолженности. Еще со времен Аристотеля историки расходятся в определении этой реформы. Одни утверждают, что он предлагал целиком ликвидировать долги, а другие — что он требовал освобождения должников только от уплаты процентов и лишь частичного снижения самой задолженности. Нам важно отметить, что Солон считал возможным, чтобы государство ликвидировало договоры, заключённые между отдельными лицами, и принимало соответствующие меры к недопущению кабальных сделок в будущем.

Далее, Солон провёл ещё более важное мероприятие. До того времени кредитор имел право в случае неуплаты долга продать должника в рабство. Солон считал, что нельзя смешивать вещь с владельцем вещи: вещи могут служить обеспечением ссуды, но сам человек таким обеспечением служить не может. Солон предлагал также установить максимальный размер земли, которая может быть сосредоточена в одних руках. Интересна политика Солона в области промышленности. Он — за всемерное покровительство ремёслам. Ему приписывают следующий закон: дети не обязаны содержать престарелых родителей, если родители не обучили их какому-нибудь ремеслу.

Таким образом, реформы Солона были направлены к упрочнению средних слоев. Его идеал — такой общественный строй, который не знает ни крайней бедности, ни чрезмерного богатства.

Афинская демократия. В лице Солона экономическая мысль древних греков делает известный поворот: раньше она развивалась в условиях почти исключительно натурального хозяйства; развитие же товарных отношений и обусловливает этот поворот. Солон, как мы видели, проявляет большой интерес к денежному обращению, торговле и обрабатывающей промышленности.

До Солона экономические воззрения древних греков не могли претвориться в экономическую политику государства по той простой причине, что самого государства ещё не существовало, точнее, оно находилось ещё в процессе становления. Солон, положивший начало афинской демократии, проводит и определённую экономическую политику. В дальнейшем афинская демократия пошла гораздо дальше — несравненно более радикально — по пути, проложенному её родоначальником.

Древняя Греция в государственном отношении не представляла собой единого целого: на сравнительно небольшой территории существовало

несколько десятков государств. Это были государства-города: город с близлежащей окрестностью представлял собой государство. Между государствами-городами кипела почти непрерывная борьба. Постепенно образовались две враждебные друг другу коалиции, или два союза государств-городов. Во главе одного союза стояли Афины, образовавшие ещё во время персидских войн Афинский морской союз. Но и этот союз не представлял собой единого государства. То был большой союз городов, возглавляемый Афинами. В этом союзе постепенно взял власть в свои руки демос. Здесь значительное развитие получили торговля, кредит; производились и банковские операции.

Другой союз возглавлялся Спартой. То был союз реакции, где господствующая роль принадлежала аристократии и где товарообращение и торговля были слабо развиты.

Между этими союзами происходила ожесточённая борьба, достигшая своего кульминационного пункта в пелопонесских войнах. Экономическая мысль развивалась и под влиянием процессов, которые происходили в Афинах и союзе, ими возглавляемом, и под влиянием процессов, которые происходили в противоположном союзе, возглавляемом Спартой.

Наибольший интерес представляют Афины, где вся власть — законодательная, исполнительная и судебная — сосредотачивается в народном собрании. Но эта демократия базировалась на рабском труде; принцип равенства проводился лишь в отношении свободных граждан. Раб вообще не считался гражданином, не считался членом общества; он рассматривался как вещь, как говорящее орудие производства. Это — роковой порок афинской демократии. Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» говорит, что греческая демократия погибла не потому, что демократические принципы оказались негодными, а потому, что это была своеобразная демократия, демократия рабовладельцев.

По мере развития торговли и кредита в Афинах вырастала сила капитала в двух формах: торгового и ссудного капитала. Вследствие развития торговли и ростовщичества мелкие производители всё больше и больше разорялись, но при наличии рабства стать наемными рабочими не могли. Получалось своеобразное противоречие, характерное именно для рабовладельческой демократии: демос политически господствует, но этот же демос лишается всякой экономической базы. Главным врагом демоса становится плутократия — обладатели богатства в денежной форме; но, всячески поощряя и развивая товарно-денежное обращение и торговлю, сама демократия укрепляет ту почву, на которой и из которой вырастает плутократия. Правда, народное собрание подчас прибегало к конфискациям имущества богачей, но уничтожить всесильную власть денег оно не могло.

Перикл. Интересы демократии наиболее полно осуществлялись Периклом.

Перикл возглавлял власть в Афинах с 445 до 430 гг., до начала пелопоннесских войн. Он не оставил никаких литературных работ, но по тем реформам, которые он проводил, и по той экономической политике, которую он осуществлял, мы можем составить себе представление о его экономических воззрениях.

Какие мероприятия проводились Периклом?

Во-первых, организация в большом масштабе общественных работ. Как известно, век Перикла характеризуется в числе прочего постройкой множества храмов и великолепнейших зданий. Афины превращаются в самый красивый и благоустроенный город, становятся центром если не политической, то культурной жизни всей Греции. Обычно это рассматривают с точки зрения роста культуры и особенно как показатель развития эстетических чувств у древних греков, но упускают из виду социально-экономическое значение названного мероприятия. На общественные работы привлекались всевозможные профессии. Каждый работник получал заработок соответственно своей квалификации.

Во-вторых, устройство колоний, куда переселяли афинских граждан и где их наделяли землей и необходимым инвентарем. Была также введена оплата за участие в народном собрании, судей т. д.

Вся эта экономическая политика направлена была к тому, чтобы обеспечить народу средства существования и разрешить те противоречия, с которыми столкнулась афинская демократия.

Перикл ещё более энергично, чем его предшественники, развивал торговлю и денежное хозяйство, которые неизбежно порождали отмеченные выше противоречия. Разрешить эти противоречия он не мог. Его мероприятия были паллиативами и могли проводиться лишь до тех пор, пока не иссякали средства государства. Военный разгром Афин, которым закончились пелопоннесские войны, расшатал экономическую основу афинской морской державы и привёл к кризису демократии.

3. Новый поворот в развитии экономической мысли Древней Греции

Около двух столетий — VI и V до н. э. — экономическая мысль древней Греции развивается в прогрессивном и демократическом направлении. Она отвергает замкнутость натурального хозяйства, борется за развитие товарообмена как внутри отдельных областей, так и между ними, но в то же время не приемлет полной экономической свободы, т. е. устранения

государства от направления и регулирования экономической жизни. Она также требует заботы со стороны государства о нуждающихся гражданах. Распад Афинского морского союза, победа экономически отсталой Спарты и кризис демократии вызывают новый поворот в развитии экономической мысли, поворот в сторону экономической и политической реакции, защиты натурального хозяйства и господства аристократии.

Главными выразителями этой реакции были Ксенофонт и особенно Платон.

Ксенофонт (444–355 гг. до н. э). Воззрения Ксенофонта как защитника натурального хозяйства, противопоставлявшего сельское хозяйство всем другим отраслям, направлены против афинской демократии, которая, как мы видели, держала курс на развитие торговли и внедрение денежного хозяйства.

В борьбе двух коалиций, о которых мы говорили выше, все симпатии Ксенофонта на стороне Спарты. Он всецело поддерживает её политический строй и идеализирует её экономические отношения. Вместе с тем воззрения Ксенофонта страдают неопределённостью и часто даже противоречивы. В основном он выступает как представитель натурального хозяйства и относится враждебно к торговле и деньгам. Но наряду с этим он и поборник спекуляции, и защитник обогащения. Маркс даже указывает на характерный для Ксенофонта «буржуазный инстинкт». Ксенофонт как будто в одно и то же время и противник и сторонник денежного хозяйства. Вообще он сторонник денежного хозяйства в той мере, в какой оно выгодно для аристократии и землевладения.

В своих работах Ксенофонт старается показать, что благополучие народа зависит только от земледелия, что земледелие является наиболее приятной и здоровой отраслью хозяйства. Однако свободный гражданин и в земледелии должен заниматься не простым физическим трудом, — он должен оставить за собой надзор и контроль за работой.

От идеи разделения труда на труд исполнителей и труд руководителей Ксенофонт переходит к вопросу о разделении труда вообще. Рассказывая о существовавшем в Персии обычае давать тем, кто в милости у царя, обед с царского стола, Ксенофонт заявляет, что это — не только почет; самое блюдо с царского стола гораздо вкуснее, потому что на кухне у царя существует широкое разделение труда: там не один повар, а несколько десятков поваров, каждый специализируется на одной или двух операциях, и в результате получается продукция лучшего качества.

Цитируя это место из Ксенофонта, Маркс отмечает, что Ксенофонт подходит к разделению труда не с точки зрения меновой стоимости, а с точки

зрения потребительной стоимости, подчёркивая, что разделение труда увеличивает полезность вещей. Но Ксенофонт не оставляет в стороне и роль обмена. Отмечая, что разделение труда особенно развито в больших городах и слабо развито в деревне, Ксенофонт объясняет это тем, что в малонаселенных местах на продукты специализированного труда нет спроса. В таких местах приходится заниматься несколькими ремеслами, а в городе нужна специализация.

Здесь уже дана в зародыше идея, которую впоследствии развил Смит, о зависимости разделения труда от размеров рынка: чем шире рынок, тем более широкие размеры принимает разделение труда. Всё же общий подход, как указывает Маркс, у Ксенофонта потребительский, натуралистический.

В соответствии со своей общей позицией Ксенофонт высказывается за то, чтобы всякое хозяйство производило всё нужное ему без помощи других хозяйств. Он в ряде мест даже поучает, как обходиться без этой помощи. Однако полностью игнорировать товарообмен он не может, он против крупной торговли, но защищает мелкую. Высказываясь резко против крупной торговли, Ксенофонт устами своего учителя Сократа делает интересное замечание. Один из учеников Сократа рассказывает, что его отец очень любил земледелие. Он, бывало, покупал запущенные участки земли, приводил их в порядок, продавал и наживал на этом большие капиталы. Сократ иронически замечает: «Твой отец любил земледелие так, как хлеботорговец любит хлеб, — он на этом деле зарабатывал». Ксенофонт понимает, что для торговца важна не потребительная стоимость, а меновая.

Особенно явственно выступает противоречивость взглядов Ксенофонта в его трактовке роли денег. С одной стороны, он враждебно относится к денежному хозяйству, а с другой — высоко ценит деньги. Ксенофонт в заманчивых красках рисует занятие по добыче серебра, рассуждая при этом так: в отношении всех других предметов излишки приводят к их обесцениванию благодаря превышению предложения над спросом; серебро же избытка не боится, — сколько его ни добывай, спрос на него всегда обеспечен, если его не удаётся продать тотчас же, его можно хранить. «...Денег, — говорит Ксенофонт, — никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их ещё больше; а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался».

По поводу этих рассуждений Ксенофонта Маркс замечает: «*...Ксенофонт развивает понятие денег в их специфической определённости формы в*

качестве денег и сокровища»[5]. В трактовке денег Ксенофонт поистине проявляет «буржуазный инстинкт».

Платон (427–347 гг. до н. э). Наиболее враждебно к демократии относится философ-идеалист Платон. Но не менее враждебно он относится и к богатству, которое в его время, особенно в Афинах, приняло денежную форму. В своей книге «О государстве» Платон пишет: «Разве богатство и добродетель не стоят между собой в таком соотношении, как будто они лежат на чашах весов, так что, когда поднимается одно из них, опускается другое». Таким образом, Платон считает, что богатство и добродетель несовместимы, что между богатством и бедностью — непроходимая пропасть.

Платон первый сформулировал тезис, что государство, состоящее из богатых и бедных, образует не одно государство, а два: государство богачей и государство бедняков.

К богачам Платон относится враждебно, а к беднякам — презрительно. Бедняков он сравнивает с трутнями, говоря, что «бывают трутни двух разных пород: одни имеют жало, другие жала не имеют; лишённые жала становятся нищими на всю жизнь». Платон не может простить беднякам того, что они пользуются помощью государства. Он далёк от понимания того, что именно богатство является плодом присвоения чужого труда.

Тезис Платона о существовании двух государств — государства бедняков и государства богачей — своим острием направлен против Афин, где, как мы видели, кипела борьба между плебсом и плутократией. Но Платон не приемлет и государства типа Спарты, где всё большее развитие получало денежное хозяйство. Он предвидел, что это приведёт к тем же результатам, что в Афинах. Выход из кризиса, охватившего Грецию после пелопоннесских войн, он ищет в идеальном государстве, в котором господствовать будет аристократия, но аристократия согласно его идеалистической концепции духа.

В платоновском идеальном государстве мы находим три основных сословия (рабы рассматриваются Платоном не как сословие, а как говорящее орудие производства). Самое низшее из свободных сословий — это сословие земледельцев, ремесленников, мелких торговцев, словом, всех, кто занимается хозяйственной деятельностью. Внутри этого сословия идёт разделение по профессиям, и все они вместе составляют одно сословие. Все члены этого сословия не способны к руководству государством, не способны к настоящему мышлению, их обязанность — доставлять средства существования высшим сословиям. Вторым сословием являются воины. «В идеальном государстве, — говорит Платон, — люди не смогут ограничиться территорией, которая

[5] К. Маркс, К критике политической экономии, 1939, с. 93.

находится в их распоряжении, они будут нуждаться в добавочных территориях, они будут развивать промышленность, они будут нуждаться в сельскохозяйственных продуктах, следовательно, им придется вести войны, которые неизбежны». Воевать будет сословие воинов. На него возложена также охрана государства. Платон поэтому часто называет воинов охранителями. Чем же должно заниматься это сословие? Отнюдь не простым хозяйственным трудом — это не его дело. В мирное время оно должно заниматься спортом, всячески развивать себя физически, в военное время — защищать страну и завоевывать новые территории. Ремесленники не могут быть допущены в сословие воинов.

Самое высшее сословие — это философы. Их функция — управление государством, издание законов, воспитание нового поколения в духе истинной философии, т. е. идеализма Платона.

Высшие сословия не должны иметь собственности, они должны жить на коммунистических началах. Платона называют первым теоретиком коммунизма. Но нужно помнить, что «коммунизм» Платона — особого рода.

Во-первых, это «коммунизм» потребительский. Платон не думает об организации производства на коммунистических началах; его идеал — организация потребления на коммунистических началах. Он не допускает существования для высших сословий и частных домов, куда бы не мог войти посторонний; всё должно быть общим, общей должна быть и пища. Платон проповедовал даже общность жен и детей: дети не должны знать, кто их отец и кто мать; с определённого возраста детей забирает и воспитывает государство. Все наслаждения должны быть общими, и один человек не должен отличаться от другого.

Другая особенность Платонова «коммунизма» — его распространение только на высшие классы; только их быт должен строиться на коммунистических началах. Что касается простого народа, демоса, то в его быту сохраняется и частная собственность.

Столь своеобразный «коммунизм» Платон мотивирует следующим: высшие сословия, задачей которых является управление государством и забота о нем, должны быть свободны от всех житейских забот, от собственнических интересов, собственнических инстинктов. Поэтому у них не должно быть никакой частной собственности, которая «порождает только раздоры, порождает алчность, порождает всякого рода эгоизм».

Теоретической основой идеального государства Платона является его учение о разделении труда, тоже насквозь пронизанное кастовым духом. Платон уверяет, что каждый человек способен только к одному виду труда. Отсюда — противоречие между потребностями человека, которые

разнообразны и даже безграничны, и его способностями. Разрешение этого противоречия Платон видит в образовании города (город для древних — синоним государства и общества), т. е. соединения людей, между которыми устанавливается разделение труда. «*Город, — говорит Платон, — возникает потому, что мы не в состоянии удовлетворить все свои потребности собственными силами, а нуждаемся в помощи других людей*»[6].

Поэтому государство по Платону обязано всячески препятствовать тому, чтобы один и тот же человек занимался различными профессиями, иными словами, следует прикрепить людей к определённым профессиям. Если ты сапожник, занимайся только сапожным делом, портной — только портняжным, и не в своё дело не суйся. Он даже требовал наказания для тех, кто станет заниматься разными профессиями. Он говорил: если кто-либо занимается двумя или тремя ремёслами, то это значит, что одно лицо представляет одновременно два или три лица, что совершенно недопустимо.

Платон допускает торговлю. На торговлю он смотрит, как на ремесло, требующее особых навыков и способностей, даже врожденных. Но относится он к ней наиболее презрительно, и ею, по его требованиям, должны заниматься только иностранцы, но отнюдь не афинские граждане. Если какой-либо афинский гражданин занимается торговлей, то прежде всего надо на него влиять убеждением, а если это не подействует, то принять более жесткие меры. Платон чувствует, что невозможно окончательно ликвидировать торговлю, но считает, пусть ею занимаются варвары, живущие в Афинах.

В заключение отметим, что Платону чужд «буржуазный» инстинкт Ксенофонта, и это сказывается в его отношении к деньгам. Он рассматривает деньги лишь как орудие обмена и меру стоимости. Это обусловлено его враждебным отношением к богатству в денежной форме; он против того, чтобы деньги служили орудием накопления. Этим и продиктовано его требование запрещения накопления денег.

4. Аристотель (884–322 гг. до н.э.)

Величайший мыслитель древности Аристотель — ученик Платона — значительно отличается от Платона и по-своему общему мировоззрению, и по своим экономическим взглядам.

Экономические воззрения. Аристотель осуждает афинское государство не только за крайний демократизм, но и за взятый им курс на развитие торговли и денежного хозяйства. Однако он не приемлет и Платонова

[6] Платон, Политика, кн. 2, гл. 2.

идеала государства. Его идеал — это система хозяйства, близкая к натуральной, при которой производят преимущественно для соответствующего потребления, а предметом торговли являются только излишки. Только в государстве, базирующемся на такой системе хозяйства, не будет ни крайней бедности, ни чрезмерного богатства — массу населения составят средние слои. Именно средние слои, по мнению Аристотеля, являются прочной опорой государства и предохраняют его от всяких потрясений.

Гениальный исследователь и систематик античного мира Аристотель гораздо полнее, чем его предшественники, исследует и систематизирует экономические явления. Между прочим, Аристотель ввёл термин «*экономия*»[7] противопоставив ему другой термин — «хрематистика». Под первой Аристотель понимает богатство как совокупность полезных вещей, т. е. потребительных стоимостей; под второй — богатство как накопление денег.

Интересен тот признак, который Аристотель кладёт в основу деления богатства на два указанных вида. Богатство первого вида, богатство как совокупность потребительных стоимостей, имеет границы. Границей богатства этого рода служит потребление. Потребление ставит предел натуральному богатству. Богатство же, выраженное в денежной форме, не знает предела. Оно бесконечно.

«*Истинное богатство, — говорит Аристотель, — состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последнего не существует, по-видимому, границ богатства и собственности*»[8].

Соответственно этому, по Аристотелю, существуют две науки: экономия и хрематистика. Экономия изучает первый вид богатства; хрематистика занимается исследованием добывания богатств в денежной форме.

Деление богатства на два названных вида является краеугольным камнем экономических воззрении Аристотеля. С другой стороны, в этом делении обобщенно и подытожено то, что сказано было предшественниками Аристотеля — Ксенофонтом, Платоном — по вопросам менового и натурального хозяйства.

Свои воззрения на богатство Аристотель развивает в полемической форме; они направлены, по-видимому, против вождей афинской демократии, которые были представителями противоположных взглядов и которых он причисляет к сторонникам хрематистики.

---

[7] Ойкос — хозяйство; номос — закон.

[8] К. Маркс, Капитал, т. 1,1935, с. 98.

К хрематистике Аристотель относит не всю торговлю, а лишь крупную; мелкая торговля, которую Аристотель делит в свою очередь на меновую и товарную, причисляется им к экономии. Под меновой торговлей Аристотель понимает непосредственный обмен продукта на продукт, а под товарной торговлей — обмен при посредстве денег.

Отрицательное отношение к крупной торговле и положительное — к мелкой не было, как мы знаем, новым в античном мире; но интересным и ценным является, во-первых, сама классификация всех видов торговли, во-вторых, анализ перехода одной формы торговли в другую. Исходным пунктом, по Аристотелю, была меновая торговля, но постепенно появляются деньги, и меновая торговля превращается в товарную. По мере же накопления денег товарная торговля в свою очередь превращается в крупную торговлю, т. е. в хрематистику.

Таким образом, мы здесь имеем дело с мыслителем, который рассматривает экономические явления не статически, но в их развитии. Аристотель улавливает переход от формы Т—Т к форме Т—Д—Т, а от последней к Д—Т—Д'.

Цитируя и излагая соответствующее место из Аристотеля, Маркс пишет: «*Товарная торговля (...буквально мелочная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих (покупателей и продавцов)». Поэтому, говорит он дальше, первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться... в товарную торговлю, а эта последняя в противоречии с ее первоначальной тенденцией превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика отличается от экономики тем, что «для неё* ***обращение*** *есть источник богатства...». Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена...*»[9]

Полемизируя против защитников хрематистики, Аристотель пишет: «*Смешение обеих форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности, как последнюю цель экономики*»[10].

---

[9] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 98.

[10] Там же.

Итак, хрематистика сводится к созданию богатства, не знающего границ. Средством для достижения этой цели служат деньги, которые используются для приобретения новых денег. Наиболее полно и наиболее обнажённо это выступает в ростовщичестве; и неудивительно, что Аристотель осуждает ростовщичество еще более резко, чем торговлю, видя в нем крайнее проявление хрематистики и считая его даже явлением, «противным природе».

Аристотель, как и Платон, рассматривает деньги лишь как орудие обращения и мерило стоимости и делает отсюда вывод, что тот, кто отдаёт деньги в рост, использует их противоестественно — не для тех целей, для которых они созданы. Свой взгляд на неестественное использование денег купцами и особенно ростовщиками Аристотель выразил наиболее резко своим знаменитым тезисом, что в сфере торговли (крупной) и ссудных операциях деньги порождают деньги.

«*Ростовщичество справедливо ненавидят все, — заявляет Аристотель, — ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и не употребляются для того, для чего они были изобретены. Процент делает из денег больше денег. Отсюда и его название «процент» и «порождённое», ибо порождённое подобно порождающему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта наиболее противная природе*».

В методологии Аристотеля решающую роль играет противопоставление неестественного естественному. Экономия естественна, хрематистика неестественна; использование денег как меры стоимости и орудия обращения естественно, использование же их как стоимости, порождающей новую стоимость, неестественно. Это противопоставление получило, как мы увидим в дальнейшем, законченное развитие в XVIII в. в идее естественного порядка и естественного права. Но классовое содержание и целеустремлённость понятия естественности у мыслителей XVIII в. и у Аристотеля не только совершенно различны, но даже противоположны. Мыслители XVIII в. считали единственно естественными отношения буржуазного общества, следовательно, отношения товарно-денежные. Мыслитель же античного мира, наоборот, считает естественными лишь те отношения, которые соответствуют натуральному — ойкосному — хозяйству, и осуждает товарно-денежные отношения как неестественные.

С меркой естественного и неестественного Аристотель подходит и к анализу товара. Он пишет: «*Ибо двояко употребление каждого блага. Первое присуще вещи, как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо,*

в чём он нуждается, напр., на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть её естественный способ употребления. Ибо она существует не для обмена»[11]. Естественным способом употребления вещей Аристотель считает лишь непосредственное их потребление, «присущее вещи», что вполне соответствует строю натурального хозяйства.

Однако Аристотель глубоко вникает в природу обмена. Анализируя обмен, Аристотель увидел в последнем выражение равенства и встал перед неразрешимой для него загадкой: как же самые различные вещи могут быть однородными и равными? Аристотель не вскрыл основы равенства, проявляющегося в обмене, но гениальность Аристотеля выразилась в том, что он это равенство увидел и поставил, таким образом, перед политической экономией одну из важнейших задач. Сам Аристотель в решении этой задачи сбился на ложный путь: он пришел к выводу, что однородными и равными товары делают деньги, т. е. что товары становятся равными друг другу вследствие того, что все они выражаются в деньгах. Таким образом, никакого решения задачи Аристотель не дает, — он лишь констатирует факт: товары однородны, так как они однородны в своем денежном выражении.

Маркс высоко ставит аристотелевский анализ обмена и объясняет, почему в античном мире этот анализ не мог быть доведен до конца, т. е. не могла быть вскрыта истинная основа равенства обмениваемых товаров: «*...Это возможно, — пишет Маркс, — лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чём же именно состоит «в действительности» это отношение равенства*»[12].

Аристотель о рабстве. В античном мире, еще до Аристотеля, установилась следующая классификация орудий производства: немые орудия производства, полунемые орудия производства и орудия производства, обладающие членораздельной речью. Немые орудия производства — это вещи, полунемые — животные, а третий вид орудий производства — рабы. Так древние греки сводили раба к орудию производства. Аристотель старается подвести под это превращение человека в вещь теоретический фундамент, продолжая в известном смысле учение Платона о разделении труда. Мы уже

[11] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 42.

[12] Там же, с. 21–22.

знаем, что Платон считал специальность человека чем-то врождённым: человек-де рождается сапожником, портным и т. д. Аристотель чужд такой крайности, тем не менее разрыв между умственным и физическим трудом, уже ярко выявившийся в ту эпоху, он рассматривает не как явление историческое, т. е. явление, которое возникло в результате исторического развития, а опять-таки под углом зрения естественного и неестественного. Противоположность между умственным и физическим трудом он считает естественной: люди рождаются разные, одни рождаются только для выполнения воли, приказания, требования других; другие рождаются повелителями, с присущей им от рождения волей к власти, к господству. Последние, по Аристотелю, являются настоящими гражданами всякого государства, а первые — рабы от природы, они и созданы для рабства.

Аристотель, как и другие греки, считал другие народы варварами и людьми низшей породы: греки — это свободные люди, граждане, а не греки — варвары, рабы. Аристотель различает рабов по природе и рабов по положению; к последним он относит греков, которые попали в рабство по несчастному случаю.

Рассматривая рабство как явление естественное, Аристотель, тем не менее, чувствовал связь между рабством и состоянием орудий труда, а это свидетельствует о том, что гениальный мыслитель древности не был абсолютным защитником рабства, как его часто изображают. «Если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою, или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов».

Так, по выражению Маркса, «мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности». И Маркс проводит параллель между этим величайшим мыслителем и такими карликами, как вульгарные экономисты Бастиа и Мак-Куллох, с особым рвением защищавшими буржуазное общество, в котором машина, т. е. то, что воображению Аристотеля представлялось в виде «создания Дедала» или «треножника Гефеста», является орудием безудержной эксплуатации наёмного труда, средством выжимания прибавочной стоимости.

Глава II
Экономическая мысль Древнего Рима

1. Социально-экономическая и политическая характеристика Древнего Рима

Рабство. В древнем Риме рабство достигает огромных размеров, особенно по сравнению с рабством в древней Греции. В Греции были сравнительно небольшие города-государства, и только к концу существования древней Греции сложилась столь крупная монархия, как македонская. Совершенно иное дело — Рим. Из сравнительно мелкого города-государства, каким был Рим примерно в V и IV вв. до н. э., он превращается в гигантскую державу, которая поглощает почти все существовавшие в то время более или менее известные государства. Объединив под своей властью Апеннинский полуостров и захватив Грецию и Македонию, Рим завоёвывает Персию и добирается чуть ли не до ворот Индии, на западе он покоряет Галлию, значительную часть Германии, Британию, Испанию, в Африке — столь древнее культурное государство, как Египет, на северном берегу Африки — Карфаген, одно из крупнейших торговых государств того времени. Таким образом, почти весь тогдашний мир был объединён под владычеством Рима.

Как показывает Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в Риме вначале происходит приблизительно такой же процесс, как и в Греции, в частности в Афинах, — процесс превращения родового строя в государственный. А рабство из патриархального превращается в специфическое античное рабство, принимавшее в Риме колоссальные размеры. Достаточно сказать, что уже во вторую половину II в. до н. э. отдельные войны поставляли зачастую по 150-200 тыс. и больше рабов. На рынках рабы продавались десятками тысяч.

Говоря о развитии рабства в Риме, надо отметить ещё одну важную особенность. В древней Греции рабы вербовались из отсталых племен, окружавших Грецию.

В Риме картина была иная. Рим завоевал не только варварские страны, но и ряд таких стран, где культура была гораздо выше римской. Достаточно указать на Грецию и на целый ряд высоко культурных восточных стран, завоёванных Римом. Зачастую рабы в культурном отношении стояли гораздо выше рабовладельцев. Среди римских рабов мы находим представителей самых разнообразных интеллигентных профессий: и врачей, и поэтов, и художников. Вот почему в Риме не было почвы для теории, подобно аристотелевской. Оправдать рабство морально, да ещё со ссылками на природу, в Риме нельзя было. Его могли оправдывать и действительно оправдывали юридически: в превращении военнопленных в рабов видели осуществление права победителя.

На войну смотрели как на вполне законный источник приобретения богатства, а важнейшую часть приобретённого таким путём богатства составляли рабы.

Правда, и греки так смотрели на войну. Но у римлян, имевших такие колоссальные успехи в военном деле, это воззрение получило наиболее полное развитие и правовое оформление в качестве права завоевателя. Из всех наук в Риме больше всего процветала юриспруденция. Она служила фиговым листком для прикрытия всякого рода насилия; им прикрывалось и рабство.

В древнем Риме рабство помнило и наиболее жестокие формы. Вспомним гладиаторские бои, в которых погибло немало рабов и которые были любимыми зрелищами римлян. В Риме раб был сведён не только к простому орудию производства, но и к орудию наслаждения. Римские богачи значительную часть своих многочисленных рабов, использовали не для производства, а для целей, ничего общего не имевших с хозяйственной деятельностью.

На жестокости и эксплуатации со стороны рабовладельцев рабы отвечали восстаниями, принимавшими громадные размеры и не раз ставившими римское государство на край гибели. Но рабы не могли быть и не были носителями нового общественного строя, для этого не было, как увидим дальше, ни объективных, ни субъективных факторов. Их идеалом было стать такими же свободными, как свободные жители римского государства. Но, борясь за своё освобождение, они тем самым боролись за уничтожение античного способа производства — и он был уничтожен.

К концу существования Римской империи крупные латифундии, сконцентрированные в руках римских рабовладельцев, были разделены на мелкие участки. Образовался так называемый колонат. Земельные участки были розданы либо самим рабам, либо вольноотпущенникам. Последние являлись своеобразной промежуточной группой — не то арендаторов, не то крепостных: за ними закреплялся участок земли, они должны были его обрабатывать, а часть дохода отдавать владельцу земли.

Социальные сдвиги. «*При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину*»[13].

Отношения рабов и рабовладельцев являлись основными отношениями античного способа производства, но на базе этих отношений развёртывается сложная и своеобразная история древнего Рима. Крепкое, зажиточное крестьянство, с которым Рим выступает на историческую арену, с развитием рабства исчезает. Рабский и свободный труд становятся несовместимыми.

[13] История ВКП(б), Краткий курс, с. 119.

Растёт число рабов, но они концентрируются в руках старой знати и плутократии (разбогатевших плебеев); в их же руках централизуется и земельная собственность (некоторые владения вырастают в целые провинции), а мелкие производители города и деревни разоряются.

Разорившиеся крестьяне вынуждены переселяться в города, особенно в Рим, где они не находят работы. Не находят работы и разорившиеся горожане. Везде и всюду труд свободных вытесняется трудом рабов. Так образовался класс люмпен-пролетариев, вынужденных жить подачками либо государства, либо богатых и влиятельных лиц.

Разорённых мелких производителей в древнем Риме называли пролетариями. Римский пролетариат представлял собой полную противоположность современному пролетариату, за счёт которого общество живёт при капитализме.

Античный способ производства имел и соответствующий ему закон накопления — накопления богатства на одном полюсе и нищеты на другом, — но принципиально отличный от «всеобщего закона капиталистического накопления». Накопление богатства в буржуазном обществе — это накопление капитала, эксплуатирующего наёмный труд: накопление богатства в античном мире, сводящееся к накоплению рабов и земельной собственности, делало невозможным наёмный труд. Тот, кто лишался средств производства, тем самым лишался возможности работать, т. е. выбрасывался из круга хозяйственной деятельности. Буржуазное общество обрекает пролетариат на нищету тем, что его эксплуатирует, заставляя его создавать богатства для других. Древний Рим обрекал массы своих граждан на нищету по-иному: превращая их в люмпен-пролетариев, он заставлял их вести паразитический образ жизни. В буржуазном обществе пролетариат как основная производительная сила общества из класса в себе становится классом для себя и под знаменем коммунизма ведёт борьбу за свержение власти капитала и построение коммунистического общества. Древнеримские пролетарии, не являвшиеся производительной силой общества, не стали и не могли стать классом для себя: они, как сказано, обречены были на паразитический образ жизни.

Вот примерно как проводили своё время римские пролетарии. Встав рано утром, они начинали обходить учреждения, которые выдавали хлеб и другие продукты питания (ко времени Цезаря в одном городе Риме около 300 тыс. человек получали хлеб от государства; одни — бесплатно, а другие — по низким ценам; позже стали выдавать масло и другие продукты). После обхода учреждений они наносили визиты своим патронам, т. е. богачам, которые им покровительствовали и время от времени давали подачки (в многочисленной

свите римского богача наряду с рабами были и плебеи, которые считались клиентами и должны были оказывать своим патронам разные услуги). Вечера посвящены были зрелищам.

Превращение мелких производителей в люмпен-пролетариев было длительным процессом, который тянулся многие века. Непрерывные войны римлян на долгие годы отрывали крестьян и ремесленников от их привычной хозяйственной деятельности и приводили их хозяйства к упадку. Но те же войны приносили несметные богатства господствовавшей верхушке. Расстояние между ней и широкими народными массами всё увеличивалось. Но важнее ещё то, что разорившиеся плебеи попадали в долговую кабалу к своим кредиторам. Для поддержания своего хозяйства они вынуждены были прибегать к займам и платить высокие проценты, что окончательно их разоряло. Таким образом, войны оказывались вдвойне прибыльными для богачей: они доставляли им громадные богатства, а расстраивая хозяйство плебеев, создавали почву для выгодного помещения приобретённого патрициями богатства. Процентная ставка в Риме была чрезвычайно высокой — 48% и выше. Ростовщичеством занимались знаменитые полководцы, сенаторы и даже такие люди, как Брут, прославившийся своей республиканской добродетелью. «*...В античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом*»[14].

Борьба за власть. В вековой борьбе плебеев с патрициями первые одерживали немало побед. Представляя собой главную военную силу, они заставляли патрициев делать уступку за уступкой и добились больших политических прав, из которых наиболее важными были участие в народных собраниях и выборы должностных лиц. Плебеям даже удалось добиться организации народного трибуната для особого представительства их интересов. Во главе исполнительной власти стояли консулы, но народные трибуны, призванные защищать интересы масс, и в деле решения целого ряда вопросов обладали большим весом, чем консулы. Формально римский народ пользовался большими политическими правами, но в Риме имело место такое же противоречие, как и в Афинах. Политически народ победил, а экономически он разорился и попал в полную зависимость от богачей.

Но в отличие от Афин в Риме власть была сосредоточена не в народных собраниях, не в учреждениях, где народ участвует непосредственно, а в сенате.

---

[14] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 83.

Формально права принадлежали народу, а фактически через сенат правила аристократия.

Талантливые и честолюбивые полководцы собирали подкупаемые ими массы люмпен-пролетариев и, опираясь на них, подчиняли себе римский сенат, что и привело к крушению республики. Действуя таким образом, знаменитый полководец Цезарь забрал власть в свои руки. Со времен Цезаря Рим из республики становится империей во главе с императором, а римский сенат, олицетворявший всю власть империи, превращается в игрушку в руках императора.

2. Важнейшие этапы в развитии экономической мысли Древнего Рима

Первый этап. Переход римлян от родового строя к государственному завершён был ещё в так называемый царский период, длившийся от 753 до 510 г. до н. э. (историю Рима принято делить на три периода: царский, республиканский и императорский). Старое деление населения по родам заменено было новым делением, в основу которого положен был имущественный ценз, размер богатства разных слоёв населения. Установился новый порядок, о котором Энгельс пишет: «*...в рамках этого строя развивается вся история римской республики со всей её борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всё землевладение разорённых военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные поместья при помощи рабов, обезлюдели Италию и тем самым проложили дорогу не только императорской власти, но и её преемникам — германским варварам*»[15].

В «рамках этого строя» развивались и экономические воззрения римлян, отразившие вековой исторический процесс, так классически изображённый Энгельсом. По свержении последнего царя, Тарквиния Гордого, власть была захвачена патрициями, могущество которых базировалось на землевладении и на старых родовых связях. Патриции ещё не успели раствориться «в новом классе крупных землевладельцев и денежных людей», но этот процесс уже начался благодаря развитию товарообращения и торговли. Отсюда на данной стадии экономического развития древнего Рима отношение родовой знати к торговле было двойственное: она была за торговлю, поскольку та обогащала

[15] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1938, с. 125.

самих патрициев, но одновременно она относилась враждебно к торговле, поскольку та выдвинула новый слой, плебейский по своему происхождению, создававший богатство в денежной форме и оспаривавший власть у родовой знати.

Такое двойственное отношение к торговле нашло выражение в теории ойкосного хозяйства, т. е. такого типа хозяйства, в котором производят для собственного потребления, и только излишки продаются на стороне. Наиболее ярким представителем теории ойкосного хозяйства был Катон Старший (234 — 149 гг. до н. э.) — крупный землевладелец и рабовладелец, живший на рубеже двух эпох.

Идеалом Катона является такое хозяйство, которое обслуживает прежде всего свои собственные потребности или, выражаясь более точным экономическим языком, создаёт преимущественно потребительные стоимости. Продавать следует только излишки, а покупать — лишь то, чего нельзя производить в собственном хозяйстве. Но у Катона звучит и меркантилистская нотка: по его мнению, хозяин, который рационально ведёт своё хозяйство, должен поменьше покупать и побольше продавать. По этим соображениям Катон отдаёт скотоводству предпочтение перед земледелием: первое даёт больше излишков для продажи, чем второе. В ту переходную для римлян эпоху уже ощущалась известная потребность в деньгах, и сила денег давала себя чувствовать. Спустя много веков идея «побольше продавать и поменьше покупать» стала девизом меркантилистов; но Катон, живший в совершенно других условиях, далёк от меркантилистского отождествления богатства с деньгами. Для него богатство — прежде всего накопление потребительных стоимостей.

Катон разработал также «метод» ведения хозяйства на основе рабского труда. Уже завершался переход от патриархального рабства к античному; раба стали использовать для производства не только потребительной стоимости, но и меновой. У рабовладельцев усилилось стремление к прибавочному труду. Обострилась борьба между рабовладельцами и рабами, неоднократно принимавшая форму восстаний и революций рабов, закончившихся гибелью античного мира. «Проблема» ведения хозяйства на основе рабского труда встала по-новому, и Катон пытается её разрешить. Он много уделяет внимания тому, как держать рабов в подчинении, как их наиболее целесообразно использовать.

Катон советует приобретать рабов малолетними, чтобы легче было их, подобно щенкам и жеребятам, воспитывать и дрессировать. Катон развивает тезис, который получил широкое распространение среди эксплуататоров всех мастей: «разделяй и властвуй». Катон советует никоим образом не давать

рабам жить вместе, общаться друг с другом, потому что в этом случае они будут замышлять заговоры против своих хозяев. По его мнению, нужно сеять рознь и раздоры между рабами; это будет на пользу хозяевам. Любопытны его соображения и насчёт содержания рабов: конечно, их надо держать в строгом подчинении, наказывать за малейшие проступки; а кормить и одевать их следует в зависимости от того, как они работают и как себя ведут, и таким образом создавать стимул к хорошей работе и хорошему поведению.

Эпоха Гракхов. Со всё возрастающей быстротой развёртывался процесс «растворения патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных людей», и в эпоху Гракхов он уже близился к своему завершению. Другая же сторона этого процесса заключалась, как мы видели, в том, что люди нового класса «поглотили всё землевладение разорённых военной службой крестьян». Это поставило во всей остроте аграрный вопрос и породило движение, связанное с именами братьев Гракхов. Оба брата — Тиберий (163—132 гг. до н. э.) и Гай (154 — 122 гг. до н. э.) — были народными трибунами, и они — вначале Тиберий, а затем и Гай — выступили с требованиями аграрных реформ. Они понимали, что обезземеливание крестьян и централизация земли в руках патрициев приведут к гибели государства. Предложенная ими реформа сводилась, с одной стороны, к восстановлению мелкого земледелия, а с другой — что обусловлено первым — к возвращению пролетариев к хозяйственной деятельности.

Своеобразие аграрного вопроса в античном мире заключалось в том, что это был вопрос не только о земле, о наделении землёй безземельных, но и о создании базы для свободного труда. Мы уже говорили, что в античном мире тот, кто лишался средств производства, в первую очередь земли, тем самым лишался и возможности работать вообще. А эта возможность могла быть создана лишь разрешением аграрного вопроса в том направлении, в котором предлагали братья Гракхи. Но откуда взять землю? В результате победоносных войн (а в ту эпоху все римские войны были победоносными) римлянам доставались не только рабы, но и громадные территории, потому что завоёванные племена частью превращались в рабов, частью сгонялись и переселялись в другие места. Их земли становились государственной собственностью (ager publieum — общественная земля). Формально эта общественная земля была доступна всем римским гражданам, любой мог получить из этих земель участок для обработки. Фактически же эта земля захватывалась аристократией и плутократией.

Братья Гракхи выдвинули требование, аналогичное требованию афинских демократов (см. Г. 1): государство должно заботиться о своих маломощных гражданах, должно регулировать и хозяйственные вопросы. Для

этого нужно, во-первых, установить максимальный размер земли, которая может быть сконцентрирована в руках отдельных лиц; во-вторых, общественные государственные земли, которые были захвачены незаконным путём, должны быть отобраны и розданы малоимущему населению. Младший брат, Гай, шёл ещё дальше. Он настаивал на том, чтобы государство наделяло граждан не только землёй, но и средствами производства для её обработки. Гракхи требовали также организации переселения малоземельных или безземельных крестьян в другие части Римской империи, где имелись свободные земли.

В мероприятиях братьев Гракхов нет, конечно, ничего социалистического, но для той эпохи Гракхи выражали интересы наиболее революционной демократии, требующей удовлетворения насущных экономических нужд народа.

Немного позже аграрным вопросом занималась и группа писателей-агрономов: Варрон, Колумелла и др. Некоторые из них обосновывали необходимость восстановления мелкого земледелия и общехозяйственными соображениями, и чисто агрономическими. Колумелла, живший в I в. н. э., с особой силой развивал теорию устойчивости мелкого земледелия. Не следует смешивать его теорию с современными буржуазными теориями устойчивости мелкого земледелия, направленными против марксизма-ленинизма. Для эпохи Колумеллы теория устойчивости мелкого земледелия была как раз прогрессивной: крупные латифундии обрабатывались рабским трудом, а рабский труд был наименее производительным. Труд свободных мелких производителей был значительно производительнее труда рабов.

Конец римской республики и начало императорского Рима. Аграрное движение перекрещивалось с выступлениями рабов, а часто оба движения сливались. В армии Спартака (70-е годы до н. э.), в основном состоявшей из рабов, было немало и разорившихся крестьян. И те и другие били в одну точку: крестьяне боролись за землю, а рабы — за свободу. Основы рабовладельческой системы были подорваны, но ещё не уничтожены. Но классу владельцев латифундий и ростовщиков нанесён был такой сокрушительный удар, что он уже непосредственно властвовать и руководить государством не мог. На смену республиканскому режиму пришёл императорский.

Но оптиматы — класс крупных землевладельцев и денежных людей, в котором уже растворилась, по выражению Энгельса, патрицианская знать, — не сдаются; они еще цепко держатся за власть. Наиболее ярким выразителем их был Цицерон.

Цицерон Марк Аврелий (107-44 гг. до н. э.) — знаменитый оратор древности, современник Цезаря. Цицерон одно время занимал

должность консула, принадлежал к правящей верхушке, находился в лагере противников Цезаря. Он злобно настроен против плебеев, рассматривает их как чернь, постоянно готовую к бунтам. Его знаменитые речи против Катилины дышат ненавистью и злобой к народным массам. Оптиматы — это соль земли; они призваны к управлению, к господству, их господство якобы в интересах всего народа.

Как представитель и защитник интересов оптиматов, Цицерон высоко ставит крупное землевладение. Но в отличие от Катона он — не сторонник ойкосного хозяйства — времена уже были другие.

Римская империя, объединявшая тогда столь разнообразные провинции и области, не могла обойтись без торговли и торгового капитала; последний играл в Риме крупную роль. Ростовщичество уже давно стало одним из источников обогащения римской знати. Источником обогащения стала и крупная торговля. Торговлей занимались даже сенаторы, хотя согласно существовавшим тогда законам им запрещено было ею заниматься. Они обходили закон и при помощи подставных лиц вели торговлю и получали крупные барыши.

Сопоставляя воззрения Цицерона на торговлю с соответствующими воззрениями греческих писателей, мы видим важное различие между ними: Ксенофонт, Платон, Аристотель допускали мелкую торговлю, крупную же торговлю они всячески порицали. Цицерон, наоборот, предпочитает крупную торговлю мелкой, к последней он относится презрительно, считая её ремеслом, т. е. занятием плебеев.

«Что может выйти порядочного из лавки, — восклицает Цицерон. — Мелочная торговля есть дело гнусное; если же она производится в обширных размерах и ради снабжения страны, то представляется по меньшей мере терпимым занятием.»

* * *

Характерными для рассматриваемой эпохи являются и социально-экономические воззрения философов Сенеки и Лукреция.

Сенека Луций — философ стоической школы. Он был воспитателем и советником Нерона. Обвинённый в участии в заговоре против Нерона, он должен был по приказу последнего лишить себя жизни.

Для истории экономических учений Сенека интересен тем, что им выдвинут тезис, противоположный аристотелевскому, гласящему, что природа создала людей неравными. Тезис же Сенеки гласит: люди по природе равны, они становятся неравными в силу общественных отношений. Сам Сенека не

делал никаких революционных выводов из своего учения о равенстве людей; он это равенство толковал преимущественно в этическом и религиозном смысле: все люди равноценны морально и перед богами. Но тезис о прирождённом равенстве людей сыграл важную роль в развитии экономических и социалистических идей.

Идея равенства людей привела Сенеку к отрицанию рабства. Мы уже говорили, что в древнем Риме не было почвы для теории рабства, подобной аристотелевской, — римляне оправдывали рабство юридически как право победителей превращать побеждённых в рабов. Но такой взгляд мог держаться, пока войны были победоносными. Правда, во времена Сенеки императорский Рим делал ещё обширные завоевания, но от прежней военной доблести римлян уже не осталось и следа. Проницательные люди могли предвидеть наступление того времени, когда римляне не в состоянии будут собственными силами защищать границы своей империи.

Вообще императорский Рим, несмотря на внешний блеск и большие победы, уже являл картину загнивания античного способа производства. Это и создало почву для распространения таких философских систем, как стоицизм. На этой же почве сложилась идея равенства и отрицания рабства.

Лукреций Карр (99-55 гг. до н. э.). В своей знаменитой книге «О природе вещей» излагает в стихотворной форме материалистическую философию Эпикура. Для истории экономических учений интересна его попытка представить развитие общества как непрерывный естественный процесс. Только в такой переломный период, как эпоха кризиса античного мира, Лукреций мог писать:

«Мир не коснеет в одном положении. Всё преходяще.
Всё изменяет природу и всё к превращению стремится.
Тлеет одно и от дряхлости чахнет, тогда как другое,
Наоборот, возрастает и выйти из мрака стремится.»

Характерен взгляд Лукреция на так называемый золотой век. И греки, и римляне представляли первобытное существование как золотой век, как счастливую юность человечества. Лукреций выдвигает другое положение: юность человечества не принадлежит к золотому веку, так как человек в ту пору был подавлен природой. Лишённый орудий труда, он вёл звероподобную жизнь. Только с созданием новых орудий производства он начинает приобретать господство над природой. Отсюда вывод: золотой век не позади нас, а впереди.

3. Экономическая мысль в первые века христианства

В недрах древнего Рима — в период его упадка — уже складывается система хозяйства, переходная от античного мира к средним векам.

Как мы уже указывали, крупные латифундии, обрабатываемые раньше рабами, были тогда разбиты на мелкие участки, возделываемые колонами. Это и послужило переходным этапом от рабовладельческого способа производства к феодальному.

В недрах того же древнего Рима складываются и новая идеология, и новые экономические воззрения, также переходные от античных к средневековым. Мы имеем в виду экономические воззрения в первые века христианства, относящиеся ещё к истории древнего Рима.

Вначале христианская церковь представляла собой организацию нищенствующих, и в её рядах царил своеобразный нигилизм в отношении труда и хозяйственной деятельности. Известна евангельская притча, уподобляющая христиан птицам небесным, которые не сеют, не жнут, и которых отец небесный кормит. Но это могло продолжаться лишь до тех пор, пока общины были малочисленными. В качестве небольшой церковной общины христиане могли жить за счёт милостыни. Но когда церковь стала насчитывать сотни и тысячи общин, в христианстве стали складываться другие настроения, иное отношение к хозяйственной деятельности, настоятельно диктуемой необходимостью. Произошли изменения и в организации: по мере роста христианской общины происходит и деление её на две части: клир и мирян. Духовенство монополизирует новую идеологию и присваивает себе исключительное право толковать «священное» писание ввиду своего якобы близкого общения с богом и Иисусом Христом. Наряду с руководством в божественных делах духовенство руководит и мирскими делами паствы, выдвигая ряд экономических идей. Неудивительно, что экономическая мысль того времени окутана религиозной оболочкой и оперирует ссылками на то же «священное» писание и послания апостолов.

Августин Блаженный (353-430 гг.). Ярким выразителем новых экономических воззрений был причисляемый к «отцам церкви» Августин Блаженный.

В античном мире, где хозяйство базировалось главным образом на рабском труде, труд презирали как нечто, присущее только рабу. Совершенно иначе относятся к труду христианские писатели рассматриваемой эпохи.

В своих комментариях к библейскому повествованию о сотворении мира Августин Блаженный говорит, что уже в первый момент сотворения мира бог дал человеку приказ трудиться. Он передал человеку рай, чтобы тот «его охранял и возделывал». Только труд тогда, по Августину, был не бременем, а

удовольствием. «Не было труда угнетающего, но была радостная деятельность воли; созданное богом благодаря деятельности человека радостно и плодотворно развивалось...».

Труд физический у Августина в таком же почёте, как и труд духовный. «Разводить только духовную деятельность, не занимаясь ручным трудом, — признак лености.». В своем полемическом произведении «О труде монахов», опровергая доводы монахов, ссылающихся на Евангелие в оправдание своей праздности, Августин говорит: «Еще св. Павел сказал: «кто не работает, да не ест». Что ссылаетесь вы на птиц небесных? У них нет полных житниц, а вы хотите иметь праздные руки и полные хлеба амбары... Долг кормиться ручным трудом — нерушимая апостольская заповедь.» Труд кузнеца, строителя, сапожника Августин именует «чистым и честным ремеслом».

Но выше всего Августин ставит труд по возделыванию земли. Он называет земледелие «чистейшим из всех искусств» — «innocentissime artum». Говоря о почётных занятиях, он никогда не забывает упомянуть о занятиях крестьянина. Он говорит: «Где столько простора для общения человеческого духа с природой? Разве есть что-либо более чистое, чем эта деятельность? Человек был поселён в раю, чтобы возделывать его земледельческим трудом... Земледельческий труд сочетается с такой великой отрадой для духа, что для некоторых подлинная кара быть в стороне от него.».

К торговле Августин относится совершенно по-иному. Она не фигурирует у него в длинном перечне занятий, «достойных человека».

По мнению Августина, задача купца в том, чтобы «дёшево купить и дорого продать... А так как это явный порок, то всякий, кто хочет быть справедливым, должен против этого восставать... Одно дело выполнять со «свободным духом» физический труд, как это делает ремесленник, когда он не обманщик, не корыстолюбец и не жаден до денег; совсем другое дело безо всякого физического труда наполнять душу только заботой о денежной наживе, как это делают купцы.» (De opera monachorum. С. 16).

В заключение отметим, что, идеализируя христианство первых веков, ему неоднократно приписывали идейную борьбу с рабством. Это в корне ошибочно. «Задача церкви, — говорит Августин. — не в том, чтобы рабов освободить, а в том, чтобы сделать их добрыми.»

Глава III
Экономическая мысль феодального общества

В предыдущей главе, говоря об экономических воззрениях христианства, мы наметили два этапа в их развитии. На первом этапе христианские общины

относились к хозяйственной деятельности и к труду по меньшей мере беспечно, ставя христианам в пример «птиц небесных», которых кормит «отец небесный». На втором этапе выявилось уже другое отношение к хозяйству и труду. Согласно учению Августина, мыслителя той эпохи, богу нужны не только молитвы, но и труд. В настоящей главе рассмотрим дальнейшую эволюцию экономической мысли христианства, которая и являлась экономической мыслью средневекового общества.

1. Феодализм

Общая характеристика феодального строя. «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить.» (История ВКП(б). Краткий курс. С. 120).

Среди средств производства, составлявших собственность феодала, первое и решающее место принадлежало земле. Феодал был сеньором, господином земли. «Нет земли, — говорили тогда. — без сеньора». На феодальном землевладении базировалась и «неполная собственность на работника производства». Как последняя, так и первая собственность реализовалась таким образом: феодал заставлял работника производства либо непосредственно работать на него (барщина), либо платить ему оброк. Феодал получал то, что Маркс назвал докапиталистической рентой.

У феодала по отношению к подвластному ему населению были некоторые обязанности, в частности, он должен был защищать его от нападений извне. В лице феодала экономическая и политическая власть были слиты воедино. Как собственник всей территории, называвшейся феодом, он получал ренту, но он же был и суверенным носителем политической власти в пределах данного феода. Все функции власти, включая и правосудие, концентрировались в его руках: он был самодержавным политическим властелином. Наряду с этим каждый феодал был подчинён другому, вышестоящему феодалу, а последний — ещё более высокому по рангу феодалу. Постепенно складывается снизу доверху сложная, разветвлённая иерархия. Внизу — мелкие земледельцы, которые постепенно окончательно прикрепляются к земле: выше — целая иерархическая лестница: низшее дворянство, рыцарство, бароны, графы, князья и, наконец, король.

Преобразовалась и церковь, превратившаяся в феодальную организацию. Церковь постепенно захватывает огромные земельные территории, достигающие в отдельных странах около трети всей годной к обработке земли. На церковных землях складывается такой же феодальный порядок, такие же

феодальные отношения, как и на землях светских сеньоров. Получается своеобразное двоевластие: с одной стороны, светская власть во главе с наивысшим сеньором, феодальным собственником всей земли — королём, с другой стороны — духовная власть с римским папой во главе. Между светской и духовной властью происходила непрерывная борьба за господство над народом, хотя основная классовая борьба шла по другой линии — по линии борьбы эксплуатируемых и эксплуататоров. Борьба же между церковью и светскими феодалами являлась борьбой за делёж прибавочного продукта, выколачиваемого из эксплуатируемых масс трудящегося населения. Духовенство хотело подчинить себе светскую власть и даже создало в V в. так называемую «теорию двух мечей»: бог, мол, вручил апостолу Петру два меча, духовный и светский, но отнюдь не одинаковой важности. Главным мечом является меч духовный, светский же меч должен ему подчиняться; следовательно, светская власть должна целиком подчиняться власти духовной.

В IX в. составлен был целый сборник подложных документов, исходящих якобы от первых апостолов и отцов церкви, утверждающих церковную иерархию с римским папой по главе, а также власть последнего над королями («Лжеисидоровы декреталии»).

Средневековое мышление. Идеология средневековья была адекватной общему экономическому и политическому строю феодализма. Характерной чертой этой идеологии является авторитарность. Сейчас мы говорим, что против фактов не спорят, а в средние века спорили и против фактов (если они шли вразрез с утверждениями общепризнанного духовного авторитета). Таких авторитетов было немало, они располагались по иерархической лестнице: одни выше, другие ниже, подобно вассалам и сюзеренам в феодальном мире. Средневековое новое мышление пользовалось методом схоластов и мистиков. У мистиков всё построено на вере и интуиции. Схоласты придавали большое значение аргументации. Большим авторитетом у них пользовался Аристотель с его «Логикой». Но и схоласты считали главным источником знания «сгущённое» писание — Ветхий и Новый завет, труды отцов церкви, — сводя всю задачу к правильному комментированию «священного» писания и к объяснению всех жизненных явлений в соответствии с его началами.

Знаменитый философ Бэкон, определяя различные формы мышления, говорил, что критерием истины для античного мира являлось согласование мыслей между собой: в средние века критерием истины считалось согласование мыслей со «священным» писанием; лозунгом же нового времени является, говорил Бэкон, согласование мыслей с фактами.

Итак, в представлении схоластов задача христианских мыслителей заключается в том, чтобы передать догматы «священного» писания на языке логики, оформить их и распространять, используя для этого аристотелеву логику. Наука в этой концепции оказывалась служанкой теологии.

Многообразно развивающаяся и усложняющаяся жизнь выдвигала всё новые и новые задачи, а идеологи средневековья старались её втиснуть в прокрустово ложе теологических концепций. Получался коренной разрыв теории с практикой. Лицемерие пропитывало все стороны средневековой жизни: проповедь христианской любви и смирения сочеталась с невероятной жестокостью и попиранием человеческих прав трудящихся власть имущими, принцип сурового аскетизма и нестяжания — с диким разгулом низких страстей и жадной погоней за прибавочным трудом; вопреки безоговорочному осуждению ростовщичества со «священным» писанием оно широко использовалось как светскими, так духовными владыками.

Организуемые под девизом бедности и нестяжания ордена очень скоро превращались в хищные орды стяжателей. Франциск Ассизский, основавший в начале XIII в. нищенствующий орден францисканцев, писал: «У лисицы есть своя нора, у птицы небесной — своё гнездо, а у сына человеческого нет крова, где бы он мог преклонить голову.». Он звал последователей идти «по стопам Христа», раздать всё своё имущество и жить физическим трудом, не ища себе даже крова. Но его заветы и первоначальный монастырский устав не выполнялись. Не прошло и 30 лет, как францисканские монахи уже скупали целые кварталы городских домов и сносили их для пышных монастырских построек.

Разрыв между теорией и практикой постепенно настолько усилился, что закрывать на него глаза было невозможно. Отсюда — искание компромиссов, стремление приспособить теорию к практике, нашедшее своё яркое выражение в учении каноников и таких позднейших писателей, как Фома Аквинский.

Эволюция экономических воззрений христианства. Экономическая мысль христианства с самого начала, как мы видели, облечена была в религиозную оболочку, хозяйственные вопросы трактовались как религиозно-этические. Подход был не каузальный, а нормативный: в хозяйственных явлениях не искали причинной связи, а требовали, чтобы они отвечали христианскому идеалу и выработанной христианством норме. В дальнейшем, с установлением и упрочнением феодальной системы с ее экономической и политической иерархией, принцип нормативности получает строго выраженный характер авторитарности и иерархичности: нормы поведения, в том числе и хозяйственной деятельности, устанавливаются и

могут быть установлены лишь церковными авторитетами, притом одни нормы — для высших сословий, а другие — для низших.

Интересно проследить изменение отношения к труду. Если для V в. характерны высказывания по этому вопросу Августина, то для XII — XIII вв. характерны высказывания Фомы Аквинского, тоже отца церкви и крупнейшего авторитета той эпохи. В V в. феодальная система зарождалась и находилась в процессе становления, ещё не было резкого размежевания на сословия, и, как мы видели, Августин относился положительно ко всякому виду труда. «Многочисленные мастерства ручного характера» и «многообразная обработка земли» фигурируют у него в перечне занятий, «великих и подлинно достойных человека», наряду с «изобретением письменных знаков в мире звуков, живописью и ваянием, великими подвигами мысли... потоками красноречия и поэзией...». Всё это ставится Августином в один ряд. Иное дело у Фомы Аквинского, жившего в эпоху уже сложившейся феодальной системы. Концентрируя своё внимание на разделении труда, он подходит к этому вопросу под углом зрения деления общества на сословия. Фома видит в разделении труда естественное основание для сословной иерархии. В его представлении один вид труда — простой, чёрный, другой — благородный. При этом он рассматривает физический труд, простой труд, как труд рабский.

Некоторые комментаторы Фомы Аквинского усматривали в этом влияние Аристотеля, как известно, отождествлявшего физический труд с трудом рабским. Но дело не в этом влиянии, а в том, что Фома Аквинский был идеологом феодального мира в эпоху резко выраженного деления на отдельные сословия, в эпоху резкого разграничения между сословием господ и сословием подчинённых.

«Как у пчел, — говорит Фома Аквинский. — одни собирают мёд, другие строят из воска ячейки, а королева совершенно не участвует в материальных трудах, так и у людей: одни должны возделывать пашню, другие — строить дома, а часть людей, будучи свободна от мирских забот, должна посвящать себя духовному труду, во имя спасения остальных.»

В отличие от Августина, Фома Аквинский проводит резкое различие между трудом физическим и трудом духовным, и в этом отношении он действительно близок к Аристотелю, говорившему: «Кто отличается от другого, как тело от души или животное от человека, тот предназначен природой быть рабом.»

Фома Аквинский, поставив своей задачей дать крепостничеству религиозно-этическое обоснование, находит его в библейском сказании о «грехопадении», считая подневольное состояние людей карой за грех прародителей, созданных первоначально свободными и равными. Чтобы

соблюсти евангельскую невинность, он при этом добавляет, что «господину подвластно лишь тело, дух же раба свободен и подвластен только богу.»

Изменилось также отношение к богатству. Августин и его сторонники резко выступали против богатства. Они считали, что трудом надо создавать только необходимое для существования, создавать же излишки можно только с определённой целью — раздавать милостыню, помогать другим. У писателей того времени встречаются очень интересные высказывания. Так, например, св. Иероним говорит: «Всякий богач — или не праведник, или наследовал у неправедника... Копить деньги или землевладение — значит вырывать у других то, что принадлежит им. Богатство есть ограбление бедных.»

Этот взгляд на богатство и частную собственность характерен для раннего средневековья, когда резкого различия между богатыми и бедными у германских племён ещё не было. Задача тогда была определённой: германским племенам надо было освоить завоёванную территорию, заняться земледельческим трудом, ремеслом и т. д. Образ богача рисовался в ту эпоху в виде римлянина, пробуждающего антипатию к богатству.

Иначе стали смотреть на богатство в последующие века, когда установился сословно-феодальный строй. Богатство, по мнению Фомы Аквинского, не содержит в себе ничего предосудительного. Необходимо лишь блюсти при этом некоторую умеренность. Однако Фома Аквинский не указывал, что следует взять в качестве критерия умеренности. В отличие от ранних церковных деятелей, усматривавших в частной собственности насилие и грабеж, Фома Аквинский признал частную собственность «пополнением» к естественному праву, внесённым «человеческим разумом». «Подобно тому, — писал Фома. — как человек от природы гол, а одежда есть результат его собственного изобретения, так и право частной собственности дано не природой, а человеческим разумом, оно на нём покоится и в силу этого стало необходимым институтом человеческой жизни.»

2. Экономическое учение канонистов

Канонисты — лица, которые кодифицировали церковное право, вырабатывавшееся на протяжении средневековья.

Теория «справедливой цены». Экономическая мысль средних веков получила своё завершение у канонистов, особенно у Фомы Аквинского. Центральное место в экономическом учении канонистов занимает «теория справедливой цены». С одной стороны, в ней наиболее полно отражены изменения в экономике феодализма по мере развития товарообращения, с

другой стороны, она лежит в основе решения важнейших экономических проблем той эпохи.

С развитием товарного хозяйства, с ростом городов и товарообмена между городом и деревней, естественно, выдвинулась проблема цен. При авторитарном строе всей средневековой жизни и цены не были вольными, т. е. не стихийно устанавливались на рынке в результате спроса и предложения, а регулировались соответствующими организациями. Однако и при регулировании цен из чего-то надо было исходить. У канонистов постепенно вырабатывается теория Justum pretium («справедливая цена»).

Что же легло в основу «справедливой цены»? Прежде всего — трудовой эквивалент: цена товара справедлива, когда учитывается количество труда, затраченного на его производство.

Необходимо вспомнить указание Энгельса, что закон стоимости господствовал еще за семь тысяч лет до капиталистического способа производства. Как крестьянин, так и ремесленник имели более или менее ясное представление о том, сколько труда каждый из них затрачивает на производство своих товаров; при обмене и тот, и другой определяли цену своих товаров в зависимости от труда, потраченного на их производство. С этим-то и должны считаться те организации, которые призваны были регулировать цены. Канонисты же облекли эти цены в религиозно-этическую оболочку, назвав их «справедливыми». Но канонисты не могли игнорировать другой, гораздо более важный для них момент — сословный характер средневековья, что особенно резко подчёркнуто у Фомы Аквинского. Все люди разбиты по сословиям, они неравны между собой, и потому «справедливы» лишь те цены, которые дают продавцу возможность жить согласно своему положению. Каждый должен за свой продукт получать именно столько, сколько ему необходимо, чтобы он мог жить соответственно своему рангу.

Таким образом, в теории «справедливой цены» переплетались противоположные, друг друга исключающие мотивы: равенство труда и неравенство его. Обмен, особенно между мелкими товаропроизводителями, происходил согласно закону стоимости. Церковные писатели не могли, конечно, правильно проанализировать этот закон — они отобразили его, как в кривом зеркале.

Каноническая теория денег. Исходя из теории «справедливой цены», канонисты, и особенно Фома Аквинский, развили и свою теорию денег. Раз цены, т. е. выражение товаров в деньгах, должны быть справедливы, то ни продажа, ни купля не могут быть источником обогащения. Деньги должны лишь облегчить «справедливый обмен»; их роль — исключительно подчинённая, самостоятельного бытия они не имеют и иметь не могут. Такое

отношение к деньгам диктовалось враждой к богатству в денежной форме, которому противопоставлялось «потребляющее богатство», т. е. богатство светских и духовных феодалов.

В сущности, и сама теория «справедливой цены» своим остриём направлена была против крупной торговли и ростовщичества — против «делания» денег при помощи денег же. Самым почётным делом считалось земледелие; против ренты не только не возражали, но и считали её вполне законным и справедливым порождением земельной собственности.

В вопросе о происхождении денег канонисты целиком солидаризировались с Аристотелем, считавшим, что деньги есть результат соглашения и что они созданы для обмена. Аристотелю было еще чуждо представление о спонтанном, стихийном возникновении денег в процессе развития товарного производства и товарного обращения. Средневековые писатели придерживались той же точки зрения, но «уточняли» её. Дело в том, что чеканка монет постепенно становится безраздельной монополией князей и государей. Отсюда делалось заключение, что деньги есть продукт творчества княжеской власти, что княжеская власть может создавать деньги. Добавим ещё, что королевская власть стала практиковать фальсификацию монет, а потому важно было эту фальсификацию узаконить, доказав, что короли правомочны создавать деньги, следовательно, и изменять их вес и ценность.

В вопросе же о функциях денег у средневековых писателей — резко выраженный дуализм: с одной стороны, деньги рассматриваются исключительно как условное орудие обращения, с другой — деньги рассматриваются как товар. Право на чеканку монет было символом могущества того или иного феодала, князя, и в обращении находились разные монеты. При переезде из одной области в другую купцу приходилось менять деньги. Так возникла средневековая торговля деньгами. Внутри страны, внутри области можно рассматривать деньги исключительно как орудие обращения и как знак стоимости. Но при обмене одних монет на другие в расчет принималась не монета как таковая, а исключительно ее вес, ее внутренняя стоимость, т. е. монета принималась как товар.

В XIII в., в эпоху Фомы Аквинского, в Италии и Франции города вели уже крупную международную торговлю, и на основе ее развивалась кредитная система. Такие банкиры, как Медичи и др., имели сеть разветвленных «факторий». А это возможно было лишь на основе широкого развития денежного обращения между отдельными областями и странами. Отсюда у средневековых писателей зачатки товарной теории денег, которые переплетены с зачатками номинализма, особенно с зачатками так называемой государственной теории денег.

Отношение к торговому капиталу и ростовщичеству. Христианские идеологи раннего средневековья относились к торговле отрицательно, а к ростовщичеству и взиманию процента — резко враждебно. Торговлю они допускали только мелкую, и то в тех случаях, когда торговец, как говорили они, сам работает. Действительно, мелкие торговцы той эпохи были и извозчиками: их торговля была передвижная, кочующая, сами торговцы перевозили свои товары с одного места в другое. Но и мелкая торговля только лишь допускалась. В перечне занятий, заслуживающих внимания и «угодных богу», торговля отсутствовала. И это вполне соответствовало натуральному характеру хозяйства того времени. К ростовщичеству относились совсем непримиримо, ссылаясь на Аристотеля утверждавшего, что «деньги не могут порождать деньги» и что такое «порождение» противоестественно. Но христианские писатели прибавили сюда новый, специфический для них аргумент. За что, спрашивали они, ростовщик взимает процент? За деньги, которые он дает? Но ведь деньги он получает обратно. Остается одно: ростовщик получает процент за время; но время — это дар божий. Следовательно, возмущались церковники, ростовщики берут плату за дар божий.

С изменением экономической обстановки, с развитием товарообмена и кредитных операций должно было претерпеть изменение и отношение к торговому капиталу и ростовщичеству. Правда, канонисты продолжали традицию прежних веков: они громили с церковного амвона и в своих писаниях ростовщичество и греховную страсть к накоплению денег. Но игнорировать кредит и ограничиться запрещением прибыли и процента канонисты уже не могли. Купеческий капитал вырос в значительную силу и стал играть большую роль, особенно в международной торговле. Значительную роль стал играть также и кредит, притом не только в хозяйственной жизни, но и в политической. Короли имели своих коммерсантов и своих финансистов: первые заняты были всевозможными поставками для армий, на вторых возложено было приискание необходимых денег.

Все это заставило канонистов искать компромисса; они начали проводить различие между допустимым и недопустимым процентом и прибылью: осуждали высокую прибыль, «умеренную» же прибыль допускали.

Особенно компромиссна позиция Фомы Аквинского в отношении ростовщичества. Он не отрицает, что ростовщичество есть грех, что взимание процентов незаконно и т. д., но он ищет выхода и находит лазейку. Процент, мол, можно брать в тех случаях, когда кредитор мог бы сам использовать эти деньги, но не использует их и отдает в ссуду. Дальше, когда деньги отдаются в ссуду, займодавец подвергается некоторому риску, а следовательно, надо себя

застраховать. Процент и есть известного рода страховка. Находилась еще и такая лазейка: если должнику дана отсрочка и он не платит вовремя, то он обязан возместить убыток, причиненный кредитору.

3. Революционная оппозиция феодализму

Революционная оппозиция феодализму и крестьянское движение. Общецерковное учение канонизировалось, т. е. было объявлено единственно правильным, сложилось в так называемое каноническое право, «единственно угодное богу». Но экономическая мысль в средние века развивалась в двух направлениях. С одной стороны, — экономическая мысль господствующих классов, представленная официальной церковью; с другой стороны, — экономическая мысль порабощенных классов, которая находила свое выражение в религиозной ереси. Даже революционные элементы той эпохи выражали свои мысли не свободно, а в религиозной форме. Со стороны получалось такое впечатление, будто идут теологические споры, как понимать писание, как понимать ту или иную религиозную догму и т. д.

Борьба против богатства приняла форму борьбы за «чистоту религии». Еретики ссылались на то, что первые апостолы были бедны, и высказывались против богатства: следовательно, богатство греховно. Еретики особенно нападали на церковь за то, что она сама владеет громадными богатствами, и требовали от нее отказа от какого бы то ни было имущества: церковь должна служить образцом «нестяжания». В пример ставили первые христианские общины, которые не имели никакого имущества. Так экономическая борьба облеклась в чисто религиозную форму. «*Революционная оппозиция против феодализма, — говорит Энгельс, — проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания*»[16].

Еретиками выдвигалась и идея равенства, но и эта идея облечена была в религиозную оболочку. Говорили: все мы — дети одного бога, у всех нас один отец, следовательно, все мы равны.

Отрицание богатства и проповедь равенства приводили многих еретиков к идее потребительского коммунизма. Но почвы для настоящего коммунизма не было: производство было мелкое, раздробленное; на этой основе нельзя было создать систему коммунистического производства. Поэтому внимание уравнителей той эпохи было приковано к вопросам не производства, а потребления, распределения: потребление, мол, должно быть одинаковым, все

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, с. 128–129.

должны одинаково питаться, одинаково одеваться, жить в более или менее одинаковых условиях.

Разумеется, этот идеал потребительского равенства лишен был твердой, реальной экономической почвы: он был утопическим. И тогдашние еретики, представлявшие собой в то время революционный элемент, почти все были уничтожены. Духовная и светская власть не допускала ни малейшей оппозиции, требовала полного подчинения и послушания.

В относящихся к IX в. «Лже-Исидоровых декреталиях» рекомендуется епископам «держать паству в страхе, дабы те, кто не боится суда божьего, боялись грешить из страха перед людьми». В мнимых «Письмах св. Климента» говорится: «Церковь, что корабль, который мчится по бурному океану. Первым долгом необходимо, чтобы пассажиры-миряне сидели каждый на своем месте, дабы возней и бесполезной болтовней не мешать работе команды, не вывести корабль из равновесии и не потопить его».

Проповедуемый еще в XIII в. так называемыми спиритуалами (духовными потомками Франциска Ассизского) со ссылками на евангелие идеал бедности и нестяжания явно подрывал моральный авторитет церковных феодалов с их разнузданной практикой роскоши и распутства н резко противоречил практике монастырей, ставших очагами лени, праздности и эксплуатации чужого труда.

Идеал нестяжания использовался церковными прелатами для присвоения имущества «младшей братии». Ожесточенные споры монахов вокруг вопроса о бедности и богатстве со ссылками обеих сторон на священное писание властно требовали вмешательства непререкаемого авторитета. В качестве такового на сцену выступил Фома Аквинский, давший в Авиньоне, в присутствии папы, бой спиритуалам. Типичный идеолог феодальной знати, Фома и в этом вопросе должен был отобразить в интересах последней те коренные изменения, которые произошли в экономической жизни со времени проповеди Августина.

Принципиально враждебная частной собственности постановка вопроса спиритуалами, ссылавшимися на отсутствие собственности у Христа и ангелов, на диспуте была признана ересью. Не подчинявшиеся же этому решению и продолжавшие еще проповедовать идею потребительского коммунизма подвергались как еретики пыткам и сожжению на кострах (бегорды, альбигойцы и прочие).

Энгельс делает различие между ересью бюргерской, с одной стороны, и ересью крестьянской и плебейской — с другой. «*...Бюргерская ересь, — говорит он, — требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения особого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию, словом,*

все, что стоило в церкви дорого... Совершенно иной характер носила ересь, являвшаяся прямым выражением крестьянских и плебейских потребностей и почти всегда соединявшаяся с восстанием... Она требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божиих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ»[17].

Конкретными социально-экономическими требованиями этой крестьянско-плебейской ереси были: «*уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, поземельных цензов, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий...*»[18]

Ярким примером таких крестьянско-плебейских движений может служить руководимое Уотом Тайлером восстание в Англии.

Началось оно с того, что жители ряда деревень отказались платить налог, обезглавили привлекших их к суду присяжных и взыскивавших налог чиновников, вооружились кто чем мог и, образовав отряд численностью до 50 тыс. человек, стали громить усадьбы духовных и светских землевладельцев. Идейным вдохновителем восстания был капеллан Джон Болл[19], который уже задолго до восстания вел соответствующую агитацию в массах. «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?» — опрашивал Джон Бол и продолжал: «Дела только тогда пойдут хорошо в Англии, когда имущество станет общим, когда не будет ни вилланов, ни дворян, но все будут в одинаковом положении».

Джон Болл разделил участь других теоретиков и идеологов крестьянско-плебейских движений, в ту пору обычно кончающих жизнь на эшафоте.

---

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, с. 329–130.

[18] Там же, с. 130.

[19] Джон Болл принадлежал к той, по выражению Энгельса, «плебейской части духовенства», которая не имела доли в богатствах церкви. Там же, с. 121.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В предыдущих главах мы рассматривали экономические учения, которые возникали и развивались еще в докапиталистических формациях. В настоящей главе мы приступаем уже к рассмотрению тех экономических учений, которые имеют своим объектом капиталистический способ производства. Первой теоретической разработкой современного, капиталистического, способа производства Маркс называет меркантильную систему.

Хронологически меркантилизм относится примерно к XV, XVI и XVII вв. В XV в. возник так называемый ранний меркантилизм. В XVI и особенно в XVII в. мы имеем уже развитую меркантильную систему, но в том же XVII в. начинается разложение меркантильной системы. Таким образом, приходится различать две стадии в развитии меркантилизма: ранний меркантилизм (Маркс часто называет его монетарной системой) и развитый меркантилизм, который Маркс обычно называет меркантилизмом в собственном смысле слова (а иногда употребляет термин «система мануфактуры»). Разложение меркантилизма совпадает с возникновением классической политической экономии.

Глава IV
Меркантилизм

1. Исторические условия возникновения и развитие меркантилизма

Предыстория капитала. В основном меркантилизм развился в определенную систему еще в эпоху так называемого первоначального накопления, названного Марксом предысторией капитала и соответствующего ему способа производства. Меркантилизм продолжал развиваться и после, но сохранил «родимые пятна» этой предыстории капитала, вписанной «*...в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня*»[20].

Но «*насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым*»[21]. А эта «беременность» началась давно. Мелкое товарное производство, достигшее значительного развития еще в прежние века, развивалось в силу присущих ему внутренних противоречий и действия закона стоимости в сторону капитализма; но, будучи сковано феодальными отношениями как в городе, так особенно в деревне, оно не могло свободно

[20] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 574.

[21] Там же, с. 603.

развиваться. На помощь пришли внеэкономические факторы — так называемое первоначальное накопление.

Основным в первоначальном накоплении было массовое «освобождение» производителей от средств производства, ярко описанное и проанализированное Марксом в I томе «Капитала» (глава 24).

Торговый капитал. Меркантильная система «*...необходимо исходила, — говорит Маркс, — из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала... Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства*»[22].

Это обязывает нас к рассмотрению роли торгового капитала и его «преобладающего влияния» в указанный период.

Мировая торговля не только колоссально расширила сферу действия торгового капитала, но и вызвала концентрацию больших масс денег в руках отдельных лиц. А это также являлось предпосылкой капиталистического производства. «*Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум*»[23].

Далее, мелкий производитель может работать и долго работал на заказ со стороны непосредственных потребителей. Капиталистическое производство как массовое производство с самого начала предполагает и массовый сбыт, сбыт в крупных размерах. Следовательно, оно предполагает развитую торговлю, «*...предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц*»[24].

Большую роль купеческий капитал играл в разложении мелкого производства, что также являлось предпосылкой капиталистического производства. Господствуя на рынке, купец подчиняет себе мелких производителей. Он становится их «работодателем»: концентрируя «в своем акте купли акты купли многих лиц», торговец выступает в качестве важнейшего, а отчасти и единственного заказчика по отношению к мелким производителям. Отдаленные рынки им совсем недоступны, их товары попадают туда лишь через купца; это дает ему возможность диктовать им свои цены и ставить их в зависимость от себя. За свободной по форме товарной

---

[22] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 302.

[23] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 229.

[24] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 293.

сделкой между купцами мелким производителем скрывались подчинение и зависимость, которые все больше и больше усиливались.

Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» детально исследует исторический процесс подчинения мелких производителей купеческому капиталу. Выдача мелким производителям авансов, расплата с ними товарами, снабжение их сырьем и, наконец, «работа на дому» по определенному заказу купца и по его материалам — вот основные моменты этой истории. Значительная масса мелких производителей очутилась на грани, лишь формально отделяющей их от будущих пролетариев; оставалось немного, чтобы превратить их в наемных рабочих, а эксплуатирующий их капитал — в промышленный капитал.

Торговый капитал сам по себе никакой новой эпохи, никакого нового способа производства не создавал и создавать не мог. Его роль и значение определяются теми историческими условиями, при которых он действует в эпоху же первоначального накопления им подготавливался ряд предпосылок для капиталистического производства. В этом смысле купеческий капитал. был ближайшим предшественником промышленного капитала, появление которого действительно знаменовало собой новую эпоху, новый способ производства.

Новая организация государственной власти. Переворот в феодальном производстве обусловил собой переворот и в государственном устройстве. Изменившаяся экономика требовала изменения в организации политической власти.

Нужна была единая территория и единая политическая власть. Но это могло быть выполнено лишь при условии полного покорения и подчинения феодалов королям. Одновременно с возникновением этой задачи созрели и условия для ее решения. Взяв под свой контроль и опеку развивавшееся в сторону капитализма товарное производство, короли стали вовлекать из него необходимые средства для создания важнейших орудии централизованной власти: независимой от феодальных дружин наемной армии и бюрократии. Торговая буржуазия, кровно заинтересованная в новом порядке вещей, всячески поддерживала королей. Она снабжала их деньгами, получая при этом высокие проценты и покупая у них всевозможные монополии. Торговцы немало зарабатывали на подрядах, связанных со снабжением и снаряжением новых армий. Им же отдавалось на откуп взимание налогов, что также немало обогащало их.

Отметим еще, что в XI в. был изобретен порох, давший возможность по-новому организовать военное дело и сыгравший большую роль в подчинении феодалов власти королей: владеющим огнестрельным оружием королевским армиям не могли противостоять дружины и укрепленные замки феодалов. Но

для использования изобретения требовались средства и люди, которые организовали бы производство пороха, ружей и необходимого сырья. А это опять-таки могло быть поручено только торговцам и финансистам. Экономическая политика образовавшейся в эту эпоху новой централизованной королевской власти сводилась в первую очередь, согласно властно диктуемой жизнью потребности, к привлечению в страну денег; достигалось это преимущественно административными мероприятиями. В Англии эпохи раннего меркантилизма эти меры сводились к контролю над английскими купцами и к контролю над иностранными купцами. Английский купец за границей мог торговать только в определенных, так называемых «складочных местах», куда английские торговцы доставляли обыкновенно свои товары и где они получали взамен их от иностранцев необходимые продукты (совсем отказаться от покупок было невозможно). Учреждены были особые корпорация из мэра, констеблей и братства склада. Они должны были наблюдать за сбором вывозных пошлин и следить за тем, чтобы при всякой продаже на вывоз часть денег выплачивалась иностранной монетой или металлом. Еще строже был контроль за иностранными купцами. В ту пору в Англии были изданы два закона: закон об истрачивании и закон о сыщиках (по-английски — scarchers). Первый закон требовал, чтобы иностранный купец тратил всю свою выручку в Англии на покупку английских товаров. Надзор за этим возложен был, по второму закону, на «хозяина», или «сыщика». Приезжий «гость» прикреплялся к определенному «хозяину», и последний должен был следовать за ним, как его тень, вести подробную запись всех сделок иностранного купца и следить за тем, чтобы тот не вывозил за границу денег.

Развитой меркантилизм означает уже более высокий уровень экономической политики, обусловленный более развитой экономикой. В этот период значительно вырастает торговля, развивается кредит. Начинается эпоха «так называемого первоначального накопления». Контролировать и регулировать торговлю и кредит прежними способами невозможно, да и нет надобности. Погоня за золотом и серебром еще больше увеличилась, но отношение к методам добывания их изменилось.

Изменилось и отношение к производству. Для прежней, сравнительно небольшой торговли мелкое производство было еще достаточным базисом. Для торговли же, достигшей громадных размеров, мелкое производство — уже недостаточный базис. Отсюда—потребность в форсировании крупного производства, в насаждении мануфактуры. Таким образом, для развитого меркантилизма характерны новые методы поощрения внешней торговли и содействие развитию мануфактур, особенно тех из них, которые рассчитаны на экспорт.

Наиболее яркое и одностороннее выражение получила политика развитого меркантилизма во Франции времен Людовика XIV. Министр финансов Людовика XIV Кольбер (1619—1683) с большой решительностью и твердостью проводил меркантильную политику (она получила во Франции название кольберизма). Основными моментами его меркантильной политики являются покровительство мануфактурам, высокие ввозные пошлины, запрет вывоза сырья, насаждение новых отраслей промышленности, компании для внешней торговли и т. д.

Новое мышление. По мере того, как рушился базис средневековья — феодальный способ производства, — рушилась и его идеологическая надстройка. Предпосылки капитала и соответствующего ему способа производства были и предпосылками новой идеологии—нового и по содержанию и по форме мышления. Все, что пробивало брешь в феодальной системе хозяйства, пробивало брешь и в соответствовавшей ей системе как общих, так и экономических воззрений.

Множились факты, которых никак нельзя было уместить в узкие рамки средневековой догматики. И передовые люди повернулись лицом к античному миру, оставившему богатейшие сокровища в области литературы, искусства, философии. Эти сокровища долгие века лежали под спудом или даже уничтожались благочестивыми монахами. Многие произведения античного мира уцелели только в виде отдельных обрывков, о многих мы знаем лишь по приводимым где-либо цитатам, сами же произведения давно исчезли.

Классическую древность стали усердно изучать: произведения греческих авторов переводились на латинский язык. Античный мир противопоставляли христианскому миру; в богатом наследии античного мира искали прежде всего опоры против аскетизма, отрицания ценности земных благ, проповеди умерщвления тела. Божественному началу противопоставлялось человеческое. Человек как индивид, его потребности и его права стали в центре внимания. Отсюда название движения—гуманизм, а деятелей его — гуманисты (от латинского слова humanus — человеческий). Вся эпоха получила название Возрождения (Ренессанс). Родиной Ренессанса были итальянские города Венеция, Генуя, Флоренция, в которых процветало товарно-денежное, хозяйство и даже появились зачатки капиталистического производства.

Гуманизм развивается под флагом индивидуализма; ведется борьба за раскрепощение личности от церковных оков. Но это — индивидуализм классовый. Под его знамя стали те, кому феодальные методы эксплуатации — внеэкономические — либо были недоступны, либо казались недостаточными. Гуманизм нашел поддержку среди торговой и финансовой буржуазии, но к

нему примкнули и элементы из высших сословий; гуманисты насчитывали в своих рядах кардиналов и будущих пап.

Поистине смертельный удар средневековому мышлению нанесли великие географические открытия и возникшие мировой рынок и мировая торговля. Земля оказалась, вопреки утверждениям «священного» писания, телом шарообразным, а не плоским. Дальнейшее же изучение движения нашей планеты привело к замене птоломеевской системы, освященной авторитетом церкви, коперниковской системой, объявленной церковью ересью. Стали разрабатываться начала научной механики и физики, принципиально враждебные церковной догматике. Критерий истины перестали искать в соответствии со «священным» писанием, — его начали искать в соответствующих фактах. Наука отказалась быть служанкой теологии и выдвинула свои принципы, отрицающие схоластику и авторитарность.

Правда, социально-политическая и экономическая мысль отставала от общего умственного движения, но долго быть вне этого движения она не могла, тем более что те экономические изменения, которые вызвали общее умственное движение, настоятельно требовали новой ориентировки и в политике, и в экономике — канонические идеи уже находились в кричащем противоречии с указанными изменениями.

Раньше всего поворот произошел в политическом мышлении, за которым последовал поворот и в экономическом мышлении. Эпоха, выдвинувшая потребность в новой организации государственной власти, выдвинула и передовых политических мыслителей. Эти мыслители хотя специально и не занимались экономическими исследованиями, но внесли свежую струю в обществоведение, что должно было плодотворно влиять п на экономическую мысль.

Знаменитый поэт конца XIII — начала XIV в. Данте (1265-1321), которого Энгельс считает последним поэтом средних веков и первым поэтом нового времени, выдвигает теорию государства, противоположную церковной теории «двух мечей». Данте ставит власть императора выше папской власти; он также развивает идею восстановления единой Римской империи. Это была утопическая идея, но за ней скрывалось ощущение реальной потребности эпохи в централизованной власти.

Ярким выразителем идеи централизованной власти является Макиавелли (1469-1527).

Макиавелли концентрирует внимание на борьбе за власть и на методах, которыми она достигается. В этой борьбе все пригодно—коварство, вероломство, измена, убийство из-за угла и т. д. и т. д., — лишь бы достигнута была цель: организация сильной централизованной власти.

Остро чувствуя необходимость в государстве нового типа, Макиавелли крайне враждебно относится к феодалам. Маркс делал многочисленные выписки из работ Макиавелли и подчеркнул те места, где особенно резко выражена враждебность Макиавелли к знати. Вот что мы читаем там: «*Чтобы объяснить, кого я разумею под именем дворян, замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране: из них особенно вредны те, которые имеют сверх того замки и покорных подданных... В таких странах не может быть ни республики, ни вообще какой бы то ни было политической жизни, потому что эта порода людей — **заклятый враг всякой гражданственности***»[25].

У Макиавелли еще нет общей теории государства, но он смотрит на него, как на чисто ***человеческое*** дело, созидаемое людьми в острой непримиримой борьбе с теми, кто этому мешает. А элементами, стоявшими на пути создания государства нового типа, Макиавелли считал феодалов. Таковы зачатки понимания им классовой борьбы.

2. Учение меркантилистов

Общая характеристика. Меркантилисты находились под сильным влиянием идей Ренессанса. Экономическое мышление, как и общее мышление, освобождалось от религиозно-этических оков. Экономические явления стали исследоваться как феномены, имеющие самостоятельную ценность. Критерия истины перестали искать в «писании» и религиозных нормативах, «мерой вещей» стал человек, точнее буржуа, купец с его жаждой прибыли, жаждой обогащения.

Мышление меркантилистов резко отличается и от экономического мышления античного мира. Руководящим принципом последнего в основном было аристотелевское деление хозяйства на экономику и хрематистику. Экономика оценивалась положительно, а хрематистика всячески порицалась или, в лучшем случае, лишь допускалась как неизбежное зло. В центре же внимания меркантилистов становится именно хрематистика — «порождение» денег деньгами. Меркантилисты лишь теоретически воспроизводили то, что практически существовало в окружавшей их действительности, господствующим началом которой стала та же хрематистика.

[25] «Архив Маркса и Энгельса», 1929, кн. 4, с. 349.

В противоположность канонистам у меркантилистов подход к экономическим явлениям не нормативный, а ***каузальный***; они ищут связи между хозяйственными явлениями, но ищут ее в том виде, в каком она выступает на поверхности явления, в сфере обращения. И это обусловлено было особенностями той эпохи, в которую меркантилисты выступили на историческую арену. Припомним то место из III тома «Капитала», где Маркс пишет: «*Первая теоретическая разработка современного способа воспроизводства — меркантильная система — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства*»[26].

Предмет исследования у меркантилистов — обращение; метод — описание наблюдаемых явлений и отчасти их классификация; задача — узко практическая; результат их исследования — формулировка полого ряда эмпирических закономерностей.

Сугубый эмпиризм и практицизм меркантилистов сыграли положительную, прогрессивную роль: они знаменовали собой разрыв со средневековой схоластикой и догматикой в области экономических исследований.

Как мы видели выше, средневековая мысль зашла в тупик; она не могла справиться с новыми фактами, не укладывавшимися в старую, выработанную веками, догму. Меркантилисты освободили экономическую мысль от религиозной оболочки и стали рассматривать хозяйственную жизнь по-новому, не проникая, однако, в глубь явлений.

Называя меркантильную систему первой теоретической разработкой современного способа производства, Маркс в то же время указывает, что «*действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства*»[27].

Наука начинается там, где она переходит от видимости вещей к раскрытию их сущности. Однако раскрыть сущность вещей только на основе

---

[26] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 302.

[27] Там же.

изучения обращения невозможно. У меркантилистов предметом исследования, как сказано, служат явления в том виде, в каком они выступают в обращении.

Меркантильная система является «предысторией» политической экономии, как эпоха так называемого первоначального накопления предысторией» капиталистического способа производства.

Основные положения меркантильной системы. Сами меркантилисты не излагали своих воззрений в виде цельной системы, но эти воззрения, тесно увязанные между собой и образующие единое целое, могут быть сведены к следующим положениям: 1) богатством является лишь то, что может быть реализовано и действительно реализуется в деньгах: отсюда отождествление богатства с деньгами; 2) производство—лишь предпосылка для создания богатства, и эту предпосылку следует всячески поощрять! и развивать (особенно на этом настаивали позднейшие меркантилисты); 3) непосредственным источником богатства является обращение, т. е. та сфера, где продукты превращаются в деньги; 4) обращение же является и источником прибыли, образуемой при отчуждении товаров, благодаря тому что товар продается дороже, чем покупается; 5) однако не всякое обращение есть источник богатства; таковым является лишь обращение между странами; внешняя торговля увеличивает количество денег в стране, тогда как внутреннее обращение лишь переносит денег из одних рук в другие, причем не доставляет стране прибыли, так как то, что выигрывает один, проигрывает другой; 6) отсюда общий вывод: баланс во внешней торговле должен быть активным, т. е. следует меньше покупать у иностранцев и больше им продавать.

Однако в понимании активного баланса существовало большое расхождение между ранними меркантилистами и позднейшими. Ранние меркантилисты смотрят на деньги глазами собирателя сокровищ, который знает, что всякая покупка уменьшает их, а всякая продажа—увеличивает. Позднейшие меркантилисты подходят к деньгам уже как капиталисты, понимающие, что деньги «порождают» деньги; для этого они должны быть не в покое, а в движении, их следует пускать в оборот, чтобы извлекать еще больше денег. Отсюда и различная трактовка общей для всех меркантилистов формулы: меньше покупать и больше продавать. Ранние меркантилисты ставят ударение на первую часть формулы и трактуют ее в абсолютном смысле: нужно всячески воздерживаться от покупок. Представители развитого меркантилизма трактуют эту формулу уже относительно: можно и много покупать, но сумма продаж должна всегда превышать сумму покупок (в денежном выражении).

Мысль ранних меркантилистов поднимается до теории ***денежного баланса***, монетарной системы, согласно которой следует меньше расходовать

деньги и больше их накоплять. Мысль позднейших меркантилистов восходит до теории ***торгового баланса***.

Теория денежного баланса и теория торгового баланса—две ступени в развитии меркантилизма, отражающие в свою очередь две ступени в развитии экономики и экономической политики.

На первой ступени меркантилизм требует всяческого торможения вывоза денег; на второй ступени он требует развития внешней торговли в таком направлении, чтобы прилив денег в страну превысил их отлив. Но и позднейшие меркантилисты—представители развитого меркантилизма-—еще далеки от идеи полной свободы торговли и полного раскрепощения экономических сил.

Условия для развития капиталистического способа производства, как мы говорили выше, не могли быть созданы без активного содействия государственной власти. Вот почему для теоретиков меркантилизма необходимость содействия государственной власти и даже опеки ее над хозяйственной жизнью—очевидная истина. Различие между ранними и позднейшими меркантилистами заключается лишь в разном понимании конкретных форм того вмешательства, в том, как сделать его наиболее целесообразным.

3. Крупнейшие теоретики меркантилизма

Англия. Англия выдвинула ряд крупных теоретиков-меркантилистов. Но мы остановимся только на двух, в произведениях которых наиболее полно развиты только что изложенные нами основные положения меркантилизма[28].

В 1581 г. с Лондоне появилось сочинение под названием «Критическое изложение некоторых жалоб наших соотечественников». Сочинение было подписано инициалами W. S. и изложено в форме диалога, в котором участвуют представители разных слоев населения: рыцарь, купец, ремесленник, фермер и богослов. Последний — центральная фигура и в своих высказываниях выражает мнение автора.

«*Диалогическая форма этого сочинения, — пишет Маркс, — способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло с свет под его именем. Автор его — Вильям Стаффорд*»[29].

---

[28] Такой выдающийся теоретик меркантилизма, как Джемс Стюарт (1712–1780), принадлежит уже к той эпохе, когда меркантилизм в теории был почти окончательно преодолен. О Стюарте мы будем говорить дальше и в иной связи.

[29] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 597. В настоящее время авторство Стаффорда; сочинение приписывают Джону Гельсу.

Сочинение Стаффорда появилось в разгар аграрной революции, начавшейся в Англии еще в XV в. и в эпоху громадного прилива в Европу благородного металла из вновь открытых стран, особенно из Америки. Аграрная революция выразилась в обезземелении крестьян и переходе от хлебопашества к овцеводству. Ближайшей причиной этому послужило развитие торговли шерстью и поднятие цен на нее. Вслед за приливом благородного металла и массовой порчей монет последовали повышение цен на все товары и всеобщая дороговизна, что в свою очередь вызвало вздорожание рабочей силы, т. е. повышение номинальной заработной платы.

Стаффорд обнаруживает наиболее правильное для того времени понимание связи между стоимостью денег и стоимостью товаров. В появлении неполновесных монет, в порче монет королями[30] он видит причину вздорожания товаров. Порча монет, по его мнению. имеет двоякого рода последствия: 1) дороговизну и 2) утечку из страны полновесных монет.

Через всю книгу Стаффорда красной нитью проходит мысль о вреде ввоза из других стран товаров, особенно тех, которые могут быть произведены внутри страны даже по более высоким ценам, ибо ввоз товаров—и ото является лейтмотивом—влечет за собой вывоз денег. «Все, что приобретается у нас от торговли с иностранцами, — восклицает Стаффорд, — уходит от нас навсегда (имеется в виду вывоз денег, которые автор обозначает слово «все». — Д. Р.); напротив, все, что мы, англичане, приобретаем друг у друга, остается дома, внутри страны».

Стаффорд возражает против того, что в Англию ввозится мануфактура, произведенная из шерсти, вывезенной из страны. Он требует, чтобы шерсть перерабатывалась в самой Англии, мотивируя это требование также и тем, что развитие суконной промышленности даст заработок значительной части населения. Однако основным мотивом является другое: вывозя за границу шерсть и ввозя оттуда мануфактуру, иностранцы при продаже дорогого сукна вывозят при этом из Англии больше денег, чем ввозят их в Англию, покупая дешевую шерсть.

В 1664 г. появилась работа Томаса Мена (1571–1641) под названием «Сокровище Англии во внешней торговле, или баланс внешней торговли». Томас Мен — крупный купец и один из директоров Ост-Индской компании-—

[30] Выше (глава 3) мы уже говорили о фальсификации монет, практиковавшейся королями. Следует отметить, что в рассматриваемую эпоху, в связи с возросшей нуждой королей в средствах (для содержания централизованного аппарата государственный власти, войн и отличавшихся невероятной роскошью королевских дворов), особенно усилилась фальсификация денег, выпуск «облегченных монет» по прежнему их номиналу.

считается автором теории торгового баланса, т. е. представителем развитого меркантилизма.

Мен выступает против монетарной системы, требуя отмены запрещения вывоза денег. Но он — сторонник активной внешней торговли, такой торговли, в результате которой страна больше вывозит, нежели ввозит. «Обыкновенное средство к увеличению нашего богатства и наших сокровищ, — говорит Мен, — есть иностранная торговля, в которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы *ежегодно продавать иностранцам своих товаров на большую сумму, чем мы потребляем их товаров*».

Мен понимает, что значение денег не в том, чтобы их хранить, в том, чтобы пускать их в «оплодотворяющий» оборот. Он пишет: «Деньги создают торговлю, а торговля увеличивает деньги. Поэтому, чем больше денег пускают в оборот, тем лучше». Доказывая необходимость пускать деньги в оборот, Мен сравнивает торговлю с севом. Он пишет: «Если мы посмотрим на поступки земледельца только во время посева, когда он бросает в землю так много хороших зерен, то мы его скорее примем за умалишенного, чем за хорошего хозяина. Но когда мы посмотрим на плоды его трудов осенью, когда мы увидим конец его усилий, то найдем, что его труды богато вознаградились».

Мен — противник всяких мероприятий, стесняющих экспортную торговлю; он требует даже уменьшения пошлин на вывозимые товары. В противоположность ранним меркантилистам, ратовавшим за высокие цены, он—сторонник низких цен, облегающих конкуренцию на внешнем рынке. Мен протестует также против порчи монет, «потому что не название наших фунтов, шиллингов и пенсов уважается, а внутренняя ценность наших монет». В этом он повторяет уже известное нам положение Стаффорда: понижение ценности денег вызывает повышение цен товаров.

Мен — сторонник развития отечественной промышленности и, подобно Стаффорду, требует замены экспорта сырья экспортом готовых изделий. Помимо этого, он доказывает важность развития судоходства и считает, что англичанам следует вывозить все свои товары на английских судах. Но ко всем явлениям Мен подходит с меркой купца. Особенно наглядно это проявляется в его суждениях о транзитной торговле; ее он считает наиболее выгодной, так как она приносит наибольшую купеческую прибыль в звонкой монете.

Воззрения Мена представляют значительный шаг вперед по сравнению с воззрениями Стаффорда. Стаффорд всячески доказывает необходимость удержания денег в стране. Мен, наоборот, доказывает необходимость вывоза денег из страны, особенно в целях развития транзитной торговли. Вывоз денег для большего их ввоза — таков «символ веры» автора «Сокровища Англии во внешней торговле».

Этому символу веры подчинена его теория торгового баланса. Целевая установка этой теории—доказать бесполезность и даже вред искусственных мер по удержанию денег в стране.

Так представитель развитого меркантилизма осуждал мероприятия раннего меркантилизма. Характеризуя названное произведение Мена, Маркс пишет: «*Это сочинение уже в первом своем издании имело особенное значение в том отношении, что было направлено против так называемой монетной системы, которая тогда еще защищалась в Англии как действующая правительственная практика; оно представляло, следовательно, сознательное самоотмежевание меркантилизма от системы-родоначальницы*»[31].

Италия и Франция. По мере того, как в связи с открытием Америки и морского пути в Индию изменялись торговые пути, итальянские города утратили свое значение торговых центров. Но денежными центрами они оставались еще долгое время. Накопленные в них денежные капиталы превратились в ссудные капиталы, а потомки купцов стали международными банкирами. Неудивительно, что итальянских экономистов, главным образом интересуют кредитно-денежные проблемы.

Банкир Скаруффи (1519–1584) в опубликованной им в 1582 г. работ выступает с грандиозным для того времени проектом созыва общеевропейской конференции под руководством папы или императора с целью наладить денежное обращение в международном масштабе. В разных странах, а зачастую и в разных областях внутри страны существовали разные денежные системы; это затрудняло расчеты и перевод денег из одного места в другое. Большие затруднения вызывало также и то, что функции денег наряду с серебром стало выполнять и золото. Скаруффи предлагает установить единую общеевропейскую денежную систему при отношении серебра к золоту как 1:12.

Этот же проект поддерживает и разрабатывает другой банкир-экономист. Даванцати, современник Скаруффи. Даванцати — сторонник биметаллизма, но требует установления твердого соотношения между серебром и золотом».

Италия выдвинула также ряд крупных теоретиков меркантилизма, разрабатывавших и общие экономические проблемы. Среди них — Дженовези (1712–1769) и Галианн (1728–1787) — запоздалые меркантилисты, о которых будет сказано нами в другой связи.

[31] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, с. 240.

Крупнейшим французским меркантилистом был ***Монкретьен*** (1575–1622)[32].

В своем «Трактате политической экономии, посвященном королю и королеве», который вышел в свет в 1615 г., Монкретьен выступает горячим защитником третьего сословия. Правда, он признает, что государство держится на трех сословиях, но о высших сословиях он предпочитает не говорить, так как это, по его выражению, «щепетильные вопросы». «Я буду, — заявляет он, — касаться лишь последнего сословия, с виду наиболее пренебрегаемого, а в действительности весьма замечательного».

Наиболее важной частью третьего сословия Монкретьен считает торговцев. «Купцы, — восклицает он, — более чем полезны государству». А о торговле он пишет: «Философы говорят, что цель есть причина всех причин; и торговля есть некоторым образом главная цель различных ремесл».

Здесь наиболее отчетливо формулирован примат обращения над производством. Хотя Монкретьен требует поощрения всякого рода ремесла и профессионального образования для народа, но цель всех ремесл он видит в торговле.

Монкретьен горячо защищает прибыль торговцев. «Не будь у них жажды наживы, заставляющей их пренебрегать риском и опасностью, — пишет он в названной работе, — они не решились бы подвергаться стольким превратностям на суше и опасности кораблекрушения на море».

Монкретьен знает, что прибыль — результат «отчуждения», но использует эту меркантильную теорию прибыли весьма своеобразно: он превращает ее в орудие борьбы против иностранных купцов. Во внутренней торговле проигрыш одного уравнивается выигрышем другого, и страна в целом не теряет (то, что купец выигрывает за счет мелких производителей, Монкретьена не беспокоит). Во внешней торговле иностранные купцы, которых он сравнивает с насосом, получая прибыль, выкачивают богатство страны.

О деньгах Монкретьен пишет: «Первый, сказавший «*деньги—нерв войны», не ошибся... Золото оказалось могущественнее железа. Вот почему великое крупное государство искало и находило способы его добыть...*»[33], и доказывает, что наиболее надежный способ добыть золото—это торговля.

Для меркантилистов характерен узкий национализм, «космополитизм» идеологов промышленного капитала им чужд. У Монкретьена национализм

---

[32] Монкретьен первый ввел термин «политическая экономия». Montchrétien, Trailé de l'economie politique dédié a Mon Seigneur le roi et a sanére reine.

[33] Montchrétien, Trailé de l'economie politique dédié a Mon Seigneur le roi et a sanére reine.

особенно резко выражен, им пронизана вся его книга. Его национализм часто приходит в столкновение с его меркантилизмом: он против вывоза тех продуктов, которые могут найти сбыт во Франции, хотя бы по пониженным ценам, лишь бы не отдавать их иностранцам, которые на них будут наживаться.

Тем не менее книга Монкретьена представляет собой крупное явление в экономической литературе того времени и характеризует определенный этап в развитии экономической мысли Франции. Монкретьен стоит на грани раннего и развитого меркантилизма; это соответствовало экономическому и политическому состоянию Франции того периода. Религиозные войны против альбигойцев опустошили цветущие южнофранцузские города, а гугенотская междоусобица расстроила всю французскую экономику[34]. К тому же Англия уже стала значительно опережать Францию[35]. У Монкретьена мы не находим такого понимания капитала (купеческого), как у Томаса Мена. Его подход зачастую чисто ремесленный; торговец местами изображается им как квалифицированный ремесленник, назначение которого — связать одних производителей с другими при помощи обмена их продуктов.

Мелкобуржуазная струя, как отмечает Маркс при разборе последующих французских экономистов, очень сильна во французской политической экономии; она весьма заметна и у Монкретьена. Отсюда его постоянные колебания, противоречивые высказывания и насчет значения денег. Мы видели, как высоко он ценит золото. Но в то же время он пишет: «Не обилие золота и серебра, не количество жемчуга и алмазов делает государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды; у кого их больше, у того больше благосостояние. Воистину — мы стали богаче золотом и серебром, чем наши отцы; но не зажиточнее и не богаче».

Монкретьен, резко высказываясь против роскоши, мотивирует это так: «Роскошь для государства — чума и роковое разорение; благодаря шелку в Турцию и Италию *уплывает наше золото*, выделение моё — Д. Р.».

В заключение отметим, что Монкретьен выделяется из общей массы меркантилистов особенно тем, что находит слова, проникнутые глубоким сочувствием к широким трудящимся массам, особенно крестьянству. Он пишет: «Влага всегда оседает на низины; так и тяготы несет, главным образом, народ. Хлебопашцы — что ноги у государства: они поднимают и несут всю тяжесть его тела. О них вам, государь, надлежит особо позаботиться».

---

[34] Монкретьен был гугенотом и погиб в одном из сражений.

[35] Монкретьен с такой же завистью говорит об англичанах, как Стаффорд о нидерландцах.

4. Меркантилизм в России

Меркантильная политика. Поворотным пунктом в развитии политической и экономической жизни России является эпоха Петра I, подготовленная экономическим и политическим развитием допетровской России. Опираясь на полученное наследство, Петр двинул Россию вперед и поднял ее на небывалую до того времени высоту. Именно в этом великое значение его деятельности, которую товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом характеризует следующим образом:

«*...Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков н развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры*»[36].

Одним из методов достижения указанных целей была меркантильная политика, проводившаяся и до Петра. Иностранный путешественник Де Родос, посетивший Москву в царствование Алексея Михайловича (1653), сообщает как нечто «всем известное, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг». Объясняет он это тем, что в России того времени сильно была развита торговля, и приходит даже к выводу, что «в этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных, взятых вместе». Другой путешественник, Кильбургер, также подтверждает, что «все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю» и что «в Москве более лавок, чем в Амстердаме или даже целом ином государстве». О развитии торговли, купеческого капитала и влиянии его на законодательство свидетельствуют и другие источники.

Петр проводил меркантильную политику с большой энергией и огромным размахом и, что особенно важно, придал ей характер «мануфактурной системы». Он направлял значительную часть купеческого капитала в русло промышленности. Началось сравнительно большое для того времени строительство фабрик и заводов (это были мануфактуры, но они назывались в то время фабриками). Их субсидировало правительство, но в них вкладывали большие капиталы и купцы. Им предоставлен был ряд привилегий, особенно в отношении приобретения рабочей силы.

---

[36] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Госполитиздат, 1938, с. 3.

Указ от 18 января 1721 г. предоставлял купцам право покупать деревни «под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно». Фабрикам предоставлена была и другая «привилегия»: они стали местом отбывания наказания для осужденных преступников. Указ от 10 февраля 1719 г. предписывает отослать на полотняные фабрики Турчанинова «для пряжки льну баб и девок, которые, будучи на Москве из приказов, также и из других губерний, по делам за вины свои наказаны». В силу указа 1721 г. эта мера стала общей: женщины, осужденные за разные проступки, направлялись, по усмотрению Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии, для работы на фабриках на срок и даже пожизненно. Привилегии, дарованные купцам, владельцам фабрик, зачастую наносили прямой ущерб помещикам: указом от 18 июля того же 1721 г. запрещалось возвращать с фабрик крестьян их «законным» владельцам.

Петр заботился и о сбыте промышленных изделий, охраняя их от иностранной конкуренции. Тарифом 1724 г. обложены были иностранные товары, которые могли быть произведены в России, пошлиной в размере 50 — 75% их стоимости. Мы не говорим уже о том, что реорганизуя армию на европейский лад и воздвигая крупные сооружения, Петр обеспечил сбыт по выгодным ценам тех товаров, в которых нуждались армия и строительство.

Насколько успешно развивалась крупная промышленность, можно судить по тому, что к концу царствования Петра в России насчитывалось 233 мануфактуры, многие из которых были довольно крупными, конечно, по масштабу того времени. Так, на казенной парусиновой мануфактуре в Москве работало 1 162 рабочих, на полотняной мануфактуре Тамеса — 841 рабочий, на суконной мануфактуре в Казани—742 рабочих, на одной из шелковых мануфактур — около 1 500 рабочих.

Но крупное производство, вызванное к жизни Петром, еще не было капиталистическим: на этих мануфактурах работали крепостные (они составляли подавляющую массу рабочих), а не «свободные» пролетарии. Появление таких мануфактур не знаменовало собой нового способа производства, — в своем существе способ производства остался прежним, феодально-крепостным.

Тем не менее петровские мануфактуры имели громадное значение: они прокладывали путь к капиталистическому производству, создавая предпосылки последнего. Население, занятое в мануфактуре, проходило большую школу, превращаясь из крепостных крестьян с навыками к индивидуальному труду в рабочие коллективы крупного промышленного производства. Из купцов, вкладывавших свои капиталы в производство, создавался класс промышленных предпринимателей. Увеличились товарное

производство и товарное обращение. Все это подтачивало основу феодального производства и подготовляло базу для капиталистического производства.

Крепостное право при Петре и особенно при его преемниках не только не поколебалось, но и всячески упрочивалось. Важнейшая особенность русского меркантилизма заключалась в том, что, с одной стороны, прокладывался путь к капиталистическому производству, а с другой—укреплялось то, что было главной помехой на пути развития капиталистических отношений, т. е. крепостничество.

Меркантильная теория. Меркантильные идеи в той или иной форме существовали в России и до эпохи Петра I, но наиболее интересным и своеобразным выразителем их был современник Петра Иван Тихонович Посошков.

И. Т. Посошков (1052-1726), автор знаменитой «Книги о скудости и богатстве», происходил из оброчных крестьян. В документах он фигурирует то как бывший крестьянин, то как купец, то как ремесленник, то как служилый человек. Очевидно, это — человек, деятельность которого была достаточно разносторонней. Впоследствии Посошков стал довольно состоятельным человеком. Судя по его завещанию, ему принадлежало несколько дворов, большое количество земли, два дома в Петербурге п даже крепостные.

За год до смерти, в 1725 г., он был арестован агентами тайной канцелярии. Причин ареста ни его биографы, ни историки не установили. Предполагают, что этот арест находится в связи с его «Книгой о скудости и богатстве», так как из документов явствует, что он был привлечен к ответственности не по уголовному, а по политическому делу. Названная «Книга» при жизни Посошкова не была напечатана, но имела хождение в узком кругу в рукописном виде.

«Символ веры» меркантилизма — больше продавать и меньше покупать — является лейтмотивом и книги Посошкова. Аргументация также взята из арсенала меркантилизма: если наше государство, говорит Посошков, будет больше продавать и меньше покупать, то деньги у нас останутся; в противном случае они уйдут за границу. Он придает своему аргументу и национальную окраску, говоря, что такая страна, как Россия, может обойтись без импорта и может много экспортировать. Иностранцы, говорит он, не могут обойтись без нас, мы же можем обойтись без них. Любопытно, что такая аргументация почти дословно имеется и у Монкретьена, с той, конечно, разницей, что последний говорит не о России, а о Франции.

Большая общность взглядов Посошкова и Монкретьеиа чувствуется и в его суждениях о ремеслах (Посошков — большой поборник развития в России всякого рода ремёсл) и особенно о торговцах. Посошков также начинает с

жалобы на то, что высший класс, дворянство, плохо относится к торговцам, смотрит на них свысока, обижает их, а между тем торговцы — очень важный и почетный класс. Он не отрицает того, что дворяне выше купцов, но и они, занимаясь военным делом, не могут обойтись без торговцев.

Наиболее оригинален Посошков в вопросах, касающихся применения общих начал меркантилизма к России. Он требует, чтобы торговлей занимались не все, а лишь бы профессионалы-торговцы. Дворянство, даже высшее дворянство, непрочь было заниматься торговлей и поручало это дело бурмистрам, приказчикам. Посошков—противник такого положения вещей, он—за выделение торговцев в сословие. Если дворяне хотят стать торговцами, пусть они откажутся от своего дворянского звания и перейдут в сословие посадских людей или торговцев.

Он требует также организации купцов в гильдии. Рекомендуя эту меру и для внутренней торговли, он особенно настаивает на таких организациях для внешней торговли, чтобы по отношению к иностранцам русские купцы выступали как единая корпорация.

Точно так же в отношении ремесл. Посошков—сторонник организации в России цехов. Характерно для воззрений Посошкова его указание на то, что такие организации дадут возможность органам государственной власти регулировать цены, следить за качеством товаров, за качеством сырья и т. д. Посошков—сторонник регулирования, даже регламентирования всей экономической жизни со стороны государства.

Более того, в работе Посошкова красной нитью проходит мысль, что хозяйственная деятельность—это не частное дело, а функция общественная, поэтому она должна находиться под контролем высшего органа общества. Таким органом он считал государство, вернее, государя (Посошков говорит обычно не о государстве, а о государе).

Под этим углом зрения рассмотрим отношение Посошкова к крепостному праву. Согласно его общим воззрениям на государство, он считал, что и крестьянские повинности по отношению к помещикам должны регулироваться государем. Крестьяне, подчеркивает он, находятся во власти помещиков только временно, а вечно они находятся во власти государства. Полагая, что все принадлежит государству, а помещики, купцы, ремесленники— только своего рода служащие государства или его агенты, Посошков считал, что помещики господствуют над крестьянством в качестве уполномоченных государства. В этом смысле их господство — временное. Государство может лишить их этого полномочия. Такая трактовка крепостного права вряд ли улыбалась защитникам крепостничества.

Печать отсталости тогдашней России лежит и на теории денег Посошкова. Его считают номиналистом, так как он утверждал, что деньги создает государь, который может превратить копейку в гривну, стоит только поставить соответствующий штамп. Но не следует упускать из вида своеобразия «номинализма» Посошкова: в Западной Европе, по его мнению, власть государя слаба, поэтому он не может создавать деньги, а у нас власть государя неограниченная, и она дает ему возможность делать деньги.

Концепция Посошкова отличается большой цельностью и внутренним единством. Значение политической власти в деле устройства жизни народов, в том числе и их хозяйства, преувеличивали и западноевропейские меркантилисты, но более развитая экономика предохраняла их от крайностей. В отсталой России преувеличенное представление о всемогуществе самодержавия и самодержца приняло поистине чудовищные размеры. Во власти этого представления был и Посошков. Исходя из него, он последовательно и всесторонне развивает свою меркантильную концепцию.

5. Возникновение утопического социализма

Одновременно с возникновением капиталистического способа производства и буржуазной политической экономии возникает и критика этого способа производства. Появляются первые варианты утопического социализма, положившие начало критике капитализма и имевшие большое влияние на развитие социалистических идей.

Религиозная ересь, о которой мы говорили в предыдущей главе, направлена была против феодальных отношений и опиралась на порабощенное крестьянство и близко стоявших к нему мелких производителей средневековых городов. Утопический социализм с самого начала направлен против капиталистических отношений и развивается вместе с развитием последних.

Меркантилисты — первые теоретики капиталистического способа производства, разрабатывавшие его с точки зрения буржуазии; утописты XVI и XVII вв. — первые критики капитализма, представлявшие интересы тех масс, которые лишились средств производства и образовали первые ряды современного пролетариата. Не случайно первая утопия возникла в Англии, в эпоху первоначального накопления.

Томас Мор (1480-1535). Родоначальником раннего утопического социализма является англичанин Томас Мор, один из образованнейших людей своего времени и выдающийся деятель эпохи Ренессанса. Мор неизмеримо опередил своих современников-гуманистов, этих первых мыслителей буржуазной формации выступив с критикой капитализма в то время, когда

последний находился еще в процессе ***становления***. Его современники боролись за смену одной формы эксплуатации — феодальной — другой формой — буржуазной; он же боролся за уничтожение всякой эксплуатации, противопоставив классовому обществу бесклассовое.

Как критику современного ему общественного строя, так и идеал совершенной общественной организации производства, распределения и потребления Мор излагает в своей знаменитой книге «Утопия»[37], вышедшей в 1518 г. II название книги (слово «утопия» составлено из двух греческих слов, означающих несуществующее, не имеющее места) и форма изложения свидетельствуют о том, что Мор понимал, что в его время еще не было почвы для переустройства общества на коммунистических началах; он даже не пытался организовать силы для создания такого общества. Но Мор провозгласил, что основой капиталистической эксплуатации, как и всякой эксплуатации человека человеком, является частная собственность, и только с уничтожением ее неимущие освободятся от гнета и порабощения имущими, — в этом бессмертная заслуга Томаса Мора.

«Утопия» состоит из двух частей. В первой яркими красками рисуется «предыстория» капитализма, первоначальное накопление в том виде, как оно происходило в Англии конца XV и начала XVI в. В I томе «Капитала» Маркс цитирует ряд характерных мест из «Утопии». Описывая процесс экспроприации земли у сельского населения, Маркс делает следующее замечание: «*В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей»*[38].

Как известно, в Англии в ту эпоху пашни лендлордами превращались в пастбища для овец, а крестьян сгоняли с земли, которой они веками владели. Мор по этому поводу пишет: «*Ваши овцы... обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются темп ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так*

---

[37] Полный заголовок этой книги в русском переводе следующий: «*Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии*».

[38] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 577.

вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свиных стойл»[39].

«Овцы, пожирающие людей» — яркий символ того нового, что знаменовало собой переход от феодальных отношений к буржуазным. Духовные и светские феодалы довольствовались докапиталистической рентой в разных ее формах, соответствовавших феодальному способу производства. Переход же к капиталистическому производству, требовавший отделения средств производства от производителей и в первую очередь экспроприации земли у сельского населения, привел, при тогдашних условиях, к замене земледелия овцеводством. Ближайшим стимулом к такой замене служило то, что овцеводство было более прибыльным, доставляло больше прибавочной стоимости, чем хлебопашество.

Главным злом Мор считает частную собственность. «*Поэтому я твердо убежден, — говорит Гитлодей, от имени которого ведется рассказ и выражающий сокровенную мысль Мора, — в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то, и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбен*»[40].

Во второй части «Утопии» Мор рисует экономический и социально-политический строй утопийцев, диаметрально противоположный буржуазному строю. Утопийцы не признают частной собственности; не только средства производства, но и предметы личного потребления являются общественной собственностью. «*Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди — на улицу и сзади — в сад. Двери двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают такой кого угодно — **до такой степени у утопийцев устранена частная собственность***»[41].

В «Утопии» уничтожена противоположность между городом и деревней. Страна разделена на округа, в центре которых имеются города, ни в чем друг другу не уступающие. Жители города по очереди переселяются в деревню сроком на два года для занятия земледелием. Деревня доставляет городу сельскохозяйственные продукты, а город—ремесленные изделия не на основе товарообмена, а в порядке продуктообмена; точнее, и те и другие продукты

---

[39] Томас Мор, Утопия, 1935, с. 59.

[40] Там же, с. 91.

[41] Там же, с. 105, выделение моё — Д. Р.

доставляются в общественные магазины, откуда каждая семья получает все нужное ей.

Уничтожена в «Утопии» и противоположностз. между физическим и умственным трудом. Все получают одинаковое образование, и все с определенного возраста обязаны работать в определенной отрасли хозяйства. Только в свободные от физического труда часы утопийцы занимаются наукой и искусством.

Упразднив частную собственность, утопийцы упразднили и торговлю и деньги. «*Между тем с золотом и серебром, из которых делаются деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости*»[42].

Конечно, дело не в людской глупости, не она наделила серебро и золото ценностью. Политическая экономия в ту пору находилась еще в младенческом состоянии, и такие проблемы, как проблема стоимости и проблема денег, по-настоящему даже не были поставлены. Дальше видимости вещей тогда не шли: видя, что деньги «порождают» новые деньги, меркантилисты впали в иллюзию, будто деньги и богатство — одно и то же. Мор, отрицавший буржуазный способ добывания богатства, объявляет, что ценность серебра и золота выдумана людской глупостью. Однако за этой неверной формулировкой скрывается глубокое понимание того, что деньги — явление историческое, преходящее, что при коммунизме серебро и золото получат совсем иное назначение. Мор проявляет глубокое научное предвидение, рассказывая, что «...*из золота и серебра, повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они (утопийцы — Д. Р.) делают ночные горшки и всю подобную посуду самых грязных надобностей*»[43].

Припомним знаменитую статью Ленина «*О значении золота теперь и после полной победы социализма*», *где мы читаем: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколения, которые на забыли, как из-за золота перебили*

[42] Томас Мор, Утопия, с. 128.

[43] Там же, с. 129, выделение моё — Д. Р.

десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914-1918 гг...»[44]

Еще на заре капитализма Мор выносит «справедливый» и «наглядно-назидательный» приговор над золотом, богом богов буржуазного общества.

Освободившись от ига золота и частной собственности, утописты сразу перешли из царства необходимости в царство свободы. О переходном периоде к коммунизму Мор ничего не сообщает, — мы только узнаем, что Утопия существует уже 1700 лет и что Утоп (основатель царства утопийцев) «*...довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь он почти превосходит в этом отношении прочих смертных*»[45].

Во времена Мора еще не было ни объективных, ни субъективных предпосылок для построения коммунистического общества. Автор «Утопии» обходит молчанием вопрос о том, как и кем будет совершена коммунистическая революция. Но он глубоко убежден в возможности коммунистического строя и в своей «Утопии» рисует этот строй как идеал, к осуществлению которого человечество должно стремиться, чтобы избавиться от всех видов угнетения и эксплуатации.

Фома Кампанелла (1568-1631). Другим крупнейшим глашатаем коммунизма в эпоху, переходную от феодализма к капитализму, был итальянец Фома Кампанелла. Жизненные пути и социальное положение Кампанеллы и Мора различны. Мор — выходец из купеческой среды, получил светское образование, долго занимался адвокатской практикой, был на государственной службе и достиг наивысшей государственной должности — при Генрихе VIII был назначен лордом-канцлером. Кампанелла — сын бедного крестьянина, рано постригся в монахи, неоднократно привлекался светскими и духовными властями по обвинению в заговорах и ереси, 27 лет просидел в разных тюрьмах и лишь в преклонном возрасте добился освобождения. Но Кампанеллу и Мора объединяет то, что оба они враждебно относятся как к феодализму, так и к капитализму и противопоставляют им коммунизм.

Свои коммунистические принципы Кампанелла наиболее ярко излагает в своей книге «Город солнца», не менее популярной и распространенной, чем «Утопия» Мора. Литературное оформление и фабулы обеих книг в основном одинаковы: в «Утопии» путешественник, а в «Городе солнца» моряк, странствуя по морям и океанам, попадают в неведомые страны, где коммунизм уже осуществлен, и рассказывают об этом в форме диалога. Такая литературная форма в ту пору — эпоху великих географических открытий—

[44] В. И. Ленин, Соч., т. 27, с. 82.

[45] Томас Мор, Утопия, с. 100.

была наиболее распространена и использовалась для разных целей. Мор и Кампанелла использовали ее для пропаганды коммунизма.

Кампанелла и Мор сходятся в определении основ коммунизма, но у Кампанеллы целый ряд вопросов разработан гораздо полнее и детальнее; особенно подробно разработана им система воспитания на коммунистических началах. Все воспитываются для трудовой жизни, всем с раннего детства прививается отвращение к праздности; от труда никого не освобождают, даже людей с физическими недостатками. «*Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д.*»[46].

Солярии (граждане Города солнца) одинаково высоко ценят все виды труда; у них нет более почетного и менее почетного труда, они различают лишь более тяжелый и менее тяжелый труд. «*Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам сидеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет как самую почетную*»[47].

Большим почетом и уважением у соляриев пользуется лишь тот, кто хорошо знает свое ремесло и хорошо выполняет назначенную ему работу. «*Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе... Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь... занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам*»[48].

Подробно описывая жизнь соляриев, Кампанелла сопоставляет ее с жизнью на его родине, в Италии, где капиталистические отношения еще перекрещивались с феодальными и где капиталистическо-феодальный гнет усугублялся гнетом иностранных завоевателей. В ту пору значительная часть Италии завоевана была Испанией, а страна в целом часто подвергалась опустошительным нашествиям французских и немецких армий. Своим соотечественникам Кампанелла ставит в пример соляриев, которые,

---

[46] Фома Кампанелла, Город солнца, 1934, с. 60–61.

[47] Там же, с. 57.

[48] Там же, с. 76.

освободившись от всяких видов эксплуатации, мужественно отстаивают свою свободу и независимость. В Городе солнца как праздность, так и трусость клеймятся позором и строго наказываются. Солярии — народ трудолюбивый, но вместе с тем смелый, храбрый и боевой. Кампанелла неоднократно подчеркивает патриотизм соляриев, он свободен от шовинизма. «*Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, только если на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную*»[49].

* * *

Коммунистические воззрения Кампанеллы и Мора носят печать своего времени, они еще далеки от научного понимания коммунизма. И в «Утопии», и в «Городе солнца» большое место занимает религия; религиозный элемент особенно силен у Кампанеллы. Во главе Города солнца — священник, «*...именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и* ***в бренном и в духовном*** *и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение*»[50]. Город солнца по своей организационной структуре напоминает теократию, т. е. церковное государство с папой во главе. При всем этом Фома Кампанелла своим рассказом о мифическом Городе солнца, как и Томас Мор своей «Утопией», вписал славные страницы в историю социализма. Обе эти книги положили начало утопическому социализму.

Глава V
Разложение меркантилизма и возникновение классической школы

1. Англия XVII в.

Экономическое развитие. В Англии капиталистический способ берет производства свое начало в XVI в. В XVII в. английский капитализм делает значительный шаг вперед, вступая во вторую стадию развития капитализма, в стадию мануфактуры. Но на этой стадии, как неоднократно подчеркивает Маркс, промышленный капитал еще не в состоянии был овладеть полностью общественным производством, мануфактура являлась только своего

[49] Фома Кампанелла, Город солнца, 1934, с. 77.

[50] Там же, с. 27, выделение моё — Д. Р.

рода вышкой, а широким основанием все еще служило мелкое производство. Англия той эпохи оставалась еще страной аграрной, о чем свидетельствуют, например, данные Кинга (в конце XVII в.) о распределении населения Англии:

	Тыс. человек
Лондон	530
Большие города и местечки	870
Деревни и сёла	4100
Всего	**5500**

По Кингу, население Англии в 1688 г. занималось:

	Тыс. человек
Земледелие	4265
Обрабатывающая промышленность	240
Торговля	246

Все это свидетельствует об аграрном характере страны.

Тем не менее достижения промышленного капитала были значительны. До конца XVI в. Англия вывозила либо шерсть, либо грубые шерстяные ткани, тонкую ткань она ввозила из других стран. В XVII в. Англия уже вырабатывает такие ткани не только для собственного потребления, но и для экспорта. В этот период была положена прочная основа расцвету английской текстильной промышленности. В рассматриваемую эпоху ведущая роль принадлежала шерстяной промышленности. Позже на арену выступает хлопчатобумажная промышленность, которая догоняет и перегоняет шерстяную промышленность.

Началась разработка и минеральных богатств. Именно в эту эпоху стал применяться каменный уголь для доменных печей и положено было начало горной промышленности. В 1612 г. существовало около 800 железоделательных заведений. Правда, железная продукция страны была еще довольно незначительна: одна печь выпускала в неделю (в среднем) всего 3 т полосового железа: чугуна в одной печи выплавлялось 15 т в неделю. Но вскоре (1619) Дедли взял патент на выплавку железа при помощи каменного угля. Это открытие постепенно преобразовало металлообрабатывающую промышленность и создало новую отрасль производства — каменноугольную.

Одна из особенностей развития капитализма в Англии заключалась в том, что он одновременно развивался и в промышленности, и в земледелии. Уже процесс «огораживания», начавшийся в предыдущие века, продиктован был жаждой капиталистической наживы. Громадные участки земли отводились под овцеводство, потому что производство шерсти стало выгоднее, чем производство зерна. В дальнейшем рост городов и промышленных центров, вызвавший спрос на продовольствие и разные виды сырья, сделал прибыльным и земледелие, которое превратилось в ***торговое земледелие***.

Из общей крестьянской массы выделились зажиточные крестьяне, так называемые ***йомены***. Кроме того, были и капиталисты-фермеры, для которых земледелие являлось лишь особым видом применения капитала. Наконец, помещики средней руки, ***сквайры***, обуржуазились и повели свое хозяйство по новому пути, проложенному капиталистическим развитием.

Таков был капиталистический сектор в сельском хозяйстве. Наряду с ним существовал еще сектор полуфеодальный и феодальный. На землях крупных феодальных магнатов и придворной аристократии жили арендаторы и крестьяне, пользовавшиеся землей на основе феодальных и полуфеодальных отношений и в разных формах платившие докапиталистическую ренту. Вообще сельское хозяйство, как, впрочем, и промышленность, представляло собой в ту эпоху пеструю картину. Капиталистические и докапиталистические формы производства и распределения переплетались между собой. Узел противоречий двух экономических формаций затягивался все туже, пока его не разрубил меч революции, очистивший путь капитализму.

XVII век вносит крупные изменения и в английскую торговлю. Победа англичан над испанцами — уничтожение в 1588 г. «Непобедимой армады» (испанского флота) у берегов Англии — положила начало морскому могуществу Великобритании. На протяжении XVII в. морская торговля развертывалась лее шире; образовались большие торговые компании, раскинувшие свои сети по всему миру. Первое место среди них занимала Ост-Индская компания, образовавшаяся в начале XVII в. и сыгравшая важную роль в завоевании Индии. Некоторые компании были учреждены дли торговли со странами Америки и Африки, была организована компания для торговли с Россией, называвшаяся Московской торговой компанией, распространившая сферу своего действия также на Армению, Персию и побережье Каспийского моря.

Торговые компании вначале усилили позиции торгового капитала—его удельный вес в экономике страны и его влияние на политику. Но дальнейшее развитие торговли, принявшей размеры и характер мировой торговли, ускорило развитие промышленного капитала.

Показателем крупного успеха Англии в сфере торговли, особенно морской, а также ее дальнейшего промышленного развития было создание ею в ту эпоху могучего флота. Согласно изданному Кромвелем в 1651 г. навигационному акту, страны, вывозившие своп товары в Англию, могли пользоваться либо своими собственными кораблями, либо английскими, но отнюдь не кораблями третьей державы. Этот навигационный акт был направлен, главным образом, против Нидерландов, извлекавших большую выгоду из посреднической торговли. Плавание между отдельными гаванями самой Англии дозволялось только на английских кораблях. Связь между Англией и ее колониями можно было осуществлять тоже только при помощи английских кораблей. Постепенно английский морской флот достиг огромных размеров.

Политическая борьба и революция. К началу XVII в. буржуазные отношения в Англии достигли значительного развития, хотя они еще и переплетались с феодальными отношениями, базировавшимися на сохранившихся докапиталистических формах производства. Промышленный капитал завоевывал одну позиция за другой и прокладывал путь к полному овладению всем общественным производством. Но сильны были и позиции торгового капитала.

Появились первые отряды современного пролетариата — наемные рабочие капиталистической мануфактуры.

Мозаичность экономики Англии XVII в., переплетение капиталистических и феодальных элементов наложили свою печать и на рабочий класс. Как в сельском хозяйстве, так и в промышленности он эксплуатировался и капиталистическими и докапиталистическими методами. Он был еще скован старыми формами организации производства, которые были хотя и значительно подорваны, но далеко еще не уничтожены.

На первых порах мануфактура не уничтожила старой ремесленной иерархии с ее делением на мастеров, подмастерьев и учеников, искусственно созданными средневековыми цехами. Расчленение ремесла на отдельные операция создало еще новую иерархию: мануфактурные рабочие стали делиться на особые группы в зависимости от степени квалификации и сложности выполняемых ими операций. Мануфактура превратила рабочего в частичного рабочего, лишенного возможности работать вне мануфактуры, а над этим частичным рабочим тяготели к тому же цеховые ограничения, китайской стеной отделявшие одну профессию от другой.

Что касается сельскохозяйственных рабочих, то, владея клочком земли, чаще всего еще на основе феодальных отношений, и не пользуясь свободой передвижения, сельский батрак вынужден был работать в соседних хозяйствах

по найму либо у разбогатевших крестьян-собственников, либо у капиталистов-фермеров, либо, наконец, у помещиков-сквайров. Сельский пролетариат почти ничем не выделялся из общей массы крестьянской бедноты, вместе с которой он образовал слой деревенских пауперов, заработок которых был настолько низок, что они не могли существовать без помощи со стороны приходов.

По рабочему статуту Елизаветы, рабочие лишены были возможности объединяться в союзы, малейшее сопротивление хозяевам жестоко каралось. Они были отданы под надзор местных властей, а размер заработной платы останавливали мировые судьи, назначавшиеся из среды помещиков, фермеров и именитых купцов. Эти судьи так усердствовали в исполнении своих обязанностей, что устанавливаемая ими заработная плата была значительно ниже стоимости минимума средств существования.

Буржуазные отношения созрели, стали преобладающими и пронизывали докапиталистические формы хозяйства. Мы видели, что значительная часть дворянства—преимущественно среднее, поместное дворянство — обуржуазилась и перевела свои хозяйства на капиталистические рельсы. В этой части дворянства буржуазия нашла сильного союзника[51] и даже военного руководителя в борьбе против феодальной знати и опиравшейся на нее королевской власти в лице Стюартов.

Для Англии XVII век — это век революции. В 1640 г. парламент вступает в острый конфликт с Карлом I и группирует вокруг себя все оппозиционные элементы. Сперва борьба ведется в парламентских рамках, но затем перерастает эти рамки — в 1648 г. начинается подлинная революция. Первый этап революции завершается казнью короля (1649), Англия объявляется республикой, но фактически вся власть вскоре концентрируется в руках диктатора Англии ***Оливера Кромвеля***. После его смерти (1658) преемником его не удается удержать диктатуру. В 1660 г. свергнутая династия реставрируется, и английский престол занимает Карл II. Реставрация, продолжавшаяся небольшой промежуток времени и полная борьбы и интриг, завершается бегством Якова II, сменившего на английском престоле своего брата Карла II. В 1689 г. парламент приглашает на вакантный престол Вильгельма Оранского. Это событие буржуазные историки называют бескровной революцией. Вильгельм Оранский получил власть от парламента на определенных условиях: царствовать, но не властвовать, — власть осталась за парламентом.

---

[51] Говоря об английской революции, Маркс пишет: «*В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, с. 54).

Образовались две партии: тори и виги. Тори — наиболее консервативная часть, они в основном представляли дворянское крыло союза буржуазии и помещиков. Виги представляли буржуазное крыло. Между этими партиями происходили беспрерывные распри; власть переходила то к партииториев, то к партии вигов.

Значение революции выходит далеко за пределы Англии. Маркс пишет: «*Революции 1648 и 1789 гг. не были английскою и французскою революциями; ото были революции европейского масштаба. Они представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества. Буржуазия победила в них; но победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя...*»[52]

Новое мышление. XVII век—век расцвета точных наук, век крупнейших побед в области механики, физики, математики. Процесс эмансипации науки от теологии, начавшейся с Ренессансом, для точных наук достиг значительного развития. Это создало теоретическую и идейную базу для новой философии, основателем которой считается английский философ Френсис Бэкон (1561-1626), который был, по характеристике Маркса, «*...родоначальником английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени...*»[53]

Бэкон сформулировал общий принцип, согласно которому овладеть природой сможет лишь тот, кто умеет ей повиноваться, т. е. исходит из ее законов, а не навязывает ей свои законы. Чтобы достичь в жизни какой-либо цели, надо познать действительность и причины, обусловливающие те или иные явления. Того же принципа придерживался Макиавелли, исходивший не из должного а из обычно наблюдаемого в действительности. Но Бэкон формулировал этот принцип как общий принцип всякого познания в том числе и общественных явлений.

Отсюда вытекает необходимость тщательного изучения фактов и поисков внутренней их связи. Это имело большое значение для развития всей научной мысли, экономической в особенности. Мы уже говорили, что меркантилисты освободили экономическую мысль от средневековой схоластики и стали изучать факты такими, какие они есть. Но меркантилисты дальше голого эмпиризма не пошли. Бэкон наметил путь от индукции к дедукции, от фактов— к их внутренним связям и обобщениям.

---

[52] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, с. 54.

[53] Там же, т. 3, с. 137.

Еще сильнее влияние на общественные науки философа-материалиста Гоббса (1588-1679)[54]. Идя по пути, намеченному Бэконом, Гоббс дал новую, в духе материализма, теорию государства. Он понимал, что государство создано людьми, и задался целью вскрыть **естественную** причину образования государства.

Гоббс учил: «homo homini lupus est» (человек человеку — волк). В естественном состоянии — до появления государства— люди находились в «состоянии войны всех против всех». От этого состояния люди сами отказались во имя безопасности и порядка. Так, по Гоббсу, возникло государство, а лучшей формой последнего он считал неограниченную монархию. Гоббс был сторонником монархии не потому, что видел в монархах «помазанников бога» или людей «высшего порядка», а лишь потому, что считал их олицетворением сильной власти; неограниченную власть Гоббс отождествлял с сильной властью, республику и демократию он таковой не считал. Поэтому, когда Кромвель, став диктатором, установил сильную власть, Гоббс с ним вполне примирился.

Гоббс еще далек от понимания классовой природы государства. Он за «борьбой всех против всех» не видит борьбы классов, но причины образования государства он ищет в реальной действительности, в наблюдаемых им фактах. В современном ему обществе «борьба всех против всех» в виде конкуренции достигла уже больших размеров и приняла острые формы. Далекий также от историзма, от понимания исторической обусловленности общественных явлений, Гоббс выводит наблюдаемую им борьбу из природы человека, из эгоизма. Этим он положил начало учению о природе человека как причине общественных феноменов и естественных законов, и это, как мы увидим дальше, сыграло большую роль — и положительную и отрицательную—в развитии политической экономии.

2. Возникновение английской классической политической экономии. Вильям Петти — основатель современной политической экономии

Жизнь и деятельность В. Петти (1623-1687). В Англии классическая политическая экономия начинается с Вильяма Петти и заканчивается Рикардо; во Франции она начинается с Буагильбера и заканчивается Сисмонди. Но подлинная родина классической политической

[54] Влияние Бэкона и Гоббса на развитие экономической мысли отмечает Маркс, в 1 томе «Капитала», с. 290, прим. 3. Маркс пишет: «*В общем ранние английские экономист примыкают к философии Бэкона и Гоббса...*».

экономии — Англия. И именно английскую классическую политическую экономию Ленин считает одним из источников марксизма.

Вильям Петти — сын мелкого ремесленника. К двенадцати годам он поступил юнгой на корабль. Во время работы он сломал ногу и как непригодный к труду был высажен на французский берег, в совершенно незнакомую ему страну. Во Франции Петти сошелся с иезуитами, красноречиво описал им свои бедствия, завоевал их симпатии и благодаря им получил работу.

Петти вернулся на родину, но приложения своим силам не находил. Одно время он снова служил во флоте. Собрав немного средств, он в 1643 г., в самый разгар гражданской войны, поехал в Нидерланды, где стал усердно изучать медицину. В 1645 г. Петти вновь переселился во Францию и в Париже продолжал свои занятия медициной и анатомией.

В Париже Петти близко сошелся с Гоббсом, проживавшим там в качестве эмигранта. Эта дружба имела большое влияние на выработку мировоззрения и научной методологии Петти.

Помимо медицины и анатомии, Петти изучал математику, которая научила его «рассуждать лишь в терминах чисел, веса н мер», и ряд других наук. Он успешно занимался также музыкой. Разносторонность знаний и талантов препятствовала ему в выборе определенного вида деятельности, притом его тянуло не только в «храм науки», но и в «храм Мамона», — жажда богатства соперничала с жаждой знаний.

Вернувшись по окончании учения в Англию, Петти вначале намеревался стать изобретателем. Он изобрел копировальную машину и добился патента на нее. Изобретение не принесло ему тех денежных выгод, которых он ожидал. Петти принялся за врачебную практику и одновременно стал читать лекции по медицине при Оксфордском университете, где вскоре получил звание профессора. К этому же периоду относятся н его лекции о музыке в специальном колледже (Грешамском).

Наиболее важным событием в жизни Петти было назначение его врачом при ирландской армии. Кроме того, он стал лейб-медиком Генри Кромвеля (сына Оливера Кромвеля), в кругу которого завоевал большое доверие и влияние. Это открыло Петти широкое поле деятельности в качестве политика и экономиста и доставило ему большие возможности обогащения.

С восставшей против английского ига Ирландией жестоко расправились новые хозяева — буржуазия и обуржуазившиеся помещики. Земли повстанцев были конфискованы и переданы частью офицерам и солдатам, частью — за невысокую плату — отдельным влиятельным лицам и спекулятивным компаниям. В результате этих операций в Ирландии появилось около 30 тыс.

новоиспеченных английских помещиков. Одним из таких помещиков стал и Вильям Петти.

Как политический деятель Петти особой принципиальностью не отличался. Он был близок к наместнику Ирландии Генри Кромвелю, а во время реставрации не менее ревностно и, конечно, не безвозмездно служил династии Стюартов. От реставраторов он получил звание пэра Англии.

Петти как экономист. Маркс называет Петти гениальнейшим и оригинальнейшим экономическим исследователем. Своими экономическими работами В. Петти положил начало классической политической экономии.

У Петти еще нет единой системы, его оригинальные и подчас гениальные мысли вкраплены, так сказать, в практические суждения по отдельным злободневным вопросам. Но эти мысли внутренно связаны между собой и кладут основу классической политической экономии.

Меркантильная система «*необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения*» (К. Маркс). Петти уже ищет основ явлений. У него, как говорит Маркс, «*...дело идет об основах явлений, а не о них самих*»[55]. Этим Петти проводит грань, отделяющую его от меркантилистов. Он понимает, что сущность явления и само явление не тождественны, меркантилисты же исходили из их совпадения.

Однако Петти не сразу удается освободиться от меркантильных представлений. Каждая из его работ — это определенный этап в развитии как его метода, так и его воззрений. Наибольшей зрелости они достигают в последней его работе, «Кое-что о деньгах». Об этом произведении Маркс пишет: «*последние следы меркантилистических воззрений, встречающиеся в других его сочинениях, здесь совершенно исчезают. Это — маленький шедевр по содержанию и по форме...*»[56]

Но уже в первой своей крупной работе, «Трактат о налогах и сборах», Петти заложил основу всей классической политической экономии, определив стоимость товаров трудом. Хотя он и не развивает своей теории стоимости в цельную систему, однако, как мы увидим это ниже, он исходит из нее в своих дальнейших исследованиях.

Противоположность Петти меркантилизму проявляется прежде всего в его методе. Метод его, по его собственному выражению, «не традиционный». И действительно, Петти рвет с традицией. Метод меркантилистов — описательный: собирание фактов и выяснение эмпирических связей между ними. Петти же заявляет, что он хочет: «пользоваться только аргументами,

---

[55] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, 1936, с. 9.

[56] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, гл. 10, 1938, с. 242-243.

взятыми из чувственного опыта, и рассматривать такие причины, которые имеют видимое основание в природе».

Петти ввел в политическую экономию новый метод, открытый Бэконом и с большим успехом примененный Гоббсом. Этому методу он еще придал форму математическую. Петти требовал точного наблюдения, но он широко пользовался также научной дедукцией для объяснения наблюдаемых явлений, т. е. для раскрытия их сущности.

Так, например, приступая к исследованию ренты, Петти заявляет: «*Но прежде, чем распространяться о ренте, мы должны* ***попытаться объяснить таинственную природу*** *как денежной ренты, называемой процентом (usury), так и ренты с земель и домов*»[57]. Раскрыть же основу явлений, или, по выражению Петти, «таинственную природу» их, невозможно без абстракции, которая, как говорит Маркс, «заменяет микроскоп и химические реактивы».

Влияние Гоббса непосредственно сказалось на воззрениях Петти на государственную власть и ее роль в экономике. Значительно содействуя разложению меркантильной системы своими исследованиями, Петти, тем не менее, еще чужд экономическому либерализму, который является одним из устоев классической политической экономии и который всячески суживает роль государства в хозяйственной жизни страны. В этом вопросе Петти ближе к меркантилистам, чем к классикам; он рекомендует государю ***разумное*** вмешательство в экономику, но он не против вмешательства как такового. Этот момент связан с учением Гоббса о государственной власти, как о силе, без которой общество распалось бы на враждебные друг другу «человеки-атомы». Петти, как и Гоббс, — сторонник сильной власти и требует поддержки ее авторитета.

По религиозному вопросу, который в ту эпоху являлся яблоком раздора между партиями — социальные и политические разногласия имели религиозную окраску, — Петти объявил себя сторонником веротерпимости. Интересна аргументация Петти. «*Он, — говорит Маркс, — защищает свободу совести, как условие торговли, «потому, что бедные до тех пор будут прилежны и будут смотреть на труд и усердие как на долг перед богом, пока им позволено будет думать, что, обладая в меньшей степени богатством, они зато обладают большим умом и пониманием в божественных делах, что считается ими специальной собственностью бедных*»[58].

---

[57] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 9, выделение моё — Д. Р.

[58] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 29–30.

Петти — не только экономист-теоретик, но и экономист-политик, даже публицист, откликающийся своими сочинениями на все злободневные вопросы той бурной эпохи. Каждая его работа является одновременно трактатом по экономической теории, экономической политике и политическим памфлетом.

Важнейшие его экономические труды следующие: 1) «Трактат о налогах и сборах», 2) «Политическая анатомия Ирландии», 3) «Политическая арифметика», 4) «Кое-что о деньгах».

Теория стоимости Петти. Мы уже отметили, что у Петти нет еще цельной системы. Но между отдельными его воззрениями существует внутренняя связь, соединяющая их в единое целое. Основой этого единства бесспорно служит его теория стоимости.

Анализируя цены, Петти различает естественную и политическую цену. Под естественной ценой он фактически разумеет стоимость, под политической — цену. Но предметом его исследования является цена естественная. Задаваясь вопросом, чем она определяется, он отвечает:

«Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собой естественную цену другого; если же, благодаря новым, более богатым копям, он окажется в состоянии так же легко добыть две унции серебра, как прежде одну, то хлеб будет так же дешев при цепе в 10 шилл. за бушель, как прежде был при цене в 5 шилл...»[59]

Петти, как мы видим, устанавливает, что 1) естественная цена товара — бушеля хлеба — определяется количеством труда, затраченным на производство товара; 2) она прямо пропорциональна производительности труда, затрачиваемого на добычу серебра. Сравним положение Петти со следующим положением Маркса: «При неизменной стоимости товара А его относительная, выраженная в товаре В, стоимость повышается и падает в отношении, обратном изменению стоимости В» (**К. Маркс.** Т. 1. 1935. С. 16-17). Товар А в примере Петти есть хлеб, а товар В — серебро; относительная стоимость хлеба, выраженная в серебре, повышается с понижением стоимости серебра.

Это сравнение наглядно показывает, что Петти с самого начала определяет не стоимость товара, а относительную стоимость его. Более того, и относительную стоимость он берет опять-таки с самого начала в ее денежном выражении, иначе говоря, он исследует не выражение стоимости одного товара в любом другом товаре (т. е. меновое отношение двух любых товаров), а

[59] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 9.

исследует выражение стоимости товара в деньгах (во времена Петти серебро было валютным материалом, т. е. деньгами). Следовательно, Петти не только не абстрагирует стоимости от меновой стоимости, но он еще не абстрагирует стоимость от цены, т. е. денежного выражения стоимости. «Однако, — говорит Маркс, — меновую стоимость он (Петти. — Д. Р.) берет так, как она ***проявляется*** в процессе обмена товаров, как деньги, самые же деньги — как существующий товар, золото или серебро» (**К. Маркс**. К критике политической экономии. С. 30).

В этом сказывается влияние меркантилизма. Для Петти стоимость товара есть не что иное, как количество денег, которое в среднем получают за него. Но Петти в отличие от меркантилистов интересует закон, на основе которого за данный товар получают именно такое (в среднем) количество денег.

Петти очутился перед неразрешимой на первый взгляд проблемой. Как меркантилист он не мог вывести стоимость («естественную цену») из труда как такового. Согласно же своему новому методу, он не мог ограничиться описанием колебаний рыночных цен: новый метод понуждал его вскрыть то, что за ним скрывается. Гениальность и оригинальность Петти сказались именно в найденном им выходе из этого затруднения. Выход этот в следующем: не всякий труд непосредственно создает меновую стоимость, а только такой, который затрачивается на производство серебра, т. е. денег. Другие виды труда создают стоимость лишь в той мере, в какой их продукты обмениваются на серебро.

«*Опутанный, — говорит Маркс, — представлениями монетарное системы, он (Петти. — Д. Р.) объявляет тот особенный вид реального труда, при посредстве которого добываются золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосредственную потребительную стоимость, а товар, — потребительную стоимость, которая способна путем своего отчуждения в процессе обмена представляться в виде золота и серебра, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд*»[60].

Понимание двойственного характера заключающегося в товарах труда чуждо Петти, но он понимает, что процесс производства стоимости и процесс производства потребительной стоимости не тождественны. Из всего общественного труда он выделяет один вид реального труда, производящий непосредственно меновую стоимость, который он противопоставляет другим

[60] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 30.

видам реального труда, производящего меновую стоимость не непосредственно, а через обмен на продукт труда первого вида.

Не понимая истинной природы труда, производящего стоимость. Петти, конечно, не может правильно понять и различия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Согласно его концепции, все продукты труда тоже должны делиться на две группы: 1) продукты всех видов труда и 2) золото и серебро. Первые становятся меновыми стоимостями в обмене, вторые с самого начала производятся как меновые стоимости. Другими словами, различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью находится в соответствии с различием между трудом, на золотых приисках и серебряных рудниках и остальными видами труда.

Но в производстве золота и серебра принимает участие не один только труд, но и природа. Отсюда заявление Петти о двух факторах богатства: «труд — отец богатства, и природа — его мать», и два мерила стоимости: труд и природа, «...*стоимость корабля или сюртука, — указывает Петти, — равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль и сюртук — произведены землей и человеческим трудом...*»[61] Так перед Петти встала задача, которую он считал решающей для политической экономии, а именно, свести одно мерило стоимости к другому, как пенсы к фунтам. Но это свидетельствует лишь о том, насколько Петти еще не уяснил себе природы стоимости, ее общественного характера; он еще не понял, что «...*в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр., в вексельном курсе*»[62], хотя природа и участвует в производстве потребительной стоимости.

Отметим еще, что Петти переключается с определения стоимости товаров трудом на определение стоимости товаров стоимостью труда. Он пишет: «*Обычным масштабом стоимости является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд; этот масштаб кажется таким же правильным и постоянным, как стоимость чистого серебра... поэтому я определил стоимость ирландской хижины числом дневных пайков, потребленных строителями при ее возведении*»[63].

Теория заработной платы. В тесной связи со своей теорией стоимости Петти развивает теорию заработной платы. Правда, он старался лишь теоретически обосновать существовавшую тогда политику заработной

---

[61] К. Маркс, К критике политической экономии, т. 1, с. 14.

[62] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 40.

[63] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 9–10.

платы. В ту пору заработная плата устанавливалась в законодательном порядке, причем определялся не минимум заработной платы, а максимум ее. «*Под страхом тюремного наказания, — пишет Маркс, — воспрещается выдавать плату более высокую, чем указанная в статутах, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются сильнее, чем уплатившие ее*»[64].

Но как за рыночными ценами Петти ищет естественную цену, так и за заработной платой, установленной в законодательном порядке, он ищет естественную основу и находит ее в минимуме средств существования рабочего.

Большой интерес представляет аргументация в пользу необходимости установления максимума заработной платы. Этой аргументацией Петти обнаруживает довольно глубокое понимание развивавшихся капиталистических отношений. Он пишет: «*Закон должен был бы обеспечивать рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем он мог бы работать и стал бы работать, а это для публики означает потерю такого же количества труда*»[65].

Маркс эту цитату комментирует следующим образом:

«Это место следует понимать так: если рабочий получит стоимость 6 часов за 6 часов труда, то он получит вдвое больше того, что получает теперь, когда ему достается стоимость 6 часов [за 12 часов труда]. Тогда он станет работать только 6 часов.

Таким образом стоимость труда определяется необходимыми для жизни средствами. Рабочий только потому становится производителем прибавочной стоимости и поставщиком прибавочного труда, что его вынуждают употребить всю свою годную в дело рабочую силу для того, чтобы получить только необходимое для жизни»[66].

Конечно, у Петти нет еще осознанного деления рабочего времени на необходимое и прибавочное, но фактически он сводит рабочее время к такому делению.

Теория ренты земельной и денежной. Категория минимума средств существования рабочего играет решающую роль в теории ренты Петти. Более того, без этой категории его теория ренты повиснет в воздухе. Петти считает ренту тем излишком, которым получается после вычета всех издержек

---

[64] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 593.

[65] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 10.

[66] Там же.

производства. Но что такое издержки производства? По Петти, издержки производства хлеба складываются из семян и содержания работника. Применительно к капиталистическому земледелию это значит, что одну из составных частей этих издержек составляет заработная плата. Следовательно, если последняя была бы величиной неопределенной, то неопределенной величиной должна была бы остаться рента: раз издержки — величина неопределенная, то и излишек над ними — тоже величина неопределенная. Но Петти считает заработную плату величиной вполне определенной, следовательно, можно определить и ренту.

Но отсюда следует также, что теория ренты Петти есть и его теория прибавочной стоимости, так как рентой он считает, как сказано, ***весь*** излишек над издержками производства. Прибыль как самостоятельная категория Петти неизвестна; для него рента есть всеобщая форма прибавочной стоимости. «*Для Петти, — говорит Маркс, — прибавочная стоимость существует только в двух формах: земельной ренты и денежной ренты (процента). Последнюю он выводит из первой. Первая для него — как позднее для физиократов — истинная форма прибавочной стоимости*»[67]. Прибыль, как известно, распадается на предпринимательский доход и процент, и на поверхности явлений предпринимательский доход выступает как вознаграждение за труд предпринимателя. Петти находился еще, по-видимому, под влиянием этой иллюзии.

Сведя весь излишек над издержками производства к ренте. Петти делит стоимость товара на заработную плату и ренту. «*Предположим например, — говорит Петти, — что пшеница продается по 5 шиллингов или по 60 пенсов за бушель; если ренту с земли, на которой растет пшеница, составляет каждый третий сноп, то из 60 пенсов 20 приходится на землю и 40 на сельского рабочего...*»[68] И отсюда он делает правильный вывод, что повышение заработной платы при прочих равных условиях должно вызвать падение ренты. Петти, таким образом, предвосхитил Рикардо, который делит стоимость годовой продукции на v + m; и Петти также делит ее на v + m, с той разницей, что Рикардо под m понимает прибыль, а Петти — ренту.

Петти уже известна дифференциальная рента. Он пишет: «*Если например хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, должен быть подвозим из мест, отстоящих на 40 миль, то хлеб, растущий на расстоянии только одной мили от Лондона или от места квартирования этой армии, принесет столько сверх своей естественной цены, сколько*

[67] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 10.
[68] Там же, с. 13.

составляют издержки перевозки на 39 миль...»[69] Это, как известно, есть дифференциальная рента по расстоянию. Но у Петти есть зачатки и дифференциальной ренты по плодородию. Приводя соответствующую цитату, Маркс заключает: «...*Петти изложил дифференциальную ренту лучше, чем Адам Смит*»[70].

Что касается процента, названного Петти денежной рентой, то он выводит его из земельной ренты, притом следующим образом: каждый владелец денег может купить землю и получить ренту. Следовательно, владелец денег является потенциальным владельцем земли и должен получить доход, как и последний. Найдя естественный базис для процента, приравнивая его к земельной ренте, Петти не только оправдывает процент, но высказывается против законодательного регулирования процента, который должен устанавливаться в зависимости от спроса на деньги и предложения их.

В средние века законность и справедливость ренты не вызывали никаких сомнений, процент же осуждался как неестественное (а также греховное) порождение денег деньгами. Петти не видит в проценте ничего неестественного и ставит его в один ряд с рентой: как естественно, что земля приносит ренту, так естественно и то, что деньги порождают деньги.

Цена земли. Оставаясь верным своему методу и ища естественную основу во всех экономических явлениях, Петти «с неменьшей гениальностью», по выражению Маркса, определяет денежную стоимость земли. Цену земли он не мог рассматривать как цену обычного товара: ведь земля не есть продукт труда. Но естественную основу цены земли он увидел в следующем: так как земля доставляет ренту, то продажа земли есть не что иное, как продажа определенного дохода. Трудности, на которые натолкнулся Петти, сводились к разрешению вопроса, какое число лет следует положить в основу определения цены земли, т. е. на какое число лет необходимо помножить годовую ренту. Петти задается вопросом: «...какой сумме годичных рент (how many years purchase) ***естественно*** равноценна свободная земля?». И резонно отвечает: «*Если мы скажем—бесконечному числу, то стоимость одного акра земли будет равна стоимости тысячи акров такой же почвы—что нелепо: бесконечность единиц равна бесконечности тысяч*»[71].

Петти приходит к выводу, что годичную ренту следует помножить на 21 год, так как, на основе статистических данных, именно такой срок могут рассчитывать жить одновременно три поколения: «...человек пятидесяти лет,

---

[69] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 13.

[70] Там же, с. 14

[71] Там же, с. 11, выделение моё — Д. Р.

другой — двадцати восьми и ребенок 7 лет, т. е. дед, отец и сын». И Петти поясняет: «*Немногие имеют основание заботиться о более отдаленном потомстве...*»[72]

Но важно не то, как Петти аргументирует своё решение поставленной им задачи, а то, что он в основном правильно её решает, сводя продажу земли к продаже ренты. Более тоге, Петти иначе аргументировать и не мог. Раз он выводит процент — денежную ренту — из земельной ренты, то он не мог цену земли рассматривать как капитализированный денежный доход (процент), так как, по его теории, процент уже предполагает цену земли. И в отношении земли Петти ставит себе задачу определить не рыночную, а естественную её цену, т. е. и здесь у него «дело идет об основах явлений, а не о них самих».

Выводы. Характеризуя классическую политическую экономию, Маркс указывает на одну из важнейших ее особенностей: она «*...начиная с W. Petty, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства*»[73]. Для такого рода исследования уже не годился метод меркантилистов, не дававший возможности вскрыть внутреннюю связь наблюдаемых явлений. Вводя в политическую экономию метод, сформулированный Бэконом, Петти установил ряд внутренних зависимостей буржуазных отношений производства. Важнейшие из них следующие: 1) зависимость естественной цены товара от труда, потраченного на его производство; 2) зависимость заработной платы от минимума средств существования рабочего; 3) зависимость ренты (как общей формы прибавочной стоимости) от размера заработной платы.

Но Петти эти зависимости рассматривает как естественные, не видя их исторической обусловленности и, следовательно, не понимая, что они естественны лишь для капиталистического способа производства. Однако это не умаляет исторического значения Петти, пытавшегося первым проложить путь от фактов к их внутренним зависимостям. По проложенному им пути пошла вся классическая политическая экономия.

Исследование внутренних зависимостей буржуазных отношений привело к разложению меркантильной системы, которая дальше видимости вещей не шла. Это исследование, в частности, показало, что, хотя буржуазное богатство есть богатство в денежной форме, тем не менее богатство и деньги не тождественны. К этому пришел Петти в своей наиболее зрелой работе «Кое-что о деньгах»: исследуя денежное обращение, он уже устанавливает зависимость между товарообращением и количеством денег, необходимых для

---

[72] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 11.

[73] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 39.

последнего, и приходит к выводу, что излишек денег даже вреден для страны. Петти сравнивает деньги с жиром: каждому организму нужен жир, но излишек жира является болезнью; так и излишек денег.

3. Возникновение классической политической экономии во Франции

Особенность развития Франции. Если XVII век для Англии был веком революции, приведшей к парламентаризму, то во Франции, наоборот, в течение всего столетия королевская власть укрепляется, превращаясь в абсолютизм, который достигает своего апогея в царствование Людовика XIV.

Вследствие отсталости экономического развития Франции французское дворянство не успело обуржуазиться, как это было в Англии, а торгово-промышленная буржуазия не успела вырасти в самостоятельную силу. Сопротивление против укрепления королевской власти — в виде отдельных вспышек и восстаний — получило даже насмешливое прозвище «фронды»[74]. Это сопротивление не только не ослабило королевской власти, но ещё более ее упрочило.

Людовик XIV провозгласил: «государство — это я». Чтобы превратить Францию с её сословиями в придаток к своей персоне, Людовик XIV старался оглушить народ внешними победами. Программа французского абсолютизма заключалась в создании непобедимой армии и образцовой экспортной промышленности. Вначале обе части программы проводились более или менее успешно, но они таили в себе внутреннее противоречие. Развитие экспортной промышленности выдвинуло на первый план торгово-финансовую буржуазию, отнюдь не расположенную отдавать получаемую ею «прибыль от отчуждения» в бесконтрольное хозяйничание бюрократии. Огромных средств требовали и войны: в царствование Людовика XIV Франция вела четыре больших опустошительных войны.

Всё более обострялись противоречия между торгово-промышленной буржуазией и высшим дворянством и духовенством. На первых порах абсолютизм старался удовлетворить и буржуазию и знать. Для первой пытались создать благоприятные условия торговли на внешнем рынке; для второй создали пышный Версаль. И то и другое делалось за счёт бесправного народа, первую очередь за счет закрепощённого крестьянства. Сельское хозяйство пришло в полнейший упадок. Налоги, подати, тяжелые феодальные повинности стали совершенно не под силу крестьянству; его хозяйство разорялось.

---

[74] Фронда—праща (франц.).

Фундамент экономической политики Людовика XIV был достаточно шаток. Преемники Людовика XIV и его министра Кольбера пытались продолжать эту политику, но безуспешно. В первой половине XVIII в. почти ничего не осталось от успехов, достигнутых в XVII в. В области как торговой, так и завоевательной политики Франция оказалась у разбитого корыта: все завоевания были отняты, а созданные колонии захвачены более счастливым соперником — Англией. Военная мощь — серьезный аргумент во внешней политике — была значительно ослаблена.

Банкротство абсолютизма и феодализма при создавшемся тогда положении означало и банкротство меркантилизма. Экономическая мысль ищет новых путей.

В сознании экономистов того времени сельское хозяйство противопоставлялось — иначе тогда и не могло быть — торговле и промышленности, ведь последние, как мы видели, развивались в ущерб сельскому хозяйству. Экономисты стали требовать иной ориентировки — выдвижения сельского хозяйства на первое место, провозглашения примата сельского хозяйства над торговлей и промышленностью.

Отсюда резкий, непримиримый разрыв с меркантилизмом. В Англии переход от меркантилизма к классической политической экономии совершается почти незаметно. Взять хотя бы Вильяма Петти: в первых своих работах он еще в значительной мере меркантилист, в последующих работах он эволюционирует, и от его меркантилизма почти ничего не остаётся. Так же обстоит дело и с другими крупными экономистами того времени: по одним вопросам они ещё меркантилисты, по другим уже освободились от меркантилизма.

Во Франции классическая политическая экономия с самого начала возникает как антипод меркантилизма. Борьба против меркантилистов была острой и непримиримой. Буагильбер первый возглавил её, а завершена она была физиократами.

Пьер Буагильбер (1646-1714). Пьер Буагильбер был хорошо знаком с бедственным положением сельского населения, которое он описывал в мрачных красках. Он сам объявил себя ***адвокатом*** сельского хозяйства.

Основой могущества и богатства страны Буагильбер считал не городское население, которое он назвал изнервничавшимся в роскоши, а здоровое сельское население. Царствованию Людовика XIV, игнорировавшего сельское хозяйство, он противопоставлял царствование Генриха IV, первого короля из династии Бурбонов (конец XVI и начало XVII в.), которому народная молва приписывает фразу: «Я хотел бы, чтобы каждый крестьянин по воскресеньям имел в своем супе курицу». А Кольберу Буагильбер противопоставляет

министра Генриха IV Сюлли, которому приписываются слова: «Земледелие и скотоводство являются для государства двумя сосцами, они вполне заменяют рудники Перу». Отметим тут же, что и физиократы впоследствии выставляли в качестве образца царствования Генриха IV, а на Сюлли ссылались, как на своего предшественника.

Петти и его английским последователям не могла прийти в голову мысль, что земледелие и скотоводство могут заменить рудники Перу. Петти считал, что труд производит меновую стоимость и богатство лишь в той мере, в какой продукты этого труда обмениваются на серебро.

Хотя и Петти, и Буагильбер кладут начало классической политической экономии, по между ними имеется существенное различие, обусловленное различием социально-экономического развития Англии и Франции. Маркс пишет: «*Сравнительное изучение трудов и личностей Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на социальное различие Англии и Франции в конце XVII и начале XVIII столетии, было бы генетическим изложением национального контраста между английской и французской политической экономией*»[75].

Различный подход к трудовому принципу сказался прежде всего на трактовке трудовой стоимости Вильямом Петти и Буагильбером.

Теория стоимости Буагильбера. Петти ищет за рыночными ценами естественной цены, Буагильбер — «истинной» или «справедливой» стоимости (la juste valeur), величина которой определяется затраченным на производство товара трудом. Маркс так формулирует теорию стоимости Буагильбера: «*Буагильбер, со своей стороны, растворяет если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара в рабочем времени, определяя «истинную стоимость» (la juste valeur) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидов разделяется между отдельными отраслями промышленности, и представляя* ***свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию***»[76].

Петти не абстрагировал меновой стоимости от её денежной нормы. Буагильбер, наоборот, не понимает неизбежности денежной формы. Он хочет сохранить товарное производство, но без денег. «*Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что предполагает, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда»*[77].

---

[75] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 29.

[76] Там же, с. 30, выделение моё — Д. Р.

[77] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 62.

В деньгах Буагильбер видел корень неравенства и причину всех социальных зол. В этом отношении он является провозвестником мелкобуржуазных экономистов, в частности Прудона, ратовавших за «безденежное» товарное производство.

«Истинная стоимость» одного товара есть, по Буагильберу, другой товар, на который потрачено столько же рабочего времени. Деньги лишь нарушают эту пропорцию. Он исходил, по-видимому, из того, что купец как представитель денежного богатства, эксплуатируя продавца и покупателя, нарушает эквивалентность обмена. Такое понимание денег Маркс считает одной из характерных особенностей французской политической экономии в отличие от английской[78]. Петти в алчности и жажде золота и серебра видел могучий стимул к развитию индустрии и завоеванию мирового рынка. Буагильбер в алчности и жажде золота и серебра видел только то, что это ведет к ограблению широких народных масс. Жизнь Франции времен Буагильбера предоставила немало ***эмпирического*** материала для подтверждения правильности таких воззрений. Людовик XIV с его первым в Европе по блеску двором тратил колоссальные суммы не на производственные цели, а на потребление, не знающее пределов.

Буагильбер понимает, что товарное производство, которое он считает естественным и нормальным производством, есть производство меновой стоимости; но, игнорируя деньги, он видит цель этого производства в производстве потребительных стоимостей.

Заканчивая характеристику теории меновой стоимости Буагильбера, Маркс пишет: «*Буагильбер представляет нам пример того, что можно рассматривать рабочее время как меру величины стоимости товаров и в то же время смешивать труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, с непосредственной естественной деятельностью индивидуумов*»[79].

[78] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 74.

[79] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 31.

Глава VI
Физиократы

Франция XVIII в. Физиократы — французские экономисты второй половины XVIII в. — кануна первой буржуазной революции во Франции. Их отделяет от Буагильбера почти полстолетия. Охарактеризованное выше экономическое положение Франции за это время не только не улучшилось, но, наоборот, даже ухудшилось. Хотя к этому времени в некоторых районах (Нормандия. Пикардия, Иль де Франс и др.) стало развиваться капиталистическое фермерство, но в основном французское сельское хозяйство оставалось ещё феодальным. Его грабили все — дворянство, духовенство, казна, но никто о нем не заботился. Почти все повинности переводились на денежное обложение, а цены на сельскохозяйственные продукты искусственно удерживались в интересах промышленности на низком уровне: вывоз сырья и хлеба запрещался, а ввоз их был свободен. Тяжелое экономическое положение вызвало большие финансовые затруднения, и временами абсолютизм оказывался на краю финансового банкротства.

Кольберизм, как известно, потерпел крах (см. главу V). В 1716 г. правящим кругам Франции предложил свою помощь шотландец Джон Ло (1671–1720) — новый алхимик, обещавший создать деньги и богатство из... бумаги.

«Принципы» Ло следующие.

1. Наилучшими деньгами являются бумажные деньги: они не теряют в весе, более постоянны в своей ценности, чем металл, портативны и наиболее удобны как орудие обращения. Наконец, они не могут уйти за границу — это настоящие национальные деньги.

2. Металлическое обращение ставит развитие народного хозяйства в узкие границы, в зависимость от наличия благородного металла. Народное хозяйство необходимо освободить от этих «металлических оков», а этого возможно достигнуть при помощи кредита, который создаёт новые деньги.

3. Должен быть создан особый банк, который выпускает свои билеты под обеспечение недвижимостями. Последние Ло считал наиболее солидными и «нетленными» ценностями. Недвижимости благодаря кредиту превращаются в ходкие монеты.

Ло является родоначальником современных буржуазных вульгарных теорий кредита, усматривающих в кредите «капиталатворческую» силу. Ко времени Ло кредит уже успел значительно развиться, сложилась довольно разветвлённая банковская система, а в обращении наряду с металлическими деньгами циркулировали и частные векселя, и банковые билеты, и

казначейские знаки. Кредит, выросший на основе товарно-денежного обращения, в свою очередь влияет на него и порождает новые иллюзии, находящие свое выражение в кредитном фетишизме.

Конечно, Ло знал, что без торговли, промышленности, сельского хозяйства, при помощи одной только банковой эмиссии разбогатеть нельзя. Но он уверял, что эмиссионный банк, выпускающий банкноты под обеспечение недвижимости, придает всему хозяйству жизнь, энергию, словом, является движущей и творческой силой всего народного хозяйства.

Свою банковую реформу Ло хотел осуществить на своей родине, в Шотландии. Но там, как и в Англии, он не встретил сочувствия. Иначе отнеслись к нему во Франции, которая, как сказано, в то время была на краю финансового банкротства. Ло, согласно своему проекту, организовал банк, который должен был «обогатить» казну и страну. В атмосфере неслыханных до того времени ажиотажа, биржевой горячки и колоссальнейших спекуляций банк просуществовал четыре года и окончил свой «жизненный путь» крахом и скандалом, получившими мировую огласку.

Обанкротился не только банк, созданный по «системе» Ло, но и сама «система». Другими словами, обанкротился модернизированный меркантилизм, пытавшийся по-новому искать источников богатства в сфере обращения, а не производства. Крушение системы Джона Ло создало идейные предпосылки для теории физиократов как прямой противоположности меркантилизму во всех его вариантах.

Общеэкономический и финансовый тупик, в который упиралась Франция, был ярким выражением полного загнивания феодализма и его политической надстройки. Носителем новых — капиталистических — отношений было ***третье сословие***. Уже Монкретьен (см. главу 4) выступал в защиту этого сословия, но выступал еще робко. Другим языком заговорили идеологи нового класса, так называемые просветители. Еще задолго до того, как началась ***критика оружием***, они выковали ***острое оружие критики***. Революции политической предшествовала революция идеологическая.

Просветители XVIII в. «*Великие люди, — говорит Энгельс, — которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государственный порядок — всё подвергалось их беспощадной критике, всё призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственным мерилом всего существующего... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор*

руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека»[80].

Просветители противопоставляли разумному неразумное, естественному — неестественное. Старое признано было неразумным и неестественным, новое провозглашалось разумным и естественным. В этом заключались и сильные и слабые стороны. Подвергая все беспощадной критике, просветители наносили сокрушительные удары старому и идеологически подготовили грядущую буржуазную революцию. Но они не понимали законов общественного развития, у них не было «исторического взгляда на вещи» (Энгельс). Даже материалистов XVII – XVIII вв. ослепляла «*...борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там в соседстве друг с другом, наконец, огромные технические успехи XIV и XV столетий. Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров*»[81].

Физиократы, как мы увидим ниже, выделились как своеобразная группа, но по своей методологии и типу мышления примыкали к просветителям. Подобно последним, физиократы — прежде всего рационалисты и сторонники «естественного порядка». В частности, с этих позиций они критикуют меркантилизм, считая его и теоретически и практически неразумным и неестественным.

Лозунг экономической свободы выставлен был до физиократов; его формулировал маркиз д'Аржансон (1694-1757)[82]. Государству он предъявляет лишь следующие требования: «Хороший суд, подавление монополии, одинаковая для жителей защита, неизменные в своей ценности деньги». А все остальное должно быть предоставлено инициативе отдельных индивидуумов. Полемизируя против итальянского меркантилиста банкира Беллони, рьяно

---

[80] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 16-17.

[81] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, 1939, с. 22.

[82] Марки д'Аржансон принадлежал к аристократии, одно время был министром иностранных дел при Людовик XV. Он гораздо радикальнее Буагильбера и по своим политическим и по своим экономическим воззрениям, бы республиканцем и федералистом.

защищавшего торговый баланс, д'Аржансон заявляет: «Разве не следует прежде всего испытать, хорошо ли вообще подвергать экономический строй мелочному, заботливому управлению, какое рекомендует Беллони и какое мы видим в современной государственной практике? И не будет ли лучше предоставить его самому себе, ограничиваясь обыкновенной защитой. Сколько дел, в общем и в частности, возникает и совершенствуется только при помощи свободы». Обращение товаров д'Аржансон сравнивает с движением воздуха: как первое не имеет границ, так и второе не должно их знать.

Но теоретическое обоснование этих идей — с позиции просветительной философии — дали физиократы. Именно они противопоставили меркантильной концепции как неестественной и неразумной свою концепцию, отвечающую, по их мнению, требованиям разума и природы человека.

Физиократы, как увидим ниже, облекали свои идеи в феодальную оболочку. Это делало их учение приемлемым для многих представителей старого мира, но зато вызывало антипатию к ним со стороны целого ряда просветителей. Тем не менее, они представляли собой отряд последних, просвещая умы буржуазии в той области, которой другие не занимались—в области экономики.

1. Франсуа Кенэ — творец физиократической системы

Жизнь и мировоззрение Кенэ. Франсуа Кенэ родился в 1694 г. Отец его был землевладельцем, но не дворянином. Кенэ рано лишился отца и был предоставлен самому себе. Он занимался всевозможными науками, но специальностью своей избрал медицину и в качестве врача-хирурга имел большой успех. Им написан ряд крупных работ по медицине и биологии.

В 1749 г. Кенэ, будучи назначенным придворным врачом, стал пользоваться покровительством всесильной фаворитки Людовика XV маркизы Помпадур. Несколько позже, в 1752 г., король даровал ему дворянство.

Экономическими вопросами, которыми стали тогда интересоваться широкие круги общества, Кенэ начал заниматься в 1753-1750 гг., т. е. примерно в возрасте шестидесяти лет. Наиболее злободневными в то время были вопросы о хлебных ценах и о налогах, разорявших народ. Вольтер со свойственным ему остроумием писал в 1750 г.: «Нация, пресытившись стихами, комедиями, трагедиями, романами, моральными рассуждениями и богословскими диспутами, принялась, наконец, рассуждать о хлебе».

За это принялся и Кенэ. Его первые экономические статьи, появившиеся в знаменитой «Энциклопедии», названы «fermiers» (фермеры) и «grain» (зерно). В этих статьях Кенэ доказывает, что причина тяжелого положения

сельского хозяйства заключается в непосильных налогах и низких хлебных ценах.

Кенэ разработал целую систему мероприятий экономической политики. У него появились ученики и последователи, образовалась ***школа***, которая жила полузамкнутой жизнью, проводила регулярные собрания, причем одни собрания были только для посвященных, для ***своих***, а другие были открытыми.

По своим политическим убеждениям Кенэ, как и многие из просветителей XVIII в., был сторонником просвещенного абсолютизма. Революцию они хотели предотвратить реформами сверху, т. е. реформами, проводимыми просвещенными монархами. В тогу просвещенных монархов рядились такие деспоты, как Фридрих, король Прусский, Екатерина II и им подобные.

Кенэ возлагал большие надежды на то, что предложенные им реформы будут осуществлены сверху. Вначале он рассчитывал на Людовика XV, а затем, убедившись, что последний совсем не склонен стать «просвещенным монархом», он пытался превратить в приверженца своих идей наследника Людовика XV. Кенэ резко возражал Монтескье, стороннику конституционной монархии и системы разделения властей.

По своему общему мировоззрению Кенэ был ярым противником материализма. Он отказался даже от участия в «Энциклопедии», когда она под влиянием Дидро приняла ярко выраженный материалистический характер.

В отличие от Вильяма Петти, с которым Кенэ делит честь именоваться творцом политической экономии, Кенэ был человеком непоколебимых принципов, но с большой наклонностью к догматизму и доктринерству. Всем своим образом жизни придворный врач Кенэ представлял собой кричащий контраст легкомысленному, вечно веселящемуся, развратному Версалю. В общественных кругах одни смотрели на него как на мудреца, другие— как на главу секты.

Система, созданная Кенэ, имела большой, но кратковременный успех. Одно время, когда министром финансов стал Тюрго, казалось, что она если не полностью, то частично будет осуществлена в жизни. Но события во Франции развертывались с такой быстротой, так глубоко захватили страну, что физиократизм скоро остался далеко позади, и буржуазия надолго позабыла о великом ее представителе, совершившем одну из гениальнейших попыток охватить в целом, во всей совокупности присущий ей способ производства.

Франсуа Кенэ умер в 1774 г., за 15 лет до начала революции. Но он уже предвосхитил многое из того, что было осуществлено революцией.

Методология Кенэ. Метод естественных наук, внесенный еще Петти в политическую экономию, получает свое дальнейшее развитие у Кенэ. Правомерность применения такого метода в общественных науках получает

более широкое принципиальное обоснование, им охвачен гораздо больший круг явлений. Петти, применяя указанный метод, продвигается все же ощупью, и создать систему в настоящем смысле слова ему еще не удается. Кенэ двигается вполне уверенно, и в этом смысле он — творец системы.

Кенэ глубже обосновывает единство метода естественных наук. Требование Буагильбера, чтобы экономический строй был предоставлен самому себе, находит свое дальнейшее развитие у Кенэ в его идее «естественного порядка». Последний господствует и в физическом, и в социальном мире.

Врач Кенэ подходит к обществу как к живому организму и различает в нем два состояния: здоровое, нормальное, и болезненное, ненормальное. Отсюда к обществу применимы и гигиена, и терапия; первая необходима тогда, когда общество здорово, т. е. находится в ***равновесии***; вторая—когда общество болеет, вышло из равновесия. Состояние равновесия показано в его знаменитой экономической таблице — «Tableau économique».

Идея естественного порядка привела Кенэ к пониманию — в этом его большая научная заслуга — экономического процесса как естественного процесса, имеющего свои внутренние закономерности. Но его надисторическая точка зрения[83], продиктованная буржуазной ограниченностью кругозора, должна была привести и привела его к рассмотрению капиталистического способа производства как ***естественного*** способа производства. Она же привела его и к сугубому натурализму, к фиксированию внимания на натуральной стороне процесса производства, а не на его общественной стороне. Вторая воспринималась как нечто естественное и не отделимое от первой.

Применение этого метода, в понимании Кенэ, облегчалось тем, что последний перенес исследование из сферы обращения, где все находится в неустойчивом состоянии, где бушует рыночная стихия и трудно усмотреть естественный порядок, в сферу производства, и притом в такую, которая меньше других сфер производства находится в зависимости от рынка. А такой сферой является земледелие. Перенесение исследования в сферу производства представляет, как указывает Маркс, крупнейшую научную заслугу Кенэ: за ним последовала вся классическая политическая экономия.

У физиократов понятие «естественного» имеет двоякое значение: оно противопоставляется 1) субъективному, зависящему от воли и желания людей;

---

[83] К истории Кенэ относился пренебрежительно. Она, по его мнению, удовлетворяет любопытство, а не любознательность. В этом сказывается «дух» века просветителей, которые были в своей массе, если можно так выразиться, принципиально антиисторичны.

2) историческому — как нечто постоянное, раз навсегда данное. Первое верно: экономические категории и экономические законы объективны, материальны. Второе ложно: экономические категории и экономические законы являются историческими категориями и историческими законами. Они обусловлены способом производства и исчезают с гибелью последнего. До такого понимания «естественного» физиократы еще не поднялись, да это и невозможно в пределах буржуазного кругозора. Зато за ними остается та заслуга, что они изгнали субъективизм из политической экономии.

Маркс, дав единственно правильное понимание объективного как исторически обусловленного, дал также единственно правильный анализ физиократов. Он пишет: «*Неизбежным образом буржуазные формы производства стали для них его естественными формами. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как* ***физиологические*** *формы общества: как формы, вызванные к жизни* ***естественной необходимостью производства*** *и независимые от воли, политики и т. д. Это для них* ***материальные законы****. Ошибка их состоит только в том, что они смотрели на материальный закон одной определенной ступени в истории общества как на абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми общественными формами*»[84].

Естественный порядок по Кенэ не зависит от воли и сознания людей. Но общество может отклониться от естественного порядка, впасть в болезненное состояние. Вот тут-то и выступают на сцену сильные мира сего, в первую очередь просвещенные монархи. На них Кенэ возлагает роль учителей и врачей, которые должны 1) внедрить в сознание народа правильные понятия о естественном порядке 2) лечить общество, когда оно впадает в болезненное состояние, т. е. возвращать его к естественному порядку.

Кенэ отводит определенное место и воле людей, т. е. их заинтересованности и активности.

Он защищает буржуазное общество на той стадии его развития, когда оно только что «вылупилось из феодального» в специфических французских условиях; вот почему его теории имеют «феодальную внешность».

Как Колумб не знал, что им открыт Новый Свет, а полагал, что он находится в том же Старом Свете и лишь подошел к азиатскому материку с противоположного берега, так и Кенэ не знал, что им исследуется новое, капиталистическое производство, думая, что это то же, прежнее производство, но нуждающееся в лечении, в лучшем случае в «омолаживании». При феодализме основой всего хозяйства было земледелие; обрабатывающая

[84] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 29, выделение моё — Д. Р.

промышленность была лишь пристройкой к сельскому хозяйству, а к торговле и денежному капиталу относились отрицательно. Кенэ находится еще во власти старых форм и старых отношений, хотя вкладывает в них новое содержание. Земледелие в системе Кенэ — это уже капиталистическое земледелие, но его развитие Кенэ не мыслит без феодала, — вот почему земледелие должно доставить последнему весь «чистый продукт». Да и сам «чистый продукт» является, как мы увидим дальше не чем иным, как феодальным костюмом, в который наряжена основная категория капиталистического способа производства—прибавочная стоимость.

Общество и его классовая структура в изображении Кенэ. Идеи естественного порядка и естественного права—не оригинальные идеи Кенэ, но он оригинально их трактовал и своеобразно применял. Из этих идей исходил Монтескье, теоретик конституционной монархии, считавший естественным такой порядок, при котором имеет место разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную. Из этих же идей исходил и Руссо, считавший естественным и идеальным первобытное состояние и видевший в цивилизации одно лишь грехопадение. Эти идеи в той или иной форме присущи были всем просветителям XVIII в.

Признать состояние Франции того времени здоровым Кенэ, конечно, не мог. Франция болела, и ее надо было лечить. Но как? Средства предлагались разные; страна переживала канун революции. Крупный хирург Кенэ прибегать к хирургии не хочет; это противоречит его общему мировоззрению и особенно его политическим взглядам. Он — за буржуазный способ производства, но хочет, чтобы последний не прорвал феодальной оболочки и этим «омолаживал» бы ее. Отсюда и та идеальная структура общества, которую рисует Кенэ. Фундаментом этого общества должен быть класс фермеров. Фермеры объявляются единственно производительным классом, и земледелие — единственно производительной отраслью хозяйства. Вторым классом являются собственники: сюда он относит духовенство, дворянство, самого короля с его свитой и множеством чиновников всех рангов. Третий класс — все прочие, т. е. все те, которые заняты в других, кроме земледелия, отраслях хозяйства. Этот класс называют «бесплодным» (sterile), потому что он не производит «чистого продукта», а своим трудом лишь прибавляет к стоимости земледельческих продуктов стоимость своих средств существования. Поэтому Кенэ часто изображает доход третьего класса как заработную плату, которую ему выплачивает первый класс, класс производительный.

Нельзя сказать, чтобы в обществе, нарисованном Кенэ, все обстояло благополучно. Если бы Кенэ был последователен до конца, то сначала делил бы общество на два класса: производительный и непроизводительный, ибо

собственники земли—тоже бесплодный класс. Затем непроизводительный класс следовало бы делить на группы (на два «подкласса»): одна — т. е. те, которые заняты в других отраслях хозяйства, — производит по крайней мере стоимость своих средств существования; другая — земельные собственники, не производящие даже стоимости своих средств существования. Но, зная классовую позицию Кенэ и общие социально-экономические условия его времени, мы легко можем понять и эту его логическую непоследовательность. Делить общество на два класса и относить собственников земли к непроизводительному классу Кенэ не мог. Такое деление означало бы теоретическую подготовку ликвидации земельных собственников как класса, а Кенэ их-то как раз и хотел сохранить, хотя и на новой основе. Правда, в своем проекте единого налога, который должен был падать исключительно на земельных собственников, Кенэ хотел конфисковать значительную часть доходов от земельной собственности. Но окончательное уничтожение земельных собственников не входило в программу Кенэ, так крепко цеплявшегося за «феодальную внешность». Отсюда и необходимость для Кенэ выделения их в особый класс.

Пролетарии в обществе Кенэ отсутствуют, и это, конечно не потому, что их в то время не было или Кенэ их проглядел. Идеолог крупного фермерства не мог проглядеть наемных рабочих. да него теория чистого продукта включает в себя, как увидим, определенную теорию заработной платы в качестве составной своей части. Но у Кенэ были и теоретические и социально-политические мотивы для того, чтобы наемных рабочих не выделять в особый класс. Теоретический мотив: разделение труда на производительный и бесплодный определяется в зависимости от того, где труд применяется; это распространяется и на наемный труд. Последний производителен только в земледелии и непроизводителен во всех других отраслях хозяйства. Следовательно, объединить всех наемных рабочих в один класс нельзя; с точки зрения физиократов они составляют один класс со своими хозяевами, т. е. сельскохозяйственные рабочие составляют один класс с фермерами, а промышленные рабочие—с промышленными предпринимателями. Социально-политический мотив: наемные рабочие во Франции того времени существовали, но они еще не выделились в класс, противостоящий другим группам третьего сословия. Они и образовали ту часть его, которую именуют беднотой. Везде, где Кенэ вообще говорит о наемных рабочих, он относится к ним как к бедноте, т. е. филантропически, и даже требует от государства заботы о них.

Каковы же те силы, которые удерживают в равновесии нарисованное Кенэ общество? Конкуренция, экономическая свобода, осуществление принципа «laissez faire — laissez passer» — таков ответ физиократов. При

свободной конкуренции, уверял Кенэ, происходит эквивалентный обмен, и наиболее правильно распределяются потребительные стоимости между всеми слоями общества.

Только свободная конкуренция, по Кенэ, соответствует естественному порядку. Не говоря уже о том, что всякая монополия стесняет инициативу людей и ставит их в неравные отношения, она увеличивает «бесплодные» издержки обращения, а также издержки в обрабатывающей промышленности, которая, по Кенэ, тоже бесплодна.

Хотя от учения Кенэ об обществе и классах еще сильно отдает феодализмом, все же в нем есть сильная сторона, которая заслуживает быть отмеченной. Классовую структуру общества Кенэ выводит из его экономики. Правда, он выводит ее неправильно и неправильно трактует саму экономику. Но он пытается установить связь между классовой структурой общества и его экономической базой.

Правильно и то, что в буржуазном обществе производителен только тот класс, который производит чистый продукт, т. е. прибавочный продукт, и, следовательно, прибавочную стоимость. Правда, у Кенэ выпал настоящий производительный класс — наемные рабочие, но опять-таки принцип, положенный им в основу, сам по себе правилен.

Отметим также, что в требовании единого налога, выдвигаемом Кенэ, буржуазный экономист берет верх над придворным врачом. Вся тяжесть налогового обложения должна, по Кенэ, пасть только на земельных собственников. Теоретически Кенэ это обосновывает тем, что весь чистый продукт попадает к земельным собственникам. «Все налоги, переносятся на земельную ренту, или, иными словами: земельная собственность отчасти конфискуется — мера, которую старалось провести, несмотря на протест Редерера и других, французское революционное законодательство и которая представляет собой окончательный вывод из современной, усовершенствованной Рикардо политической экономии» (**К. Маркс**. Теории прибавочной стоимости. Т. 1. С. 36).

Учение об эквивалентности обмена. Учение об эквивалентности обмена — основа и исходный пункт всей системы Кенэ. На этом же учении базируется и вся критика меркантилизма.

При «естественном порядке», т. е. при полной свободе конкуренции, происходит обмен равных стоимостей на равные стоимости, утверждают Кенэ и его последователи. Правда, не располагая разработанной теорией стоимости, Кенэ и его школа не могли объяснить, что такое равные стоимости и, следовательно, что такое эквивалентный обмен. Под равными стоимостями они подразумевали товары с одинаковыми издержками производства. Но тут они

вращались в заколдованном кругу: равные стоимости они выводили из одинаковых издержек производства, а одинаковые издержки производства есть не что иное, как одинаковые затраты стоимостей.

Теория стоимости физиократов сводится к вульгарной, ничего не объясняющей теории издержек производства. В этом отношении они сделали шаг назад по сравнению с Петти и Буагильбером, давшими, хотя и в неразвитой форме, теорию трудовой стоимости. Тем не менее, тезис об эквивалентности обмена был плодотворным и сыграл значительную роль в развитии научной политической экономии. Раз обмен эквивалентен, раз обмениваются только равные стоимости на равные стоимости, то обмен не может быть источником богатства. Этот вывод и сделал сам Кенэ, нанесший сокрушительный удар меркантилизму, считавшему источником богатства обращение; этот же вывод заставил Кенэ перенести исследование из сферы обращения в сферу производства.

Если учение об эквивалентности обмена привело к перенесу исследования из сферы обращения в сферу производства, что составляет громадную заслугу Кенэ, то, с другой стороны, это же учение, опиравшееся у Кенэ, как мы видели, на теорию издержек производства, укрепило его в заблуждении, навеянном феодальными предрассудками, будто единственным источником богатства является земледелие. Согласно этой концепции, промышленник должен продавать свои товары по таким ценам, которые равнялись бы издержкам производства, в противном случае нарушена будет эквивалентность обмена. Следовательно, промышленность не может быть источником богатства; прибыль промышленника Кенэ сводит к заработной плате за квалифицированный труд последнего как руководителя предприятия и включает ее в издержки производства. Иное дело земледелие: там якобы работает и природа, создающая новую стоимость и новое богатство.

Между тем природа участвует в создании и продуктов земледелия, и продуктов промышленности, в производстве потребительной стоимости, а не в производстве стоимости. Кенэ противоречит самому себе: если, как он утверждает, природа создавала бы в земледелии излишек в виде чистого продукта, то за него, как за дар природы, нельзя требовать вознаграждения. Дар природы ведь ничего не стоит, следовательно, обмен «чистого продукта», не имеющего стоимости, на продукты промышленности, имеющие стоимость, нарушает эквивалентность обмена. Но Кенэ не проводил четкого различия между потребительной стоимостью и меновой, полагая, что то, что имеет потребительную стоимость, имеет и меновую стоимость. Таким образом, получилось, что природа, создавая излишек потребительных стоимостей, создает и излишек меновых стоимостей.

Так творец физиократии подошел к центральному пункту своей системы, к теории «чистого продукта». Но прежде чем остановиться на ней, охарактеризуем физиократическую теорию денег, которая непосредственно вытекает из учения об эквивалентности обмена.

Теория денег Кенэ. Из своего учения об эквивалентности обмена Кенэ и его последователи делали тот правильный вывод, что продавец, обменивая товар на деньги, никакой новой стоимости не получает, так как он за деньги отдал равный им по стоимости товар. «Иначе придется признать, — заявляет одни из видных физиократов, Летрон (1715–1780), — что миллион в деньгах больше, чем равная ему стоимость в товарах», или «данная стоимость больше, чем равная ей стоимость».

Кенэ дал следующую формулу: всякая продажа есть купля, а всякая купля—продажа. Продавая товар, продавец покупает за товар деньги, а покупая товар, покупатель продает за товар деньги. К этой формуле мы вернемся ниже, а пока отметим, что, вооруженный ею, Кенэ в своем замечательном диалоге о торговле не оставляет камня на камне во всем меркантильном здании и опрокидывает венец его—теорию торгового баланса.

Как отдельный товаропроизводитель, так и целая страна не может обогатиться от продажи товаров. Когда страна больше продает за границу, чем покупает, и в результате привозит больше денег, то она, рассуждает Кенэ, вывезла больше товаров. Экспортирующая страна привезенные деньги **купила** за равноценный вывезенный товар и нисколько не обогатилась. Следует подчеркнуть, что принцип эквивалентности обмена Кенэ проводит в отношении не только внутренней торговли, но и внешней, узконационалистическая точка зрения ему чужда, он резко осуждает неравные торговые договоры, навязанные одной стране другой, к чему, собственно, и сводилась меркантильная международная торговая политика.

Кенэ идет еще дальше: он считает, что активный торговый баланс даже вреден, так как страна, имеющая такой баланс, отдает более полезные вещи за менее полезные, товары, которые он считает истинным богатством, за деньги, служащие лишь орудием обращения товаров. Неудивительно, что Кенэ всячески высмеивает заповедь меркантилистов: больше продавать и меньше покупать. С его точки зрения, это значит больше отдавать полезных вещей и меньше—менее полезных. И Кенэ приходит к выводу, что внутренняя торговля гораздо выгоднее внешней: при первой полезные вещи—товары—остаются в стране, при второй они уходят за границу. Вывод, противоположный тому, на чем так настаивали меркантилисты.

Смысл денег Кенэ видит лишь в их функции как орудия обращения; вне его они теряют всякое значение. Поэтому накопление денег он считает делом

вредным, так как этим путем они изымаются из обращения и лишаются своей единственной полезной функции—быть посредником в обмене.

В полемике физиократов с меркантилистами столкнулись две крайние точки зрения. Меркантилисты рассматривают буржуазное богатство с точки зрения меновой стоимости, получающей самостоятельное существование в деньгах, а потому деньги ценнее товара. Физиократы смотрят на буржуазное богатство с точки зрения потребительной стоимости, и деньги для них имеют значение лишь в той мере, в какой они облегчают движение богатства и содействуют производству и воспроизводству потребительных стоимостей.

Противопоставляя меркантильной односторонности свою односторонность, физиократы тем самым ослабляли свою критику меркантилизма. Однако никто до них не поднимал борьбу с меркантильной системой на такую принципиальную высоту. Их предшественники нападали либо на отдельные пункты этой системы, либо на выводы её. Кенэ и его последователи взяли под обстрел систему в целом.

Учение Кенэ о «чистом продукте». Центральным пунктом экономической системы Кенэ является учение о «чистом продукте». Исходя из него, он пытается дать анализ капитала, производительного и непроизводительного труда, места и значения каждой группы населения в обществе (классовой структуры общества).

Кенэ различает: 1) ***умножение*** богатства, его увеличение — multiplication; 2) ***сложение*** суммы богатства — addition. Первое происходит в земледелии, второе — в остальных отраслях производства. В земледелии увеличивается сама материя, или, выражаясь экономически, происходит рост потребительной стоимости. В остальных отраслях хозяйства происходит лишь соединение уже существующих элементов материи: разные виды потребительных стоимостей соединяясь дают новый вид потребительной стоимости, но масса их не только не увеличивается, но даже зачастую уменьшается (например, при переработке сырья в фабрикат или полуфабрикат). Такое различие между земледелием и другими отраслями хозяйства объясняется тем, что в земледелии работает сама природа, происходит «творение». В остальных отраслях хозяйства — во всей обрабатывающей промышленности, не говоря уже о торговле, — природа не принимает участия.

Излишек вновь ***созданной*** продукции над тем, что было израсходовано, является ***чистым «продуктом»***. Но как его вычислить и определить? Пока мы находимся, так сказать, в мире физическом, этого сделать нельзя. Конечно, сжатого хлеба получаешь больше, чем посеянного, но ведь, кроме семян, есть и другие расходы. Можно, правда, все расходы исчислять в одном хлебе, так

обычно и делают, но ведь исчисление других расходов земледельца в хлебе предполагает сведение их к чему-то общему с хлебом. Что же является этим общим? Этого вопроса Кенэ даже не ставит.

Меновую стоимость продуктов Кенэ считает столь же естественной, как и их потребительную стоимость. Продукты и товары — идентичны. Следовательно, и вновь созданная продукция, и расходы на её производство с самого начала выступают у него в их стоимостном выражении. В стоимостном выражении выступает — тоже с самого начала, т. е. как нечто естественное, — и «чистый продукт».

«Чистый продукт» оказывается не чем иным, как излишком вновь произведённой стоимости товаров над издержками производства, т. е. фактически прибавочной стоимостью. Заслуга Кенэ заключается в том, что он стоимость и прибавочную стоимость превратил из категорий обращения, каковыми они были у меркантилистов (от таких представлений не могли ***окончательно*** освободиться и экономисты эпохи разложения меркантилизма), в категории производства. Правда, он не сводит ни стоимость к труду, ни прибавочную стоимость к прибавочному труду. Стоимость не сведена им к труду, но она связана с производством, она возникает в нём. Связана с производством, точнее, возникает в производстве, и прибавочная стоимость. Маркс пишет: «*Физиократы перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из области обращения в область непосредственного производства и тем положили основание* ***анализу капиталистического производства***»[85].

«Чистый продукт» физиократов как излишек стоимости продукции над издержками её производства может быть величиной определённой, если таковой являются издержки производства. Но последние в земледелии в основном слагаются из семян и содержания работника; размер «чистого продукта» зависит от величины заработной платы. Следовательно, величина «чистого продукта» в конечном счёте зависит от величины заработной платы. Заработную плату Кенэ рассматривает как величину данную, т. е. определённую; он её сводит к минимуму средств существования. Но раз это так, то «чистый продукт» — не дар природы, а результат буржуазных отношений, при которых рабочая сила является товаром и стоимость её определяется стоимостью средств существования рабочего. Отметим ещё, что «чистый продукт», по утверждению самого Кенэ, имеется лишь в крупном фермерском хозяйстве, которое он называет «крупной культурой» (grande culture), но его нет в мелком крестьянском хозяйстве, называемом им «малой культурой» (petite

[85] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 30, выделение моё — Д. Р.

culture); другими словами, «чистый продукт» имеется лишь там, где есть наемный труд.

Но «чистый продукт» — результат эксплуатации наёмного рабочего — достаётся только землевладельцам. Получается, что только в земледелии имеет место производство прибавочной стоимости, т. е. капитализм. Таким образом, у Кенэ «*...буржуазное общество получает феодальную внешность*»[86].

Между теорией «чистого продукта» Кенэ и теорией ренты Петти много общего. Как рента (земельная) для Петти, так и «чистый продукт» для Кенэ — основная форма прибавочной стоимости; процент и тем и другим выводится из ренты. Для обоих предпринимательская прибыль как особая категория не существует. Для Кенэ предпринимательская промышленная прибыль — а в этом вопросе он занимает гораздо более чёткую и резкую позицию, чем Петти, — есть, как мы видели, вознаграждение за труд, заработная плата за высококвалифицированный труд. Если предприниматель получит больше, то тем самым нарушится эквивалентность обмена. А торговую прибыль Кенэ считает — в чём он совершенно расходится с Петти — невозможной при нормальных условиях, т. е. при существовании естественного порядка; она может возникнуть лишь в результате неэквивалентного обмена и спекуляции, т. е. нарушения опять-таки эквивалентного обмена.

Кенэ о капитале. Исходя из того, что действительным производством является земледельческое производство, Кенэ вполне последователен, считая действительным лишь тот капитал, который вложен в земледелие. И он неутомим в своей пропаганде идеи необходимости привлечь побольше капиталов в сельское хозяйство. Капитал в промышленности он считал ***бесплодным***, так как последний не даёт «чистого продукта», а лишь возмещает издержки производства, куда входит и вознаграждение за труд предпринимателя. К торговому капиталу Кенэ относится даже с нескрываемой враждой, так как торговая прибыль, как мы видели, может получиться только в результате неэквивалентного обмена.

Неудивительно, что в центре внимания Кенэ — земледельческий капитал, который он довольно обстоятельно исследует. Кенэ различает две части капитала (по его терминологии — две части авансов): одни авансируются ежегодно и названы им «ежегодными авансами», другие авансируются сразу на много лет и названы «первоначальными авансами». Ежегодные авансы, по Кенэ, состоят из издержек, затрачиваемых каждый год. Эти авансы следует отличать от первоначальных авансов, которые образуют фонд организации

[86] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 34.

земледельческого хозяйства. В издержки производства ежегодные авансы входят полностью, а первоначальные — частично.

У физиократов ещё отсутствуют обобщающие понятия — основной и оборотный капитал (эти понятия введены были позже Смитом), но они уже подошли к делению капитала с точки зрения его воспроизводства.

Маркс ставит в заслугу физиократам и то, что деление капитала на годичные и первичные авансы, — фактически, на оборотный и основной — они относят к производительному капиталу, а не к капиталу обращения. Деньги для Кенэ не являются ни оборотным, ни основным капиталом. Смит, как мы увидим в соответствующей главе, сделал значительный шаг назад, смешав оборотный капитал с капиталом обращения. Но, правильно исключив деньги из оборотного и основного капитала, Кенэ проглядел, что капитал в своём движении принимает и денежную форму, что производительная форма — лишь одна из форм капитала. Это обусловлено было двумя моментами. Во-первых, для Кенэ капитал, — это вещество, материя; оборотный капитал состоит из семян, из пищи и других необходимых для работника средств существования, а основной капитал — из вещей, используемых для улучшения почвы. Конечно, при таком понимании капитала и его составных частей деньги не могут быть формой капитала. Во-вторых, Кенэ рассматривает деньги лишь как орудие обращения, необходимое для обслуживания товарооборота и движения капитала. Деньги, по Кенэ, являются средством приобретения капитала, но отнюдь не формой капитала.

Если меркантилисты отождествляли капитал с его денежной формой, т. е. с той формой, которую капитал принимает в обращении, то физиократы отождествляют капитал с той его формой, которую он принимает в процессе производства, т. е. с его производительной формой. Таким образом, физиократическое понимание капитала представляло значительный прогресс: оно связано с перенесением исследования из сферы обращения в сферу производства. Кенэ и его последователи ищут определения капитала в его роли в производстве, где он доставляет чистый продукт, фактически — прибавочную стоимость.

Анализ воспроизводства всего общественного капитала. Наиболее оригинальной и даже гениальной является попытка Кенэ проанализировать воспроизводство всего общественного капитала. Здесь у него не было предшественников. Более того, до Маркса эта попытка не только не получила дальнейшего развития, но и не была правильно оценена. Между тем она венчает воздвигнутое Кенэ здание: учение об эквивалентном обмене, деньгах, чистом продукте, капитале — все это получает своё завершение в учении о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала. Кенэ

как бы восходит от отдельных сторон изучаемого им хозяйства к охвату его в целом.

С другой стороны, это целое уже витает в его представлении, в то время как он изучает отдельные его стороны. Теория эквивалентного обмена базируется на том, что Кенэ исследует обмен как момент воспроизводства: при нарушении эквивалентности воспроизводство станет невозможным, по крайней мере для тех хозяйств, которые отчуждают свои продукты ниже эквивалента. Рассмотрение денег лишь как орудия обращения обусловлено тем же: в противоположность меркантилистам, исходившим из кругооборота денежного капитала, Кенэ, имея в своём поле зрения весь общественный капитал, исходит из кругооборота товарного капитала (именно этот кругооборот капитала пригоден, как указывает Маркс, для анализа воспроизводства всего общественного капитала), где деньги выступают лишь как орудие обращения. Наконец, отказ от меркантильной теории прибыли и поиски источника её в производстве ***методологически*** подсказаны тем, что Кенэ не теряет из вида общественное производство в целом: и «отчуждение» может быть источником прибыли отдельного капиталиста, но отнюдь не источником дохода всех капиталистов.

Воспроизводство и обращение всего общественного капитала Кенэ изобразил в своей «Экономической таблице». Характеризуя анализ воспроизводства, изображённого в этой таблице, Маркс пишет: «*Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение, — в обращение между крупными функционально-определенными экономическими классами общества*»[87].

Множество актов купли-продажи, происходящих между отдельными индивидуумами, представлено в «Экономической таблице» как обращение общественного продукта между классами: 1) отдельные акты обмена «объединяются в характерно-общественное массовое движение»; 2) отдельные индивидуумы «объединяются в функционально-определённые экономические классы». И в результате — воспроизводство и обращение всего общественного капитала, т. е. первая гениальная ***попытка*** представить кругооборот общественного капитала в целом.

Предпосылки таблицы следующие: 1) неизменность цен (таблица изображает естественный порядок, в котором происходит эквивалентный обмен); 2) простое воспроизводство; 3) абстрагирование от внешнего рынка. Все эти моменты характеризуют громадную научную интуицию Кенэ. От

[87] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 25.

уклонения рыночных цен от естественной цены нужно было абстрагироваться, ибо эти уклонения, ничего не давая, только усложняли исследование. Так же правильно поступил Кенэ, сконцентрировав внимание на простом воспроизводстве, ибо трудность проблемы заключается в последнем, в показе того, как все отрасли хозяйства, друг друга обусловливая, создают тем самым возможность реализации созданной ими совокупной продукции. Перед Кенэ стояла ещё одна особая проблема: показать, как сельское хозяйство при посредстве обращения питает всё хозяйство в целом, а для этого достаточно было показать это на простом воспроизводстве, — расширенное воспроизводство вносит некоторые модификации, но не изменяет существа дела.

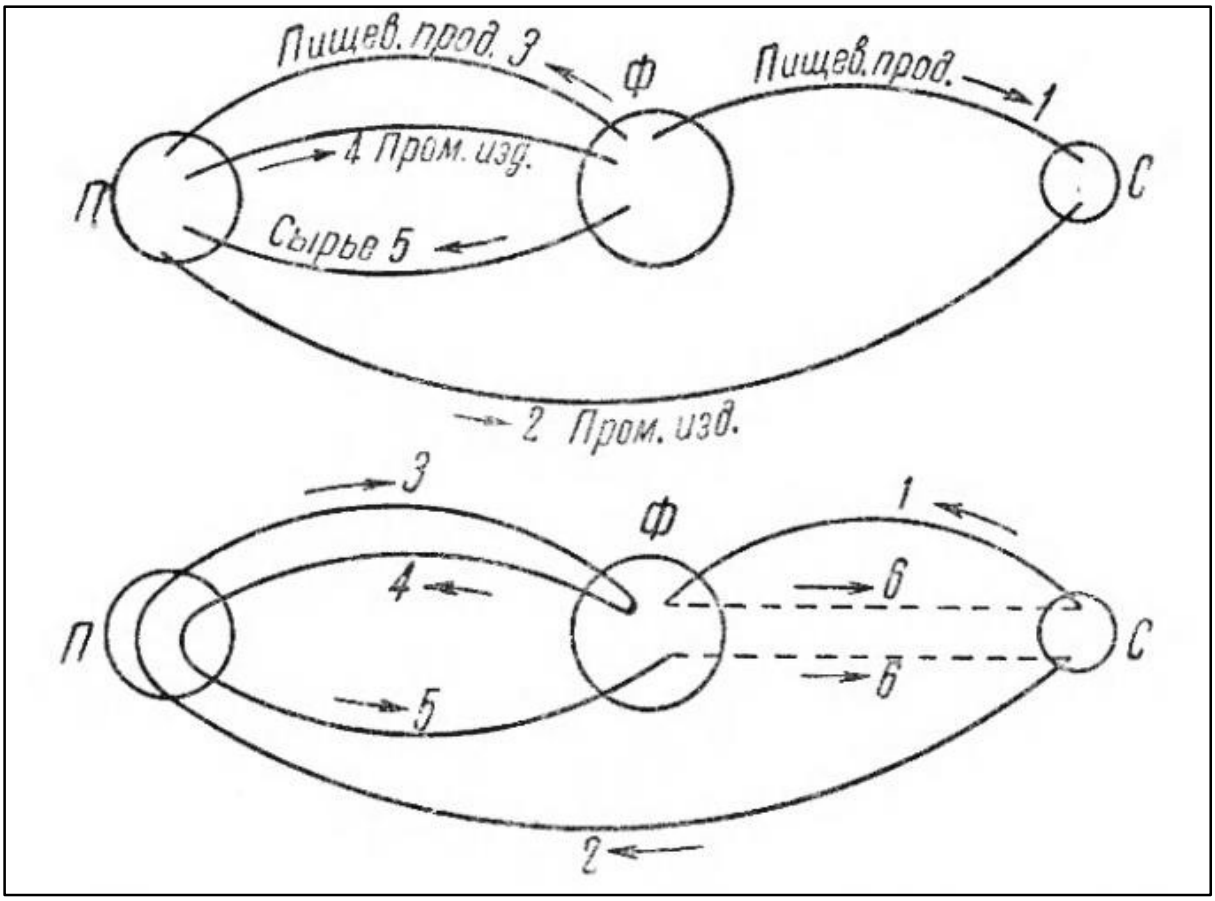
Наконец, громадным достоинством является и то, что Кенэ абстрагируется от внешней торговли, ибо для анализа кругооборота общественного капитала она ничего не даёт.

Началом кругооборота Кенэ в своей таблице считает конец уборки урожая. Он исходит из предположения, что годовой земледельческий продукт по стоимости равняется 5 млрд. ливров (французская денежная единица времён физиократов), из них на 4 млрд. продовольствия и на 1 млрд. сырья. Эта товарная масса приводится в движение при помощи 2 млрд. ливров (наличными деньгами)[88]. Стоимость же годового земледельческого продукта складывается из таких частей: 1) стоимости в 2 млрд. оборотного капитала («годовых авансов»), 2) стоимости в 1 млрд., составляющей процент изнашивания основного капитала («первичных авансов»), и 3) стоимости в 2 млрд. прибавочного продукта («чистого продукта»). Помимо того, у «бесплодных» имеется изделий на 2 млрд.

К началу обращения деньги в количестве 2 млрд. находятся уже у земельных собственников, получивших их от фермеров в виде арендной платы.

[88] Кэне полагал, что для обращения указанной товарной массы нужны 3 млрд., но Марк показал, что достаточно 2 млрд.

Само обращение, состоящее из обращения товаров и обращения денег, разлагается на пять актов:



1) земельные собственники покупают у фермеров на 1 млрд. продовольствия, и, таким образом, совершается движение денег от с (собственников) к ф (фермерам), а движение товаров — от ф к с; 2) земельные собственники покупают у промышленников (мы их будем обозначать буквой п) изделия на второй миллиард; теперь деньги двигаются от с к п, а товары — от п к с; 3) промышленники на полученный ими 1 млрд. покупают у фермеров продовольствие; второй миллиард, полученный раньше от земельных собственников, передвигается от п к ф, а товары — от ф к п; 4) фермеры покупают у промышленников на 1 млрд. изделий, состоящих из инструментов и других орудий труда; теперь деньги идут обратно от ф к п, а товары — от п к ф; 5) промышленники покупают у фермеров на этот же миллиард сырьё; деньги вновь движутся от п к ф, а товары — от ф к п.

В результате перечисленных пяти актов обмена: 1) Земельные собственники получили «причитающийся» им «чистый продукт», хотя часть последнего составляют промышленные изделия, но куплены они были за деньги фермеров, которые эти деньги получили обратно от промышленников лишь

взамен соответствующего количества продовольствия. Следовательно, промышленные изделия, полученные земельными собственниками, являются эквивалентом продовольственных продуктов, произведённых в земледелии. 2) Промышленники получили взамен своей продукции продовольствие и сырьё и могут сызнова начать своё производство, т. е. обращение обеспечивает непрерывность производства. 3) Фермеры получили нужные им орудия труда, а продовольствие на 2 млрд. у них осталось на руках, т. е. в обращение не пошло; они могут возобновить процесс воспроизводства, кроме того, они получили обратно 2 млрд., которые нужно будет опять отдать земледельцам в качестве арендной платы.

2. Анн-Роберт-Жак Тюрго (1727–1781)

Хотя Тюрго по основным своим воззрениям — физиократ, но учеником Кенэ в обычном смысле он не был, а в жизни физиократической «школы» он почти никакого участия не принимал. Тюрго меньше, чем другие физиократы, особенно из аристократической среды, поддавался иллюзии феодальной внешности физиократии. «*У тех физиократов, — пишет Маркс, — которые обладали более широким умом, особенно у* ***Тюрго****, это обманчивое представление совершенно исчезает, и физиократическая система является у них выражением нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодализма*»[89].

Свободный от этой иллюзии, Тюрго вносит улучшения в учение Кенэ и развивает его дальше.

Наконец, Тюрго сделал серьёзную попытку осуществить учение физиократов, претворить его в жизнь (в бытность свою министром финансов при Людовике XVI). Тюрго представлял собой соединение крупного администратора и крупного теоретика. Свои административные мероприятия и законодательные проекты он сопровождал разъяснениями и объяснительными записками, граничившими с учёными трактатами. Поэтому и анализ его административной деятельности представляет теоретический интерес.

Дальнейшее развитие учения Кенэ у Тюрго. «У Тюрго, — говорит Маркс, — мы находим физиократическое учение в самом развитом его виде»[90].

То, что Тюрго смотрел на капиталистические отношения не сквозь призму феодализма, дало ему возможность лучше понять классовую структуру буржуазного общества. Деление общества на три класса (Кенэ) он дополняет

---

[89] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 1, с. 34, выделение моё —Д. Р.

[90] Там же, с. 40.

делением на рабочих и капиталистов. Распространяя принцип свободной конкуренции и на отношения между рабочими и предпринимателями, он дал лучшую для того времени формулировку закона заработной платы. Тюрго не ограничивается утверждением, что заработная плата сводится к минимуму средств существования, а объясняет, почему это происходит.

«*Имея выбор, — говорит он, — между значительным количеством работников, наниматель предпочитает того, кто соглашается работать за самую низкую цену. Работники должны, поэтому, друг пред другом понижать цену за свой труд. При таком положении вещей во всех родах труда должен установиться, и в действительности устанавливается, такой порядок, что заработная плата работника ограничивается лишь минимумом, необходимым для существования*»[91].

Из приведённого высказывания видно, что решающим моментом в определении величины заработной платы Тюрго считает конкуренцию между рабочими, наличие излишних рабочих рук. Почему на рынке труда предложение всегда превышает спрос, Тюрго ещё не объясняет, но механизм сведения заработной платы к минимуму средств существования он раскрыл.

Тюрго правильно определяет, ***что такое*** наёмный рабочий. Он пишет: «*Простой работник, **обладающий только своими руками и ремеслом**, имеет только столько, поскольку ему удаётся продать свой труд*»[92]. В другом месте он объясняет, откуда взялись все те, которые обладают «только своими руками и ремеслом»: «*тем же, которые не могли приобрести более собственности на землю, не осталось иного исхода, как предложить свой труд в качестве работников непроизводительного класса в обмен на избыток продуктов собственников-земледельцев*»[93].

Таким образом, условием возникновения наёмного труда является отделение земли — важнейшего средства производства — от производителей. И это верно. Но Тюрго неправильно истолковывает правильное положение, и виной этому — его физиократические воззрения. Согласно этим воззрениям, земля — не ***важнейшее*** средство производства, а ***единственный*** источник богатства. Следовательно, настоящим капиталистом является тот, кто владеет этим источником богатства, т. е. землевладелец; другие же являются капиталистами постольку, поскольку им удаётся урвать часть чистого продукта у землевладельцев.

---

[91] А.-Р.-Ж. Тюрго, Размышления о создании и распределении богатства, 1905, с. 4.

[92] Там же, выделение моё — Д. Р.

[93] Там же, с. 6.

Тюрго не только анализирует капиталистические отношения, но пытается изобразить и их возникновение, правда, умозрительно, исходя из позиции физиократизма. Этот процесс Тюрго рисует так: люди расселились по земле, т. е. овладели землёй, и стали одновременно земледельцами и землевладельцами. Весь чистый продукт доставался тому, кто владел землёй и её обрабатывал. Но без обмена обойтись было невозможно, потому что на разных землях производятся разные продукты. Это первая стадия названого процесса. На этой стадии существует только обмен продуктов на продукты.

Вторая стадия начинается с разделения населения на земледельческое и неземледельческое. Обмен между ними уже является обменом труда на продукты: труд дают неземледельцы, а продукты — земледельцы; первые находятся ***на жаловании*** у вторых. Другими словами, неземледельческое население Тюрго рассматривает как работающее как бы по найму у земледельческого.

На третьей ступени отделяется владение землёй от пользования ею, в результате чего земледелец вынужден делить продукт земли с землевладельцем. Теперь и земледелец получает не больше, чем «свою собственную заработную плату» (Маркс), так как собственник земли берёт весь излишек над необходимыми средствами существования.

В изображении Тюрго возникновения капиталистических отношении наиболее ценным является то, что он ни на минуту не упускает из виду, что наёмный труд (пусть это понятие стало у него, как мы видим, беспредельным, так как к наёмным рабочим он причисляет всех несобственников земли) возникает лишь в результате отчуждения средств производства от производителя. А так как земля есть важнейшее средство производства, то он все внимание концентрирует на ней.

Говоря о земледельце и собственнике, Тюрго пишет: «*Он (собственник, — Д. Р.) нуждается в земледельце в силу физической необходимости, согласно которой* ***земля не производит ничего без труда;*** *но земледелец нуждается в собственнике только* ***в силу человеческих соглашений и гражданских законов****, которые обеспечивают первым из возделывавших землю и их наследникам право собственности на занятые земли даже после того, как они перестали их обрабатывать*»[94].

Роли земледельца и землевладельца точно определены: земледелец свой труд отдаёт землевладельцу, а последний пользуется правом собственности, которое опирается на закон. Правда, Тюрго это право и этот закон

[94] А.-Р.-Ж. Тюрго, Размышления о создании и распределении богатства, с. 9, выделение моё — Д. Р.

оправдывает: «они возникли вследствие того, что предки собственника некогда сами обрабатывали землю» (Кенэ даёт совершенно аналогичное объяснение). Но факт остаётся фактом: передача чистого продукта собственникам есть, по Тюрго, не что иное, как присвоение одним классом продукта труда другого класса.

Но откуда появились другие капиталисты, кроме земельных собственников? Их существование Тюрго отрицать не мог, да и такой задачи себе не ставил. Наоборот, вслед за изображением процесса возникновения основных капиталистов, т. е. землевладельцев, он пытался изобразить процесс возникновения и производных, так сказать, капиталистов — промышленных, торговых, ссудных. Если земельные собственники концентрировали в своих руках недвижимое богатство, то та часть, которая земельной собственности не имела, концентрировала у себя движимое богатство, в котором решающее значение имеют средства производства, запасы в виде предметов потребления, а также деньги.

Как возник и протекал этот процесс? Ведь с точки зрения физиократов он вообще невозможен. И в самом деле, если все, кроме землевладельцев, получают только заработную плату, равную стоимости необходимых средств существования, то как среди них (не-землевладельцев) могло возникнуть новое расслоение — разделение на рабочих и капиталистов?

Из этого затруднения выводит сказка, сочиненная Тюрго и подхваченная всей буржуазной политической экономией, будто бережливость, хозяйственность, старательность и тому подобные добродетели являлись причиной первоначального накопления, т. е. превращения, по Тюрго, части работников в промышленных и торговых капиталистов. Это — наиболее слабое место во всей концепции Тюрго.

В отличие от Кенэ, Тюрго не отрицает возможности получения прибыли как торговой, так и промышленной, но выводит её из процента, а процент из ренты. Результат развития обмена, по Тюрго, это 1) появление денег и их накопление, 2) вовлечение в товарооборот земли: последняя становится предметом купли-продажи. Отсюда определенная сумма денег представляет определенный участок земли и наоборот, определенный участок земли представляет определенную сумму денег. Следовательно, деньги должны принести не меньше дохода, чем та земля, которая на них может быть куплена. Тюрго считал даже, что процент должен быть выше ренты, так как кредитор рискует больше, чем собственник земли. А раз доказано, что деньги должны принести доход, то тем самым доказано и то, что доход должны принести торговля и промышленность, так как в них вложены деньги. Более того, этот

доход должен равняться проценту на вложенный капитал плюс заработная плата за труд предпринимателя плюс вознаграждение за риск.

По Тюрго, процент, как и его модификация прибыль, — это вычеты из чистого продукта. Капитал — и такой мотив приводит Тюрго — содействует увеличению чистого продукта и потому имеет право на часть его. Тюрго выступает не только как противник запрещения процента, но и как противник законодательного регулирования процента. Процент как цена ссужаемых денег устанавливается и должен устанавливаться в результате свободной конкуренции, как устанавливается цена любого товара.

Хотя отношение между прибылью и процентом поставлено Тюрго, что называется, на голову — из процента, являющегося частью прибыли, им выводится целое, т. е. вся прибыль, — но самый факт признания со стороны Тюрго прибыли свидетельствует о более правильном понимании им капиталистических отношений. Вместе с тем, это высказывание Тюрго находится в кричащем противоречии с физиократической теорией эквивалентности обмена. Присовокупляя прибыль к издержкам производства, предприниматель получает больше, чем ему самому стоит товар, следовательно, нарушается эквивалент обмена.

Цельность физиократической теории эквивалентности Тюрго нарушает и с другой стороны. Он пытается разграничить субъективную и объективную ценность. Субъективная ценность показывает, как лицо, отчуждающее свою вещь, само её оценивает. «*А так как каждый из обменивающихся равно является хозяином того, что он предлагает в обмен, то он и должен определить* ***степень своей привязанности*** *к той вещи, которую он отдает в обмен, сравнительно с* ***собственным же желанием получить другую вещь...***»[95]. Объективная ценность устанавливается рынком. «*Ценность хлеба и вина не определяется в этом случае (когда есть много покупателей и много продавцов. — Д. Р.) между двумя частными лицами в зависимости от их взаимных потребностей и средств; она определяется из уравнения потребностей и средств всей совокупности продавцов хлеба со всей совокупностью продавцов вина*»[96].

Вообще учение Тюрго о субъективной ценности является чужеродным телом в системе физиократов, насквозь пронизанной духом объективизма. Однако в данной связи важнее другое: субъективная ценность и эквивалентный обмен — понятия, друг друга исключающие.

---

[95] А.-Р.-Ж. Тюрго, Размышления о создании и распределении богатства, с. 17, выделение моё — Д. Р.

[96] Там же, с. 18.

Кондильяк (1715-1780), сторонник субъективной ценности, выставляет в дискуссии с физиократами противоположный тезис: обмен всегда не эквивалентен, так как каждый из участников обмена отдает то, что он меньше ценит взамен того, что ценит больше. «*Неверно, — утверждает Кондильяк, — что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно...*»[97]

Внесение субъективизма — одно из слабых мест концепции Тюрго. Но в основном он развивает дальше физиократическую систему и срывает с неё феодальный покров; вместе с тем он наиболее полно выявляет ее слабые стороны и, в сущности, ее разлагает, очищая путь дальнейшему развитию политической экономии. В его попытке теоретически осмыслить буржуазные отношения, лишённые феодальной оболочки, наиболее отчетливо выступает отсутствие прочной основы у физиократической системы — научной теории стоимости, без которой невозможен правильный анализ капиталистического способа производства.

[97] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 103.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
БУРЖУАЗНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Мы переходим к одному из важнейших отделов политической экономии, вписанных в её историю Адамом Смитом и Давидом Рикардо. Классическая политическая экономия возникла, как мы видели, значительно раньше, но своей зрелости и завершенности она достигла в трудах названных экономистов.

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили Смита и Рикардо и противопоставляли их вульгарным и мелкобуржуазным экономистам. Маркс с большой тщательностью подвергает критическому разбору работы Смита и Рикардо и выделяет в них всё наиболее ценное. Ленин, развивая дальше учение Маркса и исследуя истоки марксизма, точно определил место английской классической экономии, назвав её одним из источников марксизма.

Английская классическая политическая экономия не потеряла своего значения и сейчас. Тот, кто хочет изучать марксистско-ленинскую политическую экономию не догматически, а творчески, как этому учит товарищ Сталин, должен основательно изучить английских классиков. Лишь тогда будет понятен переворот, совершенный Марксом в политической экономии, и станет ясно, почему марксизм «*...есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма*»[98].

Адам Смит и Давид Рикардо — экономисты буржуазные, но они защищали буржуазный строй не как лакеи буржуазии, не как сикофанты. Они защищали его как независимые мыслители, будучи убеждены, что этот строй — наиболее прогрессивный. Он, действительно, был в то время относительно прогрессивным по сравнению с феодализмом. Их ошибка в том, что они считали его абсолютно прогрессивным. Но это только лишний раз подтверждает правильность учения марксизма-ленинизма о том, что не сознание определяет бытие, а бытие — сознание. Как представители определенного класса, Смит и Рикардо не могли выйти за пределы его ограниченного кругозора.

Наша задача — выяснить: 1) исторические условия — экономические, политические, идейные, — в которых жили Смит и Рикардо; 2) как они защищали прогрессивные идеи и интересы своего времени; 3) как это отразилось в их экономических системах.

---

[98] В. И. Ленин. Соч., т. 16, с. 249.

Классическая политическая экономия «*...начинается в Англии с Вильяма Петти, а во Франции с Буагильбера и оканчивается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди*»[99].

В настоящем отделе мы рассмотрим также взгляды Сисмонди, представляющие значительный интерес. «*Если в лице Рикардо, — пишет Маркс, — политическая экономия беспощадно делает свой последний вывод и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом её сомнения*»[100]. Сисмонди — мелкобуржуазный экономист и романтик. Подвергнув капиталистический строй более резкой, чем его предшественники, критике, Сисмонди вместе с тем создал реакционную теорию, как это великолепно показано Лениным в его работе «К характеристике экономического романтизма».

Глава VII
Адам Смит

Классическая школа политической экономии ведет своё начало от В. Петти. Адам Смит не только обогатил экономическую науку новыми исследованиями, но и первый объединил все экономические знания своего времени в единое целое. «*Политическая экономия развилась в труде А. Смита в одно большое целое; территория, которую она занимает, некоторым образом получила определенные границы...*»[101]

Систему Адама Смита можно, фигурально выражаясь, сравнить с большой, широкой рекой, в которую впадают большие и малые притоки; величественная река заслоняет собой эти притоки, они ускользают от взора, прикованного к главной водной магистрали. Так и Адам Смит надолго заслонил собой своих предшественников, и долгое время существовало мнение, будто Адам Смит является отцом политической экономии. Но мы уже знаем из предыдущего, что это не так. Марксу принадлежит и та заслуга, что он первый открыл Вильяма Петти и физиократов — истинных отцов буржуазной политической экономии. Однако Адам Смит является одним из творцов английской классической школы в её зрелом виде. В этом виде она и стала одним из источников марксизма. Это уже определяет значение и место Адама Смита.

---

[99] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 29.

[100] Там же, с. 36.

[101] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 8.

Адам Смит, как сказано, вобрал в себя многое из того, что было высказано его предшественниками, но он не был эклектиком, т. е. он не механически соединял различные воззрения, а перерабатывал их. Из всего, что было создано до него, он разработал единую систему; хотя ей, как мы это увидим ниже, и присущи большие противоречия, тем не менее эта система и в социально-политическом, и в теоретическом смысле проникнута одной идеей.

В социально-политическом смысле целеустремлённость всей системы Адама Смита в том, что он был поборником экономической свободы: вся его система как в целом, так и в отдельных её частях толкает мысль в одну сторону — к необходимости полной экономической свободы, развития хозяйственной жизни согласно её имманентным (внутренним) закономерностям, безо всякого вмешательства со стороны законодателей, стоящих вне хозяйства. Но отсюда вытекала для Адама Смита и теоретическая задача: надо было показать, каковы те внутренние закономерности, согласно которым развивается хозяйство, или, как выражается Адам Смит, согласно которым богатство производится и распределяется.

Мы знаем, что и физиократы были поборниками экономической свободы и рьяно защищали лозунг «laissez faire, laissez passer». Мы знаем также, что они провозгласили «естественные законы» единственными регуляторами хозяйственной жизни. Но физиократы придали своей системе «феодальную внешность», что сузило их кругозор и размах и мешало им глубже вникнуть в «физиологию» буржуазного общества.

Смит освободил политическую экономию от этой внешности. Уже в начале своей классической работы «Исследование природы и причин богатства народов» Смит провозглашает источником богатства труд, независимо от того, где бы этот труд применялся: в земледелии ли, или в промышленности — везде труд является созидателем богатства. Этот тезис, направленный как против меркантилистов, считавших обращение главным источником богатства, так и против физиократов, считавших таковым сельское хозяйство, особенно высоко расценивался Марксом, который писал:

«*После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, мореплавание, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками богатства,* ***Адам Смит*** *провозгласил труд вообще, и притом в его общественно-совокупном виде, в качестве* ***разделения труда****, единственным источником вещественного богатства...*»[102]

[102] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 34.

Как общие, так и экономические воззрения Адама Смита сложились в первой половине XVIII в. Этот период был для Англии кануном промышленного переворота и ожесточенной борьбы, которая разыгралась между промышленной буржуазией и земельной аристократией к концу XVIII в. и особенно в первые десятилетия XIX в. Но при Смите господствующей формой крупного производства ещё была мануфактура, и в этой форме крупное производство вытеснить мелкое производство не могло. Удельный вес последнего был ещё чрезвычайно велик, и большим влиянием пользовался торговый капитал, контролировавший и эксплуатирующий мелкое производство. В силу этого ещё далеко не была изжита меркантильная идеология. Всё это давало материал и направление мысли автора «Богатства народов».

Смит — экономист мануфактурного периода, он восхваляет мануфактурное разделение труда как фактор роста производительности труда, т. е. восхваляет крупное производство в той форме, в которой он его застает. Правда, Смиту уже известен ряд изобретений, особенно в хлопчатобумажной промышленности. Эти изобретения, которые Смит встретил с большим сочувствием, были лишь первыми ласточками; они ещё не делали весны, но Смит усматривал в них признаки надвигающейся капиталистической весны; он всецело был на стороне промышленного прогресса и всячески боролся против всего, что стояло на его пути.

1. От Вильяма Петти до Адама Смита

Экономическое и политическое развитие Англии. Ко времени Смита Англия уже утратила свой прежний аграрный характер и стала промышленной страной. Об этом прежде всего свидетельствуют изменения в составе народонаселения: рост городов и населения, занятого в промышленности, и уменьшение сельского населения. Рост городского населения шёл за счет сельского. Увеличивалось население главным образом промышленных округов. Население же городов сельскохозяйственных округов хотя и увеличилось, но несравненно меньше. Так, например, в Норвиче оно увеличилось всего на одну треть.

Революция, совершённая буржуазией в союзе с новым дворянством, не только не обидела последнего, а наоборот, ещё больше усилила его позиции, но уже в качестве одного из классов буржуазного общества. «Огораживание», т. е. насильственное обезземеливание крестьян, которое раньше совершалось захватническим путём отдельными представителями знати, теперь стало проводиться революционным парламентом законодательным путём,

парламентскими актами. С 1700 до 1760 г. издано было 208 актов, предписывающих полное или частичное «огораживание» отдельных приходов; эти акты коснулись в общем более 312 тыс. акров земли. В дальнейшем «огораживание» пошло ещё более быстрыми темпами: с 1700 по 1801 г. было издано 2 тыс. актов, действие которых распространилось на три с лишним миллиона акров земли. Обезземеливание крестьянства шло параллельно с образованием крупного фермерского хозяйства, т. е. с внедрением капитализма в земледелие. То, о чём так страстно мечтали физиократы во Франции, в Англии осуществлялось «просто» и было ускорено «мудрым» законодательством.

Землевладельцы превратились в получателей ренты и были всемерно заинтересованы в повышении доходности земли. Вырос класс богатых фермеров.

Так называемое «первоначальное накопление» своё дело сделало и уступило место капиталистическому накоплению, но последнее натолкнулось на ряд затруднений, в первую очередь на узкий базис мануфактуры. Назрела необходимость в промышленном перевороте. С другой стороны, сама мануфактура разложением процесса труда на простейшие операции, специализацией инструментов, созданием спаянного производственного механизма создала организационные и технические предпосылки для этого переворота.

Но на пути развития крупного капитала встало множество помех. Протекционизм, правда, ставил своей задачей, по выражению Маркса, «фабриковать фабрикантов»; однако, выполнив эту задачу, он стал тормозить действия сфабрикованных им же фабрикантов, сковывая их инициативу и предприимчивость.

Внутри страны сильно давало себя чувствовать устаревшее законодательство, которое ведёт своё начало от цехов и гильдий и за которое продолжали цепляться мелкие ремёсла и связанный с ними допотопный купеческий капитал. Вовне протекционизм препятствовал установлению «здоровых», «нормальных» отношений с другими странами на коммерческих началах. Англии, успевшей либо уничтожить своих соперников (например, Испанию), либо оттеснить их на задний план (Голландия и Франция), не приходилось опасаться свободной конкуренции во внешней торговле. Для английского капитализма, выросшего в могучую силу, свободное соревнование было наилучшим орудием в конкурентной борьбе с гораздо более слабым противником.

Необходимо было также изменить отношения к колониям, во всяком случае, требовался дифференцированный подход к каждой из них. Нельзя было

практиковать одни и те нее методы в Индии и в колониях, населённых выходцами из самой Англии и других европейских стран. Вспыхнувшее вскоре восстание в Северных штатах Америки было для Англии грозным предостережением.

Развитие экономической мысли. За время от Петти до Смита значительно продвинулась в Англии и экономическая мысль. Экономическая мысль развивалась по восходящей линии: от меркантилизма к классической экономии[103].

Как двигалась экономическая мысль в этот период, лучше всего проследить по следующим важнейшим проблемам теории:

а) Развитие трудовой стоимости. Теория трудовой стоимости Петти развивалась в двух направлениях: одно из них связано с именем знаменитого американского государственного деятеля Франклина (1706—1790), а другое — с Джеймсом Стюартом. Вспомним, что Петти не мыслил стоимости вне её денежного выражения, вне цены, и проводил различие между трудом, производящим товары, и трудом по добыче серебра: второй непосредственно создаёт стоимость, первый — лишь в той мере, в какой его продукты обмениваются на серебро.

Франклин высвобождает теорию трудовой стоимости из этой меркантильной оболочки. Он говорит: «Трудом можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других предметов». Или: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивается трудом»[104].

Это положение Франклин иллюстрирует на том же примере (почти в дословных выражениях), что и Петти: и у него противостоят друг другу хлеб и серебро. Но в то время, как Петти говорит, что серебро составляет естественную цену хлеба, Франклин, как бы полемизируя с Петти, утверждает, что «*...хлеб и серебро* ***составляют друг для друга*** *естественную цену...*»[105],

---

[103] Правда, современник Смита Джеймс Стюарт (1712–1780) пытается возродить меркантильную систему. В своей книге «Исследования о принципах политической экономии», вышедшей в 1767 г., он излагает меркантильные взгляды в форме систематического курса. Но Стюарт был, по выражению Маркса, «запоздалым меркантилистом», и это послужило важнейшей причиной того, что его книга прошла незамеченной, хотя по обилию фактов, постановке новых проблем, оригинальности и самостоятельности мысли она и была значительным явлением. Маркс даже называет Стюарта первым британцем, выработавшим общую систему буржуазной экономии

[104] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 32.

[105] Там же, выделение моё — Д. Р.

т.е. для Франклина не только серебро есть естественная цена хлеба, но и хлеб есть естественная цена серебра.

Далее, по Франклину, стоимость определяет не тот особый вид реального труда, при помощи которого добывается золото и серебро, а всякий труд. Труд производителя хлеба определяет стоимость не потому, что продукт его — хлеб — будет превращен в деньги, а потому, что этот труд, как и всякий труд, определяет стоимость.

Таким образом, Франклин делает шаг вперёд: он свободен от меркантильных иллюзий, будто вес стоимости вне её денежного выражения. Но, с другой стороны, он делает и шаг назад по сравнению с Петти: у него исчезает всякое различие между хлебом и серебром, или между товаром и деньгами, специфика денег исчезает, как и специфика труда, создающего стоимость.

По иному пути пошел «запоздалый меркантилист» Стюарт. Он развивает мысль Петти о различии между трудом, реализованным в товарах, и трудом, реализованным в серебре и золоте, т. е. в деньгах. «*Что отличает Стюарта от его предшественников и последователей, — пишет Маркс, — это то, что он проводит резкое различие между специфическим общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, производящем потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение... создает всеобщий эквивалент... я называю* ***промышленностью****. Труд в смысле промышленности он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Этот труд есть для него буржуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам*»[106].

В этом и заключается дальнейшее развитие мысли Петти о различии двух видов труда — труда, создающего деньги, и труда, создающего товары. Смит, вслед за ним Рикардо, как увидим дальше, развили сильные стороны трактовки Франклина, игнорируя, однако, ценные моменты в трактовке Петти и Стюарта.

б) Зачатки теории прибавочной стоимости и развитие теории ренты.

Начало теории прибавочной стоимости, как мы уже видели, заложено Петти. Но всеобщей формой прибавочной стоимости он считает ренту. Прибыль, как особая категория, у него отсутствует; процент он выводит из ренты.

Последующие экономисты — Юм и Мэсси — уже рассматривают прибыль как особую категорию и выводят процент из прибыли, что соответствует более высокому уровню развития промышленного капитала. Связь между уровнем

[106] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 33–34.

процента и нормой прибыли особенно чётко формулирует Мэсси. Он пишет: «Если то, что заёмщики платят в качестве процента за занятые деньги, есть часть прибыли, которую они в состоянии выручить, то процент должен определяться этой прибылью». Но источник прибыли не вскрыт ни Юмом, ни Мэсси.

Дальнейшую разработку теории прибыли мы находим у Джемса Стюарта. Он различает прибыль положительную и прибыль относительную. Относительную прибыль он рассматривает по-меркантилистски, как излишек цены от реальной стоимости товаров. Следовательно, относительная прибыль — результат обращения: за товар выручают больше, чем он стоит. Но важно то, что Стюарт подчёркивает характер относительности этой прибыли. Он её образно характеризует так: «она выражает ***колебание весов*** богатства между участниками... но не даёт никакого прироста к общественному состоянию»

Прибыль, которая даст «прирост к общественному достоянию», Стюарт называет положительной и ставит её в зависимость от производительности труда. Это очень важный момент, но Стюарт его ещё не развивает, так как в центре его внимания — относительная прибыль. А так как последняя означает, что выигрыш для одного есть в то же время проигрыш для другого, то «запоздалый меркантилист» приходит к общему меркантилистскому выводу: внутренняя торговля не может быть источником богатства; им может быть только внешняя торговля, и то лишь при условии активного торгового баланса. Одна нация в своей торговле с другими может выиграть лишь за счёт последних, и «колебание весов богатства между участниками» международной торговли всегда окажется в пользу тех из них, на чьей стороне будет активный торговый баланс.

в) Развитие теории заработной платы.

Внимание экономистов издавна привлекала проблема заработной платы. Уже Петти, рассматривавший ренту как излишек стоимости сельскохозяйственных продуктов над издержками их производства, пытается формулировать закон заработной платы, сводя её к минимуму средств существования. Не определив величины заработной платы, нельзя было определить и величину этого излишка.

К поискам закона заработной платы побуждали и общеметодологические соображения, требовавшие установления естественных принципов, регулирующих буржуазную экономику. Исследуя естественную цену обычных товаров, экономисты должны были исследовать и **естественную** цену такого товара, как труд (полагали, что продаётся труд, а не рабочая сила). Особенно важно было установить величину заработной платы, так как без этого нельзя

было определить ***«естественный»*** доход капиталиста — прибыль. Припомним, что тот же Петти в поисках «истинной природы» ренты, которая для него являлась всеобщей формой прибавочной стоимости, пришёл к мысли, что она зависит от заработной платы: чем выше заработная плата, тем ниже рента, и наоборот.

Последующие экономисты пошли по пути, проложенному Петти. И они сводят заработную плату к минимуму средств существования и стараются вскрыть содержание этого минимума. Локк утверждал, что «*если вся его (работника. — Д. Р.) пища, одежда и утварь будут стоить на четверть больше, чем стоили раньше, то его заработная плата должна подняться вместе с ценой товара и дать ему возможность существовать; в противном случае он не будет в состоянии прокормить своим трудом себя и свою семью...*». Вандерлинг же дал следующую сжатую формулировку: «*Цена труда всегда определяется ценой предметов первой необходимости*». У Джемса Стюарта мы находим даже довольно полную разработку понятия минимума средств существования. Он делит этот минимум на ***физически необходимое и политически необходимое*** (под последним он имеет в виду то, что в наше время разумеют под культурным минимумом). Стюарт рассматривает заработную плату в динамике, тенденцию её колебания, что является для того времени громадной научной заслугой. Он утверждает, что с развитием общества должны повыситься цены земледельческих продуктов, так как развитие земледелия потребует больших издержек, которые не могут быть покрыты, если существующие цены на средства существования не повысились. А это должно повлечь за собой повышение цены труда.

2. Экономическое учение Адама Смита

Биографические сведения. Адам Смит (1723-1790 гг.) родился в маленьком шотландском городке Киркальди. Отец его, таможенный чиновник, умер за несколько месяцев до рождения сына. Получив среднее образование в родном городке, четырнадцатилетний Смит поступает в Глазговский университет, где усердно изучает математику и натурфилософию. Смит обращает на себя внимание своим прилежанием и успехами, и ему удаётся попасть в аристократический Оксфордский университет, что являлось большой редкостью для молодёжи из небогатых семей. Но этот центр английской учености после революции XVII в. стал очагом невежества, мракобесия и реакции.

Смит пробыл в Оксфорде семь лет. Он жил уединённо, замкнуто и много работал над своим образованием. Появившийся в это время «Трактат о

человеческой природе» Юма оказал сильное влияние на молодого Смита. Несколько позже между Смитом и Юмом установилась большая личная дружба.

Смит был одним из образованнейших людей своего времени. О всестороннем, энциклопедическом характере его знаний свидетельствует обилие курсов- лекций, которые он читал по самым разнообразным отраслям науки.

В 1748 г. Смит прибыл в Эдинбург, где стал читать публичные лекции по риторике и литературе. В 1751 г. Глазговский университет пригласил его занять кафедру логики. Четыре года спустя он занял в том же университете кафедру нравственной философии. Курс этот состоял из следующих частей: теология, этика, право и политика. Последняя включала в себя и то, что мы называем теперь экономической политикой, и ряд проблем из области политической экономии. Лекции по этике получили литературное оформление: в 1759 г. появилась книга Смита «Теория нравственных чувств», доставившая автору большую известность.

Пребывание Смита в Глазго, продолжавшееся до 1764 г., было для него чрезвычайно плодотворно. Помимо того, что профессорская деятельность дала ему возможность развить свои разносторонние дарования, Смит имел возможность наблюдать за экономической жизнью этой промышленной части Англии. В Шотландии были особенно развиты железоделательная и текстильная промышленности. Смит был знаком с Уаттом и проявлял большой интерес к опытам знаменитого изобретателя. В Глазго с 40-х годов XVIII в. существовал первый, как полагают, в мире клуб политической экономии, в деятельности которого Смит принимал живейшее участие.

В 1764 г. Смит добровольно отказывается от профессорской деятельности и становится воспитателем английского аристократа герцога Берклея.

После трёхлетней деятельности в качестве воспитателя Смит вернулся в свой родной городок Киркальди, где в глубоком уединении работал над своим главным трудом, появившимся в 1776 г., — «Исследование о причинах и природе богатства народов». Он начал свою книгу во время путешествия со своим воспитанником по Европе, главным образом по Франции. В письме к Юму из Парижа, жалуясь на скуку, Смит писал: «Чтобы убить время, я начал писать книгу». В Париже Смит близко сошелся со всеми выдающимися людьми Франции. Особое значение для него имело близкое знакомство с физиократами, в частности с Кенэ и Тюрго.

«Исследование о причинах и природе богатства народов» имело шумный успех. История политической экономии знает мало экономистов, труд которых оказал бы такое громадное влияние на современников, как работа

шотландского мудреца (как стали называть Смита). Слава Смита скоро распространилась далеко за пределы Англии. Он был признан творцом новой науки — политической экономии. В самой Англии такие государственные люди, как Питт, объявили себя его учениками. В парламенте при обсуждении того или иного законопроекта стали сплошь и рядом цитировать его книгу.

Буржуазия широко использовала идеи автора «Богатства народов» и, добившись своей пели — полкой свободы для себя и безраздельной власти над трудящимися, — она предала забвению Смита, как и всех своих классиков. Ей нужна была не научная, а вульгарная экономия и апологетика.

Только в стране победившего социализма не ослабевает интерес к классикам. в том числе и к Смиту. За короткое время в СССР дважды переиздавались работы Смита, в наших программах по политической экономии и по истории политической экономии Смит занимает самое видное место. Мы его ценим именно за то, за что буржуазия предала его забвению, — за высокую идейность, за борьбу против всего гнилого и реакционного; мы ценим его как одного из творцов классической политической экономии, ставшей одним из источников марксизма.

Смит-моралист и Смит-экономист. Смит долгое время лелеял грандиозный план — дать миру цельную социальную систему, охватывающую все стороны деятельности человека. Но в порядке этого плана ему удалось написать лишь две работы: «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов». В первой он исследует нравственный мир, во второй — экономический. Исходным пунктом исследования нравственного мира является для него ***симпатия***, которая определяется им как «участие к тому, что случится с другими»; исходным пунктом исследования экономического мира — ***эгоизм***, преследование в хозяйственной жизни исключительно личных интересов.

Каким образом эгоизм в экономике преобразуется в свою противоположность, в «альтруизм в этике», Смит не объяснил, скорее всего, он считал этот дуализм — господство симпатии в этике, а эгоизма в хозяйстве — естественным и нормальным. Свою задачу он видел в том, чтобы вывести как хозяйственные, так и нравственные явления из природы человека.

«Теорию нравственных чувств» Смит начинает словами: «*Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке,* ***природе его очевидно свойственно*** *участие к тому, что случается с другими...*». Это участие и есть симпатия. «*Оно-то и служит источником жалости или сострадания и различных ощущений, возбуждаемых в нас несчастием посторонних*»[107].

[107] А. Смит, Теория нравственных чувств, пер. Бибикова, 1868, с. 15–16.

Как экономика, предоставленная самой себе, развивается согласно своим закономерностям, т. е. естественно и свободно, так и этика имеет свои внутренние закономерности. С этики снят ее божественный и мистический покров, она ***очеловечена***. И здесь Смит выступает как прогрессивный мыслитель.

Но в «Богатстве народов» Смит чувствует себя гораздо смелее, решительнее, чем в «Теории нравственных чувств». Последняя значительно уступает первой и по своей научной ценности. Объяснить буржуазную экономику Смиту было гораздо легче (хотя и здесь, как мы увидим ниже, много противоречий), чем буржуазную этику. Как экономист он прокладывает новые пути, как моралист он хотя и делает ряд интересных наблюдений и высказывает оригинальные соображения, но никаких путей не прокладывает, проповедуя умеренность, самоограничение, золотую середину.

Методология автора «Богатства народов». Мы уже знаем, что и в «Теории нравственных чувств», и в «Богатстве народов» Смит исходит из особенностей природы человека, которые он, применяя их при объяснении отдельных явлений, формулирует в общий закон. Такой приём формальная логика называет дедукцией. Но Смит — также внимательный наблюдатель и бытописец; его интересуют отдельные факты, которые он часто с большой тщательностью и мастерством описывает. Это и породило большую полемику среди буржуазных экономистов и историков по вопросу о методе Смита.

Одни, как Бокль и Керис, считают метод Смита дедуктивным, а на его описании смотрят либо как на иллюстрации, либо как на отступления. Другие, как Ингрэм, и вообще экономисты, близко стоящие к исторической школе, силу Смита видят в его индукциях, а значение его дедукций всячески умаляют, словом, причисляют его к индуктивным мыслителям. И те и другие совершают явное насилие над Смитом, интерпретируя его в духе своих собственных воззрений.

Единственно правильную характеристику метода автора «Богатства народов» мы находим у Маркса: «*Сам Смит с большой наивностью вращается в постоянных противоречиях. С одной стороны, он исследует внутреннюю связь экономических категорий — или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она следовательно представляется несведущему в науке наблюдателю, совершенно так же, как и человеку, практически участвующему и заинтересованному в процессе буржуазного производства. Эти оба способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь, так сказать, в физиологию буржуазной системы, а другой только описывает,*

каталогизирует, рассказывает и подводит под систематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе, и притом так, как оно обнаруживается и проявляется, — эти оба способа исследования у Смита идут непринуждённо не только рядом ***друг с другом****, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу*»[108].

Буржуазными исследователями неправильно поставлена сама проблема метода исследования: нельзя противопоставлять научную индукцию дедукции, и обратно, ибо они суть две стороны единого метода. Дело не в том, что Смит применяет и индукцию, и дедукцию — против этого возражать не приходится, — а дело в том, что индукция у него порой принимает характер ***экзотерического*** приёма, описывающего и каталогизирующего явления, а потому противопоставлена методу ***эзотерическому*** (Маркс в другом месте первый способ исследования у Смита называет экзотерическим, а второй — эзотерическим), т. е. методу, раскрывающему «внутреннюю связь» и «физиологию буржуазной системы». Результаты первого способа исследования находятся в кричащем противоречии с результатами второго. Смит-наблюдатель, направляющий свой взор на поверхность явлений и описывающий её, и Смит-теоретик, выделяющий наиболее существенное в явлениях и пытающийся вскрыть их сущность, — эти «два Смита» нередко друг друга опровергают.

Как теоретик и наблюдатель-эмпирик, Смит проводит параллельно два ряда исследований и решает двоякого рода задачи. «*Это, имеет у А. Смита своё оправдание... ввиду того, что его произведение действительно преследовало две цели. С одной стороны, оно являлось попыткой проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит хотел отчасти впервые описать его внешним образом проявляющиеся жизненные формы, обрисовать его внешнюю связь и отчасти также найти для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные определения, следовательно, отчасти впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени как и другая, и так как обе производятся независимо друг от друга, то здесь и находят себе место два совершенно противоречащие друг другу способа изложения: один, который более или менее правильно выясняет внутреннюю связь; другой, который с таким же правом и без всякого внутреннего*

[108] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 8, выделение моё — Д. Р.

отношения — без всякой связи с другим способом понимания — обрисовывает внешнюю связь»[109].

Исходя в своих экономических исследованиях из природы человека, его эгоизма, Смит освободил общие у него с физиократами идеи естественного порядка и естественного права от феодальной внешности. Естественный порядок и естественное право, по Смиту, — это тот порядок и то право, которые, вытекая из человеческой природы, соответствуют интересам человека-эгоиста. Поскольку соблюдение личных интересов вытекает из самой природы человека, оно законно и, следовательно, имеет право на существование. Личный интерес одного индивидуума ограничен лишь личными интересами других индивидуумов; иных ограничений нет и быть не может.

Ограничение личного интереса одного личными интересами другого тоже ***естественно***, ибо каждый нуждается в помощи другого. Эту помощь легче всего получить в том случае, если в ней также заинтересованы и те, которые её должны оказать. «*Почти у всех других видов животных, каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своём естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать её лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них*»[110]. Это заставляет одного эгоиста считаться с интересами других эгоистов; отсюда и обоюдные и общие интересы.

Согласно концепции Смита, общество состоит из отдельных индивидов, а интересы общества — из суммы интересов его членов. Смит не отрицает общества и общественных интересов, но он выводит их из природы индивида и его интересов. Отсюда и методологический принцип: анализ общества и общественных отношений должен базироваться на анализе индивида, его природы, его интересов. Ход мысли Смита следующий: человек — эгоист, он нуждается в других людях, как эгоисты люди оказывают друг другу услуги не безвозмездно, а лишь на основе взаимности. Отсюда вывод: единственно рациональной формой взаимности, т. е. формой, при помощи которой наилучшим образом достигается взаимное оказание услуг, является обмен. Следовательно, обмен — явление естественное, ибо он обусловлен самой природой человека. «Всякий, — продолжает Смит, — предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне

---

[109] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 8.

[110] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, 1935, с. 17.

нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» (Там же).

Смитовская концепция есть отражение наиболее общее, т. е. наиболее абстрактное, буржуазных отношений. «*В этом обществе свободной конкуренции, отдельный человек выступает освобождённым от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определённого ограниченного человеческого конгломерата*»[111].

Буржуа, «освобождённый от естественных связей», выступает в сознании буржуазного идеолога не как продукт истории, а как её исходный пункт, как человек вообще, наделённый неизменной, раз навсегда данной природой.

Методология Смита лишена историзма. Отношения буржуазного общества представлены им как вечные, абсолютные; соответственно законы капиталистического общества рассматриваются как вечные, надисторические. Докапиталистическое общество он рассматривал как незрелое, как период детства человечества. Только в свободной конкуренции человеческое общество получает надлежащие условия для своего нормального развития. Именно свободная игра экономических сил ведет, по Смиту, к полному расцвету человечества. Отсюда оптимизм Смита, глашатая молодого тогда, полного сил класса — буржуазии.

При всех недостатках методологии Смита, идея естественного порядка, освобождённая им от феодальной внешности, сыграла значительную положительную роль в развитии экономической науки. Исходя из этой идеи, Смит ищет происхождения экономических феноменов не в сознательном соглашении людей и не в творчестве политиков, а в бессознательных действиях масс. Экономические феномены возникают самопроизвольно, стихийно, в результате массового повторения одних и тех же действий. «*Разделение труда, приводящее к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определённой склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели,*

[111] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 135.

а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой»[112].

Пусть то, что говорит Смит о природе человека и ее склонностях, — сущая метафизика, однако не следует упускать из виду то ценное, что скрывается за этой метафизикой — идею закономерности, мысль о том, что экономический строй развивается согласно присущим ему имманентным законам. Выводя экономические явления из природы человека, Смит тем самым рассматривает их как явлении не случайные, а закономерные, притом внутренне связанные между собой.

3. Экономическая теория Адама Смита

Разделение труда и обмен. Своё «Исследование о причинах и природе богатства народов» Смит начинает с разделения труда. Почему именно с разделения труда? На этот вопрос дан ответ во «Введении», которое начинается так: «*Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов*»[113].

Годичный труд является первоначальным фондом, снабжающим всякий народ необходимыми продуктами. Но количество последних зависит, как поясняет Смит дальше, от 1) количества занятого в производстве труда и из продолжительности труда. Второе условие, т. е. производительность труда, играет решающую роль. Смит иллюстрирует это следующим фактом: первобытные народы живут несравненно беднее, чем цивилизованные народы, хотя у первых относительно больше людей (в сравнении со всем населением) занято трудом, чем у вторых. Цивилизованные народы живут богаче, потому что их труд производительнее. А производительность труда зависит от умения, искусства работников и т. д., что в свою очередь определяется разделением труда.

Итак, богатство народов, его умножение зависят от развития разделения труда. Следовательно, и в исследовании богатства народов, т. е. и в теории, исходным пунктом должно быть разделение труда.

---

[112] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 16.

[113] Там же, с. 4.

В этом — большая заслуга Смита. Им сделан значительный шаг вперёд по сравнению с физиократами, учившими, что только земледельческий труд — источник богатства.

Однако Смит тут же, в самом исходном пункте исследования, допускает методологическую ошибку: богатство народов и разделение труда он берёт абстрактно, вне исторически-конкретной общественной формы, вне исторически-конкретных общественных условий, при которых производится богатство и происходит разделение труда. Исследуя буржуазную экономику, Смит выдаёт за надысторический закон развития богатства народов характерное для буржуазного общества разделение труда, включающее обмен.

Смит смешивает разделение труда в обществе с мануфактурным разделением труда, с разделением труда в докапиталистическом обществе, не видя между ними принципиального различия[114]. Более того, с точки зрения разделения труда всё общество рассматривается им как большая мануфактура.

Проглядев специфику разделения труда в разных экономических формациях, Смит упустил и специфику разных типов разделении труда внутри одной экономической формации, внутри буржуазного общества. Разделение труда им рассматривается исключительно под углом зрения того эффекта, который оно дает: оно объединяет людей в один производственный коллектив, в одну малую или «крупную мануфактуру»; оно повышает производительность общественного труда, что выражается в росте богатства народов. С этой точки зрения «небольшие мануфактуры», т. е. мануфактуры в настоящем смысле слова, являются частным случаем «крупных мануфактур», т. е. целых обществ, с разделением труда внутри них.

Отметим ещё, что вопрос об отношении между разделением труда и обменом трактуется неправильно: у Смита не обмен выводится из разделения труда, а, наоборот, разделение труда из обмена. «*Точно так же, как посредством договора, мены и покупки мы приобретаем друг от друга бóльшую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда.*»

Всё же, смитовский тезис, что источником богатства является труд, притом разделённый в обществе труд, имел для развития политической экономии огромное значение: он был направлен, как мы уже отметили, и против меркантилистов, и против физиократов.

В заключение отметим, что большой интерес представляет исследование Смита об ограничении разделения труда размерами рынка: чем рынок

---

[114] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935. гл. 17, где Маркс разоблачает путаницу Смита в этом вопросе.

обширнее, тем более развито разделение труда. Мысль эта была высказана еще Платоном, но Смит развил её дальше, обогатив её ценными наблюдениями и фактами из истории разных народов. Он также выясняет роль транспорта и развитии обращения, следовательно, и в развитии разделения труда. Чем обширнее рынок, тем более развито разделение труда. А обширность рынка зависит от плотности населения данного моста и от удобных путей сообщения, соединяющих разные места в один рынок.

Деньги; их происхождение и значение. Разделение труда и обмен предполагают орудие обмена — деньги. Смит рассматривает деньги как естественно возникший феномен. Его задачи: раскрыть те естественные причины, которые создали необходимость в деньгах; описать процесс их возникновения и развития.

По Смиту, деньги возникли в результате преодоления тех трудностей, на которые наталкивался непосредственный обмен.

Вот пример Смита: «*Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем сам может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждую часть этого мяса; они не могут ничего предложить ему в обмен, кроме различных продуктов их собственного промысла, но мясник уже запасся тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время. В таком случае между ними не может состояться обмен*»[115].

Каков же выход из затруднения?

«*В целях избежания таких неудобных положений, — отвечает Смит, — каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда* ***естественно*** *должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно, наряду с особыми продуктами своего собственного промысла, иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла.*»

Деньги возникают стихийно, самопроизвольно. Каждый индивид действовал разрозненно, независимо от других; деньги есть результат всех этих разрозненных действий, поскольку они направлены были на преодоление одних и тех же трудностей. В этом и ***заключается спонтанность, самопроизвольность возникновения денег.*** Отдельный индивид не думал создавать и не создал денег; они — не изобретение какого-нибудь гения. Смит указывает именно на массовый характер действий, приведших к созданию денет. Отдельный индивид старался лишь «иметь некоторое количество товара, который, по его мнению, никто не откажется взять на продукты своего

[115] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 24.

промысла». А поскольку так действовали все, то названное «некоторое количество товара» постепенно выделилось в общее орудие обмена — деньги.

Заслуга Смита в вопросе денег заключается, во-первых, в том, что процесс возникновения денег он рассматривал как ***объективный*** процесс; во-вторых, в том, что он его довольно подробно проследил. Смит, однако, не выводит денег из противоречия товара, а потому не видит, что уже в простой форме стоимости, соответствующей ещё случайному обмену, дано «дремлющее начало» денег. Поэтому начало денег — действительное их начало — он проглядел. Смитовский анализ фактически начинается с возникновения всеобщей формы стоимости, т. е. с того момента, когда отдельные индивиды стали запасаться наиболее ходким товаром, чтобы сделать его орудием обмена. Но это уже начало всеобщей формы стоимости.

Выводя деньги из действия «разумного человека» в обмене, Смит с самого начала суживает их значение: он видит в них лишь целесообразное орудие обмена и не видит в них формы выражения новых производственных отношений, возникших и развивающихся с возникновением и развитием обмена и товарного производства.

Смит по-своему вполне последователен, когда пишет: «...*Деньги, это великое* ***колесо обращения****, это великое орудие обмена...*»[116] Он также последователен и в том, что не видит принципиального различия между металлическими деньгами и деньгами бумажными. Последние он даже предпочитает первым, так как они обходятся дешевле. «*Употребление вместо золотых и серебряных денег бумажных, —говорит Смит, — заменяет дорогое орудие обмена гораздо более дешёвым и нередко столь же удобным. Обращение при этом поддерживается посредством нового колеса, создание и поддержание которого обходятся дешевле прежнего*»[117].

Если деньги действительно ***только*** колесо обращения и торговли, возникшее в результате разумных действий людей, преследующих свои личные интересы, то, во-первых, таким колесом могут быть и бумажные деньги; во-вторых, функционирование вместо металлических денег — денег бумажных является более разумным. ибо бумажные деньги обходятся дешевле металлических.

Такое понимание денег было не ново во времена Смита. В предыдущих главах мы видели, что сведение денег к орудию обращения стало уже почти общим местом, даже сравнение их с колесом — не изобретение Смита (Некоторые из его предшественников пошли ещё дальше: они сравнивали

---

[116] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 243.

[117] Там же, с. 244.

деньги даже не с колесом, а с мазью, нужной для колеса. Одной из причин такого «развенчания» денег служила острая полемика, которая велась против меркантилистов). Но у Смита такое понимание денег увязано с общей его концепцией, с его трактовкой разделения труда, обмена, а главное, с его пониманием движущей силы экономического развития — личного интереса и спонтанности возникновения экономических явлений.

Своим исследованием происхождения денег Смит обогатил экономическую науку, показав, что деньги - по сути товар, выделившийся из общей товарной массы вследствие развития обмена спонтанно, а не в результате сознательного изобретения и соглашения. Но Смит не раскрыл сущности этого процесса, заключающегося в том, что названный процесс раскалывает товарный мир на товар и деньги, и противопоставляет все товары деньгам как потребительную стоимость стоимости. Поэтому Смит проглядел, что выделившийся в качестве денег товар приобретает новое качество, становится формой стоимости других товаров. Ведя борьбу с меркантилистами, Смит «развенчивает» деньги, отрицая их преимущества перед рядовыми товарами, и сводит их функцию лишь к орудию обращения.

Смит знал, что деньги являются также и мерилом стоимости, и орудием платежей, и орудием накопления, и мировыми деньгами. Но, не вскрыв сущность денег, он не мог их рассматривать как особые формы проявления этой сущности. По-видимому, и указанные функции Смит сводит к разновидностям функции орудия обращения. Поэтому там, где ему приходится давать исчерпывающую характеристику, он всегда напирает на то, что деньги — орудие обмена, колесо обращения и торговли (Это образное выражение — «колесо обращения» — делает понятие орудия обращения расплывчатым и пригодным для того, чтобы под него подвести все функции денег. Ведь все они представляются обусловленными только обращением и долженствующими облегчить его, расширять его и т. д.).

Меновая стоимость товара. От исследования возникновения денег Смит переходит к исследованию меновой стоимости товаров. Если раньше он исследовал, как ***естественно*** возникло разделение труда, развивался обмен и возникли деньги, то теперь он исследует, как ***естественно*** регулируется обмен. какие ***правила*** его определяют.

Сам Смит, анализируя обмен, ставит себе три задачи: определить действительную цену товаров в отличии от их рыночных цен; показать, из каких частей первая состоит; выяснить, в силу чего рыночная цена не совпадает с действительной ценой. Посмотрим, как Смит решает названные задачи.

Начнём с первой. Прежде всего приметим, что, начиная с Петти, уже отличают естественную цену от рыночной, определяя первую трудом. Здесь, у Франклина мы находим абстрагирование меновой стоимости от цены, т. е. от её ценового выражения.

Смит, как и Франклин, меновую стоимость товаров абстрагирует от их цены, но у Смита это увязано с его общей концепцией, в частности с его теорией денег, сводящей деньги к товару, выполняющему роль орудия обращения. А раз нет качественного различия между товарами и деньгами, то отпадает и различие между отношением товаров друг к другу и отношением товаров к деньгам, следовательно, отпадает, наконец, и различие между меновой стоимостью как отношением двух товаров и ценой как выражением товаров в деньгах; та и другая представляются понятиями однозначными.

Если Петти под влиянием меркантилизма меновую стоимость сводит к цене, то Смит, напротив, борясь с меркантилизмом, сводит цену к меновой стоимости. Для первого нет меновой стоимости, если она не воплощена в золоте или серебре; второй этому воплощению значения не придает. Первый ищет правил, определяющих отношение товара к золоту или серебру; второй — отношения товара к товару. Первый не понимает, что в деньгах товарная стоимость лишь выражается и реализуется; второй — что товарная стоимость только в деньгах может выражаться и реализоваться. Таким образом, Петти понимает под меновой стоимостью товаров их естественную цену; Смит же, говоря о естественной цене товаров. под последней понимает их меновую стоимость. Но оба они меновую стоимость, или естественную цену товара, определяют трудом, т. е. труд является тем мерилом, которое определяет количественное отношение; по Петти — товара к деньгам, а по Смиту — товара к товару. В этом — преемственная связь между Смитом и Петти: начало теории трудовой стоимости кладет Петти, Смит же ее развивает дальше. Определение меновой стоимости товаров он выводит из разделения труда: в обществе труд разделен между разными членами, которые тем самым работают друг на друга. Поэтому обмен товаров является и обменом разных количеств труда, овеществлённых в этих товарах, и естественно, что меновое отношение их, т. е. меновая стоимость товаров, определяется трудом.

Рассматривая обмен товаров как обмен разных количеств труда, Смит вместе с тем запутывается при определении того труда, которым измеряется меновая стоимость товаров. Указывая, что каждый человек «*...богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распоряжаться или которое он может купить.*» Смит продолжает: «*Поэтому стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на*

другие предметы, равна количеству труда, которое он может ***купить на него или получить в своё распоряжение****. Таким образом труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров*»[118].

В подчёркнутых словах ясно указано, что, по Смиту, меновую стоимость товара определяет тот труд, который можно на этот товар купить. Но тут же Смит добавляет: «*Действительная цена всякого предмета, т. е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть* ***труд и усилия****, нужные для приобретения этого предмета*»[119]. Здесь уже получается другое, а именно: меновая стоимость товара определяется не тем трудом, который покупается на товар, а тем трудом (его же Смит называет и усилием), который потрачен на приобретение товара. Смит постоянно смешивает труд, который покупается на товар, с трудом, который тратится на его производство; он их считает тождественными.

Объясняя, почему труд является мерилом стоимости, Смит впадает в субъективизм, чем и даёт повод сторонникам субъективной теории ценности зачислить его в свой лагерь. По словам Смита, работники всегда оценивают свой труд как жертву, как лишение свободы и отдыха; и меновая стоимость товаров выводится Смитом из отношения работников к своему труду. Но субъективизм — лишь случайный, привходящий момент в системе Смита; в решающих пунктах труд рассматривается им объективно, как основа богатства народов.

Перейдём к рассмотрению того, как Смит решает вторую из поставленных им задач, т. е. вопрос о составных частях цены товаров. На первый взгляд кажется непонятной самая постановка проблемы: о каких составных частях цены говорит Смит, раз она определяется трудом? Но Смит фактически переключается с проблемы меновой стоимости товаров на проблему распределения, и это приводит его к новому определению стоимости, в полном противоречии с теорией трудовой стоимости. Ход мысли у Смита уже иной: применение наёмного труда вносит изменение в распределении реализованной меновой стоимости товаров; последняя уже не остается целиком у производителя товара, она уже должна делиться на разные части, которые в конечном счете сводятся к разным доходам. Следовательно, заключает Смит, меновая стоимость товаров уже не выражает затраченного на их производство труда, а выражает собой те доходы, на которые она распадается. Это новое

---

[118] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 30, выделение моё — Д. Р.

[119] Там же, выделение моё — Д. Р.

определение стоимости и прокладывает путь теории издержек производства. Смит сам заявляет, что в издержки производства входят все доходы, в том числе и прибыль на капитал. Ту цену, которая соответствует издержкам производства, он называет естественной, а ту, которая выше или ниже последней, — рыночной или фактической ценой. Так Смит переходит к третьей задаче, которую должна решить его теория стоимости, — к вопросу о естественной и рыночной цене товаров. Он решает её в том смысле, что, хотя рыночные цены бывают то выше, то ниже естественной цены, но регулируются они последней.

Путь исследования у Смита следующий: от труда к меновой стоимости, от меновой стоимости к доходам, а от доходов к издержкам производства, которые становятся на место стоимости; конечный пункт исследования опровергает его исходный пункт. Это противоречие не осталось незамеченным для самого Смита. Он утверждал, что с появлением капитала и земельной собственности труд хотя и остался источником богатства, но обмен уже совершается не в соответствии с затратами труда. Смит, таким образом, полагал, что труд определял стоимость лишь при первобытном состоянии (по выражению Маркса, во времена «доадамовы»), т. е. когда ещё не было ни капитала, ни частной земельной собственности.

Необходимо подчеркнуть, что, проводя различие между простым товарным производством (по терминологии Смита, «первобытное состояние общества») и капиталистическим, Смит проявляет большое чутьё исторической действительности: при капитализме стоимость, несомненно, проявляется не так, как при простом товарном производстве. Смит очутился, сам того не сознавая, перед проблемой превращения стоимости в цену производства; этой проблемы он, как и вся классическая школа, разрешить не мог и пришел к выводу, что при капитализме стоимость товаров определяется не трудом, а доходами.

Три дохода трех классов общества. Смит различает три основных дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Эти три дохода он называет основными, другие доходы он считает производными. Указанные три дохода и образуют в буржуазном обществе меновую стоимость товара. Само собой разумеется, что при такой постановке вопроса перед Смитом стала проблема: что же определяет доход? Если доход есть нечто первичное, что должно определять собой стоимость товара, то, спрашивается, чем же определяется сам доход? И Смит посвящает специальное исследование каждому доходу в отдельности, начиная своё исследование с заработной платы.

Такая чёткая классификация доходов в соответствии с классовой структурой буржуазного общества составляет значительную заслугу Смита. У

Петти ещё отсутствует, как мы знаем, категория прибыли; так же обстоит дело и у физиократов. Как первый, так и вторые относят предпринимательский доход к особому виду заработной платы, вследствие чего последняя теряет свою определённость. У названных экономистов заработная плата означает и доход наёмного рабочего, и предпринимательский доход, за исключением ренты и процента, являющихся доходами от собственности. Правда, Тюрго во Франции, Юм и Мэсси в Англии уже выделяют прибыль как особый доход, но и у них ещё отсутствует систематизация доходов соответственно трём основным классам буржуазного общества, отсутствует у них и правильная характеристика самой классовой структуры последнего.

а) Заработная плата. Делая шаг вперёд в классификации доходов, Смит делает шаг вперёд и в характеристике заработной платы. Только она, в отличие от ренты и предпринимательской прибыли, является трудовым доходом. В противовес многим из своих предшественников, Смит объявляет себя сторонником высокой заработной платы, так как это в интересах большей части нации, т. е. трудовых слоёв населения.

Но «надысторическая» концепция Смита, оперирующая естественными категориями, дает себя чувствовать и здесь: он не видит специфичности заработной платы как категории, присущей только капиталистическому способу производства и его характеризующей. Подобно тому, как при исследовании меновой стоимости остаётся вне его поля зрения исторический характер товара и стоимости, так остаётся вне его поля зрения и исторический характер заработной платы. Из исторической категории она у него превращена в естественную. Смит находит заработную плату и при первобытном состоянии, где «*продукт труда составляет естественное вознаграждение за труд, или его заработную плату*»[120]. С появлением капитала и частной собственности на землю заработная плата уже составляет лишь часть продукта труда, так как прибыль и рента являются ***вычетами*** из последнего. В отношении буржуазного общества Смит говорит: «*...под заработной платой повсюду понимают то, чем она является обычно, когда рабочий и обладатель капитала, употребляющий его в дело, являются двумя различными лицами*»[121].

Смит и при капитализме видит в заработной плате лишь вознаграждение работника за его труд, форма же, которую это вознаграждение принимает, для него безразлична. Качественное различие осталось для него незамеченным: он заметил лишь количественное различие. До появления капитала и частной

[120] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 60.
[121] Там же, с. 61.

собственности на землю, работник полностью получал продукт своего труда, после — только часть последнего.

Не понимая специфики заработной платы, Смит под последней разумеет то доход наёмного рабочего, то заработок трудящихся вообще. Говоря, что заработная плата в различных профессиях не одинакова, он останавливается на подёнщике, мастерах, подмастерьях, представителях свободных профессий (адвокатах, врачах и до.) и даже на приходских священниках. Ясно, что под заработной платой Смит понимает заработок людей, занятых вообще физическим или умственным трудом и всякого рода службой. Также, при рассмотрении различий в заработной плате в равных странах, он фактически подводит под неё доход всех трудящихся масс, который не может быть сведён к прибыли или к ренте.

Превращая ***заработную*** плату из категории исторической в категорию естественную, Смит переносит её из сферы производства в сферу распределения. На самом деле в производстве создается продукт, который является естественным вознаграждением за труд, т. е., по Смиту, заработной платой. Но наёмный рабочий полностью своего продукта не получает. Это возможно объяснить только тем, что с появлением капитала и частной собственности на землю продукт труда рабочего подвергается особому распределению, сводящему заработную плату к части продукта труда. Необходимо, следовательно, выяснить, к какой доле продукта труда, в порядке его распределения, сводится и может быть сведена заработная плата.

Однако это только одна струя в теории заработной платы Смита; рядом с ней пробивается и другая. Сделка между рабочим и капиталистом похожа на куплю-продажу товаров. А это наводит на мысль, что труд — такой же товар, как и всякий другой. Следовательно, труд должен иметь и естественную цену и рыночные цены. Как отождествление заработной платы с вознаграждением труда вообще приводит Смита к проблеме распределения, так рассмотрение труда как товара приводит его к проблеме «стоимости труда», аналогичной проблеме меновой стоимости товаров.

Эти два потока мысли, эти два различных исходных пункта делают теорию заработной платы Смита двойственной, внутренне противоречивой. С одной стороны, заработная плата есть доля рабочего в продукте труда, т. е. будто рабочий и капиталист делят между собой продукт труда; с другой стороны, заработная плата есть цена труда, проданного рабочим капиталисту, следовательно, рабочий уже не может претендовать на долю в продукте труда.

Рассматривая заработную плату как «стоимость труда», Смит формулирует условия, регулирующие её, и различает три группы стран: богатеющих (Именно богатеющих, а не богатых стран. В последних, несмотря

на их богатство, если только рост его приостановился, заработная плата не растёт), беднеющих, находящихся в стационарном состоянии. В первой группе заработная плата растет, во второй — падает, в третьей — неподвижна. И это потому, что изменение в движении богатства вызывает изменение в спросе на наёмный труд.

Смит не замечал, что рост богатства сопровождается ростом нищеты, он не понимал, что это закон капиталистического развития. Во времена Смита этот процесс еще не успел развернуться.

Исходя из своего тезиса о росте заработной платы вместе с ростом богатства, Смит в минимуме средств существования видит лишь предел, до которого заработная плата может опускаться, но он полагал, что обычно она так низко не падает. Названный тезис приводит Смита также к установлению зависимости роста народонаселения от роста богатства; рост богатства, вызывая рост заработной платы и благосостояния трудящихся, вызывает размножение населения, и обратно, упадок богатства, снижая заработную плату, уменьшает население. «*Итак, высокая оплата труда, — резюмирует Смит, — будучи последствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной возрастания населения*»[122]. А раз рост населения обусловлен ростом богатства, то в последнем дан и предел первого. Если рост населения превышает рост богатства, то конкуренция между рабочими приводит к снижению дохода рабочих и, следовательно, к уменьшению их размножения. «*Таким образом, — заключает Смит, — **спрос на людей, как и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей,** — ускоряет его, когда оно идёт слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро*»[123].

Таким образом, по Смиту, рабочий есть товар, и его производство регулируется, как и производство любого товара, а избыток «товара-труда» и падение его цены являются результатом недостатка богатства. Смит не понимает того, что именно рост буржуазного богатства — накопления капитала — порождает избыток населения и нищету трудящихся масс.

Однако не следует смешивать смитовский закон народонаселения с мальтусовским, возлагающим ответственность за избыток населения и нищету на природу, на самих рабочих (они, мол, чрезмерно размножаются). Хотя и Смит не понимает закона народонаселения при капитализме, но всё же излишек населения он связывает с такими отношениями, при которых производство людей регулируется рыночным спросом на труд. Выводы Смита

---

[122] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 74.

[123] Там же, с. 73, выделение моё — Д. Р.

не похожи на выводы Мальтуса. Последний проповедовал рабочим «воздержание» и примирение с нищетой; Смит требует максимального сокращения непроизводительного потребления и увеличения производительного потребления, т. е. увеличения производства и богатства, чтобы таким путём создать условия для повышения заработной платы и роста населения. Мальтус защищает паразитические элементы, Смит — производительные; он — сторонник высокой заработной платы, берёт под защиту рабочих, высказываясь в их пользу, не выходя, конечно, за пределы того, что возможно в рамках буржуазных отношений.

б) Прибыль. У Смита, как мы видели, имеются две теории стоимости: 1) стоимость определяется трудом; 2) стоимость определяется доходами. У него, по существу, имеются и две теории заработной платы, которые находятся в соответствии с двумя теориями стоимости: 1) заработная плата есть продукт труда; 2) заработная плата есть цена труда, составляющая лишь часть продукта труда; первая применялась при первобытном состоянии, вторая — в буржуазном обществе. Что касается прибыли, то Смит, в отличие от многих его последователей, отчётливо формулирует, что прибыль появляется лишь с появлением капитала, что она, следовательно, есть категория буржуазного общества. Тем не менее, две смитовские установки в теории стоимости и теории заработной платы привели и к двум теориям прибыли.

Исходя из определения стоимости трудом и из того, что продукт труда есть заработная плата, Смит приходит к выводу, что прибыль есть не что иное, как вычет из продукта труда. Вот первая смитовская теория прибыли. Но определение стоимости доходами и рассмотрение заработной платы как цены труда заставляют Смита конструировать и другую теорию прибыли — рассматривать последнюю как составную часть издержек производства, вытекающую не то из услуг предпринимателя, не то из функционирования капитала.

Своей первой теорией прибыли Смит вписал блестящую страницу в историю политической экономии, впервые подойдя к прибыли как к форме прибавочной стоимости. Второй теорией прибыли Смит положил начало вульгарным теориям прибыли; она изложена так неопределенно, так нечетко, представляет собой такую гамму разнообразнейших тонов, что на нее будут опираться и Сэй — Бастиа с их теорией «услуг», и Сениор, творец теории «воздержания».

Из прибыли Смит выводит процент, как до него это делали Юм и Мэсси, но он эту проблему разрабатывает полнее. Движение процента следует, по Смиту, за движением нормы прибыли, а последняя с развитием торговли и промышленности, порождающим обилие конкурирующих между собой

капиталов, снижается. Он против всякого искусственного удержания прибыли на высоком уровне, между тем стремление к такому удержанию прибыли на высоком уровне проявляет всякая монополия, всякая корпорация. Смит — непримиримый враг монополий и привилегий. Та же причина, которая вызывает понижение нормы прибыли, вызывает повышение заработной платы, так как рост капиталов вызывает рост спроса на труд. Эту тенденцию Смит приветствует, но он против всяких мероприятий со стороны рабочих, искусственно содействующих повышению заработной платы.

При свободном передвижении труда и капитала должна осуществиться тенденция равенства прибылей на равные капиталы и равной оплаты за равный труд. Такую тенденцию Смит считает естественной, следовательно, и правильной, и он борется против всего, что мешает свободному передвижению труда и капитала.

в) Земельная рента. Учение Смита о ренте ещё более противоречиво. На его воззрениях на ренту лежит и печать физиократизма.

Как великий ученый, проникающий в физиологию буржуазной экономической системы, Смит, идя по линии теории трудовой стоимости, пишет: «Как только земля становится частной собственностью, землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с неё. Его рента составляет первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли»[124]. Таков первый вариант смитовской теории ренты, сводящий её (ренту) к присвоению прибавочного продукта и прибавочного труда. В этом варианте раскрыта эксплуататорская природа ренты, и в этом его научная ценность. Но тут же Смит снова «*подпадает под власть представлений, заимствованных из внешней связи вещей*» (К. Маркс), и выдвигает другой вариант теории ренты, продиктованный уже его теорией издержек производства. Согласно второму варианту, рента есть естественное вознаграждение за пользование землей, подобно тому, как прибыль является естественным вознаграждением за капитал, а заработная плата — естественной ценой труда.

Указанные два варианта теории ренты находятся в полном соответствии с уже известными нам двумя вариантами смитовской теории заработной платы и прибыли, вытекающими из двух различных концепций. Эти концепции схематически можно изобразить так:

I. Определение стоимости товаров затраченным на их производство трудом; рассмотрение продукта труда как естественного вознаграждения за

[124] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 61.

труд, составляющего заработную плату, — отсюда сведение прибыли и ренты к вычетам из продукта труда рабочего.

II. Определение стоимости товаров их издержками производства; сведение издержек производства к трём основным доходам: заработной плате, прибыли, ренте; рассмотрение каждого из этих доходов как чего-то естественного и обычного.

В смитовской теории ренты пробиваются ещё и другие струи, дающие начало новым вариантам. В земледелии есть ряд особенностей, отсутствующих в промышленности. Сама земля находится в монопольном владении определённого класса и доставляет последнему определенный доход. Далее, землевладелец как получатель ренты никакого участия в производстве и обращении не принимает. Более того, в отличие от ссудного капиталиста он и никакому риску не подвергается (это было отмечено еще предшественниками Смита — Мэсси и др.). Следовательно, отнесение ренты, наподобие прибыли, к издержкам производства должно встретить возражения; во всяком случае, для такого отношения нет достаточных оснований.

В обыденной жизни смешивают ренту с арендой, в которую включают и процент на капитал, вложенный в землю. Физиократы пытались (см. главу VI) обосновать ренту тем, что землевладельцы затратили труд и капитал на подготовку почвы под земледелие. Смиту принадлежит заслуга, что он ренту отделяет от аренды и показывает, что она не связана ни с какими затратами капитала. «*Землевладелец, — говорит он, — требует ренту и за земли, совершенно не подвергавшиеся улучшению, а предполагаемый процент или прибыль на капитал, затрачиваемый на улучшение земли, обыкновенно составляет надбавку к этой первоначальной ренте*»[125]. Более того, всякие улучшения производят фермеры, а «*...при возобновлении арендного договора землевладелец обычно требует такого увеличения ренты, как будто все эти улучшения были произведены за его счёт*»[126].

Так появляется у Смита третий вариант: «*...земельная рента, — пишет он, — рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно представляет собою* ***монопольную цену***»[127].

Этот третий вариант, согласно которому рента есть результат монопольной цены на сельскохозяйственные продукты, находится в непримиримом противоречии с двумя вариантами, рассмотренными нами раньше. В самом деле, если рента есть результат монопольной цены, то она, во-

---

[125] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 130.

[126] Там же, с. 130–131.

[127] Там же, с. 131, выделение моё — Д. Р.

первых, возникает в обращении и, во-вторых, оплачивается покупателями сельскохозяйственных продуктов. Следовательно, она не сводится ни к вычету из продукта труда рабочего или из стоимости этого продукта (как гласит первый вариант), ни к составной части естественной цены товаров (как полагается по второму варианту). (На С. 47, где излагается второй вариант, мы читаем: «*...и эта рента образует третью составную часть (выделение моё — Д. Р.) цены большей части товаров*». И дальше, на той же странице и в других местах, рента трактуется как составная часть цены товаров).

Но у Смита ещё есть и четвёртый вариант, навеянный уже физиократизмом. Хоть он и полемизирует с физиократами, но не может освободиться от иллюзии, будто в земледелии и природа участвует в производстве, и труд в земледелии более производителен, чем в промышленности. «Помимо того, в сельском хозяйстве природа также работает вместе с человеком; и хотя её работа не требует никаких издержек, её продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих»[128].

Ещё раз отметим, что сам Смит не видит никаких противоречий между разными вариантами в трактовке им проблемы ренты; он пользуется каждым из них для освещения той или иной стороны или для защиты того или иного положения. Сведением ренты к вычету из продукта труда он наиболее сильно подчёркивает и развивает дальше тезис, являющийся исходным пунктом всего исследования и гласящий, что труд — источник богатства. Выделяя ренту в особый первичный доход, наравне с заработной платой и прибылью, Смит, несмотря на то что он тем самым переходит на вульгарную концепцию, показывает, как продукты, созданные годичным трудом, распределяются между основными классами буржуазного общества. Рассматривая ренту как результат монопольной цены, Смит прощупывает, так сказать, решающую особенность капиталистического земледелия — монопольный характер его. Четвёртый вариант Смита отображает, хотя и превратно, тот факт, что в капиталистическом земледелии создаётся добавочная прибыль, превращающаяся в ренту. Уяснить себе, как она создается, он не мог, и на помощь пришёл сохранившийся у него остаток физиократизма, подсказавший ему, что она, мол, создаётся в результате особой производительности земледелия.

При всей противоречивости и путанности теории ренты Смита ему удалось обратить внимание на ряд решающих особенностей этой проблемы и осветить отдельные вопросы. В частности Смиту удалось показать и доказать,

[128] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 307.

как рента с земли, отведённой под главную земледельческую культуру (скажем, пшеницу), определяет и ренту с других участков земли. Эта заслуга особо отмечена Марксом.

Смит не выделяет дифференциальную ренту в особую категорию, хотя и признаёт, что участки земли, более плодородные или расположенные ближе к рынку, дают больше ренты.

Производительный и непроизводительный труд. В системе Смита деление труда на производительный и непроизводительный занимает большое место. В своей борьбе за развитие производительных сил общества и рост богатства народов Смит энергично требует увеличения производительного труда, расширяющего богатство за счёт сокращения непроизводительного, уменьшающего его.

До Смита определение производительного и непроизводительного труда давалось, мы бы сказали, в отраслевом аспекте. Меркантилисты считали производительным, вернее, наиболее производительным, труд, применяемый в торговле. Даже Петти не мог ещё освободиться от такой трактовки производительного труда. Известен его тезис, что труд матроса в три раза производительнее труда земледельца. Физиократы заняли противоположную позицию, считая труд в торговле и в промышленности бесплодным, а производительным только труд в земледелии или шире — в сельском хозяйстве. Смит же придерживался компромиссной позиции и считал производительным всякий труд, где бы он ни применялся, но более производительным труд земледельческий.

Но Смит не ограничился «отраслевым» аспектом при анализе проблемы производительности труда. Он определяет производительный и непроизводительный труд не только в зависимости от того, где он применяется, но и в зависимости от того, что им производится. Смит выдвигает два признака, отличающие производительный труд от непроизводительного.

Первый признак: производительным является тот труд, который производит товар, вещь. Всех занятых в так называемом нематериальном производстве, как и всякого рода прислугу, Смит отнёс к непроизводительным рабочим. Он пишет: «*Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не закрепляется, и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда и за который можно было бы получить потом равное количество труда. Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собою непроизводительных работников... К одному и тому*

же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр.»[129].

Но у Смита имеется ещё один признак производительного труда, не совсем согласованный с первым: производительным является тот труд, который производит прибыль, капитал. Легко убедиться в несовпадении двух смитовских признаков. Возьмём хотя бы труд мелкого товаропроизводителя. Он производит товар; по первому признаку его труд должен быть производительным, а по второму признаку он непроизводителен. Но важнее другое: первый признак не вскрывает специфики производительного труда при капитализме, второй её ——вскрывает. При капитализме только тот труд производителен, который производит прибавочную стоимость и капитал.

Капитал, его состав и разные его виды. Смитовское учение о капитале распадается на следующие три составные части: 1) о капитале вообще, 2) об основном и оборотном капитале, 3) о разных применениях капитала и разных его видах.

1) О капитале вообще. Разные концепции, которые «мирно уживаются» в смитовских теориях меновой стоимости, заработной платы, прибыли, ренты, столь же «мирно уживаются» и в теории капитала. Мы уже знаем, что, по Смиту, появление капитала влечёт за собой вычет из продукта труда рабочего, составляющий прибыль. Такая трактовка капитала — значительная заслуга Смита, увидевшего в капитале силу, притягивающую к себе часть продукта чужого труда. Это уже начало понимания классовой природы капитала. Но, приступая к анализу капитала (у Смита это следует за анализом доходов), он уже даёт совершенно иное определение капитала, сводящее на нет эту его заслугу. У первобытных людей, рассуждает Смит, не было запасов, они удовлетворяли свои потребности лишь по мере того, как последние давали себя чувствовать. Постепенно, однако, появляются запасы, которые делятся на две части: одна — для непосредственного потребления, другая — для дальнейшего производства. Последняя и есть капитал.

В этом определении капитала уже нет и намека на эксплуатацию чужого труда. И у мелких производителей имеются запасы (правда, небольшие), часть которых они используют для дальнейшего производства; такие запасы могли быть и у Робинзона, который использовал бы их частично для дальнейшего производства. Это же определение капитала увязано с одной из смитовских трактовок прибыли, согласно которой прибыль рассматривается как нечто

[129] А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 279.

естественное, образующее часть меновой стоимости товаров, без которой не было бы стимула к накоплению капитала и к вложению его в производство.

Становясь на такую позицию, Смит стирает различие между промышленным и торговым капиталом, следовательно, и между производством и обращением. Раз прибыль — условие накопления запасов и капитала, то она естественна и необходима не только в производстве, но и в обращении, ибо, не будь у торговца прибыли, он не стал бы накоплять капитал, нужный для торговли.

2) Основной и оборотный капитал. Всё же наиболее решающим для характеристики капитала Смит считает то, что капитал приносит прибыль. И это он кладёт в основу деления капитала на основной и оборотный. Различие между оборотным капиталом и основным (последний Смит называет постоянным) Смит сводит к различию в способе принесения ими прибыли. Оборотный капитал приносит прибыль своим обращением, передвижением из рук в руки; основной капитал даёт прибыль, не участвуя в обращении. Но тут сразу возникает большое недоумение: раз основной капитал не совершает никаких оборотов, то как он вообще может приносить прибыль? Это недоумение Смит как бы предвидит и разъясняет его так: «*Никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия производства не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и средства существования для рабочих, применяющих их*»[130].

Как оборотный, так и основной капитал в свою очередь состоит из разных частей накопленного запаса. Оборотный капитал состоит из четырёх частей: 1) денег, служащих орудием обращения для всех частей оборотного капитала, 2) запасов продовольствия, находящихся в руках торговцев или промышленников, 3) запасов сырья и полуфабрикатов, 4) запасов готовых изделий, находящихся в магазинах, на складах и т. д. Части же, из которых состоит основной капитал (по Смиту, постоянный), следующие: 1) машины и другие необходимые орудия труда; 2) постройки и здания, предназначенные не для личного пользования, а для торгово-промышленных целей: магазины, мастерские и т. д.; 3) всякого рода улучшения земли, повышающие её доходность, а также «расчистка, осушение, городьба, унавожение» и т. д.

Итак, Смит полагает, что обращается только оборотный капитал, основной же капитал всё время остается в распоряжении своего владельца. Но это свидетельствует лишь о том, что Смит неправильно понимает обращение

[130] А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, с. 235.

капитала. Обращение сводится у него, с одной стороны, к движению вещей, т. е. к техническому процессу, с другой стороны, к юридическому акту передачи собственности из рук одних владельцев её в руки других. В таком смысле основной капитал действительно не обращается, обращается же его стоимость. Сам Смит признает, что в стоимость продукта входит часть стоимости средств производства (стоимость изнашивающихся частей). Следовательно, обращается и основной капитал, но обращается частями, по мере изнашивания. Часть стоимости основного капитала, перешедшая на этот продукт, вместе с продуктом «оставляет» своего владельца.

Понимая обращение натуралистически и юридически, Смит не замечает движения стоимости, смены её форм, т. е. не замечает того, что является действительным обращением капитала.

3) О разных применениях капитала. Смит как будто завершает многовековый спор о том, какая отрасль хозяйства наиболее выгодна и производительна. Мы видели, что этот спор происходил уже в античном мире между сторонниками афинской демократии, стоявшими за развитие торговли и промышленности, и их противниками, считавшими производительным только сельское хозяйство. Спустя многие века, этот спор вновь разгорелся между меркантилистами и физиократами, но при совершенно иных исторических условиях и иной общественно-экономической формации. Смит же, перечисляя разные применения капитала, соответственно классифицирует все отрасли хозяйства, располагая их в определённом порядке. На первом месте у него — сельское хозяйство и добывающая промышленность, на втором — обрабатывающая, на третьем — оптовая торговля, на четвёртом — розничная торговля.

Смит отказывается от аристотелевского деления на экономику и хрематистику; отказывается он также и от односторонности меркантилизма и физиократизма. Но теоретически он не преодолел ни тех, ни других; его классификация отраслей хозяйства в зависимости от производительности применяемого в них труда и капитала не имеет прочной, принципиальной основы. Мы уже отметили, что Смит не проводит принципиального различия между производством и обращением. Приведённая нами смитовская классификация лишний раз это подтверждает. Торговлю он рассматривает как источник прибыли наряду — правда, рангом ниже — с сельским хозяйством и промышленностью. Не преодолев полностью меркантилизма, Смит в то же время находится ещё под сильным влиянием физиократов, ставя впереди обрабатывающей промышленности добывающую и мотивируя это тем, что в последней работает и природа.

В заключение следует сказать несколько слов о трактовке Смитом ссудного капитала. Ссудный капитал как особая форма капитала Смита не интересует, как и специфика других форм капитала. Но в заслугу Смиту надо поставить то, что он не отрывает ссудный капитал от торгово-промышленного. Поэтому среди перечисленных им различных видов применения капитала нет применения капитала в качестве дачи денег под ссуду. Он понимает, что сделка в виде ссуды есть лишь предварительный акт, предшествующий настоящему применению капитала, и отнюдь не является чем-то самостоятельным и независимым от торговли и промышленности. Этим он с самого начала отбрасывает фетишистское представление о капитале, приносящем проценты, как о самостоятельном источнике обогащения. Это также вполне согласуется с его разложением меновой стоимости только на три дохода, среди которых фигурирует прибыль, которая включает в себя процент. т. е. прибыль, ещё не расщеплённая на предпринимательский доход и процент.

Характеристика же ссуды, данная Смитом, слишком односторонняя. Она продиктована, с одной стороны, его теорией денег, а с другой — борьбой против кредитных иллюзий, посеянных его соотечественником Ло. Смит сводит деньги только к орудию обращения, а потому и ссуда сводится им к отдаче взаймы этого орудия обращения. Аргументирует Смит это тем, что заёмщик нуждается не в деньгах, а в товарах, которые можно приобрести на деньги. Неверная предпосылка приводит Смита к неверной аргументации. Заёмщик именно нуждается во всеобщем эквиваленте, т. е. в деньгах, которые, кстати, даже практически могут быть использованы и используются не только как орудие обращения, но и как средство платежа. С другой стороны, трактуя кредит таким образом, Смит подчёркивает, что кредит ничего нового, кроме перемещения уже существующих денег из одних рук в другие, не даёт. Следовательно, кредит не обладает силой создавать капиталы. В этом отношении он прав, но впадает при этом в другую крайность, недооценивая значение кредита.

Воспроизводство всего общественного капитала. Гениальная попытка Кенэ изобразить процесс воспроизводства общественного капитала не нашла продолжателя в лице Смита. Наоборот, догма Смита, унаследованная от него всей последующей политической экономией, лишала его возможности продолжать попытки Кенэ. Только Маркс дал единственно правильную оценку таблицы Кенэ и разрешил проблему, в ней намеченную.

а) Догма Смита сводится к уже известному нам утверждению, что цена всякого товара распадается на доходы. Возникает вопрос: если цена товара разлагается только на доходы, то как возможно даже простое воспроизводство?

Из этого затруднения Смит ищет выход в том, что различает валовой доход и чистый доход. Под валовым доходом он понимает «весь годовой продукт их (обитателей страны. — Д. Р.) земли и их труда», а под чистым доходом — ту часть, которую они, не затрачивая своего капитала, могут отнести к своему потребительному запасу или израсходовать на свое содержание, комфорт и удовольствия. Но Смит тем самым укрывается от своей собственной теории, он контрабандным путем вводит капитал в качестве составной части цены товара. Процесс воспроизводства становится теперь возможным, раз потребляется не весь доход, а только чистый доход, т. е. та часть, которая остается за вычетом расходов по поддержанию, во-первых, основного капитала и, во-вторых, оборотного капитала. Это значит, что цена товара фактически разлагается не только на заработную плату, прибыль и ренту, но и на авансированную капитальную стоимость.

Смит, конечно, знал, что отдельный капиталист, выплачивая заработную плату рабочим, ренту землевладельцам, а себе прибыль, должен еще из цены проданных товаров возместить авансированный им капитал. Последний образует, как заявляет сам Смит, четвертую часть цены всякого отдельно взятого товара отдельного капиталиста. Но из чего состоит, спрашивает Смит, авансированный капитал отдельного капиталиста, и отвечает: из товаров, купленных у других капиталистов. Поэтому, если мы возьмем всю товарную массу, принадлежащую всему классу капиталистов, куда уже включены все индивидуальные капиталы, то в меновой стоимости ее найдем лишь три части — заработную плату, ренту, прибыль; четвертая часть как самостоятельная исчезла. На самом деле в меновой стоимости отдельного товара смитовская четвертая часть фигурирует как стоимость другого товара или других товаров (сырья, топлива, орудий труда и т. д.); но в меновой стоимости всей товарной массы так фигурировать она уже не может, так как в эту массу включены все средства производства.

Ошибка Смита сжато и исчерпывающе сформулирована Лениным: «*Ад. «Смит, — говорит Ленин, — впал в эту ошибку потому, что смешал стоимость продукта с вновь созданной стоимостью: последняя, действительно, распадается на переменный капитал и сверхстоимость, тогда как первая включает сверх того и постоянный капитал. Разоблачение этой ошибки дано было уже в анализе стоимости у Маркса, установившего различие между трудом абстрактным, создающим новую стоимость, и трудом конкретным, полезным, воспроизводящим раньше существовавшую стоимость в новой форме полезного продукта*»[131].

[131] В. И. Ленин. Соч., т. 3, с. 25.

Физиократы строго различают авансы — первичные и годичные — и «чистый продукт», и это дает им твердую опору для анализа воспроизводства, так как во всей товарной массе они выделяют авансы и «чистый продукт», т. е. фактически выделяют вновь созданную стоимость и прежнюю стоимость. Смит же, включивший меновую стоимость всей товарной массы в доходы, отрезал себе путь к такому анализу. А введя такие понятия, как валовой доход и чистый доход, он тем самым лишь подтвердил невозможность этого анализа на основе определения меновой стоимости товаров доходами.

б) Доход в стоимостном и в натуральном выражении. Смит натолкнулся еще на одно затруднение. Когда годовой продукт общества рассматривается лишь как сумма стоимостей, то, абстрактно рассуждая, еще мыслимо разложение его на доходы; но когда годовой продукт рассматривается в натуре — а к этому обязывает анализ общественного воспроизводства в целом, то разложить его исключительно на одни доходы уже никак нельзя (даже в абстракции). В годовом продукте всегда есть такая часть, которая индивидуально не может быть потреблена, т. е. не могут быть лично потреблены вещественные элементы постоянного капитала, особенно основного капитала. Смит пытается найти выход и из этого затруднения в том, что различает доход в стоимостном выражении и доход, выраженный в продуктах.

Он пишет: «*Все издержки по поддержанию основного капитала необходимо, очевидно, исключить из чистого дохода общества. Ни при каких условиях не могут входить в него ни материалы, необходимые для ремонта его полезных машин и орудий труда, его доходных зданий и т. п., ни продукт труда, необходимого для приведения этих материалов в надлежащий вид. Цена же этого труда может составлять часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые им, могут всю стоимость своей заработной платы обращать в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления*»[132]. Короче, меновая стоимость продукта этих отраслей производства входит в чистый доход, хотя сам продукт в него и не входит. Смит почему-то говорит только о рабочих, однако это относится и к капиталистам и к землевладельцам, так как и они получают в названных им отраслях производства доходы, образующие, согласно его же теории, меновую стоимость продуктов этих отраслей производства.

Что касается отраслей труда, производящих предметы потребления, то в доход входит как ***цена***, так и ***продукт***. Цена входит в потребительный фонд рабочих, продукт — в потребительный фонд других людей, существование,

[132] А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. т. 1, с. 239

комфорт и удовольствие которых повышаются благодаря труду этих рабочих. В этом случае доход в натуральном и стоимостном выражении совпадает.

По поводу этих суждений Смита, Маркс замечает: «*А. Смит наталкивается здесь на очень важное различие между рабочими, занятыми в производстве* ***средств производства****, и такими, которые заняты непосредственным производством* ***средств потребления***»[133].

Развивая дальше указание Маркса, Ленин пишет: «*Здесь проглядывает сознание необходимости различать два вида труда: один — дающий предметы потребления, могущие войти в «чистый доход»; другой — дающий «полезные машины, промышленные орудия, строения и пр.», т. е. такие предметы, которые никогда не могут войти в личное потребление. Отсюда уже один шаг до признания того, что для объяснения реализации безусловно необходимо различать два вида потребления: личное и производительное (= обращение на производство). Исправление двух указанных ошибок Смита (опущение постоянного капитала из стоимости продукта и смешение личного и производительного потребления) и дало возможность Марксу построить его замечательную теорию реализации общественного продукта в капиталистическом обществе*»[134].

Еще «один шаг» не был сделан Смитом из-за двух ошибок, о которых говорит Ленин и которые внутренне связаны между собой. «Забыв» о постоянном капитале, Смит смотрел на указанные им же два подразделения общественного производства сквозь призму доходов: продукты одного подразделения входят в чистый доход, продукты другого в него не входят. Это же помешало ему различить производительное и индивидуальное потребление: с точки зрения доходов; но говорить лишь о том, что именно из входящего в чистый доход может быть индивидуально потреблено и чего индивидуально потреблять нельзя. Так Смит и поступает. Но для решения проблемы реализации этого мало, так как таким путем нельзя вскрыть взаимообусловленность и взаимозависимость двух подразделений общественного производства, из которых одно производит вещественные элементы постоянного капитала, а другое — вещественные элементы доходов. Вследствие этого они образуют друг для друга рынок, т. е. осуществляется возможность движения всего общественного капитала.

---

[133] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 260

[134] В. И. Ленин. Сочинения. т. 3, с. 26

4. Смитианство в России

Условия возникновения смитианства в России. Влияние Смита в России конца XVIII и начала XIX в. весьма значительно. Адам Смит привлекал своими общими прогрессивными воззрениями, его «Богатство народов» встречено было как евангелие либерализма, игравшего в ту эпоху передовую, прогрессивную роль.

Прогрессивные элементы России искали у Смита не ответа на вопросы, как регулируются рыночные цены, как определяется предпринимательская прибыль, из каких частей состоит капитал, как он воспроизводится. Эти вопросы в крепостническо-самодержавной России не были актуальны. Актуальны были там более общие экономические и социально-политические вопросы. Оппозиционно и даже революционно настроенные против крепостничества, самодержавия и общей отсталости России, передовые ее люди искали у автора «Богатства народов» ответа именно на эти общие вопросы. Смит в отличие от французских просветителей был просветителем и в области экономики, а в отличие от физиократов он открыто противопоставлял феодальным отношениям буржуазные как отношения естественные и нормальные.

Хотя при Екатерине II крепостничество значительно усилилось, выросло вглубь и вширь и как будто обнаруживало тенденцию к дальнейшему развитию, но в действительности оно уже было подорвано; недаром мысль о необходимости освобождения крестьян сверху во избежание освобождения их снизу тревожила правящие круги России со времен Александра I. Старая Россия была «беременна» новой, буржуазной Россией, и все реакционные попытки задержать роды увеличивали лишь родовые муки.

Влияние Смита на экономическую мысль в России по сравнению с Западной Европой сказалось значительно позже. Оно стало проявляться только к началу XIX в. На российском престоле «ученицу Вольтера» Екатерину сменил, после краткого царствования Павла I (1796-1800), ее внук Александр I, также претендовавший на роль просвещенного монарха, представителя просвещенного абсолютизма. Провозгласив «новую эру», он окружил себя либерально настроенной молодежью, призванной подготовить реформы. Распространялись даже слухи о близком освобождении крестьян.

Появился интерес к крупным экономическим проблемам. Перефразируя эпиграммы Вольтера по адресу Франции, можно сказать, что и в России — после од Державина, комедий Фонвизина, просветительной деятельности Новикова и особенно Радищева — русские люди стали интересоваться вопросами «хлеба насущного», т. е. экономическими проблемами. Смита начали усиленно читать, он вошел в моду.

О широком распространении смитианства в русском образованном дворянском кругу свидетельствуют и строфы пушкинского Онегина. Представитель культурных элементов того времени Евгений Онегин

«Читал Адама Смита
И был великий эконом,
Т. е. умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет».

Таким образом, и в салонах толковали об Адаме Смите. Правда, не все, кто считал нужным иметь о нем суждение, его читали, но знали его по крайней мере понаслышке. В ходу были его известные положения, афоризмы и т. д., что является показателем несомненного влияния автора «Богатства народов» на русское общество той эпохи. Имелись в России и протекционисты и фритредеры, причем вопрос не сводился к одной лишь торговой политике, а ставился гораздо шире: быть ли России аграрной страной или стать на путь промышленного развития.

Адмирал Мордвинов (1754-1845). Интересно, что не только фритредеры, но и протекционисты искали опоры у Смита, черпая аргументы в «Богатстве народов». Таким смитианцем-протекционистом был адмирал Мордвинов.

В 1774 г. Мордвинов был направлен в научную командировку в Англию, где провел три года.

«Исследование о природе и причинах богатства народов», как мы знаем, появилось в 1776 г., следовательно, во время пребывания Мордвинова в Англии. Книга Смита произвела на него огромное впечатление. Он не стал, однако, фритредером. Наоборот, он впоследствии возглавил русских протекционистов, выдвинув положение, что Россия не может прогрессивно развиваться без промышленности, последняя же нуждается в покровительстве, в протекционизме. Если же Россия попрежнему будет страной аграрной, то она останется отсталой, варварской страной; цивилизованной она может стать только при условии развития промышленности.

Нас могут спросить, при чем тут Смит, раз его учение — прямая противоположность протекционизму. Но Мордвинов воспринял учение Смита по-своему. Он понял — и это делает ему честь, — что смитовская система

предполагает развитое промышленное государство и что для России это — идеал, к осуществлению которого она должна стремиться. Отсюда вывод, что Россия должна проводить такую экономическую политику и такие мероприятия, которые всячески содействовали бы ее промышленному развитию. Протекционизм, по Мордвинову, лишь наряду с другими мероприятиями приведет Россию к желанной цели.

В своих «Мнениях» (Мордвинов свои взгляды излагал в записках, которые подавал на «высочайшее имя» и которые называл «Мнениями») Мордвинов развивал целую систему мероприятий в указанном направлении. Он требовал введения в широком масштабе технического образования, покровительства разным мануфактурам, устройства банков. Когда появились железные дороги, он выступил горячим поборником железнодорожного строительства. Но в «Мнениях» Мордвинова отсутствовало одно решающее мероприятие: освобождение крестьян. Как видно из некоторых его высказываний, он полагал, что оно совершится само собой, самотеком. Выступить с требованием немедленного освобождения крестьян Мордвинов не решался, либо потому, что не хотел скомпрометировать себя в глазах власть имущих, либо потому, что сам не торопился с требованием реформы, затрагивавшей интересы того класса, к которому он принадлежал: либерал-смитианец еще окончательно не победил в нем помещика-крепостника. Впрочем, и умеренные «Мнения» Мордвинова остались гласом вопиющего в пустыне. Аракчеев, наиболее свирепый реакционер и правая рука Александра, относился к старому адмиралу в отставке с нескрываемым пренебрежением, считая его «мечтателем» и «фантазером» (Зато Мордвинов как либеральный деятель пользовался большой популярностью среди декабристов, намеревавшихся включить его, в случае успеха, в состав будущего революционного правительства). Пожалуй, он действительно был фантазером (конечно, не в аракчеевском смысле), полагая, что Россия может стать промышленной державой и при крепостном праве.

Мордвинов был несравненно выше тех помещиков-фритредеров, которые защищали экономическую свободу, исходя из узко групповых интересов. Формально они стояли как бы ближе к Смиту, но фактически ничего общего с ним не имели. Они требовали свободного вывоза из России хлеба и свободного ввоза промышленных изделий. Свободный экспорт облегчил бы им возможность выгодно продавать хлеб за границей, а импорт доставил бы дешевые заграничные товары.

Декабрист Николай Тургенев (1789-1871). Смитианцем совершенно иного толка был Николай Тургенев, автор значительной для

своего времени книги «Опыт теории налогов», вышедшей в 1818 г. (Переиздана Соцэкгизом в 1937 г.)

По своим политическим убеждениям Тургенев примыкал к декабристам. По свидетельству современников, он играл видную роль в петербургском «Северном обществе». Но за год до восстания, в 1824 г., Тургенев выехал за границу лечиться, и самое восстание 14 декабря 1825 г. застало его там. Возвращение его в Россию стало невозможным: Тургенев был заочно приговорен к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой.

Тургенев выпустил на французском языке трехтомную книгу «Россия и русские», в которой отрекся от многих «грехов» молодости. Но от одного «греха» он не отрекался и отрекаться не думал: он был преданным борцом за освобождение крестьян и остался им на всю жизнь. В своей оправдательной записке на имя Николая 1 он этого не только не отрицал, но подчеркнул с особой силой. «*Одна главная мысль, — писал Тургенев, — овладела и направляла моими поступками во всю мою жизнь — мысль уничтожения крепостного состояния в России. Сия цель казалась мне священной и достойной целью моей жизни*».

Книга «Опыт теории налогов» написана, как о том свидетельствует заглавие, на специальную тему и в основном воспроизводит смитовскую теорию финансов, но общий интерес этой книги — в той концепции, которая автором проводится контрабандой, в «попутных» замечаниях и экскурсах. Тургенева не интересуют отдельные смитовские теории, его, например, нельзя считать ни сторонником, ни противником теории трудовой стоимости, эта теория просто его не задевает. Но над «Опытом теории налогов» реет дух «Богатства народов». Тургенев глубоко проник в то, что составляет живую душу учения Смита, и оно служит ему путеводной нитью в борьбе против русской отсталости, в первую очередь против крепостничества.

Из отзыва Тургенева о смитовской системе, который мы находим в предисловии к «Опыту», наглядно видно, что именно он ценил в этой системе. Резко отзываясь о меркантилизме и сочувственно критикуя физиократов (собственно, в духе Смита), Тургенев переходит к оценке Смита. «*Наконец занимающийся политическою экономией), проходя систему, называемую смитовою, или* ***критическою****, научается верить одним только исследованиям и соображениям рассудка, простому здравому смыслу, и всему, что* ***естественно****,* ***непринужденно****. Он и здесь видит, что все благое* ***основывается на свободе****, а злое происходит оттого, что некоторые из людей, обманываясь в своем предназначении, берут на себя* ***дерзкую***

обязанность *за других смотреть, думать, за других действовать, и прилагать о них самое мелочное и всегда тщетное попечение*»[135].

Тургенев видел в Смите борца за новый общественный строй, который ему, как и его учителю, представлялся нормальным и естественным, отвечающим требованиям здравого смысла. Такой общественный строй стал идеалом для Тургенева, но такой строй несовместим с крепостничеством. Отсюда его непримиримая борьба против последнего. «Богатство народов» вдохновило Тургенева и многих прогрессивных людей России того времени на борьбу с рабством в форме крепостничества.

Глава VIII
Давид Рикардо

1. Эпоха Рикардо

Важнейшие события эпохи. Промежуток времени, отделяющий Рикардо от Смита, сравнительно незначителен. Работа Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» появилась в 1776 г., а первые работы Рикардо — около четырех десятилетий спустя, в начале XIX в. Но эти четыре десятилетия — решающие вехи в развитии капитализма не только в Англии, но и во всем мире.

В ту эпоху произошли события всемирно-исторического значения: промышленный переворот в Англии, первая буржуазная революция во Франции, войны, продолжавшиеся свыше 20 лет, от 1793 до 1814—1815 гг. Эти войны совершенно перекроили карту Европы.

Феодализму во всей Западной Европе был нанесен сокрушительный удар. Влияние французской буржуазной революции распространилось на другие страны и охватило Италию, Германию, Швейцарию, Бельгию, Австрию; оно сказалось и на Англии — стране, совершившей свою буржуазную революцию полутора веками раньше. Английская революция, как мы видели, закончилась компромиссом; власть фактически перешла к новому, обуржуазившемуся дворянству и верхушке буржуазии. Средние ее слои, особенно промышленные, были обойдены; о широких народных массах и говорить не приходится. Установившийся после «славной» и «бескровной» революции 1689 г. английский парламентский строй был несравненно ближе к олигархии, чем к буржуазной демократии. Неудивительно, что революция во Франции расшевелила демократические и радикально-буржуазные элементы,

[135] Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. Изд. 3-е. 1937, с. 5, выделение моё — Д. Р.

горячо приветствовавшие события по ту сторону Ламанша и пытавшиеся поднять знамя борьбы против английской олигархии.

Однако английская буржуазия не могла стать на революционный путь, хотя промышленный переворот и привел, как мы увидим ниже, к резкому столкновению ее интересов с интересами лендлордов. Одержав в XVII и XVIII вв. ряд блестящих побед над Нидерландами и Францией, Англия вышла на первое место как мировая капиталистическая держава. И теперь, в лице революционной Франции, возрождался поверженный было в прах старый соперник английской буржуазии. Перед лицом такого внешнего противника английская буржуазия поддержала правящую клику Англии, организовавшую коалицию феодальной Европы против буржуазной революции во Франции.

Но нет такой силы, которая могла бы повернуть назад колесо истории. Восторжествовала не старая Европа, хотя ей и удалось отправить Наполеона на остров св. Елены и временно посадить на французский трон Людовика XVIII; восторжествовали принципы, провозглашенные французской буржуазной революцией. И — что особенно интересно — прочная база под эти принципы подведена была именно в Англии, которая своей реакционной внешней политикой всячески противилась претворению их в жизнь.

Промышленный переворот. Промышленный переворот, начавшийся в Англии и оттуда распространившийся на другие страны, означал переход капитализма от второй стадии своего развития к третьей, т. е. от мануфактуры к крупной машинной индустрии. На первых двух стадиях, при простой кооперации и мануфактуре, капиталистическое производство базировалось на чуждой ему технике, на технике ручного труда. Благодаря промышленному перевороту преодолен был этот узкий базис. В машине и системе машин капиталистический способ производства приобретает свой, присущий его природе, технический базис. Машинное производство по своей природе — не капиталистическое производство, но капиталистическое производство по своей природе — и производство машинное.

Промышленный переворот коренным образом изменил социально-экономические отношения. Реальное подчинение труда капиталу, начавшееся при мануфактуре, получает свое завершение в машинном производстве. «*Всякому капиталистическому производству, — говорит Маркс, — поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего,*

но только развитием машины это превратное отношение получает технически осязательную реальность»[136].

Выражается эта технически осязательная реальность и в том, что машина дисциплинировала рабочего и окончательно поработила его. «*Техническое подчинение рабочего, — продолжает Маркс, — однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим...*»[137]

Изменилось и социальное положение рабочего. Мануфактурные рабочие — это еще не настоящие промышленные рабочие. Мануфактурный рабочий, например ткач, имел небольшой участок земли, который обрабатывал, причем на мануфактуре он был занят не весь год. Промышленный переворот, в результате которого произошло полное отделение промышленности от сельского хозяйства, превратил как ткачей, так и других рабочих в настоящих пролетариев.

Рабочий лишился не только своей прежней мелкой собственности, но и своей семьи и домашнего хозяйства; машина, как известно, широко открыла ворота фабрики для женщин и детей.

Наконец, машина дала возможность капиталу овладеть одной отраслью производства за другой и вытеснить в массовом масштабе старое мелкое производство. То, что не удалось мануфактуре — овладеть всем общественным производством — оказалось вполне под силу машине. Сокрушительные удары были нанесены мелкому производству не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Высокие цены на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты стимулировали интенсификацию и укрупнение сельского хозяйства. Крупное фермерство, которое в Англии развивалось уже издавна, теперь быстрыми темпами продвигалось вперед, вытесняя мелкое хозяйство. Колоссальные размеры приняло и огораживание. Сисмонди рассказывает историю «чистки» поместий графини Соутерландской в 1810—1820 гг., в результате которой были изгнаны 15 тыс. человек, а организовано всего несколько крупнейших ферм.

Наряду с интенсивным земледелием развивалось и экстенсивное хозяйство: участки земли отводились под пастбища и сенокос. Как интенсивное земледелие, так и овцеводство и луговодство уменьшили спрос на рабочие руки в сельском хозяйстве. Земледельческое население уменьшилось, а городское

---

[136] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 324.

[137] Там же.

увеличилось, но значительная масса избыточного деревенского населения, не находя в городе заработков, заполняла ряды пауперов, создавая в разных формах резервную промышленную армию.

Английское общество приближалось к обществу, состоящему из трех классов: и пролетариев, капиталистов и лендлордов. Промежуточные слои теряли почву под ногами, экономическая основа их существования была подорвана.

В полемике против Сисмонди, характеризуя рассматриваемую эпоху, Ленин пишет: «*Он (Сисмонди. — Д. Р.) жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала первые свои шаги на континенте Европы, когда начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще), преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция)*»[138].

Расстройство кредитно-денежной системы. Длительные войны потрясли хозяйство европейских стран. Помимо того, что войны отвлекли громадные производительные силы от производства и поглотили массу народных средств, они расстроили сложившиеся до того хозяйственные связи, особенно международные. «Континентальная система», задуманная Наполеоном, имела цель блокировать Англию; а между тем промышленный переворот, подводивший новую базу под капиталистическое производство, требовал соответственного расширения обращения.

Наиболее чувствительно реагировала на расстройство хозяйства кредитно-денежная система — этот чуткий барометр капиталистического способа производства. Сильнее всего она реагировала в Англии, цитадели капитализма той эпохи.

Развитие кредита на новых основах началось в Англии задолго до промышленного переворота. Английский банк был основан еще в 1694 г. и знаменовал коренной перелом в организации кредитного дела. «*Развитие кредитного дела, — говорит Маркс, — возникает как реакция против ростовщичества.*» И дальше: «*Это означает лишь подчинение капитала, приносящего проценты условиям и потребностям капиталистического способа производства*»[139]. Началом этого подчинения и было основание ***Английского банка***, который хотя и не уничтожил частных банкиров, но стал во главе банковского дела, сконцентрированного в то время почти целиком

[138] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 92

[139] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 530.

в Лондоне, и долгие годы монополизировал английский денежный рынок. Но со второй половины XVIII в. происходят дальнейшие крупные изменения: создается ряд больших ***провинциальных*** банков, что обусловлено было появлением ряда крупных промышленных и торговых центров. До 1750 г. провинциальных банков насчитывалось всего 12, а в 1793 г. их уже было 400.

Быстрые темпы накопления торгово-промышленного капитала обусловили такие же темпы накопления ссудного капитала; торговля и промышленность стали выделять свободный денежный капитал в больших размерах: одновременно усилился спрос на него. Возросли в невиданных до того размерах пассивные и активные операции банков, усилилась и эмиссионная их деятельность; особенно большое распространение получило чековое обращение. Завершилось подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства; коммерческий и банковый кредит сложился в единую кредитную систему, приспособленную к нуждам капиталистического производства и обращения.

Но длительные и напряженные войны, последовавшие за революцией, расстроили кредитно-денежную систему. Во Франции бумажные деньги почти совершенно обесценились; но и Английский банк в 1797 г. вынужден был отказать в размене банкнот. Банкноты превратились в бумажные деньги, так как их стали выпускать для покрытия военных нужд государства. Превратившись в бумажные деньги, неразменные банкноты стали обесцениваться с каждым новым выпуском; из обращения исчезли металлические деньги, поднялись товарные цены.

Одной из актуальнейших проблем эпохи стала проблема кредитно-денежного обращения: вопрос об отношении бумажных денег (к ним тогда относили и банкноты) к металлу, о влиянии выпуска денег на товарные цены и т. д. В порядок дня стали те вопросы, которые, как мы увидим, раньше других заинтересовали Рикардо. Эти же вопросы были яблоком раздора между правящими кругами и буржуазной оппозицией. Пользуясь эмиссией для нужд казны, правительство приобрело значительную финансовую независимость и могло не торопиться с парламентской реформой. Теоретики оппозиции, доказывая вред такого рода эмиссии для народного хозяйства, хотели вместе с тем отпить у правительства этот финансовый источник.

Обострение противоречий между промышленной буржуазией и лендлордами. Интересы промышленной буржуазии и землевладельцев никогда не совпадали, но особой резкости достигли противоречия между ними с промышленным переворотом. Каждая из борющихся сторон хотела извлечь из переворота наибольшую выгоду для себя.

Капиталисты получали громадные барыши. Детский и женский труд, а также переполнение рынка труда разорившимися ремесленниками и крестьянами понижали заработную плату и, следовательно, при прочих равных условиях увеличивали прибавочную стоимость. С другой стороны, источником добавочной прибавочной стоимости была все еще существовавшая в переходный период — от начала введения машины до полного ее торжества — разница между индивидуальной и общественной стоимостями. Большая прибавочная стоимость создавала новые капиталы и привлекала старые из других сфер хозяйства, в результате чего машинизированная промышленность быстро расширялась. Не следует забывать, что английская промышленность в то время занимала на мировом рынке господствующие позиции. Промышленный переворот превратил Англию на сравнительно длительный промежуток времени в «фабрику мира».

Масса и нормы прибыли увеличились, но прибыли грозила опасность со стороны ренты. Рента за короткий срок увеличилась на 100% и более. По данным некоторых исследователей, в Шотландии земельная рента, сумма которой в 1790 г. равнялась 2 млн. ф. ст., поднялась в 1826 г. до 5 278 685 ф. ст. Аренда за акр в 1793 г. составляла 10 шилл., а в 1812 г. — 50 шилл. Арендная плата повысилась в некоторых местностях с 14 шилл. за акр в 1790 г. до 70 шилл. в 1810 г.

Выросшие как бы из-под земли промышленные фабричные центры стали предъявлять большой спрос на сельскохозяйственные продукты, а лорды-землевладельцы, заседавшие в парламенте, постарались с помощью таможенных барьеров преградить путь проникновению дешевого хлеба из других стран. Вот цифры, рисующие движение хлебных цен с 70-х годов XVIII в., т. е. с начала промышленного переворота, до 1813 г. Цена квартера хлеба:

В 70-х годах	45 шилл.
В 90-х годах	56 шилл.
В первом десятилетии XIX в.	82 шилл.
В период 1810-1813 гг.	106 шилл.

Ввоз хлеба в Англию по протекционистским законам допускался при условии, если хлебные цены на внутреннем рынке поднимались выше установленной предельной цены, но последнюю систематически повышали. До начала XIX в. предельной ценой было 55 шилл. за квартер хлеба, в 1804 г. ее повысили до 64 шилл., а в 1815 г. — до 82 шилл.

Высокие цены на сельскохозяйственные продукты, особенно на хлеб, повысили номинальную заработную плату, что в свою очередь снизило прибыль. Затруднение, а зачастую запрещение ввоза заграничного хлеба в Англию противоречило интересам промышленной буржуазии, особенно и потому, что это мешало ей завоевать мировой рынок для своих промышленных изделий. Чтобы с успехом вывозить свои промышленные изделия, сама Англия должна была стать рынком ввоза для других стран, аграрных. Соответствующая тенденция промышленной буржуазии нашла свое выражение, как мы увидим ниже, в рикардовской теории разделения труда в международном масштабе, или, как часто говорят, географического разделения труда. На пути претворения в жизнь этого стремления промышленников стояли хлебные законы, мешавшие установлению свободного товарообмена между Англией и странами, экспортировавшими сельскохозяйственные продукты.

Разгорелась борьба, длившаяся ряд десятилетий.

Классовая борьба пролетариата. Хотя Рикардо специально и не занимался рабочим вопросом, однако противоположность интересов буржуазии и пролетариата ему хорошо была известна. Более того, эта противоположность, как и противоположность интересов промышленной буржуазии и лендлордов, была той основой, на которой Рикардо развивал свою теорию. Маркс высоко ценит Рикардо за то, что у него «*...новое и важное развивается на почве, «удобренной» противоречиями...» и что «самые противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве живого фундамента, на котором развертывается теория*»[140].

Это противоречие тогда еще недостаточно развернулось, а потому борьба рабочего класса еще находилась на начальных стадиях своего развития; притом она заглушалась криком и шумом на поле брани промышленной буржуазии и лендлордов. Тем не менее противоположность интересов пролетариата и буржуазии не ускользала, как сказано, из поля зрения Рикардо, хотя он н не понял всей ее глубины и специфичности.

Рабочее движение вначале носит чисто стихийный характер. С появлением машин непосредственным объектом ненависти и борьбы стала сама машина (движение луддитов). «*Требуется, — пишет Маркс, — известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации*»[141].

---

[140] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 63.

[141] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 329.

Довольно рано начало развиваться и стачечное движение. Сперва оно преследовало ту же цель, что и луддитское движение: при помощи стачек рабочие боролись против введения машины. Но тенденция стачечного движения была уже иной, оно вскоре вылилось в форму отстаивании повседневных интересов рабочего класса и стало могучим орудием политической борьбы.

Стачки принимали подчас большие для того времени размеры. В забастовке ткачей 1812 г. участвовало 40 тыс. рабочих; она продолжалась больше трех недель, и для прекращения ее потребовалось вмешательство правительства, издавшего распоряжение об аресте стачечного комитета и предания его суду. Лишившись своих руководителей, стачечники прекратили забастовку. Стачки сопровождались внушительными демонстрациями, которые разгонялись при помощи войск (одних полицейских было недостаточно). Громкую известность получила манчестерская стачка 1819 г., когда войска жестоко расправились с забастовщиками, устроившими грандиозную мирную демонстрацию в центре города.

Стали возникать и профессиональные объединения — тредъюнионы. Чаще всего они возникали либо для организации стачки, либо в ходе самой забастовки. До 1824 г. — до издания парламентом билля, разрешавшего коалиции, — союзы рабочих рассматривались законом как «преступные заговорщические сообщества». Но несмотря на запрещения, тредъюнионы развивались и пользовались среди рабочих большим влиянием. Стачка ткачей в Глазго в 1812 организована была тайным союзом; подпольная ассоциация шотландских рудокопов была в 1818 г. настолько сильна, что ей удалось организовать всеобщую забастовку.

Борьба за свободу коалиций перенесена была и на теоретический фронт. Противники коалиций мотивировали запрещение их необходимостью охранять экономическую свободу, в особенности... свободу рабочих распоряжаться своим трудом: «незаконные сборища» и «зачинщики» забастовок покушаются, мол, на эти свободы. (Как видим, правящие классы давно научились защищать наемное рабство под флагом защиты свободы.) Рабочие справедливо ненавидели штрейкбрехеров (они называли их «паршивыми овцами») и объявляли их изменниками. Буржуазный индивидуализм и буржуазная «гуманность» не могли мириться с таким поведением рабочих. Годскин и другие ранние английские социалисты защищали право рабочих на коалицию. Защищали коалицию и многие буржуазные элементы, далеко не сочувствовавшие социализму. За свободу коалиций как одну из свобод народа боролся и Рикардо.

В своей политической борьбе английский пролетариат примыкает сперва к радикальному крылу буржуазии, боровшемуся за парламентскую реформу. Впоследствии рабочие стали объединяться в особые организации.

Первой такой организацией было Лондонское корреспондентское общество, возникшее весной 1792 г. Организатором его был сапожник-подмастерье (родом из Шотландии) Томас Гарди. На Гарди, как и на других участников общества, оказали сильное влияние идеи французской революции и «Декларация прав человека и гражданина». В их первом манифесте говорится:

«*Свобода — прирожденное право человека; мы считаем своим долгом охранять его в неприкосновенности для блага наших сограждан и нашего потомства. Участие в управлении есть право гражданина; без этого права ни один человек не может называть себя свободным.*»

Инициаторы Корреспондентского общества провозгласили, что общество хоть и «проникнуто решимостью энергично работать для достижения этой цели, но оно ***осуждает всякие насильственные акты и всякую анархию***; его единственное оружие — доводы разума, твердость и единение». Но вскоре это обещание было нарушено. 27 сентября 1792 г. Корреспондентское общество обращается к французскому конвенту с приветственным адресом, в котором заявляет; «Французы! Вы уже свободны, а мы вооружаемся теперь, чтобы доставить свободе победу в Британии...» Такое приветствие революционной Франции, только что казнившей своего «законного» короля и провозгласившей демократическую республику, говорило уже о совершенно иных методах борьбы. Это был смелый вызов правящим кругам Англии, которые уже готовили крестовый поход всех реакционных сил Европы против революционной Франции.

В других городах Англии также стали создаваться общества, аналогичные лондонскому. Но так как организовать единый союз они не имели права, то связь поддерживалась при помощи регулярных корреспонденций (отсюда и название общества — «корреспондентское»). Все же в 1793 г. был созван общебританский съезд, который объявил себя ***перманентным конвентом*** и заговорил революционным языком, заявив: «*Съезд видит с прискорбием, но без страха, что быстро приближается время, когда вольности британского народа будут опираться не на доводы разума и способность хорошо их выразить, а на твердую решимость выступить против тирании* ***с теми же средствами в руках, с какими она выступает против свободы*** *(выделение моё —Д. Р.).*»

Правительство жестоко расправилось с участниками съезда: многие были приговорены к 14-летней ссылке в австрийскую каторжную колонию.

Молодому движению нанесен был сильный удар, однако уничтожить его не удалось. Формально общество прекратило свое существование в 1797 г. (Гарди был арестован еще в 1794 г.), но члены его, рассеявшиеся по всей стране, еще долго продолжали агитацию и пропаганду своих идей.

Борьба за демократические требования не ослабела, а, наоборот, усилилась. Ее не ослабили ни реакция внутри Англии, ни общая реакция, наступившая после победы над Наполеоном. Движение выдвинуло ряд замечательных публицистов и вождей, среди которых было немало и выходцев из рабочего класса.

Общеполитическая и идейная атмосфера. Эпоха Рикардо является переломной и в идейно-политическом отношении. Структурные изменения в экономике, радикальная перестановка классовых сил, потрясение вековых основ — все это создало особую идейно-политическую атмосферу.

На историческую арену выступила грозная сила — рабочий класс. Правда, рабочее движение еще не выделилось в самостоятельное движение и составляло левое крыло общедемократического движения; тем не менее появление рабочих масс на демонстрациях, собраниях, организация союзов, устройство стачек сеяли тревогу и беспокойство среди буржуазии.

Близилась к концу прогрессивность буржуазии. Вскоре она направила свое оружие против тех, чьими руками одержала победы над феодализмом. В политической экономии устами Рикардо буржуазия сказала свое последнее научное слово, а затем отвернулась от классиков и выдвинула беззастенчивых апологетов и вульгарных экономистов.

В эту же эпоху выдвигает своих вождей и своих экономистов мелкая буржуазия. Они не мирятся с восторжествовавшими капиталистическими отношениями и зачастую довольно метко их критикуют, но проповедуют реакционный романтизм. Эта же эпоха выдвигает и великих социалистов-утопистов, оплодотворивших своими идеями научную мысль вообще и экономическую в частности.

Хотя рабочее движение, как сказано, еще не выделилось из общедемократического, но оно придавало последнему больше энергии и размаха. Политические требования, выдвинутые буржуазией, особенно ее левым крылом, стали перекликаться с социально-экономическими требованиями, внесенными рабочим движением. Однако движение в целом не выходило за буржуазные рамки; своим острием оно было направлено против лендлордизма, против эксплоатации и могущества землевладельцев.

Отсталые настроения некоторых слоев рабочих, только недавно порвавших с деревней и с сельским хозяйством, особенно ненависть всех рабочих к вековым угнетателям-феодалам умело использовались

промышленной буржуазией и ее идеологами: они отводили народный гнев от себя, направляя его на лендлордов, они уверяли, что с осуществлением их принципов, особенно экономической свободы, наступит долгожданное царство равенства и братства. Наиболее реакционной силой в ту эпоху были, разумеется, лендлорды и их прислужники, поэтому борьба с ними была борьбой прогрессивной. Но мыслители, ограниченные буржуазным кругозором, сильно преувеличивали значение буржуазного прогресса, не замечая того, что одна форма эксплоатации заменяется, с наступлением царства буржуазии, другой ее формой.

Особенно превозносил буржуазный прогресс философ-моралист Иеремия Бентам (1748–1832). Его философия ***утилитаризма*** была евангелием английского либерализма и радикализма. Он имел, как мы увидим ниже, большое влияние и на Рикардо. Кружок Бентама считался самым радикальным и наиболее влиятельным. Этому евангелию отдавали дань передовые рабочие того времени, а также ранние английские социалисты.

Основной принцип утилитаризма Бентам формулирует так: «*Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни*»[142].

Адам Смит утверждал, что в хозяйственной деятельности люди руководствуются личным интересом, личной выгодой. Но он, как мы видели, пришел к дуализму; этику он выводил из симпатии. Бентам пошел дальше: согласно его учению, личный интерес — или, как он выражается, польза — является руководящим началом во всех сферах человеческой жизни, в том числе и идеологических; личным интересом продиктованы все наши идеи и весь наш моральный кодекс.

Бентам исходит из того, что общество состоит из отдельных индивидуумов, что оно — лишь сумма индивидуумов; польза и интерес отдельных индивидуумов связывают их в единое общество, интересы которого совпадают с их интересами.

«*Все, — утверждает Бентам, — что соответствует пользе или интересу индивидуума, способно увеличить общую сумму его благосостояния. Все, что соответствует пользе или интересу общества, увеличивает* ***общую сумму благосостояния индивидуумов, из которых оно состоит***»[143].

---

[142] И. Бентам, Принципы законодательства, «Библиотека экономистов», 1894, с. 4.

[143] Там же.

Бентам также дал «формулу прогресса», критерием которого является ***наибольшее счастье для наибольшего числа людей***, и он уверял, что с осуществлением экономической свободы эта формула претворится в жизнь. Недаром Маркс назвал Бентама «тоскливо-болтливым оракулом пошлого буржуазного рассудка».

Передовых людей, современников Бентама, привлекала философия утилитаризма потому, что в ней видели обоснование прав личности и орудие борьбы против всего отжившего, феодального, за что так цеплялись и цепляются все реакционные силы. Но для них осталось незамеченным, что в бентамовском изложении утилитаризм получил плоский, вульгарный характер, идеализирующий буржуазные отношения и воспроизводящий их в том виде, в каком они выступают в сфере обращения, т. е. в превращенном виде.

Характеризуя сферу обращения, Маркс пишет: «*Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и* ***Бентам****... Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес*»[144].

Противоположность Бентаму представлял выдающийся политический мыслитель ***Вильям Годвин*** (1756-1836). Годвин имел большое влияние и на ранних английских социалистов. Если Бентам видел бесконечный прогресс в развитии экономической свободы на базе частной собственности, то Годвин видит возможность прогресса лишь через уничтожение частной собственности. Он уже не ограничивается борьбой против сил феодализма, но направляет ее и против устоев буржуазного общества.

Годвин — рационалист. Он принадлежит к тем мыслителям XVIII в., для которых, по выражению Энгельса, «*разум стал единственным мерилом всего существующего*»[145]. Но в отличие от многих из них он находит, что перед судом разума и буржуазный строй не может оправдать свое существование. Исходя из этой «единственной мерки» всего сущего, он требовал уничтожения частной собственности.

Лучшим произведением Годвина является его «Исследование политической несправедливости», появившееся в 1793 г. В этой книге он

---

[144] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 117–118, выделение моё — Д. Р.

[145] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 16.

наиболее полно излагает свои социально-экономические и политические взгляды.

Монархию и аристократию Годвин считает неестественными институтами, а королей — врагами человечества. «*Королевское звание, — восклицает он, — есть могила человеческой добродетели, памятник безумия, трусости и несчастья человечества*»[146]. Однако еще большее зло, по мнению Годвина, причинило частное владение. Оно вызвало неравенство, привело к преступлениям и порокам и принесло еще больше несчастий, чем «*монархия и двор, бесчестное духовенство и несправедливые законы*»[147].

На социально-экономических воззрениях Годвина сильно сказывается влияние Руссо (1712–1778), резюмировавшего свой взгляд на собственность в следующем положении: «*Тот человек, который, окопав и огородив данный участок земли, сказал: «это мое», был настоящим основателем гражданского общества, т. е. общества, основанного на неравенстве*»[148]. Но Руссо, живший в эпоху неразвитых экономических отношений Швейцарии, теоретически идеализировал ***первобытное состояние***, а не существующий патриархальный крестьянский строй, сохранившийся ещё на его родине, в долинах Альп. Годвину, жившему при развитых капиталистических отношениях современной ему Англии, чужда такая идеализация. Он, наоборот, возлагает большие надежды на прогресс, особенно технический, который сделает возможным осуществление его идеала.

Годвин — противник какого бы то ни было насилия. Как рационалист, верующий в силу и торжество разума, он полагает, что общество перестроится тогда, когда проникнется идеями, продиктованными разумом. Однако в ту бурную эпоху эти утопические идеи были опасны для господствующих классов. Наиболее опасным было его учение о том, что нищета, страдания, преступления и пороки обусловлены общественным устройством, но отнюдь не природой человека. Поп Мальтус обнаружил, как мы увидим ниже, большое классовое чутьё, рассмотрев в тезисе Годвина исходный пункт всех опасных социальных идей, подхватываемых бунтующей «чернью». И против этого тезиса он ополчился с наибольшей силой.

---

[146] Godwin W, An Enquiry concerning Political Justice.

[147] Ibidem

[148] Rousseau, Contrat social.

2. Рикардо как завершитель классической политической экономии

Жизнь и деятельность Рикардо (1772–1823). Биография завершителя классической политической экономии во многом напоминает биографию родоначальника классической политической экономии Вильяма Петти. Хотя Рикардо — выходец из рядов крупной буржуазии, сын богатого биржевого маклера, но ещё подростком он разошелся со своим отцом, оставил родительский дом и своим «спекулятивным гением» нажил большое богатство, использовав отцовские биржевые связи и отцовское «ремесло». Рикардо, как и Петти, благоприятствовали и внешние условия: и тот и другой жили в переломные годы, когда люди с талантами и с «тягой» к богатству выдвигаются, используя создавшуюся конъюнктуру. Но и Петти и Рикардо тянуло не только к богатству, но и к науке. Деятельность Рикардо отчётливо распадается на два периода: первый он целиком проводит на бирже, второй также целиком посвящает науке.

В первый период Рикардо нажил крупное состояние: его богатство оценивали в 30 млн. фр. Во второй период Рикардо потянуло к науке. Всю свою энергию, все свои дарования он переключает на приобретение духовного богатства. Он жадно набрасывается на математику, физику, химию, минералогию, геологию, обзаводится собственной лабораторией для производства опытов по изучению электричества, света. В 1807 г. он становится одним из учредителей существующего и поныне геологического общества, сближается с виднейшими представителями науки, философии и общественно-политического мира.

Политической экономией Рикардо в ту пору еще не занимается, к ней он приходит несколько позже. Пока он как бы учится «вообще», спеша наверстать упущенное в детские и юношеские годы. Некоторые исследователи пытаются представить переход Рикардо к политической экономии как случайность: случайно познакомившись с «Богатством народов» Адама Смита, он стал, мол, увлекаться им и сделался экономистом. Эта сказка тесно связана с другой выдумкой, будто Рикардо был круглым невеждой и, следовательно, мог познакомиться с творением Смита только случайно. В действительности к тому времени, когда Рикардо стал заниматься политической экономией, он был отнюдь не невеждой, а всесторонне образованным мыслителем.

Как экономист, Рикардо дебютировал в качестве теоретика денежного обращения. Мы видели, что проблема денежного обращения в ту эпоху была одной из актуальнейших проблем. К занятиям ею Рикардо был также подготовлен своей большой практикой на бирже, но выступил он не как практик, а как крупный теоретик, осмысливший свой многолетний опыт и научно его обобщивший.

Первую свою экономическую работу Рикардо опубликовал 29 августа 1809 г. в виде анонимного памфлета под названием «Цена золота». В этой статье он закладывает основу своей количественной теории денег. Статья вызвала резкие возражения, на которые Рикардо вынужден был реагировать письмом в редакцию журнала «Morning Chronicle», где помещена была первая его статья. Таким образом, Рикардо втянулся не только в экономическую дискуссию по животрепещущим вопросам того времени, но и в политическую борьбу оппозиции против торийского правительства. Мы уже отметили, что эта борьба велась и по вопросу о денежном обращении и эмиссии.

Вскоре Рикардо перерабатывает свою первую статью и письмо и выпускает работу под названием «Высокая цена слитков как доказательство обесценения банкнот». На эту же тему появляется в 1811 г. его «Ответ на практические замечания Возанкета», а в 1816 г. — «Проект экономического и прочного денежного обращения».

Все эти работы доставили Рикардо славу крупнейшего знатока и теоретика денежного обращения. К его голосу стали прислушиваться, его начали привлекать к участию в работах комиссий, назначаемых парламентом, в частности Комитета о слитках, который в своей резолюции принял основные тезисы первого рикардовского памфлета. Рикардо знакомится с Мальтусом, пользовавшимся в то время репутацией крупнейшего экономиста, и вступает с ним в длительную переписку и полемику, очень ценную для понимания экономических воззрений представителей разных классов.

В 1817 г. появляется главный труд Давида Рикардо — «Начала политической экономии и податного обложения». Его предыдущие работы были лишь прелюдией к этому труду. «Начала» сразу выдвинули Рикардо на первое место в ряду экономистов. Впечатление, которое произвели «Начала», уступает по своей силе впечатлению, произведенному в свое время «Богатством народов» Смита. Но прием, оказанный авторам того и другого труда, был различен: Смита приняли как экономиста общепризнанного, Рикардо — как экономиста партийного; у Смита искали опоры представители разных групп, а имя Рикардо стало знаменем партийной борьбы.

Хотя оба они принадлежали к одной школе и в основном защищали одни и те же принципы, выражавшие интересы растущей буржуазии, но, живя в разные эпохи, они по-разному эти принципы развивали. Во времена Смита промышленная буржуазия Англии ещё не пришла в резкое противоречие с интересами землевладения; поэтому, защищая промышленное развитие, Смит мог не задевать и действительно не задевал землевладения. В ту пору в значительной мере сохранялась ещё база, на которой во время английской революции заключён был компромисс между буржуазией и обуржуазившимся

дворянством. Печать компромисса лежит и на всей системе Смита. Во времена же Рикардо обстановка резко изменилась: благодаря промышленному перевороту страна гигантскими шагами двинулась вперед, на первое место выдвинулась промышленная буржуазия, и почва для компромисса в его прежнем виде исчезала. Если решиться на новую революцию буржуазия при сложившихся условиях не могла, то пересмотр компромисса в её пользу стал для неё жизненной необходимостью. Заслуга Рикардо заключается в том, что, отдавая себе ясный отчет в происшедших переменах, он продолжал развивать принципы классической экономии, заостряя их против лендлордизма. Неудивительно, что его «Начала» встречены были в штыки защитниками последнего.

Мы уже отмечали, что биография Рикардо во многом напоминает биографию Петти. Но в отличие от Петти, проявившего беспринципность в качестве политического деятеля, Рикардо проводил строго выдержанную политическую ориентацию в соответствии со своими теоретическими установками. В 1819 г. Рикардо был избран в парламент. Выступая не только по экономическим, но и по политическим вопросам, он боролся за парламентскую реформу, за свободу торговли, за уничтожение хлебных законов и за ряд других радикальных требований. Он примкнул к наиболее радикальной группе оппозиции торийскому правительству.

Буржуазное общество в системе Рикардо. Как и Смит, Рикардо был убежден в том, что буржуазные отношения единственно возможны, вечны и соответствуют природе человека. Более того, если Смит ещё противопоставляет первобытное состояние современному ему обществу, то Рикардо и такого противопоставления не знает. В первобытном охотнике и в рыболове он уже видит капиталиста. Историческая точка зрения ему совершенно чужда.

Смитовский принцип, что основной двигательной силой является личный интерес и что личной инициативе должна быть предоставлена полная свобода действия, Рикардо не только признаёт, но и развивает дальше. В его воззрениях сказывается влияние Бентама и его философии утилитаризма. Бентам имел ***некоторое*** основание заявлять: «Я был духовным отцом Милля, а Милль был духовным отцом Рикардо; следовательно, Рикардо — мой духовный внук». Однако Рикардо не был «болтливым оракулом здравого буржуазного рассудка».

Считая буржуазные отношения естественными, Рикардо, однако, их не идеализировал и не приукрашивал. Наоборот, он представлял их в обнажённом, оголённом виде, за что ханжи и апологеты упрекали его в цинизме, в грубости и т. д. У Рикардо также нет того оптимизма, который

свойствен Бентаму и его школе. В воззрениях Рикардо сквозит пессимистическая нотка; особенно проникнута ею, как увидим дальше, его теория распределения.

Всё же влияния Бентама на Рикардо отрицать не приходится. Оно сказалось, главным образом, в более резком, чем у Смита, понимании общества как суммы индивидов и интереса общества как суммы интересов составляющих его личностей. Теорию эгоизма Смит пытался сочетать со своей теорией симпатии. Рикардо этого не признаёт; эгоизм у него безраздельно господствует и в экономике, и в этике.

Но для Рикардо не все эгоизмы равноценны: интересы промышленной буржуазии он ставит выше интересов других классов. В этом — его ***партийность***. Он отдаёт предпочтение промышленной буржуазии потому, что видит в ней носительницу прогресса, и для его времени это было вполне правильно. Смит, экономист мануфактурного периода, находится ещё под влиянием физиократов, у которых буржуазный строй прикрыт феодальной мантией. Рикардо, экономист промышленного переворота, уже свободен от всякого влияния физиократизма. Он представляет буржуазные отношения в чистом виде, а носительницей их в чистом виде является только промышленная буржуазия.

Решающим фактором прогресса общества Рикардо считает накопление капитала, а последнее возможно только при определенном уровне нормы прибыли. Отсюда его оппозиция к хлебным законам, державшим хлебные цены на высоком уровне, что вело к высокой заработной плате (номинальной) и к снижению нормы прибыли. Рикардо не против земельной собственности вообще — он нигде не требует её уничтожения, — но интересы капитала он ставит выше интересов земельной собственности. И там, где эти интересы сталкиваются, Рикардо всегда на стороне капитала, ибо в накоплении капитала, по его мнению, заинтересовано всё общество, а интересы земельной собственности направлены против общества.

«*Ясно, — пишет Рикардо, — что интерес землевладельцев всегда находится в прямой противоположности с интересом всех других классов общества. Их положение никогда не бывает таким цветущим, как тогда, когда пищи мало и она дорога, между тем как все другие лица считают величайшим благом возможность иметь дешевую пищу.*»

Стоя на позициях утилитаризма, Рикардо с большой проницательностью вскрывает маскируемые политическими лозунгами личные или групповые интересы. Он не доверяет и вигам (Виги представляли верхушку буржуазии, которая в значительной мере срослась с новым дворянством, преимущественно, представленным ториями), которые хотя и находились в оппозиции к

правительству ториев, но по своему богатству и общественному положению мало отличались от последних. В письме к Мак-Куллоху Рикардо пишет: «*Я уже давно убедился, что гарантии хорошего правительства лежат в самых учреждениях и в тех силах, под влиянием которых действуют управляющие нами, а не в большей или меньшей добродетели наших правителей. Поведение двух различных групп людей, воспитанных почти одинаковым образом, действующих в силу одинаковых задержек и имеющих одинаковые цели, поскольку речь идет об их личных интересах, не может быть существенно различным. Партия вигов владеет сама большим количеством «гнилых местечек», но с чем они менее всего захотят расстаться, так это с тем влиянием, которым они пользуются над избирателями как крупные землевладельцы или просто капиталисты. Они не согласятся предоставить реальный и свободный выбор народу или той его части, интересы которой тождественны с интересами целого.*»

В утилитаризме имеются элементы материализма, — политика, этика выводятся из реальных интересов людей. Но ограниченность буржуазного кругозора мешала Рикардо развить эти материалистические элементы и взглянуть на реальные интересы людей шире, ***исторически***. Он смотрит на них сквозь призму буржуазных отношений, воспринимая их так, как они проявляются в буржуазном обществе, т. е. как интересы частные, в противоположность общественным интересам. Поэтому, как мы увидим ниже, Рикардо крайне отрицательно относится к воззрениям Оуэна и его проектам переустройства общества на новых началах. В письме к своему другу Гроуэну Рикардо пишет: «*Может ли кто-либо из здравомыслящих людей верить вместе с Оуэном, что такое, как он проектирует, общество будет процветать и производить больше, чем когда-либо производилось равным числом людей, если их усилия будут стимулироваться интересами общества вместо их частных интересов? Разве опыт веков не против него?*»

Так Рикардо превращает опыт буржуазного общества в «опыт веков».

Дальнейшее развитие метода классической экономии у Рикардо. Характеризуя классическую школу, Маркс пишет, что она «*...начиная с W. Petty, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства*»[149]. Такое исследование требует от экономиста, чтобы он абстрагировался от всего, что заслоняет, затемняет эту внутреннюю зависимость; абстракции вменяют экономисту, по выражению Маркса, эксперимент и химические реактивы, которыми пользуется естествоиспытатель.

[149] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 39.

Классическая политическая экономия, начиная с Петти, широко пользуется абстрактным методом. Метод Рикардо — метод сей классической политической экономии, но, как завершитель последней, Рикардо довёл разработку её метода до совершенства.

Вильям Петти, определяя естественную цену, вокруг которой колеблются рыночные цены, применяет именно этот метод. Тот же метод продолжали развивать физиократы, особенно Кенэ (его гениальная таблица есть не что иное, как применение указанного метода). Абстракциями пользовался Смит; именно благодаря им он мог создать свой бессмертный труд. Но Смит применял, как мы знаем, наряду с эзотерическими приёмами исследования и экзотерические. Рикардо от последних совершенно отказывается.

Абстрагируясь от всего, что затемняет «внутреннюю зависимость буржуазных отношений производства», Рикардо изображает буржуазное общество в наиболее чистом виде; но в таком виде оно казалось непохожим на свой оригинал. Неудивительно, что одним, как лорду Вруму, казалось, что Рикардо упал с другой планеты; другим, как Лесли Стефену, — что в «храм науки» ворвался биржевик, да еще еврей, и стал кощунствовать (Лесли Стефен, историк английской мысли XVIII в. уверяет, что только капиталисты-евреи смотрят на заработную плату, как на одну из цифр в общем балансе, а на рабочих, как на одно из орудий, употребляемых в производстве), т. е. искажать чистый лик буржуазного общества. Один из английских экономистов так «объясняет» генезис метода Рикардо: «Отрасль деятельности, на которую Рикардо затратил свою жизнь и в которой он сделал такие большие успехи, представляет самую абстрактную из всех отраслей промышленности». Ему вторит Туган-Барановский: «Каким же образом, — спрашивает он, — этот банкир и биржевой делец, человек практического дела, явился творцом абстрактного метода в экономической науке?» И отвечает: «Именно на бирже он и усвоил свой метод. Игра на бирже есть самая абстрактная хозяйственная деятельность, какую только можно себе представить».

Между тем, величайшая заслуга Рикардо именно в том, что он смотрит на экономику современного ему, т. е. буржуазного, общества не через очки банкира, биржевика. Те банкиры — а их было немало, — которые занимались экономическими проблемами как банкиры, дальше своих колоколен ничего не видели; они хватались за тени, которые буржуазное общество отбрасывает в их банкирские конторы. Рикардо же, как говорил Маркс, является экономистом производства par excellence; именно как экономист производства Рикардо глубоко проник в «физиологию» буржуазного общества.

Действительный недостаток метода Рикардо, как и всей его концепции, впервые обнаружен Марксом. Изучая законы только капиталистического

производства, Рикардо полагал, что он изучает законы всякого производства; законы одной экономической формации он выдает за законы общества вообще. Рикардо несравненно лучше своих предшественников очертил классовую структуру буржуазного общества и в своих исследованиях исходил из классовых антагонизмов этого общества. Однако вследствие ограниченности кругозора и недостатков его метода классовая структура буржуазного общества потеряла у него свою историческую опредёленность и историческую конкретность.

Абстрактное и историческое у Рикардо оказалось несовместимым, друг друга исключающим.

В этом смысле — только в этом смысле, а не в том, как это понимают буржуазные критики Рикардо, — он действительно слишком абстрактен. В своих абстракциях он выходит за рамки фактически изучаемого им предмета. Получается несоответствие между тем, что Рикардо фактически изучает, и тем, что он даёт нам в своих абстракциях. Он прав, когда, отправляясь от буржуазных отношений производства, ищет внутренней их зависимости и абстрагируется от всего, что является для этих отношений внешним или случайным (За это именно критикуют Рикардо его буржуазные противники, т. е. критикуют его за то, в чём он безусловно прав). Но он совсем не прав, когда подменяет буржуазные отношения производства отношениями производства вообще; здесь он абстрагируется от того, что составляет суть и специфику объекта его исследования.

Марксизм-ленинизм учит, что производства вообще не существует, т. е. не существует производства вне исторически обусловленных форм. И «опыт веков» (выражаясь словами Рикардо) полностью подтверждает правильность этого учения: существовало ***рабовладельческое*** производство, ***феодальное*** производство, существует ещё ***капиталистическое*** производство, а на шестой части земного шара, в СССР, уже полностью победило ***социалистическое*** производство. Историческая определённость и обусловленность формы производства выпали из рикардовских абстракций, как и из абстракций всей классической школы. В этом — основной их порок.

Корень этого порока — в буржуазной ограниченности кругозора. Рикардо чужд как специфической узости кругозора банкира, так и ограниченности кругозора, обусловленного мануфактурным периодом, во власти которого ещё находился Смит, но и у Рикардо кругозор буржуа. Его глазами он смотрит на прошлое человечества, его глазами он смотрит на будущее человечества. Отсюда — второй порок рикардовских абстракций: изображая буржуазные отношения производства как отношения производства вообще, он изображает их как неподвижные, чуждые развития. Развиваются у

него производительные силы, но не производственные отношения; последние принимаются им как раз навсегда данные. Неподвижны у него и категории, выражающие эти отношения. Рикардо не знает возникновения товара, денег, капитала и т. д., и не потому, что он, как уверяют его критики — Ингрэм и др., не исследует явлений в их динамике; наоборот, его исследования насквозь динамичны. Он — ярый поборник развития производительных сил, и его тревожит мысль, что это развитие может быть приостановлено тенденцией нормы прибыли к падению. Теория ренты Рикардо имеет своим исходным пунктом развитие общества, вследствие чего оно (общество) вынуждено переходить от лучших земельных участков к худшим. Но его динамика ***количественная***, а не качественная, у него, как сказано, развиваются производительные силы, а не производственные отношения. Это приводит к количественному росту производства, но не к изменению его общественной формы.

Этим обусловлен и третий недостаток рикардовского метода: весь анализ у Рикардо носит в основном характер ***количественный***, а не ***качественный***. Стоимость, заработная плата, прибыль, рента интересуют его не как определенные экономические формы, выражающие определенные производственные отношения, а как определенные величины; его интересуют их количественные изменения в связи с развитием общества. Правда, он вскрывает противоположность между заработной платой, прибылью и рентой, следовательно, он их фактически рассматривает как выражения классовых отношений. Но сами эти противоположности им рассматриваются как нечто естественное, присущее обществу вообще.

Наконец, в неподвижных рикардовских абстракциях не осталось места для модификации и усложнения производственных отношений и соответственных им категорий внутри самой буржуазной системы по мере ее развития и обострения противоречий. Рикардо не ***восходит*** от простейших категорий к более сложным, а, ***перепрыгивая*** через промежуточные звенья, допускает, по выражению Маркса, «непосредственное совпадение категорий» — непосредственное совпадение цен производства со стоимостью, прибыли с прибавочной стоимостью, нормы прибавочной стоимости с нормой прибыли.

В отсутствии исторического подхода обвиняют Рикардо и его буржуазные критики, но в их устах это обвинение сводится к тому, что автор «Начал» будто бы не исходит из фактов и не опирается на них, что его теория — априорная, придуманная, не отвечающая якобы исторической действительности. Такое обвинение — клевета на Рикардо и полнейшее искажение его «Начал». Экономист промышленного переворота, Рикардо является и историком его: он исходит именно из фактов того времени и на них

целиком опирается; им воспроизведена расстановка классовых сил так, как она в то время и обозначилась; от его книги и от его памфлетов веет духом борьбы эпохи промышленного переворота. Не фактическая база отсутствует у Рикардо — у него нет диалектического понимания её. Ему чужд подлинно научный историзм, требующий изучения явлений в их диалектическом развитии. Этот подлинный историзм недоступен даже таким гениальным буржуазным ученым, как Рикардо, именно потому, что они — буржуазные ученые, и их кругозор — буржуазный кругозор.

Задачи, поставленные Рикардо перед политической экономией. Буржуазная политическая экономия с самого начала объектом своих исследований делала богатство и стремилась показать, где и как богатство создаётся. Рикардо эту задачу считал уже решенной в системе Смита, провозгласившего, что источником богатства является труд, где бы он ни применялся, и требовал, чтобы политическая экономия занялась проблемой распределения. В предисловии к первому изданию «Начал» он пишет: «*Определить законы, которые управляют этим распределением (распределением на ренту, прибыль и заработную плату. — Д. Р.), — главная задача политической экономии...*»[150]

Нельзя сказать, чтобы предшественники Рикардо совсем не интересовались этой проблемой, но она не стояла в центре их внимания и — что ещё более важно — не трактовалась ими под углом зрения классовой борьбы и классовых антагонизмов. Правда, уже Петти (см. главу 5) указал на противоположность между рентой, рассматриваемой им в качестве основной формы прибавочной стоимости, и заработной платой, но это была лишь первая попытка к выяснению антагонистического характера капиталистического распределения. Вспомним, что у Петти ещё отсутствует такая решающая для капитализма категория, как прибыль. Это относится и к физиократам, и у них отсутствует категория прибыли. У Смита категория прибыли занимает уже одно из центральных мест; им даже сделана попытка рассматривать прибыль как вычет из продукта труда рабочего, следовательно, как доход, противоположный доходу рабочего класса. Но мы знаем, что другими своими теориями прибыли Смит свел на нет свою научную трактовку этой категории.

Открытие противоположности ренты и прибыли, прибыли и заработной платы — важнейшая заслуга Рикардо. Этим он не только расширил рамки классической политической экономии, но и придал ей заострённый социальный характер. Выдвигая на первое место проблему антагонистического распределения, он насыщает её бóльшим социальным содержанием.

---

[150] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 1.

Ограниченный буржуазным кругозором, Рикардо не видит специфических особенностей капиталистического производства и противоречия между производительными силами и производственными отношениями в самом способе производства. Но, живя в раскаленной атмосфере борьбы, в первую очередь между промышленной буржуазией и лендлордами из-за доли в национальном продукте, Рикардо приходит к правильному выводу, что и само производство — явление не техническое, а социальное. Речь идет не только о том, как воздействовать на природу и извлечь из её недр побольше богатства, но и о том, как его распределять, так как один способ распределения уменьшает возможности производства богатства, другой — способствует его росту.

Рикардо в распределении увидел, с одной стороны, фактор производства, а с другой — форму, в которой производство проявляется как социальный феномен. Но та же ограниченность буржуазного кругозора мешала ему посмотреть на распределение шире, правильнее, увидеть двоякого рода распределение — распределение произведенных продуктов и распределение средств производства; Рикардо увидел первое, но проглядел второе, т. е. проглядел то, что составляет специфику капиталистического производства и предопределяет способ распределения национального продукта. Именно потому, что одни средства производства — накопленный труд — принадлежат промышленным капиталистам, а другие средства производства — земля и её недра — принадлежат землевладельцам, рабочий оказывается отчужден и от тех, и от других, именно поэтому капиталистическое производство является антагонистическим классовым производством, обусловливающим собой и антагонистический характер распределения национального продукта.

Огромная заслуга Рикардо заключается в том, что он: 1) в несравненно большей мере, чем его предшественники, придал политической экономии заострённый социальный характер, 2) сделал её орудием борьбы за развитие производительных сил общества, 3) не отрывает распределения от производства. Маркс пишет: «*Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является* ***экономистом производства*** *par excellence, именно поэтому объявляет не производство, а распределение собственной темой современной экономии*»[151].

Рикардо не отрывал распределения от производства, как это делал его современник Сисмонди (о нём — в следующей главе), а вслед за ним и другие мелкобуржуазные экономисты и социалисты. Однако, перенеся центр

[151] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 145, выделение моё — Д. Р.

политической экономии в распределение, Рикардо подал повод к отрыву последнего от производства. Это отмечает Маркс: «*...очевидна нелепость [позиции] экономистов, которые изображают производство в виде вечной истины, изгоняя историю в область распределения*»[152]. Эту пошлость ввёл в политическую экономию «последователь» Рикардо, экономист-эклектик Джон Стюарт Милль, объявивший, что законы производства — вечные и естественные, определяемые природой вещей, а законы распределения — общественные и исторические.

Не отрывая производства от распределения, Рикардо и не думал выводить законы распределения из самого распределения. Он ищет основу их в производстве и находит её в труде, провозглашённом ещё до него источником богатства и фактором, определяющим меновую стоимость товаров. Поэтому Рикардо ставит перед политической экономией задачу и методологического порядка: все её части должны быть согласованы между собой и базироваться на единой основе, каковой является определение стоимости рабочим временем. Отмечая это, Маркс пишет: «*Наконец выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимания её внутренней органической связи и жизненного процесса — есть определение* ***стоимости рабочим временем****. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчёт в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории — отношения производства и обращения — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же как и сами эти явления, соответствует основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества или которая составляет его исходный пункт; как вообще обстоит дело с этим противоречием между кажущимся и действительным движением системы*»[153].

Анализ производства и анализ распределения у Смита базируются на разных началах, друг другу противоречащих: первый на определении меновой стоимости товаров трудом, второй — на определении её доходами. У Рикардо анализ распределения есть лишь продолжение анализа производства в сфере распределения, так как в последнем он видит социальную структуру производства и весь анализ имеет единый исходный пункт: определение стоимости рабочим временем.

---

[152] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 145.

[153] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 8–9.

Таким образом, две задачи, поставленные Рикардо перед политической экономией, внутренне связаны между собой. Выдвинув требование, чтобы политическая экономия поставила на первое место проблему распределения и в то же время не отрывала его от производства, Рикардо должен был выдвинуть и другое требование: политическая экономия должна исходить из единой основы, пригодной и для анализа производства, и для анализа распределения. Этой единой основой он провозгласил определение стоимости рабочим временем.

Решая эти две задачи, Рикардо насыщает политическую экономию социальным содержанием и придает ей единую стройную логическую структуру.

Глава IX
Давид Рикардо (продолжение)

3. Теория стоимости

Определение стоимости рабочим временем. Рикардо полностью принимает смитовское разграничение между потребительной стоимостью и меновой. И своё исследование он начинает с критики смешения Смитом затраченного труда с покупаемым.

Он пишет: «*...Адам Смит, который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным. Вместо того чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимости предметов увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда, он выдвинул еще другую единицу-меру стоимости и говорил, что предметы стоят больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество этой единицы-меры они обмениваются. Иногда он принимает за такую единицу-меру хлеб, иногда труд — не количество труда, затраченное на производство того или другого предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке — как будто это одно и то же, как будто рабочий необходимо получит за свой труд вдвое больше против прежнего, раз труд его стал вдвое успешнее, и он может поэтому производить вдвое больше товара*»[154].

Рикардо сам строго держится принципа, «*в силу которого стоимости предметов увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда...*». Отсюда он делает следующий вывод: «*Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, овеществленного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость соответствующего товара, а всякое уменьшение — понижать ее*»[155].

Другими словами, он формулирует закон, согласно которому меновая стоимость товаров прямо пропорциональна количеству труда, затраченного на их производство, и обратно пропорциональна (это вытекает из его дальнейших суждений) производительности труда.

Этот закон действует и в современном обществе. Рикардо отбрасывает смитовское разграничение между первобытным состоянием и современным обществом. Но аргумент, почему он это разграничение отбрасывает,

---

[154] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 7.
[155] Там же.

характерен для его методологии. Он пишет: «*Даже в том первобытном состоянии общества, на которое указывает Адам Смит, охотнику нужен для своего промысла некоторый капитал, хотя бы созданный и накопленный им самим. Без какого-либо оружия нельзя убить ни бобра, ни оленя, и потому стоимость этих животных регулируется не только временем и трудом, необходимым, чтобы убить их, но и временем и трудом, необходимым для снабжения охотника капиталом, оружием, которое служит для охоты на них*»[156].

Отождествление капитала со средствами производства Рикардо доводит, что называется, до логического конца. Хотя и Смит отождествляет капитал со средствами производства, но последний все же не решается считать камень или палку первобытного охотника капиталом. Рикардо на это решается. У Смита чувство реальности берет верх над логикой, и он идёт на компромисс: капитал, по Смиту, имеется только в современном обществе, в первобытном состоянии капитала нет. У Рикардо же логика берет верх над чувством реальности: раз капитал тождествен средствам производства, он имеется везде, где только существуют средства производства.

Чувство реальности подсказало Смиту, что закон стоимости в современном обществе не может действовать ***так***, как при первобытном состоянии. И он был прав. Но Смит делает неверный вывод, будто с появлением капитала и частной собственности стоимость определяется уже не рабочим временем, а доходами. Рикардо, наоборот, исходя из неверной предпосылки — отсутствия различия между первобытным состоянием и современным обществом, — неправильно утверждает, что действие закона стоимости одинаково — как раньше, так и теперь. Зато он прав, утверждая, что и в современном обществе стоимость определяется только трудом.

Рикардо соглашается со Смитом, что стоимость товаров распадается на доходы (он полностью воспринял смитовскую догму), но возражает против смитовского обратного утверждения, т. е. что стоимость товаров слагается из доходов. Как бы ни делилась произведенная стоимость, это не может и не должно, правильно рассуждает Рикардо, влиять на её величину. Поэтому распадение стоимости товаров на заработную плату, прибыль и ренту не меняет определения стоимости рабочим временем. По Рикардо, стоимость — первичный фактор, а доходы — производный; стоимость разлагается на доходы, но не слагается из них. Именно в определении стоимости рабочим временем Рикардо нашел, как увидим дальше, твердую основу для закона

[156] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 12–13.

образования прибыли и ренты, в то время как Смит считал несовместимым существование этих доходов с определением стоимости трудом.

Возражение противников теории трудовой стоимости — раз в производстве товаров наряду с трудом участвует и капитал, то стоимость их не может определяться одним трудом, — Рикардо отводит, указывая, что капитал не создает новой стоимости, что его стоимость лишь переносится (частично — с основного капитала и полностью — с оборотного) на производимый при его участии новый продукт. Не делая различия между трудом абстрактным и конкретным, Рикардо проявляет беспомощность при объяснении того, как одновременно происходят создание новой стоимости и перенесение уже существующей прежней стоимости. Только Маркс полностью разрешил и эту проблему, установив, что новая стоимость создается абстрактным трудом, а стоимость с капитала на продукт переносится конкретным трудом. Все же рикардовское разграничение между вновь созданной стоимостью и перенесением уже существующей стоимости представляет значительный шаг в развитии теории трудовой стоимости. Им показано и доказано: 1) что стоимость товаров определяется не только трудом, непосредственно затраченным на их производство, но и трудом, затраченным на производство капитала, в той мере, конечно, в какой стоимость последнего переносится на продукт; 2) что хотя капитал (будем помнить, что под капиталом Рикардо понимает средства производства, в которых накоплен труд) участвует в производстве товаров, но в определении стоимости учитывается лишь стоимость капитала, а отнюдь не его полезное действие; 3) что последнее имеет значение для стоимости потребительной, но не меновой.

Выше мы указали, что Рикардо, вслед за Смитом, различает потребительную стоимость и меновую. Теперь отметим, что, хотя Рикардо, как и его предшественники, в том числе и Смит, ещё не рассматривает стоимость потребительную и меновую как два фактора товара, а последний как единство противоположностей, он несравненно глубже своих предшественников понимает различие между стоимостью потребительной и меновой. Именно из этого различия Рикардо исходит в своем утверждении, что, несмотря на участие капитала в процессе производства, он, тем не менее, не участвует в производстве новой стоимости. Это же различие Рикардо проводит с большой настойчивостью в полемике со своими противниками, указывая, что не следует смешивать богатство как совокупность потребительных стоимостей с его стоимостью: рост производительности труда увеличивает сумму потребительных стоимостей, но не меновую стоимость.

Труд, создающий стоимость. Рассматривая буржуазный способ производства как естественный и вечный, Рикардо, как и его предшественники,

не исследовал — и не мог себе ставить такую проблему, — почему и при каких условиях затраченный труд создает стоимость. Ему это казалось естественным. Хотя он и сводил все виды труда к количественному выражению, к рабочему времени, следовательно, абстрагировал их от их конкретных форм, но «двоякого характера заключенного в товарах труда» он не заметил н заметить не мог, как не заметил единства противоположности товара — стоимости и потребительной стоимости.

Классики политической экономии ещё со времен Петти понимали — вернее, чувствовали, — что труд, создающий стоимость, уже не тот труд, который производит продукт. Сам Петти, окончательно не освободившийся от меркантильной концепции, видел это различие в различии между трудом, занятым в серебряных рудниках (по производству денег), и трудом в других отраслях производства; это нашло выражение в его теории стоимости (см. главу 5). Рикардо, далекий от меркантилизма, не видел никакого различия, с точки зрения меновой стоимости, между трудом, производящим денежный металл, и трудом, производящим другие товары; и тот и другой труд он сводит к количественному выражению, т. е. к рабочему времени. Но, сведя труд, какую бы конкретную форму он ни имел, к рабочему времени, Рикардо хотя и не вскрыл «двоякий характер заключенного в товарах труда», но очистил путь к такому открытию, ибо такое сведение (пусть оно и не было осознано Рикардо) означает, что труд в своей конкретной форме стоимости не создает, что, создавая стоимость, он должен быть абстрагирован от последней[157]. Но что лежит в основе этого абстрагирования, в силу чего оно происходит? На эти вопросы Рикардо не только не отвечает, но и не ставит их. Рассматривая определение стоимости рабочим временем как нечто естественное, он и абстрагирование труда от его конкретной формы тоже рассматривает как нечто естественное и не видит здесь никаких проблем.

Отсюда также вытекает, что для Рикардо стоимость не есть ни историческая категория, ни выражение производственных отношений людей; она — лишь выражение затраченного на производство продукта труда.

Ленин, развивая учение Маркса о стоимости, пишет: «*Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений,*

[157] Правда, ещё Франклин сводит разные виды труда к их количественному выражению (К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 38), но у Франклина это положение не получило дальнейшего развития, а у Рикардо вся система построена на определении стоимости рабочим временем.

проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость»[158].

Но у Рикардо иная точка зрения. «Точка зрения системы общественных производственных отношений одной определенной и исторической формации общества» у него отсутствовала. Отсутствует у него и понимание стоимости как специфически общественной и исторически обусловленной категории.

Всё же им правильно выражен тот факт, что в буржуазном обществе труд ценится не как проявление особого вида человеческой деятельности, создающей особый вид потребительной стоимости, а ценится лишь с количественной стороны, выраженной в величине стоимости.

Рассматривая труд, создающий стоимость, с количественной стороны, Рикардо вслед за своими предшественниками сводит и различие между простым и сложным трудом к количественному различию. Он пишет: «*Но если я говорю, что труд является основой всякой стоимости и что относительное количество его [почти исключительно] определяет относительную стоимость товаров, то из этого еще не следует, что я упускаю из виду качественные различия труда и трудность сравнения между часом или днем труда в одной отрасли промышленности с трудом одинаковой продолжительности в другой.* ***Расценка труда различного качества скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью*** *и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда*»[159]. Это положение есть почти дословное повторение соответствующего места из «Богатства народов». Рикардо не скрывает этого, он указанное место цитирует (См. примечание на этой же странице).

На рынке «расценка труда различного качества» имеет только количественный характер.

В заключение отметим, что по Рикардо стоимость определяется не трудом, фактически затраченным на производство данного товара, а трудом, необходимым для его производства. Под необходимым же трудом он понимает труд, необходимый при наименее благоприятных условиях его применения, т. е., по его теории, величину стоимости товаров определяет труд при наихудших (а не при средних) условиях производства. На этом, как увидим дальше, он строит свою теорию ренты.

Стоимость и меновая стоимость. Рикардо обычно употребляет термины: относительная стоимость, сравнительная стоимость. Отсюда ряд

---

[158] В. И. Ленин. Соч., т. 18, с. 16.

[159] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 11, выделение моё — Д. Р.

исследователей заявляет, что Рикардо признает только относительную, но не абсолютную стоимость. Иначе интерпретирует Маркс соответствующие места из «Начал» Рикардо: *«Под **реальной стоимостью** Рикардо понимает в вышеприведенном месте товар как выражение определенного рабочего времени. Под **относительной стоимостью** — выражение заключенного в нем рабочего времени в потребительных стоимостях других товаров»*[160].

Итак, Рикардо признаёт и то, что стоимость есть выражение определенного рабочего времени, — т. е. то, что называют абсолютной стоимостью, — и то, что стоимость одного товара выражается в другом товаре, — т. е. то, что в марксистской политической экономии называется меновой стоимостью. И в этом отношении Рикардо развил дальше теорию стоимости своих предшественников. Припомним, что Петти ещё не отделяет стоимость от цены (естественной), т. е. от её денежного выражения. Смит делает значительный шаг вперед, рассматривая меновую стоимость вне её денежного выражения, абстрагируясь от цены. Но смешивая труд, покупаемый на товар, с трудом, затраченным на производство товара, он также смешивает стоимость с меновой стоимостью. Говоря о том, что меновая стоимость определяется затраченным трудом, Смит фактически говорит о стоимости, а утверждая, что стоимость определяется покупаемым трудом, он говорит уже о меновой стоимости, т. е. о стоимости, выраженной в покупаемом труде. Рикардо, освободив теорию стоимости от смитовского смешения покупаемого труда с затраченным трудом, сделал возможным разграничение — и он его проводит — между стоимостью и меновой стоимостью, или абсолютной и относительной стоимостью, хотя и ту, и другую он выражает в одних и тех же терминах: ***сравнительная*** или ***относительная*** стоимость.

Таким образом, Рикардо различает стоимость и меновую стоимость: первую он понимает как выражение затраченного рабочего времени, вторую — как меновое отношение двух товаров. Но Рикардо не видел внутренней связи между стоимостью и меновой стоимостью, не видел в меновой стоимости ***формы*** стоимости. Хотя Рикардо и далёк от иллюзий рабочих денег — он понимал, что стоимость товара непосредственно может быть выражена не в рабочем времени, а только в другом товаре — но этот факт им не исследован и не осознан. И это потому, что в труде, создающем стоимость, он не видел специфических особенностей, присущих только труду товаропроизводителей и предполагающих обмен, следовательно, и меновую стоимость; он не заметил, что сама стоимость предполагает меновую стоимость как форму, в которой она находит выражение. Для него последняя — нечто постороннее в отношении

[160] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 108.

стоимости, а не обусловленная ею форма, характеризующая её как производственное отношение лишь такого общества, которое базируется на обмене.

На этот недостаток классической политической экономии Маркс обращает особое внимание, так как в нём он видел наиболее яркое проявление её буржуазного характера, её буржуазной ограниченности. Маркс пишет:

«*Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придаёт ей характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Рикардо, она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования — денежной формы, формы капитала и т. д.*»[161].

Стоимость и цена производства. Мы видели, в силу чего Рикардо отвергает смитовское противопоставление первобытного состояния современному, т. е. буржуазному обществу. Этим, в сущности, он стирает различие между простым товарным производством и капиталистическим, так как Смит под первобытным состоянием фактически понимает простое товарное производство. Поэтому анализ Рикардо ***с самого начала*** является анализом капиталистического производства, т. е. он не ***восходит*** от простого товарного производства к капиталистическому, а прямо начинает с него.

В этом отношении Рикардо делает шаг назад в сравнении со Смитом, у которого историческое чутье гораздо более развито. V Смита проглядывает попытка давать и историю возникновения экономических категорий; Рикардо же сразу берет общество в таком состоянии, когда все его категории полностью развернуты, и ищет (тут уже преимущество на стороне Рикардо) их единой основы в определении стоимости рабочим временем. Но в развернутом

[161] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 38–39.

буржуазном обществе стоимость уже выступает как цена производства; Рикардо так ее и воспринимает, не видя существенного различия между стоимостью и ценой производства, допуская лишь незначительное отступление второй от первой, и это отступление он объявляет случайным.

Стоимость и цена производства для Рикардо — категории, непосредственно совпадающие. Промежуточных звеньев, ведущих от стоимости к ценам производства, он не видит, поскольку за исходный пункт своих исследований берет товар, произведенный при капиталистических условиях, а стоимость такого товара уже выступает в превращенной форме, в форме цены производства. По Рикардо, рыночные цены как при первобытном состоянии, так и в современном обществе колеблются вокруг стоимости, являющейся одновременно и ценой производства.

А это создало для Рикардо непреодолимые трудности: если товары в среднем продаются по стоимости и при капитализме, то как объяснить тот факт, что равные по своей величине капиталы, но различного органического строения и разной скорости обращения, приносят (вернее, имеют тенденцию приносить) равные прибыли. Короче, у Рикардо закон стоимости и закон (тенденция) равенства прибыли на равные капиталы оказались друг друга исключающими.

Противоречие двух названных законов заметил сам Рикардо, но не в той общей форме, в какой мы ее изложили, а в другой. Он утверждает, что единственной причиной изменения в величине прибыли является изменение — в обратном порядке — в заработной плате: прибыль уменьшается вследствие повышения заработной платы и увеличивается в результате уменьшения заработной платы; но в определенных случаях это должно вызвать разные нормы прибыли на равные капиталы.

Допустим, что имеется два равных по своей величине капитала, скажем, по сто тысяч, но из одного капитала авансируют 60 тыс. на заработную плату, а 40 тыс. на средства производства, из другого капитала — 40тыс. на заработную плату и 60 тыс. на средства производства. Допустим, далее, что норма прибыли у обоих капиталов равна 20%, тогда товар будет продаваться по 120 тыс.[162] (деление капитала на основной и оборотный оставляется в

[162] Эти цены производства Рикардо принимает за стоимость товаров. Характерно, что общая — одинаковая для всех — норма прибыли им принимается за исходный пункт, и он не ставит даже вопроса, откуда взялась такая норма прибыли. «*Все иллюстрации Рикардо, — пишет Маркс, — служат ему только для того, чтобы ввести контрабандой предпосылку всеобщей нормы прибыли. И это делается в I главе «О стоимости», тогда как повидимому заработная плата рассматривается только в V главе, а прибыль — в VI. Как из простого определения стоимости товаров вытекают их прибавочная стоимость,*

стороне). Если же заработная плата повысится примерно на 10%, то первый капитал превратится в 106 тыс., прибыль спустится с 20 тыс. до 14 тыс., и норма прибыли будет (14/105) немного меньше 14%: второй капитал превратится в 104 тыс., прибыль спустится с 20 тыс. до 16 тыс., норма же прибыли будет (16/104) немного меньше 16%. Отсюда дилемма: если товары будут продаваться по стоимости, то они должны продаваться по 120 тыс., как раньше, до повышения заработной платы, так кик, по Рикардо, повышение заработной платы уменьшает прибыль, но не изменяет стоимости товаров; но тогда больший капитал в 106 тыс. принесет меньше прибыли — всего 14 тыс., а меньший капитал в 104 тыс. даст больше прибыли — 16 тыс., что явно противоречит закону равенства прибылей на равные капиталы. Если же товары будут проданы так, что оба капитала получат одинаковую, соразмерно их величине, прибыль, то это возможно лишь в том случае, когда прибыль в 30 тыс. (16 тыс. +14 тыс.) будет разделена на сумму капиталов в 210 тыс. (106 тыс. + 1 04 тыс.), что составляет около 15%, товары, произведенные как первым капиталом, так и вторым, будут продаваться по 115 тыс. (мы цифры округляем). Но тогда нарушен будет закон стоимости, на основе которого товары должны продаваться не по 115 тыс., а по 120 тыс.

Ища разрешения этому противоречию, Рикардо объявил несовпадение средних цен со стоимостью исключением.

При всех своих недочетах и крупнейших недостатках рикардовская теория стоимости явилась громадным вкладом в науку.

Она терпит крушение не потому, что не верен ее основной принцип, а потому, что Рикардо, согласно своей методологии, неправильно развивает этот принцип. «*...Рикардо, — пишет Маркс, — в том пункте, где он ставил своей задачей только еще развить стоимость (т. е. в первой главе «Начал». — Д. Р.), следовательно имел дело только еще* ***с товаром****, втискивает* ***всеобщую норму прибыли*** *и все предпосылки, вытекающие из более развитых капиталистических отношений производства*»[163]. Рикардо поступает так потому, что капиталистические отношения он исследует не в возникновении и развитии, а берет их как раз навсегда данные, что в свою очередь продиктовано его буржуазным взглядом на эти отношения, как на вечные и естественные.

прибыль и даже всеобщая норма прибыли, для Рикардо остается покрыто мраком» (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, Ч. 1, с. 30)

[163] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 45.

4. Учение Рикардо о деньгах и кредите

Общая теория денег. Ко времени Рикардо борьба классической политической экономии против меркантильных представлений о деньгах была победоносно закончена. Восторжествовало учение физиократов об эквивалентном обмене (см. главу 6), из чего вытекало, что обмен товара на деньги есть не что иное, как обмен равных стоимостей, и ничем не отличается от обмена одного товара на другой. И Смит видит в деньгах лишь товар, выполняющий, правда, особые функции в обращении, но по природе своей ничем не отличающийся от других товаров. Это же учение о деньгах продолжает развивать Рикардо; определение меновой стоимости товаров рабочим временем он переносит и на деньги. «*Стоимость золота и серебра, — пишет Рикардо, — точно так же, как и стоимость всех других товаров, определяется количеством труда, необходимого для их производства и доставки на рынок*»[164]. Различие в стоимости золота и серебра Рикардо объясняет различием в трудовых затратах, необходимых для их производства. «*Золото, — продолжает он, — почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому, что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, но потому, что на производство определенного количества золота требуется в 15 раз больше труда, чем на производство серебра*»[165].

Учение физиократов об эквивалентном обмене получило у Рикардо прочную научную базу. У самих физиократов, не имевших научной теории стоимости, этой базы не было, так как у них нет научного определения самого понятия эквивалента. У Рикардо оно дано: два товара или деньги и товар являются эквивалентными, когда на их производство затрачено одинаковое количество труда.

На этой основе Рикардо дает развернутое учение об естественной цене. Она определяется стоимостью товаров и стоимостью денег. Поэтому причины изменения естественной цены следует искать и на стороне товаров и на стороне денег. Изменение в стоимости товаров вызывает соответствующее изменение в цене, но изменение в стоимости денег действует в обратном направлении: падение ее вызывает рост товарных цен, а повышение — падение ее, так как в первом случае товары обмениваются на большее количество денег, во втором случае — на меньшее. И Рикардо формулирует следующее важное положение: при неизменности товарной массы и ее стоимости количество денег,

---

[164] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 225.

[165] Там же.

необходимых для обращения, зависит от стоимости денег: чем выше последняя, тем меньше денег нужно, и обратно, чем ниже она, тем больше денег нужно. Если стоимость серебра относится к стоимости золота, как 1:15, то для обращения данной товарной массы серебра потребуется в 15 раз больше, чем золота.

Но как в меновой стоимости Рикардо не видит формы стоимости, так и в цене он не видит ***определенной*** формы стоимости. И здесь и там его интересует лишь количественная сторона: в меновой стоимости — количественное отношение двух товаров, в цене — количественное отношение товара и денег. Поэтому специфические особенности денег остались для него незамеченными. Осталось для него незамеченным, что деньги хотя и являются товаром, но в то же время являются особым товаром, или, как выражается Маркс, всеобщим товаром и ***бытием*** стоимости; что товары, выражая свою стоимость в деньгах, тем самым становятся в такое отношение к ним, как потребительская стоимость к стоимости.

Классики, в том числе и Рикардо, положили лишь начало анализу денег, главная же трудность осталась еще впереди. «Трудность, — пишет Маркс, — состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами»[166].

Не выясняя, «как и почему товар становится деньгами», Рикардо, как и Смит, видит в золоте и серебре обыкновенный товар, выполняющий денежные функции не в силу того, что они — особый товар, всеобщий товар, а в силу внешних обстоятельств в силу того, что они более пригодны, чем другие товары, быть орудием обращения и знаком стоимости. Поэтому Рикардо вслед за Смитом полагал, что металлические деньги могут быть полностью заменены настоящими знаками стоимости — бумажными деньгами. Последние для них — не ***заместители*** серебра и золота, выполняющие лишь функции орудия обращения, а подлинные деньги, пришедшие на смену металлу.

Рикардо подробно разработал теорию бумажного обращения. Но не видя принципиального различия между бумажными деньгами и металлическими, он перенес закон бумажного обращения на металлическое обращение и пришел к своей неверной количественной теории денег, которая к тому же находится в противоречии с его теорией стоимости. Он начал с определения стоимости денег трудом, затраченным па их производство, и формулировал правильный тезис, что количество необходимых для обращения денег (при неизменяемости товарной массы и ее стоимости) зависит от их стоимости, но кончил

[166] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 48.

противоположным неверным тезисом, будто стоимость денег зависит от их количества.

Краткая история количественной теории денег. Еще до Рикардо количественная теория денег имела свою вековую историю. Ее формулировали в разных вариантах. Количественной теории денег придерживался ряд итальянских экономистов XVII в., известный французский писатель Монтескье (1689—1755), а из англичан — отчасти Локк, Вандерлинт, Юм.

До Рикардо Юм считался главным творцом этой теории, но Маркс утверждает, что «*ближайшее сопоставление работы Вандерлинта (английский экономист, современник Юма. — Д. Р.) и «Essays» («Опыты». — Д. Р.) Юма не оставило во мне никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот — в общем весьма значительный — труд Вандерлинта*»[167]. А Вандерлинт утверждает, что «*цены товаров каждой нации должны конечно возрастать, по мере того как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа. Следовательно, если количество золота и серебра, которыми располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег*». Однако Юм придал этой теории наибольшую стройность, наиболее талантливо изложил ее и своим авторитетом значительно содействовал ее распространению.

Исходным пунктом аргументации Юма является то, что деньги суть «представители труда и товаров и что они являются только средством вычисления и оценки последних». Теория Юма сводится к следующим положениям:

1. Деньги представляют труд и товары.

2. Деньги в отношении труда и товаров суть не что иное, как цифры в отношении чисел.

3. Ergo, изменение количества денег есть не что иное, как изменение системы цифр.

Хотя аргументация Юма для Рикардо неприемлема, тем не менее и его количественная теория денег сводится к тем же положениям. Правда, у автора «Начал» иной теоретический и исторический исходный пункт, а также иная целеустремленность. У Рикардо нет также такого упрощенства, как с равнение денег с цифрами.

Юм, по выражению Маркса, «...*пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро — без стоимости*»[168], товарные цены он выводит из

---

[167] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 73.

[168] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 113.

отношения массы товаров к массе находящихся в обращении денег. Рикардо не «пускает» в процесс обращения золото и серебро без стоимости, так как он их стоимость определяет затраченным на их производство трудом, следовательно, они имеют стоимость еще до того, как попадают в процесс обращения. Поэтому у Рикардо количественная теория денег должна иметь — и действительно, как увидим, имеет — иную теоретическую основу.

Историческим исходным пунктом для Юма было то, что наплыв благородного металла в Европу после открытия Америки вызвал революцию цен, т. е. получился громадный подъем товарных цен. Из факта, что за ростом количества денег последовал рост товарных цен, Юм делал вывод, что последний вызван первым. Он не ставил себе вопроса, не изменилась ли при этом стоимость металла, так как не признавал теории трудовой стоимости. Между тем открытие американских рудников как раз и уменьшило стоимость благородного металла. «*Что в XVI и XVII столетиях, — говорит Маркс, — не только увеличилось количество золота и серебра, но одновременно уменьшились издержки их производства — в этом Юм мог убедиться на факте закрытия европейских рудников*[169]»[170].

Рикардо исходить из этого факта не мог, так как сам учил, что падение стоимости денег вызывает, при прочих равных условиях, рост цен, а это уже требует большого количества денег. Согласно же учению самого Рикардо, причина и следствие в рассматриваемом историческом факте находились в совсем иной последовательности, чем это представлялось Юму. Не возросшее тогда в громадных размерах количество серебра и золота вызвало революцию цен, а, наоборот, революция цен, вызванная падением стоимости благородного металла, сделала необходимой для обращения колоссально возросшую массу серебра и золота. Для Рикардо историческим исходным пунктом было наводнение каналов обращения Северной Америки бумажными деньгами в середине XVIII в. в связи с войной за независимость, а также Франции и Англии в конце этого века и в начале XIX в. в связи с революцией и вызванными ею войнами. Мы уже отметили, что Рикардо перенес законы бумажного обращения и на металлическое обращение.

Следует, наконец, отметить, что теория денег Юма была продиктована полемикой с меркантилизмом, необходимостью доказать, что излишек денег не обогащает нацию, а приводит к подъему цен. Целеустремленность у Рикардо

---

[169] Они закрылись потому, что не могли конкурировать с американскими рудниками, где издержки производства были гораздо ниже.

[170] К. Маркс, К критике политической экономии. с. 112.

была иная; она обусловлена была борьбой буржуазной оппозиции против торийского правительства, использовавшего эмиссию для нужд казны.

Количественная теория денег Рикардо. Самым характерным для теории денег Рикардо является то, что он развивает ее на основе своей теории стоимости. Естественную цену он определяет стоимостью товаров и стоимостью самих денег: она прямо пропорциональна стоимости товаров и обратно пропорциональна стоимости серебра и золота. При неизменности стоимости последних количество денег определяется стоимостью товаров, а при неизменности стоимости товаров количество денег определяется стоимостью самих денег. Но что происходит тогда, когда в обращении увеличивается или уменьшается количество денег, а товарная масса и ее стоимость остаются неизменными? Тут уже начинается грехопадение Рикардо. Он начинает рассуждать по-юмовски: 1) увеличившееся или уменьшившееся количество денег представляет прежнюю массу денег, или представляет тот же труд и те же товары, что и прежняя масса денег; 2) но теперь товары выражают свои стоимости в большем пли меньшем количестве денег; 3) следовательно, рост количества денег вызывает рост товарных цен, а уменьшение его — падение товарных цен.

Общий итог у Рикардо получился тот же, что у Юма, хотя исходные позиции у них совершенно различны: как у Юма, так и у Рикардо товарные цены определяются в конце концов отношением массы товаров к массе находящихся в обращении денег. Чем объяснить такой казус у Рикардо? Только тем, что он проглядел, как мы видели, специфические особенности денег, что деньги для него — обычный товар, что поэтому функции денег в обращении не вытекают из их сущности как денежной формы стоимости и всеобщего эквивалента. Отсюда и следует, что серебро и золото могут быть заменены бумажными деньгами и что на них распространяются законы бумажного обращения. Бумажные деньги, в каком количестве их ни выпускать, всегда представляют, как известно, лишь то количество денег, какое необходимо для товарообращения. Если, скажем, для последнего нужны два миллиарда рублей, а бумаги выпущено на четыре миллиарда, то они представляют лишь два миллиарда, но цена в бумажном выражении удвоится. Такой же результат получится, полагает Рикардо, и при удвоении количества серебра и золота (в нашем примере от двух миллиардов до четырех); удвоенное количество металла будет представлять прежнее его количество, а цены поднимутся в два раза.

Утверждение, что возросшее количество денег без соответствующего роста товарной массы и ее стоимости представляет лишь прежнее количество денег (в нашем примере четыре миллиарда представляют прежние два

миллиарда), Рикардо ничем не обосновывает, оно базируется лишь на аналогии с бумажными деньгами, которые всегда представляют лишь необходимое для обращения количество металла. Но не говоря уже о том, что аналогия вообще не доказательство, в данном случае она совсем неприменима, так как речь идет о разных явлениях. «Стоимость» бумажных денег базируется лишь на том. что они представляют необходимый для обращения металл, металлические же деньги имеют внутреннюю стоимость как продукты труда. Поэтому возросшее количество бумажных денег при прочих равных условиях приводит к тому, что каждая выпущенная бумажка представляет меньше металла, вследствие чего уменьшается ее «стоимость» и поднимаются цены товаров; при росте количества металлических денег, если оно и выше количества, необходимого для обращения, внутренняя стоимость каждой денежной единицы металла не уменьшается, а товарные цены при прочих равных условиях не повышаются. Излишек металлических денег уходит из обращения и превращается в сокровище, но, превращаясь в сокровище, серебро и золото не только не теряют своей стоимости (бумажные деньги, выпавшие из обращения, превращаются в ничто), но и не перестают быть деньгами, вместо функции орудия обращения они начинают выполнять функцию орудия накопления.

На эту функцию денег Рикардо, как и вся классическая школа, не обращает внимания. Он, как и его предшественники, видит в деньгах, главным образом, орудие обращения, — и это облегчило ему стереть грань, отделяющую металлические деньги от бумажных.

Учение Рикардо о движении металла во внешней торговле. Итак, согласно теории Рикардо, превышение количества металла над той его массой, которая необходима для обращения, вызывает рост товарных цен. Какое же действие окажут поднявшиеся товарные цены? Если бы в данной стране были серебряные рудники и золотые прииски, то подъем товарных цен, означающий в то же время и снижение стоимости денег, вызвал бы сокращение производства на рудниках и приисках. Такое положение будет продолжаться до тех пор, пока наличное количество денег не придет в соответствие с необходимой массой средств обращения, а это получится либо в результате роста товарной массы, либо в результате повышения ее стоимости, либо, наконец, в результате стирания монет, что приводит к сокращению количества металла.

Падение количества денег ниже того, что необходимо для обращения, будет иметь обратное действие: стоимость денег поднимется, товарные цены снизятся, производство по добыче золота и серебра будет расширяться, пока не установится нарушенное «равновесие».

Таковы были бы результаты возросшего или уменьшившегося количества денег при неизменности товарной массы и ее стоимости, если бы мы абстрагировались от внешней торговли и перенесли золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, где благородные металлы обращаются как деньги. Но иные результаты получатся при наличии внешней торговли, через каналы которой постоянно происходит отлив и прилив металла из одной страны в другую.

Рост количества денег, скажем, в Англии, вызывая падение стоимости их и повышение товарных цен, создает неблагоприятные условия для вывоза товаров — они там слишком дороги, — но зато создает благоприятные условия для ввоза товаров. Уменьшение же количества денег, повышая стоимость их и снижая товарные цены, действует в обратном направлении, создавая благоприятные условия для экспорта товаров и неблагоприятные для импорта их. В первом случае сократится экспорт товаров и увеличится импорт, разницу же в торговом балансе — пассивном для Англии — последней придется оплатить металлом. Вызванный этим отлив металла из Англии продлится до тех пор, пока не установятся «нормальные» или «естественные» цены, т. е. цены, которые определяются стоимостью товаров и стоимостью денег. Во втором случае картина получится иная: экспорт товаров увеличится, а импорт уменьшится, результатом активного торгового баланса будет прилив металла в Англию до тех пор, пока не восстановится нарушенное «равновесие».

Это — одна сторона процесса, другая его сторона заключается в следующем: как избыток денег, так и недостаток в них вызывают, по Рикардо, разницу между стоимостью металла в монете, т. е. в качестве денег, и стоимостью его в слитках, в качестве товара. Избыток денег уменьшает монетную стоимость металла, приводит к падению его покупательной силы, но отнюдь не уменьшает стоимости его как обычного товара. Поэтому невыгодна не только чеканка новых монет из слитков, но и сохранение полновесных монет в обращении; последние переплавляют в слитки и отправляют за границу. Недостаток в деньгах, поднимая монетную стоимость металла, создает стимул к чеканке монет и к усиленному привозу благородного металла из других стран.

Исследовав обе стороны описываемого процесса, Рикардо пришел к выводу, которому придавал громадное значение, считая его одним из важнейших своих открытий. Этот вывод гласит: каждая страна при правильном функционировании внешней торговли имеет столько металлических денег, сколько ей необходимо для обращения, ибо всякий излишек денег и недостаток в них ***автоматически*** ликвидируются.

А так как, по Рикардо, внешняя торговля правильно функционирует лишь тогда, когда пользуется полной свободой, то своей количественной

теорией денег и базирующимся на ней учением о движении металла из одних стран в другие он вооружал промышленную буржуазию в ее борьбе за экономическую свободу. Рикардо рассеивал страх, который всячески раздували противники свободной международной торговли, утверждавшие, что свободная международная торговля приведет к тому, что страна лишится своего металлического фонда. Рикардо доказывал, что именно свободная международная торговля является автоматически (т. е. без всякого вмешательства со стороны правительства) действующим механизмом, который распределяет мировые запасы золота и серебра между странами и таким образом, что каждой достается столько, сколько ей нужно для обращения товаров.

Учение Рикардо о движении металла во внешней торговле страдает тем же пороком, что и его количественная теория денег, на которой, как сказано, оно базируется: и там и здесь он рассматривает деньги только как орудие обращения, не интересуясь ни сущностью денег, ни вытекающими из неё другими функциями денег. Металлический запас страны для него — только запас орудий обращения. Отлив денег из страны его не пугал, наоборот, он в этом видел лишь то, что страна избавляется от избытка денег, мешающего образованию «естественных» товарных цен.

Учение Рикардо о банкнотах. Маркс показал, что Рикардо распространяет законы бумажного обращения и на металлическое обращение. Сам Рикардо был уверен, что идет обратным путем, т. е. что в законах металлического обращения он нашел ключ к пониманию бумажного, или банкнотного (Рикардо, как и многие современные ему экономисты, не проводит различия между банкнотами и бумажными деньгами), обращения. По Рикардо, инфляция вызывает падение курса бумажных денег и подъем товарных цен не потому, что имеется избыток именно в бумажных деньгах, а потому, что имеется избыток в деньгах вообще. Повторяем, Рикардо не признает особых законов бумажного обращения, а в последнем он видит действие законов денежного обращения вообще.

При чистом металлическом обращении в стране длительное время не может быть ни больше, ни меньше денег; их количество в соответствии с товарооборотом регулируется, как мы видели, автоматически. Но этот «автоматический регулятор» перестает действовать при бумажном обращении, — ведь излишек бумажек вывезти за границу нельзя. Рикардо, как и Смит, лучшими деньгами считал бумажные деньги. Но как предохранить их от обесценения, вызываемого чрезмерной эмиссией?

Единственной гарантией устойчивости бумажных денег Рикардо считает полное покрытие и обмен их на металл. На этом и построено его учение о

банкнотах. Последние для него — не кредитные деньги, связанные с функцией денег как средства платежей, а просто деньги, выполняющие функцию орудия обращения, как другие деньги. Излишек банкнот имеет, по его мнению, такие последствия, как излишек всяких денег, т. е. падение их курса и повышение товарных цен. Но при полном металлическом покрытии эмиссии банкнот и неограниченном обмене на металл обращение банкнот автоматически регулируется движением валютного металла: при избытке денег часть банкнот возвращается в эмиссионный банк, и полученный металл уходит по вышеуказанным причинам за границу. При недостатке в деньгах, вызывающем, как мы видели, прилив благородного металла в страну, последний поступает в эмиссионный банк, который взамен поступивших к нему золота или серебра выпускает на соответствующую сумму банкноты.

Дискуссия по вопросам денежного обращения и роли кредита разделили английских экономистов — теоретиков и практиков — на две школы: «currency school» (денежную школу) и «banking school» (банковую школу). «Денежная школа», требовавшая полного металлического покрытия банкнот, имела своим теоретическим вождем Рикардо, а после его смерти возглавлялась его ближайшими последователями и учениками.

«Банковая школа» не признавала количественной теории денег и отвергала требование полного металлического покрытия банкнот. Она требовала лишь контроля за деятельностью эмиссионных банков и ограничения их операций, сводя последние в основном к учету векселей. При правильном учете векселей, т. е. при учете только настоящих коммерческих векселей, нет места инфляции, т. е. появлению лишних банкнот. Банкноты возвращаются в банк при погашении учтенных векселей; если они все же остаются в обращении, то это свидетельствует лишь о том, что они не излишни, что товарооборот в них нуждается. Наконец, банкноты, оказавшиеся по тем или иным причинам действительно излишними, предъявляются в банк к обмену на металл. Необходимо поэтому лишь такое количество металла в кладовых банка, которое в указанных случаях делает возможным обмен банкнот на звонкую монету. Следовательно, к обмену на металл банкноты предъявляются в небольшом количестве (особенно когда нужен металл для экспортных сделок), поэтому нужно лишь частичное покрытие банкнот, но отнюдь не полное.

«Денежная школа» одержала победу над «банковой школой», и эта победа закреплена была законодательным актом, известным под названием «билля Пиля» (1844). Согласно этому биллю, эмиссионным банком Англии становится Английский банк. Из других банков право эмиссии осталось лишь за теми, которые к моменту издания билля занимались выпуском банкнот, но имелось в виду и их, как эмиссионные банки, постепенно ликвидировать.

Но правильность теории проверяется на практике, а практика опровергла теорию Рикардо. Неоднократно «в минуту жизни трудную» приходилось приостанавливать действие пилевского билля с целью расширения эмиссионных возможностей Английского банка. Такая трудная минута наступила вскоре после издания билля, во время кризиса 1847 г. В неоднократно вынужденной отмене действия закона Пиля Маркс видит фактическое доказательство его несостоятельности, следовательно и несостоятельности «денежной школы». Но в пилевском билле заинтересованы были влиятельные группы финансистов, которые фактически монополизировали денежный рынок и извлекали больше выгоды из денежных затруднений, повышая размер процента.

Получился своеобразный парадокс: рикардовская количественная теория денег и рикардовский «закон» прилива и отлива благородного металла, имевшие своей целью борьбу за экономическую свободу, борьбу, возглавляемую промышленной буржуазией, на деле были использованы могущественной группой финансистов — воротил Английского банка — в свою пользу и в ущерб промышленной буржуазии. Эта теория и этот «закон» стали тормозить развитие производства и обращения, а между тем Рикардо был горячим поборником их безграничного развития.

Недооценка Рикардо роли кредита. Своей теорией банкнот Рикардо явно недооценивает роли кредита. Возможно, что он находился под влиянием печальных опытов Джона Ло (см. главу 7), переоценившего роль кредита, и впал в другую крайность.

Банкноты, как учит Маркс, «...*имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, а вексельное обращение*»[171]. Настоящим обеспечением банкнот являются учтенные частные векселя, если последние являются действительными векселями, т. е. если они выданы в результате товарной сделки. Такие векселя в свою очередь обеспечены теми товарами, взамен которых при покупке в кредит они выданы, а потому могут служить обеспечением заменяющих их банкнот.

Увеличивает ли эмиссия банкнот орудия обращения и средства платежа? Это зависит от того, обеспечены ли они полностью или частично металлом. Если полностью, то эмиссия банкнот не увеличивает ни орудия обращения, ни средств платежа, так как они в обращении только заменяют собой золото и серебро, имеющиеся в эмиссионном банке; не будь их, векселя учитывались бы металлическими деньгами, а теперь — представляющими их банкнотами. Если

[171] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 358.

же банкноты обеспечены металлом лишь частично, то эмиссия их увеличивает и орудия обращения и средства платежа на всю ту сумму, которая не имеет металлического покрытия. Допустим, что банкноты выпущены на 600 млн. руб., а металлическое обеспечение равняется всего 200 млн. руб., — ясно, что тут мы имеем прирост орудий обращения и средств платежа на целых 400 млн. руб.

Рикардо, требовавший полного металлического покрытия банкнот, превратил их из кредитных денег, базирующихся на вексельном обращении, в заместителя имеющегося в банке валютного металла. Роль кредита — в данном случае и эмиссионного банка — для увеличения орудий обращения и средств платежа Рикардо свел на-нет.

Рикардо рассматривает кредит почти исключительно с точки зрения денежного обращения. Он против того, чтобы банки увеличили орудие обращения, черпая аргументацию из своей неверной количественной теории денег. Так как рост количества денег вызывает рост цен товаров, то выпуск банками билетов без металлического покрытия тоже вызывает рост товарных цен.

Недооценка Рикардо роли банков особенно сказалась в его утверждении, что банки не имеют влияния на уровень процента. Банки, по его мнению, могут уменьшить процентную ставку лишь для своей клиентуры, но влиять на общий уровень процента не могут. «*Он (процент. — Д. Р.) регулируется, — пишет Рикардо, — не учетным процентом банка, составляет ли он 5, 4 или 3%, а нормой прибыли, которая может быть получена путем употребления капитала и которая совершенно не зависит от количества или стоимости денег*»[172]. И дальше: «*...если банк, как говорят, в течение последних двадцати лет оказывал большую помощь торговле, снабжая торговцев деньгами, то это объясняется тем, что в течение всего этого периода процент, по которому он ссужал деньги, был ниже рыночной нормы процента, т. е. ниже той нормы, по которой торговцы могли достать деньги в другом месте*»[173].

Рикардо прав, утверждая, что уровень процента регулируется нормой прибыли, но лишь в том смысле, что она устанавливает предел, выше которого процент при нормальных условиях подняться не может; впрочем, как правило, он не может подняться и до этого предела, так как тогда заемщику (речь идет о заемщике-капиталисте) не было бы никакого смысла предъявлять спрос на ссудный капитал. Тенденция нормы прибыли к снижению влечет за собой

[172] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 233.
[173] Там же.

такую же тенденцию и в отношении процента. Что касается минимального размера процента, то он «...*не поддается определению*»[174]. Единственно, что можно сказать, это то, что процент не может опуститься до нуля, т. е. до полного своего уничтожения. Следовательно, от высшего предела до самого низшего могут быть разные уровни процента. И это вытекает из самой сущности процента: процент есть часть средней прибыли, но не вся средняя прибыль. Поэтому факторы, определяющие последнюю, еще не определяют размера процента. При данной средней норме прибыли могут быть разные средние уровни процента, 6а которые банки могут влиять и действительно влияют.

Банки влияют на размер процента уже по одному тому, что они концентрируют у себя спрос и предложения ссудного капитала: они в больших размерах мобилизуют ссудный капитал, совершая свои пассивные операции; они же его большими массами распределяют, совершая активные операции. Это — одна сторона дела. Другая же заключается в том, что банкиры — не просто посредники между денежными капиталистами и торгово-промышленными, они еще концентрируют мелкие сбережения широких масс и, предоставляя эти сбережения в распоряжение торговли и промышленности, значительно увеличивают предложение ссудного капитала. Наконец, они оказывают кредит своими векселями. Правом эмиссии банкнот пользуются только отдельные банки, так называемые эмиссионные; оказать кредит при помощи своих векселей могут все банки.

Таким образом, банки, создавая разные суррогаты денег, увеличивают не только орудия обращения и средства платежа, но и предложение ссудного капитала, так как эти суррогаты денег используются как капитал. Они также увеличивают предложение ссудного капитала тем, что мобилизуют всевозможные сбережения, которые без банков не получили бы капиталистического применения.

В заслугу Рикардо, как и Смиту, следует поставить то, что он боролся против вульгарных концепций кредита, наиболее ярким провозвестником которого был неоднократно упоминавшийся нами Джон Ло, считавший, что металлические деньги, кроме своей ценности в качестве металла, имеют еще ***добавочную ценность как монета***. Эта добавочная ценность не связана с их ценностью как металла, ибо она создана лишь теми функциями, которые деньги выполняют. Отсюда вывод, что и бумажные деньги имеют указанную добавочную ценность, Эту же ценность будут иметь и билеты, выпускаемые банком по «системе» Ло, которая сводится к тому, что обеспечением эмиссии

[174] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 321.

служит не металл и не коммерческий вексель, а недвижимости. Последние Ло считал наиболее солидным и «нетленным» обеспечением. Недвижимости благодаря кредиту превращаются в ходкие монеты, т. е. банк, имея такое «обеспечение», создает деньги и капитал.

5. Теория распределения Рикардо

Мы знаем, что, по Рикардо, основной проблемой политической экономии является проблема распределения. Неудивительно, что краеугольным камнем всей его системы является его теория заработной платы, прибыли и ренты. Названные категории как выражения классовых отношений буржуазного общества его не интересуют, вернее, они остаются для него незамеченными. Его интересуют, с одной стороны, факторы, определяющие величин у заработной платы, прибыли и ренты, а с другой — что наиболее важно для него, — в каком отношении они находятся друг к другу. Заработную плату он определяет стоимостью средств существования рабочего и его семьи (т. е. фактически стоимостью воспроизводства рабочей силы), прибыль — как излишек стоимости товара над заработной платой, а ренту — как излишек над заработной платой и прибылью, который получается от вложения капитала в лучшие и средние участки земли. Отсюда видно, что, по Рикардо, от величины доли рабочего класса в общественном продукте зависит величина доходов других классов. Действительно, в основу теории распределения положен формулированный Рикардо закон заработной платы.

Закон заработной платы. Величину заработной платы Рикардо, как сказано, определяет стоимостью средств существования рабочего и его семьи. В этом ничего нового не было. Вся классическая политическая экономия, начиная с Вильяма Петти, «стоимость» труда сводила к стоимости тех средств, которые необходимы для поддержания труда. Этот закон положен Рикардо в основу теории распределения.

У Смита еще есть колебания: то он сводит заработную плату к стоимости средств существования, то уверяет, что с ростом богатства общества растет и доля рабочего в национальном продукте (см. главу 7). У Рикардо на этот счет никаких колебаний нет: он считает, что реальная заработная плата, как общее правило, не меняется; меняется в сторону повышения лишь номинальная заработная плата вследствие повышения стоимости сельскохозяйственных продуктов.

Буржуазные критики Рикардо обвиняют его в том, что он якобы сгустил краски и, представив буржуазное общество в мрачном свете, исказил действительность. Вполне понятно, что апологеты капитала остались недовольны рикардовским законом заработной платы, но порок его не в том,

что Рикардо сгустил краски, наоборот, капиталистический ад для рабочих в этом законе нашел лишь бледное отражение. Неправ Рикардо и потому, что закона заработной платы в его формулировке не существует. Он выдает его за естественный закон, который автоматически регулирует заработную плату в силу естественных причин: повышение заработной платы стимулирует рост размножения рабочего класса, вызывает превышение предложения труда над спросом и само приводит к снижению ее, зачастую даже ниже прежнего уровня. С другой стороны, заработная плата не может долго оставаться ниже уровня, определяемого стоимостью средств существования, так как это вызывает уменьшение рабочего населения и, следовательно, отставание предложения труда от спроса на него, что приводит к повышению заработной платы.

Такого закона заработной платы не существует. Действительный закон, определяющий движение заработной платы, впервые был открыт Марксом. Движение заработной платы определяется не движением рабочего населения, а всеобщим законом капиталистического накопления.

Теория прибыли Рикардо. Рикардо развивает смитовский научный вариант теории прибыли. Это — одна из крупнейших его заслуг как завершителя классической политической экономии. Хотя у Рикардо мы не находим таких резких характеристик прибыли, как у Смита, — он нигде не называет ее, подобно Смиту, вычетом из продукта рабочего, — однако Рикардо гораздо последовательнее, чем Смит, развивает теорию прибыли как теорию прибавочной стоимости, показывая, как и в силу каких законов получается прибыль, названная Смитом вычетом из продукта труда рабочего. Вот основные положения, на которых базируется рикардовская теория прибыли: 1) товары продаются по стоимости, определяемой рабочим временем, 2) из этой стоимости вычитается то, что возмещает заработную плату рабочим, определяемую стоимостью их средств существования; 3) остаток образует прибыль.

Прибыль, по Рикардо, — величина определенная, потому что определенными являются стоимость товаров и «стоимость» труда, вычет второй из первой полностью определяет величину прибыли. Для Петти и Кенэ рента — основная форма прибавочной стоимости. Для Смита основными формами прибавочной стоимости являются рента и прибыль, так как он и ту и другую рассматривает как самостоятельные, независимые друг от друга вычеты из продуктов труда рабочего. Для Рикардо основная форма прибавочной стоимости — прибыль; рента для него — форма добавочной прибыли, достающейся землевладельцам.

Рассматривая прибыль как остаток, равный стоимости товара минус заработная плата, Рикардо приходит к следующему выводу, решающему для

всей его системы: изменение прибыли зависит исключительно от изменения заработной платы, и последнее является причиной, а не следствием первого. Прибыль повышается лишь тогда, когда понижается заработная плата, и падает, когда она повышается. Конечной же причиной образования прибыли и ее изменения является производительность труда, но она влияет не непосредственно, а через изменение в заработной плате: рост производительности, уменьшая стоимость средств существования, снижает расходы на заработную плату и потому повышает прибыль; падение производительности труда, повышая стоимость средств существования, повышает расходы на заработную плату и тем самым понижает прибыль. Если же производительность труда была бы так низка, что заработная плата поглотила бы всю стоимость товара, произведенную трудом, то не было бы и прибыли.

Подходя к прибыли с этой точки зрения, Рикардо рассматривает ее как прибавочную стоимость, как стоимость, составляющую разность между той стоимостью, которую рабочий производит, и той, которую он получает в виде заработной платы. Однако не это было задачей, которую ставил себе Рикардо, его интересовала не прибыль как форма прибавочной стоимости, — существование прибыли он принимал как данное, как нечто естественное. Его интересовало лишь то, что определяет величину прибыли и влияет на ее изменение. «*Рикардо, — говорит Маркс, — никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой всякого общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней*»[175].

Не исследовав природы прибыли как формы прибавочной стоимости и не задаваясь вопросом о происхождении последней, Рикардо оказался перед неразрешимым для него противоречием: с одной стороны, причиной образования прибыли является производительность труда, с другой — всякий капитал приносит среднюю прибыль, независимо от того, какое количество труда приводится им в движение. Противоречие между законом стоимости и законом (тенденцией) равенства прибылей на равные капиталы, о котором мы говорили выше, при рассмотрении рикардовской теории стоимости, выступает теперь в новом аспекте. Согласно закону стоимости, прибыль есть часть стоимости, созданной трудом, и определяется уровнем его производительности;

[175] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 401.

согласно же закону равенства прибылей на равные капиталы, она зависит от величины капитала и пропорциональна ей.

В таком аспекте это противоречие осталось для Рикардо даже незамеченным: он рассматривает прибыль то как прибавочную стоимость, отождествляя их, то как среднюю прибыль, пропорциональную величине капитала. Каким образом прибыль, величина которой зависит, по его же учению, от производительности труда, превращается в среднюю прибыль, такого вопроса он даже не ставит, как не ставит вопроса о происхождении прибавочной стоимости и о том, почему прибавочная стоимость принимает превращенную форму, форму прибыли, в которой она выступает как «порождение капитала».

Это приводит Рикардо к ошибкам даже фактического порядка. Он утверждает, что с развитием общества прибыль уменьшается. Это верно в отношении нормы прибыли и средней прибыли, являющейся результатом деления всей прибавочной стоимости на весь авансированный капитал с + с, но отнюдь не в отношении нормы и массы прибавочной стоимости, следовательно, неверно и в отношении массы прибыли. Последняя с развитием капитализма растет, так как повышается степень эксплуатации.

Рикардо не заметил и другого противоречия, вытекающего из того, что он, как и все представители классической политической экономии, утверждал, что рабочий продает свой труд и что заработная плата есть стоимость труда. Если бы это было так, то существование прибыли противоречило бы закону стоимости. На самом деле при найме рабочих капиталистом происходит обмен труда на капитал (капитал, авансированный на заработную плату). Поэтому одно из двух: если это происходит на основе закона стоимости, то живой труд, отчуждаемый рабочими, должен равняться труду, овеществленному в заработной плате, и тогда нет места для прибыли; если же живой труд больше овеществленного труда, что и соответствует действительности (и это есть причина образования прибыли), то закон стоимости нарушен.

Противники Рикардо из буржуазного лагеря ловили его и на этом противоречии, но не с целью развить теорию стоимости и прибавочной стоимости, а с целью ее опрокинуть. Только Маркс, освободивший политическую экономию от ограниченности буржуазного кругозора и выдвинувший в качестве ее краеугольного камня проблему прибавочной стоимости, показал и доказал, как в действительности на основе закона стоимости производится прибавочная стоимость.

Теория земельной ренты Рикардо. Рикардо как буржуазный экономист «не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости». К ренте он относился иначе. Его как идеолога промышленной буржуазии

сильно занимало происхождение ренты, и он внес много ценного в освещение этого вопроса, чем навлек на себя гнев сторонников крупного землевладения. Однако ограниченность буржуазного кругозора сказывается и на рикардовской теории ренты.

У Петти и Кенэ еще нет теории ренты в собственном смысле слова. Учение Петти о ренте и Кенэ о «чистом продукте» есть учение о прибавочной стоимости в форме ренты. Смит уже исследует ренту как таковую, доход от землевладения в отличие от дохода от капитала. Наиболее ценным в его исследовании ренты является то, что он рассматривает ее как вычет из продукта труда рабочего. Но у Смита этот тезис, во-первых, не получил дальнейшего развития, во-вторых, другими своими вариантами теории ренты (см. главу 7) он его обесценил. Рикардо развил теорию земельной ренты из единой основы — определения стоимости рабочим временем — и поднял ее на большую научную высоту.

Ближайшим предшественником Рикардо в этой области был Джемс Андерсон (1739-1808), фермер-практик, выдвинувший ряд важнейших положений теории дифференциальной ренты. Эти положения могут быть формулированы так: 1) рента зависит не от абсолютного плодородия земли, а от относительного, т. е. рента получается лишь тогда, когда возделываются не только хорошие земли, но и земли разного плодородия; 2) это обусловлено тем, что для снабжения общества продовольствием и сырьем одних хороших земель недостаточно: 3) поэтому цены на сельскохозяйственные продукты должны стоять на таком уровне, чтобы и худшие из возделываемых земель давали, за вычетом издержек производства, среднюю прибыль, иначе их не возделывали бы; 4) это значит, что цены всей массы сельскохозяйственных продуктов регулируются худшими участками; 5) так как равные вложения капитала в разные по своему плодородию земли дают разные результаты, то земли, дающия хоть немного больше продуктов, чем худшая из возделываемых земель, доставляет добавочную прибыль; 6) последняя в результате конкурентной борьбы между фермерами достается целиком землевладельцам в виде ренты.

Хотя все перечисленные положения внутренне и связаны, но лишены научной основы. Андерсон исходил не из закона стоимости, а из закона спроса — предложения. Поэтому его теория ренты находилась как бы вне рамок классической политической экономии. Более того, существование ренты, казалось, противоречит основе ее, т. е. противоречит закону стоимости. Средние и лучшие земли дают больше дохода, хотя на возделывание их потрачено столько же труда, сколько и на худшие земли; это не согласуется с определением стоимости рабочим временем. Рента — тоже стоимость, а получается без добавочного труда.

Так перед классической политической экономией встала проблема ренты. Рикардо блестяще справился с этой задачей, доказав, что существование ренты не только не противоречит теории трудовой стоимости, но именно ею объясняется. Закон стоимости в конечном счете есть и закон образования ренты.

Рикардо принимает положения Андерсона, но в его освещении они, получив научное обоснование, выглядят иначе. Рикардо полностью соглашается с тем, что рента — результат не абсолютного, а относительного плодородия земли; это, по его мнению, уничтожает басню о том, будто рента — результат щедрости природы. Наоборот, рента получается потому, что природа скупа, что не все земли одинаково плодородны, что общество вынуждено обрабатывать и земли неплодородные. А это значит, что масса земледельческого продукта стоит большего труда и обладает поэтому высокой стоимостью. Последняя, по Рикардо, определяется трудом не на лучших или средних землях, а на худших[176]; раз общество нуждается в этих худших землях, то обработка их является трудом необходимым, определяющим собой стоимость всей сельскохозяйственной продукции. Большее количество труда, необходимое для производства, скажем, пуда хлеба на худших участках определяет стоимость всякого пуда хлеба, где бы он ни производился — на худших, на средних или лучших землях. Поэтому от продажи хлеба (и других сельскохозяйственных продуктов) по стоимости фермеры и на худших участках получают среднюю прибыль, как все капиталисты, продающие товары по стоимости. Фермеры же на средних и лучших землях получают сверх средней еще добавочную прибыль, так как собирают более обильный урожай. Но в силу действия закона (тенденции) равенства прибылей на равные капиталы добавочная прибыль не остается у фермеров. Конкурируя между собой при заключении арендных договоров, они вынуждены отдать ее землевладельцам.

Рента, по Рикардо, — не дар природы, а результат действия закона стоимости. В этом — главная научная ценность его теории ренты. Но поскольку для Рикардо этот закон — естественный закон, то специфических особенностей ***капиталистической*** ренты как категории капиталистического способа производства ему открыть не удается, хотя его исследования вплотную подводят к этому. Его теория ренты предполагает наиболее развитые капиталистические отношения не только в промышленности, но и в земледелии. Предполагается, что феодальные отношения полностью ликвидированы, следовательно, ликвидированы и внеэкономические факторы, действовавшие

[176] И в промышленности меновую стоимость товаров, по Рикардо, определяет тот труд, который применяется при наименее благоприятных условиях.

при феодализме; что сельское хозяйство, как и все общественное производство, находится в руках капиталистов и капитал в земледелии получает среднюю прибыль, как в промышленности; что, наконец, заработная плата земледельческих рабочих определяется тем же законом, что в промышленности.

Повторяем: хотя Рикардо исследует ренту при наиболее развитых капиталистических отношениях, тем не менее своеобразие именно капиталистической ренты вскрыть ему не удается, так как эти отношения он рассматривает как естественные, в том числе и форму появления при этих отношениях закона стоимости.

Помимо того, Рикардо повредил своей теории ренты тем, что связал её с неверным тезисом, будто общество в своем историческом развитии переходило от лучших участков земли к худшим. Для теории ренты не имеет никакого значения путь, по которому общество переходило от одних земель к другим; важно лишь то, что хороших земель не хватает, поэтому приходится возделывать и другие земли.

Другой, еще более важный недостаток рикардовской теории ренты заключается в том, что она оказалась связанной с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы». Этот «закон» аргументируют следующими соображениями: если бы в результате последующих затрат капитала можно было достигнуть такого же эффекта, как и предыдущими капиталовложениями, то не было бы надобности в переходе от лучших участков земли к худшим. Достаточно было бы обрабатывать только лучшие участки, и всякий возросший спрос на хлеб можно было бы удовлетворить при помощи последовательных затрат капитала на тех же лучших земельных участках.

Уничтожающую и исчерпывающую критику этой аргументации дал Ленин. Он пишет: «*И самое небольшое размышление покажет всякому, что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил. В сущности, ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала»* ***предполагает*** *изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо* ***изобрести*** *новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр. и пр.*»[177]. И Ленин приходит к следующему выводу: «Итак: «*закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и*

[177] В. И. Ленин. Соч., т. 4, с. 130.

условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной»[178].

Остриё своей теории ренты Рикардо направил против землевладения, показав и доказав ненужность его для буржуазного производства, чем и обосновано требование (правда, не им самим выдвинутое) национализации земли. Однако полностью роль земельной собственности в образовании ренты им не выяснена, так как он признает только диференциальную ренту и отрицает существование абсолютной ренты. Таким образом, полной, исчерпывающей теории ренты Рикардо не дает.

Рассматривая закон стоимости как естественный закон, Рикардо проглядел, что и при капиталистическом способе производства этот закон модифицируется и действует как закон цен производства. Это заставило его отрицать абсолютную ренту. В самом деле, если стоимость сельскохозяйственных продуктов на худших землях распадается только на заработную плату и среднюю прибыль (о постоянном капитале мы не говорим, от него Рикардо абстрагируется), то места для ренты на этих землях нет, т. е. нет места для абсолютной ренты.

Рикардо блестяще доказал, как на основе закона стоимости происходит образование диференциальной ренты, но не мог доказать, как на его основе образуется абсолютная рента, а потому отрицал её существование. Рикардо опять очутился перед неразрешимым для него противоречием: согласно закону стоимости, абсолютная рента невозможна, а между тем она существует; ренту получают владельцы не только средних и лучших земель, но и худших, иначе эти земли не обрабатывались бы.

6. Рикардо о перспективе и тенденциях общественного развития

Движение доходов трех классов буржуазного общества. Проблема распределения исследуется Рикардо не только в статике, его интересует не только то, как в каждый момент происходит распределение национального дохода или общественного продукта.

Его больше всего занимает вопрос: как и в пользу какого класса «меняется распределение с развитием производительных сил общества». Как экономист производства par excellence, Рикардо только так и мог ставить эту проблему, уверенный в том, что распределение зависит от производства.

Исследуя распределение таким образом, Рикардо должен был заглянуть вперёд, наметить перспективу и тенденцию развития буржуазного общества

[178] В. И. Ленин. Соч., т. 4, с. 130.

(по Рикардо, общества вообще). Уверенный в том, что освоение земли происходило в таком порядке, что вначале были освоены лучшие земли, а затем худшие, Рикардо полагал, что так будет и впредь. Отсюда следует ряд выводов:

1) меновая стоимость сельскохозяйственных продуктов, определяемая трудом, применяемым на худших участках, будет расти;

2) возрастёт заработная плата, не реальная, так как она определяется минимумом средств существования, а номинальная;

3) однако рост заработной платы в денежном выражении означает, что ею поглощена будет бóльшая часть меновой стоимости товаров, следовательно, прибыль уменьшится;

4) рента будет расти. Это произойдет, во-первых, потому, что с каждым переходом к землям еще худшим в сравнении с теми, которые считались худшими до сих пор, последние начинают давать ренту, следовательно, увеличивается количество рентоносных земель; во-вторых, увеличится различие в плодородии между землями, которые раньше давали ренту, и теми, которые теперь подвергаются обработке как худшие, а потому прежние рентоносные земли теперь будут давать еще больше ренты.

Рикардо, как поборника безграничного развития производительных сил, беспокоила именно перспектива падения прибыли. В этом он предчувствовал границы развития производительных сил буржуазного общества, в котором видел, как мы знаем, форму развития всякого общества. «*Рикардо беспокоит то, — говорит Маркс, — что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства и одновременно как условием, так и побуждением к накоплению, угрожает опасность вследствие развития самого производства*»[179]. «*Высокая прибыль, — писал Рикардо, — благоприятствует накоплению капитала*»[180].

В законе тенденции нормы прибыли к падению Рикардо видел подтверждение правильности своего прогноза: норма прибыли падает и будет падать, потому что сельскохозяйственные продукты вздорожают, а это ведет к уменьшению доли прибыли в стоимости товара. Рикардо не мог понять, что закон тенденции нормы прибыли к понижению есть специфический закон капиталистического способа производства и выражает собой исторический, преходящий характер последнего.

Наиболее ценно в рикардовской теории распределения то, что она вскрывает противоположность интересов рабочего класса и класса капиталистов, а также то, что своим остриём она направлена против наиболее

---

[179] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 234.

[180] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 212.

реакционных элементов, против лендлордов. Доход капиталиста представлен как доход, который возможен лишь потому, что рабочие обречены на минимум средств существования, лишившись же этого минимума, они могут достигнуть его вновь ценой усиления смертности в своей среде. Интересы землевладельцев изображены как интересы, противоположные интересам всего общества: пока общество возделывает только хорошие земли, никакой ренты нет, она появляется лишь тогда, когда нужда заставляет общество переходить к возделыванию худших земель: рента растёт, как мы видели, и с увеличением необходимости в обработке все менее и менее плодородных земель. Предшественник Рикардо Андерсон видел в росте ренты признак увеличения общественного благосостояния и богатства; по Рикардо рента и её рост — ***детище общественной нужды***.

Всё же до корня противоположностей классовых интересов Рикардо так и не добрался. Хотя он не отрывает распределение от производства, но, исследуя, как мы видели, только распределение произведенного продукта, а не распределение самих средств производства, он видит вскрытые им противоположности в сфере распределения, не замечая их в самом производстве. Да и в сфере распределения «страдающей» фигурой оказывается капиталист: его доход уменьшается, тогда как доход рабочего, как мы видели, в конце концов реально не уменьшается.

Вопрос о реализации и кризисах перепроизводства. Отсутствие у Рикардо подлинного понимания противоречия капиталистического способа производства особенно сказалось в его воззрениях на реализацию и отрицание им возможности общих кризисов. В этой области он не подвинул классическую политическую экономию ни на шаг вперед; он остался при тех взглядах, которые развивали его предшественники ещё до промышленного переворота, в иной исторической обстановке.

Предшественники Рикардо в полемике против меркантилизма постоянно и настойчиво защищали тот тезис, что товар покупается на товар. Вначале целеустремлённость этого тезиса заключалась в том, чтобы показать, что деньги — орудие обращения, следовательно, они никого не обогащают. Но постепенно этот тезис стал приобретать и другие значения. На его основе воздвигали количественную теорию денег: если деньги — только орудие обращения, то всякий излишек их приводит к тому, что товары приводятся в движение при посредстве большего количества денег, а это выражается в подъёме их цены. Этот же тезис стали применять и для доказательства того, что перепроизводство всех товаров невозможно, так как одни товары предъявляют спрос на другие.

Дальше этих абстрактных и совершенно бессодержательных положений не идёт и Рикардо. Он пишет: «*Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги только служат орудием, посредством которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже оплачен капитал, затраченный на этот товар.* ***Но это не может случиться одновременно со всеми товарами***»[181].

Маркс показал и доказал, что ***возможность*** кризисов заложена уже в Т—Д—Т, так как вторая фаза обращения, Д—Т, не следует немедленно и не должна следовать за первой фазой, Т—Д. Поэтому тот, кто продаёт один товар, ещё не предъявляет спроса на другой, он пока заинтересован в превращении товара в деньги, которые могут быть использованы и используются для образования сокровищ, а также как средство платежа. Рикардо своим отрицанием кризисов доказал, как плохо понято им Т—Д—Т, т. е. как плохо поняты им самые простые отношения буржуазного общества. Не видя заложенной в Т—Д—Т возможности кризисов, Рикардо не видит их и тогда, когда они стали действительностью.

Уверенный, что продукты покупаются на продукты, Рикардо вполне последовательно отрицает возможность перепроизводства. Не тревожит его и вопрос о том, не будет ли чрезмерное производство превышать потребность. На это Рикардо отвечает, что потребности безграничны.

Ход мыслей Рикардо примерно таков: 1) потребности безграничны; 2) потребности могут быть удовлетворены и удовлетворяются при помощи производства; 3), следовательно, производство никогда не может превысить потребление. Правда, потребности как таковые значения не имеют. Необходим платежеспособный спрос, это прекрасно знает и Рикардо, но это не могло поколебать его позиции, ибо именно платежный спрос и создаётся производством: каждый произведённый продукт является платежным спросом на другой продукт. Может лишь случиться, что производство одних продуктов превысит производство других, но в таком случае результатом будет лишь частичный кризис. Всю эту премудрость вульгарный Сэй лапидарно выразил так: «*Известных продуктов слишком много, потому что не достаёт других*»[182].

Общее перепроизводство невозможно — это считалось чуть ли не аксиомой для всей классической политической экономии. Из этой «аксиомы»

---

[181] Д. Рикардо, Начала политической экономии, с. 184, выделение моё — Д. Р.

[182] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, 1896, с. 42.

делался тот вывод, что производство должно всячески поощряться. Но так как единственным поощрением является высокая прибыль, то неудивительно, что Рикардо сильно беспокоила, как мы видели, тенденция нормы прибыли к падению.

Характерно во всём суждении Рикардо то, что, с одной стороны, он понимает, что прибыль для капиталистического производства является «одновременно как условием, так и побуждением к накоплению»; с другой стороны, он рассматривает капиталистическое производство как производство для удовлетворения потребностей. Это противоречие проходит красной нитью по всей системе Рикардо; оно составляет её ахиллесову пяту, хотя в то же время придает ей целеустремлённость, мощь и даже своеобразный пафос. Считая капиталистическое производство производством для удовлетворения потребностей, а прибыль — стимулом к всё большему производству, Рикардо без всякого колебания, с глубоким убеждением защищает прибыль и накопление, ибо в них заинтересовано, по его мнению, всё общество. Это и заставляет его бесстрашно обнажать противоположности интересов основных классов буржуазного общества, отстаивать безграничное развитие капиталистического производства и требовать уничтожения всего, что мешает этому развитию. Но это также лишает его возможности раскрыть действительные противоречия капитализма во всей их глубине и полноте.

Глава X
Симонд де Сисмонди

Предварительные замечания. Классическая политическая экономия почти одновременно возникает в Англии и Франции и почти одновременно в обеих странах завершается. В Англии восходящая линия её развития — от Вильяма Петти до Давида Рикардо, во Франции — от Буагильбера до Сисмонди. Экономическая мысль одной страны влияла на экономическую мысль другой, и это влияние было зачастую довольно заметно. Припомним хотя бы влияние физиократов на Смита. Не подлежит сомнению и то, что и влияние английских классиков на французских экономистов было достаточно сильным. Но классическая школа во Франции имела ряд особенностей, отличающих её от английской классической школы. Эти особенности, отмеченные при сопоставлении воззрений Буагильбера и Петти, физиократов и Смита, ещё более резко проявятся при рассмотрении сисмондистской теории.

«*Если, — говорит Маркс, — в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свой последний вывод и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом её сомнения*»[183]. Приводя эту цитату, Ленин комментирует её так: «*Таким образом автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он* ***выдвинул вопрос*** *о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу*»[184]. Но, с другой стороны, «*все самостоятельные воззрения Сисмонди, который хотел также* ***ответить*** *на этот вопрос, признаются цитируемым автором ненаучными, поверхностными и отражающими его реакционную мелко-буржуазную точку зрения...*»[185].

Будучи глубоко убеждён в естественности буржуазных отношений, Рикардо берёт их как данные, однако не замалчивает их классового характера и классовых противоречий. Сисмонди острее видит эти противоречия и критикует их — и в этом его сильная сторона, — но он противопоставляет им мелкобуржуазные отношения, притом именно те, которые предшествовали капиталистическим. Поэтому, критикуя капитализм, Сисмонди в то же время выступает как мелкий буржуа и экономический романтик.

Как критик капитализма Сисмонди «поставил задачу дальнейшему анализу», следовательно, способствовал научному развитию политической экономии. Как мелкий буржуа и романтик он затруднял дальнейший анализ. Своей критикой он внес новую струю в политическую экономию, своими

---

[183] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 36.

[184] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 63.

[185] Там же.

позитивными воззрениями он положил начало мелкобуржуазному направлению в политической экономии и экономическому романтизму.

Рассмотрим Сисмонди в трёх аспектах: как критика капитализма, как романтика, отца экономического романтизма и как мелкобуржуазного экономиста. Но речь идёт о трёх внутренне спаянных сторонах одного и того же течения, названного Лениным ***сисмондизмом***. Родина этого течения — французская часть Швейцарии и Франция. «*В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии*»[186].

Распространяясь в разных странах, сисмондизм модифицировался применительно к условиям последних, включив в себя новые элементы. В дореволюционной России 90-х годов он воплотился в либеральное народничество, окончательно разгромленное Лениным.

В настоящей главе речь идет о сисмондизме в том виде, в каком он впервые появляется на исторической арене, вписав главу в историю политической экономии, главу, которая, с одной стороны, завершает классическую политическую экономию во Франции, а с другой — кладёт начало новому направлению, мелкобуржуазному и романтическому.

1. Сисмонди и его время

Экономическая и социально-политическая обстановка. Сисмонди, современник Рикардо, жил, как и последний, в эпоху промышленного переворота и первой буржуазной революции во Франции. Система воззрений Сисмонди — такой же продукт рассматриваемой эпохи, как и система Рикардо, но в них представлены разные классовые интересы, что обусловило различный их подход к событиям и фактам того времени. Это обусловило также различие в методе, логической структуре и целеустрёмленности этих систем.

В Швейцарии, на родине Сисмонди, ломка старого уклада происходила особенно болезненно. Швейцарцы, по выражению Энгельса, *«с настоящим животным упорством... отстаивали свою оторванность от всего*

[186] К. Маркс, Избранные произведения. т. 1, 1940, с. 159–160.

остального мира, свои местные обычаи, нравы, предрассудки, свою провинциальную ограниченность и замкнутость»[187].

Однако капитализм прокладывает себе путь и в этой «самобытной» стране. Промышленный переворот в Англии и революция во Франции вовлекают её в свой водоворот. В 1814 г. в Швейцарии было уже 700 бумагопрядильных машин. Вводятся механические веретена, число которых непрерывно растёт. В 1825 г. их было 300 тыс., в 1844 г. 660 тыс., а в 1850 г. — около миллиона. Происходят крупные изменения и в политическом строе Швейцарии. Отдельные революционные вспышки — то в одном кантоне, то в другом — превращаются благодаря французской революции в мощное движение, преобразующее и политическое устройство Швейцарии.

Революционные бои, в которых принимали участие и внешние силы — войска революционной и наполеоновской Франции, — уничтожили феодализм и нанесли сильнейший удар патриархальщине. Но швейцарский бюргер и крестьянин, боровшиеся против феодализма и олигархического режима, с ужасом увидели, что надвигается новая, ещё более страшная сила, сила капитала. Промышленный переворот и революция, уничтожившие феодализм, принесли в то же время разорение и нищету широким трудящимся массам. Победа капитализма над феодализмом была в то же время и победой крупного производства над мелким. Но даже в Англии, где капитализм продвинулся значительно дальше, чем в других странах, где казалось, что о возврате к старому не могло быть и речи, мечты о нем все-таки теплились, всячески подогревались и так или иначе проявлялись. В такой же стране, как Швейцария, тем более должны были возникнуть и действительно возникли мечты о задержке развития капитализма.

Они проявились в виде экономического романтизма.

«*Отличительной чертой той эпохи, когда писал Сисмонди, было быстрое развитие обмена (денежного хозяйства — по современной терминологии), особенно резко сказавшееся после уничтожения остатков феодализма французской революцией. Сисмонди, не обинуясь, осуждал это развитие и усиление обмена, нападал на «роковую конкуренцию», призывая «правительство защищать население от последствий конкуренции...»*[188]

Экономический романтизм — продукт целой эпохи, характеризуемой отличительной чертой, о которой говорит Ленин.

Краткая биография Сисмонди (1773—1842). Сисмонди родился в окрестностях Женевы. Отец его, влиятельный пастор, по происхождению

---

[187] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, с. 233.

[188] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 68–70.

принадлежал к женевской аристократии. Обстановка, в которой провёл свои детские годы будущий экономист, была консервативно-патриархальной, насыщенной романтикой.

Но в Женеве, одном из наиболее передовых кантонов Швейцарии, уже чувствовалось приближение революции. На родине Сисмонди были еще свежи воспоминания о жизни и деятельности знаменитого женевца Жан-Жака Руссо (1712–1778), влияние которого на Сисмонди сказалось очень рано. Об этом свидетельствует следующий эпизод: десятилетним мальчиком Сисмонди вместе со своими сверстниками «учреждает» республику и воздвигает памятник Руссо.

Впоследствии пути Руссо и Сисмонди значительно расходятся. Однако при всём различии во взглядах в них есть и черты сходства: и тот и другой, идеализируя старину, противопоставляют её современности. Руссо идеализировал первобытное состояние и порицал цивилизацию; Сисмонди идеализировал мелкое производство и порицал крупное капиталистическое производство. Сентиментализм и романтизм присущи им обоим; они оба черпают свои идеалы в окружающей их швейцарской патриархальной обстановке. Руссо увлекался «пастушеским» бытом обитателей альпийских долин, а Сисмонди — строем швейцарских ремесленников и крестьян. Но жили они в разные эпохи и принадлежали к разным социальным слоям. Руссо — настоящий плебей. Родившись в семье часовых дел мастера, он жил трудовой жизнью, полной всяких лишений. Сисмонди принадлежит к провинциальной знати, от предрассудков которой он никогда не смог освободиться.

В 1803 г. появляется книга Сисмонди «О коммерческом богатстве», где он полностью проводит идеи Смита. В 1819 г. появляется основной труд Сисмонди, доставивший ему громкую известность — его «Новые начала политической экономии». Если в «Коммерческом богатстве»[189] он ставит перед собой скромную задачу ознакомить французов со взглядами Смита, то в «Новых началах» «претензии» его совершенно иные. «*Но мои претензии, — заявляет он сам, — идут дальше: я полагаю, что построил политическую экономию на новых основаньях*».

2. Сисмонди как экономист

Общая характеристика социально-экономических воззрений Сисмонди. Вначале Сисмонди, объявив себя верным учеником Смита, примкнул к английским классикам, но затем стал в резкую оппозицию к ним.

---

[189] Полное название книги: «О коммерческом богатстве, или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству».

Если раньше он, как и другие экономисты того времени, был сторонником лозунга «laissez faire, laissez passer», то позже превратился в самого непримиримого его противника. В свободной конкуренции и в свободной игре личных интересов он видел корень всех зол и бедствий, против которых, по его мнению, можно бороться лишь при помощи вмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь, при помощи целой системы мероприятий, направленных к её регулированию.

Осуждая режим свободной конкуренции, Сисмонди противопоставляет ему цеховой строй средневековых ремесленников. Последние владели средствами производства, не зависели от отдаленного, неизвестного им рынка, они работали на заказчика или на близкий рынок. Не существовало деления на классы: ученики и подмастерья всегда могли рассчитывать стать мастерами. Ещё сильнее автор «Новых начал» идеализирует мелкое крестьянское хозяйство, которое называет патриархальным и которое противопоставляет крупному фермерскому хозяйству. В мелком производстве три фактора производства — труд, земля и капитал (Сисмонди, как и классики, отождествляет капитал со средствами производства) — соединены, в крупном производстве они разъединены. В первом — производство подчинено потреблению, во втором — потребление зависит от реализации произведенных товаров, которая не всегда удается.

Мелкое производство в промышленности и сельском хозяйстве — таков идеал Сисмонди. Но как его осуществить? Вернуться к старому? Он не мог не понимать, что невозможно воссоединить разъединившиеся факторы производства путем реставрирования старого. Социализма же он тоже не приемлет. О социалистах он пишет: *«Люди, отличающиеся больше гуманностью, чем знанием человеческого сердца и опытом, предложили под названием кооперативной системы совершенно новую организацию общества, где личный интерес заменяется интересами корпораций, основанных в целях выполнения всех необходимых для общества работ. Наиболее известный писатель этого направления — г. Оуэн из Ньо-Ланарка; он насчитывает много последователей в Англии, Франции и Америке»*[190]. Уклоняясь от критики по существу, Сисмонди заявляет: *«Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней»*[191].

Двойственная природа мелкого товаропроизводителя сказывается здесь наиболее ярко. Его идеолог Сисмонди — против капитализма с его свободной

---

[190] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 2, 1937, с. 175.

[191] Там же, с. 176.

игрой личных интересов, но он также и против социализма, заменяющего, по выражению Сисмонди, «личный интерес интересом корпораций». Личный интерес, без которого мелкое товарное производство существовать не может, должен быть сохранен, но его (личный интерес) надо как-то обуздать, поставить в рамки, соответствующие интересам именно мелкого производства.

Сисмонди с возмущением отводит обвинение в том, что он противник технического прогресса. И действительно, он не против технического прогресса, но развитие техники должно быть поставлено в рамки, соответствующие интересам мелкого производителя.

В противовес вульгарным экономистам, проповедовавшим гармонию интересов, Сисмонди не жалеет красок в описании противоречий капитализма. Но, полагая, что они обусловлены лишь свободной конкуренцией и безграничным ростом производства, он не считает эти противоречия имманентными товарному производству. Отсюда у него ряд «пожеланий», осуществление которых должно реформировать существующий строй: *«Я желаю, чтобы городское, как и сельскохозяйственное производство разбито было на большое число самостоятельных предприятий, а не концентрировалось вруках отдельных предпринимателей, распоряжающих с я сотнями и тысячами рабочих. Я желаю, чтобы собственность на мануфактуры... была разделена между большим числом средних капиталистов, а не соединялась в руках одного человека, владеющего многими миллионами. Я желаю, чтобы промышленный рабочий питал надежду, даже уверенность, что сделается соучастником в хозяйском деле, дабы он не вступал в брак, пока у него не будет пая в предприятии, и дабы он не старился, как теперь, без всяких надежд на повышение»*[192]. Для претворения в жизнь этих «пожеланий» Сисмонди предлагает ряд практических мероприятий, в осуществление которых он, впрочем, сам не верит. С горечью он заявляет: *«Сознаюсь, что, установив принцип, указав, в чем, по-моему, заключается справедливость, я затрудняюсь наметить способы его осуществления»*[193]. Эти мероприятия сводятся к установлению патриархальных отношений между предпринимателями и рабочими. Предприниматели должны заботиться о рабочих, должны обеспечить их существование и во время безработицы, и во время инвалидности, и в старости. Для этого предприниматели, объединившись в союзы, должны создать необходимые денежные фонды. Он также рекомендует привлечение рабочих к участию в прибылях предпринимателей.

---

[192] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 2, 1937, с. 176.

[193] Там же, с. 175.

Если Сисмонди как критик капитализма резко расходится с певцами буржуазной «гармонии», то как реформатор он скатывается к их же позициям. Предпосылкой предлагаемых им практических мероприятий является допущение того, что гармония интересов в буржуазном обществе всё же возможна. И различие между ним и вульгарными экономистами, в сущности, сводится к различию в средствах достижения её: те твердили, что гармония наилучшим образом осуществляется стихийно, игрой частных интересов; он же для её осуществления требовал вмешательства государственной власти. Мысль, что на основе частной собственности на средства производства гармония интересов невозможна, чужда как ему, так и его оппонентам.

В заключение остановимся на воззрениях Сисмонди по вопросу о народонаселении. Они важны для общей характеристики его концепции в целом.

Полемизируя против Мальтуса, он правильно указывает, что возможности размножения и действительное размножение — вещи различные, что действительное размножение происходит всегда при определённых общественно-исторических условиях. Не менее справедливо он подчеркивает неизбежность перенаселения в капиталистическом обществе, хотя и не вскрывает и не может вскрыть истинной причины этой неизбежности. Но свои правильные соображения он сводит на нет тем, что превращает их в опорные пункты для углубления и дальнейшего развития своей мелкобуржуазной концепции. Оказывается, что только обществу мелких производителей не грозит опасность перенаселения, ибо лишь в таком обществе производство людей, как производство вещей, приспособлено к доходам.

«*Таким образом, - формулирует Сисмонди свой взгляд, - рост населения регулируется исключительно размерами дохода, и если оно превышает эти размеры, то это всегда происходит оттого, что отцы семейств ошиблись в определении своего дохода, или, вернее, что общество обмануло их ожидания*»[194]. «Ожидания» их будут обмануты, по мнению Сисмонди, в обществе, где господствуют свободная конкуренция, чрезмерный рост производства и обусловленные ими кризисы. «Отцы», рассчитывая на определенный доход, увеличивают соответственно свое потомство; но, оказавшись обманутыми, т. е. лишившись частично или полностью своих доходов, они произвели лишних людей. Зато в обществе мелких производителей, где производство следует за спросом и доходы прочны (по крайней мере, их всегда можно предвидеть), излишка населения нет и быть не может.

---

[194] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 2, 1937, с. 124.

Методология автора «Новых начал». Сисмонди так определяет предмет политической экономии: «*Материальное благосостояние людей, поскольку оно зависит от государства, составляет предмет политической экономии*»[195].

Английские классики, а также физиократы изучали хозяйственные процессы как естественные процессы, т.е. как процессы, которые совершаются стихийно, спонтанно. Сисмонди ставит себе задачей изучать эти процессы как процессы, регулируемые и направляемые правительством. Смита и Рикардо интересовало, как производится богатство в современном им обществе, как оно обращается и распределяется; Сисмонди интересует, как правительство ***должно*** направлять производство, руководить производством, обращением и распределением богатства. И это вполне согласуется с его общей концепцией, отвергающей laissez faire и требующей государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Определяя таким образом предмет и задачу политической экономии, Сисмонди превращает её из науки казуальной, изучающей причинную связь явлений, в науку нормативную, вырабатывающую этические нормы, в соответствии с которыми должна развиваться хозяйственная деятельность людей. Но где искать основы для этих норм? В потребностях людей, отвечает Сисмонди. Отсюда возражения его и против метода английских классиков, особенно Рикардо. Он упрекает их в том, что они абстрагируют богатство от человека, а производство от потребления. Они якобы «*...бросились в абстракции, забывая о человеке, которому принадлежит все богатство и который должен им наслаждаться. В их разработке наука носит столь спекулятивный характер, что кажется оторванной от всякой практики*»[196].

На самом деле, если политическая экономия, исходя из потребностей людей, должна выработать нормативы хозяйственной деятельности, то действительно нужен метод иной, а не тот, который применял Рикардо, упускающий «из вида человека, которому принадлежит богатство и который должен им пользоваться». Но Рикардо совсем не повинен в тех «преступлениях», в которых обвиняет его автор «Новых начал». В буржуазном обществе Рикардо не находил того «человека», о котором говорит Сисмонди, а нашел классы — лендлордов, капиталистов, наёмных рабочих. Лендлорды, согласно самому Сисмонди, приобрели такое колоссальное богатство, что не в состоянии его употребить; капиталисты используют своё богатство как

---

[195] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 1, с. 148.

[196] Там же, с. 169.

капитал, с целью создавать ещё больше и больше капиталов, а рабочие обречены на минимум средств существования. Всё это Сисмонди хорошо знает. Более того, вопрос о противоречиях капитализма он ставит гораздо острее, чем Рикардо. Но реально существующим классам с их реальными интересами автор «Новых начал» противопоставляет ***идеализированного человека*** и предлагает политической экономии заняться этой идеализацией, сделать её предметом своих исследований.

Поэтому обвинения английских классиков в абстрактности брошены Сисмонди не по адресу, притом они рикошетом бьют по самому обвинителю. Рикардо при помощи абстракции выделяет характерное и типичное в современном ему обществе с целью лучше его познать. Сисмонди, наоборот, благодаря своей абстракции удаляется от современного ему общества, погружается в давно минувшие дни и, абстрагируя «светлые» стороны от темных, создает свой идеал, которым должны руководствоваться государственные люди, регулируя хозяйственную деятельность в буржуазном обществе. Сисмондистский «человек» — это идеализированный мелкий производитель, являвшийся центральной фигурой в докапиталистическую эпоху и отчасти сохранившийся на родине Сисмонди, в Швейцарии.

Сисмонди вносит в политическую экономию мелкобуржуазную ограниченность и романтизм, и это — один из важнейших пороков методологии его «Новых начал». Объективизму английских классиков, сбивавшемуся на «точку зрения апологета» буржуазных отношений, Сисмонди противопоставляет не материализм, включающий в себя, как учит Ленин, партийность (партийность пролетариата), а субъективизм и идеализм, включающие в себя партийность мелкобуржуазную, тянувшую не вперёд, а назад. Эта партийность была реакционной по сравнению с партийностью Рикардо. Защищая развитие буржуазных отношений, Рикардо защищал вместе с тем и развитие производительных сил. Сисмонди, отстаивая неразвитые буржуазные отношения, должен был требовать торможения развития производительных сил.

Однако у Сисмонди есть и большие заслуги. Враждебно настроенный против крупнокапиталистической собственности, он ярко и рельефно рисует противоречия, при наличии которых концентрируется и растёт эта собственность. Такой критический и полемический подход к капитализму был для того времени значительным шагом вперед. Но, защищая и идеализируя мелкобуржуазную собственность, Сисмонди не заметил и не мог заметить, что противоречия капитализма уже заложены в простом (мелком) товарном производстве, что последнее ежечасно, ежеминутно и в массовом масштабе выделяет капитализм. Следовательно, отделяя китайской стеной развитые

буржуазные отношения от неразвитых, он отрезал себе путь к правильному пониманию и тех и других.

«*Сисмонди, - говорит Ленин, - восставая против крупного капитала, т.-е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т.-е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме*»[197].

Возводя в апофеоз мелкого производителя, Сисмонди в значительной мере сделал бесплодной свою критику капитализма. Бросается в глаза резкий контраст между его критикой и теми выводами. которые он из неё делает. Как критик он написал немало ярких страниц, с большой силой рисующих тёмные стороны капитализма, а в своих выводах он сочинил немало бесплодных, утопических и даже реакционных проектов по оздоровлению критикуемого им общества. Как критик он обладает зорким глазом, талантом большого наблюдателя, он подмечает то, что для других осталось бы незамеченным; выводы же его наивны, беспомощны. Но этот контраст — не случайность. Это — своеобразный стиль, особенность метода, обусловленного двойственной природой мелкого товаропроизводителя. Для того, кто сочетает критику капиталистического производства с защитой мелкого производства, такое «***раздвоение единого***» неизбежно.

Примат потребления над производством. Рикардо в центре внимания ставит проблему распределения, но исследование начинает с определения стоимости рабочим временем, справедливо полагая, что именно это даст ему ключ к пониманию «физиологии» буржуазного общества, следовательно, и к решению проблемы распределения. Сисмонди также выдвигает на первое место проблему распределения, но ключ к решению её он ищет в природе человека как существа потребляющего. Если Рикардо — экономист производства par excellence, то Сисмонди — экономист потребления par excellence.

Вся система Рикардо базируется на теории трудовой стоимости, «Новые начала» Сисмонди — на его учении о примате потребления над производством. Правда, и Сисмонди твёрдо держится теории трудовой стоимости, более того, он лучше других оттенил общественный характер труда, создающего стоимость. Маркс пишет: «*В прямой полемике с Рикардо* ***Сисмонди*** *подчеркивает специфически общественный характер труда, создающего меновую стоимость, и отмечает как «характерную черту нашего экономического прогресса» то обстоятельство, что величина стоимости*

[197] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 62–63.

сводится к ***необходимому*** *рабочему времени, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которое достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность»*[198].

Все же не теория трудовой стоимости является исходным пунктом и основой воззрений Сисмонди. *«Рождаясь, - говорит он - человек приносит с собою в этот мир потребности, которые он должен удовлетворять, чтобы жить, желания, которые заставляют его находить счастье в известных удовольствиях, и способность к труду, которая дает ему возможность удовлетворять те и другие. Способность к труду — источник его богатства, а желания и потребности дают направление использованию этого богатства»*[199]. Это положение он формулирует ещё и так: «*Благое провидение вложило в человеческую природу и потребности и страдания, ибо они* ***поощряют нас к деятельности и к развитию*** *всех наших сил. Если бы удалось устранить из жизни страдания, мы устранили бы этим также и добродетель»*[200].

Смит и Рикардо тоже исходят из природы человека, но их человек — это хозяйствующий, т. е. производящий и торгующий человек. Для Сисмонди человек — прежде всего существо потребляющее; человек производит лишь в той мере, в какой это диктуют ему его потребности. Поэтому производство в «нормальном» обществе не может быть безграничным, так как к такому производству нет стимулов. Классифицируя потребности в зависимости от степени их насущности, Сисмонди находит, что не всякая потребность является достаточным побуждением к труду, особенно в тяжелому. «*Если бы, рабочим в вознаграждение за их упорный труд, который длится, как теперь, двенадцать-четырнадцать часов в сутки, предложили мишуру богатой жизни, каждый из них согласился бы иметь поменьше роскоши и побольше досуга, поменьше побрякушек и побольше свободы»*[201].

Только в «ненормальном» обществе, каким Сисмонди считает современное ему общество, может иметь место безграничное производство, являющееся в свою очередь причиной к дальнейшему развитию и углублению неравенства. В таком обществе производство определяется потребностями тех, кто но работает, которым не стоят никакого труда те материальные блага, при помощи которых они удовлетворяют свои желания и даже прихоти. *«Роскошь возможна, — говорит Сисмонди, — лишь тогда, когда она приобретается за*

---

[198] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 35–36.

[199] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 1, с. 171.

[200] Там же, с. 149, выделение моё — Д. Р.

[201] Там же, с. 180.

счет чужого труда». И далее: «*...безграничное увеличение производительности труда может иметь своим следствием лишь увеличение роскоши и наслаждений праздных. богачей*»[202].

Счастье как отдельного человека, так и общества в целом не в развитии производства и производительных сил, а в правильном использовании созданного богатства и справедливом его распределении. Сисмонди, как мы уже указывали, не противник технического прогресса вообще. Он часто горячо высказывается за развитие техники и осуждает отсталость и застой, но, перемещая центр тяжести из производства в потребление и понимая взаимоотношения между ними слишком упрощенно, он ставит технический прогресс в такие узкие рамки, что оно равносильно отказу от него[203].

Место теории стоимости в концепции Сисмонди. Для Смита и Рикардо закон стоимости есть закон, регулирующий хозяйственную деятельность «homo economicus». По Сисмонди, закон этот **должен** обеспечить «потребляющему человеку» удовлетворение потребностей в соответствии с его трудовыми затратами. В обществе, основанном на обмене — а Сисмонди, как и английские классики, другой формы общества не признает, — потребности отдельных индивидов удовлетворяются при помощи всего совокупного труда всех индивидов, а это достигается благодаря обмену. Поэтому меновая стоимость товаров должна определяться количеством труда, потраченного на их производство.

Своей теории трудовой стоимости, как и всей своей концепции, Сисмонди придал потребительский оттенок. Это особенно сказывается на его определении общественно-необходимого труда, которое он сводит, как мы видели, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которое достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность». Здесь правильно подчеркнут общественный характер труда, создающего стоимость, но выпячен потребительский момент. Сисмонди можно считать

---

[202] С. де Сисмонди. Новые начала политической экономии, т. 1, с. 180–181.

[203] Вот те рамки, которые намечает Сисмонди: «*...когда спрос на потребление превышает средства производства в руках населения (les moyens de produire de la population), каждое новое открытие в механике и технике является благодеянием для общества, так как дает возможность удовлетворить существующие потребности. Когда же, наоборот, производство полностью покрывает нужды потребления, всякое подобное открытие при нашем современном строе становится бедствием... И тогда можно было пожалеть о прогрессе цивилизации, который, содействуя скоплению большего числа людей на одном и том же пространстве, только усиливает их нужду... Думается, право, что среди стольких страданий можно было бы воздержаться от поощрений тех, кто в данный момент, по крайней мере, может только увеличить эти страдания*» (С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 2, с. 153, 158, 160).

родоначальником так называемой потребительской версии в определении общественно-необходимого труда. Согласно этой версии, в противоположность другой, называемой технической или производственной версией, общественно-необходимый труд определяется не существующей в данном обществе и в данное время средней интенсивностью и производительностью труда, а тем, насколько он необходим для удовлетворения общественной потребности. Не вдаваясь в разбор этих версий, мы лишь отмечаем, что у Сисмонди потребительская версия вытекает из признания примата потребления над производством.

Вообще теория стоимости у Сисмонди не играет такой роли, как у Рикардо и даже у Смита, ещё и по следующим соображениям: английские классики пытались формулировать этой теорией закон, лежащий в основе всей экономической жизни буржуазного общества, которое развивается стихийно, спонтанно. Сисмонди, согласно своей ***нормативной*** точке зрения, своим требованиям регулирования хозяйственной жизни государством, не ставит и не мог ставить перед теорией стоимости такой задачи. Однако теория трудовой стоимости играет у Сисмонди важную роль: если он не нуждается в ней для обоснования стихийно действующих экономических законов, то она ему нужна для того, чтобы провести резкую грань между трудовыми и нетрудовыми доходами. Сисмонди несравненно резче, чем Смит, ставит вопрос о прибыли и ренте как вычетах из продукта труда рабочего, местами квалифицируя их как результат ограбления трудящихся.

Сисмонди упрекает английских экономистов в том, что они абстрагируются от живого человека, что их Homo economicus — лишь орудие игры стихийно действующих экономических сил, в то время как интересы живого человека требуют обуздания этих сил. Но энергично отстаивая живого человека, Сисмонди в то же время исходит в своих исследованиях из совершенно бессодержательной «истины», утверждая, что «человек приносит с собою в этот мир потребности» и что именно потребности заставляют человека производить. Рассматривая потребности абстрактно, он понимает их и чисто физиологически: человек, ***рождаясь,*** уже приносит их с собой. Поэтому, хотя он утверждает, что потребности развиваются, и констатирует различие между потребностями первобытного человека и современного, но совершенно не интересуется тем, каким образом и в силу чего потребности людей развиваются. Не отвечая на этот вопрос, Сисмонди оставляет без ответа и вопрос о причинах роста и развития производства.

Между тем рост и характер потребностей определяются развитием производства и производительных сил; само производства **порождает** новые потребности.

«*Производство, — говорит Маркс, — не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность*». И дальше: «*Предмет искусства, — а также всякий другой продукт, —* ***создаёт публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой****. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта,* ***но также и субъект для предмета***»[204].

Хозяйство изолированного человека и меновое хозяйство. Сисмонди не забывает и историю, но его «история» начинается с Робинзонады, принадлежащей «*к лишённым фантазии выдумкам XVIII века*» (Маркс). Этим «выдумкам» автор «Новых начал» посвящает целую главу под названием «Богатства изолированного человека». В этой главе подробно разбирается, как и в каком порядке изолированный человек удовлетворяет свои потребности, сперва наиболее насущные, а затем и менее важные, словом, «доказывается», что двигают производство потребности.

Переходя от изолированного человека к обществу, Сисмонди заявляет: «*История этого человека (т. е. изолированного — Д. Р.) есть история всего рода человеческого*». И далее: «*Всё, что верно для отдельного лица, верно и для целого общества, и обратно*». Однако он вынужден сделать следующее признание: «*Но возникновение богатства или бедности отдельного человека уразуметь легко, между тем как обмен, беспрестанно перемещая богатство в обществе, вносит некоторую неясность в эту проблему и превращает богатство из реального предмета в предмет почти метафизический*»[205].

Для анализа богатства такого общества, в котором господствует обмен, знание богатства изолированного человека ничего не даёт, что косвенно признаёт, как мы видим, и сам Сисмонди. Предстояло совершить salto mortale, и Сисмонди его совершает. Этот «отчаянный прыжок» совершают и простейшие сисмондистские категории: ***производство и потребление.*** Первое перевоплощается в категорию ***предложение***, а второе — в категорию ***спрос.***

От производства и потребления (в упрощённом сисмондистском понимании) до предложения и спроса — дистанция огромного размера. Робинзон никому не предлагает произведенных им продуктов и не зависит от спроса других Робинзонов, тогда как товаропроизводитель произведенные им товары ***предлагает*** другим, а другие должны ***предъявлять*** на них спрос. Но salto mortale совершён: отношение между производством и потреблением превратилось в отношение между предложением и спросом. Как у

---

[204] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 142, выделение моё — Д. Р.

[205] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 1, с. 172, 173.

изолированного человека потребление идет впереди производства, так в обществе товаропроизводителей спрос должен предшествовать предложению.

Став на эту позицию, Сисмонди атакует Сэя — Рикардо, стоящих на противоположной позиции. Они утверждают, что предлагать одни товары — значит предъявлять в то же время спрос на другие товары; следовательно, предложение является и спросом. Как же Сисмонди опровергает этот тезис, не менее «простой» и «очевидный», чем его тезис о потреблении, долженствующем предшествовать производству?

Вскрыть настоящий порок теории реализации своих противников Сисмонди так и не удалось. С одной стороны, он её просто осуждает, потому что она поощряет безграничное производство, которое он, как мы знаем, полностью отвергает. С другой стороны, основной тезис осуждаемой им теории он, по существу, принимает, но интерпретирует его иначе. Оппоненты Сисмонди делали из этого тезиса тот вывод, что предложение ***создаёт*** спрос, или оно ***равносильно*** спросу. Сисмонди же делает другой вывод: раз товары покупаются на товары, то покупатель уже заранее ***должен иметь свой товар***, чтобы купить чужой. Следовательно, не предложение создает спрос, а спрос делает возможным предложение. Этому выводу он придаёт ещё такую обобщающую формулировку: продукты какого-либо года покупаются на продукты предшествующего года, так как последние являются той покупательной силой, при помощи которой могут быть приобретены все вновь произведенные продукты[206].

Далее, Сисмонди полностью воспринял «догму Смита», согласно которой стоимость товаров разлагается на доходы. Следовательно, покупка товаров на товары сводится к покупке товаров на доходы. И окончательный вывод Сисмонди гласит: размер производства должен находиться в соответствии с размерами доходов, ибо товары покупаются на доходы. Но тут Сисмонди совершает новый прыжок, на этот раз из общества простых товаропроизводителей в капиталистическое общество; ведь только в последнем товар или его стоимость распадаются на доходы. Каким образом простое товарное производство превращается в капиталистическое, этот вопрос для него не существует. Впрочем, между обществом простых товаропроизводителей и обществом капиталистическим он видит лишь ***количественное*** различие, а отнюдь не ***качественное***. Поэтому отношение

[206] Мы не останавливаемся на несуразности утверждения, будто продукты каждого года служат не для личного и производительного потребления в этом же году, а являются лишь покупательной силой для приобретения продуктов следующего года. Дело не в этом, а в той идее — центральной в «Новых началах», — которую Сисмонди развивает, а именно, что покупательный спрос должен предшествовать предложению.

спроса и предложения, предполагающее только обмен (и сам Сисмонди начинает с обмена), у него незаметно превращается в отношение распределения и производства, т. е. в отношение, предполагающее наемный труд и капитал.

Постановка проблемы распределения у Сисмонди. Для Сисмонди проблема распределения — проблема и теоретическая, и этическая. Не при всяком распределении хозяйство может развиваться и развивается планомерно, без перебоев, без потрясений, — такова теоретическая суть проблемы. Этическая её суть заключается в том, что распределение должно доставить счастье каждому ***соответственно его положению.***

Сисмонди направляет остриё своей критики против капиталистического распределения, считая его несправедливым, причиной всех неурядиц и бедствий. Он чувствует противоречия капитализма. но воспринимает их в той форме, в которой они проявляются в сфере распределения, *«...не понимая, что отношения распределения представляют лишь производственные отношения sub alia specie [в другой форме]»*[207].

Не понимая этого, Сисмонди делает проблему распределения краеугольным камнем политической экономии и экономической политики. Исследуя распределение, он хочет вскрыть причину неустойчивости капиталистической системы, особенно причину кризисов; а воздействием на распределение со стороны государства он хочет лечить буржуазное общество от тяжелых недугов. Но, став на ложную позицию, он оказывается бессильным и в той, и в другой области. «*Он (Сисмонди — Д. Р.), - говорит Маркс, - метко* ***отмечает*** *противоречия буржуазного производства, но он их не* ***понимает*** *и поэтому не понимает также процесса их разрешения*»[208]. А как реформатор *«...он часто ищет спасения в прошлом; он становится laudator temporis acti [хвалитель прошлого] и хотел бы также ослабить противоречия путем установления правильного отношения между доходом и капиталом, или между распределением и производством...»*[209]

Сисмонди, критикуя распределение, существующее в буржуазном обществе, вместе с тем полагает, что это распределение можно изменить, не изменяя самого способа производства. Стоит, мол, лишь убедить людей в том, что не они существуют для производства, а производство для них. Но кого убеждать? Капиталист скажет, что производство вполне соответствует его потребностям в производстве прибавочной стоимости и накоплении капитала.

---

[207] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 39.

[208] Там же, с. 39–40.

[209] Там же, с. 39–40.

Лендлорд скажет, что и он, в общем и целом, не возражает против буржуазного способа производства, что у него только семейная ссора с его партнером-капиталистом из-за того, кому должна доставаться бóльшая часть прибавочной стоимости, — он убеждён, что именно ему. А пролетарий заявит, что он сам протестует против того, что его поработили и к тому же превратили в придаток к машине для выколачивания из него же большей прибавочной стоимости; но чтобы изменить это положение, надо уничтожить власть капитала и заменить буржуазный способ производства социалистическим, при котором, действительно, не трудящиеся существуют для производства, а производство — для них.

Рикардо, опираясь на свою теорию стоимости, изучает то распределение, которое он находит в буржуазном обществе, и при помощи абстракции исследует его в наиболее чистом виде; поэтому, применяя абстрактный метод, Рикардо всё же остается вполне конкретным исследователем, исследователем именно буржуазного производства и распределения, несмотря даже на то, что, будучи буржуазным экономистом, он полагает, что такое распределение естественно и вечно. Сисмонди критикует существующее распределение, и в этом его преимущество. Но, абстрагируя его от буржуазного способа производства и не понимая, что отношения в сфере распределения являются лишь другим выражением (другой стороной) отношений в сфере производства, автор «Новых начал» становится на идеалистическую и романтическую позицию, делая шаг назад по сравнению с критикуемыми им английскими классиками.

В оценке трудовых и нетрудовых доходов Сисмонди идет гораздо дальше английских классиков. Он пишет: «*Вознаграждение предпринимателя часто является не чем иным, как* ***ограблением рабочего****. Предприниматель получает это вознаграждение не потому, что его предприятие приносит много больше, чем стоит производство, а потому, что он не уплачивает всего, что оно стоит, потому, что рабочие не получают за свою работу достаточной платы*»[210].

И ренту Сисмонди характеризует как доход, получающийся вследствие того, что рабочие лишились земли и вынуждены платить за пользование её производительной силой владельцам её.

Что касается заработной платы, то Сисмонди считает, что она держится на низком уровне и имеет тенденцию к все большему и большему снижению в результате введения машин и концентрации капиталов. В этом пункте он

---

[210] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 1, с. 187, выделение моё — Д. Р.

совершенно расходится со Смитом, полагавшим, что с ростом богатства растет и заработная плата. В актив Сисмонди следует вписать и то, что он со всей резкостью выступил против господствовавшей в то время пресловутой «теории компенсации», согласно которой рабочие, вытесненные машиной из производства, вскоре находят работу, с одной стороны, благодаря общему расширению производства, а с другой — благодаря появлению новых отраслей хозяйства. Он опровергает также утверждение «гармонистов», что рабочие выигрывают от введения машин, потому что удешевляются промышленные изделия. Для рабочего, лишившегося работы или потерявшего часть своего дохода в результате снижения заработной платы, удешевление продуктов не утешение, как справедливо указывает Сисмонди. Он непоколебимо держится того убеждения, что от технического прогресса и роста богатства рабочие обычно только проигрывают.

Противоречия капитализма и неизбежность кризисов. В «Новых началах» действительно новым и ценным является то, что кризисы рассматриваются как явление не случайное, а неизбежное для капитализма, и что они обусловлены противоречиями этой системы хозяйства. Правда, основного противоречия капиталистического способа производства — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения — Сисмонди не вскрыл, следовательно, не вскрыл и основной причины кризисов; практическое же значение своей теории кризисов он обесценил мелкобуржуазными и романтическими выводами. Всё же своей теорией кризисов Сисмонди сказал новое для того времени слово и — что особенно важно — поставил на обсуждение то, что современные ему экономисты считали не подлежащим дискуссии. Естественность и вечность буржуазных отношений они считали аксиомой для политической экономики. Сисмонди подверг сомнению эту аксиому, показав, что противоречия капитализма приводят к таким потрясениям всего общества, как кризисы.

Основное противоречие капитализма, по Сисмонди — это противоречие между производством и потреблением. Этого противоречия нет в хозяйстве Робинзона, его нет и в обществе мелких товаропроизводителей, — оно возникает с появлением крупного производства. Во-первых, самое появление крупного производства, знаменуя собой разорение мелких производителей, сокращает их доходы, а следовательно, и их потребление. Во-вторых, дальнейший рост крупного производства приводит к ещё большему ухудшению положения трудящихся, в особенности к уменьшению дохода рабочего класса и его потребления. Наконец, в-третьих, по сравнению с ростом богатства падает потребление и богатых классов. Та часть богатства, которая идет на

личное потребление, уменьшается по сравнению с той, которая используется для дальнейшего производства.

Все это, по Сисмонди, приводит к извращению естественного хода вещей: производят не для потребления, а ради производства; производство становится самоцелью.

Это противоречие проявляется наиболее остро в трудностях сбыта и особенно в кризисах. Мы уже знаем, что тезис своих противников о том, что товары продаются за товары, Сисмонди превратил в тезис: товары покупаются на доходы. Следовательно, уменьшение доходов в связи с ростом производства исключает реализацию общественной продукции; точнее, невозможно продавать ту часть товарной массы, на которую предложение превышает спрос, определяемый доходами.

«*Производство, — говорит Сисмонди, — прекращается, как только оно перестает приносить доход*».

Это положение Сисмонди повторяет на разные лады и направляет его острие против своих оппонентов. «*...**Производство**, - продолжает он, - **должно соразмеряться с социальным доходом**, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать этот доход, толкают нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству*»[211].

Тезис, гласящий, что товары покупаются на доходы, воспроизводит в, так сказать, расширенном масштабе «догму Смита», будто стоимость товаров распадается только на доходы. В этом тезисе забвение постоянного капитала выражается в том, что опущен также и тот факт, что покупаются не только предметы личного потребления, но и средства производства. Такая трактовка «догмы Смита» принадлежит только Сисмонди.

Сисмонди вслед за Смитом делит капитал на основной и оборотный. Но потребительская точка зрения и крестьянский кругозор[212] не дают ему возможности оценить и учесть эти факты при разработке всей концепции в целом. «*Таким образом, - пишет Ленин, - из отождествления дохода с «производством» (т.е. всем тем, что произведено) вытекает отождествление реализации с потреблением **личным**. О том, что реализация таких, напр., продуктов, как железо, уголь, машины и т.п.,*

---

[211] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 1, с. 187, выделение моё — Д. Р.

[212] «*Сисмонди, — говорит Ленин, — прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина...*» (В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 19).

вообще средств производства, происходит иным путем, — Сисмонди уже забыл, хотя раньше вплотную подошел к этому»[213].

Выдвигая тезис, согласно которому товары покупаются на доходы, а доходы с ростом производства сокращаются, Сисмонди, во-первых, доказывает неизбежность не периодических кризисов перепроизводства, а перманентного кризиса. Во-вторых, его тезис находится в противоречии с тем, что происходит в действительности и что он сам констатирует: производство должно соответствовать доходам, а между тем оно расширилось и расширяется, несмотря на то что доходы сокращались и сокращаются. Как это могло случиться и как это вообще возможно?

Ясного и прямого ответа на этот вопрос мы у Сисмонди не находим. Но из всех его суждений и высказываний вытекает, что накопление ещё возможно при наличии 1) мелких производителей и 2) внешнего рынка. Отсюда он делает вывод: уничтожение мелкого производства всё более затрудняет реализацию, сужает рынок. Он пишет: *«...мелкие торговцы, мелкие промышленники исчезают, и сотни их заменяет один крупный предприниматель; может быть, они все вместе не были так богаты, как он. Тем не менее они, вместе взятые, были лучшими потребителями, чем он. Его роскошь дает гораздо меньшее поощрение индустрии, чем умеренное довольство тех ста хозяйств, которые он заменил»*[214]. А в другом месте он это положение заостряет еще сильнее: «*Вследствие концентрации имущества у небольшого числа собственников,* ***внутренний рынок всё более и более сокращается*** *и промышленности всё более и более* ***приходится искать сбыта*** *на внешних рынках*». Но перспектива внешнего рынка, по признанию самого Сисмонди, довольно неутешительна, ибо *«...наступает, наконец, эпоха, когда весь цивилизованный мир образует один рынок и когда нельзя уже будет в какой-либо новой нации приобретать новых покупателей. Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной (precise), которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой»*[215].

Сисмонди является родоначальником наиболее распространенного варианта так называемой теории «третьих лиц», согласно которой капиталистическое производство может развиваться лишь при наличии мелких производителей (другой вариант этой теории, как мы увидим ниже, развил Мальтус). Под внешней торговлей Сисмонди, как видно из приведённой

---

[213] В. И. Ленин. Соч., т. 2, с. 21.

[214] С. де Сисмонди, Новые начала политической экономии, т. 2, с. 158.

[215] Там же, с. 152.

цитаты, понимает не торговлю между капиталистическими странами, а торговлю между капиталистическими и некапиталистическими странами или странами, слабо развитыми в капиталистическом отношении, т. е. с такими, где ещё не разрушено мелкое производство.

Эта теория подхвачена была русскими сисмондистами для доказательства того, что развитие капитализма в России невозможно и вредно, так как это приведет к уничтожению мелкого производства, а на внешний рынок Россия рассчитывать не может, ибо он уже захвачен теми странами, которые раньше вступили на путь капиталистического развития.

Всесторонней критике подверг сисмондистскую теорию Ленин и, противопоставив ей учение Маркса о реализации и кризисах, развил это учение дальше. Разоблачив мелкобуржуазную и романтическую концепцию Сисмонди, Ленин показал, что, находясь во власти этой концепции, автор «Новых начал» не видел, как само капиталистическое производство создаёт рынок; он не видел, что производство ради производства, являясь одним из противоречий капитализма, вместе с тем характеризует и прогрессивные тенденции крупного капиталистического производства — рост производительных сил, на базе которого создается возможность уничтожения власти капитала и построения социализма. Ленин выявил реакционность сисмондистской теории реализации и кризисов, которая тянет назад, к увековечению отсталого мелкого производства, ежеминутно и ежечасно порождающего капитализм. Сисмонди справедливо концентрировал внимание на недопотреблении масс вследствие падения их доли в национальном доходе. Им правильно подчеркнута также анархия в современном ему обществе. Но всей глубины этих противоречий он не понял, как не понял, что и недопотребление масс, и анархия являются формами более глубокого и более общего противоречия, противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
ВУЛЬГАРНАЯ ЭКОНОМИЯ

Различие между вульгарной и классической экономией. И классики, и вульгарные экономисты — идеологи буржуазии. Но между теми и другими дистанция огромного размера. Гранью, отделяющей вульгарную экономию от классический, является степень развития классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. «*Поскольку, — говорит Маркс, — политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях*»[216].

Правильность этого положения подтверждается историей политической экономии. «*Возьмем, — продолжает Маркс, — Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы*»[217].

По мере же того, как классовая борьба выходит из скрытого состояния и начинает принимать угрожающие для буржуазии формы, буржуазная политическая экономия перестает быть научной, даже в ограниченных рамках. Она становится вульгарной и апологетической.

Маркс точно устанавливает и время смены классической политической экономии вульгарной:

«*В 1830 году наступил кризис, которым все было решено одним разом.*

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой...»[218].

---

[216] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 18.

[217] Там же.

[218] Там же, с. XIX.

Маркс не только вскрыл причину появления вульгарной экономики, но и дал исчерпывающую характеристику целеустремленности вульгарных экономистов.

Но вульгарные экономисты скрывают свою целеустремленность, рядятся в тогу объективных исследователей, кричат о «беспартийности» науки, всячески стараясь придать «предвзятой, угодливой апологетике» наукообразный вид, вид «научных» теорий. Задача марксистской критики — вскрыть классовый смысл этих теорий и их псевдонаучный характер.

Разнообразие форм вульгарной экономии и её эволюции. Вульгарная экономия отличается большим разнообразием форм. С момента ее возникновения до наших дней она неоднократно меняла свои формы. В каждую эпоху, как и в наше время, она делится на разные «школы», течения, направления. По мере того, как развивались и обострялись противоречия капитализма, вульгарной экономии давались разные «социальные заказы», к ней предъявлялись разные требования. Притом, несмотря на то что буржуазия противостоит пролетариату как единый класс, она, тем не менее, делится на борющиеся и конкурирующие между собой группы. Она делится на национальные группы, борющиеся за гегемонию на мировой арене и мировом рынке; она делится на группы и фракции и внутри отдельных стран, отдельных наций (в многонациональных государствах), оспаривающие друг у друга «право» на руководство делами всего государства или нации.

Характеризуя вульгарную экономию своего времени, Маркс указывает, что «*...она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире — лучшем из всех миров — и объявляет эти представления вечными истинами*»[219]. А по мере того, как эти «затасканные и самодовольные представления» модифицировались, пришлось модифицировать и «вечные истины». В устах, скажем, Сэя, Бастиа и вообще вульгарных экономистов первой половины XIX в. они звучат иначе, чем у вульгарных экономистов второй половины того же века; они модифицированы также у вульгаризаторов и апологетов наших дней, хотя все они уверяли и уверяют, что буржуазный мир— наилучший из миров.

Кроме этой основной задачи, у вульгарной экономии была и осталась еще одна задача: она должна, по выражению Маркса,

[219] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 39.

«*...растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа*»[220].

И «грубейшие явления экономической жизни» претерпевали значительные изменения — вспомним хотя бы изменения, происшедшие с переходом к империализму, — следовательно, надо постоянно «их приспосабливать к обиходу буржуа». А это создает впечатление, будто вульгарная экономия развивается, обогащаясь все новым и новым содержанием.

Вульгарная экономия появилась еще в период завершения классической политической экономии. О ней Маркс пишет: «*Лишь когда политическая экономия достигает значительного развития — следовательно после А. Смита — и когда она выработала себе устойчивые формы, от нее отделяется элемент, который представляет только воспроизводство явления как представление о нем, ее* ***вульгарный элемент*** *как особый вид экономии*»[221].

Вульгарный элемент, как мы видели в предыдущих главах, имеет место и в классической политической экономии, особенно в системе Смита, где он мирно и «непринужденно» уживается с ее научным элементом. Но в дальнейшем это «мирное сожительство» стало невозможным. Над выделением вульгарного элемента в «особый вид экономии» усердно работал французский экономист Жан-Батист Сэй. «*Так [у]* ***Сэя****, — продолжает Маркс, — выделение вульгарных представлений, которые встречаются у* ***А. Смита****, продолжается как собственная кристаллизация их*»[222].

В том же направлении в Англии работал Мальтус, правда, во многом, как мы увидим, отличавшийся от французского вульгаризатора. Но оба они сходились на том, что, объявив себя последователями Смита, вульгаризировали его и боролись против Рикардо.

В основном вульгарные экономисты первых десятилетий XIX в. делились на две группы, вернее, на два поколения: смитианцев и рикардиаицев[223]. Первые выдавали свои «теории» за исправленное и дополненное учение Смита; вторые формально шли за Рикардо, но своими комментариями и добавлениями совершенно исказили учение своего учителя.

---

[220] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 39.

[221] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 366.

[222] Там же.

[223] Были и такие, как Сениор, которые занимали особую позицию; о них мы будем говорить отдельно.

Глава XI
Важнейшие представители вульгарной экономии в первой половине XIX в. во Франции и Англии

1. Жан-Батист Сэй (1768–1832)

Сэй как комментатор и вульгаризатор Смита. Сэй — современник Рикардо и Сисмонди. Но в отличие от Сисмонди, он представлял крупную, а не мелкую буржуазию; в отличие от Рикардо, ему пришлось защищать интересы буржуазии во Франции в обстановке, значительно отличавшейся от английской. Начавшаяся во Франции революция нанесла смертельный удар аристократии, но причинила немало беспокойства и буржуазии. Революция очистила путь для развития капитализма, но сразу воспользоваться всеми ее «благами» буржуазия не могла. Очутившись вскоре лицом к лицу с восставшими революционными массами, поставившими у власти якобинцев, она круто изменила фронт, став на путь контрреволюции. В этих условиях ей не нужны были такие экономисты, как Смит и тем более Рикардо, ей нужен был Сэй.

В Англии борьба за экономическую свободу направлена была против лендлордов и реакционного правительства, во Франции же она своим острием обернулась против революционного Конвента, особенно против его экономической политики. Сэй, например, осуждает «закон о максимуме», изданный Конвентом 23 сентября 1793 г. и установивший предельные цены на предметы широкого потребления. Во имя экономической свободы он осуждал и все мероприятия, направленные против спекуляции и саботирования «закона о максимуме».

В 1803 г. появляется большой экономический труд Сэя «Трактат политической экономии», в котором он выступает как «комментатор» и «проводник» идей А. Смита.

Своим «Трактатом политической экономии», носящим подзаголовок «Исследование о том, как производится, распределяется и потребляется богатство», а также другими своими работами — «Катехизисом политической экономии» (сокращенное изложение трактата) и шеститомным «Курсом политической экономии» — Сэй положил начало вульгарной экономии.

«Методология» и методика Сэя. Одни буржуазные историки политической экономии ставят Сэю в большую заслугу то, что он, популяризируя и распространяя идеи Смита, придал им «классическую форму», а другие идут еще дальше, утверждая, будто своим «Трактатом политической экономии» Сэй положил начало «строго-научному методу для изучения

политической экономии»[224]. Надлежащая оценка работы Сэя дана Марксом. «*Политическая экономия, — говорит Маркс, — развилась в труде А. Смита в одно большое целое; территория, которую она занимает, некоторым образом получила определенные границы, так что Сэй мог в школьном учебнике изложить ее плоско-систематически*»[225].

Внутренняя связь, внутренняя логика «Богатства народов» Сэем не понята, а потому он назвал это произведение «беспредельным хаосом верных идей в перемешку с положительными знаниями». И в качестве комментатора Смита он прежде всего наводит порядок на «территории» своего учителя, разбивая последнюю на «участки». Таких «участков» у него три: 1) ***производство***, 2) ***распределение***, 3) ***потребление***[226].

Уже этим своим делением политической экономии Сэй вульгаризирует Смита и кладет начало вульгарной экономии. Автор «Богатства народов» начинает свое исследование с разделения труда и обмена, т. е. фактически с товара. И это правильно. Хотя Смиту еще неизвестно, что «товар — форма экономической клеточки буржуазного общества» (Маркс), но, начав свои исследования с разделения труда и обмена, Смит фактически исходным пунктом анализа делал товар и этим много дал для изучения «физиологии буржуазного общества». Сэй же, выделяя в особый отдел то, что сказано Смитом о производстве, и «исследуя общие законы производства», абстрагирует производство от его буржуазной формы, но в то же время «открытые» таким путем «законы» он распространяет на буржуазное производство. В результате — полное извращение действительности и апология капиталистического способа производства, к специфическим законам которого приклеен ярлык: «общие законы производства».

Смит не ***различает*** производства как условия существования всякого общества и той формы, которую производство принимает при капитализме, а потому постоянно впадает в противоречия. Сэй возводит в «принцип» отрыв производства от его общественной формы и этот «принцип» кладет в основу деления политической экономии на отделы.

---

[224] Ш. Жид и Ш. Рист, История экономических учений, 1918, с. 62; а также Ад. Бланки, История политической экономии, ч. 2, СПб, 1869, с. 109.

[225] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 8.

[226] Это деление политической экономии воспринято, с некоторыми изменениями, почти всеми последующими буржуазными экономистами, и оно ставится Сэю в большую заслугу. Русский экономист Чупров писал: «*Сэй — первый по времени систематик в области политической экономии. В своем «Трактате о политической экономии» он впервые переработал всю область экономической науки в стройное, легко доступное обозрению целое*» (Л. И. Чупров, История политэкономии, изд. 3-е, с. 164).

Выделив в особый отдел производство, абстрагировав его от буржуазных отношений и представив его как производство материальных благ вообще, Сэй с завидной легкостью открыл три фактора производства: труд, капитал, землю. Подменяя буржуазное производство производством вообще, Сэй подменяет (одно вытекает из другого) наемный труд трудом вообще, капитал — средствами производства, земельную собственность — землей, природой. Всякое производство есть процесс труда, совершаемый при помощи орудий труда над предметом, либо непосредственно данным природой, либо являющимся продуктом прежнего труда (сырье). Эти ***простейшие моменты*** всякого производства Сэй превращает в три фактора капиталистического производства, являющиеся тремя источниками доходов. По Сэю получается, таким образом, что как заработная плата рабочего порождается его трудом, так доходы капиталиста и землевладельца порождаются соответственно капиталом и землей.

Сэй о производстве и стоимости. Итак, курс политической экономии Сэй начинает с производства вообще. Как он отвечает на поставленный им же вопрос: «Что такое производство»?

Полемизируя с физиократами и доказывая, что нигде «*масса материалов, из которых состоит мир, не может быть ни уменьшена, ни увеличена*»[227]. Сэй выставляет следующий тезис: «*Производство не создает материи, но создает* ***полезность***»[228]. Этот тезис состоит из двух положений: 1) производство не создает материи, что вполне правильно, 2) производство создает полезности, что двусмысленно. В дальнейшем Сэй развивает понятие ***полезности*** и сводит его к понятию ***услуг***. Так он «доказал» то, что ему хотелось доказать: производство есть не что иное, как ***оказание услуг***. И обратно: все, что оказывает услугу, есть производство.

В свою очередь производство полезности и услуг является, по Сэю, производством стоимости. «*Следовательно, — заявляет он, — тут (в производстве. — Д. Р.) есть создание, но не материи, а полезности, и так как* ***эта полезность сообщает*** *предметам ценность, то является* ***производство богатства***»[229].

Выводя стоимость из полезности, т. е. отождествляя ее с потребительной стоимостью, Сэй делает выпад против Смита, обвиняя его в том, что «*он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. Более точный анализ показывает нам, что стоимость обязана*

---

[227] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, с. 14.

[228] Там же, с. 15, выделение моё — Д. Р.

[229] Там же, с. 14, выделение моё — Д. Р.

своим происхождением соединенному действию труда или, скорее трудолюбия человека, сил природы и капитала».

Отождествляя меновую стоимость с потребительной, Сэй с большой легкостью превращает факторы производства полезности в факторы производства стоимости, отождествляя при этом, как мы видели, труд с наемным трудом, средства производства — с капиталом, а землю — с земельной собственностью. Услугу оказывает, мол, не только труд, но также капитал и земля, следовательно, и они производят стоимость.

Но, во-первых, как определить величину всей стоимости товара, раз в его производстве участвуют такие разнообразные факторы как труд, капитал и земля? Во-вторых, как определить величину той части стоимости, которая приходится на долю каждого из перечисленных факторов?

Сэя эти вопросы не смущают, так как он считает, что «стоимость каждого предмета, пока она не установлена, произвольна и неопределенна». Устанавливается она на рынке, в цене: то количество денег, которое дают за ту или иную вещь, определяет ее стоимость. Так определяются и отдельные части стоимости, создаваемые отдельными факторами производства: то, что создается трудом, определяется заработной платой; прибыль определяет то, что создано капиталом, а рента — то, что создано природой.

Начав с отождествления стоимости с полезностью, Сэй кончает отождествлением ее с рыночной ценой, не замечая, что одно исключает другое: если стоимость зависит от полезности, то ею должна определяться и ее величина; если же стоимость определяется лишь на рынке, то она зависит не от полезности, а от спроса и предложения. Конечно, бесполезные вещи не являются предметом спроса и предложения, но это значит лишь то, что полезность является условием образования стоимости, но отнюдь не ее определением. Сэй же постоянно это смешивает: он определяет стоимость то полезностью, создаваемой тремя факторами производства, то отношением спроса и предложения, отождествляя стоимость с рыночной ценой. Отметим еще, что у Сэя имеется и теория издержек производства, так как три фактора производства, создающие, по его уверениям, полезность, он часто заменяет стоимостью этих факторов, провозглашая: «*Стоимость всех производительных услуг (читай: услуг трех факторов производства. — Д. Р.) составляет издержки производства предмета*».

У Сэя — широчайший размах: у него стоимость имеет разнообразные значения, а потому они лишены какого бы то ни было определенного смысла. Высмеивая такого рода теоретиков, Маркс пишет: «*Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином «стоимость» совершенно ничего определенного. Тогда можно, смотря по обстоятельствам, подводить под*

эту категорию все, что угодно. Так поступает, напр., J. B. Say. Что такое «valoir» [«стоимость»]? Ответ: «То, чего стоит данная вещь». А что такое «цена»? Ответ: «Стоимость данной вещи, выраженная в деньгах». А почему имеет стоимость... труд земли? «Потому что за него дают известную цену». Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет «стоимость», потому что стоимость ее «выражают в деньгах». Это во всяком случае очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей»[230].

Теория распределения Сэя. Трем факторам производства соответствуют три дохода: заработная плата, прибыль, рента, — такова квинтэссенция сэевской теории распределения. Позже, особенно у современных буржуазных экономистов, теория эта получила дальнейшую «разработку» и «уточнение». У Сэя она ещё довольно примитивна, но является, наряду с его теорией сбыта (о ней дальше), краеугольным камнем всей его концепции.

Опираясь на свою теорию факторов производства, Сэй прежде всего старается доказать, что рабочие не эксплуатируются: претендовать на весь продукт они не могут, так как не они одни участвуют в его производстве.

Что касается прибыли, то Сэй рассматривает ее в том виде, в каком она выступает на поверхности общества, где она распадается на предпринимательский доход и процент. Последний, согласно его теории трех факторов, рассматривается им как результат «услуги» капитала, а предпринимательский доход—как вознаграждение за предприимчивость предпринимателя, за его таланты, за риск и т. д. Сэй всячески уверяет, что «*...этот род труда (т. е. труда предпринимателя — Д. Р.) требует таких нравственных качеств, которые не часто соединяются в одном лице...*»[231].

По Сэю, промышленность нуждается в ученых, предпринимателях и рабочих, которые выполняют «указания первых двух». Но центральной фигурой является предприниматель.

Последующие вульгарные экономисты пошли за Сэем и в трактовке процента и предпринимательского дохода и в коленопреклонении перед «нравственными» и «интеллектуальными» качествами предпринимателей.

Классики рассматривают процент как часть прибыли, а прибыль—как особую категорию, резко отличную от категории заработной платы. У Сэя прибыль как особая категория фактически выпадает: результатом функционирования капитала (т. е. «услуги» капитала) он считает, как сказано,

---

[230] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 419.

[231] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, с. 60.

процент, а предпринимательский доход им трактуется как плата за высококвалифицированный труд, т. е. как заработная плата самого предпринимателя. Подмена прибыли процентом, как увидим дальше, — излюбленная манера вульгарных экономистов. У них капитал непосредственно порождает процент, а не прибыль, которую они предпочитают свести к вознаграждению за «труд» предпринимателя.

Сэю везде и всюду мерещится предприниматель. И в землевладельце он видит предпринимателя. Он пишет: «*Фермер или землевладелец приложили эти знания (агрономов и др.—Д. Р.) каждый в своем частном деле, употребили все способы к тому, чтобы вышел из земли полезный продукт, и устранили все препятствия, какие могли встретиться им*»[232].

Ставя землевладельца рядом с фермером, т. е. рассматривая и первого как предпринимателя, Сэй и ренту сводит к вознаграждению за предприимчивость и старания землевладельца. На недопустимость смешения землевладельца с фермером указал ещё Рикардо, который писал: «*По предположению Сэя, «землевладелец благодаря своей энергии, бережливости и искусству увеличивает свой годовой доход на 5 000 фр.»; но землевладелец не имеет никакой возможности применить свою энергию, бережливость и искусство к земле, если не ведет на ней хозяйства сам, а в последнем случае он делает улучшения в качестве капиталиста и фермера, а не в качестве землевладельца*»[233].

Отметим ещё, что Сэй противоречит самому себе, что, впрочем, с ним часто случается. Из его теории трёх факторов производства вытекает, что рента есть особый доход, что она — результат «услуги» земли, а сводя её к предпринимательскому доходу, он её превращает в результат деятельности землевладельца. Своей теорией трёх факторов он стремился обосновать законность трёх доходов трёх классов, а получилось у него всего два дохода: доход от капитала — процент, и доход от труда — заработная плата, которая включает и вознаграждение за труд предпринимателя, в том числе и труд землевладельца.

Теория реализации. Сэевская теория реализации резюмируется в следующей краткой формуле: товары продаются на товары, или — что больше соответствует воззрениям Сэя — ***продукты*** обмениваются на ***продукты***. Это положение формулируют ещё так: каждый продавец является покупателем и каждый покупатель — продавцом. Отсюда и «метафизическое равновесие продавцов и покупателей».

---

[232] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, с. 17.

[233] Д. Рикардо, Начала политической экономии, 1935, с. 110.

Это положение сформулировано не Сэем, в его время оно уже не могло претендовать на новизну. Ещё физиократы делали его орудием борьбы против меркантилистов (см. главу 7). Но Сэй вульгаризировал его и из этой «важной, как он выражается, истины» делает четыре вывода.

Первый вывод: «*...чем больше в каждом государстве производителей и чем многочисленнее производства, тем легче, разнообразнее и обширнее сбыт продуктов*»[234].

В дальнейшем этот вывод был Сэем развит в теорию невозможности общего перепроизводства, невозможности общих кризисов, теорию, призванную доказать гармоничность капиталистического строя. А указание на то, что кризисы всё же бывают, он отводит тем, что «известных продуктов слишком много, потому что недостаёт других» (там же. С. 42). Следовательно, нет перепроизводства, а есть недопроизводство.

Второй вывод: «*...состоит в том, что каждый заинтересован в благополучии всех и что процветание одной отрасли промышленности всегда благоприятно процветанию всех прочих*»[235]. На этой же заинтересованности во взаимном благополучии зиждятся, по уверениям Сэя, отношения города и деревни, отношения провинций и областей и, наконец, отношения целых стран. Словом, если основное противоречие между рабочим и капиталистом Сэй «ликвидирует» своей теорией трёх факторов производства и теорией услуг, то противоречия как между городом и деревней, так и иные он ликвидирует своей теорией сбыта.

Третий вывод: «*...ввоз иностранных продуктов благоприятен продаже внутренних продуктов, потому что мы не можем купить иностранные товары иначе, как за продукты нашей промышленности, наших земель и наших капиталов (читай: «наших» трёх факторов производства, — под промышленностью здесь понимается труд. — Д. Р.), которым, следовательно, торговля доставляет сбыт*»[236].

Это положение, как видно, есть лишь иное выражение второго вывода; но в новой формулировке последний заострён против протекционизма вообще против наполеоновского протекционизма в особенности.

Четвертый вывод: «*...потребление чистое и простое, имеющее своим предметом — только вызвать новые продукты, ни в чём не содействует богатству страны. Оно разрушает, с одной стороны, то, что вызывает с*

---

[234] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, с. 40.

[235] Там же, с. 42–43.

[236] Там же, с. 45.

другой»[237]. Это довольно туманное положение имеет вполне прозрачный смысл (сам Сэй в последующих своих работах полностью его расшифровывает). Оно направлено против тех, кто, как Мальтус, защищал роскошь, потребление аристократии, видя в последней необходимого для капиталистического производителя покупателя. По Сэю, само производство создаёт свой рынок, и в так называемых «третьих лицах» оно не нуждается. Правда, и Сэй защищает ренту, рассматривая её, как мы видели, не то как результат «услуги» земли, не то как результат предпринимательства землевладельца. Однако стать на точку зрения Мальтуса он не может: хотя как буржуа он должен защищать все виды частной собственности, в том числе и земельную, но как буржуа-промышленник на привилегию земельной знати — потреблять, не производя — он смотрит косо и хотел бы такое потребление всячески ограничить.

Отметим также, что этот четвёртый вывод направлен был и против чрезмерных государственных расходов, особенно на чиновничий аппарат. Некоторые экономисты оправдывали эти расходы тем, что потребление бюрократии также создаёт рынок сбыта. Сэй, наоборот, требовал дешёвого государственного аппарата.

Если суммировать все выводы Сэя, то получится законченная либеральная концепция, насквозь апологетическая, хотя и не без прогрессивных для того времени элементов экономической политики. Но «важнейшая истина», которая положена в основу этой концепции, принадлежит к тем абстракциям, которые Ленин назвал «вздорными», так как в них исчезает вся реальная действительность. Капиталистическое производство абстрагировано от его специфической буржуазной формы, оно представлено как производство ради потребления, а не ради прибыли; а капиталистическое обращение сведено к непосредственному продуктообмену. Сэй, примыкавший к Смиту и др., видевшим в деньгах ***только*** орудие обращения, ещё больше упростил это понимание денег и свёл ***Т—Д—Т*** к ***Т—Т***; для него существует лишь результат, обмен потребительных стоимостей, в котором процесс — метаморфоз товара — погас. А исходя из конечного результата, т. е. из того, что в ***конечном счёте*** продукты обмениваются на продукты, он последние превращает в деньги: у него товары сами по себе, в их ещё непосредственной натуральной форме, — уже деньги. Одни продукты — покупательное средство, деньги для других продуктов, а настоящие деньги — не что иное, как средство облегчения трудностей, с которыми сопряжён обмен продуктов на продукты.

---

[237] Ж.-Б. Сэй, Трактат политической экономии, с. 45.

Но при всей вздорности тех абстракций, из которых исходил Сэй, его теория реализации заключала в себе и ряд положительных моментов. Она направлена была против теории так называемых «третьих лиц» и защищала то положение, что расширение производства вызывает расширение рынка: хотя в ней это трактовалось примитивно и вульгарно, но самая мысль, что с расширением капиталистического производства расширяется и рынок, верна. Она также являлась орудием борьбы за развитие производительных сил и требовала уничтожения всех преград на пути развития капитализма, а в то время это было требованием прогрессивным. Этим можно объяснить то, что к сэевской теории реализации примкнул и великий классик Рикардо.

2. Томас-Роберт Мальтус (1766–1834)

Другим виднейшим представителем вульгарной экономии был Мальтус, который, подобно Сэю, вульгаризировал Смита и противопоставлял его Рикардо. В отличие от подавляющего большинства современных ему вульгарных экономистов Мальтус был ярым представителем обуржуазившейся земельной аристократии, той земельной аристократии, которая уже вполне примирилась с буржуазным способом производства, но стремилась извлечь из последнего наибольшую для себя выгоду. Мальтус — не просто вульгарный экономист, он вульгарный экономист особого рода. Он не только резко расходится с Рикардо, по и полемизирует с Сэем и другими своими собратьями по вульгарной экономии. Его позиция окрашена в особый цвет, и с этой стороны он представляет специальный интерес.

Мальтус больше известен своим «законом народонаселения», чем своими экономическими теориями. И как «теоретик» народонаселения Мальтус вписал одну из наиболее позорных страниц в историю буржуазной политической экономии и буржуазной «социологии».

Размах французской революции наводил панику на консервативные и умеренно либеральные круги Англии. Даже те из них, кто раньше заигрывал с радикальными идеями XVIII в., усмотрев в якобинстве продукт этих идей, с ужасом от них отшатнулись. Малейшее движение против правящих кругов Англии беспощадно подавлялось; как из рога изобилия, сыпались драконовские законы против рабочего класса. Надо было обеспечить себе господство и на идеологическом фронте, надо было использовать в интересах реакции и науку. Таков был социальный заказ правящих групп Англии.

Мальтус и по своему социальному положению, и по своим личным качествам оказался вполне подходящей фигурой для выполнения этого заказа. Биографы рисуют его как человека стойкого, твердого, чуждого компромиссов, бесстрашного в своих выводах и т. д. Эта характеристика нуждается в

существенных поправках и дополнениях. Он, действительно, был тверд и непоколебим в защите интересов своего класса и чужд компромиссов с трудящимися, с «чернью». Английские ***твердолобые*** нуждались в ***твердолобом*** идеологе, каковым и был Мальтус. Только ***классовая*** жестокость и бесстрашие могли водить его пером, когда он писал: «*человек, пришедший в занятый уже мир, если родители не в состоянии прокормить его, или если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности, он лишний на земле. На великом жизненном пиру нет для него места. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор*»[238].

«Закон» народонаселения Мальтуса. Промышленный переворот в Англии и революции во Франции, расчистив путь для капиталистического развития, выдвинули в то время и такие вопросы, которые уже не могли быть разрешены в рамках буржуазных отношений. Ведущим, так сказать, был вопрос о росте богатства одних и нищеты других. Имущественное неравенство существует с тех пор, как существуют частная собственность и классы, но в рассматриваемую эпоху оно получило иной количественный размах и иную качественную характеристику.

Гигантски стали развиваться производительные силы, колоссально росло богатство имущих классов; с такой же быстротой шли разорение и пролетаризация масс. Закон капиталистического накопления по мере развития капитализма стал выявляться наиболее ярко, наиболее классически. Англия, первой вступившая на путь развития капитализма, первой совершившая промышленный переворот, первая стала ареной действия этого закона.

Пролетарские и полупролетарские массы были ещё слабо вооружены и организационно, и теоретически. Однако они уже заставили о себе говорить, и говорить по-разному. Говорили о них, как увидим ниже, Роберт Оуэн и его последователи, говорил о них и Вильям Годвин и целый ряд радикальных писателей, заговорил о них и Мальтус, и, конечно, совершенно поиному.

Мальтус, в противоположность Годвину и всем радикальным мыслителям того времени, всячески старается «доказать», что бедность и порождаемые ею несчастья и пороки обусловлены не общественным устройством, а природой человека, его стремлением к безграничному размножению.

---

[238] Эта цитата взята из первого издания «Опыта о законе народонаселения», вышедшего без подписи автора. В последующих изданиях, подписанных втором, ее уже нет. Даже Мальтус решался писать столь цинично только анонимно.

Такова целеустремлённость книги Мальтуса «Опыт о законе народонаселения».

«Труд» Мальтуса представляет простую компиляцию, «оригинальность» которой — в её целевой установке — в ***реабилитации*** буржуазных и феодальных отношений от обвинений, выдвинутых радикальными и социалистическими писателями. По своей же внутренней структуре «труд» Мальтуса состоит из: а) теоретической формулировки «закона» народонаселения, б) нагромождения статистического и фактического материала, долженствующего якобы подтвердить теоретическую часть, в) критики на основе «теории и фактов» радикальных и социалистических учений.

О последней мы уже говорили. Остановимся теперь на теоретической и фактической части. Первую сам Мальтус резюмирует так:

«*1. Народонаселение неизбежно ограничивается средствами существования.*

2. Народонаселение неизменно размножается всюду, где возрастают средства существования, если только не будет остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствиями.

3. Эти исключительные препятствия и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают народонаселение к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастию»[239].

Первое положение **как будто** в доказательствах не нуждается: жить — значит питаться, а питаться — иметь средства питания. На этом Мальтус и спекулирует: оглушая читателя одной из тех истин, которые сами по себе очевидны, он с самого начала навязывает мысль о том, что его закон имеет предпосылку, которая никем не может оспариваться. Однако присмотримся ближе к этой «очевидной истине».

Весь порок этой «истины» — именно в её мнимой простоте и очевидности, похожих, как две капли воды, на простоту и очевидность тезиса Сэя, что продукты обмениваются на продукты. Конечно, там, где едоков больше, чем пищи, получается избыток населения. Весь вопрос в том, как этот избыток создаётся. Поэтому центр тяжести переносится на второе положение, которое Мальтус формулирует ещё так: «*Закон, о котором идёт речь, состоит в постоянном стремлении, свойственном всем* ***живым существам****, распложаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». И дальше: «Природа щедрою рукою рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива, что*

[239] Т.-Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения, т. 1, 1868, с. 113.

касается до места и пищи. Без такой предосторожности в несколько десятков тысяч лет миллионы миров могли бы быть населены одной землей; но крайняя необходимость сдерживает такое плодовитое размножение, и человек подчинен этому закону наравне с прочими живыми существами»[240].

Однако Мальтус почувствовал, что со вторым положением дело обстоит не так просто, как с первым, — здесь ссылаться на одну очевидность рискованно. Нужно доказать, что рост населения действительно превышает рост пищи, и попытаться создать хоть иллюзию аргументации со ссылкой на факты. Он мог указать лишь на один факт: рост населения в Северной Америке, где за взятое им 25-летие население удвоилось. Обобщая этот факт, который совсем не типичен, так как громадный рост населения в США был в значительной мере результатом иммиграции, Мальтус победоносно заявляет: «***Мы можем, следовательно, считать несомненным, что если размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые двадцать пять лет и возрастает в геометрической прогрессии***»[241].

Относительно роста пищи — он сам вынужден это признать — никаких данных у него нет. Зато он апеллирует к здравому смыслу: не может же и пища увеличиваться в геометрической прогрессии, достаточно, мол, допустить, что она увеличивается в арифметической прогрессии. И исходя из такого «солидного» основания, он не менее победоносно заявляет: «***...средства существования, при самых благоприятных условиях для труда, ни в каком случае не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии***»[242].

«Обосновав» второе положение и даже придав ему вид математического закона, Мальтус может теперь и пофантазировать и — более того — совсем ошеломить читателя гигантским раствором ножниц между ростом населения и ростом средств существования. Он пишет: «*Примем население земного шара в настоящее время в тысячу миллионов: человеческая порода размножалась бы, как 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, между тем как средства существования возрастали бы, как 1, 2, 3, 4, 3, 6, 7, 8, 9. Через два столетия народонаселение относилось бы к средствам существования, как 256 к 9; через три столетия, как 4 096 к 13, а по прошествии двух тысяч лет отношение ото было бы беспредельно и неисчислимо*»[243].

---

[240] Там же, с. 96, выделение моё — Д. Р.

[241] Т.-Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения, т. 1, 1868, с. 99.

[242] Там же, с. 102.

[243] Там же.

И всё это потому, что природа, с одной стороны, «щедрою рукою рассыпала зародыши жизни», а с другой, — скупа насчёт «места и пищи». Но, поставив человека в столь «трагическое» положение, природа по своей благости нашла и выход из этого положения (недаром природа для Мальтуса — синоним бога). Выход заключается в тех препятствиях, о которых Мальтус говорит в третьем положении и которые, приостанавливая размножение населения, приводят его в соответствие с наличием пищи.

Указанных препятствий три: нравственное обуздание, порок, несчастье. Поп Мальтус, говоря о нравственном обуздании (обет безбрачия, воздержание от половой жизни), отдаёт лишь дань поповскому лицемерию, так как в благоприятный результат препятствия такого рода он не верит. Решающими препятствиями он считает войны, болезни (эпидемические), изнурительный труд, нищету, голод. Они-то, сильно сокращая жизнь и уменьшая население или приостанавливая его рост, восстанавливают нарушенное равновесие. А так как последнее непрерывно нарушается, то столь же непрерывно должны действовать и названные препятствия.

Таков истинный смысл третьего тезиса мальтусовского «принципа населения». Этот третий тезис вызвал наибольшие протесты со стороны сердобольных буржуа и всякого рода филантропов, что и заставило Мальтуса в последующих изданиях своего «Опыта» подкрепить этот тезис кучей всякого рода статистического и фактического материала. Описания путешественников и христианских миссионеров, рисующие тяжёлую и мрачную жизнь диких и полудиких племён, наиболее жуткие страницы из истории древнего мира и средних веков, случайно выхваченные эпизоды из истории нового времени, столь же случайно подобранные статистические данные — таков материал, мобилизуемый Мальтусом в защиту свою излюбленных идей. Везде и всюду якобы господствует его «закон» народонаселения, проявляющийся в голоде, эпидемиях, войнах и всевозможных пороках.

Мальтус рядится в тогу объективного исследователя, который, мол, прислушивается лишь к тому, что говорят факты. Но факты не только не подтверждают его теории, но и полностью её опровергают. Мальтус говорит об ***абсолютном***, а факты — об ***относительном*** перенаселении, притом о перенаселении при ***данных*** общественных отношениях.

Для Мальтуса нищета и голод — вернейший признак перенаселения: раз люди нищенствуют и голодают, стало быть, они излишни. Такова логика эксплуататоров и их защитника. Притом мальтусовский подход к проблеме населения чисто потребительский, что диктуется его классовой позицией; лишним он считает только того, что не имеет пищи, кто нищенствует и голодает. Тунеядцев, паразитов из класса эксплуататоров, раз они имеют

пищу, он лишними не считает, — привилегированные паразиты имеют её больше чем достаточно. Он и дальше защищает непроизводительное потребление; землевладелец, получающий ренту, духовенство, получающее десятину, не принадлежат к избыточным слоям населения, ибо пищу, да ещё какую, они имеют. Производственный подход ему как идеологу наиболее реакционных и паразитических кругов буржуазного общества совершенно чужд.

История же учит другому. Она учит тому, что избыток населения есть результат не абсолютного отсутствия пищи, а того, что произведённая пища забирается у её производителей темп, кто не производит. Далее, в антагонистическом классовом обществе создаётся избыток населения в той мере, в какой чрезмерный труд одних делает излишним труд других. «*Допустим, — говорит Энгельс, — фабрикант может ежедневно занять у себя десять рабочих в течение девяти часов; в таком случае, если рабочие будут ежедневно работать по десяти часов, у него найдут работу лишь девять человек, а десятый останется без работы... Но дело не меняется, если вместо отдельного случая мы возьмём нацию в целом*»[244]. В нации в целом не один рабочий останется без работы вследствие удлинения рабочего дня, а целая армия рабочих, так как чрезмерный труд одних оставляет без работы других. Более того, рабочие, оставшиеся без работы, «*...уходят с рынка; они ничего более покупать не могут, и то количество товаров, на которое они раньше предъявляли спрос, теперь более не требуется, и потому его не надо производить; занятые изготовлением их рабочие тоже остаются без работы, тоже уходят с рынка...*»[245].

Мальтусовский «закон» народонаселения построен на подтасовках, извращениях и необузданной фантазии реакционера. Капиталистический закон народонаселения представлен Мальтусом как закон вечный, как закон природы. Мы знаем — этому научил нас Маркс, — что постоянный капитал растёт быстрее переменного, что накопление капитала создаёт во всё более расширяющихся размерах промышленную резервную армию. Движение последней зависит от движения капитала, но буржуазные идеологи рассматривают это движение как самостоятельное и первичное движение, обусловленное безграничным стремлением человеческого рода, как и всего живого, к размножению. «*Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века, — пишет Ленин, — повело за собой образование излишнего населения, и перед политической экономией встала*

[244] Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, 1928, с. 130–131.
[245] Там же, с. 131.

задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически-определенного. строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия»[246].

Мальтус в роли политэконома. Став знаменитостью благодаря своему «Опыту о законе народонаселения», Мальтус начал подвизаться в области политической экономии. Кроме отдельных статей, им были выпущены три крупные экономические работы. Главным его трудом являются «Принципы политической экономии».

Как экономист Мальтус обнаружил хорошее классовое чутьё: он понял, что основа, на которой построил Рикардо свои «Начала», т. е. теория трудовой стоимости, не ведёт буржуазию к добру. И он в первую очередь обрушивается на эту основу. Он хватается, как увидим дальше, за какую угодно теорию стоимости, лишь бы избавиться от опасной теории трудовой стоимости.

Помимо того, для выступления против Рикардо у него был ещё и добавочный, довольно серьёзный мотив. Автор «Начал» обидел земельную аристократию, став целиком на сторону промышленной буржуазии. С этим Мальтус мириться никак не мог. Хотя и он не за страх, а за совесть защищает буржуазию, но защищает её от пролетариата. Зато, когда интересы землевладельцев приходят в столкновение с интересами буржуазии, он в угоду землевладельцам с полной готовностью жертвует интересами последней.

Мальтус был недоволен классиками и за их пренебрежительное отношение к попам, к духовенству. Он выдвинул, как увидим дальше, свою теорию «третьих лиц», без которых якобы капитализм существовать не может. По этому вопросу он разошёлся даже со своим собратом по вульгарной экономии Сэем, отрицавшим необходимость «третьих лиц». Пожалуй, и в данном вопросе Мальтус проявил бóльшую дальновидность: капитализм не может обойтись ни без опиума для народа, т. е. религии, ни без сильной государственной власти с хорошим бюрократическим аппаратом и мощной военщиной. Классики — певцы молодой, ещё слишком верившей в собственные силы буржуазии — ошиблись, недооценив этих важных устоев буржуазного строя. Мальтус, как представитель реакционных сил прошлого, более «трезво» смотрел на дело. Он понял, что буржуазия лишь по молодости, упоённая своими успехами, недооценивает роли служителей церкви и главных поставщиков командного состава военной и гражданской бюрократии. Но говорить об этом прямо и открыто Мальтус не решился, он предпочёл окольный путь: излагая

[246] В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 45.

свои «экономические принципы», он всячески старался довести буржуазию до сознания того, что без лендлордов и их свиты у неё не будет достаточного спроса на производимые ею товары.

Мальтусовские «принципы». Мы видели (см. главу 9), что рикардовская теория трудовой стоимости оставила нерешенными два следующих важнейших вопроса: 1) почему при обмене труда на капитал происходит обмен большего количества живого труда на меньшее количество овеществленного (в зарплате), и почему капиталы приносят равную прибыль, независимо от того, приводится ли ими в движение большее или меньшее количество труда. Мальтус это выдвинул в опровержение теории трудовой стоимости: он воспользовался трудностями, перед которыми очутился Рикардо, с целью опрокинуть всю его систему. Этим он, как и Сэй, расчистил путь для вульгарной экономии.

Мальтус соглашается, что труд является мерилом стоимости, но не тот труд, который затрачен на производство товара, а тот, который покупается на товар. Смит, как мы знаем, смешивает труд, покупаемый на товар, с трудом, затраченным на его производство. Мальтус их противопоставляет друг другу и считает, что мерилом стоимости является труд покупаемый, а не затраченный. Он занимает позицию, противоположную Рикардо; последний исходит из того, что мерилом стоимости является только труд, затраченный на производство товара.

Но чем же определяется количественное отношение между товаром и тем трудом, который на товар покупается? Почему на один товар можно купить одно количество труда, а на другой товар — другое количество труда? Это зависит, отвечает Мальтус, от издержек производства того или иного товара: на товар с высокими издержками производства покупают больше труда, а с низкими издержками — меньше труда. Выходит, что мерило стоимости — не труд, даже покупаемый на товар, а издержки производства. Короче, Мальтус выдаёт за новинку давно известную до него вульгарную «теорию» издержек производства, которая определяет стоимость стоимостью же. Конечно, каждый капиталист исходит из того, что товар ему сто́ит, т. е. исходит из своих издержек производства. Но то, что сто́ит товар капиталисту, и то, что он ***действительно*** сто́ит, — величины разные. Вульгарные экономисты всячески избегают вопроса: ***что товар действительно стоит.***

Теория прибыли и теория «третьих лиц». Однако продавать товар по цене, равной только издержкам производства, капиталист не может; это было бы для него сделкой совершенно бессмысленной — менять деньги на деньги безо всякой прибыли. Мальтус это знает, а потому включает прибыль в издержки производства. По Мальтусу, прибыль, составляя часть издержек

производства, тем самым является фактором образования и определения стоимости. Этим «открытием» Мальтус гордился и ставил его себе в большую заслугу.

Включая прибыль в издержки производства, Мальтус представляет её как продукт или ***порождение*** капитала: авансируя капитал, предприниматель «авансирует» и прибыль, которую капитал обычно приносит. Словом, прибыль он выводит из прибыли; она получается потому, что она уже включена в издержки производства. Однако Мальтус не мог так легко отделаться от проблемы прибыли; отмахиваясь от неё в одной форме, он вынужден поставить её в другой. Пусть прибыль уже содержится в издержках производства, но должна же она реализоваться. Как она реализуется? Или — что в данной связи одно и то же — кто же оплачивает прибыль? Вот та форма, в которой проблема прибыли встала перед ним вновь.

К такой постановке вопроса его обязывала — точнее, это было для него решающим мотивом — его общая классовая позиция. «*Мальтус не заинтересован в том, чтобы скрыть противоречия буржуазного производства; наоборот, ему интересно их подчеркнуть, с одной стороны, чтобы доказать необходимость нищеты работающих классов... с другой стороны, чтобы доказать капиталистам, что откормленное духовенство и штат государственных служащих нужны для того, чтобы* ***создать им необходимый спрос***»[247].

Эти мотивы и руководили его теоретическими изысканиями и заставили его поставить вопрос: кто же те покупатели, которые оплачивают прибыль капиталистов?

От продажи товаров капиталистами друг другу прибыль получиться не может, ибо то, что они выигрывают в качестве продавцов, они проигрывают в качестве покупателей, — и результат получается такой же, как если бы они продавали друг другу без прибыли. От продажи товаров рабочим прибыль может быть выручена: ведь рабочие только покупают товары, но не продают их. Следовательно, при продаже им товаров можно сделать известную надбавку, которую рабочие не могут получить обратно, в отличие от покупателей-капиталистов. Однако и это не выход из затруднений: рабочие могут покупать только на сумму своих заработных плат, которые по стоимости равняются только части общественного продукта. Купить весь продукт они не в состоянии, значит, рабочие не могут быть теми покупателями, которые оплачивают прибыль капиталиста. Они создают прибыль (т. е. прибавочную стоимость) в качестве производителя, чего как раз Мальтус и не признаёт; в

[247] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 40, выделение моё — Д. Р.

качестве же покупателей они могут переплачивать и переплачивают при покупке продуктов своего труда, и всё же эти переплаты не могут быть решающим источником прибыли. Это положение можно кратко формулировать ещё так: прибыль, по Мальтусу, есть наряду с заработной платой часть издержек производства, следовательно, невозможно реализовать все издержки производства в заработной плате[248].

Помимо того, есть такие продукты, как предметы роскоши, которых рабочие не покупают. Но есть одна группа покупателей, которые покупают, ничего не продавая. Это — разные получатели ренты. За них-то Мальтус и хватается, «решая» сразу и проблему прибыли, и проблему реализации. Лендлорды, духовенство и им подобные оплачивают прибыль капиталиста и делают возможной реализацию общественного продукта. Без них не только прибыль не может быть реализована, но и было бы постоянное перепроизводство.

Вывод Мальтуса гласит: нужны иные, чем рабочие и капиталисты, потребители, а таковыми являются непроизводительные классы. Словом, нужно непроизводительное потребление, которое делает возможной реализацию произведенных капиталистами товаров. Но на что будут покупать товары непроизводительные классы? Этот вопрос Мальтус по вполне понятным причинам обходит. Постановка этого вопроса показала бы, что никакого решения Мальтус не даёт и никакого выхода из противоречия не находит. На самом деле, доход мальтусовских потребителей, на который они покупают нужные им товары, может быть лишь частью прибыли, выплачиваемой им в виде ренты капиталистами. Следовательно, одно из двух: если потребление непроизводительных классов столь велико, что вместе с потреблением самих капиталистов оно поглощает всю прибыль, то никакого накопления нет; если же это потребление вместе с потреблением капиталистов не поглощает всей прибыли, то излишек продукции не может быть реализован.

Мальтус пускает пыль в глаза и своим решением вопроса об источнике прибыли. Мы уже не говорим о том, что он возвращается к меркантилистам, — в конце концов, у него прибыль получается от «отчуждения», от продажи товаров непроизводительным классам. В данной связи важнее другое: прибыль капиталистов у него получается в результате того, что капиталисты выплачивают ренту и налоги землевладельцам, попам, государственным чиновникам, а те на полученные доходы покупают у них товары. Другими словами, прибыль получается оттого, что капиталисты отдают даром одну часть

[248] Постоянный капитал мы оставляем в стороне, так как для данного вопроса он значения не имеет.

своих продуктов другим классам и тем самым делают их покупателями другой части своих продуктов. Великолепный источник прибыли!

Мальтус начал с утверждения, что прибыль как часть издержек производства заключается уже в стоимости товара, а кончил тем, что прибыль получается в результате «отчуждения» его непроизводительным классом. Однако трудился он не бесполезно: первое утверждение ему нужно было для опровержения теории стоимости и прибыли Рикардо и для противопоставления ей теории издержек производства, гораздо более приемлемой для всего буржуазного общества; второе утверждение ему нужно было в оправдание, как неоднократно отмечалось, существования бездельников (даже с точки зрения буржуазии).

В своем «Опыте о законе народонаселения» Мальтус выступает как борец против чрезмерного размножения, а в своих «Принципах политической экономии» — как защитник непроизводительных классов и их чрезмерного потребления. «*И таким образом получается далее, что памфлетист народонаселения проповедует, как условие производства, постоянное чрезмерное потребление и присвоение бездельниками возможно большей доли годичного продукта*»[249].

3. Школа Рикардо и её разложение

Вокруг Рикардо группировались виднейшие экономисты того времени. Они комментировали и интерпретировали воззрения Рикардо. отстаивая их в борьбе с его противниками. Но учения его. за исключением отдельных частных вопросов, они не развивали: они склонны были рассматривать это учение как законченную систему. Противоречия же между теорией и действительностью либо обходились, либо «преодолевались» формально, словесно, что вело к вульгаризации самой теории.

Джемс Милль. Наиболее видным представителем рикардовской школы был ***Джемс Милль*** (1773—1836), уроженец Шотландии, теолог по образованию. Он был также одним из вождей радикалов, группировавшихся вокруг Бентама. Плебей по происхождению (сын сапожника), Милль занял выдающееся место среди буржуазной интеллигенции. С его именем связаны многие культурные начинания той эпохи, он был одним из организаторов Лондонского университета.

Характеризуя Милля как комментатора Рикардо, Маркс пишет: «*Его сырым материалом служит уж не действительность, а новая*

[249] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 12.

теоретическая форма, в которой её представил учитель. Отчасти ***теоретические возражения противников новой теории****, отчасти* ***нередко парадоксальное отношение этой теории к реальности*** *побуждают его к попытке первых* ***опровергнуть*** *и от последнего* ***отделаться фразами****. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет начинающееся* ***разложение теории****, которую он защищает догматически»*[250].

Рассмотрим, как Джемс Милль защищает систему Рикардо.

Основой этой системы является теория трудовой стоимости, и противники Рикардо прежде всего нападали на последнюю. Джемс Милль наибольшее внимание уделяет возражениям против этой теории.

Свои возражения противники Рикардо иллюстрировали на отдельных примерах. Наиболее излюбленным был пример со ***старым вином***, пример, на который с особой «убедительностью» ссылаются все противники теории трудовой стоимости. Старое вино дороже молодого, но труда на старое вино тратится не больше, чем на молодое. Различие в цене того и другого вина одни объясняли различием их потребительных стоимостей, другие — тем, что, с одной стороны, требуется больше капитала, а с другой, — капитал при изготовлении старого вина оборачивается медленнее, чем при изготовлении молодого вица. Другими словами, из примера со старым вином выводят правило, что стоимость товаров определяется либо их потребительной стоимостью, либо размером капитала и длительностью его функционирования в сфере производства и обращения.

Как правоверный рикардианец, Милль не приемлет ни первого, ни второго объяснения — он твёрдо держится за рикардовскую теорию стоимости. Но чем же объяснить то, что старое вино дороже молодого? Ответ Милля сводится к тому, что стоимость создается не только живым трудом, но и овеществлённым, а так как капитал является, по учению Рикардо, накопленным или овеществлённым трудом, то и капитал создает стоимость. При изготовлении старого вина капитал продолжает, мол, работать и после того, как завершился процесс живого труда, а потому растет стоимость вина за все время пребывания в погребе. Желая сохранить принцип трудовой стоимости, Милль его вульгаризирует и извращает; средства производства — к этому Милль и сводит капитал, — являясь овеществленным трудом, имеют стоимость, но новой стоимости не создают.

---

[250] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 63.

Миль, как и Рикардо, не проводит различия между стоимостью и ценами производства; поэтому в разнице цен на молодое и старое вино он увидел разницу и в их стоимостях и очутился перед неразрешимым противоречием: на производство молодого и старого вина затрачено равное количество труда, а их стоимость, мол, разная. Но в том-то и дело, что не стоимости их разные, а разными являются их цены производства.

Если отвлечься от отдельных примеров — в данном случае от примера со старым вином — и поставить вопрос в общей форме, то указанное возражение против теории трудовой стоимости сводится к указанию на противоречие между законом стоимости и законом (тенденцией) равенства прибылей на равновеликие капиталы. Если бы цены на молодое и старое вино были равны, согласно их стоимостям, то норма прибыли на капитал, вложенный в молодое вино, была бы гораздо выше нормы прибыли на капитал, вложенный в старое вино; так как первый капитал, во-первых, быстрее оборачивается, во-вторых, более низкого органического строения, — требуется меньшее оборудование винного погреба. Тенденция равенства прибыли на равновеликие капиталы приводит к тому, что молодое и старое вино продаются по разным ценам. Поскольку ни Рикардо, ни рикардианцы этого вопроса не разрешили в общей форме, они его не могли, конечно, решать и в отдельных конкретных случаях. И у Милля остался один выход: объявить, что и накопленный труд создает стоимость.

Рассмотрим теперь, как Милль отводит другое возражение против рикардовской теории стоимости, а именно: при обмене труда на капитал происходит обмен большего количества труда на меньшее; следовательно, говорил еще Мальтус, это есть опровержение закона стоимости Рикардо. Милль пытается выйти из затруднений, сводя обмен труда на капитал к обмену товара на товар.

По Миллю, рабочие и капиталист — совладельцы ещё не произведенного продукта: одна часть будущего продукта принадлежит капиталисту как владельцу капитала, а другая — рабочим. Последние свою часть в не существующем ещё продукте продают предпринимателю и получают её эквивалент в виде заработной платы. Следовательно, сделка между рабочими и капиталистами сведена к обычной купле-продаже товара. Первые продают вторым «товар», т. е. часть продукта своего труда, как любой товаропроизводитель. Нашему рикардианцу не только неизвестно, что единственный товар, который рабочие продают и могут продавать — это их рабочая сила, но он отступает и от позиции своего учителя. Хотя и Рикардо не вскрыл истинного смысла сделки между рабочими и капиталистами, однако

самого факта он не исказил, не исказил того, что в этой сделке происходит обмен труда на капитал.

Как согласовать обмен большего труда на меньший с теорией трудовой стоимости, этого Рикардо не объяснил. Его ученик пытается дать этому объяснение, но у него исчезает вся специфика отношений между рабочими и капиталистами, ибо он эти отношения сводит к отношениям обычных товаропроизводителей. Исчезает, конечно, и противоречие классов. Милль «спасает» теорию Рикардо ценой выхолащивания противоречий капитализма, которые нашли отражение в системе Рикардо.

Но «спас» ли Милль рикардовскую теорию стоимости, хотя бы и указанной ценой?

Допустим, что рабочий продаёт капиталисту причитающуюся ему (рабочему) часть продукта. Во-первых, каков размер этой части? Во-вторых, как определяется её стоимость? Отвечая на эти вопросы, Милль запутывается в новых противоречиях: у него и доля рабочего в продукте и стоимость её (т. е., по Миллю, заработная плата) определяются «торгом» между рабочими и капиталистами и отношением спроса и предложения. Выходит, что при обычной торговой сделке конкуренцией регулируются лишь отклонения цен от стоимости, а отнюдь не сама стоимость; последняя, наоборот, есть тот стержень, вокруг которого происходит колебания рыночных цен: при сделке между рабочим и капиталистом конкуренцией регулируется как доля рабочего, так и стоимость её. Но ведь это есть отказ от теории трудовой стоимости. Следовательно, желая доказать, как рикардовский закон стоимости применяется к сделке между рабочим и капиталистом, Милль в действительности показал, как этот закон к ней не применяется. Более того, представляя эту сделку как обычную торговую сделку, он ещё больше подчеркивает несоответствие её с законом стоимости. На самом деле, если рабочий продает не свою рабочую силу, а продукт своего труда, то, согласно закону стоимости, он должен получить стоимость всего продукта, а не только части его. Как же получается прибыль и о каком дележе продукта между капиталистами и рабочими может идти речь?

По Миллю, трудится не только рабочий, но и капиталист, и получение прибыли Милль объясняет так: прибыль является простым вознаграждением за труд. Её можно, не коверкая язык, даже почти не употребляя метафоры, называть заработной платой, заработной платой за тот труд, который выполняется не непосредственно человеческими руками, а опосредованно, при помощи орудий, которые изготовила человеческая рука. И если величина непосредственного труда измеряется на основании заработной платы, то

величину посредственного труда можно измерять па основании величины вознаграждения, получаемого капиталистами.

Противоположность между прибылью и заработной платой — одно из важнейших открытий, составляющих большую заслугу Рикардо, — Миллем представлена как различие двух форм труда[251].

Но Милль остался верен своему учителю в отстаивании интересов промышленной буржуазии против лендлордов; Милль предал забвению учение Рикардо о противоположности прибыли и заработной платы, но всемерно отстаивал его учение о противоположности прибыли и ренты. Излагая рикардовскую теорию ренты, он делает из неё такие выводы, которых сам Рикардо ещё не делал. Милль требует высокого обложения ренты, т. е. фактической национализации земли.

Мак-Куллох. Дальше Милля по пути вульгаризации и извращения Рикардо пошел другой его последователь, Мак-Куллох (1784-1861). О Мак-Куллохе Маркс говорит, что он вульгаризировал не только Рикардо, по и Джемса Милля. Он представляет, таким образом, дальнейший этап разложения школы Рикардо.

Если, по Миллю, работает и создаёт стоимость накопленный труд, то Мак-Куллох идёт дальше: он заставляет трудиться и создавать стоимость и животных, и силы природы. У Милля от рикардовской теории стоимости остается ещё, как мы бы сказали, **тень:** он полагает, что свойство труда создавать стоимость переносится и на результаты труда, т. е. на овеществленный труд. У Мак-Куллоха и эта тень рассеялась. Стоимость у него ни в коей мере не связана с человеческим трудом, раз она производится и силами природы.

Мак-Куллох, как указывает Маркс, стал полностью на позицию Сэя, автора теории трёх факторов производства, а между тем он взялся «защищать» Рикардо от последнего. Сэй называет действие капитала и природы услугами, а Мак — трудом. В этом всё различие между критиком и защитником Рикардо. По адресу такого защитника великий классик мог бы повторить слова французского короля Генриха IV: «*Лишь бы провидение меня защитило от друзей, с врагами сам справлюсь*».

Мак-Куллох занимает в отношении Рикардо такую же позицию, как Сэй в отношении Смита: он выделяет, систематизирует и защищает всё слабое, что

---

[251] «*...Милль как рикардианец, — говорит Маркс, — различает труд и капитал только как* ***различные формы*** *труда*». И Маркс приводит следующее краткое резюме Милля: «*Труд и капитал—одно непосредственный труд, другое накопленный труд*» (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 74).

имеется в системе Рикардо. С особым усердием он отстаивал тезис Рикардо о невозможности общих кризисов и вульгарную теорию реализации.

4. Дальнейшая вульгаризация политической экономии

Школа Рикардо зашла в тупик. Полемика среди буржуазных экономистов, которая в 20-е и 30-е годы в основном велась под знаком «за» или «против» Рикардо, окончательно расшатала рикардовскую систему, а заодно и всё здание классиков. Полемика внутри буржуазного лагеря усложнялась выступлением социалистов, особенно ранних английских социалистов, опиравшихся в своих исследованиях на Рикардо и сделавших из его учения социалистические выводы. Этим Рикардо был скомпрометирован в глазах буржуазии. Американский вульгарный экономист Кэри (1793–1879) даже «доносил» на него, как на «отца коммунизма».

Вся эта борьба была выражением крупных сдвигов в экономике и политике. После промышленного переворота капитализм сделал гигантские шаги вперёд в своем развитии, развернулись противоречия капитализма, обострились борьба между пролетариатом и буржуазией. В 30-х годах буржуазия в Англии и Франции пришла к власти. Припомним июльскую революцию во Франции (1830) и парламентскую реформу в Англии (1832). Победив земельную аристократию силой широких пролетарских масс, буржуазия очутилась перед опасным для неё движением этих масс. В Англии широкой волной распространилось стачечное движение, которое перекрещивалось с не менее мощным движением в пользу организации тред-юнионов. Уже были налицо предвестники грядущей бури, разразившейся в чартистском движении. Во Франции, начиная с лионских восстаний (1831—1834), не прекращаются революционные выступления пролетариата, нашедшие своё высшее выражение в июльских баррикадных боях революции 1848 г.

Не прекратилась борьба и против разбитого врага, т. е. земельной аристократии и её идеологов. В рассматриваемую эпоху (30-е и 40-е годы XIX в.) буржуазия должна была ещё бороться за желанную для неё экономическую свободу. В Англии хлебные законы были отменены лишь в 1846 г., после длительной и упорной борьбы, возглавляемой Лигой борьбы против хлебных законов.

Однако на первый план властно выдвинулась борьба буржуазии против пролетариата. Рикардовская теория стоимости и теория прибыли, сводившая прибыль к прибавочной стоимости, в этих условиях — ожесточённой борьбы буржуазии с пролетариатом — была для неё особенно неприемлема, и ей надо

было противопоставить какую-то другую теорию, которая по-иному объясняла бы образование стоимости и прибыли.

С наибольшим рвением, и даже с энтузиазмом, шли навстречу желаниям буржуазии в ту эпоху англичанин Нассау-Вильям Сениор (1790–1864) и француз Фредерик Бастиа (1801–1850).

Нассау Сениор. Сениор выступил с «новым» словом и в рассматриваемую эпоху был наиболее желанным и «полезным» для буржуазии экономистом. Недаром его часто приглашали в Манчестер, где он не только читал свои лекции и провозглашал свои «открытия», но и получал нужный инструктаж от манчестерских фабрикантов. Его использовали не столько для борьбы с протекционистами, сколько для борьбы с рабочим классом. Теоретическое вооружение, данное промышленной буржуазии Рикардо, потускнело перед «теоретическим» вооружением, данным ей Сениором. Первый вооружил ее против лендлордов, но оставил ее невооруженной против пролетариата; второй вооружил ее против пролетариата.

Политическая экономия, по Сениору, «есть наука о природе, производстве и распределении богатства». А потому свое исследование он начинает с определения богатства. Последнее, утверждает Сениор, состоит из вещей: 1) полезных, 2) имеющихся не в безграничном количестве (этим исключаются из богатства такие блага, как воздух, солнечный светит, д.) и 3) могущих быть проданными одним лицом другому. В отличие от Сэя, «открывшего» три фактора производства: труд, капитал и землю, Сениор признает только два фактора производства—капитал и труд. Трактует он их, опять-таки в отличие от Сэя, субъективно. Труд есть жертва. Трудящийся жертвует своим покоем, своим досугом. Такое субъективное понимание труда проскальзывает и у Смита, но Сениор выдвигает это понимание труда на первое место, и, как сейчас увидим, не без умысла. Приносит жертву не только рабочий, но и капиталист: доставляя средства производства и обращения, последний жертвует своим личным потреблением, точнее, тем удовольствием, которое такое потребление доставило бы ему. «*Капитал, — провозгласил Сениор, — есть результат человеческого воздержания, осуществляемого в производстве и обращении*».

Издержки производства, или — что в данном разрезе одно и то же — факторы производства богатства в экономическом смысле, Сениором сведены к двум видам жертвоприношения: к труду и воздержанию. Таким образом, Сениор «исправляет» учение Рикардо капитале и издержках производства (его вульгарные собратья ставят это Сениору в большую заслугу). Сведя капитал к накопленному труду, Рикардо сводит все издержки производства к труду. Сениор же, сводя капитал к воздержанию, сводит, как видим, издержки

производства к двум не зависимым друг от друга элементам. Однако между этими двумя элементами — что особенно важно для Сениора — есть и общее: и труд, и капитал — жертвы. Не может, следовательно, быть и речи об эксплуатации рабочего капиталистом. Речь может идти лишь о степени жертвы того и другого.

Разлагая издержки производства на труд и воздержание, Сениор «решает» проблему стоимости. Стоимость зависит от издержек производства, т.е. от труда и воздержания. Но как определить величину стоимости? Труд, имеет измерение — время. Но как измерить воздержание? Сениор такого вопроса даже не ставит, он его ловко обходит, ссылаясь на конкуренцию и отношение спроса и предложения. На рынке противостоят друг другу разного рода товары, производство которых стоит труда и воздержания; и продавец и покупатель стремятся с наименьшими затратами получить наибольший результат, а потому первый запрашивает наиболее высокую цену, а второй предлагает наиболее низкую цену. Продавец переоценивает издержки производства предлагаемого им товара, покупатель переоценивает стоимость своих денег, т. е. в конечном счете издержки производства тех товаров, за которые он своп деньги получил. Конкуренция заставляет обоих контрагентов отказаться от преувеличенных оценок и устанавливает цену, равную (в среднем) действительным издержкам производства, т. е. тем издержкам производства, которые необходимы для воспроизводства продаваемых товаров.

Вульгарный экономист не хочет понять, что конкуренция влияет лишь на отклонение цен от стоимости, отнюдь не создавая ее, и что его издержки производства не могут найти выражение в цене, так как воздержание, о котором говорит Сениор, составная часть сениоровских издержек производства, не поддается количественному определению; следовательно, и издержки, производства в целом (в сениоровском понимании) не могут найти, как сказано, выражения в цене.

Апеллируя к конкуренции, Сениор фактически дает старую-престарую вульгарную теорию спроса и предложения, а его «открытие» относительно «воздержания» капиталиста для его теории цены совсем не нужно. Но оно нужно для другой цели: для оправдания прибыли; и эту цель он имеет в виду, «определяя» стоимость трудом и воздержанием. Владелец имущества, утверждает он, может пользоваться последним двояко: либо расходовать его на личное потребление, превращая его в предметы индивидуального пользования, либо использовать его как средства производства и средства обращения, т. е. потреблять свое имущество производительно. Капиталист воздерживается от первого способа пользования своим имуществом, предпочитая второй. Этим

самым он превращает его в капитал. Но за свое воздержание капиталист должен быть вознагражден, иначе у него не будет к этому никаких стимулов.

«*Под воздержанием понимаем мы, — заявляет Сениор, — то, что отличается от труда и сил природы и что относится к прибыли так, как заработная плата к труду*». И дальше: «*Воздержание есть акт, заключающийся в отказе от непроизводительного потребления капитала... Кто так действует, тот есть капиталист и вознаграждение за его действие есть прибыль*».

Так, по Сениору, «решается» проблема прибыли: прибыль есть законное вознаграждение за воздержание. Однако, Сениор этим «решением» не довольствуется: ведь капиталист не только воздерживается от потребления, но и производит ряд действий, словом, «трудится», организуя предприятие и руководя им. Следовательно, при таком решении проблемы прибыли недооценивается роль капиталиста как предпринимателя. Поэтому Сениор разграничивает предпринимательский доход и процент: вознаграждением за воздержание служит лишь процент, предпринимательский же доход есть вознаграждение за работу предпринимателя.

Прибыль, действительно, распадается на предпринимательский доход и процент, т. е. принимает две как бы независимые друг от друга формы: форму процента и форму предпринимательского дохода. Классики сумели, как мы уже отмечали, свести процент к части прибыли. Сениор, наоборот, исходит из внешней видимости вещей и «открывает» два источника: один—для предпринимательского дохода, другой—для процента. И до Сениора вульгарные экономисты твердили, что предпринимательский доход есть особого рода заработная плата за квалифицированный труд предпринимателя. «Новое» слово Сениора заключается в том, что он открыл в «воздержании» источник процента.

Однако, Сениор очутился перед трудностями: его теория «воздержания» оказалась все же недостаточной для объяснения капиталистического дохода. Наследникам капиталиста, получившим в наследство, скажем, оборудованные фабрики, достается доход от последних без всяких жертв с их стороны. «Жертву» нес только их почтенный родитель, когда авансировал деньги на стройку и оборудование фабрики. Как оправдать прибыль наследников? Превратить п наследников в мучеников «воздержания», которые могли бы при желании съесть весь основной капитал плюс оборотный, Сениор не решился. Поэтому в дополнение к теории «воздержания» он развивает и теорию монополий. Поборник свободной конкуренции вынужден признать, что рядом с последней существуют и монополии.

По Сениору, существуют четыре вида монополии: 1) Временная монополия, возникающая тогда, когда предприниматель, вводя в свое предприятие улучшения, неизвестные другим предпринимателям, доставляет добавочную прибыль. Но эта монополия существует до тех пор, пока введенные улучшения не станут общим достоянием всех предпринимателей данной отрасли производства. 2) Монополия, связанная с количественной ограниченностью производимых вещей, например, редкого сорта вина. 3) Монополия, обусловленная привилегиями. Под эту категорию Сениор и подводит доход от наследства. Но в целях апологетики монополии под эту же категорию он подводит и доходы от крупных талантов, а также заработную плату квалифицированных рабочих. Доход наследника-миллионера, доход выдающегося, скажем, артиста и доход квалифицированного рабочего очутились под одной рубрикой и обязаны своим существованием монополии. 4) Наконец, монополия в виде владения землей, доставляющая ренту.

Теория монополий, выдвинутая Сениором, делает совершенно излишней его теорию «воздержания». На самом деле, если доход от наследства и ренту можно объяснить монополией на землю, то почему нельзя с тем же успехом объяснить прибыль на капитал монополией капиталистов на средства производства? Но апологет Сениор не мог рассматривать монополию как единственный источник нетрудовых доходов. Во-первых, это далеко не безопасно для господствующих классов: монополия есть право, поддерживаемое государством, следовательно, монополию можно рассматривать как насилие (так, например, как мы увидим дальше, рассматривает монополию Годскин). Это, конечно, известно было Сениору, но он изо всех сил старается «доказать», что монополия—явление естественное, выступающее в разных видах и формах, в том числе и в виде высокой заработной платы квалифицированных рабочих. Во-вторых, защищая собственность, в том числе и земельную собственность, Сениор не забывает главных своих подзащитных, т. е. промышленных капиталистов. В угоду последним он создал теорию «воздержания». О них он не забывает и в своей теории монополии и ренты как монопольного дохода. Землевладельцы, получающие ренту в силу монополии, не должны злоупотреблять ею в ущерб промышленной буржуазии. Практически это означало, что они должны отказаться от хлебных законов, мешающих ввозу дешевого хлеба из аграрных стран.

Наряду с теорией воздержания, призванной оправдать прибыль, Сениор изумил мир еще новым открытием, от которого он впоследствии сам отказался, но которое в свое время сослужило службу капиталистам в их борьбе против билля о десятичасовом рабочем дне. Путем ловких арифметических вычислений

он «открыл», что прибыль создается в «последний час», т. е. по окончании десятичасового рабочего дня. Опять Сениор демонстрировал непригодность теории «воздержания» для объяснения конкретных явлений. Никакое расписывание «воздержания» капиталистов не дает ответа на вопрос о длине рабочего дня: сколько же рабочие должны работать, чтобы капиталисты получили достаточное вознаграждение?

Чтобы ответить на этот вопрос, Сениор придумал свою теорию, которую Маркс иронически назвал «Последний час Сениора».

Потребительная стоимость, скажем, пряжи, произведенной в течение года, действительно создана была ***конкретным*** трудом данного года. Но стоимость пряжи, созданная абстрактным трудом, распадается на c + v + m, т. е. на старую стоимость c и на вновь созданную стоимость v + m. В течение данного года создана была лишь новая стоимость, старая стоимость производилась в предыдущие годы. Не понимая двойственного характера, заключающегося в товарах труда, классики не могли понять различия между процессом создания новой стоимости и процессом перенесения на продукт старой стоимости. Отсюда их представление, будто вся стоимость годовой массы товаров есть такой же результат годового труда, как и ее потребительная стоимость. Как известно, это наиболее ярко выразилось в «догме Смита», т. е. в разложении всей стоимости товара только на v+m.

Используя ошибку классиков, Сениор делит стоимость в сумме 115 тыс. ф. ст. (стоимость всей годовой продукции в его примере) на 23 части; на такое же число частей он делит рабочий год. И получается, что 1/23 стоимости создана была в 1/23 часть рабочего (годового) времени. Однако Сениор этим не ограничивается: к ошибке классиков он прибавляет ***кое-что*** от себя, опираясь на представления практиков-дельцов. Последние считают, что при продаже товарной массы по частям они вначале выручают свои издержки производства и лишь затем—свою прибыль; при этом они «забывают», что цена любой товарной единицы заключает в себе соответствующую часть прибыли. Отсюда и «открытие» Сениора: прибыль содержится в последней части продаваемой товарной массы и производится в «последний час». Оригинальные мыслители, замечает Маркс, не доводят своих ошибок до абсурда: научный инстинкт предохраняет их от этого. Сениоры, наоборот, побуждаемые полученным социальным заказом, очень охотно изощряют силу своей логики и «тонкость мышления» на доведении ошибок до абсурда. Но этот абсурд имел под собой определенную классовую устремленность: это «открытие» Сениора было использовано в борьбе фабрикантов против билля о десятичасовом рабочем дне. Недаром Маркс, обращаясь к фабрикантам, писал: «Когда

действительно пробьет ваш «последний часочек», вспомните Оксфордского профессора».

Бастиа. Перейдем к характеристике Бастиа. Его имя в 40-х и 50-х годах XIX в. было знаменем для фритредеров всех стран. Никаких «новых» слов, даже с точки зрения вульгарной экономии, Бастиа не сказал, но он сумел собрать воедино все сказанное до него в пользу экономической свободы и пропагандировать ее с большой страстностью и политической заостренностью. «*У него (Бастиа. — Д. Р.), — пишет Маркс, — апологетика является еще страстной и представляет* ***его настоящую работу****, так как содержание экономии он берет у других, как оно* ***ему подходит***»[252]

Бастиа берет у других лишь то, что «ему подходит». Он делает отбор и дает в своих работах квинтэссенцию всей премудрости вульгарной экономии. Позаимствованные идеи Бастиа преподносит особым образом. Тяжеловесный и сухой язык экономистов он заменяет легким и боевым языком публициста, а анализ и научную аргументацию—иллюстрациями, сравнениями и метафорами. Он не исследует, а убеждает и проповедует. Сложные экономические отношения им до того упрощены, что должны производить впечатление очевидных истин, от которых, уверяет он, «отворачиваются лишь круглые невежды, демагоги и корыстолюбцы». (К демагогам он относит социалистов, а к корыстолюбцам — монополистов.) Свою миссию Бастиа видел в просвещении первых, разгроме вторых и разоблачении третьих. Экономический либерализм, проповедовал он, восторжествует, и наступит царство «экономических гармоний».

В руках английских фритредеров были хорошие козыри. Во-первых, — ненавистные большинству населения хлебные законы, против которых они направили главный огонь; во-вторых, английская промышленность не боялась конкуренции со стороны промышленности других стран, и ничем не ограниченная свобода торговли явилась для нее средством расширения сферы действия и завоевания мирового рынка. Бее это, с одной стороны, придавало английскому фритредерству его жизненность, а с другой—характер, мы бы сказали, национальной ограниченности. На английском фритредерстве лежала печать Англии, и оно было не совсем пригодно для импорта в другие страны[253].

---

[252] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 367, выделение моё — Д. Р.

[253] Противники английского фритредерства в других странах смотрели па него, как на «дьявольскую затею» задушить более слабую иностранную промышленность. Юнкер Бисмарк сравнивал ставшую на путь свободной торговли Англию с Геркулесом, боксером, заманивающим своих менее сильных противников на открытую арену борьбы, где поражение их неминуемо.

У Бастиа, главного представителя французского экономического либерализма, таких козырей не было: во Франции не было лендлордов, в борьбе с которыми можно было бы мобилизовать общественное мнение, французская промышленность состязаться с английской не могла, и в свободе торговли заинтересованы были лишь некоторые ее отрасли. Реальные аргументы у Бастиа отсутствовали, он подменял их резонерством и красноречием, придавая своей проповеди экономической свободы видимость чего-то такого, что может претендовать на общую значимость. И действительно, на континенте Европы фритредерство распространялось, но под маркой Кобдена, Брайта и К^0 (вождей английского фритредерства), а главным образом под маркой Бастиа и К^0.

Но не имея тех козырей, которые были у английских фритредеров, Бастиа имел в своем распоряжении другие. Пережившая две революции и находившаяся накануне третьей (революции 1848 г.), Франция в рассматриваемую эпоху стала лабораторией социалистических идей и «нуждалась», следовательно, в защите от социалистической заразы. Эту защиту и взял на себя Бастиа.

Бастиа писал: «*Если бы я имел несчастье видеть в капитале выгоду только капиталиста, я сделался бы социалистом*».

Чтобы оградить себя, свою родину и весь мир от такого «несчастья», он постарался найти в капитале выгоду для всего человеческого рода и «открыл» «экономические гармонии».

Бастиа противопоставляет ***естественной*** организации общества искусственную его организацию. Такое противопоставление было не ново: вульгарные экономисты заимствовали эту идею у классиков, рассматривавших буржуазное общество как естественное, а добуржуазный экономический строй — как искусственный. Бастиа эту идею до крайности опошлил, провозгласив, что буржуазное общество, будучи естественным, является и гармоническим. Свой гармонический общественный строй Бастиа «открыл» в обмене. Именно обмен является тем китом, на котором держатся его «экономические гармонии». «*Я, — заявляет Бастиа, — должен сказать: с точки зрения экономической* ***общество есть обмен***».

В обмене, по Бастиа, индивиды оказывают друг другу **услуги**, или обмен есть не что иное, как обмен ***услугами***.

Обмен услугами происходит естественно и гармонично. Естественно, ибо никто никого не заставляет производить для обмена, а каждый, будучи побуждаем своими естественными интересами, производит одни полезные вещи с целью получить взамен их другие полезные вещи; гармонично, ибо, оказывая услуги, каждый заинтересован в том, чтобы и другой мог оказывать соответствующие услуги.

Теорию «услуг» Бастиа заимствовал у Сэя. Но он подверг ее дальнейшей обработке, сделав ее орудием познания... «экономических гармоний». По Сэю, услуги оказывают и вещи — капитал, земля как факторы производства. Бастиа с этим не согласен: услуги, оказываемые вещами, — даровые; в противном случае это противоречило бы гармонии. Вознаграждению подлежат лишь те услуги, которые оказывает **человек**. Вознаграждение же заключается в их обмене, иными словами, одна услуга служит вознаграждением другой. Отсюда вывод: «***стоимость***», или цена, по Бастиа, «***есть отношение двух обмениваемых услуг***».

Чем измеряются услуги? У Бастиа есть два мерила, на его взгляд тождественные: 1) усилия и напряжение, требуемые от того, кто услуги оказывает; 2) усилия п напряжение, от которых освобождается тот, кто услуги получает.

Но где гарантия, что усилия и напряжение одного из участников обмена соответствуют усилиям и напряжению другого? Гарантией, отвечает Бастиа, служит свобода, ибо при экономической свободе никто и ничто не заставляет совершать невыгодные сделки; а выгодность сделки для обеих сторон говорит за то, что обмен базируется на эквивалентности. Эквивалентный обмен есть и справедливый обмен, что в свою очередь свидетельствует о гармонии интересов.

Ошибку теории трудовой стоимости Бастиа усматривает в том, что под трудом она понимает материальный процесс, производящий материальные блага. Он же под трудом понимает усилие, напряжение, т. е. расширяет понятие труд, подводя под него любое человеческое действие и даже душевное состояние. Этим Бастиа оказал братскую помощь Сениору, точнее, совершил с ним обмен услуги на услугу. Бастиа очутился перед затруднением: как объяснить процент на капитал? Это не укладывается в формулу: услугу за услугу. Стать на позицию Сэя и вместе с ним утверждать, что процент — результат действия капитала, Бастиа, как мы видели, не мог, так как это противоречило бы его проповеди «экономических гармоний». На помощь пришел Сениор со своей «теорией воздержания», и Бастиа получил возможность уложить в свою формулу и категорию процент. И «свете» этой теории сразу стало ясно, что и процент есть вознаграждение за услугу, за ту услугу, которую оказывает капиталист, создавая капитал[254]. Против сениоровской теории «воздержания» возражали, что оно как чисто пассивный акт не может быть фактором образования стоимости. Тут на помощь партнеру

[254] «Подвиг» капиталиста Бастиа называет не воздержанием, а «отсрочкой»; капиталист же, авансируя капитал, отсрочивает свое потребление, что является с его стороны жертвой, лишением.

пришел Бастиа, отведший указанное возражение тем, что воздержание требует усилия и напряжения, а потому не отличается от труда.

«Категория услуг» оказала Бастиа неоценимую услугу, освободив его от усилий и напряжений, необходимых для конкретных исследований конкретной действительности. Даже Ш. Жид, относящийся к Бастиа довольно благосклонно, заявляет: «*Можно посмеяться над наивностью Бастиа, с какой он торжествует победу, ибо он не замечает, что если его формула (т. е. его теория обмена и стоимости. — Д. Р.) так понятна и до такой степени всеобъемлюща, что в нее может войти все, что угодно, то это происходит как раз потому, что она* ***пустая рама, проходное свидетельство***»[255].

Дело, конечно, не в наивности Бастиа — он далеко не наивен, — а в том, что ему и нужна была «пустая рама», куда можно было бы вместить и обмен товаров, и обмен труда на капитал, и ссуду, оказываемую кредитором должнику, и отдачу земли в аренду. Наконец, эта же «рама» оказалась вместительной и для «услуг», оказываемых чиновником, министром, королем, попом и т.д.

Но Бастиа встал перед другой трудностью: как объяснить земельную ренту? Тут уже не помог и Сениор, так как последний вынужден был, как мы видели, признать, что существует монополия, результатом чего является доход землевладельца. Бастиа этого признать никак не может. Во-первых, какой диссонанс: «экономические гармонии» и монополии! Как согласовать ренту как результат монополии с «высшим общественным законом: услуга за услугу»? Во-вторых, как защитник французских виноделов Бастиа не может относиться к земельным собственникам так, как относятся к ним английские фритредеры. И вообще земельная собственность занимала во Франции иное место, нежели в Англии; формально значительная часть земли принадлежала крестьянству, но фактически получателями ренты были банки, в которых земля была заложена.

Не имея возможности пользоваться «услугами» существовавших в его время теорий ренты, Бастиа выбивается из сил в поисках новой теории ренты, которая находилась бы в гармонии с формулой: «услуга за услугу». Первое, за что он хватается, это то, что владельцы земли или их предки вложили в землю капитал, а также труд на ее освоение.

Но ограничиться таким объяснением возникновения ренты Бастиа не решается: ему было известно, что разные по плодородию участки земли при одинаковом вложении капитала и труда дают разные ренты. Чем объяснить это

---

[255] Ш. Жид и Ш. Рист, История экономических учений, изд. 2-е, 1918, с. 195, выделение моё — Д. Р.).

различие: раз принесены одинаковые «жертвы», почему получается разное вознаграждение?

Бастиа сравнивает хороший участок земли с алмазом. Случайно найденный алмаз продается по высокой цене потому, что покупатель освобождается от больших усилии и напряжения, необходимых для его отыскания. В применении к ренте это значит, что владеющие лучшими землями, дающими больший урожай, освобождают большее число лиц от усилий и напряжения, нужных для добывания сельскохозяйственных продуктов, чем владеющие худшими землями; а потому лучшая земля должна давать больше дохода. Словом, лучший участок, это — ***лучший алмаз***, имеющий более высокую стоимость. Тут апологет всякого нетрудового дохода совсем запутался. Во-первых, алмаз по счастливой случайности может найти каждый, «счастье» же владеть землей выпало на долю только одного класса. А потому, как ни вертись, уйти от проклятого вопроса о том, почему владеющий лучшим участком получает больше ренты, никак нельзя. Во-вторых, с развитием общества, как показал Рикардо, рента растет, и растет она в ущерб другим классам. Как же примирить это с «экономическими гармониями»?

Но в минуту жизни трудную Бастиа прибегает за помощью к... вере. Он верит, что монополий не существует, что благами природы пользуются все. Бывают некоторые неполадки, но это не существенно, важно следующее: то, что является общим по определению провидения, уверяет Бастиа, останется таковым, несмотря на человеческие махинации. Он верит, что теория ренты Рикардо не верна, ибо нельзя допустить, чтобы творец мира обрек человеческий род на столь печальную участь, как рисует Рикардо, когда общество в своем развитии вынуждено пускать под обработку все худшие и худшие земли и, следовательно, вынуждено добывать свой насущный хлеб с затратой все большего количества труда.

Спорить с «экономистом», который, сам не веря в силу своих аргументов, заменяет последние верой в благость провидения, конечно, не приходится. Амальгама из плоских софизмов и мистики является тем «вкладом», который Бастиа внес в методологию вульгарной политической экономии. Он безгранично развязен в своих «смелых» утверждениях, так как недостаток аргументов он компенсировал своим... «я верую».

Бастиа с его «экономическими гармониями» знаменует собой конечный пункт той разновидности вульгарной экономии, которая возникла путем выделения вульгарных элементов классической школы «в особый вид экономии». Начало этому «виду экономии» кладет Сэй, а завершает его Бастиа. От Сэя до Бастиа вульгарная экономия так или иначе связана с классической школой, питается ее идеями и, все более и более вульгаризируя их,

приспособляет «к обиходу буржуа». Но устами певца «экономических гармоний» названная разновидность вульгарной экономии говорит свое последнее слово, в его лице она кончает свой жизненный путь.

После Бастиа ей сказать уже нечего, и с новыми теориями выступают другие разновидности вульгарной экономии: историческая школа, австрийская школа и разные современные направления.

Глава XII
Вульгарная политическая экономия в Германии (Первая половина XIX в.)

В отличие от Англии, родины классической политической экономии, и Франции, страны, где классическая политическая экономия имела своих крупных представителей, Германия, в которой до середины XIX в. не было благоприятных условий для развития капиталистического способа производства, в развитии классической политической экономии не участвовала. В Германии, говорит Маркс, «*отсутствовала... жизненная почва для политической экономии. Последняя ввозилась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора ее оставались учениками*»[256]

Когда же Германия вступила на путь быстрого развития капиталистического производства, «*...это произошло при таких условиях, которые уже исключают возможность беспристрастного изучения предмета в рамках буржуазного кругозора*»[257].

В первые три десятилетия XIX в. в Германии наибольшей популярностью пользовались идеи Сэя; с 40-х годов наиболее популярным писателем становится Бастиа. Особую роль в развитии экономической мысли Германии сыграло создание в 1834 г. таможенного союза. Энгельс в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» писал: «*С основанием таможенного союза немцы впервые достигли такого состояния, при котором они вообще смогли только понять политическую экономию. С этих пор действительно начался импорт английской и французской экономии на погребу немецкой буржуазии*»[258].

Следует заметить, что защита фритредерских позиций в тогдашней Германии отвечала также экономическим интересам части прусского

---

[256] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 18.

[257] Там же.

[258] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 158, рецензия Энгельса.

юнкерства, заинтересованной в форсированном экспорте сельскохозяйственных изделий. Свобода торговли должна была облегчить экспорт. Но идеи манчестерской школы Бастиа и других идеологов фритредерства были использованы немецкими буржуазными экономистами главным образом для борьбы с социалистическим учением.

В силу тех же специфических условий развития Германии господствующее влияние приобрела в ней отнюдь не английская манчестерская школа и не французская, а совершенно особая форма вульгарной экономии, так называемая историческая школа. В этой «профессорской», по словам Маркса, «*форме апологетики*», по словам Маркса «*все системы обездушены; во всех системах отломано острие; и они мирно уживаются в коллекционной тетради*»[259].

Историческая школа возникает в 40-х годах прошлого столетия. Крупнейшим событием этой эпохи является буржуазная революция 1848 г., оказавшая огромное влияние на экономическое и политическое развитие Германии. Революция 1848 г. обусловила быстрое развитие капиталистического способа производства. Энгельс писал, что эта революция двинула в ход промышленную революцию. В 40-х годах в Германии значительно усиливается демократическое и социалистическое движение. Против этих движений и была направлена историческая школа. Представляя собой разновидность вульгарной экономии, историческая школа ставит своей основной задачей апологетику капиталистического строя. Но эту апологетику она осуществляет специфическими методами и берет в качестве основного объекта своей защиты прусский путь развития капитализма. Последний «*...характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодальные черты*». Историческая школа, будучи ветвью буржуазной политической экономии, отражает специфическую идеологию немецкой буржуазии, действующей в стране, где господствующую роль в политической жизни играет юнкерство. В связи со всеми этими специфическими условиями историческая школа акцентирует свое внимание на защите того положения, что капитализм исторически возник из феодализма, что его право на существование оправдано многочисленными связями с полуфеодальными учреждениями. Выступая в качестве идеологов буржуазного развития, представители исторической школы всячески стараются обосновать солидарность интересов буржуазии и юнкерства.

---

[259] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 367.

Историческая школа имела своих предшественников. Главнейшими из них были Адам Мюллер и Фридрих Лист. И тот, и другой боролись с классической школой и экономическим либерализмом и предвосхитили ряд основных положений, ставших догматом исторической школы.

В своем развитии историческая школа прошла две фазы: в первой из них она именуется старой исторической школой, во второй—молодой. Старая историческая школа боролась, с одной стороны, с классической политической экономией, а с другой— с утопическим социализмом. Молодая историческая школа вела борьбу с марксизмом.

В данной главе мы рассмотрим только старую историческую школу и ее предшественников.

Общая характеристика экономики Германии. Германия в первой половине прошлого столетия представляла собой отсталую в хозяйственном отношении страну. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве был весьма низким. К началу XIX в. в Германии еще сохранился феодально-крепостнический строй. В результате французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн в Германии начинается ломка крепостнических отношений. Но эта ломка осуществлялась не революционными методами, а путем реформ сверху и затянулась поэтому вплоть до революции 1848 г. Личная зависимость крепостных была отменена в Германии в начале XIX в.: в Пруссии, например, в 1807 г., в Баварии—в 1808 г., в Гессене—в 1811 г., в Вюртемберге—в 1817 г. Крестьянин получил право оставить помещика, уйти в город и заняться промыслами. Оставаясь работать в сельском хозяйстве, он должен был отбывать различные повинности помещику в виде барщины и т. д. Вплоть до революции 1848 г. германская деревня сохранила большинство феодально-крепостнических отношений. Это сильно тормозило развитие капитализма.

Другим крупнейшим тормозом развития капитализма было наличие множества таможенных границ. Правда, в результате наполеоновских войн число немецких государств сократилось с 300 до 38, но каждое из этих государств имело свою таможенную границу, требовало взимания пошлин и т. д. Кроме того, таможенные границы существовали между отдельными областями внутри одного государства. Так, например, в одних только старых частях Пруссии насчитывалось до 67 местных тарифов. Все это крайне затрудняло развитие товарооборота и образование национального рынка. Правда, с созданием в 1833 г. единого таможенного союза в Германии возникли предпосылки для более быстрой индустриализации. В 30-х и 40-х годах прошлого столетия там происходил довольно быстрый рост промышленности. Но, несмотря на это, Германия оставалась в индустриальном

отношении весьма отсталой страной по сравнению не только с Англией той эпохи, но и с Францией. Так, например, в 1850 г. по добыче каменного угля Германия в 7—8 раз уступала Англии и лишь немногим превышала Бельгию; но выплавке чугуна в том же году она в 5,5 раза уступала Англии и на одну треть Франции.

Германская буржуазия, выступив на историческую арену, оказалась неспособной на решительную борьбу с феодализмом и его оплотом—феодальным государством. Германская буржуазия сразу вступает на путь измены народу и сговора с феодальными элементами. Это объясняется тем, что она выступает на историческую арену слишком поздно; когда рабочее движение значительно развернулось и выросло в могучую силу, когда в крупнейших капиталистических странах—Англии, Франции, а также в самой Германии—уже сложилось крупное социалистическое движение и классовое самосознание рабочих настолько выросло, что представляло угрозу не только феодальным порядкам, но и капиталистическому строю. В статье «Буржуазия и контрреволюция», написанной в разгар революции 1848 г., Маркс дал блестящую характеристику прусской буржуазии. Эта характеристика может быть распространена и на всю германскую буржуазию.

«*В отличие от французской буржуазии 1789 г., — писал Маркс, — прусская буржуазия не была тем классом, который защищает всё современное общество против представителей старого общества, монархии и дворянства... Она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества... она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что представляла недовольство старой общественной эпохи; то был пласт старого государства, который сам не пробил себе дороги, но силою землетрясения был выброшен на поверхность нового государства*»[260].

Германская буржуазия не ставила своей задачей совершенно ликвидировать помещичий класс. Она требовала лишь допущения к политической власти, наряду со своим старшим братом—юнкерством. Влияние юнкерства особенно сильно было в Пруссии; оно держало в своих руках государственный аппарат, армию, оно создало культ военщины, милитаризма и весьма враждебно настроено было по отношению ко всякого рода демократическим движениям. Германская буржуазия, сделав тогда главную ставку на Пруссию как на самое сильное немецкое государство, которое должно было сыграть решающую роль в объединении Германии, вступила на путь

[260] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, с. 55–56.

капитала, состоящий из общей культуры и правового порядка. Этот духовный капитал Мюллер рассматривает как продукт прежде.

1. Предшественники исторической школы

Адам Мюллер (1779–1829). Адам Мюллер — ярый противник буржуазной французской революции и сторонник «старого режима». В 1811 г. Мюллер переселился в Вену и стал близким другом и сподвижником Меттерниха, игравшего крупнейшую роль в реакционном Священном союзе.

Мюллер резко ополчается против учения Адама Смита, обвиняя его в безбожии и материализме. В противоположность Смиту, он подчеркивает решающее значение этических и религиозных факторов в хозяйственной жизни и роль государства как экономической силы. Под государством он разумеет государство феодально-крепостническое. Государство в трактовке Мюллера является основным источником хозяйственной жизни. Без государства, по его мнению, невозможно не только накопление и хозяйственное развитие, но и вообще непрерывное существование общества и сама хозяйственная жизнь; государство—важнейший источник богатства.

Столь же резко выступает Мюллер против учения Смита о непроизводительном характере функций государственных деятелей, чиновников, офицеров и т. д. Согласно его учению, наряду с физическим капиталом существует какой-то особый духовный капитал, состоящий из общей культуры и правового порядка. Этот духовный капитал Мюллер рассматривает как продукт прежде всего государства, которое в его трактовке выступает как вечная категория. Социально-экономические воззрения Мюллера, отражающие интересы феодальных элементов, пронизаны реакционной романтикой. Он критикует капитализм и классическую политическую экономию с позиций реакционного дворянства. «*Все его глубокомыслие, — говорит Маркс, — ...заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся на поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли как о чем-то таинственном и значительном*»[261]

Наиболее крупным идеологом промышленной буржуазии Германии в рассматриваемую эпоху был Фридрих Лист.

Фридрих Лист (1789—1846). В своей рецензии на работу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс писал, что «...*Лист все еще является самым лучшим из того, что произвела немецкая буржуазная*

[261] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 320.

экономическая литература, хотя все его прославленное произведение списано у француза Феррье...»[262].

[ПРОБЕЛ]

В 1841 г. вышло в свет основное произведение Листа «Национальная система политической экономии».

В предисловии к этой книге Лист указывает на отличие своего учения от учения классической школы. Крупнейший недостаток последней он усматривает в космополитизме, в игнорировании национальных особенностей хозяйственного развития. Центральным понятием в экономической системе Листа является понятие национального хозяйства. Поэтому он предпочитает говорить не о политической экономии, а о национальной экономии. Задача её, по мнению Листа, заключается в определении условий хозяйственного воспитания нации и ее промышленного развития.

Учение Листа о национальной политической экономии связано с его учением о разделении труда. Лист различает разделение труда внутри национального хозяйства и разделение труда внутри мирового хозяйства. Он— сторонник максимального форсирования разделения труда внутри страны. Это должно способствовать росту производительных сил. Но вместе с тем он высказывает опасения по поводу слишком далеко идущего разделения труда между отдельными странами. Такой рост разделения труда усиливает зависимость отдельной страны от мирового хозяйства и может отрицательно отразиться на развитии национального хозяйства в случае изменения международной обстановки, наступления войн, политических осложнений и т. д. Общий вывод Листа сводится к тому, что в центре внимания национальной экономии должна стоять задача развития разделения труда внутри страны, что этой задаче должна быть подчинена проблема развития международных хозяйственных связей.

В этом пункте весьма наглядно выступает различие между постановкой основных проблем политической экономии в работах классиков и Листа. Классики рассматривали весь мир как единую мастерскую. Они были сторонниками осуществления наиболее эффективного, с точки зрения производительности труда, разделения труда, хотя бы последнее и привело к некоторому сокращению отдельных отраслей внутри данной страны (например, английского земледелия). Такая постановка позволила классикам вскрыть целый ряд общих закономерностей капиталистического производства, которое они отождествляли с производством вообще. Фридрих Лист, в противоположность классикам, акцентируя все свое внимание на изучении

[262] К. Маркс, Избранные произведения. т. 1, 1940, с. 332.

национального хозяйства, тем самым закрывает себе путь для применения абстрактного метода, для изучения общих закономерностей капиталистического производства.

Учение Листа о национальной капиталистической экономии оказало огромное влияние на все последующее развитие экономической мысли в Германии.

Лист обвиняет классиков в том, что они основное внимание уделяли вопросам меновой стоимости. Учению о меновой стоимости он противопоставляет теорию производительных сил, которая, по его мнению, должна занять центральное место в учении о национальном хозяйстве.

Основная задача национальной экономии, по мнению Листа, состоит в том, чтобы определить наиболее благоприятные условия развития производительных сил данной нации. Смысл этого противопоставления теории производительных сил учению о меновой стоимости заключается в том, что в интересах развития последних нужно расширять определенные отрасли производства, хотя бы это было менее выгодно с точки зрения получения меновой стоимости. Это противопоставление нужно было Листу для оправдания его протекционистских выводов. Ему важно было обосновать ту мысль, что в интересах развития национальной промышленности выгодно идти на временные жертвы в виде форсирования таких отраслей, в которых производительность труда в данное время ниже, чем за границей.

В действительности классики, конечно, не игнорировали вопросов развития производительных сил. И для классиков эти вопросы были центральными. Достаточно напомнить, какое значение Адам Смит приписывал вопросам разделения труда, а Рикардо—применению машин. Основное различие между классиками и Листом в данном вопросе заключается в том, что первые рассматривали рост производительных сил с точки зрения мирового хозяйства как единой хозяйственной системы. Лист же акцентирует свое внимание на развитии производительных сил определённых национальностей. Наряду с этим различием имеется ещё одно очень существенное различие. Классики считали, что развитие производительных сил не нуждается в поддержке со стороны государства, что стихийное соревнование капиталистов является наилучшим условием, обеспечивающим хозяйственное развитие. В отличие от классиков, Лист возлагает огромные надежды на государство. Хозяйственное развитие нации, по его мнению, немыслимо без активной поддержки со стороны государства.

Лист также значительно расширяет понятие производительных сил, включая в это понятие государство, нравы, религию, мораль и т. д. Он указывает, что «*христианская религия, моногамия, отмена рабства и*

крепостного состояния, наследственность монархии, изобретение книгопечатания, прессы, почты, денег, мер веса и длины, календаря и часок, введение полиции, свободной земельной собственности и транспортных средств являются богатыми источниками производительной силы»[263].

Учение Листа о производительных силах отражает очень существенную особенность позиций немецкой буржуазии. Развиваясь в обстановке очень сильной конкуренции со стороны французской и, в особенности, английской индустрии, располагающей значительно более развитыми техническими средствами и большей экономической мощью, немецкий промышленный капитал искал себе защиты в таможенной охране, в поддержке со стороны феодально-юнкерского государства. Отсюда такое восхваление и выпячивание творческой роли государства в немецкой буржуазной экономической литературе. В этом пункте Лист близко подходил к идеологу феодального дворянства Адаму Мюллеру. Эта близость взглядов Листа и Мюллера в данном вопросе отражала блок между дворянством и промышленной буржуазией Германии. Лист, как и Мюллер, отвергает положение классиков о том, что производительным является только труд материальный, т.е. труд только тех, кто участвует в материальном производстве, кто производит меновые стоимости. К категории производительного труда Лист относит деятельность и тех, кто обучает подрастающее поколение, кто заботится о его нравственности и религиозности, кто печется об облагораживании человеческого духа, об охране законности права и т.д.

Для того чтобы обосновать протекционистскую политику, Лист наряду со своим учением о производительных силах выдвигает еще учение о стадиях хозяйственного развития. Лист различает пять таких стадий: период дикости, или охотничий, пастушеский, земледельческий, земледельческо-мануфактурный и земледельческо-мануфактурно-торговый. В основу схемы Листа положен отраслевой критерий. Отдельные стадии хозяйственного развития, согласно этой схеме, отличаются друг от друга в зависимости от того, какие отрасли играют ведущую роль в народном хозяйстве. Основную сущность хозяйственного развития Лист усматривает в переходе от односторонне-аграрных стран к индустриально-аграрным, а затем к индустриально-аграрно-торговым.

Вся эта схема исторического развития основана на полном игнорировании различия типов производственных отношений, на непонимании различия между общественно-экономическими формациями. С легкой руки

[263] Friedrich List, Das nationale System der politischen Oekonomie, Jena, 1922, s. 227.

Листа подобного рода схемы хозяйственного развития стали широко применяться в работах исторической школы.

Из своей схемы Лист делает определенные практические выводы. Он выдвигает учение о так называемом воспитательном протекционизме. Основную задачу таможенных пошлин он усматривает в индустриальном «воспитании» нации, в создании благоприятных условий для такого индустриального развития, которое обеспечило бы за данной нацией самостоятельность и независимость в мировом хозяйстве. Лист рассматривает таможенные пошлины как временную меру: они нужны лишь до тех пор, пока данная нация не станет крепко на ноги в индустриальном отношении. Протекционистская политика, по мнению Листа, нужна народам, находящимся на четвертой стадии развития, т. с. на стадии индустриально-аграрной, когда промышленность уже разливается, но еще не вполне окрепла. К числу таких стран Лист причислял тогдашнюю Германию и США. Протекционистская политика, по мнению Листа, нецелесообразна в чисто аграрных странах (к таковым он относил тогдашние Испанию и Португалию) и в странах с вполне развитой промышленностью, достигших высшей стадии хозяйственного развития, как Англия.

Выступая защитником так называемого воспитательного протекционизма по отношению к промышленности, Лист в то же время был противником таможенных пошлин на земледельческие продукты. В этом отношении позиция Листа значительно отличается от позиции защитников протекционизма в Германии в конце XIX в., которые в основном оправдывали аграрный протекционизм[264].

2. Старая историческая школа

Идейные истоки. Великая французская буржуазная революция и последовавшие за ней события, в частности эпоха реставрации во Франции, значительно усилили интерес к вопросам истории. Возникли исторические школы в области права, языкознания. Историческая тематика начинает занимать в ту эпоху все больше и больше места и в области художественной литературы. Такое увлечение историей представляло собой своеобразную

[264] Агитация Листа за индустриальный протекционизм пришлась не по вкусу прусскому юнкерству, которое было заинтересовано в получении дешевых промышленных изделий из-за границы и которое поэтому стояло на фритредерских позициях. Этим объясняются неудачи, которые преследовали Листа и привели его к трагическому концу (Лист кончил самоубийством в 1846 г.).

реакцию на просветительную философию XVIII в., которая рассматривала феодальные институты как искусственные явления, порождённые невежеством.

Все эти резко усилившиеся попытки использования истории имели двоякий характер. С одной стороны, идеологи дворянства, напуганные Великой французской революцией, пытались повернуть внимание общества к вопросам истории и использовать исторические исследования для идеализации феодального прошлого, для оправдания исторически сложившихся институтов. На этой почве создавался вульгарный историзм, преследовавший определённые апологетические цели. С другой стороны, к истории обращаются социалистические критики капитализма, чтобы обосновать его преходящий характер. Элементы такого научного историзма мы встречаем в работах великих социалистов-утопистов, в особенности у Фурье. Свое наиболее полное завершение и развитие научный историзм получил в работах Маркса и Энгельса.

Маркс в письме к Энгельсу от 25 марта 1868 г. писал: «*Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: всё получало средневековую окраску, всё представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, — и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти учёные и не подозревают своей связи с ним, — заключается в том, чтобы заглянуть за средневековье в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до egalitarians to a degree (уравнителей такого рода. — Д. Р.), которые привели бы в ужас самого Прудона*»[265].

Наиболее ярким проявлением вульгарного историзма является историческая школа права, возникшая в Германии в начале XIX в. Она представляла собой реакцию на французскую революцию и свою основную критику направила против учения о естественном праве. Основной метод апологетики этой школы заключается в оправдании полуфеодального, полукапиталистпческого строя на том основании, что он опирается на вековые традиции. Маркс в своей статье «К критике гегелевской философии права» очень метко выразил специфику апологетических методов исторической школы права: «*Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут... эта историческая школа права изобрела бы немецкую*

[265] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, с. 34.

историю, если бы она не была изобретением немецкой истории»[266]. Маркс сравнивает историческую школу права с Шейлоком, который «...*клянется в каждом фунте мяса, вырезанном из народного сердца, её векселем, её историческим векселем, её христианско-германским векселем*»[267].

Историческая школа права оказала значительное влияние на формирование исторической школы в политической экономии. В. Рошер в предисловии к своей книге «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода» писал, что метод исследования в политической экономии должен быть аналогичен методу Савиньи — Эйхгорна в области юриспруденции. Историческая школа в политической экономии заимствовала у исторической школы права использование истории в чисто апологетических целях для оправдания настоящего. Историческая школа в политической экономии также строит свою аргументацию на противопоставлении исторических законов естественным. Она также выдвигает этический фактор в качестве решающего. Обе исторические школы объединяет борьба с буржуазным просветительством и защита исторически сложившегося в Германии в начале XIX в. полуфеодального, полукапиталистического строя.

На формирование исторической школы в политической экономии значительное влияние оказали также Адам Мюллер и Фридрих Лист.

Представители этой школы заимствовали у Адама Мюллера его критические выпады против материализма классиков, его подчёркивание решающей роли этических факторов в хозяйственной жизни, его выпячивание творческой роли государства. Наряду с этим представители исторической школы заимствовали у Мюллера его отрицание общих для всех народов хозяйственных законов, его признание, что у каждого народа имеются свои пути хозяйственного развития.

Основные идеи, которые историческая школа заимствовала у Листа, могут быть сведены к следующим положениям: а) политическая экономия есть наука о национальном хозяйстве; б) основной недостаток классической школы заключается в её космополитизме; в) при рассмотрении вопросов экономической политики нужно исходить из схем хозяйственного развития.

Представители старой исторической школы. Родоначальником исторической школы считается Вильгельм Рошер (1817—1894), выпустивший в 1843 г. книгу «Краткие основы курса политической экономии с точки зрения исторического метода». В самом заглавии этой книги содержится обещание

[266] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 387.
[267] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 387.

пересмотреть политическую экономию на основе нового метода — исторического.

Сущность последнего Рошер усматривает в том, что экономист не должен ограничиваться изучением современных хозяйственных форм, что он должен привлекать большой исторический материал и, в частности, историю древних народов. Рошер ***ещё не противопоставлял свой «исторический метод» методологии классической школы.*** Он прямо писал в упомянутом выше предисловии, что его работа значительно отличается от работ школы Рикардо, но что он не ставит своей основной целью противопоставить её работам школы Рикардо или заменить результаты исследований этой школы своими выводами.

Значительно резче выражена концепция исторической школы у Бруно Гильдебранда (1812—1878). Основная работа Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» была выпущена в 1848 г. Она носит на себе непосредственный отпечаток бурных событий, разыгравшихся тогда в Европе. На первой же странице своей книги он пишет, что политическая экономия за последнее время переживает новую эпоху, она вышла уже из кабинетов и перестала быть достоянием одних только учёных. Гильдебранд очень много внимания уделяет критике французских утопических социалистов и ранней работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Энгельса Гильдебранд характеризует как наиболее выдающегося из немецких социалистов. В работе Гильдебранда встречаются упоминания о Марксе, но Маркса Гильдебранд знал только по его статьям в «Немецко-французских ежегодниках» и уделил ему мало внимания. В своей работе Гильдебранд выражает подлинные цели «исторического метода» значительно более откровенно, нежели другие представители исторической школы.

Крупным представителем старой исторической школы является Карл Книс (1821—1898), выпустивший в 1853 г. книгу под заглавием «Политическая экономия с точки зрения исторического метода». Книс, подобно Гильдебранду, направляет свою критику, главным образом, против классической школы. В работах Книса методология исторической школы получила своё наиболее законченное выражение: в них, по существу, даётся «обоснование» необходимости ликвидации политической экономии как теоретической науки.

***

Прежде чем приступить к критическому рассмотрению методологии исторической школы, необходимо сделать одно предварительное замечание. Было бы совершенно бесплодным делом заниматься анализом «теорий»

стоимости, денег, заработной платы, прибыли, земельной ренты и т. д. исторической школы по той простой причине, что таких «теорий» в природе не существует. Да их и не могло быть, поскольку историческая школа рассматривает политическую экономию не как теоретическую, а как описательную науку. Вся «теоретическая» работа исторической школы ограничивается двумя направлениями: а) критикой классической школы и учения социалистов (в этом направлении больше всего старался Гильдебранд) и б) рассмотрением общих методологических вопросов и «обоснованием» ненужности теоретической экономии (наиболее крупным «специалистом» в этой области является Книс). Позитивной разработкой отдельных теоретических проблем политической экономии историческая школа не занимается. Правда, у отдельных представителей этой школы мы встречаем высказывания по различным теоретическим вопросам и даже специальные работы (например, книга Книса «Деньги и кредит»), но эти теоретические высказывания никакого интереса для истории экономической мысли не представляют. Во-первых, они заимствованы у английских и французских вульгарных экономистов (Сэя, Сениора и др.). Во-вторых, в «теоретических» высказываниях представителей исторической школы не отражается какая-либо единая точка зрения, характеризующая определенное направление. Каждый из экономистов, примыкающих к этой школе, выступает в теоретических вопросах за свой страх и риск.

В результате получается мешанина из обрывков самых различных вульгарных «теорий». Ярким образцом такого типа экономистов, бездарных кропателей и эклектиков, является Рошер, которого Маркс неоднократно высмеивает в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости». «*Я надеюсь меня не упрекнут в «безжалостности» по отношению к Вильгельму Фукидиду (так Маркс иронически называет Рошера. — Д. Р.). С какой «безжалостностью» третирует этот педант саму науку!*»[268]. Рошера Маркс характеризует как жалкого подголоска Юра, Сениора и других апологетов. «*Господин Вильгельм Рошер, — пишет Маркс, — ...никогда не преминет зарегистрировать чёрным по белому ловкие апологетические измышления...*»[269]. «*Именно потому, — писал Маркс, — что Кондильяк не имеет ещё ни малейшего представления о природе меновой стоимости, он оказывается самым подходящим руководителем для г. профессора Вильгельма Рошера при созидании последним своих собственных детских*

[268] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 2, ч. 1, с. 212.

[269] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с.142

понятий»[270]. Критическая оценка, данная Марксом Рошеру, может быть распространена и на других представителей исторической школы.

Критика учения классиков о естественных законах. В критике учения классиков, которую дают представители старой исторической школы, центральным пунктом является учение о естественных законах. Наиболее детальная критика этого учения дана в работе Книса. Хозяйственная жизнь, по его учению, определяется взаимодействием двух факторов: а) реального, или природного, или вещественного и б) персонального, или духовного. Книс резко противопоставляет друг другу мир природы и общество. В первом, в природе, по мнению Книса, нет никакого развития, что даёт, мол, основание для действия естественных законов. Сущность последних Книс сводит к тому, что постоянные причины всегда вызывают одни и те же неизменные результаты. Совершенно по-иному выглядит, согласно его трактовке, человеческое общество. Там выступает новый фактор — развитие, которое якобы исключает возможность существования естественных законов. В подкрепление своих позиций Книс прибегает к чисто идеалистическим аргументам. Он противопоставляет необходимость и закономерность, проявляющуюся в области природы, свободе, господствующей в области человеческих отношений. Духовная жизнь, по Кнису, не подчиняется определённым законам. Она развивается у каждого народа своими путями. Исторические события неповторимы. Они не могут быть уложены в какую-то общую формулу естественных законов.

Историческая школа критикует учение о естественных законах в области экономики, исходя из метафизического представления о естественных законах. Книс противопоставляет естественные законы развитию. Он рассматривает естественный закон как вечный и неизменный и не понимает, что развитие общества осуществляется на основе определённых законов, соответствующих определённым экономическим формациям и имеющих характер непреложных, действующих с такой же необходимостью и обязательностью, как и законы в области природы. Критика учения о естественных законах в области экономики, данная исторической школой, носит антинаучный характер, она направлена против основных научных завоеваний классиков. «*...Классики, — писал Ленин, — нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. Оба эти недостатка исправлены материалистическим историзмом...*»[271]

---

[270] Там же, с. 103–104.

[271] В. И. Ленин. Соч., т. 17, с. 270

Критика «космополитизма» классиков. Критика учения о естественных законах со стороны «историков» своим острием направлена против «космополитизма» классической школы. Историческая школа отрицает наличие общих для всех стран законов капиталистического развития. У каждого народа, с этой точки зрения, существуют свои пути хозяйственного развития, определяемые каждый раз специфическими условиями развития данной нации. Исходя из такого понимания хозяйственного развития, историческая школа трактует политическую экономию как национальную науку, которая должна изучать хозяйство лишь определённого народа.

Наиболее подробно эта концепция развита в работе Книса, который полагает, что по мере общего культурного роста национальные различия будут всё более и более усиливаться. Поэтому он считает, что попытки установления общих экономических законов становятся всё более безнадёжными.

В качестве иллюстрации положения исторической школы об отсутствии общих законов хозяйственного развития для разных народов можно привести мнение Книса о рабовладельческом хозяйстве. Основные корни рабства Книс усматривает в национальной психологии народов античного мира. Древние греки и римляне, по мнению Книса, видели смысл своего существования в общественной и политической жизни, почему считали невозможным вести хозяйственную деятельность; это обусловило необходимость рабства как определённого экономического явления. Победа германских народов, имеющих другую национальную психологию, привела к ликвидации рабства. Из этой вздорной схемы Книс делает следующий вывод: «*Нельзя рассматривать рабство как аналогичную фазу экономии, встречающуюся у всех народов на одинаковой стадии культуры; это был институт, связанный с личными особенностями тех народов, с представлением народа о жизненном призвании граждан, с бесправием иностранцев, с обездоленностью побеждённых и т. д.*»[272]. Из этого примера особенно наглядно видно, что учение о политической экономии, как о национальной науке, закрывает путь пониманию общественно-экономических формаций.

Абстрагировавшись от национальных особенностей, классики пытались уяснить наиболее общие закономерности капиталистического производства, которое они отождествляли с производством вообще. Не применяя этой абстракции, классики не могли бы раскрыть внутренней физиологии буржуазного общества, не могли бы выяснить взаимоотношений между отдельными категориями. Выяснение национальных особенностей развития

[272] K. Knies, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkt, 1883, s. 391

капитализма в отдельной стране возможно лишь на основе общей теории капиталистического производства.

Критика абстрактного метода классиков. Старая историческая школа уделяла очень много внимания критике абстрактного метода классиков. Абстракциям, которые применяли классики, присущи принципиальные недостатки, из которых основным является абсолютизация всех экономических категорий капиталистического способа производства, вытекающая из непонимания его преходящего характера. «Историки» в своей критике абстракций классиков вместе с водой выбрасывают и ребёнка, т. е. критикуют и то, что было положительного в учении классиков, что сделало возможным создание научной политической экономии. Без применения абстракции невозможен научный анализ в политической экономии. Маркс в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» писал, что «...*при анализе экономических форм, нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами*»[273]. Отказываясь от абстракции как необходимого метода в политической экономии, историческая школа отказалась от теоретического анализа экономических явлений.

Одним из излюбленных аргументов исторической школы против классиков было указание на то, что классики игнорируют связь экономики с другими областями общественной жизни — правом, этикой, общим культурным развитием и т. д. «Историки» всё время подчеркивали необходимость изучения взаимодействия между экономикой, правом, этикой и другими явлениями общественной жизни.

Исходя из этого, Рошер, Гильдебранд и Книс обвиняли классиков в том, что они исходят из господства эгоистических мотивов и игнорируют наличие в хозяйственной жизни всякого рода альтруистических мотивов. Гильдебранд иронически говорил, что классики превратили политическую экономию в «естественную историю эгоизма». Книс писал, что «*представлять человека движимым в своей экономической деятельности повсеместно и неизменно чисто эгоистическими двигателями значит отрицать во всяком предприятии наличие какого бы то ни было лучшего или более возвышенного мотива, или утверждать, что у человека имеется целый ряд центров психической деятельности, функционирующих независимо один от другого*». И в этом направлении критика исторической школы оказалась несостоятельной: представители исторической школы отвергли то, что было рационального в учении классиков. Последние, пользуясь методом абстракции, выделили из всей совокупности общественных отношений экономические

[273] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 13.

отношения и подвергли их самостоятельному исследованию. Тем самым был выделен предмет политической экономии как самостоятельной науки.

Вульгарный историзм исторической школы. Необходимо различать подлинный, научный историзм, характеризующий марксистско-ленинскую политическую экономию, и вульгарный историзм, проповедуемый исторической школой. Основой подлинного историзма является понимание того, что развитие общественно-экономических формаций есть естественно-исторический процесс. Подлинный историзм требует, чтобы каждую формацию рассматривали в ее возникновении, развитии и гибели. Он требует показа необходимости революционных переходов от одной формации к другой; он требует раскрытия качественных сдвигов в экономической структуре общества; вульгарный же историзм всячески старается замазать необходимость революционных взрывов. Поэтому он принципиально враждебен материалистической диалектике. В основе вульгарного историзма лежит идея эволюции, т. е. спокойного, медленного развития, не сопровождающегося революционными переворотами. Вульгарный историзм сводит развитие к чисто количественному изменению хозяйственных явлений, к нарастанию или ослаблению определённых качественно однородных признаков. Вульгарный историзм принципиально отвергает возможность глубоких качественных сдвигов в экономике человеческого общества. Поэтому он, как и вся буржуазная политическая экономия, исходит из представления о вечности категорий товарно-капиталистического общества (товара, денег, капитала, частной собственности и т. д.). Основная целевая установка вульгарного историзма заключается в том, чтобы оправдать капиталистический строй «вековыми традициями», уходящими своими корнями в далёкое прошлое.

В работах старой исторической школы целый ряд категорий товарно-капиталистического общества трактуются как вечные. Рошер, например, писал, что со времён Адама нет ни одного человека, который мог бы работать без применения капитала. И Рошер, и Книс наделяют капиталом первобытного дикаря. Наряду с этим Рошер устанавливает наличие «немощных пролетариев первобытных лесов», т. е. утверждает, что капитал и пролетариат существуют с первобытных времён.

Отдельные представители исторической школы говорят иногда об историческом характере тех или иных категорий. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот историзм сводится к указанию изменений второстепенных признаков, характеризующих данную категорию. В качестве иллюстрации сошлёмся на Книса. В основной работе Книса «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» есть специальная глава с весьма многообещающим заголовком: «Частная собственность как

историческое явление». В своём анализе этого вопроса Книс исходит из того, что частная собственность существует у всех народов, что она представляет собой вечный институт. Вопрос о возникновении и гибели частной собственности он совершенно игнорирует. В чем же он усматривает исторический характер этого института? Книс считает, что неограниченного права частной собственности вообще не существует, что государство всюду в той или иной мере ограничивает права собственника. Исторический характер частной собственности Книс усматривает в том, что у разных народов на разных стадиях развития эти ограничения носят неодинаковый характер. Таким образом, Книс подменяет коренной вопрос об историческом характере частной собственности как преходящей категории второстепенным вопросом об изменении вмешательства государства в права собственника.

Историческая школа стремится всячески выхолостить из политической экономии указания на глубокие качественные сдвиги в экономике общества. Она не отрицает процесса развития вообще, но сводит его к несущественным изменениям, не затрагивающим самого характера производства. В этом отношении весьма показательны многочисленные схемы хозяйственного развития, предложенные отдельными представителями исторической школы. В качестве примера рассмотрим схему, предложенную Гильдебрандом. Он делит историю хозяйственного развития на три периода: а) натурального хозяйства, б) денежного хозяйства и в) кредитного хозяйства, причём приписывает своей периодизации хозяйственного развития огромное значение. Гильдебранд обвиняет Адама Смита в том, что тот считал денежное хозяйство единственной для своего времени формой хозяйства, которую следует ввести у всех народов. Гильдебранд возлагает очень большие надежды на кредитное хозяйство. Он развивает неверное положение, в силу которого в условиях кредитного хозяйства предпринимателем может стать всякий способный, энергичный человек, независимо от того, обладает ли он капиталом или нет. В действительности схема Гильдебранда лишена какого бы то ни было научного значения. Во-первых, в основу этой схемы положено изменение форм обмена, а не способа производства. При денежном и кредитном хозяйстве способ производства остаётся тем же. Эта схема исходит из молчаливой предпосылки о примате обращения над производством. Если последовательно проводить эту точку зрения, то в натуральном хозяйстве следовало бы выделить меновое хозяйство. Замкнутое натуральное хозяйство не подошло бы ни под одну из этих рубрик. Во-вторых, в этой схеме совершенно стирается различие между простым товарным хозяйством и капиталистическим, поскольку денежное хозяйство обще всякому товарному производству. Последнее существовало в течение многих тысячелетий. Энгельс говорит, что закон стоимости действовал

уже за пять-семь тысяч лет до нашего времени. Качественные различия между разными способами производства, по схеме Гильдебранда, выступают как чисто количественные различия. Наконец, в-третьих, кредитное хозяйство, которое столь апологетически восхваляет Гильдебранд, есть лишь форма денежного хозяйства. Денежное и кредитное хозяйства соответствуют лишь различным ступеням развития товарного производства. Поэтому совершенно неверно утверждение Гильдебранда, что в условиях кредитного хозяйства социальная природа предпринимателя принципиально изменяется. Никаких принципиальных изменений здесь не происходит.

Схема Гильдебранда весьма отчётливо выражает основные особенности вульгарного историзма.

Вульгарный историзм преследует вполне определённые апологетические цели. Его задача заключается в том, чтобы использовать историю для борьбы с революционным движением. Историческая школа стремится создать культ «священных» вековых традиций. Устами Гильдебранда она обвиняет социалистов в игнорировании истории, в недостаточном уважении к исторически сложившимся институтам. Социалисты, пишет он, игнорируют тот факт, что, поскольку новое общество вырастает из старого, следует очень бережно относиться к последнему и ни в коем случае не ломать его. Изучение истории, по мнению Гпльдебранда, должно внушить настолько глубокое уважение к вековым историческим традициям, чтобы убить всякое желание нарушить эти священные традиции. Гильдебранд старается «опровергнуть» социалистическую критику частной собственности ссылкой на историю. Он бросает социалистам обвинение в том, что они хотят перевернуть историю, что они не учитывают исторических уроков. Основной «урок» истории, по мнению Гильдебранда, заключается в том, что частная собственность представляет собой самый мощный рычаг развития человеческого духа. Из истории различных народов вытекает, по его мнению, что частная собственность всё более укрепляется, освобождается от целого ряда ограничений и становится якобы всё более и более всеобщей. Всякое покушение на частную собственность Гильдебранд объявляет нарушением исторических закономерностей.

Английские и французские вульгарные экономисты, защищая частную собственность, аргументировали от естественного права; вульгарные же экономисты исторической школы в своей апологетической защите частной собственности апеллируют к истории, якобы увековечившей и освятившей частную собственность. Таким образом, они являются защитниками не только буржуазной, но и феодальной частной собственности.

Вульгарный историзм не случайно получил широкое распространение именно в Германии, для которой характерно развитие капитализма по прусскому пути, на котором капитализм сохраняет полуфеодальные черты. Историческая школа старается оправдать капитализм его исторически преемственной связью с феодальным строем.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ
УТОПИЧЕСКИЙ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Глава XIII
Великие социалисты-утописты

В эпоху промышленного переворота и французской революции получает свое завершение классическая политическая экономия, кладется начало вульгарной экономии, возникает экономический романтизм, в ту же эпоху появляется утопический социализм[274]. Как классическая политическая экономия, так и противостоявший ей утопический социализм соответствовали той ступени развития буржуазного общества, когда классовая борьба между пролетариатом и буржуазией была еще недостаточно развита, когда пролетариат еще был лишь наиболее обездоленной частью трудящихся масс, когда он был способен на стихийные вспышки, но отнюдь не на революционную борьбу за переустройство общества на новых началах. Это позволило наиболее выдающимся буржуазным экономистам поднять политическую экономию на известный научный уровень; это сообщило социализму, с одной стороны, критически-революционный, а с другой — утопический характер. Научность (в пределах буржуазного кругозора) политической экономии и утопизм социализма обусловлены одними и теми же причинами.

Развитие капитализма и классовой борьбы вызывает кризис как политической экономии, так и утопического социализма: политическая экономия вступает в период своего разложения, а утопический социализм теряет свое критически-революционное значение. «*Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того, как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты*»[275].

---

[274] «*В рикардовскую эпоху политической экономии, — говорит Маркс, — [появилось] также противоположное учение, коммунизм (Оуэн) и социализм (Фурье и Сен-Симон)*» (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 183).

[275] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 165–166.

Основоположники научного социализма перерабатывают и синтезируют в единое целое научные элементы классической политической экономии и критические революционные элементы утопического социализма. Освобождение политической экономии от буржуазной ограниченности и превращение ее в подлинную науку есть в то же время и освобождение социализма от утопизма, развитие его от утопии к науке.

«*...Немецкий теоретический социализм, — говорит Энгельс, — никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем, теперь научно...*»[276].

Наша задача — рассмотреть то ценное, что есть в утопическом социализме, т. е. то, что могло стать и стало одним из источников марксизма, а следовательно, и марксистской политической экономии.

1. Общая характеристика утопического социализма

Утопический социализм появляется почти одновременно в трех формах, представлявших собой три его разновидности. Во Франции существовали две разновидности его: сен-симонизм и фурьеризм, а в Англии третья разновидность — оуэнизм. Прежде чем говорить об отдельных разновидностях утопического социализма, следует остановиться на общих его чертах.

Революционно-утопическая критика капитализма. Утопический социализм относился резко отрицательно к капитализму. Оуэн в Англии, Сен-Симон и Фурье во Франции наиболее полно и резко для своего времени подвергали критике все стороны капитализма. Это — одна из важнейших бессмертных их заслуг. Правда, как мы знаем из предыдущего, Сисмонди первым подверг критике капитализм, и утопические социалисты даже кое-что у него позаимствовали. Но критика утопических социалистов принципиально отличалась от критики сисмондистской. Сисмонди противопоставлял капиталистическому производству мелкое производство, идеализировал его; отсюда — романтика и даже реакционный элемент в его концепции. Великие утописты противопоставляли капиталистическому производству социализм.

Проведя параллель между социалистами-утопистами и Сисмонди, Ленин пишет: «*Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно* ***опережали*** *это развитие. Сисмонди же*

[276] К. Маркс, Избранные произведения, т. 2, 1940, с. 441.

поворачивался к этому развитию ***задом****, его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку», — ту самую «ломку», из которой выводили свои утопии указанные писатели»*[277].

Поэтому критика капитализма социалистами-утопистами более глубока и принципиально более выдержана. Если буржуазные экономисты считали буржуазные отношения естественными, разумными, соответствующими человеческой природе, то утописты выдвигали противоположный тезис: буржуазные отношения неестественны, неразумны и противоречат человеческой природе. Утописты стали на позицию, противоположную той, которую защищала буржуазная политическая экономия. В ту эпоху социализм как учение о коренном переустройстве общества противопоставлялся политической экономии, в которой видели исключительно буржуазную науку. О превращении политической экономии в науку пролетарскую, т. е. вооружающую пролетариат в борьбе против буржуазии, тогда и не помышляли.

Итак, прежде всего мы отмечаем, как самую важную черту утопического социализма, его принципиально непримиримую критику капитализма. Но тут же надо отметить и другую его сторону. Критикуя капитализм, утописты не ставили себе задачи вскрыть, как в недрах самого капитализма подготовляются объективные и субъективные факторы, делающие неизбежным свержение власти капитала. Отсюда их утопизм. На самом деле, если в недрах капиталистического строя такие факторы не подготовятся, то откуда возьмутся силы для такого переворота? Социалисты-утописты искали выхода в другом — в просвещении умов. Нужно, чтобы общество — а под обществом они обычно понимали наиболее образованную часть его — поняло, во-первых, что капиталистический строй противоречит человеческой природе, что капиталистический строй представляет собой абсолютное зло; во-вторых, что предлагаемые ими системы единственно разумны и вполне осуществимы.

Социалисты-утописты апеллировали не к реальной действительности, т. е. искали решения социальной проблемы не в развитии самой реальной действительности, а обращались к разуму, который должен осудить эту действительность и измыслить способы ее преобразования. Это было в духе философии XVIII в., которая считала, что все, что не соответствует разуму и природе человека, должно быть уничтожено.

Однако между просветителями XVIII в. и утопистами разница принципиальная. Ведя борьбу против феодализма и выдвигая идеал разумного и естественного общественного строя, философы-просветители в

[277] В. И. Ленин, Соч., т. 2, с. 99.

действительности дальше буржуазного строя не шли, утописты же как раз осуждают буржуазные отношения как не отвечающие человеческой природе. Методологический принцип у тех и у других один и тот же: и те и другие исходят из человеческой природы. Человеческая природа и человеческий разум считаются верховным судьей при оценке общественных отношений: стоит этому верховному судье осудить те или иные общественные отношения, и они будут ликвидированы. Но просветители считали, что разум человека осуждает только феодальные отношения, вполне приемля буржуазные. Утописты же полагают, что человеческий разум не приемлет и буржуазных отношений, но приемлет социалистические.

Методы агитации и пропаганды. Апеллируя к разуму и просвещению, социалисты-утописты, естественно, должны были придавать большое значение широкой агитации и пропаганде своих идей. «*Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту* ***общественную силу****, которая способна стать творцом нового общества*»[278]. Социалисты-утописты считали, что с агитацией и пропагандой надо обращаться в первую очередь к просвещенной части общества. Больше того, достаточно, чтобы какой-либо могущественный монарх и вообще сильные мира сего стали на их точку зрения, прониклись их идеями, и тем самым проблема социализма будет на три четверти разрешена, потому что власть имущие приступят к реорганизации общества на основе их принципов. Этим объясняется тот на первый взгляд совсем непонятный факт, что все без исключения социалисты-утописты обращались к власть имущим, зачастую персонально к монархам европейских держав; это, как мы видим, вполне соответствовало их установкам и общей концепции.

К классовой борьбе они относились отрицательно: они не видели в ней движущей силы общественного развития. Более того, они считали, что, озлобляя власть имущих и отталкивая просвещенную часть общества от трудящихся, классовая борьба лишь вредит их целям. Но следует отметить, что примиренцами и соглашателями они не были: они беспощадно клеймили пороки буржуазного общества и в то же время заманчиво, живописно рисовали будущий социалистический строй; густому мраку капитализма они противопоставляли солнце социализма.

Однако они понимали, что одной лишь словесной агитацией трудно склонить мир на свою сторону; агитация должна подкрепляться делом, под которым они разумели отнюдь не классовую и политическую борьбу. К ней они,

---

[278] В. И. Ленин, Соч., т. 26, с. 352.

как сказано, относились враждебно. Под делом они понимали эксперименты, которые сводились к организации мелких групп на общих социалистических началах: если возможно, рассуждали они, организовать на социалистических началах небольшие группы, то возможно организовать на таких же началах все общество, весь мир. Короче, эти эксперименты должны были демонстрировать возможность построения нового общества на началах, которые они пропагандировали.

Место утопического социализма в истории политической экономии. Каково же значение утопического социализма и какое место он занимает в истории научной, т. е. марксистской, политической экономии?

Более детально мы остановимся на этом вопросе при разборе воззрений отдельных утопистов. Пока отметим только, что уже самая критика капитализма — последовательная и всесторонняя ***с точки зрения социализма*** — была в то время совершенно новым словом, овладевшим умами передовых людей разных стран. Капитализм в работах Сен-Симона, Фурье и Оуэна выглядит совсем иным, чем в трудах Смита и Рикардо, не говоря уже о вульгарных экономистах, в писаниях которых капиталистическая действительность сознательно искажена. По-новому изображая капитализм и вскрывая его пороки, утописты тем самым поставили вопрос и об изучении его ***по-новому***, что в свою очередь требовало коренного пересмотра как методологии политической экономии, так и установленных ею закономерностей. Пусть сами утописты этого переворота не только не совершили — его совершил Маркс, — но и не осознали его необходимости, однако, противопоставляя буржуазной точке зрения социалистическую, они толкали мысль в сторону такого переворота.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что уже утописты рассматривают капитализм как исторически преходящий способ производства. Это было настоящим подкопом под основы буржуазной политической экономии, рассматривавшей капитализм как естественный и вечный способ производства. Сен-Симон делит историю общества на органический и критический периоды, причем капитализм он относит к критическому периоду, под которым он понимает время, переходное от одного органического периода к другому. Фурье пошел еще дальше: для него капитализм — одна из многочисленных фаз, пройденных человечеством на его длинном историческом пути.

Правда, утописты не могли доказать, почему именно капитализм является исторически преходящим периодом, но они поставили проблему, требующую изучения по-новому капиталистического способа производства и

законов его развития, потому что только таким путем можно было вскрыть его преходящий характер.

Утописты поставили проблему, разрешенную только марксизмом.

То же и в отношении классовой борьбы. Хотя утописты и отвергали ее, воображая, что то, чему они учат, продиктовано надклассовым разумом н человеческой природой, в действительности же своей острой критикой капитализма и своим обоснованным обвинительным актом против буржуазии они содействовали революционизированию умов и давали прекрасный материал для агитации и пропаганды в широких массах, следовательно, содействовали развитию пролетариата из класса в себе в класс для себя. Высоко ценя великих утопистов как мыслителей, сказавших миру новое слово, Маркс и Энгельс наряду с этим придавали их произведениям и крупное агитационно-пропагандистское значение и заботились о переводе их на немецкий язык, чтобы сделать учение утопистов достоянием широкой массы немецких рабочих Энгельс сам перевел некоторые отрывки из работ Фурье.

По-новому социалисты-утописты ставили и вопрос о социализме. Идея социалистической организации общества — не изобретение XIX в. О такой организации обездоленные массы и передовые люди давно мечтали. Но в прежние века социализм мыслился как справедливая система распределения и потребления. Условий для реорганизации производства еще не было; боевым лозунгом было равенстве в потреблении, в пользовании имеющимися благами. Социалисты-утописты впервые поставили вопрос о социализме, как ***о новной системе организации производства.*** Ими выдвинута идея — в этом громадная их заслуга, — что при социализме организация производства и производительность труда будут несравненно выше, чем при капитализме... Их утопизм не в том, что они проповедуют якобы невозможную, как уверяют враги социализма, социалистическую организацию производства; их утопизм в том, что намечаемые ими пути к социализму не ведут. Они хотели осуществить его без классовой борьбы, путем просвещения умов и проповедью гуманности. Ими поставлена проблема новой системы производства; они ее не разрешили, но мысль о возможности такой системы ими широко и энергично пропагандировалась.

Наконец, назревал вопрос о единстве рабочего движения и социализма. Во времена социалистов-утопистов социализм и рабочее движение развивались независимо друг от друга. Более того, как уже отмечалось, утописты относились враждебно к классовой борьбе, а рабочее движение было прежде всего проявлением классовой борьбы. Рабочие в свою очередь смотрели на социалистов-утопистов, как на людей, игнорирующих их как силу активную п творческую и мешающих им в их борьбе. Между тем идеи социализма,

освобожденные от утопической оболочки, могли встретить и действительно встретили горячий отклик в рабочих массах и близко стоявшей к ним интеллигенции. Назрела проблема единства социализма и рабочего движения, которой утописты не решили. Наоборот, своими действиями и своим стремлением стать над классами они отдаляли её разрешение. Особенно поучителен в этом отношении, как мы увидим ниже, пример Оуэна, ставшего лишь на короткое время вождем английских рабочих. Но эта проблема была поставлена общим ходом развития социализма и рабочего движения; она нашла свое решение в марксизме-ленинизме.

Марксизм — в этом одна из его бессмертных заслуг — объединил рабочее движение с социализмом, дал рабочему движению то оружие, которое сделало его непобедимым и которым он уже победил на одной шестой части земного шара.

* * *

Разновидности утопического социализма отличаются одна от другой, во-первых, тем, что общие черты, типичные для утопического социализма в целом, в каждой из них индивидуализированы. У каждого утописта — свой стиль, своя манера реагировать на окружающую действительность и свой творческий полет в будущее. Во-вторых, в одной разновидности утопического социализма наиболее ярко и выпукло выражены одни характерные его черты, в другой — другие. Это часто обусловливало расхождение их, особенно в вопросах о будущем, о той новой системе, которая должна прийти на смену старой. Но есть у них значительные нюансы и в критике капитализма: у одних — одни исходные позиции, у других — другие. В-третьих, одна разновидность утопического социализма отличается от другой и рядом новых моментов, которые присущи только ей и отсутствуют в концепциях других утопистов. Каждый из великих утопистов внес в общественные науки, в том числе и в политическую экономию, свой вклад, обогатив эти науки новыми идеями.

2. Сен-Симон (1760–1825)

Краткое жизнеописание. Анри Клод де Рубруа Сен-Симон — выходец из рядов высшей французской аристократии. Его жизненный путь начался в богатой и знатной семье, считавшей своим родоначальником Карла

Великого, и закончился в совсем иной обстановке: он умер бедным Сократом, в окружении немногочисленных, но преданных учеников[279].

Детство Сен-Симона проходит в богатстве и роскоши. Он получает хорошее образование, одним из его учителей был знаменитый французский философ и математик д'Аламбер (1717—1783 гг.). Жажда подвигов и сознание, что он рожден для жизни иной, чем обыкновенные смертные, рано пробуждаются у будущего великого утописта. Это сказывается в его поступках и действиях уже в ранней молодости[280].

Согласно дворянским обычаям того времени, 17-летнего Сен-Симона определяют на военную службу, и спустя некоторое время он отправляется, как и многие представители французской молодежи того времени, в Северную Америку для участия в войне американцев за независимость[281]. Но военная служба и военные подвиги не привлекают Сен-Симона. В «Письме к американцу» он пишет: «В течение моего пребывания в Америке... я гораздо больше занимался политической наукой, чем военной тактикой. Война сама по себе меня не интересовала, но целью войны я живо интересовался, и, благодаря этому интересу, переносил ее тяготы без отвращения».

Свою жизненную задачу Сен-Симон видит в другом. В том же «Письме» он продолжает: «*Изучать движение человеческого разума, чтобы вслед за тем работать над усовершенствованием цивилизации, — такова была цель, которую я себе ставил*». С проектами для осуществления поставленной им цели он выступает нескоро. Писателем он становится в возрасте за сорок лет, а до того времени занимается делами, не имеющими прямого отношения к его жизненной задаче. Но военная служба его, действительно, не интересовала. Хотя по возвращении из Америки во Францию Сен-Симон получает чин полковника и высокую должность, однако военную службу он оставляет и предпринимает путешествие по Европе.

Он много наблюдает, завязывает знакомства в разных кругах общества и носится с проектами строительства в грандиозных масштабах. Испанскому правительству он предлагает свои услуги по организации работ по сооружению канала, который должен соединить Мадрид с морем. Мексиканскому вице-королю он предлагает проект канала, долженствующего соединить Атлантический океан с Тихим, проект, осуществление которого стало

---

[279] На его похоронах, по свидетельству его биографов, не было ни одного родственника.

[280] С 16-летнего возраста он приказал своему слуге будить себя следующими словами: «Вставайте, граф, вам предстоит совершать великие дела».

[281] Североамериканская война за независимость США от Англии велась с 1775 по 1783 гг. Франция приняла участие в этой войне на стороне США, так как надеялась отобрать у Англии потерянные ею в Семилетней войне (1756–1763 гг.) колонии.

возможным в последующую эпоху благодаря огромному развитию индустрии и техники[282].

В задуманных Сен-Симоном грандиозных проектах мы уже видим сочетание гениальной прозорливости с утопизмом. Некоторые исследователи неправильно усматривают в этих проектах либо результат необузданной фантазии и избытка кипучей энергии, либо продукт перенесенного в новую обстановку авантюризма прошлых веков. Сен-Симон слишком, если можно так сказать, дальнозорок: он хорошо видит то, что находится на далеком расстоянии, и плохо замечает то, что лежит вблизи.

Разразилась французская революция. Энтузиаст, жаждущий великих подвигов, Сен-Симон, казалось бы, должен был броситься в водоворот событий, но он остается в стороне. Правда, в первые месяцы свободы, братства и равенства, и он вовлечен в общий поток событий. Он произносит горячие речи в защиту равенства и свободы, отказывается от графского титула и от предложенной ему должности мэра, опасаясь, как бы его не выбрали на указанную должность лишь из укоренившегося в народе преклонения перед графским титулом, и указывает, что народ не должен доверять бывшим дворянам. Но это продолжалось недолго. Вскоре он остывает и окончательно отходит от революции, не примкнув ни к какой партии. В оставленных им автобиографических заметках свой нейтралитет в отношении революции он объясняет так: «*Я не хотел в нее вмешиваться, потому что, с одной стороны, и без того был убежден в недолговечности старого строя, с другой стороны, испытывал отвращение к разрушению; а выступить на политическом поприще возможно было, лишь присоединившись или к придворной партии, желавшей уничтожить национальное представительство, или же к партии революционной, желавшей свергнуть королевскую власть*»[283].

Активному участнику американской войны за независимость (а Сен-Симон гордился этим и в последующие годы) вряд ли к лицу эти «с одной стороны» и «с другой стороны». За ними скрывается нечто другое. В его отходе от революции по мере её углубления и обострения сказываются особенности утопических социалистов: их недоверие к решительным действиям народных масс и их стремление реорганизовать общество мирным путем.

Не участвуя в революции, Сен-Симон находит совершенно неожиданное применение своим силам: он бросается в спекуляцию. «*Деятельность моя,* —

---

[282] Прорытие Панамского канала удалось осуществить лишь на пороге XX в. Первая французская компания, предпринявшая во главе с инженером Лессенсом это грандиозное сооружение, потерпела в 1889 г. скандальный крах.

[283] Saint-Simon, Oeuvres publiées par Olinde Rodrigue, 1841, p. XVIII.

продолжает он свою автобиографию, — направилась на финансовые спекуляции, я предался спекуляции по продаже национальных имуществ, взяв себе в товарищи прусского графа фон-Редерна».

Но своими спекуляциями Сен-Симон преследовал, как он уверяет, совсем необычную для спекулянтов цель. «Я стремился, — объясняет он, — к богатству исключительно, как к средству организовать большое промышленное учреждение, открыть научную школу усовершенствований, способствовать, одним словом, успехам просвещения и улучшения участи человеческого рода — таковы были истинные задачи моего честолюбия. Я работал в этом финансовом направлении до 1797 г. с жаром, доверчивостью и успехом».

Оставив спекуляцию, Сен-Симон берется, наконец, за то дело, к которому он был призван. Но чувствуя, что у него недостаёт знаний по целому ряду наук, он решает вооружиться ими и выбирает для этого своеобразный способ. Он устраивает роскошные обеды, на которые приглашает ученых разных специальностей, и за обедом, в промежутке между блюдами, гостеприимный хозяин обучается наукам у своих ученых гостей.

Этот курс «учения» длился несколько лет, а по окончании его Сен-Симон вновь отправляется в путешествие по Европе, также с научными целями: ознакомиться с состоянием научной мысли в других странах, узнать, какие реформы и в каких областях науки намечаются. Вернувшись во Францию, Сен-Симон открывает салон, куда приглашает ученых, художников, артистов, светских людей и т. д. Они служат ему объектом для наблюдения над человеческими страстями и характером.

На эти эксперименты Сен-Симон израсходовал все свое состояние. Наступает жизнь, полная лишений, страданий и горя. На некоторое время он находит приют у своего бывшего слуги Днара, а после смерти последнего снова остается без всяких средств к существованию. Но именно этот период является периодом его подлинного творчества. Всеми покинутый, и прежде всего теми, кому он раньше помогал и покровительствовал, бездомный и полуголодный, гениальный мыслитель продолжает упорно работать над своими произведениями, создавшими эпоху в развитии научной мысли.

В 1802 г. появляется его первая работа, «Письма женевского обитателя к современникам», написанная в необычном, как и все у Сен-Симона, полумистпческом стиле. Но в этой работе уже имеется ряд основных сен-симонистских идей. Они остались непонятыми, и Сен-Симон не только не достиг славы, но даже не удостоился внимания. Неудача не останавливает мыслителя в дальнейшей работе, а нищета заставляет его прибегнуть к старинному способу распространения сочинений: он сам переписывает их в нескольких десятках экземпляров и рассылает выдающимся ученым.

Однако Сен-Симон не находит в себе силы выдержать до конца тяжёлые жизненные испытания; в 1823 г. он покушается на самоубийство. Но это, видимо, было лишь проявлением минутной слабости: до последних дней своей жизни он не перестаёт работать и верит в свою великую миссию. Умирая, он говорит: «*Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью:* ***обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей***».

К периоду 1813–1825 гг. относятся следующие важнейшие его работы: «О промышленной системе», «О старой и новой политической системе», «Катехизис промышленников», «Новое христианство». Эти работы, в которых трактуются наиболее острые вопросы современности, часто в ярко выраженной публицистической форме, обратили, наконец, на автора внимание политических деятелей и ученых (из молодых). Вокруг Сен-Симона стали группироваться ученики и последователи, создавшие сен-симонистскую школу.

Значение Сен-Симона далеко не исчерпывается его влиянием на ближайших единомышленников. Великий мыслитель оказал сильное влияние на дальнейшее развитие всей научной и политической мысли. Его работы стали усердно изучаться и создали большую литературу.

Важнейшие особенности сен-симонизма. а) Историзм. Сен-Симон, как и другие утописты, решает вопрос о коренном переустройстве общества в духе философии XVIII в., но в общих теоретических воззрениях он выступает как ярый поборник историзма, требуя, чтобы прошлое человечества и его настоящее изучались как единый непрерывный процесс развития общества.

Упрекая современных ему политических мыслителей и государственных людей в том, что они игнорируют историю, «ограничиваясь анализом лишь современного состояния общества и отвлекаясь от предшествующих форм», Сен-Симон пишет: «*Всякий анализ настоящего, взятый изолированно, как бы искусно он ни был сделан, может дать только весьма поверхностные или даже совершенно ложные выводы, так как при таком анализе человек склонен беспрестанно смешивать и принимать один за другой два вида элементов. Эти элементы существуют в политическом организме всегда совместно, но их весьма важно различать: это — пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего*»[284]. И дальше: «*Но если не руководствоваться внимательнейшим изучением прошлого, то как отличить социальные элементы, относящиеся к системе, которой*

[284] Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, v. XXI, 1869, p. 68–69.

предстоит исчезнуть, от элементов той системы, которой предстоит утвердиться»[285].

Сен-Симон рассматривает общественные явления ***исторически***. Это — одна из решающих особенностей его метода и его теории. Классики и их «последователи» из числа вульгарных экономистов рассматривали добуржуазные отношения как заблуждения. В своих исследованиях они исходили, как уже было выяснено, из идеи естественного порядка, осуществляемого только в буржуазном обществе. Для Сен-Симона предыдущие формации — определенные стадии в развитии человечества.

Правда, Сен-Симон не может еще вскрыть, в чем заключается историческая обусловленность названных общественных формаций. Движущей силой исторического процесса он считает то развитие знаний (науки), то развитие экономики. Так, например, причины гибели феодальной системы он усматривает, с одной стороны, в росте богатства и экономической силы промышленников, с другой — в развитии науки. Промышленники, включая сюда также торговцев и банкиров, пришли на смену военным, а учёные — на смену духовенству.

Экономика и политика, с одной стороны, и знание — с другой, развиваются, по Сен-Симону, параллельно, и он намечает три стадии их развития. Вначале политика находилась непосредственно в руках военных, которые господствовали и экономически; это было ничем неприкрытое насилие. Позже, при разложении феодальной системы, политика становится специальностью юристов и легистов, которые смягчили насилие, поставив его в определенные рамки[286]. Но в третий период, т. е. в будущем общественном строе, политика станет делом промышленников и превратится из господства над людьми в руководство вещами. Незавершенность французской революции и сущность послереволюционного кризиса Сен-Симон видит в том, что революция не решила своей основной задачи: власть и руководство не были переданы промышленникам.

Параллельно трем стадиям развития экономики и политики развивается и знание. Первыми обладателями знания были жрецы и представители религиозных культов: знание имело в ту эпоху форму теологическую. Им на смену приходят метафизики, поставившие на место веры умозрение и придавшие знанию метафизическую форму. Последняя в свою очередь

---

[285] Ibidem, p. 69.

[286] Фактически политика, по Сен-Симону, и тогда оставалась в руках военных, но получила иную форму; поэтому этот период он называет переходным. Получилось несоответствие между формой и содержанием, выражавшее собой ограничение власти военных и рост влияния промышленников.

сменяется третьей формой, которая, по Сен-Симону, находится в полном соответствии с истинным духом науки и которую он назвал позитивизмом. Сен-Симон является настоящим творцом знаменитой теории трех фаз развития человеческого разума: теологической, метафизической и позитивной. Вторая фаза является переходной; цельными Сен-Симон считает первую и третью фазы. Точно так же в области экономики и политики цельными историческими фазами он считает феодально-военную и будущую научно-промышленную, период же, когда политика и экономика разъединены, является переходным. Такое разъединение Сен-Симон считал характерным для буржуазного общества.

Вся эта историческая концепция дуалистична, даже с перевесом в сторону идеализма, и страдает большим схематизмом. В нашу задачу не входит детальный разбор этой концепции. Мы хотим отметить лишь те её положительные моменты, которые оказали плодотворное влияние на развитие общественных наук, в том числе и политической экономии.

Еще далекий от материалистического понимания истории, не делая различия между базисом и надстройкой, Сен-Симон рисует все же развитие знаний, политики и экономики как совокупный процесс, все стороны которого находятся во взаимном соответствии. Это еще далеко от монистического понимания истории, но уже громадный шаг вперед по сравнению с господствовавшими тогда воззрениями на историческое развитие.

б) Сен-симонистская критика капитализма. Главным пороком капиталистической системы Сен-Симон считал отсутствие в ней организующего начала. Все в ней разобщено и разъединено. В производстве и обращении господствует анархия: экономика и политика отделены друг от друга, и обе — от науки. Вот почему Сен-Симон считает капитализм периодом, переходным от феодализма, который он считает органическим периодом, к будущей научно-индустриальной системе.

При феодализме существовали такие организации, как цехи и городские магистраты. Первые организовывали ремесленников и регулировали их хозяйственную деятельность; вторые организовывали всю общественную городскую жизнь. Жизнь в сельских местностях была организована феодалами, — феодальные отношения Сен-Симон рассматривал тоже с точки зрения их организующей роли. Наконец, по учению Сен-Симона, в средние века существовала единая идеология — христианство, — объединявшая всё общество.

Сен-Симон рисует средние века в ложном свете, закрывая глаза на темные стороны и хаос, царившие в те времена. Но в данной связи важно другое, за что он хвалит средние века: Сен-Симон хвалит их за наличие сил,

которые организовали экономическую, политическую и даже духовную жизнь. Это было для него одной из форм критики капитализма, не обладавшего такими силами.

Важно еще и то, что у Сен-Симона нет реакционных поползновений повернуть колесо истории назад или задержать его бег, он глубоко убежден в том, что феодализм окончательно изжил себя. Более того, слабость и нежизненность буржуазного общества проявляются, по Сен-Симону, также в том, что в нем уцелели еще феодальные элементы в лице земельных собственников и ростовщиков. Все современное ему общество он делит в основном на два класса: на индустриалов и собственников. Борьбу между этими двумя классами он считает основной и решающей, и эта борьба должна окончиться победой индустриалов.

В своей общей теоретической и исторической концепции Сен-Симон признает классовую борьбу и ее роль в историческом процессе, но он усматривает её лишь между индустриалами и феодальными элементами; этот антагонизм он часто формулирует как антагонизм между собственниками и трудящимися.

К последним он относит фабрикантов, торговцев, банкиров и рабочих. «*Совершенно так же, — пишет Маркс, — как у физиократов «cultivateur» означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников, «travailleur» означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста. «Travailleur» нуждается в помощниках, в сотрудниках, в рабочих (d'ouvriers); он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он приставляет их к труду, и труд их производителен...*»[287]. Классовой борьбе между капиталистами и рабочими в концепции великого утописта не отведено места. Это шаг назад по сравнению не только с Сисмонди, но и со Смитом и Рикардо, рассматривавшими буржуазное общество как общество, состоящее из трех классов. Видя в предпринимателях вождей и руководителей народного хозяйства, Сен-Симон повторяет вульгарного Сэя (см. главу XI).

Игнорирование Сен-Симоном противоположности интересов буржуазии и пролетариата отчасти объясняется неразвитостью капиталистических отношении во Франции того времени, что отмечено Энгельсом[288]. По мере

---

[287] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 534–535.

[288] К приведенной цитате из «Капитала» Энгельс делает следующее замечание: «*Если последний (Сен-Симон — Д. Р.) в своих ранних произведениях проигнорировал противоположность между буржуазией и пролетариатом, едва нарождавшимся тогда во Франции, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к travailleurs,*

развития капитализма Сен-Симон меняет свой взгляд на подлинных трудящихся. В последней своей работе «Новое христианство», написанной в начале 20-х годов XIX в., — к этому времени капитализм во Франции сделал значительные успехи — Сен-Симон выступает уже «от лица рабочего класса»[289].

Однако, выступая «от лица рабочего класса» и объявляя «его эмансипацию конечной целью своих стремлений», великий утопист остается противником классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Но таково воззрение, общее всем социалистам-утопистам, полагавшим, что освобождение рабочего класса не есть дело самих рабочих, что рабочие своей борьбой даже вредят эмансипации.

Сен-Симон резко враждебен экономической свободе, восхвалявшейся в его время буржуазными экономистами; полное осуществление экономической свободы принесет якобы избавление от всех зол. Сен-Симон, напротив, подчеркивает, что экономическая свобода ведет только к анархии, что именно экономическая свобода делает капитализм формацией критической, т. е. переходной. Конкуренция и борьба отдельных интересов должна смениться организацией производства и работой каждого на благо всех. Это будет ***общество индустриалов***, общество в котором не будет бездельников, живущих за счет труда других.

Наиболее яркую и наиболее, мы бы сказали, концентрированную критику буржуазного общества Сен-Симон дает в своей знаменитой «Притче».

«*Ибо, — читаем мы там, — своим основным принципом нация признала, что бедные должны быть великодушны к богатым и потому менее обеспеченные ежедневно лишают себя части самого необходимого для них, чтобы увеличить избыток этих крупных собственников; ибо великие преступники, всеобщие воры, те которые угнетают всех граждан и отнимают у них триста или четыреста миллионов в год, облечены властью наказывать за мелкие проступки против общества.*

Ибо невежество, суеверие, лень и пристрастие к дорогим удовольствиям составляют удел высших руководителей общества, а

то это... объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции» (К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 535).

[289] «*Не следует вообще забывать, — продолжает Маркс приведенную выше цитату, — что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений*» (К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 535).

способные, экономные н трудолюбивые люди служат им лишь орудием и подчинены им»[290].

в) Общество индустриалов. Сен-Симон — вдохновенный пророк индустриализма. Буржуазное общество он критикует ещё и за то, что в нём индустрия не заняла того места, которое ей подобает; потому это общество «представляет из себя, — по выражению Сен-Симона, — мир, перевёрнутый вверх ногами». Будущее общество будет базироваться на индустрии и явится обществом индустриалов.

Индустрию Сен-Симон понимает широко. К индустриалам он относит всякого, кто только занимается полезной для общества работой, пусть это будет в сфере физического или умственной труда, в сфере производства, обращения или распределения. Всякая полезная работа есть часть общественной индустрии. Однако науку, искусство и разные виды идеологии Сен-Симон рассматривает не как самодовлеющие ценности, а лишь как факторы, укрепляющие и цементирующие промышленную систему. Включая ученых, артистов, музыкантов и т. д. в промышленную армию, он тем самым спускает их, так сказать, с неба на землю, ставя в один ранг (правда, немного выше) с другими трудящимися. Он не признаёт ни науки для науки, ни искусства для искусства, и то и другое, будучи включено в систему индустрии, должно быть подчинено последней — её задачам, её целям.

Но это не значит, что Сен-Симон смотрит на науку и искусство узко, делячески. Наоборот, он ценит их очень высоко и видит в науке прежде всего организующее начало: в новой системе она должна выполнять те функции, которые в феодальной системе выполняла, по его словам, религия. Науку он не мыслит вне индустрии и часто разражается филиппиками по адресу физиков, химиков, математиков и т. д. за то, что они замыкаются в своей специальности, не интересуются общими проблемами, равнодушны к общественному устройству. Он также постоянно подчеркивает (это одна из излюбленных его идей), что научная мысль после Бэкона развивается односторонне, применяя индукцию и забывая про дедукцию. А науку, построенную только на индукции, он считает неспособной к роли организатора общества.

Руководителями промышленной системы будут ученые и промышленники. Первые разрабатывают и формулируют принципы на основе точного изучения действительности, а вторые претворяют эти принципы в жизнь. Политика станет научной, а наука — действенной. Сен-Симон полагал, что по мере осуществления его системы государство как орган, стоящий над обществом, отомрёт и превратится, как он часто выражается, в администрацию,

---

[290] Saint-Simon, Oeuvres publiées par Olinde Rodrigue, «Parabole», p. 79–80.

в управление производством. Отсюда его знаменитый тезис, что управление людьми заменится управлением вещами. А последнее будет основано на науке, на знании свойств и отношений вещей.

Сен-Симон сравнивает общество с караваном: при старой системе «общество-караван» полагается на своих вожаков, ведущих его по своему усмотрению. «Вожаки — всё, а караван — ничто». В новой общественной системе «вожаки не главари, а проводники», выполняющие заказ ассоциации, который Сен-Симон формулирует так: «Вы знаете дорогу в Мекку, ведите нас туда».

г) Социализм в понимании Сен-Симона. В промышленной системе Сен-Симона остаются разных видов и мастей капиталисты — фабриканты, торговцы, банкиры, фермеры. В этой системе нет места лишь для феодальных элементов и для праздных людей. Остаётся также прибыль на капитал. Доход определяется соответственно труду и вложенному капиталу. Более того, Сен-Симон часто смешивает прибыль с заработной платой. Рассматривая прибыль как вознаграждение за труд, Сен-Симон советует не придираться к ***барышам***, которые получатся от ***трудов***, приносящих пользу государству.

Сен-Симон плохо разбирается в сути капиталистических отношений и капиталистического способа производства (в этой области, как мы уже говорили, зачастую авторитетом для него является Сэй). Маркс пишет: «*Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист*»[291]. А Сен-Симон полагает, что капиталист именно потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием и что, следовательно, барыши капиталиста — естественное вознаграждение за его высоко квалифицированный труд.

Впрочем, капитализм во Франции эпохи Сен-Симона не достиг еще той ступени развития, когда отделение функции управления предприятием от «функции» присвоения прибавочной стоимости становится массовым явлением. Наоборот, в своей массе владельцы предприятий были и их руководителями. Следовательно, в самой действительности капиталист и руководитель предприятия выступали как единое целое. Отсюда и иллюзия, что капиталист — труженик, притом наиболее квалифицированный труженик.

Отметим еще, что у Сен-Симона утопизм сочетается с реализмом, принимающим подчас характер узкого практицизма, что, впрочем, наблюдается, как мы увидим ниже, и у других социалистов-утопистов. Являясь, с одной стороны, противником насильственного переворота, веря в

[291] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 249.

разум и добродетель богатых и образованных классов, он, с другой стороны, чувствует, что для привлечения их на сторону социализма нужна приманка и другого порядка, нужна материальная заинтересованность. Поэтому он не требует ликвидации собственности, и предприниматели в его системе вознаграждаются не только соответственно их труду, но и соответственно их ***вкладам***. Однако — и это следует особо подчеркнуть — как трудом, так и капиталом ***распоряжается ассоциация*** в лице выделенных ею коллегий и советов. На организации последних мы останавливаться не будем; отметим лишь, что они далеко не демократические. Согласно воззрениям Сен-Симона, руководить могут не все, а лишь наиболее талантливые и опытные индустриалы, а таких он видел только среди крупных предпринимателей.

«*Что праздные, — пишет Энгельс, — потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, — не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что обездоленные не обладали этой способностью, об этом, по мнению Сен-Симона, свидетельствовал опыт периода террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью в строго иерархическое, неизбежно мистическое, «новое христианство», призванное восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Наука же — это были официальные ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры*»[292].

Но возможен ли социализм в обществе, где средства производства, руководство и власть остаются в руках капиталистов? Конечно, нет. Если бы промышленная система Сен-Симона была осуществлена, то на деле она, бесспорно, оказалась бы тем же капитализмом, а не социализмом. Но не об этом идет речь, не следует подменять одну проблему другой. Речь идёт об идейном содержании его учения, о том, чего Сен-Симон добивался, хотел ли он упорядочить капитализм или утопически боролся за социализм.

Верно также и то, что Сен-Симон свой социализм не только рядит в буржуазные одежды наподобие того, как физиократы рядили свою буржуазную систему в феодальный костюм, он даже сохраняет в нем немало элементов капитализма. «*...Сен-Симон, — говорит Энгельс, — у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное...*»[293]. Но не эти элементы составляют суть его системы и не они его вдохновляют. Его воодушевляет круг идей, который иначе как

---

[292] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 269.

[293] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 18.

социалистическим назван быть не может. Однако эти идеи, во-первых, пробиваются сквозь сорные травы, временами их заглушающие. Во-вторых, они постоянно перекрещиваются с другими идеями, которые можно назвать антифеодальными и которые нередко заслоняют собой его социалистические идеи[294].

Вообще мысль Сен-Симона двигается извилистыми путями, но двигается она в определенном направлении, в сторону социализма. От «Писем женевского обитателя к современникам» до «Нового христианства» — дистанция огромного размера, изобилующая притом многочисленными ухабами, из которых гениальный мыслитель с трудом выбирается. Его творчество претерпевает значительные изменения, но социализм — начало и конец его творческой деятельности. Начинает он свое творчество выступлением от имени неопределенного и неясного для него самого человечества, а кончает — выступлением «от лица рабочего класса». Конечная цель его устремлений постепенно принимает все более ясные и четкие контуры, более ясные, чем первые очертания его системы: она принимает форму требования эмансипации рабочего класса.

3. Шарль Фурье (1772–1837)

Жизнеописание. Фурье родился в купеческой семье, в провинциальном городе Безансоне. Образование он получил скудное. Отец Фурье умер в 1781 г., оставив наследство в 200 тыс. ливров, из которых, согласно завещанию, на долю сына приходилось 80 тыс. По настоянию матери, будущий яростный критик капиталистической торговли должен был после тщетных попыток сопротивления бросить учение и поступить на службу в торговый дом. Обучение наукам уступило место коммерческой практике. Свое скудное школьное образование Фурье старался пополнить самообразованием, он много читал по всем отраслям знания.

В 1792 г. Фурье получил в свое распоряжение полагавшуюся ему часть отцовского наследства и вскоре стал самостоятельным купцом, открыв в Лионе торговлю колониальными товарами. В 1793 г., когда Лион восстал против Конвента (восстание «федералистов» было поднято изгнанной из якобинского Конвента Жирондой) и был разгромлен его войсками, Фурье потерял свое

---

[294] «*Сен-Симон, — говорит Энгельс, — был сыном великой французской революции... в голове Сен-Симона борьба между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными»... А «рабочими» считались не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры...*» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 268–269).

имущество и вынужден был вновь стать торговым служащим. Он вернулся к прежнему образу жизни, т. е. делил время между работой, по его выражению, «в мастерской лжи» и работой над пополнением своего образования. Но и торговая деятельность не прошла для него даром: она доставила ему широкое поле для наблюдений, в первую очередь над торговым миром. Отметим тут же, что этот жизненный опыт (торговый) сказался на выработке его воззрений; зло критикуемой им цивилизации он прежде всего видит в меркантильном ее характере, в надувательстве и обманах, к которым прибегают купцы. К промышленникам он относился, как мы увидим, совсем иначе.

По данным биографов, гениальный самоучка с одинаковым усердием читал как труды по физике, анатомии, астрономии, так и философские труды; особенно увлекался он чтением Платона, Аристотеля, Лейбница, Руссо.

Работа днем «в мастерской лжи», а по ночам в тиши кабинета протекала в накаленной атмосфере неслыханного дотоле экономического и политического переворота. Хотя Фурье в революционных событиях не участвовал, однако не подлежит сомнению, что вопросы, выдвинутые революцией, были предметом напряженной работы его творческой мысли. Считая, что революция не разрешила поставленной перед ней задачи, что положение трудящихся даже ухудшилось, что выиграли лишь одни ненавистные ему купцы и спекулянты, Фурье полагал, что именно он призван решить нерешенные революцией задачи и что он их решит не насилием, а мирным путем.

Над своей системой Фурье начал работать, как он сам указывает, с 1799 г. Но главный его труд, «***Теория четырех движений и всеобщих судеб***» («Théorie des quatre mouvements et des destinées générales»), появился лишь в 1808 г.

В «Теории четырех движений» уже даны основные идеи Фурье, но многие из них пока лишь конспективно. Излагая сделанные им основные открытия, автор обещает в дальнейших работах их развить и обосновать. В 1822 г. вышел «***Трактат о домашней и земледельческой ассоциации***» («Traité de l'association domestique et agricole»). Вторым изданием этот труд вышел в 1838 г. под названием «***Теория всемирного единства***» («Théorie de l'unité universelle»), В 1828 г. появился его «***Новый промышленный и общественный мир***» («Le nouvean monde industriel et sociétaire»).

Наконец, в 1835 г. Фурье издает сборник статей в своем последнем двухтомном труде «*Ложная промышленность, раздробленная, отталкивающая, лживая и противоядие — промышленность естественная, согласная, привлекательная*» («La fausse industrie morcelée»).

Работы Фурье па первых порах постигла неудача. Это в значительной мере объясняется формой (вернее, бесформенностью) изложения.

Но читатель, сумевший преодолеть «порядок несвязности», оказывается вполне вознагражденным за свой, правда, не слишком легкий, труд. «*Хотя, — пишет Энгельс, — в произведениях Фурье и не сверкают ослепительные лучи ума Сен-Симона или некоторых из его учеников, хотя он пишет тяжелым и мало понятным языком... мы, тем не менее, читаем его произведения с большим удовольствием... Правда, и в них нет недостатка в мистицизме, и даже подчас крайне сумасбродном. Однако, если его оставить в стороне, остается нечто, чего у сен-симонистов нельзя найти, а именно—научное изыскание, трезвое, смелое, систематическое мышление, короче— социальная философия...*»[295].

Произведения Фурье имеют не только научное, но и художественное значение: они дают замечательное сатирическое изображение пошлости буржуазного общества. В другом месте Энгельс пишет: «*Фурье—не только критик, всегда жизнерадостный по природе, он стал сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший всей французской торговлей в период заката революции*»[296].

Неблагоприятный прием, оказанный работам Фурье, не сломил великого утописта. Он не только остался непоколебимым в своих убеждениях, но и верил в близкий успех и осуществление своей системы. Он полагал, что стоит только продемонстрировать ее жизненность на отдельных примерах, т. е. организовать в виде опыта несколько фаланстеров, — и лед будет сломан. Но для этого нужны были средства. И гениальный сатирик Фурье, столь метко осмеивавший «добродетели» буржуазного общества (по терминологии Фурье, цивилизации), верил, что либо какой-нибудь капиталист, либо другой сильный мира сего осуществит его проект. Он напечатал объявление, в котором приглашал богачей и влиятельных лиц доставить ему миллион франков на устройство первых фаланстеров. Любопытнее всего то, что в течение ряда лет Фурье ежедневно в указанный в объявлении час оставался дома, ожидая прихода мифических капиталистов.

Капиталисты, конечно, не откликались на призыв Фурье, но учеников и последователей он постепенно приобрел. Среди них были и состоятельные люди, средства которых доставили ему возможность если не организовать фаланстер, то печатать свои произведения. Все же Фурье со своими последователями попытался организовать в скромных размерах первый фаланстер. В 1832 г. организовано было акционерное общество с капиталом в

---

[295] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 395.

[296] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 271.

1 200 тыс. франков, разделенным на 2 400 акций. Чтобы акции были доступны широким массам, их делили на части стоимостью в 300, 200 и 100 франков. Последователи Фурье, Воде и Деве, в обмен на акции уступили обществу участок земли в 500 гектаров в Конде-сюр-Вегре, в 65 километрах от Парижа. Учредители энергично взялись за работу, распределили заведывание делами между членами школы (фурьеристами) согласно их способностям и призваниям, а сам Фурье был назначен «***директором общественного механизма***».

Казалось, успех был обеспечен. Однако фаланстер так и не увидел света. Ученики Фурье объясняют неудачу отсутствием средств, а сам Фурье— недостаточно точным соблюдением его указаний и советов.

В том же 1832 г. Фурье и его последователи стали издавать журнал «Реформа промышленности, или фаланстер». Но неудача, постигшая первый опыт организации фаланстера, не могла не подорвать и его пропагандистско-публицистическую деятельность. Крах многообещавшего начинания внес замешательство в ряды фурьеристов; журнал прекратил свое существование, прекратился и приток новых последователей и средств. Однако спустя небольшой промежуток времени фурьеризм оправился от неудачи. К Фурье примкнул ряд бывших сен-симонистов, и в 1836 г., за год до смерти Фурье, стал выходить новый журнал, «Фаланга, социально-научный журнал», который пережил учителя и в 1843 г. превратился в ежедневную газету «Мирная демократия» («Démocratie pacifique»).

Концепция Фурье. Метафизика и диалектика. Концепция Фурье — двойственная. С одной стороны, Фурье, как и другие великие утописты, стоит еще на позициях мыслителей XVIII в., исходивших в своих концепциях из «природы человека». С другой стороны, воззрения Фурье проникнуты историзмом еще в большей мере, чем воззрения Сен-Симона: в концепции Фурье идея развития общества занимает одно из центральных мест.

Учение о природе человека Фурье развил в своей теории страстей, которая является краеугольным камнем всей его концепции. В противоположность моралистам его времени, делящим человеческие страсти на хорошие и дурные, Фурье выдвигает другой тезис: все страсти хороши, плохими они становятся только из-за неправильного общественного строя. Поэтому бороться надо не против страстей, а против того общественного строя, который делает страсти дурными. Под человеческой природой Фурье разумеет человеческое сердце, человеческие чувства, человеческие страсти; он хочет построить такое общество, где все человеческие страсти имели бы простор для развития.

Природу человека до сих пор искажали; ей, по мнению Фурье, мешали свободно проявляться в соответствии с заложенными в ней страстями, почему они и принимали уродливые формы. Только в будущей ассоциации, проектируемой великим утопистом, страсти получат полную возможность свободного проявления. Ассоциации — единственный общественный строй, для которого с самого начала создан человек. «*Человек есть существо, созданное для гармонии и для ассоциаций всякого рода*»[297]. И это потому, что сам человек гармоничен, как и создавший его бог. Страсти находятся в определенном соответствии между собой, в определенной гармонии; они действуют (точнее, должны действовать) ***сериями***. «*Страсти, — говорит Фурье, — которые, по общему мнению, ведут к внутреннему разладу, на самом деле дают нам ту цельность, которую мы считаем столь недостижимой. Но вне механизма, называемого сериями, разрозненные, противоречивые, эти страсти подобны разнузданным диким зверям и являются непостижимой загадкой*»[298].

В цивилизованном обществе серии не формируются, поэтому страсти вносят в это общество только беспорядок. Если экономисты считали естественным порядком, т. е. порядком, вытекающим из природы человека, порядок буржуазный, то Фурье наряду с другими утопистами считал этот порядок, названный им цивилизацией, неестественным. Естественный порядок должен осуществиться в будущем и будет осуществлен лишь тогда, когда на смену цивилизации придет новый, соответствующий страстям человека, гармонический строй.

Итак, необходимо преобразовать общественные отношения соответственно требованиям природы. Природа человека, согласно интерпретации буржуазных экономистов той эпохи, требует ничем не ограниченной экономической свободы и полной свободы конкуренции. Согласно же интерпретации Фурье, природа требует производства, организованного в ассоциацию, и уничтожения конкуренции, так как только при таком строе страсти не только свободно н нормально проявляются, но и становятся силой, цементирующей и регулирующей всю общественную жизнь.

Но у Фурье метафизическое понимание природы человека уживается с диалектическим пониманием прошлого человечества. Для Фурье история—не хаос событий, а движение, притом движение по восходящей линии, от низших фаз к высшим, и он пытается дать экономическую характеристику каждой из перечисляемых им фаз. Этим Фурье значительно расширил рамки

---

[297] Ш. Фурье, Избранные сочинения, с. 41.

[298] Там же, с. 35.

экономических исследований. «*...Выше всего, — говорит Энгельс, — поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческого общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, варварство, патриархат и цивилизация... Он указывает на «порочный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренно или притворно, она стремится. Например, по его словам, «в цивилизации* ***бедность порождается самим избытком****». Очевидно, Фурье так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель*»[299].

Фурье-мыслитель, гениальным взором обозревающий длинный исторический путь, пройденный человечеством, — диалектик; Фурье-утопист, ищущий решения противоречий буржуазного общества не в развитии самых противоречий, не в классовой борьбе, а в открытиях великих людей,— метафизик. Обусловлено это в конечном счете тем, что в его время классовая борьба между буржуазией и пролетариатом не была еще достаточно развита. Он гениально предвидел, что цивилизация, т. е. буржуазное общество,—лишь переходная ступень к несравненно более высокой общественной форме; но, не видя реальных сил, могущих осуществить предстоящий переворот, он сочиняет утопию, и это заставляет его вступить на путь метафизики.

Идеализм и материализм в концепции Фурье. Как метафизика мирно уживается у Фурье с диалектикой, так элементы материализма мирно уживаются у него с махровым идеализмом. «*Прошло всего лишь одно столетие, — пишет он, — с тех пор, как мы вступили в 3-ю фазу цивилизации, но за этот короткий период времени фаза протекала чрезвычайно быстро, благодаря* ***колоссальному прогрессу индустрии****; так что теперь 3-я фаза уже достигла своего* ***естественного передела****. У нас слишком много материалов для столь слабого уровня развития, и эти материалы, не находя для себя естественного применения, перегружают социальный механизм и служат причиной его недомогания. Отсюда и возникает брожение, подтачивающее весь механизм; появляются вредные признаки, симптомы усталости, происходящие в результате несоответствия* ***между средствами промышленности и той, более низкой, ступенью развития, к которой они применяются****. Для нашей отсталой третьей фазы* ***промышленность слишком сильно развита****; для нее требуется хотя бы четвертая фаза*»[300].

---

[299] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 271.

[300] Ch. Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire, Paris, 1829, p. 418.

В приведенной цитате должны быть подчеркнуты следующие два положения, приближающие Фурье к материалистическому пониманию истории: 1) третья фаза цивилизации протекала быстро «благодаря колоссальному прогрессу индустрии», 2) средства промышленности пришли в противоречие со «ступенью развития, в которой они применяются». Но эти положения не мешают Фурье высказывать взгляды противоположного характера, взгляды, продиктованные крайним идеализмом и субъективизмом. «*Я один, — заявляет он, — вычеркнул двадцать столетий политического идиотизма, и все настоящие и будущие поколения обязаны своим огромным счастьем лишь мне одному. До меня человечество потеряло бесплодно тысячи лет на безумную борьбу против природы; я первый преклонился перед ней, изучив влечения—орудие ее декретов, и она удостоила своей улыбкой единственного смертного, который преклонился; она вручила мне свои сокровища. Обладая книгой судеб, я пришел, чтобы рассеять политический и моральный мрак, и на развалинах недостоверных наук я воздвигаю теорию всемирной гармонии*»[301].

Таким образом, по Фурье, все зависит от гения, который своими открытиями может «вычеркнуть» целые тысячелетия. Так у Фурье-мыслителя и у Фурье-утописта переплетаются зачатки материализма с крайним идеализмом.

Сплетение диалектики с метафизикой и материализма с идеализмом сказывается и на его приемах исследования и на его изложении. Двигаясь в направлении, продиктованном диалектикой и материализмом, он дает образцы замечательного по своей глубине конкретного анализа, особенно третьей фазы цивилизации, облеченные в форму непревзойденной для его времени сатиры, бичующей ненавистные ему общественные и экономические отношения и нравы. Двигаясь же по линии, подсказанной метафизикой и идеализмом, он крайне абстрактен, витает в заоблачных высотах, клянется богом на каждом шагу[302], говорит языком мистики.

Двойственный подход и исследование капитализма. Следует отметить и то, что свои исследования капитализма Фурье часто переносит в сферу обращения, что делает его критику капитализма односторонней. Его замечательное исследование капиталистической торговли—не монография,

---

[301] Ch. Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire, Paris, 1829, p. 418.

[302] Фурье обращается со своим богом довольно, мы бы сказали, фамильярно, и церковь «справедливо» занесла его книги в список запрещенных. Однако неверно, будто для Фурье, по утверждениям некоторых исследователей, бог — лишь абстрактное математическое понятие. Фурье энергично протестовал против обвинения его в безбожии и нападал на Оуэна за его атеизм/

посвященная одной из сторон капитализма, а метод критики капитализма в целом, вследствие чего у Фурье получается меркантилизм ***наизнанку***. Если меркантилисты источник богатства видели в обращении, в торговле, то Фурье склонен видеть в торговле чуть ли не источник всех пороков капиталистического общества.

Правда, в ряде мест Фурье при характеристике цивилизации подчеркивает особенность именно производства. Обращаясь к философии, он говорит: «*Итак, напрасно, философы, будете вы искать счастье, роясь в библиотечных шкапах, все это бесплодно до тех пор, пока не будет искоренена главная причина всех социальных зол, — раздробленность производства или несогласованность труда...*»[303]. Его система в целом также ставит своей задачей организацию производства, а не завоевание обращения, к которому стремятся современные кооператоры-«социалисты». Но на раздробленность производства Фурье смотрит сквозь призму обращения: раздробленность производства приводит к господству торговцев.

Если в эпоху Фурье отсутствие развитой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией не дало ему возможности видеть основные противоречия капитализма, то это же недостаточное развитие капитализма и расцвет торговой спекуляции во время революции заставили его видеть суть противоречий третьей фазы цивилизации, т. е. капитализма в борьбе между производителями и торговцами. К первым он, как и Сен-Симон, относит и фабрикантов, и рабочих. Но у Сен-Симона объединение рабочих с капиталистами в один класс обусловлено тем, что в капиталистах он видит руководителей индустрии и вождей рабочих. Фурье такая точка зрения чужда. Он объединяет фабрикантов и рабочих в один класс потому, что и те и другие являются объектом эксплуатации агентов обращения, т.е. торговцев и банкиров.

Историзм Фурье. Свои воззрения на экономическое развитие общества Фурье резюмирует в следующей схеме[304]:

[303] Ch. Fourier, Théorie de h'unité universelle, v. II, p. 128–129.

[304] Ch. Fourier, Le nouveau monde industriel et sociétaire, p. XI.

Периоды, предшествовавшие индустрии	1. Первобытный, называемый Эдемом 2. Дикость или инертность
Промышленность раздробленная, отталкивающая	3. Патриархат, мелкая индустрия 4. Варварство, средняя индустрия 5. Цивилизация, крупная индустрия
Промышленность общественная, притягательная	6. Гарантизм, пол-ассоциация 7. Социантизм, простая ассоциация 8. Гармонизм, сложная ассоциация

В основу всей этой периодизации Фурье кладет состояние и уровень развития промышленности. В первые три периода промышленность совсем отсутствует, каждый же из последующих трех периодов уже характеризуется достигнутым уровнем промышленности. Для патриархата характерно мелкое производство, для варварства — среднее производство, для цивилизации — крупное производство. Далее, промышленность всех названных трех периодов Фурье квалифицирует как отталкивающую и раздробленную. Наконец, наступает новая эпоха—ассоциация, которая в свою очередь должна пройти три ступени, но при которой промышленность становится общественной и притягательной.

Фурье вполне правильно характеризует дикость как состояние, в котором отсутствует промышленность. Согласно учению Моргана, развитому Энгельсом, на всех ступенях дикости люди питались тем, что находили в готовом или почти готовом виде. Зачатки промышленности начинаются лишь с переходом к варварству. И Энгельс отмечает, что Фурье гениально предвосхитил Моргана по целому ряду вопросов.

Правда, выделение патриархата в особый период, между дикостью и варварством, не согласуется с учением Энгельса и Моргана. Нетрудно указать и на другие промахи в приведенной схеме. Но, во-первых, нужно помнить, что во времена Фурье науки о первобытном обществе еще не существовало, не собран был даже материал, необходимый для этой науки. Поэтому подчеркнуть следует не ошибки Фурье, а его гениальные догадки.

Во-вторых, важен принцип, по которому построена схема Фурье. Для Фурье исторический период — не просто хронологический отрезок времени; периоду дается, как мы видим, экономическая характеристика. Пусть у Фурье еще нет ясного представления об экономических формациях и соответствующих им законах движения, — это открытие сделано было лишь Марксом. Но его учение о зависимости периодов истории человечества от

состояния и уровня индустрии является значительным приближением к указанному представлению.

Особенно не следует упускать из виду состояние экономической науки в тот момент, когда Фурье нарисовал столь широкую картину исторического развития. Даже лучшие экономисты той эпохи (Смит, Рикардо, рикардианцы) занимались исключительно исследованием буржуазного способа производства. На докапиталистическую формацию, по меткому выражению Маркса, они смотрели, так, как христианские богословы на дохристианскую религию, т. е. как на заблуждение. Таким образом, горизонт политической экономии был чрезвычайно узок. Экономическая наука не выходила за пределы политической экономии в узком смысле. Исходя из той предпосылки, что буржуазные отношения не являются ни естественными, ни вечными, ни рациональными, Фурье представил развитие человечества в ином свете и тем самым способствовал расширению рамок политической экономии и нанёс сокрушительный удар ограниченности кругозора буржуазных экономистов.

По Фурье, каждый последующий период и последующая фаза, во-первых, являются ***высшими*** по отношению к предшествовавшим, т. е. историю человечества он изображает как непрерывное прогрессивное движение. «*Наша цель, — говорит Фурье — продвигаться вперёд, каждый социальный период должен переходить в высший*».

Во-вторых, каждый период и каждая фаза, помимо своих специфических особенностей, заключают в себе также элементы как прошлого, так и будущего. «*В каждом обществе, — продолжает Фурье, — существуют в большей или меньшей степени черты, заимствованные из высших или низших периодов*»[305].

Капитализм, фигурирующий у Фурье под рубрикой цивилизации, занимает, как видно из приведённой схемы, далеко не почётное место: наряду с патриархатом и варварством он отнесён к той эпохе, промышленность которой характеризуется как раздробленная и отталкивающая. Фурье нанёс сокрушительный удар антиисторическим представлениям буржуазной экономической науки и проложил путь правильному пониманию исторического процесса.

Оригинально учение Фурье о смешанных периодах, названных им ***гибридами***. «Гибриды» получаются в результате воздействия со стороны народов более высокой культуры на народы, стоящие на низкой ступени развития. Фурье иллюстрирует это на примере Оттоманской империи, которая

[305] Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, p. 123–124.

много заимствовала у европейцев, но в то же время сохранила немало своего, самобытного.

Однако не все «гибриды», по Фурье, положительны, часто воздействие народов более высокой культуры на народы низшей культуры бывает для последних глубоко вредным и даже гибельным. Фурье резко выступает против защитников колониальной политики. Буржуазные писатели именуют колонизаторскую деятельность французов в Алжире и Тунисе «прекрасным делом цивилизации», а Фурье уже в первом своем произведении говорит:

«*Меркантильный дух проложил новые пути преступлению... в глубь районов, обитаемых дикарями, проникает жадность цивилизованных: наши корабли совершают кругосветные путешествия лишь для того, чтобы приобщить варваров и дикарей к нашим порокам и нашим неистовствам...*»

Не менее оригинально учение Фурье о развитии внутри каждого периода. Он постоянно подчёркивает, что каждый период в свою очередь переживает фазу детства, юности, возмужалости, за которыми следуют старость и дряхлость. При этом то, что обусловливает одряхление, увядание того пли иного периода, зачастую является социальным прогрессом для исторического развития общества в целом. «*Каждый из социальных периодов подразделяется, — говорит Фурье, — на 4 фазы, аналогичные 4 возрастам человека: детство, юность, возмужалость, дряхлость... 4-я фаза дряхлости, — продолжает он, — порою сочетается с полезным прогрессом... Так поздняя ночь ведет к рассвету*»[306].

В применении к буржуазному обществу это означало, что не следует жалеть о его увядании и одряхлении; наоборот, это знаменует лишь социальный прогресс, дальнейшее развитие общества. Защитники капитализма приходили в ужас при мысли о гибели капиталистической цивилизации; Фурье же видел в этом закон социального прогресса.

Критика капитализма. Критика капитализма дана Фурье на широком историческом фоне и тесно увязана с его гениально намеченной исторической концепцией. Буржуазное общество, как мы видим, рассматривается им лишь как одна из фаз в истории развития человечества.

Каковы особенности этой фазы?

«*Индустриализм, — говорит Фурье, — вот последняя научная химера; это — мания всё производить, без всякого метода и пропорциональности вознаграждения за труд, без всякой гарантии для производителя или рабочего, что он примет участие в накоплении богатства; мы видим, что*

[306] Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, p. 127.

промышленные страны имеют не меньше, а, может быть, и больше нищих, чем страны, где не существует промышленности»[307].

«*Индустриализм, — продолжает Фурье, — приводит к ещё более вопиющему явлению, — к антагонизму между* ***интересами индивидуума и коллектива****. Каждый работник — враг массе, интересы которой противоречат его личным интересам. Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а прокурор — судебных процессов в каждой семье. Архитектор мечтает о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик — о граде, который перебил бы все стекла. Портной, сапожник очень довольны, если публика получает скверные ткани и непрочную кожу, так как в этом случае одежда и обувь изнашиваются втрое быстрее, к их вящему благополучию. Для содержания судов во Франции ежегодно должно совершаться 120 тысяч преступлений. Итак, в цивилизованном обществе каждый индивидуум находится в состоянии непрерывной войны с коллективом; иного результата и нельзя было ожидать при антисоциальном индустриалистическом строе*»[308].

Грозный и остроумно составленный обвинительный акт Фурье предъявляет буржуазному обществу, индустрия которого названа им «антисоциальной».

Отправным пунктом своей критики Фурье берёт общественную форму производства. Он непрестанно подчёркивает, что индустрия при капитализме раздроблена, причём под раздробленностью он понимает не мелкий масштаб производства; наоборот, капиталистическое производство Фурье характеризует как крупное, а распыление общественного производства между отдельными лицами; общественное производство «разобщено», раздроблено между разными лицами, следовательно, находится под влиянием личных интересов. Из этой раздробленности производства он выводит неизбежность анархии, кризисов, необеспеченность труда.

Особенно беспощаден Фурье в своей критике капиталистической торговли, которую он называл «мастерской лжи». Он сам, как мы видели, прошёл суровую школу наёмного раба торгового капитала и с ненавистью и презрением описывает все виды мошенничества в этой «мастерской лжи».

Фурье наиболее полно (до него такой критики ещё не существовало) раскрыл основные пороки капиталистической торговли: ажиотаж, обман, банкротство, спекуляцию, продажу недоброкачественных товаров и т. д. Но, как уже отмечено было раньше, критику капитализма в целом он порой сводит

---

[307] Ш. Фурье, Избранные сочинения, с. 50.

[308] Там же, с. 52.

к критике капиталистической торговли. Фурье считает, что купцы играют в общественном строе роль банды союзных пиратов, стаи хищников, уничтожающей земледелие и мануфактуры и всесторонне порабощающей общественный организм.

Фурье неоднократно предупреждает, что не следует смешивать мануфактуристов с торговцами. Под мануфактуристами он понимал промышленных капиталистов и промышленных рабочих, соединяя тех и других в одну группу. Здесь Фурье проявляет непонимание того, что торговый капитал есть обособившаяся форма промышленного капитала. По Фурье, торговый капитал — это решающая форма капитала. Такая односторонность особенно даёт себя чувствовать в противопоставлении промышленного капиталиста торговому. Помимо личного опыта Фурье и его страстной ненависти к капиталистической торговле[309], здесь сыграло основную роль то обстоятельство, что в период, когда писал Фурье, промышленность во Франции была ещё недостаточно развита, а торговый капитал благодаря тем крупным спекуляциям, которые особенно пышно расцветали во Франции в эпоху революции, в это время искусственно выдвинулся на первое место.

Фурье беспощадно разоблачает также сторонников свободной конкуренции, утверждая, что последняя ведёт к монополии. Он даёт замечательное для своего времени учение о концентрации и централизации, утверждая, что третья фаза цивилизации развивается в сторону вытеснения мелких и средних предприятий крупными и крупнейшими, а также в сторону слияния отдельных капиталов в один при помощи организации акционерных обществ. Но ещё важнее то, что он предвидел, что развитие концентрации и централизации приведёт к новой фазе, которую он называет промышленным или «торговым феодализмом», т. е. приведёт к господству крупного объединённого капитала над всем обществом. Вот как рисует он этот новый период, который должен образовать четвёртую фазу цивилизации: «*Конечно, будущим результатом свободной конкуренции явится* ***торговый феодализм****. К этому приводит система создания привилегированных торговых компаний, которые входят в соглашение с правителем, дают ему часть прибыли за право монополизации и порабощают всю торговлю, не укрывшуюся под их крылышко. Их огромные капиталы позволяют им беспрепятственно устанавливать свои законы на общем товарном рынке. Всякий средний собственник должен подчиниться назначаемым ими ценам... Этот порядок является последней фазой цивилизации и согласно*

[309] Фурье, по уверению его ученика Консидерана, будучи 7-летним мальчиком, дал аннибалову клятву: вечно ненавидеть торговлю.

закону соприкосновения крайностей он закончится так же, как и начался, феодализмом, применённым в обратном порядке»[310]. Маркс, подчёркивая эту заслугу Фурье, пишет: «*Бессмертная заслуга Фурье заключается в том, что он предсказал эту форму современной индустрии, назвав её «промышленным феодализмом*»[311].

Закон развития капиталистического способа производства Фурье неизвестен. Этот закон был вскрыт лишь Марксом и развит Лениным в учении об империализме и общем кризисе капитализма. Но Фурье гениально предвидел тенденцию развития капитализма в сторону монополии.

Фурье высказывает и следующее ценное положение: «*Если общество слишком долго пребывает в одном периоде или одной фазе, оно начинает портиться, как застоявшаяся вода*». И далее: «Прошло всего лишь одно столетие с тех пор, как мы вступили в 3-ю фазу цивилизации, но за этот короткий период времени фаза протекала чрезвычайно быстро благодаря колоссальному прогрессу индустрии; так что теперь 3-я фаза уже достигла своего естественного предела. У нас слишком много материалов для столь слабо развитого уровня развития, и эти материалы, не находя для себя естественного применения, перегружают социальный механизм и служат причиной его недомогания. Отсюда и возникает брожение, подтачивающее весь механизм; появляются вредные признаки, симптомы усталости, происходящие в результате несоответствия между средствами промышленности, и той, более низкой ступенью развития, к которой они применяются»[312].

Сравнивая «труд цивилизованных с трудом в будущей гармонии», Фурье видел, что «работа двух третей нашего населения совершенно непроизводительного или отрицательного свойства».

По Фурье, труд подавляющей массы женщин и всякого рода прислуги, занятой в домашнем хозяйстве, непроизводителен; Фурье уверяет, что в будущей ассоциации благодаря организации общественного питания и культурно-бытового обслуживания для ведения домашнего хозяйства достаточно будет одной трети или четверти того количества женщин, которое занято на этой работе сейчас. Непроизводительным Фурье считает и труд 90% коммерсантов и купцов: распределение при ассоциации потребует гораздо меньшего числа людей и будет выполнено несравненно лучше.

---

[310] Ш. Фурье, Избранные сочинения, с. 60.

[311] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 11, ч. 1, с. 33.

[312] Ш. Фурье, Избранные сочинения, с. 32–33.

В различных своих работах Фурье даёт и отдельные меткие характеристики капитализма (по Фурье, третьей фазы цивилизации). Вот некоторые из них:

«*Меньшинство из рабов вооружённых держит в узде большинство — из рабов безоружных*». «*Само изобилие порождает при цивилизации бедность*». «*Промышленность цивилизации может создать лишь элементы счастья, но не счастье*». «*Фабрика — «смягчённая каторга»*. «*Цивилизация справедливо именуется войной богатого против бедного*». Он первый назвал наёмный труд косвенным рабством.

«***Трудовые классы*** *(земледельцы, мануфактуристы) становятся, — говорит Фурье, — жертвой массового грабежа... и подобно сельдям исчезают тысячами в пасти заглатывающего их кита*».

Однако своеобразие капиталистического способа производства и капиталистической эксплуатации осталось для Фурье незамеченным. Рабочие, по Фурье, с одной стороны, страдают как покупатели: торговцы вздувают цены на предметы широкого потребления, а с другой — вследствие конкуренции и порождаемых ею банкротств рабочие лишаются работы и заработка. Правда, Фурье называет наёмный труд рабским, подчёркивая его подневольный характер, и это одна из важнейших его заслуг. Но отсутствие правильного понимания своеобразия капитализма обесценивает теоретическое значение этой решающей характеристики наёмного труда, ибо она не является выводом, резюме анализа отношения между трудом и капиталом, — такого рода анализ у Фурье совершенно отсутствует.

Более того, рабство наёмных рабочих он понимает скорее в моральном смысле, нежели в социально-экономическом. Это рабство он сводит, главным образом, к тому, что рабочие не могут работать согласно влечению своих страстей; они вынуждены браться за ту работу, которую им предоставляют. Вот почему бедственное положение рабочих несмотря на то, что Фурье уделяет ему много внимания, является для него лишь ***одним из пунктов*** его обвинительного акта против цивилизации.

Фурье обвиняет цивилизацию не в том, что она держится на эксплуатации наёмного труда, а лишь в том, что участие рабочих в накоплении богатства недостаточно. Неправильное распределение национального дохода оп иллюстрирует следующей гипотетической таблицей:

	Бедный	Стеснённый	Средний	Состоятельный	Богатый
A	0	1	2	4	8
B	1	2	4	8	16
C	2	4	8	16	32
D	3	8	16	32	64
E	8	16	32	64	128

«*Линия A, — комментирует Фурье свою таблицу, — обозначает тот строй, при котором разница в распределении богатства не была велика и где бедный класс, помеченный цифрой ноль, вообще не существовал.*

По мере накопления национального богатства, как это видно по линиям B, C, D, E, следовало бы, чтобы бедный класс участвовал в этом накоплении пропорционально, т. е. чтобы при состоянии богатства E, когда богатый может тратить в день 128 франков, бедный имел бы, по крайней мере, 8 франков, как это указано в таблице»[313].

Но у «цивилизованных» рост доходов всех классов не носит такого пропорционального характера, ибо «*...таблица идет по диагонали 0, 2, 8, 32, 128» рост происходит только по одной стороне, на стороне богатых, а «...большинство, т. е. бедный класс, не только не участвует в росте богатства, но ещё увеличивает свои лишения, так как видит большее и более разнообразное число недоступных для него благ*»[314].

Фурье радикален в отношении торговцев, причисляя 99 процентов торгового класса к паразитам; но он более чем умерен в отношении промышленных капиталистов. Он не возражал бы, если бы доход крупных капиталистов превышал в 16 раз доход рабочих (128 : 8), как это видно из его таблицы; он требует лишь, чтобы и рабочие увеличивали свои доходы. В его ассоциации положение разных слоёв населения примерно такое, как это представлено в его гипотетической таблице.

* * *

Фурье подвергает резкой критике современных ему экономистов. Он обвиняет их в том, что, «говоря об ***экономии в производстве***, они забывают упомянуть об ассоциации, которая является основой всякой экономии». А «говоря о торговле, они забывают указать средства для борьбы ***с***

[313] Ш. Фурье. Избранные сочинения, с. 52.

[314] Там же, с. 52–53.

мошенничеством, ***спекуляцией и ажиотажем***, этими язвами, вредящими и потребителям, и производителям, и правильному товарообращению»[315].

В первом пункте этого обвинения он указывает на ограниченность кругозора политической экономии, не ставящей коренных вопросов, точнее, коренного вопроса о реорганизации всего общественного строя, каковым, по Фурье, является переход к ассоциации. Во втором пункте он подчёркивает бессилие экономической науки в борьбе с главным злом цивилизации — пороками торговли. Фурье иронизирует над экономистами, которые считают своё бессилие заслугой и утверждают, «*...что роль политической экономии — чисто пассивная, что задача её ограничивается анализированием существующего зла. Это похоже на то, как если бы врач сказал больному: «Моя задача — анализировать вашу болезнь, но не указывать вам лекарства для борьбы с нею». Над таким врачом можно только посмеяться*»[316].

Фурье обвиняет экономистов и в апологетике, и даже в прямой продажности. «*Философия... — пишет он, — желала укрепить свои позиции (в борьбе с религией. — Д. Р.) и для этого сочла наиболее благоразумным присоединиться к несгораемым кассам и обласкать коммерсантов, влияние которых всё росло. В результате экономисты, не желая отставать, также поспешили впрячься в карету торговцев. Они объявили их непогрешимыми, как прежние этапы. Негоцианты, по их мнению, во всех своих действиях имеют в виду общее благо, и потому им необходимо предоставить полную свободу. Все догматы были приспособлены и пригнаны к этому странному парадоксу. Торговцев стали превозносить до небес*»[317].

Предвидя наступление «торгового феодализма», Фурье предсказывает, что экономисты и вообще учёные примирятся и с этой фазой цивилизации. «*Итак, — пишет он, — мы бежим обратно к* ***торговой феодальной системе и 4-й фазе цивилизации***. *Учёные, относящиеся с уважением ко всему, что клонится к процветанию торговли, спокойно отнеслись бы к новому порядку и воспели бы его, и путь его был бы усеян розами... а в результате получилась бы* ***промышленная инквизиция***, *порабощение всех граждан интригами господствующей монополии*».

История целиком оправдала прогноз гениального утописта, буржуазные учёные более чем спокойно отнеслись «к новому порядку»; «промышленную инквизицию» и монополию они воспевают с ещё большим энтузиазмом, нежели режим свободной конкуренции. История ответила также на вопрос,

---

[315] Ш. Фурье. Избранные сочинения, с. 28.

[316] Там же, с. 51.

[317] Там же, с. 69.

поставленный Фурье представителям всех общественных наук, объединённых им под общим названием неточных наук. «*Вы, творцы неточных наук, — спрашивает он, — уверенные в том, что работаете на пользу человечества, подумали ли вы про 600 000 000 варваров и диких, которые тоже являются частью человеческого рода? Тем не менее они страдают, а что вы сделали для них?*».

Они, скажем мы, по мере сил и возможности содействовали порабощению «варваров» и «диких», оправдывая и воспевая колониальный грабёж и подчинение всего «человеческого рода» финансовой олигархии.

Будущий общественный строй в изображении Фурье. Сам Фурье главным делом своей творческой жизни считал то, что он открыл новую форму организации общества, ассоциацию, названную им также Гармонией (последнюю он пишет с большой буквы). Об этом своём открытии он говорил с большим пафосом, почти впадая в экстаз. «*Обладая книгой судеб, — мы уже выше цитировали это его заявление, — я пришёл, чтобы рассеять политический и моральный мрак и на развалинах недостоверных наук я воздвигаю теорию всемирной Гармонии*».

Нас в данном случае интересует не то, как Фурье «рассеял политический и моральный мрак», а как он экономически обосновал новую форму организации общественного производства.

Окружавшая Фурье действительность не давала ещё материала для построения научной теории «всемирной Гармонии», по выражению Фурье. Поэтому он, с одной стороны, многое сочиняет, а с другой — не может ещё полностью освободиться, как мы увидим ниже, от буржуазных представлений. Но необходимо выделить то ценное, что имеется в этой теории.

Первичной хозяйственной единицей ассоциации Фурье называет фалангу: население её должно равняться 1 500—1 600 человек. По территории фаланга занимает площадь в одну квадратную милю, или 6 млн. квадратных саженей. Хозяйственную основу фаланги составляет агрикультура в разных ее видах, с особым уклоном в сторону огородничества и садоводства. Разные виды промышленности составляют лишь подсобные промыслы к сельскому хозяйству.

«***Мануфактуры***, *— заявляет Фурье, — столь восхваляемые в политической системе наших современников...* ***в социетарном строе играют лишь роль аксессуара и дополнения к системе сельского хозяйства***».

Фурье находится под влиянием физиократов; как и физиократы, он ставит сельское хозяйство выше промышленности. Но неправильное понимание отношения сельского хозяйства к промышленности не должно

заслонять собой того ценного, что имеется в организации фурьеристской фаланги. В изображении Фурье фаланга представляет собой новый тип соединения промышленности с сельским хозяйством и города с деревней. Это — научное предвидение уничтожения противоположности между городом и деревней, хотя отношение промышленности и сельского хозяйства Фурье и изображает неправильно. Фурье говорит о системе фаланг, в которую должно превратиться не только хозяйство одной страны, но и все мировое хозяйство, включая и хозяйство «варваров» и «дикарей». Деление на деревни и города Фурье заменяет делением на одинаковые фаланги (приблизительно, конечно, поскольку это позволяют природные условия), которые находятся в одинаковых материальных и культурных условиях.

Наибольшее внимание уделяет Фурье труду и его организации. Все участвуют в труде, не исключая и детей, но не по нужде, а по влечению. Условия труда будут таковы, что никто не захочет остаться вне процесса труда. Для каждого вида работы организуется серия (группа); каждый работник участвует согласно своим наклонностям (по Фурье, страстям) в нескольких сериях с таким расчетом, чтобы в каждой из них работать не больше полутора-двух часов. Такие промежутки работы в сериях Фурье называет сеансами. Так как даже наиболее привлекательный труд утомителен, если он продолжается долго, то «сеансы» должны быть кратковременными.

Заработная плата отменяется, — в ассоциации нет наемных рабочих, а есть участники общественного производства, получающие свою долю продукции, соответственно своему труду, капиталу и таланту.

«*Годичная прибыль делится на три неравные части следующим образом:*

- *5/12 активным участникам работы,*
- *4 /12 на долю акционерного капитала,*
- *3 /12 на долю теоретических и практических знаний*»[318].

Под «годичной прибылью», Фурье понимает весь годичный доход ассоциации, а не прибыль как доход капиталистов. Последняя в ассоциации отсутствует, — сохранены лишь дивиденды на акции.

Капиталы и земли передаются в распоряжение ассоциации, взамен чего владельцы движимой и недвижимой собственности получают акции, доставляющие им доходы в виде дивидендов. Капиталисты и землевладельцы превращаются в рантье, но в отличие от рантье при цивилизации они работают. В ассоциации работают не из-за нужды, а из-за влечения к труду, из-за

[318] Ch. Fourier, Théorie de l'unité universelle, v. III, p. 444–445.

потребности в нем. Это влечение, эта потребность присущи, уверяет Фурье, и богачам.

Фурье, во-первых, не понимает, что, превращая земельную собственность и капиталы в акции, т. е. в право на получение дохода, он оставляет в силе эксплоатацию труда; что в его ассоциации сохраняется не только неравенство, якобы диктуемое необходимостью разнообразия в состояниях, но сохраняются класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых. Во-вторых, увлекаясь своей теорией страстей и стирая грань между трудом и спортом, трудом и игрой, он полагает, что и держатели акций почувствуют страстное влечение к труду.

В фурьеристских фалангах сохраняется частная собственность, и это не просто недомолвка: Фурье был действительно последовательным до конца защитником частной собственности. В своей брошюре против сен-симонистов, которые требовали уничтожения права наследования собственности, Фурье восклицает: «Как можно в наш век отрицать собственность и право наследования». Но собственность у Фурье играет совершенно иную роль. У него производство в целом организует коллектив; коллектив планирует производство, ***он же является и хозяином производства***. Собственник получает лишь известное вознаграждение за капитал, представленный в акциях, которые дают доход. Фурье также уверял, что собственностью будут обладать не только богатые; собственность будут иметь все. Фурье убежден, что производительность труда в ассоциации будет столь велика, что у каждого будут сбережения и, следовательно, собственность.

Поэтому деление дохода, по капиталу, труду и таланту у Фурье имеет особый смысл: он допускал, что если не все, то подавляющая масса работников будет получать и по труду, и по капиталу, и по таланту. Отметим тут же, что Фурье глубоко верил в обилие талантов среди широких народных масс.

По Фурье, «*каждый ребенок от природы одарен способностью, достаточной, чтобы стать равным одному из изумительнейших людей, когда-либо виданных миром, каковы Гомер, Цезарь, Ньютон и др. Итак, когда весь земной шар будет организован и численный состав его населения доведен до 3 млрд., тогда на земном шаре постоянно будет 37 млн. поэтов, равных Гомеру, 37 млн. ученых геометров, равных Ньютону, 37 млн. драматических писателей, равных Мольеру, и так со всеми мыслимыми талантами*»[319].

В ассоциации, по Фурье, уничтожена будет противоположность не только между городом и деревней, но и между физическим и умственным трудом.

---

[319] Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, p. 128.

Фурье гениально предвидел, что при существовании действительно свободного труда будет распространяться и иметь громадный успех соревнование. Он прямо говорил о соревновании и между сериями и внутри серий. Он предвидел также, что в ассоциации труд станет удовольствием, делом чести.

В грядущей ассоциации, писал Фурье, «*все группы приобретают значительную ловкость благодаря большому разделению труда и присвоению каждому члену именно той функции, где он хочет достичь превосходства*».

«*Побуждаемые* ***соревнованием****... люди вносят в работу рвение, опрокидывающее все преграды, и подлинный фанатизм, чтобы поддержать честь серии в соревновании с другими кантонами... В пылу работы они выполняют то, что, казалось бы, не под силу человеку. Самое слово «невозможно» будет родить в них негодование, и работы самые чудовищные покажутся им легкой забавой... они сумеют вырастить нектар и амброзию на земле, которая в наши дни родит лишь терни, возделываемая слабыми руками цивилизованных*»[320].

Мысля себе всю хозяйственную систему как совокупность отдельных фаланг, Фурье вместе с тем полагал, что будут предприниматься и крупные, гигантские работы. Например, он говорил о грядущей организации промышленных армий для превращения Сахары из пустыни в цветущий сад, для сооружения грандиозных каналов, строительства мостов и пр.

Ряд утопических и фантастических представлений не помешал Фурье глубоко проникнуть как в природу труда при капитализме («рабский труд»), так и в природу свободного социалистического труда. Он твердо уверен в превосходстве свободного труда и доказывает, что производительность труда будет тогда неизмеримо выше и что в ассоциации будет окончательно уничтожена бедность.

«*Продукция будет столь обильна, что в наше время на той же* ***прогрессивных серий*** *территории для получения ее потребовалась бы работа втрое большего количества лиц*».

«*Продукция зерновых может увеличиться лишь в отношении 1:3, но в основном комбинированный строй даст продукцию трехкратную (4-х и 5-кратную) по сравнению со строем дисгармоничным*»[321].

Только в стране победившего социализма, где воочию выступают несравненные преимущества труда свободного перед трудом

---

[320] Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, p. 240–241.

[321] Ibidem, p. 97.

капиталистическим, рабским, мы можем в полной мере оценить гениальное предвидение Шарля Фурье.

Фурье писал: «*Промышленные армии из ассоциации произведут работу, одно представление о которой приводит в трепет корыстные души*».

Осуществилось и это предвидение великого утописта: гигантские достижения свободного труда в нашей социалистической родине приводят в трепет капиталистическое окружение.

4. Роберт Оуэн (1771–1858)

Особенность оуэнизма. Современник Фурье и Сен-Симона, Роберт Оуэн жил в условиях более развитого капитализма. Англия в начале XIX в. была самой передовой капиталистической страной, промышленный переворот в значительной мере уже был освоен, а наряду с более высокой ступенью развития капитализма была достигнута и более высокая ступень классовой борьбы.

В Англии торговля, промышленность, сельское хозяйство уже приобрели крупнокапиталистический характер. Наиболее четко вырисовывались классовая структура буржуазного общества и классовая борьба. Поэтому хотя оуэнизм не менее утопичен, нежели сен-симонпзм и фурьеризм, но он свободен от религиозной формы и романтики, столь характерных для Сен-Симона и Фурье. Ему также чужды как сен-симонистский культ индустриалов, так и односторонняя фурьерисгская борьба против торговцев. Он в одно и то же время и более радикален, и более прозаичен. Оуэнизм с самого начала возникает и развивается как более радикальное коммунистическое течение, отвергающее все виды частной собственности. Чуждый широких полетов фантазии, он заключает в себе множество практических элементов.

Оуэн, как Сен-Симон и Фурье, адресовался к богатым и образованным классам и был противником политической и классовой борьбы. Однако он стоял гораздо ближе к рабочему классу и одно время даже стоял во главе рабочего движения. Влияние его идей на рабочее движение сказывалось в борьбе за фабричное законодательство, в борьбе за соединение фабричного труда детей с их школьным обучением, в организации рабочих кооперативов и т. д.

У утопического социализма в Англии есть свои особые заслуги.

Социалисты во Франции вдохновлялись первой буржуазной французской революцией, вернее, теми идеями, которые ею выдвигались, главным образом, в знаменитой «Декларации прав человека и гражданина». Французских социалистов вдохновляли идеи ревенства, свободы, братства. Они рассуждали

примерно так: революция провозгласила великие принципы, но их не осуществила; мы призваны претворить их в жизнь. И Сен-Симон и Фурье мыслили новую революцию как продолжение начатой буржуазной революции, т. е. как революцию против земельных собственников, ростовщиков, торговцев (особенно у Фурье), но отнюдь не против промышленников, которых они, как мы видели, причисляли к трудящимся. Утопический социализм в Англии уже не вдохновлялся идеями английской буржуазной революции, завершенной еще в XVII в.; исходным моментом оуэнизма бык промышленный переворот.

«*Роберт Оуэн, — пишет Маркс, — отец кооперативных фабрик и лавок... в своих опытах не только фактически исходил из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции*»[322]

Исходным пунктом для Оуэна была фабричная система, созданная после промышленного переворота. Оуэн выступает против промышленного капитала, считая, что новая промышленная система может существовать и без капиталистов. Все мировоззрение Оуэна—продукт фабричной системы: из нее он исходит и в своих педагогических идеях. «*Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, — говорит Маркс, — вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей*»[323].

Оуэн и его последователи делают, как мы увидим ниже, первую попытку опереться на классическую политическую экономию. Именно о них сказал Энгельс, что они повернули теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата—против капиталистического производства.

Краткое жизнеописание. Оуэн родился в семье мелкого ремесленника, в небольшом английском городке Ныотауне. В Ньютауне жили тихо, не торопясь, по-старому. По-старому жили и в семье Оуэна. Время от времени некоторое «оживление» вносили религиозные споры, дискуссии между представителями разных сект, которыми так богата была старая Англия.

Оуэн рано стал посещать школу, ему было всего четыре с половиной года. К семи годам, получив от школы все, что она могла дать, мальчик становится «помощником учителя»—репетитором.

---

[322] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 390.

[323] Там же, с. 375.

Оуэн рано стал обучать других и рано размышлять над сложными вопросами, преимущественно религиозного характера. За его юной душой уже стали охотиться вербовщики разных сект, а проживавшие в Ньютауне методисты (распространенная секта в Англии) снабжали его книгами. Будущий материалист в детские годы писал проповеди на религиозные темы и слыл «маленьким священником».

С девяти лет «маленький священник» поступает на службу в лавку, где начинается его знакомство с торговым миром, продолжавшееся затем много лет. Спустя год Оуэн оставляет свой родной Ньютаун и едет в Лондон; не найдя там работы, переезжает в Стамфорд, где поступает на три года «мальчиком» в большой магазин. По окончании трехлетнего ученичества Оуэн решает, что ему незачем дольше оставаться на прежнем месте, что для приобретения новых навыков ему нужно искать другого места. На свою службу в торговле он смотрел, как на школу, в которой нельзя долго засиживаться.

Оуэн переезжает в Лондон и поступает приказчиком в модный магазин знаменитой в то время фирмы Флит и Памер, где знакомится с капиталистической торговлей в законченном виде, с условиями труда, близкими к фабричным. Однако на Оуэна торговля не имела такого влияния, как на Фурье, питавшего всю жизнь непримиримую ненависть к торговцам и видевшего в них воплощение всех пороков цивилизации. Оуэн далек был от мысли, что «сильнее торговца зверя нет». Более развитая экономика Англии научила его пониманию того, что времена, когда торговый капитал был капиталом par excellence уже миновали: господствующей силой в его эпоху стал уже промышленный капитал.

Служить в торговых фирмах Оуэну пришлось еще года четыре. Из Лондона, где он пробыл всего один год, Оуэн переселился в Манчестер — центр хлопчатобумажной промышленности — и служил в первоклассном мануфактурном магазине. Восьмилетняя торговая служба в разных фирмах и в разных городах обогатила Оуэна большим и разносторонним опытом: он узнал и дело, и людей. В Манчестере он близко стоял к хлопчатобумажной промышленности — той отрасли производства, которая стала тогда выдвигаться на первое место и шествовать в авангарде всей английской крупной промышленности.

Пройдя школу торговли, Оуэн поступает в школу промышленности. Первые его шаги на этом новом поприще начались с того, что он вместе с одним компаньоном открыл мастерскую по изготовлению «мюль-машины». Деньги, 100 ф. ст., для этого дела дал взаймы брат Оуэна. Но дело не клеилось— компаньон был хороший механик, но плохой коммерсант. Расставшись с ним, Оуэн приобрел несколько машин и открыл прядильню. Так стал он

предпринимателем-прядильщиком. Но Оуэна не удовлетворяет его маленькая прядильная фабрика (в ней работало всего трое рабочих), хотя дело и шло успешно и давало приличный доход. Он ликвидирует ее и становится управляющим одной из крупнейших бумагопрядильных фабрик Манчестера (на фабрике работало 500 рабочих). Здесь он впервые полностью развертывает свои блестящие организаторские и коммерческие способности.

Относясь с величайшим вниманием ко всем сторонам жизни фабрики, Оуэн совершенствует ее машины, улучшает условия труда, первым в Англии производит опыты с североамериканским хлопком, приобретает славу лучшего знатока и оценщика качества хлопка и, наконец, доводит тонкость пряжи с № 120 до № 300, т. е. увеличивает в 2,5 раза число мотков, получаемых из одного фунта пряжи.

В деловом британском мире имя Оуэна отныне приобретает большую известность. В 1794 г. он вступает в компанию «Чарльтон Твист и Ко», образованную тремя старейшими лондонскими и манчестерскими фирмами. Оуэн становится во главе управления этим товариществом.

В 1800 г. Оуэн становится во главе нового предприятия, получившего благодаря его деятельности мировую известность. Вместе с тремя компаньонами Оуэн покупает на границе Шотландии и Англии фабричный поселок Лэнарк (переименованный Оуэном в Нью-Лэнарк), состоящий из четырех хлопчатобумажных фабрик. Население этого поселка по сравнению со всем рабочим классом Англии отличалось значительной отсталостью и низким культурным уровнем. Рабочие вербовались из числа насильственно согнанных с земли шотландских крестьян, спасшихся от голодной смерти ирландцев, разорившихся ремесленников близлежащих городков, бродяг и нищих. Кроме того, на лэнаркских фабриках работали дети из сиротских домов. Главным поставщиком их было эдинбургское «попечительство о бедных».

Оуэн поставил перед собой две задачи. Как фабрикант он должен был сделать предприятие прибыльным, — таков был «категорический императив» его компаньонов. С другой стороны, он хотел показать своим «коллегам»-фабрикантам и всему обществу, как можно создать фабрику, которая, давая прибыль, в то же время была бы и культурным учреждением.

Соответственно этим задачам требовались и двоякого рода мероприятия: мероприятия по улучшению организации производства, поднятию трудовой дисциплины, повышению производительности труда; мероприятия по оздоровлению условий работы, улучшению условий жизни и быта рабочих, созданию культурной обстановки во всем фабричном поселке.

Успехи Оуэна в Нью-Лэнарке оказались колоссальными и в том, и в другом отношении. Вот что пишет по этому поводу Энгельс:

«*Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы попечительства о бедных стали неизвестными явлениями. Он достиг своей цели единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста; дети сами так хорошо проводили в них время, что родители с трудом могли уводить их домой. Рабочий день был сокращен в Нью-Лэнарке до 10½ часов, тогда как на соперничавших с ним фабриках работа длилась до 13 и 14 часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие продолжали получать полную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход*»[324].

Деятельность Оуэна в Нью-Лэнарке, длившаяся целых 25 лет, распадается на два периода. В первом периоде она протекает почти исключительно в Ныо-Лэнарке, где Оуэн, как мы видели, имеет большой успех. Но на этом он не успокаивается, наоборот, одержанная победа служит не только исходным пунктом и опорой для дальнейшей, гораздо более широкой его деятельности, но и для больших теоретических обобщений, легших в основу его деятельности в последующий период. Своей практической деятельности на новом общественном поприще он предпосылает теоретические трактаты, в которых пытается обобщать свою практику, не замечая глубокого разрыва между теорией и практикой, точнее, не замечая, как на практическом фундаменте им воздвигаются воздушные замки.

Основные руководящие идеи Оуэна. Роберт Оуэн — личность монолитная. Его учение неотделимо от его жизни и деятельности, он одновременно и теоретик и практик. Для истории общественной мысли и экономических идей его практика не менее важна, чем его теория. Более того, влияние его учения прежде всего определялось тем, что оно было ***теорией в действии.***

Примыкая к материалистам XVIII в., Оуэн, как и последние, провозглашает, что человек — продукт среды и что изменение человека возможно лишь через изменение среды. Это одна из руководящих идей теории и практики Оуэна.

---

[324] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 273.

Под средой понималась социальная среда, общественные отношения. Но, в то время как материалисты XVIII в. боролись за изменение феодальной среды, за уничтожение феодальных отношений в пользу буржуазных, Оуэн требует изменения буржуазной среды, буржуазных отношений. Как же их изменить? Оуэн уверял, что в таком изменении якобы заинтересованы сами правящие классы; только невежество мешает им более разумно организовать общественные отношения.

Необходимость изменить общественные отношения соответственно требованиям разума — другая руководящая идея Оуэна. И эта идея — наследие просветителей XVIII в. — использована великим утопистом в борьбе с невыносимыми буржуазными отношениями. Но Оуэн, как и мыслители XVIII в., не заметил внутренней противоречивости двух концепций: материалистической и рационалистической. Согласно первой, человек — продукт среды; согласно второй, миром правит мнение, — каково мнение людей (просвещенное или невежественное), такова и общественная среда, в которой они живут. Одну из своих статей Оуэн даже озаглавил «Попытка превратить этот сумасшедший дом в разумный мир», но он не задается вопросом: если все буржуазное общество—сумасшедший дом, то кто его превратит в рациональный мир? Неужели сами сумасшедшие?

Итак, Оуэн вращается в заколдованном кругу. Полагая, что среду изменят сами господствующие классы, как только они проникнутся его идеями, он впадает в противоречие с самим собой: ведь сильные мира сего тоже продукт среды, и могут, следовательно, измениться лишь с изменением последней, а не благодаря идеям, внушённым им извне. Если же сильные мира сего могут изменить среду благодаря сообщенным им идеям, то человек уже не есть продукт среды, и, следовательно, миром правят идеи.

В 1813 г. появляются первые очерки Оуэна «Об образовании человеческого характера». Опираясь, главным образом, на свой нью-лэнаркский опыт, подтвердивший правильность его взгляда на человеческий характер, как на продукт среды, Оуэн уверяет, что при помощи воспитания, соответствующего его принципам, можно преобразовать общество и избавить его от всех бедствий.

«*Лицам привилегированного класса, — убеждает Оуэн в этих очерках, — стоит лишь немного подумать, чтобы убедиться в важности упрочить такой образ действия, посредством которого без внутренней революции, без войны и кровопролития, даже без преждевременного ниспровержения существующего порядка свет будет подготовлен к принятию начал, способных привести к счастью и разрушить все враждебные чувства, так долго сокрушавшие общество единственно от незнания им тех верных*

средств, при помощи которых можно образовать какой угодно полезный характер...»

И дальше: «*Как только это невежество будет устранено, опыт покажет, какие средства нужно употребить, чтобы образовать у людей такие характеры, которые бы способствовали достижению возможно большей суммы счастья как отдельными индивидуумами, так и всем человечеством*»[325]. Сочетая материализм с рационализмом, Оуэн соединяет принцип материализма с принципом бентамовского утилитаризма. В той же работе он пишет: «*Человек по законам природы прогрессивно переходит от невежества к высшему умственному развитию, пределы которого не могут быть определены самими людьми. На этом пути человек открывает, что может увеличивать свое* ***индивидуальное счастье, только деятельно способствуя увеличению и распространению счастья окружающих***»[326].

Оуэн как реформатор. Вначале Оуэн пытается претворить свои идеи в жизнь как реформатор, выдвигая ряд реформ, осуществимых и в буржуазном обществе. Такова практика Ньо-Лэнарка: оставаясь фабрикантом и получая значительную прибыль, он в то же время улучшает материальное положение рабочих и повышает их культурный уровень. Оуэн требует, чтобы введенные им в Нью-Лэнарке явочным, так сказать, порядком реформы получили санкцию государственной власти, т. е. стали обязательными для английской промышленности.

Будучи еще реформатором, Оуэн резко расходится с Бентамом и буржуазными радикалами в практических выводах: они — сторонники экономической свободы, он же требует вмешательства государственной власти в пользу экономически слабых. Он — против манчестерцев с их проповедью экономической свободы, т. е. свободы эксплоатации труда. Оуэн хочет эту эксплоатацию ограничить, поставить ее в определенные рамки. Тем не менее великий утопист пытается склонить на свою сторону самих фабрикантов. В январе 1815 г. Оуэн созывает собрание шотландских фабрикантов в Глазго, произносит речь, доказывая, во-первых, необходимость обратиться к правительству с предложением об отмене пошлин на хлеб и сырье для хлопчатобумажной промышленности; во-вторых, необходимость облегчить положение детей и взрослых рабочих на хлопчатобумажных и других фабриках.

---

[325] Р. Оуэн, Образование человеческого характера (новый взгляд на общество), пер. с англ. И. И. Билибина, 1895, с. 26.

[326] Там же, с. 22, выделение моё — Д. Р.

Первое предложение было фабрикантами с воодушевлением принято, второе — не менее решительно отвергнуто.

Оуэн получил наглядный урок: фабриканты и слышать не хотели о каких-либо изменениях в пользу рабочих, они были сторонниками лишь таких изменений, которые им выгодны, как, например, отмена пошлин на хлопок. Великий утопист непоколебим, он продолжает утверждать, что дело не в классовых интересах фабрикантов, а в их невежестве. Потерпев неудачу на собрании фабрикантов, Оуэн пытается привлечь на свою сторону такие элементы из господствующих классов, которые непосредственно не имеют дела с промышленными рабочими.

Резкая оппозиция промышленной буржуазии в отношении лендлордов, фактически державших государственную власть в своих руках, заставляла последних время от времени выступать в качестве «друзей» и защитников рабочих против разбогатевших и «зарвавшихся торговцев ситцем». Плохо разбираясь в механике классовой борьбы, великий утопист принял за чистую монету заигрываниеториев и ту благосклонность, которую они проявляли в первое время к его проектам помочь бедноте. Он стал завязывать сношения с высокопоставленными лицами в церковном и светском мире. На митингах, созываемых им в 1816 и 1817 гг. (период, когда Оуэн находился в зените своей главы), председательствовали такие особы, как герцог Йоркский, архиепископ Кентерберийский и им подобные. Правящие круги хотели использовать опытного и талантливого фабриканта, главным образом, в демагогических целях, для борьбы с промышленной буржуазией, и отчасти для того, чтобы кое-как залечить образовавшиеся после войны зияющие раны. А опытный и талантливый фабрикант думал о радикальных реформах, правда, не выходивших еще за пределы буржуазных отношений. Когда в 1819 г. появился фабричный билль, то он оказался настолько изуродованным, что инициатор его Оуэн поспешил от него отречься.

Отказ от реформаторства. По окончании наполеоновских войн Англия пережила кризис и безработицу (см. главу VIII). Обострилась классовая борьба, рабочее движение временами принимало острые формы. Оуэн выступил с грандиозным планом ликвидации безработицы, который сводился к организации «кооперативных поселков» для безработных. Для каждого поселка должен быть куплен или снят в долгосрочную аренду участок земли, величина которого определяется в зависимости от почвенных условий и соотношения между сельским хозяйством и промышленностью. Основой каждого поселка должно быть земледелие, промышленность же должна играть лишь подсобную роль. Каждый поселок должен быть самостоятельной хозяйственной единицей и производить в первую очередь для собственного

потребления; только излишки могут быть проданы на сторону. Капиталы для устройства «кооперативов» должны, с одной стороны, предоставить правительство, графства и приходы, а с другой — они должны быть собраны путем частной подписки. Оуэн доказывал, что устройство таких поселков сделает излишним налог в пользу бедных; следовательно, и для правительства и для приходов, тративших большие суммы денег на бедных, это вполне выгодное дело. Во-вторых, капиталы принесут 5% годовых, а задолженность будет постепенно погашаться; следовательно, «кооперативные поселки» наподобие Нью-Лэнарка должны строиться на основе хозяйственного и коммерческого расчета. И в них, как в Нью-Лэнарке, должна проводиться оуэновская система воспитания.

Но в проекте организации «кооперативных поселков» имеются и новые моменты, представляющие дальнейший шаг как в практической деятельности Оуэна, так и в развитии его мысли. Названный план представляет собой, как выражается один из биографов Оуэна, «*переход от Оуэна—реформатора фабричной системы и новатора-педагога к Оуэну—основоположнику социализма и кооперации*».

Действительность сыграла злую шутку с великим утопистом. Чем глубже он обосновывал свой план теоретически, чем шире развивал он вокруг него агитацию, следовательно, чем больше он мог, согласно его теории о силе разума и просвещения, рассчитывать на успех, тем с большим скептицизмом стали относиться к нему те, кого он просвещал, т. е. господствующие классы, и этот скептицизм скоро перешел в озлобление и звериную ненависть. Теоретическим обоснованием плана и своей агитацией Оуэн помог господствующим классам уяснить себе, что предлагаемый им проект идет гораздо дальше обычных проектов по устройству безработных. Он «просветил» свою высокопоставленную аудиторию, а потому она отвернулась от него, объявив его не то опасным мечтателем, не то демагогом, преследующим честолюбивые замыслы.

Попытка Оуэна просветить буржуазное общество, обратить его верхи в свою «веру» кончилась тем, что он очутился за бортом «просвещенного» общества. Он даже вынужден был уйти из Ныо-Лэнарка. Формально связь со своим детищем он поддерживал до 1825 г., но фактически он от него отошел (вернее, его отстранили) в середине 10-х годов. Он потерял всякий вес и влияние среди господствующих классов. Но это его не остановило, наоборот, он стал еще быстрее двигаться по тому пути, который как бы стихийно подготовлялся и всей предыдущей его деятельностью, и всем ходом развития его мысли.

Оуэн-социалист-утопист. Роберт Оуэн стал коммунистом. Если раньше он предлагал организовать «кооперативные поселки» лишь для безработных, то теперь он уже выступает с идеей реорганизации всего общества на коммунистических началах. Эту реорганизацию он мыслил в форме образования отдельных ***кооперативных общин.*** В отличие от фаланг Фурье Оуэн не признает частной собственности. В проектируемых им общинах нет места капиталистам и капиталистическому доходу. Им также не выделяется вознаграждение за талант в виде особого дохода. Все сообща работают и все сообща пользуются результатами своего труда.

Реорганизация всего общества должна начаться с образования отдельных общин. Это будет агитацией и пропагандой действием и послужит заразительным примером. А по мере роста числа таких общин, т. е. по мере охвата ими значительных масс трудящихся, капитализм лишится своей основы и мирно, без всяких революций, будет ликвидирован.

Убедившись в невозможности ***реформировать*** буржуазные отношения, Оуэн пришел к выводу о необходимости ***коренного*** изменения их. Но теоретическая основа осталась у него та же: материализм и рационализм. Первый требует изменения среды, второй якобы дает средства для такого изменения. На сочетании таких противоположных концепций можно было воздвигнуть, и Оуэн воздвиг, одну из разновидностей утопического социализма.

Оуэн стал коммунистом, но от рабочего движения и вождей рабочих он был еще далек. В своей автобиографии он пишет: «*В этот период я совершенно не имел дела с рабочими классами на общественной почве... Они в это время были чужды мне и всем моим взглядам, и стремлениям. Во все периоды моей жизни, с самого первого моего знакомства и работы с ними, я был их искренним другом, тогда как их демократические и глубоко ошибавшиеся вожди внушали им, что я их враг и что я хочу сделать из них рабов в моих поселениях единства и взаимного сотрудничества*».

Выброшенный за борт правящими кругами, чуждый рабочему движению, Оуэн в 1824 г. отправляется в США, чтобы реализовать свой план кооперативной общины. В Новом Свете, где «излишек» европейского населения искал в то время приюта, Роберт Оуэн пытается заложить начало своей новой системы. В 1825 г. он покупает у религиозной секты немецких крестьян — ***рапистов***, — живших общиной, 30 тыс. акров земли вместе с постройками. Здесь-то он и стал организовывать кооперативную общину, названную Нью-Гармонией (община сектантов называлась Гармонией).

Хозяйственной основой первых кооперативных общин, в том числе и Нью-Гармонии, должно было быть земледелие, а промышленности отводилась

подсобная роль. Однако нельзя, как это делают некоторые исследователи, считать коммунизм Оуэна аграрным. Оуэн требовал уничтожения не только частной собственности на землю, но и частной собственности вообще. Начал Оуэн с организации кооперативов земледельческих, а не промышленных. Обладая большим опытом промышленника и коммерсанта, он понимал, что промышленность не может служить первоначальной ареной для его «опытно-показательных» общин. Промышленность работает на обширные рынки и полностью от них зависит: изолировать ее от них — значит уничтожить ее. Иное дело земледелие. Правда, и оно зависело уже от рынков, однако здесь было гораздо больше предпосылок для создания более или менее замкнутых, т. е. не зависящих от рынка, хозяйственных единиц, которые должны были демонстрировать возможность построения коммунистического общества.

Аграрные кооперативные общины были для Оуэна не идеалом и не конечной целью, а призваны были лишь положить начало коммунистическому преобразованию общества.

Оуэн вынужден был, как сказано, начать с устройства аграрных кооперативных общин, и одной из них была Нью-Гармония. Но в последней вся культурно-просветительная жизнь и система воспитания строились по образцу Нью-Лэнарка, на основе фабричной системы. «Аграрный уклон» Оуэна был также особого рода стратегией, попыткой напасть (конечно, мирным путем) на буржуазное общество с глубокого тыла. Его стратегия, конечно, провалилась, ибо без революции, без диктатуры пролетариата ввести коммунизм невозможно, а условий для такой революции тогда еще не было.

Великий утопист не понял этого и тогда, когда община Нью-Гармония потерпела крушение, просуществовав всего три года. Растратив в Америке почти все свое состояние (около 40 тыс. ф. ст., составлявших четыре пятых его состояния) и израсходовав массу энергии и времени (от 1825 до 1829 г.), Оуэн от своих утопий, однако, не отказался и причины неудачи искал не там, где их следовало искать. Пролетарским революционером Оуэн не стал, а это и обрекло его деятельность на неудачу.

Попытка Оуэна связать социализм с рабочим движением. До конца 20-х годов Оуэн, как сам признает, «не имел дела с рабочими классами на общественной почве». Но после всех неудач у него остался единственный верный и надежный путь — связаться с «рабочими классами на общественной почве». С другой стороны, его идеи и деятельность не остались без влияния на рабочий класс. Как в Лондоне, так и в провинции возник ряд обществ, организованных на принципах Оуэна. В 1827 г. возникла «Ассоциация фонда» с целью собрать капитал для устройства кооперативной общины в окрестностях Лондона; возникло также кооперативное общество обмена, прообраз будущего

«Базара справедливого обмена». По сообщениям тогдашней печати, к 1830 г. в разных частях Англии существовало около 300 кооперативных обществ. Появился и ряд кооперативных оуэновских журналов и газет.

Все это совершалось без непосредственного участия идейного вдохновителя движения — Оуэна, занятого в то время своей Нью-Гармонией. Увлеченный ею, он не замечал того, что делалось на родине. Лишь потерпев крушение за океаном и вернувшись в Англию (в годы 1825–1829 он наезжал в Англию изредка), он увидел, что в Англии создалась новая почва для его деятельности. Знатные особы — министры его величества, герцоги, архиепископы, епископы и им подобные — уже давно повернулись к нему спиной; зато лицом к нему повернулись рабочие.

Оуэн решил использовать также тягу рабочих в профессиональные союзы, которые стали быстро организовываться после отмены запрещения коалиций. Представление о профессиональных союзах, как о боевых организациях пролетариата, ему было чуждо; не менее чужд был ему и типичный английский тредъюнионизм, широко развернувшийся гораздо позже, но зародыши которого были уже заложены в самом начале движения. Тредъюнионы он хотел превратить в объединения производителей для организации кооперативных общин. Отсюда и его грандиозный план организации «Великого национального объединенного союза производств» («Grand National Consolidated Traders Union»), при помощи которого Оуэн собирался реорганизовать все общество.

Одновременно Оуэн выступает с планом — не менее грандиозным— организации «Базара справедливого обмена». И «союз», и «базар» должны были объединить «производительные и полезные классы»: первый должен был их объединить в производственную кооперацию, второй — в кооперацию для сбыта произведенной продукции.

Кооперативы, организовавшиеся по возвращении Оуэна из Америки, были мелкие; они занимались розничной торговлей с целью создать фонд для осуществления оуэновских идей. Около 1830 г. этими идеями заинтересовались тредъюнионы и стали организовывать кооперативы производственного типа. Кооперативы этого типа натолкнулись на затруднения сбыта. Перед ними стала задача: как сбыть произведенные ими товары без торгового посредника и как приобрести без помощи последнего нужные им сырье и материалы. Так вплотную подошли к идее организации «базаров обмена». Британская ассоциация для распространения кооперативных знаний, возникшая в 1829 г. в качестве центрального органа кооперативного движения, открыла в Лондоне «меновой базар».

Все это были, так сказать, начинания партизанского характера, но они послужили толчком, ускорившим осуществление плана Оуэна. В октябре 1832 г. в Лондоне начал функционировать оуэновский «Национальный базар справедливого обмена труда». Вначале руководство новым делом было в руках Оуэна, а затем перешло в другие руки. В 1833 г. в Бирмингеме было открыто отделение базара, что свидетельствовало об успехах нового начинания. Всякий, кто имел какой-либо товар, мог принести его в банк; последнй по оценке экспертов выдавал взамен полученного товара «трудовые деньги», т. е. квитанцию, в которой значилось, сколько трудовых часов потрачено (вернее, сколько нужно было потраить) на производство сданного товара. Владелец квитанции мог получить за нее в банке любой другой товар, па производство которого потрачено столько же трудовых часов.

Об успехах банка в первое время свидетельствовало и то, что его «трудовые деньги» брали и частные торговцы.

Оуэн опять был в зените славы. Но теперь, в 30-е годы, он пользовался славой не среди привилегированных классов, а среди пролетариата и широких трудящихся масс. Оуэнизм стал знаменем рабочего движения в разных его формах и синонимом социализма.

Оуэн развивал необычайную активность, несмотря на то что ему было уже свыше 60 лет. Он непрерывно разъезжал по всей стране, читая доклады и лекции, участвовал в периодической печати, сам редактировал ряд газет, вел большую организационную работу. Он был полон энтузиазма и верил, что близок час осуществления его идеала. Своим энтузиазмом он заразил и других; у него появились преданные и талантливые сторонники, среди которых были и такие крупные экономисты, как Томпсон и другие.

Здесь необходимо указать, что нельзя смешивать оуэновские базары обмена с базарами или банками обмена, которые в Англии стали пропагандировать Брэй и Грей, а во Франции Прудон. У Оуэна организация обмена и «трудовые деньги» связаны были с организацией производства, а организация, проектируемая перечисленными мелкобуржуазными экономистами и социалистами, оторвана была от производства; точнее, они хотели создать организованный обмен на основе распыленного неорганизованного производства. Указывая на утопизм таких проектов, как «рабочие деньги», Маркс пишет: «*Здесь отмечу только, что напр., «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его*

индивидуальных притязаний на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи денежных фокусов»[327].

Оба плана Оуэном рассматривались как одно целое, но осуществляться они стали отдельно, правда, находясь все время в общем контакте. Поэтому если «Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства», то фактически его «банк-базар» стал функционировать как раз на этой же почве, и это предопределило его судьбу.

Уже в 1834 г. банк очутился перед непреодолимыми для него трудностями. Хорошие и ходкие товары из банка охотно забирались, в первую очередь торговцами, к которым попали «рабочие деньги», а неходкие и недоброкачественные товары оставались в банке. «Рабочие деньги» стали даже предметом спекуляции: те, кто не мог получить на них нужные им товары в банке, сбывали их за бесценок торговцам, которые, выждав появления в банке ходкого товара, забирали его.

Просуществовав около двух лет, банк потерпел крушение. Потерпело крушение и другое детище Оуэна, «Великий национальный союз производств», который вместе с «Национальным базаром» должен был составить, как сказано, одно целое.

Созданный союз-гигант должен был быть, с одной стороны, профессиональным союзом, а с другой — ***оуэновской организацией производителей***. Рабочие, массами записавшийся в союз, во-первых, требовали руководства борьбой за свои повседневные интересы; во-вторых, и сами оуэновские идеи они собирались осуществить ***по-пролетарски***, т.е. путем непримиримой классовой борьбы и при помощи того оружия, которое наиболее близко и доступно им, т. е. путем стачек. Действительно, организация союза служила как бы сигналом к организации массовых забастовок. Правда, и Оуэн в тот период стоял за организацию всеобщей стачки, которая одним ударом покончила бы со старым миром. Но он хотел ко всеобщей стачке готовиться мирно и мирно ее провести, рассчитывая, главным образом, на успех пропаганды его идей. Стачка должна быть лишь последним, так сказать, аккордом совершившегося внутреннего переворота. И он был недоволен поднявшейся стачечной волной, обострением классовой борьбы. Возникли резкие разногласия между ним и его ближайшими сотрудниками. Те ближе, чем Оуэн, стояли к рабочим массам и находились под большим их влиянием.

[327] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 49.

1834 год был поворотным пунктом к жизни, деятельности и творчестве Оуэна. До того времени он двигался вперед: от директора и гуманного фабриканта он поднялся до вождя — правда, на короткое время — английского пролетариата. С этого года Оуэн начал отставать. Он прожил еще 24 года, однако уже в стороне не только от рабочего движения, но и от широких социальных движений вообще. Постепенно оуэнизм превратился исключительно в моральное учение, а оуэновские организации—в секты, стремившиеся создать новую религию на основе материализма.

Наиболее значительными произведениями последнего периода жизни Оуэна были: 1) «Книга нового нравственного мира», в которой великий утопист пытается придать своему учению характер законченной системы, построенной на его основном тезисе, что человек — продукт среды, 2) «Браки духовенства в старом безнравственном мире» и 3) «Система брака в новом нравственном мире». В двух последних сочинениях Оуэн требует освобождения брака от религиозных санкций, обрядностей и превращения его в свободный гражданский договор, который легко может быть расторгнут, за что был обвинен ханжами и защитниками всех видов угнетения в проповеди половой распущенности.

Экономические воззрения Оуэна. Специальных работ по политической экономии Оуэн не оставил, но по важнейшим экономическим проблемам высказывался. Наиболее полно изложил он свои экономические идеи в уже цитированном нами «Докладе графству Лэнарка», а претворять их в жизнь он пытался своими проектами организации «Союза производств» и «Базара справедливого обмена».

Немного видоизменяя тезис Смита, Оуэн провозглашает: «*Физический труд, надлежащим образом направляемый, является источником национального богатства и национального преуспевания*». Отсюда он делает вывод, что труд должен быть внутренним мерилом стоимости. «*Средняя физическая сила людей, — объясняет он, — может быть подвергнута измерению, и средний человеческий труд может быть установлен, и, поскольку он лежит в основе всякого богатства, его* ***стоимость*** *в каждом отдельном продукте тоже может быть установлена, и соответственно этому может быть определена его* ***меновая стоимость*** *по отношению ко всем: другим стоимостям; эти нормы должны оставаться неизменными для данного периода*».

Оуэн, как видно из приведенной цитаты, мерилом стоимости считает не индивидуальный и не конкретный труд, а «среднюю физическую силу людей», т. е. труд вообще, взятый как средний труд. Но это не значит, что он понимает двойственный характер заключающегося в товарах труда. Он не идет дальше

классиков, которые тоже фактически исходили из того, что стоимость определяется не конкретным и не индивидуальным трудом; однако категория абстрактного труда им неизвестна. Хотя Оуэн и делает различие между стоимостью и меновой стоимостью, однако этот вопрос им не разработан. Его внимание устремлено па другое — на выводы, которые из этих положений вытекают, а из них, по Оуэну, вытекает, что стоимость и обмен ***должны*** определяться трудом.

Смит, как известно, утверждает, что труд определял стоимость только при первобытном состоянии, с накоплением же капитала и частной собственности на землю продукт труда стал распределяться между тремя классами общества, и стоимость уже определяется доходами. Оуэн протестует против такого распределения, видя в неправильном распределении причину всех бедствий современного ему общества, в том числе и кризисов.

Оуэн определяет стоимость трудом ***по-рикардовски***, т.е. трудом, потраченным на производство товара, а не тем трудом, который покупается на товар (см. главу IX). Но он сходится со Смитом в том, что закон стоимости при капитализме нарушается. Однако он не согласен, что такое нарушение является естественным. Что же должно быть сделано для того, чтобы закон стоимости не нарушался?

Необходимо реорганизовать общество на новых началах. «*Весь оуэновский коммунизм, — говорит Энгельс, — поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо*»[328]. Опираясь на рикардовское определение стоимости ***затраченным трудом***, Оуэн хочет создать такие условия, при которых это определение стоимости было бы соблюдено. А необходимые условия он думал создать организацией «Великого национального союза производств» и «Базара справедливого обмена». Эти две организации — а они, как мы уже говорили, по замыслу Оуэна составляли одно целое — должны были обеспечить обмен на основе закона стоимости.

Результаты обмена по труду Оуэн в названном докладе рисует в таких заманчивых красках: «*Человеческий труд получит таким образом свою естественную и внутреннюю стоимость, которая будет возрастать вместе с движением вперед науки. Спрос на человеческий труд перестанет зависеть от случайностей; человеческая жизнь не будет, как в настоящее время, превращена в постоянно изменяющийся в цене предмет торговли, а рабочие классы не будут превращены в рабов искусственной системой заработной платы, более жестокой по своим последствиям, чем рабство, когда-либо существовавшее в обществе варварском или цивилизованном. Это изменение*

[328] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XV, Предисловие Энгельса.

мерила стоимости немедленно начнет создавать в высшей степени выгодные внутренние рынки, пока потребности всех не будут полностью удовлетворены».

Оуэну, как мы уже отметили, принадлежит та заслуга, что он один из первых сделал социалистические выводы из рикардовской теории стоимости, потребовал уничтожения нетрудовых доходов. Но в отличие от последующих мелкобуржуазных социалистов Оуэн понимает, что на основе товарного производства такое требование неосуществимо, что оно осуществимо лишь при иной организации труда. Все же и он не понимает, что стоимость есть категория товарно-капиталистической системы и что закон стоимости применим только к этой системе. Оуэн трактует принцип трудовой стоимости ***этически***. Он выставляет требование: труд ***должен быть*** мерилом стоимости, не понимая, что труд ***действительно является*** таким мерилом, но при определенной экономической формации.

Оуэн также один из первых указал не только то, что введение машин ухудшило положение рабочих, но и то, что с введением их труд обесценился. «*Настоящая нищета, — говорит он в цитируемом «Докладе графству Лэнарка», — является естественным последствием обесценения рабочих рук; это последнее обстоятельство вызвано общим применением машин в мануфактурах Европы и Америки, а в особенности мануфактурах английских, где эта перемена произошла очень быстро, благодаря открытиям Аркрайта и Уатта*». Введением «нового» мерила стоимости Оуэн хотел поднять «цену труда», так как этим повысится доля рабочих в создаваемых ими богатствах.

Оуэн дает решительной отпор Мальтусу, его «закону» народонаселения. Он выдвигает противоположное положение, а именно: рост производительных сил значительно превосходит рост населення. По его подсчетам, около 1792 г. только четвертая часть британского населения, насчитывавшего тогда (вместе с населением Ирландии) 15 млн. душ, т. е. около 3 750 тыс. человек, занята была производительным трудом; механическая и химическая сила в тот период равнялась 11 250 тыс. человеческих сил. Следовательно, вся производительная сила общества исчислялась им в 15 млн. человеческих сил, т. е. производительная сила и население относились друг к другу как 1:1. А для 1817 г. Оуэн дает следующую табличку:

Рост населения с 15 000 000 до 18 000 000	
Рост производительной части населения с ¼ до 1/3	
Итого	**6 000 000**

Новые механические силы	200 000 000
Старые	11 250 000
Итого вся сумма производительных сил	**217 250 000**

Следовательно, по его исчислению, в 1817 г. в Англии и Ирландии население относилось к производительным силам уже как 1:17 (берем круглые цифры). Результатом колоссального увеличения производительных сил был громадный рост богатства на одном полюсе и не менее громадный рост нищеты на другом полюсе. Виной всему этому Оуэн считает неправильное распределение. Отсюда его вывод: при справедливом распределении Великобритания, при имеющихся в ее распоряжении производительных силах, в состоянии полностью удовлетворить потребности всего ее населения.

В неправильном распределении Оуэн видит причину нищеты и кризисов. Снижение «цены труда» порождает нищету, уменьшает покупательную силу рабочих и сужает рынок сбыта. Отсюда несоответствие между предложением и спросом. «*Но, — пишет он в своем «Докладе графству Лэнарка», — существующее устройство общества не дает работнику надлежащего вознаграждения за его труд, и вследствие этого все рынки оказываются недостаточными». В объяснении кризисов, как видно, Оуэн сходится с Сисмонди. Но выводы у него другие. Швейцарский экономист, видя, как «способ производства восстает против способа обмена»* (Энгельс), повернул назад; английский великий утопист смело шагает вперед. Исходя из техники, созданной промышленным переворотом, он глубоко убежден, что можно создать такую совершенную организацию производства и распределения, которая не знала бы никаких кризисов. Великий утопист предвидел, что именно социалистическая организация производства уничтожит нищету и сделает невозможными кризисы.

5. Утопический социализм в России

Великие социалисты-утописты имели немало последователей среди передовой русской интеллигенции и в течение многих десятилетий оказывали значительное влияние на развитие социально-политической и экономической мысли России. С другой стороны, такие мощные оригинальные мыслители, как Герцен и Чернышевский, не были только учениками западноевропейских утопистов, — они являются творцами особого варианта утопического социализма.

Этот вариант следует рассматривать в двух аспектах: как разновидность утопического социализма, вносившую в него ряд новых моментов; как

определенный этап в революционном развитии России, сыгравший значительную роль в этом развитии.

В статье «Памяти Герцена» Ленин пишет:

«*Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.*

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»[329].

Роль русских утопистов как революционных демократов, следовавших за декабристами и предшествовавших русской социал-демократии, рассмотрена будет в следующем томе нашего курса. Здесь мы ограничимся рассмотрением утопического социализма в России как разновидности западноевропейского утопического социализма.

Особенность утопического социализма в России. Сен-симонизм, фурьеризм и оуэнизм—продукт наиболее развитых в то время капиталистических стран. Ни в Англии эпохи промышленного переворота, ни во Франции, где капитализм одержал победу над феодализмом в революционных боях, никому не могла притти в голову мысль, что капитализма еще нет и что его можно избегнуть переходом от феодализма к социализму. Там стоял вопрос так: как избавиться от уже существующей капиталистической эксплоатации, как выбраться из капиталистического ада. Великие утописты Запада полагали, что своими утопиями они исчерпывающе разрешили этот вопрос.

Иначе обстояло дело в России. К моменту возникновения утопического социализма (30-е годы прошлого века) капитализм был еще слабо развит, точнее, он ещё не успел вылупиться из феодально-крепостнической системы. Притом капиталистические отношения у нас зарождались при таких условиях, что могло ***казаться***, будто эти отношения привнесены извне, будто они—не результат внутреннего развития страны, а искусственно навязаны ей политикой царского правительства. Поэтому в России утопический социализм

[329] В. И. Ленин, Соч., т. 15, с. 468–469.

возник как течение, ставящее своей задачей не допускать развития капитализма, внедрения его вглубь, овладения им «*народным, — по выражению наших утопистов, — производством*».

В Западной Европе утописты противопоставляют социализм реально ***существующему капитализму***, они борются за преодоление уже существующих у них буржуазных отношений. Русские утописты, будучи убеждены, что капитализм существует только на Западе, а отнюдь не в России, противопоставляют этой якобы чуждой русскому народу системе «народное производство», которое следует развить в социалистическую систему производства, минуя капитализм.

В передовых западноевропейских странах, где общинный строй давно исчез, утописты проектировали всевозможные первичные социалистические организации: в Англии—кооперативные общины, во Франции — фаланги и фаланстеры, и, опираясь на них, думали преобразовать все общество по образу и подобию этих искусственно созданных ячеек. В России община сохранилась, и русские утописты считали это величайшим преимуществом России перед Западом. Нет надобности, говорили они, изобретать первичные формы организации социализма, они у нас существуют; общины нужно сохранить, укрепить и развить в законченные социалистические организации. Но такому преобразованию России мешают крепостничество и государство крепостников, п их в первую очередь нужно устранить.

На Западе утопический социализм был формой—правда, далеко не зрелой — борьбы против эксплоатацип труда капиталом. Эта форма борьбы находилась в соответствии с незрелостью пролетариата, не успевшего еще превратиться из класса «в себе» в класс «для себя». В России утопический социализм стал формой борьбы против крепостного права. Одна из бессмертных заслуг русских утопистов заключается в том, что она наиболее и наиболее решительно боролись за раскрепощение крестьян. Но, придав этой борьбе форму борьбы за социализм, русские утописты сеяли иллюзии, будто «народное производство» и община будут развиваться — после уничтожения крепостного права, власти помещиков и помещичьего государства — по социалистическому пути. Они не поняли, что уничтожение крепостничества во всех его видах расчистит путь для развития капитализма, в недрах которого лишь созреют действительные предпосылки для борьбы за социализм.

Носителем социализма является пролетариат. Это не сознавали и западноевропейские утописты, это было открыто Марксом и Энгельсом. Тем не менее утопический социализм на Западе был, как сказано, формой борьбы труда против капитала. Русские утописты объявили носителем социализма крестьянина. Герцен — основоположник утопического социализма в России —

писал: «*...мужик наш вносит не только запах дегтя, но еще какое-то допотопное понятие о* ***праве каждого работника на даровую землю***»[330].

Представление о роли мужика как носителе социализма Герцен всячески пропагандирует и подчеркивает, что в России человек будущего — это мужик.

Особенности русского варианта утопического социализма наиболее отчетливо формулированы Лениным, который назвал его крестьянским социализмом. В крестьянской общине, в крестьянской экономике («народном производстве»), в крестьянском взгляде на землю, как на дар божий, — во всем этом русские последователи великих утопистов на Западе видели элементы, необходимые для построения социализма, и тем самым развили новый вариант утопического социализма.

Этот вариант обусловлен был отсталостью тогдашней России, но творцы его не были отсталыми людьми. Наоборот, и в крепостнической России они поднялись высоко и встали в уровень с передовыми мыслителями своего времени. Более того, во многом они поднялись выше западноевропейских утопистов, — они учли опыт революции 1848 г., когда разные утопии потерпели крах. Примкнуть к пролетарскому социализму, провозглашенному Марксом и Энгельсом, они не смогли—этому мешала отсталость России — и искали опоры, социальной базы в русском крестьянстве, значительно отличавшемся от крестьянства передовых стран Запада.

На крестьянском социализме лежит печать отсталости дореформенной России, но в то же время он включает уже такие элементы, которые характеризуют его как дальнейшее развитие социалистической мысли, не удовлетворяющейся больше прежними утопиями. Это имело особенно большое значение для России, где почвы для марксизма еще не было.

«*Марксизм, — говорит Ленин, — как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочаровании, проверки, сопоставления опыта Европы*»[331].

Великие революционеры-демократы Герцен и Чернышевский страстно искали такую теорию, однако в условиях России того времени они дальше крестьянского социализма не пошли. Но как революционные демократы Герцен и особенно Чернышевский активно участвовали в политической борьбе. В этом еще одно отличие русских социалистов-утопистов от западноевропейских.

---

[330] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, с. 119.

[331] В. И. Ленин, Соч., т. 25, с. 175.

А. И. Герцен (1812–1870). Герцен рано стал искать революционную теорию — с того времени, как казнь декабриста Пестеля и его товарищей «разбудила, — по выражению самого Герцена, — ребяческий сон» его души. Еще в студенческие годы Герцен усердно изучал Сен-Симона и Фурье и искал у них ответа на волновавшие его вопросы. После долгих поисков и разочарований в возможности социалистической революции на Западе Герцен пришел к выводу, что то, что не удалось на родине великих социалистов-утопистов, осуществится в России. «*Представьте же себе то удивление,— восклицает Герцен,—которым было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая с отчаянием взгляд свой середь этого кораблекрушения (речь идет о реакции после революции 1848 г. — Д. Р.) в эту темную ночь и не находя нигде ни совета, ни помощи, ни указания, ни маяка, увидело какой-то тусклый свет, и это свет мерцал от лучины, зажженной в избе русского мужика!*»[332]

Герцен стал основоположником крестьянского социализма, начала которого он сам четко определяет.

«*Итак, — писал он, — элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из:*

1. Права каждого на землю,

2. Общинного владения ею,

3. Мирского управления.

На этих началах и ***только на них*** *может развиваться будущая Русь*»[333].

Эти начала Герцен неустанно пропагандирует. «*На деле в этом учении Герцена, — говорит Ленин, — как и во всем русском народничестве... нет* ***ни грана социализма****. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее* ***революционность*** *буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-года» на Западе*»[334].

Но для самого Герцена учение его служило тем маяком, который осветил весь его революционный путь. Оно воодушевляло его на борьбу против крепостничества, из него он исходил в своей яркой и остроумной критике буржуазной Европы. «*Буржуазия,—пишет Герцен,—явилась на сцене самым*

---

[332] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. 10, с. 118.

[333] Там же, с. 120.

[334] В. И. Ленин, Соч., т. 15, с. 466.

блестящим образом в лице хитрого, увертливого, шипучего, как шампанское, цирульника и дворецкого, словом, в лице Фигаро... теперь его бог благословил всеми дарами земными, он обрюзг, отяжелел, ненавидит голодных и не верит в бедность, называя ее ленью и бродяжничеством». И дальше: «*...чернь победила и Фигаро выгнал ее в три шеи с негодованием и поставил национальную гвардию с полицией у дверей, чтобы не пускать сволочь... Фигаро стал аристократом, — граф Фигаро Альмавива, канцлер Фигаро, герцог Фигаро, пэр Фигаро*». Герцен приходит к выводу, что буржуазией «*эксплоатация пролетария была приведена в систему, окружена всей правительственной силой; нажива сделалась страстью, религией, жизнь сведена на средства чеканить монету; государство, суд, войско—на средство беречь собственность*»[335].

Под знаменем крестьянского социализма Герцен вел непримиримую борьбу в двух направлениях: против буржуазии (он часто называет ее мещанством), господствовавшей в Западной Европе, и крепостников, угнетавших и порабощавших Россию.

У Герцена были колебания между демократизмом и либерализмом. В издаваемом им за границей «Колоколе» он неоднократно обращался с письмами к Александру II, которому предлагал стать во главе... освободительного движения. «*Однако, — говорит Ленин, — справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх». Герцен «...боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции*».

К концу жизни Герцен рвет с анархистом Бакуниным и обращает «*...свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...*»[336].

Н. Г. Чернышевский (1820–1887). Русский вариант утопического социализма получает дальнейшее развитие в работах Чернышевского. Поиски реальной основы для социализма—класса, который непосредственно заинтересован в социалистическом перевороте, у Чернышевского еще более отчетливо выражены, чем у Герцена. Чернышевский ставил успех социалистических идей в зависимость от того, что они станут «*...доходить до людей, у которых бывают уже не восторженною забавою, а делом собственной надобности; а когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию,*

---

[335] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. 15, с. 132.

[336] В. И. Ленин, Соч., т. 15, с. 465.

сен-симонисты, тогда вероятно будет лучше ему жить на свете, чем теперь»[337].

Для России таким классом, который станет смотреть на социализм, как на дело «собственной надобности», Чернышевский считал крестьянство, жившее в особых исторических и социально-политических условиях. Ища реальной основы и ставя вопрос о социализме более научно, чем Герцен, Чернышевский все же остается утопистом, так как он «*...мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину...*»; и он «*...не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма*»[338].

Наиболее ценным из того, что Чернышевский внес в учение о социализме, является именно классовый момент. «*От его сочинений, — указывает Ленин, — веет духом классовой борьбы*»[339].

Этим духом классовой борьбы проникнуто и его учение о социализме. Но Чернышевский еще не мог правильно определить, какой именно класс встанет во главе всех трудящихся и совершит социалистический переворот,—в этом сказалась отсталость России того времени.

Чернышевский был последовательным до конца революционным демократом. Он был за крестьянскую революцию, которая, по его убеждениям, должна была привести к социалистической революции. Он «*...сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом*»[340].

Классовый момент Чернышевский внес и в политическую экономию. Существовавшая в его время экономическая наука им названа буржуазной, ***политэкономией третьего сословия*** (с экономическим учением Маркса он не был знаком), и ей он противопоставляет ***политическую экономию трудящихся.***

Как последователь Фейербаха Чернышевский придал политической экономии чрезмерно абстрактный характер: он требовал, чтобы она предметом своего исследования сделала ***благосостояние человека***, его потребности и способы их удовлетворения. За такой абстрактный подход Плеханов подверг Чернышевского резкой критике. Проводя параллель между Рикардо и Чернышевским, Плеханов писал: «*Рикардо никогда не покидал реальной*

---

[337] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 6, с. 150.

[338] В. И. Ленин, Соч., т. 15, с. 144.

[339] Там же, т. 27, с. 342.

[340] Там же.

почвы. Чернышевский и все вообще социалисты-утописты не считали нужным держаться ее, по крайней мере, в «теории». Лорд Брум говорил о Рикардо, что он как будто смотрит на землю с другой планеты. О социалистах-утопистах можно сказать, что земля уходила из их поля зрения, уступая место другим, более привлекательным планетам»[341].

За абстрактной формой Плеханов проглядел конкретное содержание экономических воззрений Чернышевского. Из поля зрения революционного демократа Чернышевского земля не уходит: он точке зрения буржуазии противопоставляет точку зрения трудящихся, существующих не менее реально, чем буржуазия. Конечно, понятие человека вообще — абстрактное понятие, и оно взято, как сказано, у Фейербаха, который сделал исходным пунктом своей философской системы человека как биологическое существо. Но Чернышевский в это понятие вкладывает вполне конкретное содержание: говоря о человеке и человечестве, он имеет в виду трудящихся и требует, чтобы политическая экономия исходила из их интересов, а не из интересов буржуазии. Это надо поставить в заслугу, а не в упрёк Чернышевскому. Он ещё не стал на точку зрения пролетариата, но он уже освободился от ограниченности буржуазного кругозора.

Экономические воззрения Чернышевского родственны экономическим воззрениям ранних английских социалистов, о которых мы будем говорить в следующей главе. Чернышевский, как и названные социалисты, делает значительный шаг вперёд своими попытками перестроить политическую экономию в интересах трудящихся, выделяя из неё то, что отвечает интересам последних, и отбрасывая то, что продиктовано интересами буржуазии. Правильным он считает тезис, провозглашённый классиками, о том, что источник богатства — труд; неправильным же является деление продукта труда на ренту, прибыль и заработную плату. Чернышевский обвиняет классиков, оправдывавших такое деление, в непоследовательности, в неумении «*...представить себе систему быта, которая была бы выше трехчленного деления продукта между тремя различными сословиями*»[342]

Для Чернышевского политическая экономия трудящихся, которую он развивал в целом ряде экономических работ, являлась той наукой, которая, с одной стороны, разоблачала капиталистическую систему как систему, противоречащую интересам трудящихся, следовательно, как систему неразумную и неестественную. Все, что не отвечало интересам трудящихся, Чернышевский считал неестественным и неразумным, — в этом своеобразие

[341] Г. В. Плеханов, Соч., т. 6, изд. 2-е, с. 79.

[342] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 7, с. 492.

рационализма Чернышевского. С другой стороны, эта же наука призвана была обосновать возможность и разумность социалистического строя, в котором кровно заинтересованы трудящиеся.

Немецкая классическая философия, английская политическая экономия и французский социализм — эти три источника марксизма — были и источниками концепции Чернышевского. Он в совершенстве овладел этими областями знания, но отсталость России помешала ему перейти от материализма Фейербаха к историческому материализму, стать на точку зрения пролетариата и вскрыть законы развития капиталистического способа производства.

Чернышевский остался социалистом-утопистом. Но, как указывает Ленин, «*он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм*»[343]. Маркс высоко ценил Чернышевского. Говоря о банкротстве буржуазной политической экономии, Маркс пишет, что это «*...мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский*»[344].

Чернышевский проводит различия между научной рутинной политической экономией: под первой он понимает классическую школу, под второй — вульгарную. В смене научного направления рутинным он видел банкротство буржуазной политической экономии. Чернышевский неутомимо и с громадным успехом боролся против рутинёров, задававших в его время тон в русской экономической литературе.

Чернышевским написан ряд первоклассных работ по политической экономии и истории политической экономии. Первое место среди них занимают «Примечания к Миллю». Чернышевский перевёл работу Стюарта Милля «Основания политической экономии»[345] и сделал к ней свои знаменитые «замечания», несравненно более ценные, чем текст английского экономиста-эклектика. В противоположность Миллю, который пытался примирить непримиримое — либерализм с социализмом, Чернышевский последовательно проводил точку зрения трудящихся, противопоставляя её точке зрения буржуазии по всем вопросам политической экономии.

Весьма ценным является очерк Чернышевского «Капитал и труд», написанный по поводу работы русского вульгарного экономиста Горлова «Начала политической экономии». И здесь «началам» вульгарной экономии

---

[343] В. И. Ленин, Соч., т. 17, с. 342.

[344] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. XIX, послесловие.

[345] Чернышевский перевёл часть работы Милля, а часть изложил под названием «Очерки политической экономии по Миллю».

Чернышевский противопоставляет начала политической экономии трудящихся, доказывая, что интересы капитала и интересы труда противоположны.

Из работ по истории политической экономии наиболее ценными являются очерки «Тюрго» и «Начала народного хозяйства (В. Рошера)». В первом очерке дана замечательная характеристика физиократов и места Тюрго в развитии этой системы; во втором дана не менее замечательная критика старой исторической школы в лице Вильгельма Рошера. Чернышевский с большой глубиной вскрыл корни и особенности этой разновидности вульгарной экономии.

Чернышевский наиболее последовательно и всесторонне вскрыл помещичье-буржуазный характер «освобождения» крестьян; фальсифицированному «освобождению» сверху он противопоставил подлинное освобождение снизу. Чернышевский разработал замечательную для своего времени аграрную программу.

Чернышевский воспитал целые поколения русских революционеров и был одним из замечательных предшественников русской социал-демократии. Это будет освещено в следующем томе, при рассмотрении развития экономической и социалистической мысли в России.

Глава XIV
Ранний английский социализм

Общая характеристика. Родоначальником раннего английского социализма был ***Роберт Оуэн.*** Правда, не все социалисты той эпохи были оуэнистами, но движение, вызванное агитацией и деятельностью Оуэна, создало ту идейную атмосферу, в которой возник и развивался ранний английский социализм во всех его разновидностях. Течения, связанные с именами предшественников великого социалиста-утописта, были предысторией раннего английского социализма; с оуэнизма начинается его история.

Важнейшей особенностью и большой заслугой раннего английского социализма является то, что он повернул «*...теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства...*»[346]. Поэтому представителей этого течения называют социалистами-рикардианцами. Если стоимость определяется рабочим временем, а прибыль есть не что иное как часть этой стоимости, то

[346] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XV, Предисловие Энгельса.

буржуазное общество, заявляли английские социалисты, держится на эксплуатации трудящихся не трудящимися. Знаменитый тезис Адама Смита, что труд есть источник богатства народов, получил совершенно иную формулировку. Он гласил: источником богатства буржуазного общества является эксплуатация труда наёмных рабочих. И если Рикардо показал, как на основе закона стоимости происходит распределение богатства между разными классами общества, как достаётся заработная плата рабочим, прибыль капиталистам и рента землевладельцам, то писатели-социалисты, исходя из его же теории, возражали ему, указывая, что распределение богатства в буржуазном обществе именно и противоречит закону стоимости. Согласно этому закону, весь продукт труда должен принадлежать рабочим, так как ими создана вся стоимость этого продукта, получают же они в виде заработной платы лишь часть её.

Ход мысли у социалистов-рикардианцев сводится к следующему: стоимость определяется трудом, прибыль как часть стоимости — тоже продукт труда, но продукт чужого неоплаченного труда, следовательно, прибыль, как и все нетрудовые доходы, противоречит закону стоимости (последний они считали, как мы увидим ниже, законом справедливого обмена) и должна быть уничтожена.

Рикардо своей теорией вооружил буржуазию в её борьбе против лендлордов. Он сигнализировал опасность роста земельной ренты, влекущего за собой повышение заработной платы и снижение прибыли. Ранние английские социалисты направили рикардовскую теорию против самой буржуазии. Они не ограничивались, как Рикардо, требованием уничтожения «хлебных законов»; их не удовлетворяло и более радикальное требование, выдвинутое за два десятилетия до этого Спенсом, агитировавшим за ликвидацию земельной собственности. Боевым кличем ранних английских социалистов было: право рабочего на полный продукт труда. Это требование было направлено уже против устоев всего буржуазного общества: если рабочий получит полностью продукт своего труда, то тем самым уничтожена будет не только земельная рента, но и прибыль, и процент, и вообще все нетрудовые доходы.

Впоследствии эта теория воспроизведена была Лассалем и вошла в «железный инвентарь» лассальянства. В Готской программе право на полный продукт труда фигурирует как одно из важнейших прав рабочего класса.

Известно, какой уничтожающей критике подверг Маркс эту теорию, унаследованную Лассалем от социалистов-рикардианцев.

Требование права на полный продукт труда всегда было утопией, но значение этого требования в эпоху раннего английского социализма и эпоху

«критики Готской программы» (1875) — совершенно различно. Критикуя Готскую программу, Маркс указывает, что он «*...остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе»... для того, чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время* ***имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам****, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим, правовым и прочим вздохом, столь привычным для демократов и французских социалистов*»[347].

В эпоху раннего английского социализма требование права на полный продукт труда имело «некоторый смысл», так как пролетариат ещё не был вооружён собственной теорией, и попытка брать «*...буржуазию её собственным оружием*»[348] представляла не шаг назад, а шаг вперёд. На основании самой буржуазной теории (классической) «праву» капиталистов на прибыль и процент, а землевладельцев на ренту противопоставлено было право рабочего на полный продукт труда.

Что такой вывод вытекает из рикардовской теории, вынуждены были признать сами буржуазные экономисты. И это было одной из причин того, что некоторые буржуазные экономисты повернули в сторону от классической политической экономии, а другие — ученики Рикардо — вульгаризировали теорию учителя. Они выдвинули тезис о производительности капитала. Против этой теории талантливо и успешно боролись социалисты-рикардианцы, особенно Годскин, озаглавивший одну из своих работ «Защита труда от притязаний капитала».

Борьба против буржуазной политической экономии, вскрытие её противоречий и разоблачение её буржуазного характера также являются одной из важнейших заслуг раннего английского социализма. Но в то же время английскому социализму, как уже отмечалось, принадлежит теория «рабочих денег», он посеял немало мелкобуржуазных иллюзий, принёсших вред рабочему движению.

Перейдём к рассмотрению наиболее крупных представителей раннего английского социализма.

Вильям Томпсон (1785–1833). Среди оуэнистов самым выдающимся экономистом был ирландец Вильям Томпсон. Он принадлежал к числу богатых

---

[347] К. Маркс, Избранные произведения, т. 2, с. 453–454, выделение моё — Д. Р.

[348] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XV, Предисловие Энгельса.

землевладельцев и, по собственному признанию, «жил тем, что называется рентой, т. е. продуктом чужого труда». Став оуэнистом, он значительную часть «продукта чужого труда» тратил на пропаганду и проведение в жизнь идей Оуэна. Своих наследников он решил вообще освободить от возможности «жить тем, что называется рентой»: состояние в 10 тыс. ф. ст. он завещал оуэнистским организациям.

В 1824 г. вышел его основной теоретический труд «Исследование о принципах распределения богатств, наиболее способствующих человеческому счастью». Ударение, согласно целеустремлённости автора, ставится на вторую часть заголовка: его интересуют принципы распределения, «***наиболее способствующие человеческому счастью***». Другими словами, Томпсон проблему распределения трактует не ***по-рикардски***, ***а по-оуэнски***: его интересует не то, как **происходит** распределение при капитализме, — последнее он лишь критикует и осуждает; его интересует, как оно ***должно происходить*** согласно принципам, диктуемым его идеалом.

Томпсон глубоко проник в особенности капиталистического производства, одной из которых он считал пропасть, отделяющую умственный труд от физического. «*Человек науки, — пишет он в названной работе, — отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно*»[349].

Строго придерживаясь того принципа, что стоимость создаётся трудом, Томпсон осуждает прибыль как вычет из продукта рабочего. «*У прибыли не может быть другого источника кроме стоимости, которая прибавлена к сырому материалу труда, затраченному с известной степенью искусства при его обработке. Сырье, здание, инструменты, заработная плата могут прибавить лишь свою собственную стоимость, но не больше. Прирост стоимости проистекает из одного лишь труда... Только труд дал всем этим вещам стоимость и сделал их богатством, прежде чем они попали в руки фабричного рабочего; и только при помощи добавочного труда последнего их стоимость могла быть увеличена ещё дальше. При обычном ходе дел*

[349] W. Thompson, An inquiry into the principles of the distribution of wealth, London, 1824, p. 274. Это место цитирует Маркс, развивая ту мысль, что крупная промышленность «*...отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет её служить капиталу*» (К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 273).

капиталист отнимает у рабочего по меньшей мере половину продуктов его труда»[350].

Томпсон считает, что распределение в буржуазном обществе мешает развитию производительных сил общества. Он справедливо замечает, что у рабочих нет стимула к расширению богатства, раз оно за ними не обеспечено, раз им приходится жить в нищете, раз к работе их принуждает голод.

По мнению буржуазных классиков, капиталистические отношения не только естественны и вечны, но и наиболее способствуют развитию производительных сил; в частности, в прибыли они видели могучий и единственный стимул к накоплению капитала, а следовательно, и к расширению производства. Классики полагали, что интересы промышленной буржуазии совпадают с интересами всего общества. Томпсон, наоборот, видел в прибыли как вычете из продукта рабочего причину, задерживающую развитие производства, и считал, что только интересы рабочих, единственных творцов богатства, совпадают с интересами всего общества.

Томпсон перечисляет три формы организации труда: путём прямого принуждения, путём косвенного принуждения и путём кооперации, т. е. свободной организации труда. Наиболее производительной формой он считает кооперацию, так как, обеспечивая полностью продукт труда производителям, она наиболее сильно стимулирует развитие производства.

Томпсон оказался вполне прав. Капитализм никогда не знал таких темпов развития производительных сил, как в СССР, где «...*эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как незыблемая основа нашего советского общества*»[351].

Классики начали с провозглашения труда источником богатства, а сбились на то, что богатство зависит от капитала и его размеров. Этим они в иррациональной форме отобразили тот факт, что в буржуазном обществе капитал господствует над трудом и производительность труда выступает как производительность капитала. Помимо того, они создали этим «операционную базу» для вульгарной экономии, которая уже окончательно отбрасывает труд и как источник богатства и как определение и мерило стоимости. Томпсон против этого резко возражает: «*Без труда нет богатства. Земля, воздух, теплота, свет, электричество, люди, лошади, — пишет он, — все они не могут претендовать на звание богатства. Они могут быть предметами*

[350] W. Thompson, op. cit., p. 284–285

[351] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. изд. 11-е, с. 510.

желания и счастья, но богатством они станут лишь тогда, когда их коснётся преобразующая рука человека»[352].

В буржуазном обществе высоко ценят накопленное богатство и не ценят производительных сил, непрерывно создающих богатство. А между тем «*...масса действительно накопленного богатства, — заявляет Томпсон, — рассматриваемая с количественной стороны..., чрезвычайно незначительна по сравнению с производственными силами общества, которому оно принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни стояло общество, или даже по сравнению с действительными потреблениями этого самого общества в продолжение только немногих лет; настолько незначительна, что главное внимание законодателей и экономистов должно бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не на одно только накопленное богатство, которое бросается в глаза, как это было до настоящего времени»*[353].

Накопленное богатство незначительно по сравнению с производительными силами, но, захваченное нетрудящимися, оно служит источником эксплуатации трудящихся. «*Капитал, — пишет Томпсон, — есть та часть продуктов, которая... способна быть превращённой в орудие получения прибыли. Таковы, как кажется, реальные обстоятельства, которые перештемпелёвывают одну часть продукта труда в капитал. На этих-то, однако, различиях основаны необеспеченность и угнетение производительного работника, истинного создателя всякого богатства, и громадные присвоения... тех, кто под именем капиталистов или землевладельцев захватил в свои руки эти накопленные продукты. Отсюда противоположность требований капиталиста и рабочего. Чем больше доход капиталиста, тем, конечно, меньше остаётся рабочему. При прочих неизменных условиях чем выше прибыль на капитал, тем ниже должна быть заработная плата»*[354].

Противоположность заработной платы и прибыли открыта была Рикардо, но он смотрел на это, как на явление естественное. Томпсон же считает эту противоположность глубоко неестественной, порочащей всю буржуазную систему хозяйства. Но подлинно революционной и вместе с тем научной теории у него не было. Прибыль он рассматривает как результат эксплуатации труда капиталом, и это вполне правильно. Но он не может объяснить, как ***экономически*** происходит такая эксплуатация. Более того, в эксплуатации

---

[352] W. Thompson, op. cit., p. 32.

[353] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 226.

[354] W. Thompson, op. cit., p. 315.

труда капиталом Томпсон видит нарушение закона стоимости. Вообще Томпсон, как Оуэн и все английские ранние социалисты, трактует закон стоимости как закон ***этический***, согласно которому обмен **должен** быть эквивалентным; в буржуазном же обществе вследствие господства капитала закон стоимости якобы нарушается. Нарушение этого закона Томпсон видит, во-первых, в том, что цены товаров не совпадают с их стоимостями; во-вторых, рабочие получают лишь часть продукта своего труда, следовательно, обмен труда на капитал является неэквивалентным обменом. Буржуазные критики Рикардо, ссылаясь на указанные факты, опровергали его теорию трудовой стоимости. Томпсон считает, что теория верна и отказываться от неё не следует, но необходимо перестроить действительность соответственно требованиям правильной теории.

Итак, по Томпсону, теория трудовой стоимости ие объясняет экономики буржуазного общества, а требует её изменения; сформулированный ею закон стоимости — не стихийно действующий закон, а закон эквивалентного обмена, долженствующий обеспечить производителю полный продукт его труда. Справедливое решение проблемы распределения Томпсон видит в правильном и справедливом обмене, т. е. соблюдении закона стоимости.

В борьбе против буржуазных отношений Томпсон, сам того не замечая, объявляет естественной и вечной наиболее общую основу этих отношений. Для него, как и для Смита, обмен и разделение труда суть две стороны одного и того же процесса. «*Труд без обмена, — говорит он, — был бы бесполезен, как обмен без труда, так как один человек не в состоянии производить все необходимое для него*»[355]. Характерна для Томпсона следующая аргументация: раз необходимо разделение труда, то неизбежен и обмен. Следовательно, товарное производство объявляется незыблемым, ибо только при этом условии общественное разделение труда включает в себя обмен как один из своих элементов.

Более того, в обмене Томпсон видит не только решающий экономический фактор, но и моральный. «*Кем был бы человек, — спрашивает он, — если б он работал только для себя и был лишен благодеяний обмена. Если б один человек ничего не давал другому и от него не получал, если б он не находился во взаимодействии с другими людьми на почве взаимного обмена, то он был бы для себе подобных предметом страха и подозрительности... Он не имел бы ни малейшего представления о мудрых нравах обмена; хитрость и*

[355] W. Thompson, op. cit., p. 196.

насилие были бы единственным оружием его, а нужда была бы всеоправдывающим основанием»[356].

Любопытный парадокс: социалист, оуэнист пламенно воспевает «мудрые нравы» обмена. Но по своей методологии Томпсон примыкает к Бентаму, рассматривающему общество как сумму индивидов (см. главу IX). Стоя на индивидуалистической точке зрения, он вынужден считать обмен единственным началом, объединяющим индивидов в общество. Но что будет связывать людей между собой при новом общественном строе, в оуэновских кооперативных общинах?

Отвечая на этот вопрос, Томпсон говорит: «*Здесь (в оуэновскпх общинах — Д. Р.) работают друг для друга, оказывают друг другу благодеяния. Хотя нет места для обмена определенными объектами между отдельными лицами, но происходит всеобщий обмен благодеяниями*»[357].

Томпсон рассматривает все сквозь призму обмена: беспредельно расширяя понятие обмена, он подводит под него и кооперацию, вследствие чего получаются две различные концепции. С одной стороны, он рассматривает общество как союз, базирующийся на разделении труда и обмене, и ищет решения проблемы распределения в эквивалентном обмене согласно закону стоимости; с другой стороны, он — сторонник оуэновских кооперативных общин, в которых нет места обмену и закону стоимости.

Джон Грей (1798–1850). Грей рано начал принимать участие как в рабочем, так и в оуэновском движении, но полностью взглядов Оуэна он не разделял. Прежде всего он расходится с Оуэном в вопросе собственности. Оуэн ее целиком отвергал даже в форме мелкой собственности; Грей горячо отстаивает мелкую собственность, противопоставляя ее крупной капиталистической собственности.

Единственным источником собственности Грей считает труд. Принадлежит ли, спрашивает он, правая рука человеку? Она не принадлежит ему с большим правом, чем продукт труда. Нетрудовые доходы он осуждает именно потому, что считает их нарушением собственности. Обращаясь к богатым классам, утверждающим, что они живут за счет своей собственности, он заявляет: «Это я категорически отрицаю и говорю: напротив, вы живете за счет собственности других».

В 20-х годах Грей вступил пайщиком в Орбистонскую кооперативную общину, основанную Абрамом Комбом (1785–1827), но спор из-за частной собственности привел его к размолвке с орбистонскими коммунарами. Он

---

[356] W. Thompson, op. cit., p. 196.

[357] Ibidem, p. 105.

написал работу под названием «Слово увещания орбистонцам», в которой критически и полемически освещает жизнь и деятельность этой общины.

Однако в первой своей крупной работе, «Лекции о человеческом счастье», Грей еще проводит основные идеи оуэнизма и всего раннего английского социализма. «Лекции» написаны популярно, живо и с большим революционным темпераментом. Эта работа долгие годы была самой распространенной и любимой книгой английских рабочих.

В «Лекциях» Грей ставит ребром вопрос о противоположности между производительными и непроизводительными классами. Опираясь на исследования английского экономиста и статистика Патрика Когуна, автора ряда таблиц, рисующих годовой доход Англии и его распределение, Грей делает следующий подсчет: годовой прирост богатства страны равняется 430 млн. ф. ст., пз них производительными классами создаются 426 млн. ф. ст. (4 млн. ф. ст. являются доходом от вложения капиталов за границей); на душу трудящегося населения приходятся 54 ф. ст. годового дохода, а получают производительные классы всего около 11 ф. ст. на душу.

Все население Грей делит на три группы: 1) производительную, 2) непроизводительную, но полезную, и 3) бесполезную. Первая производит все материальное богатство; вторая оказывает полезные услуги обществу, например, врачи, художники, учителя и т. д., и тем самым возмещает то, что потребляет; третья никаких полезных услуг не оказывает, ничем не занимается или занимается вредным для общества делом.

Грей объявляет непримиримую борьбу бесполезной группе, живущей за счет производительных классов. Господство первой он считает важнейшим пороком буржуазного общества. Некоторые его формулировки столь чеканны, что стали афоризмами. «Каждый непроизводительный член общества, — говорит он, — является прямым налогом на производительные классы». Или: «Лица, образующие независимые (т. е. богатые) классы, зависят от двух вещей: 1) от степени прилежания других людей, 2) от несправедливости, узаконяющей командование над этими людьми». Ссуду, дающую процент, он определяет так: «*Это — способ получения труда без соответствующего вознаграждения*».

Но как защитник мелкой собственности Грей критикует капитализм с мелкобуржуазных позиций. И социальную проблему — так им названа проблема распределения — он решает ***по-мелкобуржуазному***. Грей подобно Оуэну и Томпсону усматривает в прибыли и ренте нарушение закона стоимости, но в отличие от Оуэна и Томпсона он выдвигает план, согласно которому «объединение интересов совмещается с признанием личности и собственности». Этот план сводится к организации особого банка,

эмитирующего «рабочие деньги» и выдающего их всякому, кто приносит товары.

Теория Грея кратко и сжато сформулирована Марксом.

«*Учение о рабочем времени как непосредственной единице измерения денег, — пишет Маркс, — было впервые систематически развито Джоном Греем. Он предлагает, чтобы национальный центральный банк при помощи своих филиальных банков удостоверял рабочее время, затраченное на производство различных товаров. В обмен за свой товар производитель получает официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, какое содержится в его товаре; эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий день, 1 рабочий час и т. п. вместе с тем служат свидетельством на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка. Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и везде приспособленный к существующим английским учреждениям*»[358]

Маркс полностью вскрыл основной порок концепции Грея. «*Товары, — пишет Маркс, — суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые через свое отчуждение в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если же Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за* ***непосредственно общественное****, то он принимает его за обобществленное (gemeinschaftliche) рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных индивидов*»[359].

Рассматривая труд, овеществленный в товарах, как труд непосредственно общественный, Грей исходит из того, что, затрачивая труд на производство товара, производитель тем самым ***непосредственно отчуждает свой труд обществу***, и последнее обязано вознаградить его другим продуктом, на производство которого потрачено такое же количество труда. С этой точки зрения при обмене осуществляется лишь вознаграждение путем распределения всего общественного продукта, созданного всеми производителями. Потому каждый производитель должен получить в обмене ту долю в общественном продукте, которая соответствует количеству труда, затраченному им при производстве соответствующего товара. Короче, каждый должен получить от общества столько, сколько сам ему дает; мерилом того, что

---

[358] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 53.

[359] Там же, с. 54.

каждый дает обществу и что получает от него, должно быть ***рабочее время***. Грей не понимает, что именно потому, что «товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых, частных работ», они лишь «через свое отчуждение в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда». Частный обмен, совершающийся стихийно, в конкурентной борьбе, с постоянными колебаниями в цене в зависимости от спроса и предложения, он хочет заменить обменом, организованным в общественном порядке при помощи обменного банка, выпускающего «рабочие деньги».

По своей организационной структуре предлагаемый Греем банк не отличается от Национального банка справедливого обмена Оуэна. Но Оуэн, как сказано, мыслил организацию банка лишь как составную часть своего общего плана, охватывавшего и организацию производства при помощи, с одной стороны, учреждения кооперативных общин, а с другой— «Национального союза производств». Грей в организации банка видел решение всей социальной проблемы: не посягая на частную собственность и частную инициативу производителей, банк обеспечит сбыт произведенных товаров. Другими словами, в банке, эмитирующем «рабочие деньги» и принимающем всякий товар, Грей, мелкобуржуазный идеолог, нашел тот «синтез», который диктуется двойственной природой мелких товаропроизводителей. Предлагаемый им банк даст якобы каждому труженику возможность получить в виде эквивалента полный продукт своего труда, сохраняя при этом в неприкосновенности частную собственность.

В заключение отметим, что, доказывая возможность и необходимость «рабочих денег», Грей выдвигает и другие аргументы. Наряду с тезисом, что банк, эмитирующий «рабочие деньги», обеспечит эквивалентный обмен и через последний право на полный продукт труда для трудящихся, Грей развивает и другой тезис, который в последних его работах становится даже лейтмотивом всей его концепции. Он уверяет, что металлические деньги и банкноты, обеспеченные металлом, сковывают обращение и тем самым ставят определенный лимит производству. Производство, уверяет он, может безгранично увеличиваться, но оно наталкивается на узкие границы металлического обращения: благородный металл не может добываться так быстро, как производятся другие товары. Постоянное подчеркивание противоречия между безграничной возможностью производить товары и ограниченной возможностью добывать валютный металл проходит красной нитью через всю концепцию Грея. В этом противоречии он видит и причину кризисов: перепроизводство товаров обусловлено недопроизводством денег.

«*Следовательно, — заключает Грей, — нужно создать такие деньги, которые автоматически увеличивались бы или уменьшались с увеличением и уменьшением производства товаров*». Такими деньгами были бы «рабочие деньги», которые каждый товаропроизводитель мог бы получать, представляя свой товар в проектируемый Греем банк. Как только появляется товар, появляется и соответствующее орудие обращения в виде «рабочих денег».

Джон-Френсис Брэй (1809–1895). Брэй — автор другого варианта организации обмена с целью уничтожения капиталистической эксплоатации. Разница в вариантах обусловлена, как мы увидим, иной целеустремленностью, чем у Грея. Но и Брэй исходит из той же неверной предпосылки, будто на основе товарного производства можно организовать обмен так, чтобы каждый производитель получил полностью продукт своего труда.

О жизни и деятельности Брэя, по предположениям — типографского рабочего, до самого последнего времени почти ничего не было известно. Не существовало даже точных сведений о годах его рождения и смерти[360]. Но одна дата дает все же известную ориентировку. Работа Брэя «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» появилась в 1839 г. Следовательно, литературная деятельность его относится ко второй половине 30-х годов[361], т. е. к той эпохе, когда ортодоксальный оуэнизм уже перестал быть знаменем английских рабочих и становился морально-сектантским течением.

Крушение Великого национального союза производств и Национального банка справедливого обмена (1834) вызвало замешательство в рабочих рядах. При помощи этих организаций предполагался штурм старого мира, предполагалось одним ударом опрокинуть его. Неудача, вызвав уныние и разочарование у одних (менее устойчивых элементов), заставила других искать новых форм борьбы. Они были найдены в знаменитом чартистском движении, началом которого следует считать 1837 —1838 гг.

Старые оуэнисты с Оуэном во главе относились к чартизму отрицательно. Не признавая классовой борьбы вообще, они особенно резко порицали борьбу за власть. Среди чартистов было много сторонников оуэнизма, которые полагали, что предварительным условием его осуществления является завоевание пролетариатом политической власти. Но были и противники Оуэна,

---

[360] Лишь в 1916 г. ливерпульский купец Джозеф Эдвардс поместил статью в «Socialist Review», в которой на основании найденных писем приводятся данные о жизни и деятельности Брэя, см. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 5.

[361] О других работах Брэя сведений нет. По-видимому, он был автором одной работы, которую Маркс назвал замечательной, см. Маркс, Нищета философии, 1928, с. 08.

которые хотели лишь создать политическую и правовую основу для тредъюнионов.

Всех же чартистов объединила знаменитая хартия (Charter), содержавшая следующие шесть пунктов: 1) всеобщее избирательное право, 2) разделение страны на равные избирательные округа, 3) отмена ценза для парламентских кандидатов, 4) годовые законодательные периоды (т. е. законодательное собрание избирается только на один год), 5) тайная подача голосов, 6) жалованье членам парламента. Как видно, в хартии ничего оуэнистского нет.

Хартия опубликована была 8 мая 1838 г. Как бы в ответ на нее появилась работа Брэя «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению». Брэй отстаивает не только идеи Оуэна, но и оуэновские методы претворения их в жизнь. Следовательно, он должен был полемизировать против чартизма.

Брэй предостерегает, что одно только изменение политического строя—расширение избирательного права или даже учреждение демократической республики—еще не разрешает социальной проблемы. Ссылаясь при этом на Соединенные штаты Америки, он пишет: «*Американцы, как и мы, делятся на богатых и бедных, капиталистов и рабочих, и там, как у нас (в Англии—Д. Р.), последние зависят от милости первых*»[362].

Правда, многие из чартистов не предполагали ограничиваться изменением политического строя, но Брэй, повидимому, опасался, что политическая борьба отвлечет рабочих от их прямой задачи. Он часто повторяет, что рабочие должны добиваться не политического равенства, а экономического. Более того, он идет дальше, доказывая, что «политическое равенство как цель—ошибка» и что «оно оказывается также ошибкой и как средство».

Брэй не сочувствует и тредъюнионизму, так как профессиональные союзы не в состоянии изменить неравенство обмена. В противовес чартизму и тредъюнионизму Брэй выдвигает свой план действий, в основном совпадающий с оуэновским, но в его плане учтены неудачи произведенных опытов. Однако работа Брэя получила, по свидетельству ряда исследователей, широкое распространение среди рабочего актива и даже воспринята была как классический труд по социализму.

Брэй — оуэнист, но он не только излагает идеи Оуэна, но и углубляет и заостряет те стороны оуэнизма, которые в то время должны были встретить особенно сочувственный отклик.

---

[362] J. F. Bray, Labour's wrongs and labour's remedy or the age of might and the age of right

Брэй как оуэнист в отличие от Грея — принципиальный противник частной собственности. «*Выяснение основных принципов, — говорит он, — есть единственное средство достичь истины. Поднимемся же сразу к самому источнику происхождения правительств. Исследуя причины этого явления, мы найдем, что всякая правительственная форма, всякая социальная и политическая несправедливость вытекает из господствующей в настоящее время социальной системы, —* ***из института собственности в его современной форме...*** *Поэтому, чтобы навсегда прекратить существующие несправедливости и бедствия, необходимо* ***разрушить современный общественный строй в самой его основе...***»[363].

Брэй также гораздо более определенно, с точки зрения пролетариата, ставит вопрос о неэквивалентности обмена, имея в виду именно обмен труда на капитал. «*До сих пор, — говорит он, — мы постоянно следовали этой в высшей степени несправедливой системе обмена: рабочие постоянно отдавали капиталисту труд целого года в обмен за стоимость полугода... Именно отсюда, а вовсе не из предполагаемого неравенства физических и умственных сил индивидуумов, произошло неравенство богатства и власти. Неравенство в обмене, различие цен при покупках и продажах может сохраниться лишь при том условии, что капиталисты навсегда останутся капиталистами, а рабочие — рабочими; одни — классом тиранов, другие — классом рабов...*»[364].

Брэй, как мы видим, фиксирует внимание на специфическом обмене— обмене труда на капитал, выделяя этот обмен из обмена товаров вообще. Ход его мысли следующий: 1) частная собственность породила неравный обмен между трудом и капиталом; 2) этот неравный обмен есть основа всех видов неравенства; 3) последние могут быть уничтожены лишь с уничтожением неравного обмена между классами; 4) это в свою очередь возможно лишь при условии ликвидации частной собственности.

Выводы Брэя те же, что у других оуэнистов: прибыль, рента и всякий нетрудовой доход—не что иное, как несправедливые вычеты из продукта рабочего. Но и тут он в своем анализе идет дальше. Он пишет: «*Эта сделка (между капиталистами и рабочими) ясно показывает, что за недельный труд рабочего капиталисты и собственники дают ему лишь часть богатства, полученного ими от него же в течение истекшей недели, следовательно, они удерживают у рабочего* ***нечто****, не давая ему за это* ***ничего...*** *Вся сделка между рабочим и капиталистом оказывается простою*

[363] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. V, с. 331.

[364] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. V, с. 333.

комедией; в действительности это по большей части не что иное, как наглый, хотя и ***законный, грабеж...***»[365].

Для уничтожения «наглого, хотя и законного грабежа» Брэй предлагает рабочим организоваться в акционерные общества с числом членов от ста до тысячи в каждом обществе. Общества арендуют или покупают землю и приобретают необходимые средства производства при помощи выпуска банкнот, обеспеченных будущей продукцией или, как выражается Брэй, будущим трудом. Общества продают друг другу свои продукты через известные уже нам базары и банки справедливого обмена, согласно требованиям теории трудовой стоимости. Рабочие—акционеры общества, они получают оплату по труду, т. е. их вознаграждение является полным эквивалентом затраченного ими труда. И кто больше работает, тот больше получает; к работе никого не принуждают.

Новое в плане Брэя—то, что выпускаемые банкноты обеспечиваются не наличными товарами, а трудом, который в будущем произведет товары. Обменный банк Грея рассчитан на мелких производителей, которые, отдавая свои товары в банк, получают взамен их «рабочие деньги»: рабочему банк ничем помочь не может, так как его товар—рабочая сила—банком не принимается. Акционерные общества Брэя рассчитаны именно па рабочих: на выдаваемые им банкноты они покупают средства производства и средства существования на время работы.

Рабочие лишены капитала и поэтому вынуждены отдавать большее количество труда за меньшее: необходимо, рассуждает Брэй, снабдить их покупательными средствами в виде банкнот и тем самым освободить от порабощающей их продажи труда. Таков замысел Брэя. Отсюда заманчивая и утешительная для утописта перспектива: капитализм будет ликвидирован без вечного насилия, лишь в результате того, что обмен труда на капитал постепенно прекратится.

Утопия Брэя была подхвачена, как мы увидим ниже, Прудоном. Пока отметим только, что, желая превратить рабочих в самостоятельных товаропроизводителей, Брэй впадает в ту же ошибку, что и Грей, т. е. хочет сохранить товарное производство и в тоже время уничтожить при помощи организации кредита и обмена законы, присущие этому производству. Правда, Брэй в отличие от Грея и от Прудона рассматривал предлагаемые им акционерные общества лишь как переходную меру—конечной целью его был оуэновский кооперативный строй. Но это не меняет того, что никто из них не понял природы товарного производства и присущей ей формы обмена.

---

[365] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. V, с. 333.

Томас Годскин (1787–1869). Среди ранних английских социалистов наиболее видное место занимает Годскин, автор «Защиты труда от притязания капитала» и «Популярной политической экономии»[366]. Маркс высоко ценил эти работы. «...Эти произведения, — писал Маркс, — особенно первое, произвели значительную сенсацию... они причисляются к значительным произведениям английской политической экономии»[367].

Первая работа Годскина — это отклик на борьбу предпринимателей против свободы коалиций, разыгравшуюся в середине 20-х годов прошлого века. Предприниматели подняли ожесточенную кампанию в прессе и парламенте против билля 1824 г., устанавливавшего свободу коалиций; они угрожали, что если билль не будет отменен, то капитал будет эмигрировать в другие страны. Билль хотя и не был отменен, но в него внесены были поправки, значительно ухудшившие его.

«Защита труда» имела большой успех и заставила противников мобилизовать свои силы. По свидетельству многих исследователей, ни одна работа, написанная в защиту труда, не вызывала столько «опровержений» и критики, как работа Годскина. Вопрос о свободе коалиций поднят им на большую принципиальную высоту. По-новому для своего времени он рассматривает отношение труда и капитала. С большой силой и талантом Годскин полемизирует против теоретиков «производительности» капитала. Такая позиция была неприемлема не только для предпринимателей и оголтелых их сторонников, но и для радикалов из кружка Бентама и Джемса Милля, — последний сам является одним из авторов теории «производительности» капитала.

Вторая книга, «Политическая экономия», также связана с практической борьбой Годскина за дело рабочих. Она составлена из тех лекций, которые Годскин читал рабочим, стремясь освободить их от влияния буржуазных теорий.

Годскин — не только крупный экономист, но и талантливый публицист, блестящий полемист и памфлетист. Своим острым пером он причинил немало неприятностей защитникам «святая святых» буржуазного общества—частной собственности и капитала.

Годскин обратил на себя внимание английских радикалов, группировавшихся вокруг Бентама и Джемса Милля. Кружок Бентама и Милля имел большое влияние на выработку мировоззрения Годскина: он стал ярым поборником экономической свободы и сторонником утилитаризма. Но

---

[366] Обе работы написаны на русском языке в 1938 г. Соцэкгизом.

[367] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 203.

вскоре пути Годскина и английских радикалов разошлись: лозунг «laissez faire» у Годскина получил более глубокое содержание. Либералы требовали устранения вмешательства государственной власти в экономическую жизнь, но оставляли за государством такие важные функции, как охрана безопасности, собственности и т. п. Годскпн стоял за полное упразднение государственной власти, так как она всегда защищала и защищает интересы господствующих классов. Более того, она возникла лишь как орган защиты права собственности, образовавшейся, по Годскину в результате насилия. Полное осуществление экономической свободы означает, согласно его воззрениям, и полное уничтожение государства; с ликвидацией органа, охраняющего собственность, ликвидируется и самая собственность.

Годскин признает лишь собственность трудящихся. Противопоставляя ее собственности эксплоататоров, он называет собственность трудящихся ***естественной***, а собственность эксплоататоров — ***искусственной***. Годскин утверждает, что первоначально существовала только естественная собственность, которая уничтожена была насилием. Сперва насилием установлено было рабство, затем феодальная повинность и крепостничество, наконец, наемный труд. В переходе от рабства к феодализму, а от феодализма к наемному труду Годскин видит прогрессивюе движение, движение в сторону освобождения естественной собственности от искусственной. Это движение должно завершиться полной победой естественной собственности.

В господстве капитала над трудом Годскпн видит насилие, свершаемое капиталистами над рабочими; они заставляют рабочих безвозмездно отчуждать им часть продукта своего труда. Он нападает на буржуазных экономистов, оправдывающих и даже экономически обосновывающих этот вычет из продукта труда в виде прибыли. Одним из таких «обоснований» была пресловутая «теория» производительности капитала.

Тезису о производительности капитала Годскин противопоставляет противоположный тезис: капитал — как оборотный, так и основной — никакой производительностью не обладает.

Аргументация Годскина содержит много оригинального и ценного, и это дало ему возможность развернуть яркую критику капитализма.

Буржуазные экономисты утверждают, что капиталисты накопляют средства существования для рабочих и что они авансируют их рабочим. Отсюда делается тот вывод, что труд без капитала (пока речь лишь об оборотном капитале) невозможен: рабочие не могли бы приступить к работе, если бы капиталисты не доставили им хлеб, одежду и т. д.

Против этого вывода Годскин выдвигает следующую аргументацию: «*Имеют ли в данный момент все капиталисты Европы хотя бы на одну*

неделю средства существования и одежду для всех тех рабочих, которые у них заняты? Исследуем этот вопрос сначала относительно пищи. Часть пищи народа представляет хлеб, который всегда печется только за несколько часов до того, как его едят... Продукт пекаря не может сохраняться долго. Ни в коем случае сырой материал хлеба, безразлично в виде ли зерна, или муки, ***не может сохраниться без постоянного труда...***»[368].

То же Годскин доказывает и относительно других предметов питания, например молока и т. д., и приходит к следующему выводу: то, что называют оборотным капиталом, есть не что иное, как сосуществующий труд. Сапожник, например, может работать потому, что одновременно с ним работают мельник, пекарь, портной и т. д. и т. д.

Годскин на первый план выдвигает роль живого труда, по сравнению с которым значение овеществленного труда в уже имеющихся запасах настолько незначительно, что его можно даже не принимать в расчет. Разделение труда, по Годскину, это одновременно происходящие процессы труда, поддерживающие и питающие друг друга.

Свести основной капитал к сосуществующему труду нельзя. И, соглашаясь с буржуазными экономистами в том, что основной капитал является накопленным трудом, Годскин, тем не менее, решающую роль отводит живому труду, а не овеществленному. Он пишет: «*...орудия и машины являются продуктом прошлого труда... Пока они ничего не представляют собой кроме результата* ***прошлого*** *труда и не применяются целесообразно рабочими, они не покрывают расходов, которые потребовались для их создания..., стоимость многих инструментов и орудий снижается, если они не применяются*». Отсюда вывод: «*Основной капитал является полезным не благодаря прошлому, а благодаря текущему труду и он доставляет своему владельцу прибыль не потому, что он сохранен, а потому, что он является средством приобретения власти над трудом». Поэтому «следует ли рассматривать орудие как производительный капитал или не следует, это всецело зависит от того,* ***потребляется ли оно*** *каким-нибудь производительным рабочим*»[369].

Общий вывод Годскина следующий: 1) оборотный капитал нкакого накопления труда не представляет; 2) основной капитал, хотя и является накопленным трудом, все же производительной илы не имеет, так как вещи, в которых труд накоплен, могут стать производительной силой лишь благодаря

---

[368] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 215.

[369] Т. Годскин, Защита труда, 1938, с. 16–17.

живому труду; 3) следовательно, присвоение прибавочного продукта при помощи капитала есть насилие, «голое командование» над чужим трудом.

Годскин с большой силой разоблачает апологетический характер буржуазной теории производительности капитала, противопоставляя ей свою теорию непроизводительности капитала. Заслуга Годскина в том, что производительную силу капитала он сводит к производительной силе труда. Но он не понимает, что перенесение производительной силы труда на капитал ***обусловлено*** самим капиталистическим способом производства. «*Капитал, — говорит Годскин, — это своего рода* ***каббалистическое слово****, как церковь или государство или какое-либо другое из тех общих выражений, изобретенных теми, кто стрижет остальное человечество, с целью спрятать руку, которая держит ножницы*»[370].

«***Капиталист****, — писал Маркс, — как капиталист является только олицетворением капитала, т. е. создания труда, которое дарено собственной волей, и как олицетворенное существо противостоит труду. Годскин рассматривает это как чисто субъективный обман, за которым скрываются обман и интересы эксплоатирующих классов. Он не видит, как этот способ мышления сам обусловлен реальным отношением, как последнее служит не выражением первого, а наоборот. В таком же смысле говорят английские социалисты: «Нам нужен капитал, не капиталисты». Но если они устраняют капиталистов, они лишают средства производства свойства быть капиталом*»[371].

Годскин прав, отвергая экономическое «обоснование» прибыли буржуазными экономистами; но он ошибается, сводя ее к результату насилия, т. е. рассматривая ее как результат действия внеэкономического фактора. Насилие играло большую роль в истории, но Годскин неправильно понимает эту роль. Припомним замечательную характеристику роли насилия, данную Марксом: «*Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция*»[372].

По Годскину, рабство, феодализм, наемный труд—результат насилия, т. е. насилием порождены целые экономические формации. К насилию он сводит получение прибыли и другие нетрудовые доходы. Придерживаясь такой позиции, он не мог вскрыть особенностей капиталистического способа

---

[370] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. 3, с. 207.

[371] Там же, с. 230.

[372] К. Маркс, Капитал, Т. 1, 1935, с. 603. Напомним также, что наиболее развернутая критика теории насилия дана Энгельсом в «Анти-Дюринге».

производства и присущего ему экономического закона, на основе которого получается прибыль и накопляется капитал.

Годскин, как сказано, правильно отвергает экономическое «обоснование» прибыли буржуазными экономистами, но сам никакого экономического обоснования не дает, и это лишает его возможности вскрыть действительную природу капитала. Он справедливо указывает, что владелец капитала эксплоатирует труд. Но, сводя эксплоатацию к насилию, Годскин, во-первых, видит в капитале только орудие насилия, а не экономическую категорию, во-вторых, он не замечает, что без капиталистов нет капитала, выражающего собой отношения двух классов—капиталистов и рабочих. Поэтому Годскии, как и другие ранние английские социалисты, считает, что «нам нужен капитал, но не капиталисты».

Глава XV
Эволюция утопического социализма во Франции и мелкобуржуазный социализм

Общая характеристика. Наибольшего развития утопический социализм и социализм мелкобуржуазный достигли во Франции, где в 30-е и особенно в 40-е годы они стали крупным фактором социально-экономической мысли и политической жизни страны. Как теоретики-экономисты французские социалисты значительно уступают английским социалистам-рикардианцам, но среди них были крупные писатели и блестящие публицисты, сумевшие политически заострить как критику капитализма, так и свои социалистические идеи. Были в их рядах и крупные пропагандисты и большие мастера на популярные лозунги вроде знаменитого лозунга права на труд, сыгравшего большую роль в революции 1848 г.

Успехи социализма во Франции вызывали большое беспокойство среди буржуазии. В поход выступил уже знакомый нам Бастиа, противопоставивший социализму экономический лпбералпзм, якобы суливший миру «экономическую гармонию». Завязался горячий бой между либерализмом и социализмом.

Влияние французских социалистов простиралось далеко за пределы Франции. Английские социалисты, за исключением Роберта Оуэна, были мало известны на континенте; французские же социалисты оказывали сильное влияние на развитие социалистической мысли в разных странах. Франция экспортировала фритредерство в обработке Бастиа; она же экспортировала и социалистические идеи, враждебные либерализму. Борьба была перенесена на международную арену; одни участники ее черпали свои аргументы у Бастиа, другие — у Консидерана, Лун Блана, Прудона и др.

В свободе конкуренции, в частной инициативе и предпринимательстве, столь ревностно воспеваемых представителями экономического либерализма, социалисты видели причину всех зол современного им общества. И если фритредеры уверяли, что всякое зло будет уничтожено, как только будет полностью осуществлена экономическая свобода, то социалисты в свою очередь утверждали, что никакая свобода, в том числе и экономическая, невозможна при режиме безудержной конкуренции, порождающей анархию и кризисы. Свободная конкуренция, ставя людей в зависимость от колебаний рынка, несет не свободу, а рабство.

Далее, если фритредеры уверяли, что свободная конкуренция выгодна для всех классов общества, то социалисты выдвинули противоположный тезис: от свободной конкуренции страдают все—не только пролетарии, но и буржуазия. Исключение, по их мнению, составляют лишь магнаты капитала, которые, пользуясь свободой конкуренции, своим могуществом уничтожают менее сильных конкурентов. Но этим они уничтожают и свободную конкуренцию, так как, уничтожив конкурентов, магнаты капитала становятся монополистами.

Справедливо указывая, что конкуренция ведет к монополиям и поглощению мелких и средних капиталов крупными, социалисты делали из этого правильного положения неправильный, утопический вывод, будто в осуществлении социализма заинтересована и буржуазия; ее необходимо якобы лишь просветить. Более того, так как она более культурна и образована, чем рабочие массы, то она может стать наилучшей «опорой» социализма.

Социалисты не скупились на мрачные краски, изображая страдания рабочего класса. Они немало говорили об эксплоатации пролетариата и порой правильно указывали на действительную причину капиталистической эксплоатации. Но все это они использовали как материал для агитации и пропаганды своих идей среди богатых и образованных классов. Они взывали к их чувству сострадания, требовали от них заботы о страдающих братьях, распространялись об угрозе, которую представляют для имущих классов бедность и нищета широчайших народных масс как рассадник всевозможных болезней, пороков и преступлений.

Мелкобуржуазный социализм хотя и значительно отличается от систем великих социалистов-утопистов, однако он возникает и развивается под их сильным влиянием. В свою очередь сен-симонизм и фурьеризм по мере развития капитализма и обострения классовой борьбы утрачивают свой первоначальный характер и превращаются либо в одну из разновидностей мелкобуржуазного социализма, либо в сектантство.

Французские социалисты в отличие от английских на классическую экономию не опирались. Во Франции господствовала вульгарная и апологетическая экономия, и с ней мелкобуржуазный социализм вел по всему фронту постоянную войну, не отличая притом вульгарную экономию от классической школы[373].

Научный социализм Маркса — Энгельса ведет решительную борьбу с утопическим и мелкобуржуазным социализмом, настоящей родиной которого была Франция. В этой борьбе закалялось оружие международного пролетариата—марксизм. Уже это одно обязывает нас к внимательному изучению французского социализма времен июльской монархии.

1. Эволюция утопического социализма

Базар (1791–1832). Первые годы июльской монархии являются периодом наибольшего расцвета деятельности сен-симонистов. В 1829-1830 гг., закончив цикл своих лекций, они издали их в окончательной обработке Базара под названием «Изложение учения Сен-Симона». Этот труд—одно из лучших произведений французского социализма домарксового периода, в котором учение Сен-Симона приведено в систему и — что особенно следует подчеркнуть — развито дальше.

В разработке и развитии теоретической части сен-симонизма главная заслуга принадлежит Базару[374], который был и основным лектором сен-симонистов.

Идея социализма у учеников Сен-Симона более выдержана, чем у учителя. Сен-Симон, как мы видели, еще не выступает против собственности предпринимателей, тогда как ученики его требуют уничтожения права наследования, что должно привести к уничтожению частной собственности. К этому требованию привело их дальнейшее развитие идей учителя. Они поняли—и в этом их большая заслуга, — что при сохранении частной

---

[373] Вообще одна из особенностей утопического и мелкобуржуазного социализма заключается в том, что они не делали различия между классической и вульгарной экономией. Это различие впервые установлено Марксом. Не исследуя законов развития капитализма, а лишь осуждая и проклиная его, социалисты до Маркса действительно не могли видеть этого различия, так как и та и другая экономия стояли на почве незыблемости существующих буржуазных отношений.

[374] Базар примкнул к сен-симонистам после смерти Сен-Симона и стал одним из вождей школы. У него было значительное революционное прошлое: он был одним из основателей французского общества карбонариев, ставившего своей задачей свержение Людовика XVIII; за участие в восстании в Кольморе и Бельфоре (1825) был заочно приговорен к смертной казни.

собственности невозможны планомерная организация производства и уничтожение существующей анархии, т. е. то, чего добивался Сен-Симон.

В «Изложении» дана замечательная критика частной собственности как института исторического. Сен-симонисты нападают уже не только на феодальную собственность, как это делал преимущественно Сен-Симон, но и на собственность капиталистическую. «*Собственность, в самом обычном значении этого слова, слагается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления и дают в настоящее время право на* ***доход****. В этом смысле она обнимает земельные владения и капиталы, т. е., выражаясь языком экономистов,* ***фонд производства***»[375]. Определив так собственность, сен-симонисты приступают к всесторонней ее атаке.

Собственники для них—распределители «фонда производства». Но, во-первых, эти распределители заставляют слишком дорого платить за выполняемую ими функцию. «*Когда видишь сравнительный избыток, в котором живет этот многочисленный класс людей (собственников. — Д. Р.), когда взвешиваешь значительную долю, предоставляемую им из годового производства, то приходится признать, что они* ***не дешево берут за свои услуги***»[376].

Во-вторых, собственники плохо распределяют «фонд производства» между отдельными районами, между отдельными отраслями производства, между отдельными предпринимателями. А между тем распределение «фонда производства», по мнению сен-симонистов, должно отвечать следующим требованиям: «*1) орудия труда (к которым, по их мнению, относятся земля и капитал. — Д. Р.) должны быть распределяемы пропорционально потребностям каждой местности и каждой отрасли промышленности; 2) в распределении их надлежит сообразоваться с индивидуальными способностями; 3) наконец, производство нужно организовать таким образом, чтобы никогда не приходилось бояться ни в одной из его отраслей ни нехватки, ни переполнения*»[377]. Правильное распределение орудий труда возможно только в будущем обществе, так как функциями распределения будет «*...облечено* ***социальное*** *учреждение: оно является* ***хранителем*** *всех орудий производства; оно стоит во главе всей материальной эксплуатации; благодаря этому, оно занимает позицию, с которой можно сразу обозревать все части промышленной мастерской*»[378]

---

[375] «Изложение учения Сен-Симона», 1923, с. 119.

[376] «Изложение учения Сен-Симона», с. 120, выделение моё — Д. Р.

[377] Там же.

[378] Там же, с. 122.

Нападая на разные виды собственности, авторы «Изложения» рассматривают собственность ***исторически***, и это особенно важно подчеркнуть. Полемизируя с экономистами, твердящими, что «собственность есть фундамент социального порядка», сен-симонисты пишут: «*Мы со своей стороны тоже считаем собственность* ***материальной*** *основой социального порядка, и тем не менее наши взгляды на политическую организацию совершенно противоположны доктринам, исповедуемым в наши дни... Дело в том, что великое слово «собственность» представляло в каждую историческую эпоху разные вещи, оно вызывало в уме разные представления, хотя и поддерживалось всегда нравами и законами...*»[379]. Это положение сен-симонисты доказывают на примере собственности в античном мире, нашедшей свое выражение в рабстве, и на примере феодальной собственности, выражавшейся в вассальном и крепостном праве.

Историзм в анализе собственности не ограничивается констатированием разных форм собственности в разные эпохи, — он выдвигает положение, что указанные формы собственности были исторически необходимы, так как соответствовали потребностям общества. Этим сен-симонисты объяснили рьяную защиту рабства таким мыслителем, как Аристотель. В будущем обществе собственность должна быть ликвидирована, потому что она не только стала излишней, но и является основной причиной дезорганизации и анархии производства.

Однако в концепции сен-симонистов немало провалов и неувязок. Рабство, вассальное и крепостное право они выводят из грабежа и войн, без которых общество в те времена существовать не могло. Таким образом, в объяснении античной и феодальной собственности сен-симонисты не идут дальше пресловутой теории насилия. Буржуазная собственность для них лишь модификация прежних форм собственности, созданных насилием.

Сен-симонисты не проходят и мимо проблемы кризисов. Последние они считают результатом неограниченной конкуренции, т. е. становятся на позицию Сисмонди, утверждавшего, что при неограниченной конкуренции кризисы неизбежны. Но не вдаваясь в дальнейший анализ, не исследуя, как неограниченная конкуренция приводит к кризисам, они ограничиваются осуждением теорий, защищающих неограниченную конкуренцию. «*Все теории, — говорят они, — вытекающие из этого догмата (т. е. оправдания неограниченной конкуренции. — Д. Р.), по необходимости основаны на чувствах вражды. А между тем люди призваны не к тому, чтобы вечно*

[379] «Изложение учения Сен-Симона», с. 142–143.

воевать между собою, а к тому, чтобы жить в мире, не к тому, чтобы вредить, а к тому, чтобы помогать друг другу»[380].

Как в буржуазной собственности сен-симонисты видят, как мы уже сказали, модификацию прежних форм собственности, так и в конкуренции они видят модификацию прежних войн и грабежей. Однако в суждениях сен-симонистов о кризисах и порождающей их конкуренции есть один важный момент, заслуживающий быть отмеченным: в конечном счете эти явления выводятся ими из частной собственности. Это шаг вперед по сравнению с Сисмонди, который на частную собственность не «покушался», и требовал лишь ограничения конкуренции.

Следует также упомянуть о суждениях авторов «Изложения» о кредите и банках. Эта проблема их особенно заинтересовала главным образом потому, что в кредите и банках они видели уже нечто новое: зародыш будущей организации промышленной системы. «*Создание этой отрасли промышленности (т. е. банкирской. — Д. Р.) есть, очевидно,* ***первый шаг к порядку***»[381]

Самая идея об организующей роли банков и о верховенстве банков в будущем обществе принадлежит Сен-Симону. Он пишет: «*Организация промышленников совершилась посредством учреждения банка: банк связывает между собою все отрасли промышленности и дает то или иное политическое применение ее капиталу*»[382]. Отметим, что взгляд Сен-Симона на роль банков в организации социалистического общества Ленин считает гениальной догадкой[383]. Авторы «Изложения» развили эту идею Сен-Симона в целую теорию. Мысль, что банки должны играть важную роль в организации социалистического общества, безусловно оригинальна и неизвестна прежним социалистическим системам. Но не следует упускать из виду и оборотную сторону медали: в этой теории даётся преувеличенная оценка кредита и банков, родственная воззрениям Джона Ло и названная Энгельсом «кредитными фантазиями школы», которые экс-сен-симонистами реализовались «*...по исторической иронии в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха*»[384]

В «кредитных фантазиях» сен-симонистов прежде всего сказалось влияние мелкой буржуазии, ищущей спасения в организации кредита.

---

[380] «Изложение учения Сен-Симона», с. 128.

[381] Там же, с. 129, выделение моё — Д. Р.

[382] Сен-Симон, Избранные сочинения, 1923, с. 146.

[383] В. И. Ленин, Соч., т. 19, с. 175.

[384] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 535, Примечание Энгельса.

Виктор Консидеран (1808–1893). Душой фурьеристского движения в 30-е и 40-е годы был Консидеран, талантливый публицист, выдающийся теоретик, партийный организатор и крупный политический деятель.

Консидеран — фурьерист, но фурьерист эпохи июльской монархии, эпохи значительных сдвигов в экономике и социальной структуре Франции (о них мы говорили выше, в начале отдела). Не выходя за рамки, начерченные учителем, но пользуясь новым материалом, ученик раздвигает эти рамки и вносит новое в самое содержание усвоенной им доктрины. Это новое есть классовая борьба.

У Консидерана — ясное представление о пролетариате, как о классе, лишенном средств производства и противостоящем классу капиталистов. В своих «Принципах социализма» Консидеран пишет: «*Промышленная организация, — это огромная машина, производящая тем больше бедных пролетариев, чем она могущественнее и чем интенсивнее её движение. Экономисты восхваляют свободу, явившуюся результатом событий 14 июня и 4 августа (речь идёт о революции 1789 г.—Д. Р.). Но эта свобода означает не что иное, как отдачу безоружных и бедных масс во власть вооруженных и богатых... Где они, эти свободные люди? Вы делаете вид, что считаете свободными эти* ***бесчисленные массы пролетариев, лишенных капиталов и орудий производства и вынужденных под страхом беспрестанно витающей над ними и над их семьями голодной смерти искать себе каждый день нового господина***»[385].

Консидеран делает и такое заявление: «*Промышленная борьба, заменившая собой обыкновенную войну, установила особый вид крепостничества, на этот раз уже не личного и не непосредственного, а косвенного и коллективного:* ***установилось господство класса капиталистов, собственников машин и орудий производства, над классом обездоленных***»[386].

Консидеран ожесточенно полемизирует с теми, кто борьбу пролетариата с капиталистами отрицает или замалчивает. «*Не изумительна ли, — восклицает Консидеран, — глупость тех людей, которые всюду, даже с национальной трибуны, произносят речи против лиц, констатирующих существование различных категорий в нации; эти люди воображают, что несколько произносимых ими фраз закроют глаза и уши, усыпят народ, помешают пролетарским животам чувствовать голод, пролетарским ртам вопиять о нищете. В самом деле, мы живём в странное время: отрицают*

---

[385] V. Considérant, Principes du socialisme, выделение моё — Д. Р.

[386] Ibidem, выделение моё — Д. Р.

день, отрицают солнце, отрицают самоочевидное... Конечно, на самом деле происходят раздор и война, и буржуазия вполне признала это, с ужасом воскликнув: варвары у наших ворот»[387].

А в «Solution du probléme» мы читаем: «*Капитал и труд ведут между собою ожесточённую войну. Мастерская, в которой производятся и распределяются богатства, представляет собой не что иное, как поле никогда не прекращающейся битвы*»[388].

Концентрируя внимание на борьбе между трудом и капиталом, Консидеран даёт более правильную, нежели Фурье, характеристику классовой структуры буржуазного общества. Он делит последнее на два основных класса: пролетариев и капиталистов; остальные слои им рассматриваются как промежуточные, средние классы, обреченные развитием капитализма на исчезновение. Повторяя учение Фурье о концентрации и централизации, Консидеран иллюстрирует примерами из современной ему действительности, как средние и мелкие капиталисты разоряются и вытесняются крупными капиталистами.

«*Наш индустриализм, — пишет Консидеран, — со свойственной ему свободной конкуренцией есть колоссальный, чрезвычайно мощный механизм, непрерывно выкачивающий национальные богатства для того, чтобы сконцентрировать их в великих резервуарах новой аристократии и создающий голодные легионы бедняков и пролетариев*»[389].

Но Консидеран видит одни стороны развития капитализма, не замечая других его сторон. Он видит, как создаются новая аристократия и «голодные легионы бедняков и пролетариев», но не видит, как подготовляются объективные и субъективные факторы будущего общественного строя. Роль и значение пролетариата как могильщика капитализма им не понята. Рисуя страдания пролетариата и обреченность средних классов, Консидеран хочет доказать солидарность интересов средних классов и пролетариата. «*Буржуазия в массе, — пишет он, — уже на пути к превращению в* ***народ*** *под влиянием общей нужды, бедствий, беспощадного труда и безработицы и благодаря заразительному распространению тех мощных идей, которыми насыщен воздух*»[390].

В пролетариате Консидеран не видит творческой силы, его выступлений он даже боится; творческую силу он видит в средних классах, которые,

---

[387] V. Considérant. Destinée sociale. V. II. P. 60

[388] V. Considérant. Solution du probléme. P. 20

[389] V. Considérant. Principes du socialisme. P. 11

[390] V. Considérant, Le socialisme devant le vieux monde, p. 153

опираясь на пролетариат и подчиняя его своему влиянию, могут освободить общество от ига финансовой аристократии. Противоположность между трудом и капиталом Консидеран превращает в противоположность между обществом и нацией, с одной стороны, и магнатами капитала — с другой.

Под впечатлением режима июльской монархии, когда финансовая аристократия узурпировала власть и господствовала над всем обществом, Консидеран видит эксплоататоров лишь наверху общества, не замечая их в средних слоях. Приспособляя фурьеризм к задачам момента, он его делает политически актуальным и открывает ему доступ к широким массам средней и мелкой буржуазии; но вместе с тем он его принижает, становясь на путь реформизма, резко осужденный Фурье.

Правда, Консидеран как будто осуждает реформизм. Вот некоторые его положения: «*Нелепо добиваться применения верного принципа к строю, ненормальному по существу. Ни один верный принцип не применим в обществе, организация которого противоречит справедливости*»[391].

«*При нынешнем социальном режиме осуществление хорошего всегда влечет за собою осуществление плохого*»[392]. «*Хорошее и дурное настолько связаны между собою, что приходится отказаться от хорошего, дабы не делать плохого*»[393].

Но так рассуждает Консидеран — пропагандист и популяризатор Фурье; приведённые положения лишь повторяют мысли Фурье. На иных позициях стоит Консидеран — политик и публицист, фактически ратовавший за союз средних классов с пролетариатом при сохранении гегемонии за первыми.

В начале своей деятельности Консидеран, согласно традициям утопистов, апеллирует к сильным мира сего и в «Судьбах общества» обращается к Луи-Филиппу, как к «главе государства и первому собственнику, наиболее заинтересованному в порядке, процветании государства и отдельных лиц, в счастье граждан и народов». Но, втянувшись в политическую борьбу и разочаровавшись в режиме июльской монархии, Консидеран возлагает свои надежды на республику и демократию, которые приведут к власти средние классы, этих носителей социального прогресса. В февральской революции средние классы показали, что они умеют расправляться с рабочими не менее жестоко и кроваво, чем финансовая аристократия. Февральская революция докончила с фурьеризмом в издании Консидерана, как покончила она с другими разновидностями домарксовского социализма.

---

[391] V. Considérant, Destinée sociale, v. II, p. 295.

[392] Ibidem, p. 362.

[393] Ibidem, p. 88.

2. Мелкобуржуазный социализм

Общая характеристика. Великие социалисты-утописты подвергали, как мы видели, всесторонней критике буржуазные отношения и развивали проекты организации нового общественного строя. Как их критика капитализма, так и их утопические планы пронизаны гениальными идеями, оплодотворившими общественные науки, в том числе и политическую экономию. За мелкобуржуазными социалистами таких заслуг не имеется. Хотя они и продолжают резко критиковать буржуазный строй, но их критика в основном, за исключением деталей, есть не что иное, как повторение пройденного, а их утопии лишены творческого полета их гениальных предшественников. Кругозор же и классовая позиция их исключительно мелкобуржуазны. Это сближает названных социалистов гораздо больше с Сисмонди, нежели с Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. Правда, социалистам 30-х и 40-х годов XIX в. уже чужда та идеализация прошлого, которая является лейтмотивом в работах швейцарского экономиста. Однако они подобно ему подходят к пролетариату с ***меркой*** мелкой буржуазии.

В основном мелкобуржуазный социализм распадается на два направления. «*Но по своему положительному содержанию, — указывают авторы «Манифеста коммунистической партии», — этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен*»[394].

Сисмонди представлял первое направление, социалисты 30-х и 40-х годов представляют, как увидим дальше, второе направление. Сисмонди стремился «восстановить старые средства производства и обмена», социалисты 30-х и 40-х годов стараются «насильно удержать новейшие средства производства и обмена в рамках старых имущественных отношений».

Мелкобуржуазные социалисты выступают от имени всего народа, к которому они относят чуть ли не 99% населения; за бортом они оставляют лишь верхушку буржуазного общества — банкиров, биржевиков, крупнейших предпринимателей, землевладельцев. Не замечая, не желая видеть различий и даже противоположностей интересов разных частей народа, мелкобуржуазные социалисты тем самым абстрагируются от реальной действительности со всеми её противоречиями. Очутившись же на высотах абстракции, они начинают

[394] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 100.

оперировать такими общими понятиями, как справедливость, равенство, братство и т. д., из которых и выводят идеальный общественный строй, долженствующий избавить народ от нужды и кабалы.

Мелкобуржуазный идеолог воображает, что «классовая ограниченность» ему чужда, но в действительности он представляет мелкую буржуазию. Именно этот промежуточный класс — наиболее подходящий носитель «надклассовых» идеалов. В зависимости от конкретных исторических условий «надклассовые» идеалы принимают разные формы; в рассматриваемую эпоху они приняли форму мелкобуржуазного социализма.

Основные пороки мелкобуржуазного социализма, по Ленину, таковы: «*...непонимание материалистической основы исторического движения, неуменье выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.*»[395].

Мелкобуржуазный социализм принимал разные формы в разных странах. В Англии он выступил с утопической идеей «рабочих денег» и положил начало «кредитным иллюзиям». Но в Англии, где удельный вес мелкой буржуазии был не столь значителен, как во Франции и других странах континента, мелкобуржуазный социализм не мог завоевать себе прочных позиций — он оказался лишь кратковременным эпизодом. Во Франции же, с её значительным крестьянским и мелкобуржуазным населением, он достиг большого развития и играл довольно крупную роль как в общественно-политической жизни страны, так и в рабочем движении, особенно во время июльской монархии.

Луи Блан (1811–1885). Сен-симонисты и фурьеристы наследовали от великих утопистов широкие концепции, философские и исторические, на которых базируются их утопии. Это и придает их утопиям особый блеск и привлекательность. У Луи Блана таких концепций нет. Его утопия является лишь бледной тенью грандиозных замыслов Сен-Симона, Фурье, Оуэна. А его критика капитализма хотя и не лишена известной силы и большого красноречия, но после Сен-Симона, Фурье, Базара, Консидерана не может претендовать на новизну и оригинальность.

Всё же в теории и практике Луи Блана есть нечто такое, что выделяет его теорию в особую разновидность мелкобуржуазного социализма. Эта разновидность на некоторое время выдвинулась на первое место и заслонила собой другие утопии. Его имя стало даже нарицательным. Ленин неоднократно

[395] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 331.

называет социал-демократических соглашателей «социалистами» типа Луи Блана, а их соглашательство — луиблановщиной[396].

Луи Блан вначале сотрудничал в общедемократической прессе (в таких журналах, как «Bon Sens»), а затем организовал собственную газету «Revue du progrés politique, social et litt raire» («Обозрение политического, социального и литературного прогресса»). В этой газете Луи Блан уделял много внимания социальному вопросу и поместил ряд статей, посвященных проблеме организации труда. Статьи появились в 1839 г., а в 1840 г. они вышли отдельной брошюрой, получившей громкую известность и доставившей ее автору большую популярность. До 1848 г. она выдержала девять изданий и была переведена на иностранные языки; она переведена и издана и на русском языке под названием «Организация труда».

Названная брошюра и «Катехизис социализма» являются основными работами, характеризующими экономические и социалистические воззрения Луи Блана. Они же завоевали ему большие симпатии в широких трудящихся массах и сделали его на время «властителем их дум» и их политическим вождем.

К началу февральской революции Луи Блан был столь популярен в рабочих массах, что по их требованию и настоянию он вместе с рабочим Альбером был включен в состав временного правительства как представитель пролетариата. Имея за собой поддержку и доверие восставших парижских рабочих, Луи Блан мог стать центральной фигурой во временном правительстве и решительными мерами попытаться осуществить свой проект реорганизации общества, столь красноречиво пропагандируемый им в «Организации труда». Но мелкобуржуазный социалист, громивший капиталистический способ производства ***в качестве литератора***, пасовал перед ним как ***политик***. Его страх перед революцией удачно был использован его коллегами по временному правительству, которые распределили функции так, что Луи Блану была предоставлена ***возможность говорить***, а им действовать.

Свою работу на новом поприще Луи Блан начал с соглашательства. Выдвинувшие его рабочие ***требовали*** организации министерства труда, которое должно было стать ведущим министерством и реализовать новые принципы «Организации труда». ***Согласился*** же Луи Блан лишь на организацию комиссии, которая лишена была власти и которую удалили из правительства в Люксембургский дворец, предоставив ей для отвода глаз возможность произносить речи и составлять резолюции. «*Таким образом, представители рабочего класса были изгнаны из места заседаний*

[396] В. И. Ленин, Соч., т. 20, с. 91–93.

временного правительства, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления. Рядом с министерствами финансов, торговли и общественных работ, рядом с банком и биржей учреждена была социалистическая синагога, первосвященники которой Луи Блан и Альбер имели своей задачей открыть обетованную страну, возвестить новое евангелие и отвлечь внимание парижского пролетариата. В отличие от всякой обыкновенной государственной власти они не располагали никаким бюджетом, никакой дополнительной властью. Они должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя»[397].

Как критик капитализма Луи Блан как будто непримирим. Он не жалеет мрачных красок при характеристике разных сторон буржуазного общества. Но за непримиримой ***внешностью*** скрывается ***внутреннее примиренчество***. Последнее заключается в том, что он рисует капиталистический строй как неприемлемый для всех, как строй, от которого страдают и эксплуататоры и эксплуатируемые. «*Я спрашиваю, кто фактически заинтересован в поддержке социального строя, каким он является в настоящее время.* ***Решительно никто.*** *Лично я охотно убеждаюсь, что несчастия, порождаемые несовершенной цивилизацией, распространяются в различном виде на всё общество*»[398].

В дальнейшем, при рассмотрении конкуренции, Луи Блан конкретизирует это положение. Он пишет:

«*Докажем же:*

1) ***Что конкуренция является для народа губительной системой.***

2) ***Что конкуренция является для буржуазии причиной постепенного обеднения и разорения***»[399].

Утверждая, что никто не заинтересован в поддержке буржуазного строя, Луи Блан тем самым даёт лозунг: все классы, объединяйтесь, боритесь вместе против общего зла.

Критикуя капитализм, Луи Блан вскрывает не противоречия этой системы, выражающиеся в классовых противоположностях и классовой борьбе, а противоречия между ней (системой) и обществом в целом. Но почему общество терпит такую систему? Ответ Луи Блана сводится к тому, что общество, во-первых, ещё не уяснило себе источника всех его бедствий и

---

[397] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, с. 11.

[398] Л. Блан, Организация труда, рус. пер., 1920, с. 26, выделение моё — Д. Р.

[399] Там же, с. 28.

страданий; во-вторых, ещё не придумало выхода из тупика, в котором оно очутилось. И Луи Блан считает своей задачей показать: 1) в чём корень зла и 2) как от него избавиться.

Корень зла Луи Блан видит в конкуренции, и его критика капитализма в основном сводится к критике режима свободной конкуренции. Бастиа в свободе конкуренции видит экономические гармонии, для Луи Блана же свобода конкуренции есть причина экономических дисгармоний. Более того, в конкуренции он видит проявление и моральных дисгармоний — того, что им названо индивидуализмом.

Как идеалист Луи Блан ставит связь явлений наголову. Для него идея есть «демиург действительности». Исторический процесс развития человечества он сводит к смене идей: вначале в докапиталистическую эпоху, историю творила идея авторитарности, в буржуазном обществе — идея индивидуализма, в будущем общественном строе — идея братства. Индивидуализм, согласно этой концепции, находит свою экономическую форму выражения в конкуренции.

Правда, Луи Блан знает, что рабочие вынуждены наниматься к хозяевам, будучи лишены земли и средств производства. Он на это указывает, но не на этом он фиксирует внимание и не это он делает исходным пунктом своих исследований, он фиксирует внимание на конкуренции, и к ней он сводит суть капиталистической системы.

Луи Блан ярко рисует тяжелое положение рабочего класса: полуголодное существование, антисанитарные жилищные условия, изнурительный труд мужчин, женщин, детей (на детском труде он особенно останавливается), разрушение семьи, моральная и физическая деградации и т. д. и т. д. Автор «Организации труда» посвящает много страниц — и это лучшие страницы его книги — вопросу о преступности, доказывая, что она — продукт нищеты и возрастает вместе с ней. Он также ярко рисует контраст между скоплением в больших городах богатства и чудовищным ростом бедности. Но значение столь веского обвинительного акта, предъявленного буржуазному обществу, Луи Блан смазывает и даже сводит на нет: переходя от характеристики положения рабочего класса к характеристике положения буржуазии, он так же красноречиво «доказывает», что и ей не сладко живется.

Луи Блан остроумно и саркастически разоблачает фритредеров, наглядно показывая, что свобода для бедняков есть свобода умереть с голода. В своем «Катехизисе социалистов» Луи Блан метко замечает, что «laissez faire» означает «laissez mourir», т. е. каждому предоставлена свобода умереть. Он также прав, утверждая, что конкуренция ведёт через концентрацию и централизацию к господству монополии как внутри страны, так и на мировом

рынке. Он, наконец, правильно указывает, что последствия конкуренции в земледелии и в промышленности одинаковы: мелкие хозяйства либо уничтожаются, либо попадают в кабальную зависимость от банкового капитала. Отмечая большую задолженность сельского хозяйства Франции, Луи Блан приходит к следующему выводу: «*Это означает, что рядом с несколькими финансистами — господами промышленности — возвышаются несколько ростовщиков, сделавшихся хозяевами земли*»[400].

Но Луи Блан, как и другие мелкобуржуазные социалисты и экономисты, подходит к капиталистическому производству и пролетариату с мелкобуржуазной меркой. Это и заставляет его выдвинуть на первое место конкуренцию — дамоклов меч, висящий над головой мелких и средних товаропроизводителей. Без конкуренции нет, конечно, капитализма. Но основная суть капиталистического производства не в конкуренции, а в том, что это производство есть производство прибавочной стоимости. Иначе на дело смотрят мелкий буржуа и его идеолог. Силу капитала мелкий производитель непосредственно испытывает как силу, эксплуатирующую его в сфере обращения. Именно здесь мелкобуржуазные идеологи хотят «парализовать» силу капитала; и проект Луи Блана хотя и назван «организацией труда», но фактически сводится к тому, чтобы в обращении силе капитала была противопоставлена еще более мощная, как уверяет Луи Блан, сила. Луи Блан требует, чтобы государство стало «банкиром для бедных», чтобы оно при посредстве кредита организовало общественные мастерские, которые на рынке окажутся более конкурентоспособными, чем капиталистические предприятия, вследствие чего последние постепенно совсем исчезнут. Путем конкуренции, в которой Луи Блан видит суть капитализма, он хочет уничтожить саму конкуренцию. Общественные мастерские, используя конкуренцию в борьбе с частной промышленностью, дешевизной своей продукции вытеснят частных предпринимателей. Однако борьба, успокаивает миролюбивый реформатор, для капиталистов не будет гибельной, так как государство постарается смягчить последствия конкуренции, «мешая ценам на товары, выпущенные из мастерских, спуститься до слишком низкого уровня». Словом, государству Луи Блан предписывает соблюдение определенного такта: пусть оно конкурирует с капиталистами, но осторожно.

«Организацию труда» Луи Блан представляет себе так: государство организует общественные мастерские и привлекает рабочих: в первый год мастерские целиком находятся в ведении самого государства, а затем они переходят в ведение коллектива рабочих, которые на демократических началах

[400] Л. Блан, Организация труда, рус. пер., 1920, с. 59.

выбирают руководящий персонал, за государством же остается лишь общий надзор и контроль. Доход от мастерских делится на три части: одна часть распределяется поровну между членами ассоциации, другая предназначается на содержание стариков, больных, калек и на смягчение кризисов, тяготеющих над другими отраслями промышленности (все отрасли промышленности должны помогать друг другу), наконец, третья часть, предназначенная для оплаты процентов, будет в конечном счете покрываться из кармана трудящихся.

Так Луи Блан хотел не только уничтожить главное зло капитализма — конкуренцию, но и осуществить право на труд — требование, наиболее популярное тогда среди широких масс трудящихся Франции. Национальные мастерские, которые временное правительство вынуждено было открыть, были, правда, карикатурой на луи-блановский проект «организации труда», но в руках буржуазного правительства ничем другим они и не могли быть. Сетования Блана на искажение его замысла противниками свидетельствуют в лучшем случае о его наивности и о мелкобуржуазной ограниченности его кругозора.

Пьер-Жозеф Прудон (1800–1865). Из всех мелкобуржуазных французских социалистов Прудон наиболее полно и по форме, и по содержанию отобразил противоречивые стремления и чаяния мелкой буржуазии. Последняя и проклинает, и обожествляет собственность, которая в её сознании раздвоена и расщеплена на два начала: злое и доброе. Собственность приводит к неравенству и порабощению бедных богатыми — вот злое начало; собственность доставляет независимость, самостоятельность и свободу — вот её доброе начало. Прудонизм противопоставляет себя как экономическому либерализму, так и социализму.

Прудон критикует и экономистов, и социалистов; он ищет синтеза противоположных течений. Пользуясь формулами гегелевской философии, Прудон рассматривает учение экономистов как тезис, учение социалистов — как антитезис, а своё учение — как синтез. Полемизируя с экономистами, Прудон отвергает собственность, а полемизируя с коммунистами (особенно с Кабе), он отвергает коммунизм. Выдвигаемое им требование есть не что иное, как требование сохранения и укрепления мелкой собственности, которую он называет индивидуальным владением и поёт ей гимны. «Индивидуальное владение является необходимым условием социальной жизни; собственность убивает жизнь, это доказано всем пятитысячелетним существованием собственности; владение соответствует праву, собственность враждебна ему. Уничтожьте собственность и сохраните владение: посредством одного только

этого принципиального изменения вы коренным образом измените законы, правительство, хозяйство и все учреждения: вы уничтожите зло на земле».

И дальше: «*Так как право владения принадлежит в равной мере всем, то размеры владения изменяются сообразно числу владельцев и собственность не может возникнуть*»[401].

Долго бился Прудон над решением квадратуры круга, т. е. над поисками тех условий, при которых можно будет выполнить его совет: «уничтожить собственность и сохранить владение». Наконец, его осенила мысль, что ларчик открывается просто: следует предоставить трудящимся даровой кредит, и как первая, так и вторая задача будут решены.

Литературную деятельность Прудона можно подразделить на два периода. Сначала он выступает как критик, как «борец» на два фронта и искатель «синтеза»; впоследствии выступает уже со своим проектом социальной реформы, долженствующей обеспечить «индивидуальное владение». «*Г-н Прудон, — пишет Маркс Анненкову, — с головы до ног — философ и экономист мелкой буржуазии. Мелкий буржуа в развитом обществе, в силу самого своего положения, становится, с одной стороны, социалистом, с другой — экономистом, другими словами — он ослеплен великолепием крупной буржуазии и симпатизирует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа, и народ... Такой мелкий буржуа обожествляет противоречие, ибо в противоречии вся его сущность. Весь он — живое, действующее общественное противоречие. Он обязан обосновывать теорией то, чем он является на практике*»[402]

В 1840 г. появилась книга Прудона «Что такое собственность», доставившая ему громкую известность. Прудон подвергает резкой и всесторонней критике все аргументы, выдвигаемые в защиту собственности, и приходит к выводу: «***Собственность — это кража***». Защитники собственности приняли этот вывод за дерзкий вызов, брошенный всему обществу, и объявили Прудона опаснейшим революционером, что отнюдь не соответствовало действительности. Сам Прудон считал это положение величайшим открытием в истории. «*Подобные слова, — говорит он, — услышишь не каждые* ***тысячу лет****. Я не владею в этом мире ничем, кроме этого определения собственности, но оно в моих глазах более ценно, чем ротшильдовский миллион, и я осмеливаюсь утверждать, что это — самое значительное событие царствования Луи-Филиппа*». Однако уже в этой, политически наиболее заострённой работе Прудона выявляется половинчатая

---

[401] P.-J. Proudhon, Systéme des contradictions économiques, p. 247.

[402] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, с. 294.

позиция мелкобуржуазного критика капитализма. Он сам ставит себе в заслугу борьбу и против собственности, и против коммунизма; в первой он видит нарушение равенства, во втором — нарушение независимости.

«Синтез» равенства и независимости Прудон видит в свободе. «Третью форму общества, — говорит он, — синтез общности и собственности мы назовем свободой».

Этот «синтез» Прудон пытается теоретически обосновать в своей следующей книге, «Система экономических противоречий или философия нищеты», вышедшей в 1846 г. Мы ее рассмотрим дальше, при анализе работы Маркса «Нищета философии», полностью разгромившего всю концепцию Прудона. Здесь ограничимся кратким изложением прудоновской теории стоимости и денег как теоретической основы экономических воззрений Прудона и его реформаторства.

Исследованию «экономических противоречий» Прудон предпосылает анализ стоимости, которую он объявляет «краеугольным камнем» (pierre angulaire) всего экономического здания. Противоречия всех экономических категорий обусловлены противоречием стоимости, и решение антиномии стоимости является решением всех антиномий. Короче, как сущность социальной проблемы, так и решение ее Прудон видит в существе и решении проблемы стоимости.

Прудон упрекает экономистов в том, что они хотя и видят различие между потребительной стоимостью и меновой, но не видят противоречия, не видят, что потребительная стоимость и меновая друг друга предполагают и друг друга исключают. Открытие антиномии стоимости Прудон приписывает себе.

Потребительная стоимость, по Прудону, — это тезис, ***утверждение***, меновая стоимость — антитезис, ***отрицание***. Но первое порождает второе. «Каким образом?» —спрашивает Прудон.

Ответ его сводится к следующему: 1) потребности человека превышают то, что он может найти в природе в готовом виде; 2) это заставляет приняться за производство, восполнить «пробелы», допущенные природой; 3) но это не под силу отдельному индивиду: никто не в состоянии производить всё, что ему нужно; 4) потому один индивид предлагает другим — «своим сотрудникам, работающим в различных отраслях труда», — уступить ему часть производимых ими продуктов в обмен на продукты, которые он сам производит. Так возникли из потребностей — из нужды в потребительных стоимостях — обмен и меновая стоимость.

Стоимость, по Прудону, «раздваивается» на потребительную стоимость и меновую; первая — это тезис, вторая — антитезис. Синтезом является

конституированная, или синтетическая, стоимость. Получается следующая фигура:

<table>
<tr><td rowspan="2">Стоимость</td><td>Потребительная стоимость</td><td rowspan="2">Синтетическая стоимость</td></tr>
<tr><td>Меновая стоимость</td></tr>
</table>

Но в чем заключается этот синтез, это примирение противоречий?

Прудон сравнивает общественное богатство с химическими соединениями. Подобно тому как химические элементы только в определенной пропорции вступают в соединение друг с другом, образуя новое тело, так и общественное богатство базируется на пропорциональности своих составных элементов. Если пропорциональность нарушена, если количество, скажем, произведённой ткани превышает то количество её, которое необходимо, согласно требованиям пропорциональности, то излишек ткани не входит в общественное богатство.

Объединяет отдельные элементы богатства в слитное целое **обмен**. А включившись в состав общественного богатства, они становятся конституированными стоимостями.

«*Внутреннее движение, — пишет Прудон, — посредством которого совершается соединение и которое обусловлено химическим сродством различных элементов, это движение в обществе есть обмен, сливающий все стоимости, произведенные отдельными отраслями промышленности, в единое и тождественное социальное богатство. Пропорция, в которой каждый элемент входит в состав целого, есть стоимость; всякий избыток, остающийся после соединения, есть не-стоимость, так как он не входит в соединение не захватывается обменом*»[403].

Обмен совершает своего рода отбор: одни элементы богатства им «захватываются» и становятся стоимостью, другие им «отталкиваются» и превращаются в «нестоимость». Но «санкционированная» обменом стоимость уже не есть ни потребительная стоимость, ни меновая, происходит взаимное проникновение этих противоположностей, образующее конституированную, или синтетическую, стоимость. Последнюю Прудон наделяет еще одним эпитетом: ***пропорциональная***, так как она выражает пропорцию, устанавливаемую обменом.

[403] P.-J. Proudhon, Systéme des contradictions économiques, p. 247.

Прудон причисляет себя к сторонникам теории трудовой стоимости и считает, что стоимость создается только трудом, но при условии, если произведенная потребительная стоимость входит в состав богатства, т. е. если она оказалась нужной для общества. А это, как мы видим, решает, по Прудону, обмен. Отсюда Прудон делает вывод, что обмен имеет и хорошую сторону и плохую. Превращая товары в стоимость и тем самым включая их в состав общественного богатства, обмен проявляет свою хорошую сторону; обесценивая и делая бесполезными те товары, которые остаются за бортом общественного богатства, обмен уже проявляет свою плохую сторону. Отсюда задача: сохранить хорошую сторону обмена н уничтожить плохую его сторону. А это значит, что нужно обмен организовать так, чтобы все товары реализовались и тем самым превратились в стоимость.

Для осуществления этой задачи Прудон предлагает учредить народный, или обменный, банк на следующих условиях: 1) банк принимает все товары, какие ему доставляют; 2) определяет их стоимость и выдает удостоверение с обозначением последней; 3) на удостоверение владелец его может в том же банке купить любой из нужных ему товаров.

Такого рода проекты организации банка во времена Прудона уже не отличались новизной; их выдвигали, как мы видели, Грей и Брэй, которые также хотели все товары превратить в деньги, а существующие деньги сделать излишними. Критика «рабочих денег», данная выше, полностью применима и к теории Прудона.

По мысли Прудона, народный банк должен играть в отношении товаров такую роль, какую играет эмиссионный банк в отношении серебра или золота. Как последний взамен получаемого им металла выдает банкноты, так и народный банк будет выдавать взамен получаемых товаров удостоверения, которые явятся «рабочими деньгами». Но Прудон забыл одну «мелочь»: на серебро и золото есть неограниченный спрос, а потому эмиссионный банк может принять их в любом количестве; на товары такого спроса нет, и банк создать его не в состоянии.

Из этого затруднения Прудон пытался выйти при помощи вульгарной теории реализации Сэя, утверждавшего, что продукты покупаются на продукты, а потому общее перепроизводство невозможно. Эту теорию Прудон считает великой истиной, но он упрекает Сэя в непонимании того, что эта истина не может быть осуществлена из-за неорганизованности рынка. Только народный банк, организуя рынок, создает условия для безграничного обмена продуктов на продукты. Но Прудон не раскрыл секрета, каким образом народный банк, принимая все товары и превращая их в «деньги», организует рынок. Наоборот, именно благодаря принятию банком всех товаров рынок

полностью дезорганизуется, так как наряду с нужными товарами банк принимает ненужные и лишние товары.

Своей организацией народного банка Прудон хотел изменить и распределение — уничтожить все нетрудовые доходы. Раз все товары станут деньгами, существование особых денег станет излишним, и тем самым будет уничтожена сила, которая создаёт нетрудовые доходы за счет трудовых.

Корень зла, по Прудону, в деньгах, а они уничтожены будут лишь тогда, когда все товары станут деньгами, или, что одно и то же, когда товары будут продаваться по конституированной стоимости. Одна утопия сто́ит другой: с одной стороны, организованный обмен на базисе анархического производства, с другой — уничтожение власти денег и сохранение товарного производства и обращения, сохранение того, что создаёт деньги и придаёт им особую власть.

Власть капитала сведена Прудоном к власти денег. Владелец денег эксплуатирует тех, кто не имеет денег, в форме ссуды и взимания процента. Прудон рассматривает процент как основную форму эксплоатации труда капиталом, выводит прибыль пз процента: промышленный и торговый капиталисты делают надбавки к издержкам обращения в виде процента на авансированный капитал. Вследствие этого рабочие не в состоянии выкупить продукты своего труда. «Так как в торговле, — говорит Прудон, — процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену продукта, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. «Vivre en travaillant» («жить работая») — принцип, который при господстве процента содержит в себе противоречие».

Возникает вопрос, чем мог банк помочь рабочим. Ведь у них нет товаров, которые они могли бы сдавать банку. Рабочим, говорит Прудон, банк должен оказывать кредит (даровой) средствами производства и предметами потребления на время работы в счёт их будущей продукции. Это «открытие» Прудон, как показал Маркс, заимствовал у Брэя. Таким образом, народный банк должен стать не только товарной биржей, но и даровым кредитным учреждением. Как биржа банк устанавливает обмен по конституированной стоимости; как банковое кредитное учреждение он осуществляет право рабочих на полный продукт их труда. Реализация стала бы безграничной, а распределение превратилось бы из антагонистического в гармоническое: каждый получал бы столько, сколько производил.

Своим проектом народного банка Прудон сеял в рабочих массах иллюзии, отвлекая их от классовой борьбы. Прудон отвергал борьбу за повышение заработной платы, враждебно относился к забастовкам и боролся с ними не хуже буржуа.

Сжатое, но исчерпывающее резюме экономических воззрений Прудона дает Ленин. Он пишет: «*Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а очистить эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» её, сделать её всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона*»[404].

[404] В. И. Ленин, Соч., т. 27, с. 145.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ
КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Задача настоящего отдела заключается не в том, чтобы изложить учение Маркса и Энгельса: оно излагается в соответствующих курсах — политической экономии, диалектического и исторического материализма. Задача отдела иная. В главах об английских классиках и о великих социалистах-утопистах мы познакомились с достижениями передовой мысли человечества в области политической экономии и социализма. Теперь наша задача состоит в том, чтобы показать, как Маркс и Энгельс, переработав эти достижения и отталкиваясь от них, развили своё учение. Наша задача — не в систематическом изложении учения Маркса и Энгельса, а в том, чтобы наметить основные вехи, основные этапы в его развитии.

Каждая новая работа Маркса и Энгельса знаменовала собой новый этап в развитии их учения. Под этим углом зрения мы их здесь и будем рассматривать.

В «Капитале» Маркса это учение дано в наиболее развернутом и развитом виде. Этому гениальному труду мы посвятим особую главу.

Глава XVI
Развитие учения Маркса и Энгельса до «Капитала»

«*История философии и история социальной науки, — пишет Ленин, — показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего* ***в стороне*** *от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное* ***продолжение*** *учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма*»[405].

Маркс и Энгельс выработали цельную, монолитную, единственно научную теорию, отвечающую на вопрос о том, как свергнуть власть капитала, завоевать диктатуру пролетариата и построить коммунистическое общество. «*Главное в учении Маркса, — говорит Ленин, — это — выяснение всемирно-*

[405] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 349.

исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества»[406].

Выработке основ научного социализма Маркс и Энгельс посвятили всю свою творческую жизнь — вплоть до последних ее дней. Они никогда не смотрели на свое учение, как на догму, как на нечто законченное, раз навсегда данное. После их смерти теорию Маркса и Энгельса развивает Ленин, который поднял ее на новую ступень, применительно к новым условиям и новой обстановке. Революционную теорию Маркса, Энгельса, Ленина продолжает развивать товарищ Сталин.

Вопрос о коренном переустройстве общества поставлен был передовой мыслью человечества в лице великих социалистов-утопистов. Но «решен» он ими, как мы видели, утопически. Они всесторонне критиковали буржуазный строй, осудили его как строй неестественный, противоречащий человеческой природе и разуму; ими высказано много гениальных мыслей, они предвидели неизбежность гибели капитализма, но научно обосновать своё предвидение не могли. Развитие социализма от утопии к науке стало делом Маркса и Энгельса.

Говоря о трёх источниках марксизма, Ленин, как видно из приведенной цитаты, на первое место выдвигает немецкую классическую философию.

Ещё до того, как Маркс и Энгельс стали коммунистами, они уже работали над решением тех вопросов, которые передовая мысль человечества поставила в философии. Оба основоположника научного коммунизма критически проработали классическую немецкую философию, увенчанную системой Гегеля. Критическая их работа над немецкой философией уже положила начало марксизму, так как в процессе этой работы созданы были, как мы увидим, теоретические предпосылки для научного обоснования коммунизма.

Высшим приобретением немецкой классической философии Маркс и Энгельс считали диалектику, для которой «*...нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу*».

Приводя эту энгельсовскую характеристику диалектики, Ленин заключает: «*Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления*»[407].

---

[406] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 331.

[407] В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 11.

Но ***что*** развивается, восходя от низшего к высшему? Что находится в непрерывном движении?

Для метафизики, рассматривающей мир как совокупность «готовых, законченных предметов», такого вопроса нет, — этот вопрос поставлен был учением о диалектике; но ответ, данный на него немецкой классической философией, был идеалистический. «*Для Гегеля, — говорит Маркс, — процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление*»[408].

Маркс и Энгельс такой ответ отвергли. Им предстояло решить громадную, всемирно-исторической важности задачу, которую Маркс гораздо позже формулировал так: «*У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо её поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой*»[409]

Поставленную задачу Маркс и Энгельс блестяще разрешили. Они освободили диалектику от идеализма и доказали, что материя развивается и находится в непрерывном движении, «*...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней*»[410]. Поставив, таким образом, диалектику «на ноги», т. е. превратив её в диалектику материалистическую, Маркс и Энгельс тем самым ***по-новому*** решили основной вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к материи. Уже Фейербах поднял материализм XVIII в. на новую ступень, обогатив его достижениями немецкой классической философии. Но Фейербах не довел дело до конца, до полного разрыва с идеализмом. Только Маркс и Энгельс, взяв из материализма Фейербаха его «основное зерно», развили его в научно-философскую теорию материализма, ***в диалектический материализм.***

«*Диалектический материализм, — говорит товарищ Сталин, — есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих*

---

[408] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, послесловие ко 2-му изд. Цит. по «Краткому курсу истории ВКП(б)», с. 100.

[409] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. XXIII, послесловие ко 2-му изд.

[410] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, послесловие ко 2-му изд. Цит. по «Краткому курсу истории ВКП(б)», с. 100.

явлений является ***диалектическим****, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория —* ***материалистической***»[411].

Но встала ещё более сложная задача: возник вопрос о материалистическом истолковании и явлений общественно-исторических. Общий вопрос об отношении мышления к бытию принял форму вопроса об отношении ***общественного сознания к общественному бытию***. Для этого нужно было выяснить, что же является материальным в общественной жизни, в общественном бытии, каковы его особенности, каковы формы его движения, определяющие собой общественное сознание и его развитие.

Уже материалисты XVIII в. выдвинули тезис, что человек — продукт среды. Но как и в силу чего меняется среда и её продукт, человек? Отвечая на этот вопрос, материалисты сбивались, как мы видели (см. главу 13), на идеализм и выставляли противоположный тезис: мнение правит миром. Распространение просвещения и развитие разума приводят к тому, что люди переделывают среду, т. е. своё общественное бытие. Ценным в этом учении было то, что оно апеллировало к активности, с особой силой подчеркивая, что история делается людьми. Но вопрос о том, в силу чего люди приходят к сознанию необходимости переделки среды, остался с точки зрения материализма открытым.

«*Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения* ***общественного*** *сознания из* ***общественного*** *бытия*»[412]

Новая задача не могла быть разрешена без изучения экономического строя общества — законов производства, распределения и обмена. Только таким путем могла быть вскрыта материальная основа общественной жизни, могли быть выделены ее материальный базис и идеологическая надстройка, только таким путем можно было завершить диалектический материализм историческим материализмом.

«*Исторический материализм, — по определению товарища Сталина, — есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического*

[411] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 535.

[412] В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 12.

материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества»[413].

Применяя положения диалектического материализма к явлениям общественной жизни, Маркс и Энгельс наиболее полно и всесторонне применяли их к явлениям жизни ***буржуазного*** общества. Еще в 1844 г. молодой Маркс, критикуя Фейербаха, формулировал следующий тезис: «*Философы лишь различным образом* ***объяснили*** *мир, но дело заключается в том, чтобы* ***изменить*** *его*». Тот мир, борьбе против которого Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь, был буржуазный мир. Неудивительно, что изучение последнего с целью его свергнуть стало в центре их научной и практической деятельности. Ответа на вопрос о возникновении, развитии и гибели буржуазного мира Маркс и Энгельс искали в политической экономии[414], рабочем и социалистическом движении.

Политическая экономия достигла, как мы видели, наибольшего развития в Англии в лице Адама Смита и особенно Давида Рикардо. Своими исследованиями экономисты-классики обнажили «физиологию» буржуазного общества, классовую структуру его, базирующуюся на определенном способе производства. Но ограниченные буржуазным кругозором и далекие от диалектического метода, классики, во-первых, не могли развить свободную от противоречий, подлинно научную теорию капиталистического способа производства и открыть закон его движения. Во-вторых, сделав объектом своих исследований только буржуазное производство, они в то же время рассматривали его как форму производства, естественную и отвечающую человеческой природе; докапиталистические формации рассматривались ими как неестественные, как продукт человеческого заблуждения и предрассудков.

Тем не менее английская классическая политическая экономия была в то время наивысшим достижением передовой мысли человечества в области исследований экономики буржуазного общества. И она наряду с немецкой классической философией стала источником марксизма. Немецкая философия и английская политическая экономия возникли и развились отдельно, независимо друг от друга; объекты их исследования были различны, как различны были и их задачи и целеустремленность. Маркс и Энгельс, гениально выделив научные элементы из немецкой философии, английской политической

---

[413] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 535.

[414] В предисловии к своей работе «К критике политической экономии» Маркс заявляет, что «*...анатомию гражданского общества (под которым понимается буржуазное общество. — Д. Р.) надо искать в политической экономии*» (с. 6).

экономии и французского социализма и коренным образом их переработав, создали новую философию — диалектический материализм, новую экономическую науку — марксистскую политическую экономию, создали научный социализм.

Марксистская философия и марксистская политическая экономия друг от друга неотделимы. Марксистская политическая экономия построена на основах и принципах марксистской философии, а марксистская философия получила свое дальнейшее развитие и завершение в марксистской политической экономии. Все экономические работы Маркса и Энгельса являются в то же время произведениями, расширяющими и углубляющими марксистское мировоззрение: ту или иную экономическую проблему они решают и как специальную проблему в данной области знания и как проблему философии марксизма в целом. Недаром на вопрос народника Михайловского, где развил Маркс материалистическое понимание истории, Ленин ответил: «*Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории?*»[415]

1. Маркс и Энгельс до их совместной работы

Семья и школа. Маркс и Энгельс — уроженцы Рейнской провинции, экономически наиболее развитой части Пруссии. Граничившая с Францией и долгое время находившаяся под её владычеством, Рейнская область принадлежала к тем областям Германии, где наиболее сильно было влияние революции и революционных идей Франции.

Маркс родился 5 мая 1818 г. в городе Трире, в культурной, интеллигентной семье. Его отец, юрисконсульт местного ландтага, был широко образованным человеком и горячим поклонником просветителей XVIII в.

В 1835 г. Маркс окончил гимназию и в том же году поступил в университет. О взглядах юного Маркса отчасти можно судить по работе, написанной им на выпускном экзамене, на тему «Размышление юноши при выборе профессии». В этой работе мы читаем: «*...**главным руководителем**, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное **совершенствование**. Не надо думать, что оба эти интереса могут враждебно выступать друг против друга, что один должен уничтожить другой; природа человека устроена так, что он может достичь своего усовершенствования, только работая для **совершенства**,*

[415] В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 63.

для блага своих современников». И дальше: «Опыт считает самым счастливым того, кто сделал счастливыми наибольшее число людей...»[416].

Характерно стремление юного Маркса сделать счастливыми наибольшее число людей и его утверждение, что достичь своего совершенства можно, «только работая для совершенства, для блага своих современников». Здесь чувствуется влияние просветителей XVIII в., которые учили, что правильно понятые интересы индивида совпадают с интересами всего общества и что, работая на пользу общества, индивид работает и на себя.

Маркс поступил в университет в небольшом немецком городе Бонне, откуда через год перевелся в Берлинский университет; там он пробыл 5 лет — с 1836 по 1841 г. По настоянию отца, Маркс поступил на юридический факультет, но изучал он, главным образом, историю и философию. В философии безраздельно господствовала тогда система Гегеля, последователи которого делились на старогегельянцев и младогегельянцев. Первые были консерваторы; они смотрели на учение Гегеля, как на законченную систему, открывшую миру абсолютную истину, и использовали её в своих реакционных целях. Младогегельянцы были левыми радикалами, «*...которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы*»[417].

Маркс, примкнув к левым гегельянцам, стал членом «докторского клуба», где собирались и устраивали свои заседания младогегельянцы, вступил в тесную дружбу с наиболее видными из них — Бруно Бауэром и др. По окончании университета Маркс написал диссертацию в духе левого гегельянства. «Различие между натур-философией Демокрита и натур-философией Эпикура», за которую он получил ученую степень доктора философии.

Маркс намеревался напечатать диссертацию и написал к ней предисловие, ярко характеризующее его воззрения и настроения к концу берлинского периода.

Важно отметить, что Маркс уже тогда высоко ценил лишь ту философию, которая активно воздействует на жизнь, которая борется против мракобесия и религии. В своем предисловии он излагает прекрасную легенду античного мира о Прометее и Гермесе. Легенда рисует Прометея борцом за человеческое благо. Прометей похитил божественный огонь с неба, отдал его людям и научил их пользоваться огнем. За это Зевс приковал Прометея к скале. Та же легенда, в противовес Прометею, создала образ Гермеса, который всячески старается

---

[416] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 406–407.

[417] В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 5.

услужить своему господину Зевсу. Маркс цитирует греческого трагика Эсхила, приводя диалог между Прометеем и Гермесом. Прометей говорит Гермесу:

«*Знай хорошо, что я б не променял*
Своих скорбей на рабское служенье.
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса».

И Маркс восклицает: «*Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре*»[418]

В родной семье Маркс не испытывал религиозного гнёта, но в Германии, особенно в Пруссии, этот гнёт сильно давал себя чувствовать. Реакционные-официальные круги смотрели на философию ещё по-средневековому, т. е. как на служанку теологии. Насаждалась реакционная романтика, долженствовавшая предохранить от «вредного» влияния французского просветительства. Реакционной романтикой насыщена была и экономическая литература. При таких условиях борьба против религии была борьбой против реакционной идеологии в целом. Недаром несколько позже Маркс заявил, что всякая критика должна начаться с критики религии; ему же принадлежит классический тезис: религия — опиум для народа.

Младогегельянцы вели усиленную и довольно успешную борьбу против религии, и Маркс принимал в ней активнейшее участие.

* * *

В иной обстановке вырос Энгельс. Он родился 28 ноября 1820 г. в городе Бармене, в религиозной до фанатизма семье богатого хлопчатобумажного фабриканта. Отец Энгельса хотел сделать из своего сына хорошего фабриканта и религиозного человека. На этой почве Энгельсу ещё в юные годы пришлось выдержать большую борьбу с отцом и ближайшими родственниками.

Энгельсу даже не дали окончить гимназию: за год до её окончания отец взял его к себе в контору. В 1838 г. будущий соратник Маркса поступил на службу в экспортную контору одного из бременских друзей отца. Энгельс усиленно занимался самообразованием, его любимым занятием были литература и философия. Философия Гегеля, представлявшая собой, по выражению Герцена, ***алгебру революции***, покоряла в ту пору все передовые умы, покорен был ею и Энгельс. Он стал левым гегельянцем.

---

[418] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 12.

Работу в экспортной конторе прервала военная служба. Как сын фабриканта Энгельс поступил вольноопределяющимся в прусскую армию, а службу отбывал в Берлине. Он тесно связался с берлинской группой младогегельянцев и вскоре стал одним из ее лидеров.

Первые работы Маркса и Энгельса. Первые литературно-публицистические работы Маркса и Энгельса относятся к тому времени, когда они ещё не были коммунистами, но мысль их уже развивалась в сторону коммунизма.

На литературном поприще Энгельс выступил раньше Маркса. Особенно интересны его «Письма из Вупперталя» (В Вуппертале находится родной город Энгельса Бармен, отделенный мостом через реку Вуппер от другого города — Эльберфельда, где расположены были фабрики, описываемые Энгельсом) (начало 1839 г.). Внимание Энгельса приковано к тяжелому фабричному труду рабочих этой местности. «*Свежая, здоровая народная жизнь, — читаем мы в первом из названных писем, — как она существует почти везде в Германии, здесь (в Эльберфельде на Рейне. — Д. Р.) совсем не чувствуется... Причины этого явления совершенно ясны.* ***Прежде всего, этому очень много способствует фабричный труд****. Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше углекислоты и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев начиная уже с шестилетнего возраста, — как-будто предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности*»[419].

В «Письмах из Вупперталя», как и в других работах раннего периода своей литературно-политической деятельности, Энгельс ещё выступает как революционный демократ и борец против религиозного мракобесия, поэтизма и мистицизма. Его внимание уже привлекают материальные условия жизни людей, он делает попытки этими условиями объяснить мистицизм и пьянство. «*Одиночки-ткачи, — пишет будущий теоретик исторического материализма, — сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и сушат себе спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство*»[420].

Свои статьи и корреспонденции Энгельс печатал в передовых журналах того времени. В 1842 г. появилась анонимная философская работа Энгельса под названием «Шеллинг и откровение». Философ Шеллинг был приглашен прусским правительством в Берлинский университет. По замыслу романтической реакции он должен был опровергнуть Гегеля. Гегель подрывал веру в «откровение» тем, что старался согласовать религию с разумом.

---

[419] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 5, выделение моё — Д. Р.

[420] Там же.

Шеллинг должен был восстановить веру в «откровение». Прослушав лекцию Шеллинга, Энгельс написал свою брошюру, где подвергает резкой критике Шеллинга и защищает Гегеля. Брошюра написана в младогегельянском духе.

В том же 1842 г. Энгельс переезжает в Англию, в Манчестер — центр английской текстильной промышленности, — на службу в контору текстильного предприятия, одним из компаньонов которого был его отец. Здесь он имеет возможность ознакомиться с торгово-промышленной жизнью такой передовой, капиталистически развитой страны, как Англия.

В Германии капитализм ещё не успел вылупиться из феодальной шелухи, и старомодные рейнские фабриканты жили ещё в полупатриархальных отношениях. Совершенно иная картина предстала перед Энгельсом в Англии: он увидел капитализм в настоящем его виде, познакомился с широко развитым рабочим движением, вступил в близкие отношения с оуэнистами и чартистами, стал сотрудничать в их органах печати, изучал политическую экономию.

Энгельс находился ещё под сильным влиянием утопистов, но уже поднялся выше оуэнистов и чартистов, так как основательно прошел школу немецкой классической философии и прекрасно овладел диалектическим методом. Ему предстояло еще преодолеть «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики», что он и осуществил совместно с Марксом. Но прочное начало научному коммунизму Энгельс положил еще в Англии, в своей работе «Очерки критики политической экономии» и особенно в классическом труде «Положение рабочего класса в Англии».

Эти произведения мы рассмотрим отдельно; пока остановимся вкратце на первых работах Маркса.

Окончив университет и получив ученую степень доктора философии, Маркс намеревался стать профессором и на академическом поприще повести борьбу против реакции и романтики. Но скоро он отказался от этого намерения. Прусское реакционное правительство душило свободную мысль; так, близкий друг Маркса Бруно Бауэр был лишён кафедры за свои труды против христианства. Маркс понял, что ему нечего думать о профессорской, академической деятельности; он решил взяться за публицистику и совместно с Бруно Бауэром издавать журнал. Этот план не осуществился, однако от публицистической деятельности Маркс не отказался. В тот период он написал замечательную статью, которая была его дебютом на арене журналистики. Статья названа «Заметка о новейшей прусской цензурной инструкции». Выступал в защиту свободы печати, Маркс объявил бой реакции, попиравшей насущные интересы граждан. То, что сказано Марксом в защиту свободы печати, является наилучшим из всего написанного до того по этому вопросу; но написана статья ещё в духе левого гегельянства. Свободу печати Маркс

защищает как свободное проявление человеческого духа, который в каждом индивиде принимает особые формы.

Статья, как и предвидел Маркс, не была принята легальной немецкой печатью. Посылая свою статью, Маркс писал: «*Скорее всего моя статья о цензуре будет зарезана цензурой*». И действительно, лишь в 1843 г. она была опубликована за границей.

Вскоре Маркс был привлечен к работе в начавшей выходить в Кельне «Рейнской газете» (1 января 1842 г.). Это была газета радикально-буржуазная, издавало её акционерное общество, но редакция была в руках младогегельянцев, привлекших к работе и Маркса. После первых своих статей Маркс был привлечен и к редактированию газеты, а в октябре 1842 г. он стал её редактором.

Маркс поместил в «Рейнской газете» ряд замечательных статей, в основном посвященных рейнскому ландтагу. Ландтаг (нечто вроде нашего дореволюционного губернского земства) имел право обсуждать местные дела и находился под контролем правительства; ландтаг был сословным учреждением, в котором интересы дворянства преобладали. Ландтаг мирился с контролем правительства, но не допускал контроля со стороны общественного мнения и своих протоколов не печатал. В 1842 г. он всё же стал их печатать, правда, в урезанном виде. В связи с этим Маркс написал целый ряд статей: одна серия их была посвящена дебатам в ландтаге о свободе печати, другая — дебатам о краже леса.

В первой серии Маркс опять выступает в защиту свободы печати, но ставит вопрос уже по-иному. Будущий теоретик классовой борьбы дает замечательный анализ того, как понимают свободу печати разные сословия: сословие княжеское, дворянское и городское. Князья и дворяне допускали свободу печати для себя и в своем узком кругу, горожане защищали свободу печати, как свободу промысла. Резко критикуя представителей высших сословий, Маркс не согласен и с защитой свободы печати представителями городского сословия. Их подход таков: существует свобода ремесла, свобода профессий, почему не быть и свободе печати?! Маркс с особой силой подчеркивает: печать — не ремесло, ремесленный подход здесь неуместен, и иронически замечает: хотя и бывают случаи, когда философы вынуждены для заработка заниматься сапожным делом, как это было со средневековым философом Бемом, но плохо, когда философ — только сапожник. Печать никоим образом не следует сводить к ремеслу. Писатель должен иметь заработок, но писать только для заработка — недопустимо. Маркс всю свою жизнь оставался верен высоким требованиям, которые он предъявлял к писателю ещё в начале своей публицистической деятельности.

Следующая серия статей, как сказано, посвящена дебатам по вопросу о краже леса. В то время Германия в значительной мере переживала эпоху первоначального накопления, которое Маркс впоследствии классически описал в 1-томе «Капитала» на примере Англии. В Германии первоначальное накопление выражалось и в захвате помещиками леса, лугов и вообще всех угодий, бывших раньше в общественном пользовании. Помещики лишили крестьян возможности пользоваться лесом, крестьяне реагировали на это «кражей» леса. Согласно данным, приведенным Мерингом, ещё в 1836 г. из 205 тысяч уголовных дел 150 тысяч были связаны с кражей леса. Ландтаг боролся с этими «кражами» драконовыми мерами.

Маркс выступает, конечно, на стороне преследуемых крестьян. Это — первое высказывание Маркса по экономическим вопросам: вопрос шёл о том, насколько лес может считаться частной собственностью помещиков. Но вопрос о краже леса Маркс трактует ещё в правовом разрезе: поскольку крестьяне в течение долгих веков пользовались лесом, на их стороне обычное право, которое сильнее права писаного, оформленного законом.

«Рейнской газете» пришлось реагировать и на вопрос о социализме. Младогегельянцы, посылавшие в «Рейнскую газету» свои корреспонденции из Берлина, часто затрагивали — совершенно поверхностно, дилетантски — вопросы социализма и коммунизма, т. е. те вопросы, которые так волновали передовые умы по ту сторону Рейна. Вспоминая это, Маркс пишет: «*С другой стороны, в это время, когда благое желание «итти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Рейнской Газете» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с «Всеобщей Аугсбургской Газетой» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отваживаться на какое-либо самостоятельное суждение о содержании французских направлений*»[421].

Ещё не будучи коммунистом, Маркс требовал от тех, кто пишет о социализме и коммунизме, чтобы они писали со ***знанием дела***, не ограничиваясь громкими бессодержательными фразами.

«Рейнская газета» зарекомендовала себя как наиболее серьезный по содержанию и радикальный по направлению периодический орган печати. Одной из её важнейших особенностей было то, что отдельные, на первый взгляд сугубо частные вопросы освещались ею с общефилософской точки зрения. Как газета в целом, так и статьи Маркса в частности были проводниками передовых идей немецкой классической философии в повседневной прессе. С первых

[421] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 5.

шагов своей публицистической деятельности Маркс теснейшим образом увязал злободневные вопросы с общими. Он рассматривал злободневные вопросы как часть общих, точнее, как их конкретное проявление. Это вызывало резкую критику со стороны консервативных и либеральных органов печати, требовавших, чтобы философы не вмешивались в повседневную жизнь. Маркс в ряде передовиц разоблачает эту премудрость буржуазных органов печати и доказывает право философии быть верховным судьей в решении частных и даже наиболее обыденных вопросов злобы дня[422]. Более того, философия, лишившись такого права, теряет всякий смысл. Уже в своих статьях в «Рейнской газете» Маркс проводит мысль, которую несколько позже сформулировал в знаменитом тезисе, что философия призвана не только изучать действительность, но и переделать ее.

«Рейнской газетой» остались недовольны и левогегельянцы. Если правые критики требовали изгнания философии из периодической печати, то критика «левых» фактически сводилась к замене конкретного исследования, «знания дела», общими разговорами со «слабой философской окраской».

«Рейнская газета» не могла долго просуществовать в реакционной Германии того времени, так как подкапывалась под её основы. Охранительная печать сигнализировала опасность, и власть имущие приняли соответствующие меры предосторожности: «Рейнскую газету» поставили под двойную и тройную цензуру, а когда это не помогло, её закрыли.

В середине марта 1843 г. «Рейнская газета» прекратила своё существование.

По уходу из «Рейнской газеты» (Маркс вынужден был уйти ещё до формального её закрытия) Маркс переехал во Францию, тогдашнюю родину социалистического движения. Критическая работа над философией Гегеля, работа в «Рейнской газете», непосредственное соприкосновение с так называемыми «материальными интересами» — все это подготовило Маркса к тому, чтобы увязать передовую мысль немецкой философии с передовой мыслью Французского социализма. Совместно с младогегельянцем Арнольдом Руге (1802—1880) Маркс задумал издавать журнал с участием представителей передовой мысли Германии и Франции.

В середине октября 1843 г. Маркс оставил Германию и переехал в Париж. Начался парижский период в жизни и деятельности Маркса.

«Немецко-французские ежегодники». Задуманный Марксом журнал назван был «Немецко-французские ежегодники». В этом журнале

---

[422] Особенно см. статью под названием «Передовица» в №179 Кельнской газеты, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 189–200.

участвовал и Энгельс, поместивший в нем свои «Очерки критики политической экономии».

Рассмотрим прежде всего статьи Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение». Обе статьи, несмотря на различную их тематику, друг друга дополняют, знаменуя собой определенный этап в развитии молодого Маркса. Статьи написаны уже Марксом — социалистом и материалистом; но мы находимся еще у истоков марксизма, при закладывании фундамента великого здания научного коммунизма. В отличие от «надклассового» утопического социализма Маркс провозгласил, что носителем социализма является пролетариат. Но требовалась еще гигантская работа, чтобы экономически обосновать новое понимание социализма; сделать это можно было лишь на основе анализа капиталистического способа производства.

Увязывая еврейский вопрос с общим вопросом, с вопросом об основе гражданского общества, Маркс дает замечательную характеристику последнего, хотя в то время он еще не приступил к детальному исследованию буржуазного способа производства.

В гражданском обществе каждый индивид преследует только свои интересы и, следовательно, постоянно сталкивается с интересами других индивидов. В гражданском обществе главной и основной силой являются деньги. Тут же дана замечательная характеристика денег: «***Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги***». И дальше: «*Деньги унижают всех богов человека и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая в себе самой конституировавшаяся стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир, человеческий мир, как и природу, их своеобразной стоимости. Деньги — это отчужденное от человека существо его труда и его бытия; и это чуждое существо повелевает им, а он молится на него*»[423].

В этой характеристике денег уже подчеркнут ряд моментов, которые войдут в марксово учение о деньгах, как о бытии стоимости и форме стоимостей всех товаров; тут также дано начало учения о товарном фетишизме, пока в виде денежного фетишизма.

Маркс различает гражданское общество как экономическое объединение людей и государство как их политическое объединение. Гражданское общество нуждается в государстве, являющемся его двойником. При существующих в гражданском обществе общественных отношениях каждый индивид раздвоен, и это раздвоение находит свое выражение в раздвоении всего коллектива на гражданское общество и государство. Как частное лицо со своими частными

[423] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 382.

интересами индивид — член гражданского общества; как часть коллектива он — член государства.

Соответственно этому Маркс различает революцию политическую и общечеловеческую, под которой понимает социалистическую революцию. Политическая революция (таковой он считал революцию во Франции) выразилась в раздвоении на гражданское общество и государство (в средние века этого раздвоения единого коллектива не было). Общечеловеческая революция уничтожит это раздвоение.

Эти мысли Маркс развивает в статье «К критике гегелевской философии права». Отбрасывая гегелевскую идеалистическую трактовку права, Маркс здесь уже трактует его материалистически, но исторического материализма еще не развивает, хотя неуклонно к нему двигается. Рассматривая в связи с этой критикой перспективу революции в Германии, Маркс полагал тогда, что Германия совершит общечеловеческую революцию, минуя политическую. Политическая революция совершается средним классом, который осуществляет в этой революции свои цели, подчинив общество своим интересам. В Германии нот такого крупного среднего класса, который мог бы совершить политическую революцию. Общечеловеческую же революцию совершит тот класс, у которого нет особых интересов в отличие от всего общества, тот класс, интересы которого совпадают с интересами всего человечества.

Этот класс — ***пролетариат***. Рассматривая пролетариат в качестве единственного носителя общечеловеческой революции, Маркс указывает, что пролетариату не придется приспосабливать общество к своим особым интересам, потому что его интересы совпадают с интересами всего человечества; они сводятся к уничтожению частной собственности. Пролетариат в отличие от бедняков, существовавших и в средние века, создан самим промышленным развитием, он есть продукт крупной промышленности.

Какая же роль отводится философии в подготовке грядущей революции? Философия должна стать революционной теорией, которую пролетариат претворяет в жизнь. «*Оружие критики не может, конечно, — говорит Маркс, — заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами*»[424]. И дальше: «*Подобно тому как философия находит в пролетариате свое* ***материальное*** *оружие, так и пролетариат находит в философии свое* ***духовное*** *оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту*

[424] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 392.

наивную народную почву, свершится и эмансипация ***немцев в людей...*** ***Голова*** *этой эмансипации —* ***философия****, ее* ***сердце — пролетариат***»[425].

Маркс повернул философию, созданную передовыми мыслителями буржуазии, против самой буржуазии в интересах пролетариата, в интересах общечеловеческой эмансипации, в интересах общечеловеческой революции. Значительная часть пути от идеализма Гегеля через материализм Фейербаха к историческому материализму Марксом в эту пору уже пройдена. В рассматриваемый период Маркс также основательно изучает политическую экономию, сыгравшую немаловажную роль в выработке основ исторического материализма. Мы уже знаем заявление Маркса, что «анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии». Без вскрытия этой «анатомии» исторический материализм не мог быть завершен. С другой стороны, разрабатывая основы исторического материализма, Маркс тем самым создавал теоретические предпосылки для коренной переработки политической экономии.

* * *

В «Немецко-французских ежегодниках» Энгельс поместил свои «Очерки критики политической экономии». Энгельс раньше Маркса начал изучать политическую экономию и столь глубоко овладел этой наукой, что его «Очерки» Маркс назвал «гениальными набросками». В них дана классовая характеристика политической экономии, детальная критика отдельных ее представителей, предвосхищен ряд идей, ставших центральными в марксистской политической экономии.

Критикуя Мальтуса, Энгельс пишет: «*Если бы Мальтус не смотрел на вопрос так односторонне, он должен был бы увидеть, что избыточное население или рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велики производительные силы вообще*»[426].

Здесь уже дан зародыш «всеобщего закона капиталистического накопления», формулированного Марксом в I томе «Капитала» и выражающего наиболее характерные особенности капитализма и тенденции его развития. Энгельс отмечает также, что конкуренция ведет к концентрации и централизации, следовательно, он подходит и к другой стороне этого закона.

---

[425] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, с. 392.

[426] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 314.

Далее, он раскрывает взаимообусловленность конкуренции и монополий, т. е. формулирует тезис, который вошел в золотой фонд марксизма-ленинизма. Он пишет: «*Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; коротко говоря, конкуренция переходит в монополию». Но, «с другой стороны, монополия не может остановить поток конкуренции; мало того, она сама порождает конкуренцию...*»[427].

Исходя из взаимообусловленности монополии и конкуренции, Энгельс дает замечательную характеристику как меркантилистов, так и их антиподов, сторонников свободы торговли: первые не понимали неизбежности конкуренции, вторые — неизбежности монополии. Более того, Энгельс обвиняет экономистов, особенно либеральных, в умышленном замалчивании главной и решающей монополии — частной собственности. Политическую экономию Энгельс называет «наукой обогащения» и доказывает, что она возникла и развилась вместе с возникновением и развитием частной собственности, конкуренции и торговли. Энгельс издевается над экономистами, твердящими о «богатстве народов», — такого богатства в буржуазном обществе нет, а есть богатство одних, обусловливающее бедность других. Классовая природа политической экономии сказывается, по Энгельсу, и в том, что она приняла учение Мальтуса за откровение, между тем как Мальтус и его сторонники игнорируют развитие науки и техники и их роль в развитии производительных сил общества. Необходимо, в связи с этим, отметить большую научную заслугу молодого Энгельса, указавшего на то, как капитал подчиняет себе науку, технику и великие изобретения.

Наконец, нельзя пройти мимо оценки Энгельсом промышленных кризисов. Он в них видит: 1) необходимых и неизбежных спутников капитализма, 2) важнейшие факторы концентрации и централизации, 3) наиболее глубокое проявление неустойчивости и преходящего характера капиталистической системы. Все эти положения сам Энгельс классически развивает в своих позднейших работах, особенно в «Анти-Дюринге».

Все же на «Очерках» лежит еще печать утопического социализма. Так, Энгельс пишет:

«*Вечное колебание цен, создаваемое условиями конкуренции, окончательно отнимает у торговли последние следы нравственности. О стоимости нет больше и речи.*

Та самая система, которая, казалось, придает такое значение стоимости, которая признает за абстракцией стоимости честь особого существования, «в форме денег, — эта самая система разрушает путем

[427] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 308.

конкуренции всякую внутреннюю стоимость и изменяет ежедневно и ежечасно отношение стоимостей всех вещей друг к другу»[428].

Социалисты того времени видели противоречие между стоимостью и рыночной ценой: первое, мол, — выражение справедливости, вторая — её нарушение. Энгельс в последующих своих работах критикует социалистов за непонимание того, что колебание рыночных цен происходит именно по закону стоимости. Но в «Очерках» он сам еще считает, что отклонение цен от стоимости является ее нарушением. Однако, трактуя еще категорию стоимости, как и другие категории политической экономии, в духе утопического социализма, Энгельс в то же время подчеркивает их исторический характер, указывая, что они предполагают частную собственность и конкуренцию.

Влияние социалистов-утопистов на Энгельса сказывается и в том, что Энгельс, как и социалисты-утописты, обвиняет экономистов в безнравственности и не проводит еще грани между классической и вульгарной экономией, считая ее безнравственной и враждебной трудящимся. Но в то же время Энгельс с большой проницательностью первый указал на тенденцию развития буржуазной политической экономии. «*Чем больше, — говорит он, — приближаются экономисты к современности, тем дальше удаляются они от честности*»[429].

Действительно, с развитием капитализма и обострением его противоречий буржуазная политическая экономия становилась все более вульгарной и апологетичной.

Почти одновременно с «Очерками» Энгельс написал и свою классическую работу «Положение рабочего класса в Англии». Но мы рассмотрим ее позже, так как Энгельс отредактировал и подготовил ее к печати уже после того, как началось сотрудничество его с Марксом. Энгельс, конечно, сообщил Марксу о тех выводах, к которым он пришел в своем исследовании, и обмен мнений по этим вопросам не мог не отразиться на окончательной редакции «Положения рабочего класса».

2. Работы Маркса и Энгельса до революции 1848 г.

К концу лета 1844 г. Энгельс оставил Манчестер и вернулся в Германию. Проездом он остановился (28 августа) в Париже, где встретился с Марксом. Они встретились однажды и раньше, в редакции «Рейнской газеты», накануне отъезда Энгельса в Англию. Но та встреча была, мимолетной и даже не совсем

[428] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, с. 310.

[429] Там же, с. 295.

дружелюбной. Энгельс был тогда на стороне берлинских младогегельянцев, критиковавших Маркса и умеренный тон «Рейнской газеты». Встреча в Париже была совсем иной.

Впоследствии в статье «К истории союза коммунистов» Энгельс писал: «Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа»[430].

«***Святое семейство***». Убедившись, что между ними царит «полное согласие во всех теоретических областях», Маркс и Энгельс решили совместно выпустить книгу и нанести сокрушительный удар своим прежним друзьям, братьям Бауэр, оставшимся на прежних позициях младогегельянства. После фейербаховской «Сущности христианства» и особенно после появления статей Маркса в «Немецко-французских ежегодниках» младогегельянство потеряло свое значение как направление, критически истолковавшее систему Гегеля. Попытки младогегельянцев отстоять свое существование тормозили дальнейшее развитие передовой философской и научной мысли.

Книга эта названа была «Критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и Ко.». Затем прибавили еще один заголовок — «Святое семейство»[431]. Задачу книги авторы ее формулируют так: «*Опаснейшим врагом* ***реального гуманизма*** *в Германии является* ***спиритуализм****, или* ***спекулятивный идеализм****, который на место* ***действительного индивидуального человека*** *ставит «****самосознание****», или же «****дух****», и вместе с евангелистом учит: «Дух животворящ, плоть же — немощна». Само собою разумеется, что этот бесплотный дух одарен умом лишь в своем воображении. То, с чем мы боремся в бауэровской критике, есть именно карикатурно воспроизводящее себя* ***спекулятивное мышление***»[432].

Бауэры объявили, что творцами истории являются «критические личности», а масса, толпа, рассматривалась ими как нечто инертное, неподвижное, мешающее «критическим личностям» творить историю. Это было вызовом, брошенным Марксу, провозгласившему, как мы видели, что именно пролетариат есть та сила, которая совершит социалистический переворот, и что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». «*Господа Бауэры, — пишет Ленин, — свысока судили о*

---

[430] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. 1, с. 214.

[431] На последнем заголовке настоял издатель по рекламным соображениям и даже поставил его впереди. Окончательно название книги получилось следующее: «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и Ко».

[432] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 23.

пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества»[433].

«Святое семейство» — новый этап в развитии марксизма. В полемике против Бауэров Маркс и Энгельс развивают диалектический и исторический материализм; идеалистической теории познания и методологии противопоставляется материалистическая. В частности, в противовес идеалистическому пониманию абстракции Маркс[434] выдвигает материалистическое понимание ее. Всякое понятие есть абстракция: в нем выражены наиболее общие черты однородных явлений и фактов. Но каково отношение понятия к последним? Для идеалистов понятие есть субстанция явлений, в которых оно якобы воплощено. Для материалиста реальным является существующий мир, и в понятиях может быть только то, что существует в самой реальной действительности.

Отсюда различие в методе исследования, в том числе и экономических явлений. С точки зрения идеализма исходным пунктом исследования будет понятие, т. е. исследователь должен, так сказать, двигаться от понятий к конкретной действительности. Согласно же материализму мы должны итти иным путем, мы должны начать с изучения конкретной действительности, всесторонне исследовать ее, вскрыть связи между отдельными явлениями и делать обобщения.

В «Святом семействе» исторический материализм еще не ***развернут***, но ядро его уже дано. По адресу «критической критики» Маркс пишет: «Или она думает, что действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например; индустрии этого периода, непосредственного способа производства самой жизни?»[435]. Дальше Маркс указывает, что критика ничего не может понять, раз она видит «*...основную причину исторического развития не в грубо-**материальном** производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на небе*»[436].

Состояние производства, индустрии, — вот что характеризует, по Марксу, исторический период; индустрия названа непосредственным способом

---

[433] В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 419–420.

[434] «Святое семейство» в основном написано Марксом: из 20 печатных листов Энгельсу принадлежат всего 1,5–2 печатных листа.

[435] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 180.

[436] Там же.

производства самой жизни, следовательно, она и является основой истории как закономерно развивающегося процесса. И Маркс требует от исследователей, чтобы основную причину исторического развития они искали в «грубо-***материальном*** производстве».

В «Святом семействе» получила дальнейшее развитие мысль, высказанная Марксом в предыдущих статьях (в «Немецко-французских ежегодниках»), о раздвоении индивида в гражданском обществе. Это раздвоение теперь рассматривается как обусловленное товарным производством. Товаропроизводитель — одновременно и ***частный*** производитель, так как он преследует свои собственные интересы, и ***общественный*** производитель, так как он производит для общества. Отсюда уже недалеко до учения, которое Маркс развивает в книге «К критике политической экономии» и «Капитале», учения о том, что труд в буржуазном обществе одновременно является и частным, и общественным.

В «Святом семействе» Маркс уже выступает как критик буржуазной политической экономии, защищающей частную собственность как основу всякого общества. Буржуазным экономистам Маркс противопоставляет Прудона, который в своей книге «Что такое собственность» подверг собственность резкой критике, называя ее кражей.

Маркс не солидаризовался с Прудоном и уже тогда подверг его критике, указав, что в основном Прудон еще не освободился от буржуазных влияний. Шаг вперед со стороны Прудона Маркс видел лишь в том, что он пошел по пути критики той основы, на которой базируется вся буржуазная экономия. Маркс питал, невидимому, надежду, что на этом пути автор книги «Что такое собственность» окончательно порвет с буржуазной идеологией и станет пролетарским революционером. Но Прудон этой надежды не оправдал.

В заключение отметим, что в «Святом семействе» ведется непримиримая борьба против всякого рода схематизма и пустых абстракций. Прочно укрепившись на позиции диалектического и исторического материализма, утверждающего, что нет абстрактных истин — истина всегда конкретна, — Маркс и Энгельс с острым сарказмом высмеивают жрецов абстрактных истин. В этом отношении особенно интересны страницы в «Святом семействе», написанные Энгельсом против Фаухера, одного из единомышленников Бауэров, поместившего в их журнале «Общелитературная газета» очерк о рабочем движении в Англии. Энгельс разоблачает Фаухера, показывая, что очерк написан не на основе предварительно изученных фактов, а на основе надуманной концепции, в соответствии с требованием «критической личности». Издеваясь над «критической критикой» Бауэров и Ко, Энгельс пишет: «*В действительности* ***машина*** *заменяет* ***ручную работу****, в критике же —*

мышление... *В действительности* ***фабричная работа*** *чрезвычайно* ***утомительна*** *и вызывает своеобразные болезни (есть даже специальные медицинские исследования этих болезней); в критике же «чрезмерное напряжение не может препятствовать работе, ибо силу поставляет машина». В действительности машина есть машина; в критике же машина обладает* ***волей...***»[437].

Эти страницы не потеряли своей актуальности и поныне. Припомним историческое постановление ЦК партии и Совнаркома о преподавании истории, бичующее голые, абстрактные концепции. Марксизм — злейший враг схематизма. Этого не поняли оппортунисты из II Интернационала и другие враги марксизма, пытающиеся самый марксизм превратить в схему, в формулы, выхолащивающие революционное содержание научного коммунизма. Ленинизм, восстановивший и развивший учение Маркса и Энгельса, беспощадно борется и против опошляющего это учение схематизма.

«***Положение рабочего класса в Англии***». Мы уже отметили, что «Положение рабочего класса в Англии» написано было Энгельсом еще в Англии. Книга вышла из печати в 1845 г. Одновременно Энгельс усиленно занимался агитацией и пропагандой коммунизма в Германии. Он подробно описывает свою деятельность в своих первых письмах Марксу. Эти письма положили начало знаменитой переписке Маркса и Энгельса, представляющей громадный научный и практический интерес.

По своему фактическому содержанию и по форме изложения «Положение рабочего класса в Англии» и «Святое семейство» значительно отличаются друг от друга, но круг идеи, составляющий их живую душу, у них один и тот же. Работая над разнообразным фактическим материалом, оба основоположника научного коммунизма приходят к одним и тем же выводам. «Святое семейство», в основном написанное Марксом, но при активном участии Энгельса, и «Положение рабочего класса в Англии», написанное Энгельсом, но подготовленное к печати после встречи с Марксом, — обе эти работы являются результатом того, к чему они пришли независимо друг от друга.

Гораздо позже, в предисловии к английскому переводу «Манифеста коммунистической партии», Энгельс пишет: «*Еще до 1845 г. мы оба (он и Маркс. — Д. Р.) в течение ряда лет постепенно подбирались к этой мысли (основной идее Коммунистического манифеста. — Д. Р.)*». В какой мере я самостоятельно шел вперед в этом управлении, видно из моего «Положения рабочего класса в Англии». Еще в своих статьях в «Немецко-французских ежегодниках», Маркс, как мы видели, пришел к решающему для научного

[437] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 29–30.

коммунизма выводу, что носителем социализма является пролетариат; к этому же выводу пришел и Энгельс, на основе изучения социалистического и рабочего движения в Англии. Задачу своей книги Энгельс видел в обосновании научного коммунизма. В предисловии к ней он пишет: «*С одной стороны, чтобы обосновать социалистические теории, с другой — чтобы дать твердую почву суждениям в праве этих теорий на существование и чтобы положить конец всем мечтаниям и фантазиям pro и contra, изучение положения пролетариата является неизбежной необходимостью*»[438].

Энгельс по-новому освещает промышленный переворот в Англии (ему принадлежит термин «промышленный переворот»). Этот переворот буржуазные экономисты превозносили до небес, всячески воспевая его как абсолютный прогресс; мелкобуржуазные экономисты — Сисмонди и другие, — как мы видели, проклинали его, видя в нем только разорение широких трудящихся масс. Энгельс же рассматривает промышленный переворот диалектически, как единство противоположностей. Промышленный переворот, с одной стороны, значительно продвинул вперед развитие производительных сил буржуазного общества и, следовательно, укрепил позиции буржуазии; с другой стороны, создав современный пролетариат, промышленный переворот создал и могильщика буржуазии.

Энгельс по-новому характеризовал положение и роль рабочего класса. «*И до Энгельса, — пишет Ленин, — очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс* ***первый*** *сказал, что пролетариат* ***не только*** *страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находятся пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат* ***сам поможет себе.*** *Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью* ***политической*** *борьбы рабочего* ***класса****... Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые*»[439].

Энгельс не только осуждает капитализм, как это делали утописты, но и вскрывает силу, призванную его уничтожить; эта сила — пролетариат. Энгельс рассматривает социализм как выражение интересов рабочего класса.

---

[438] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 298.

[439] В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 412.

«Положение рабочего класса в Англии» — книга классическая и со стороны фактического содержания. Маркс пишет: «*как поразительно обрисовал он (Энгельс. — Д. Р.) детали положения рабочего класса, показывает самое поверхностное сравнение его работы с официальными отчетами... появившимися на 18–20 лет позже*»[440].

Работа Энгельса — образец соединения объективности с партийностью. Наиболее полно излагая наблюдаемые им факты, «доходя до деталей», Энгельс в то же время рассматривает их с точки зрения пролетариата как борца за коммунизм. Именно с этой точки зрения на основе огромного фактического материала исследуется промышленное развитие Англии от начала промышленного переворота до 40-х годов XIX в. Энгельс дает подробное описание промышленных кризисов за это время в Англии и вскрывает их истинный смысл и значение.

Энгельс также подробнейшим образом описывает промышленную резервную армию в разных ее формах, предвосхищая в известной мере знаменитую классификацию форм избыточного населения, данную в 1 томе «Капитала». Энгельс вскрывает теснейшую связь между кризисами и избыточным населением: с одной стороны, кризисы усиливают избыточное население, а с другой — без последнего промышленные циклы были бы невозможны.

Небольшой промежуток времени отделяет «Положение рабочего класса в Англии» от «Очерков критики политической экономии»; с точки зрения идейного содержания «Положение» является прямым продолжением «Очерков». Но в «Очерках», как уже отмечалось, еще сильно чувствуется влияние утопического социализма: в «Положении» этого влияния нет. «Очерки» — «гениальные на броски»; «Положение» — классический труд по научному коммунизму. Ознакомившись с обширным фактическим материалом и применив к его изучению диалектический метод, Энгельс гигантски продвинулся вперед и поднял на новую ступень развитие социализма от утопии к науке.

От «Святого семейства» к «Немецкой идеологии». Примерно два года отделяют «Немецкую идеологию» от «Святого семейства» и около года — от «Положения рабочего класса в Англии». Остановимся вкратце на важнейших моментах в жизни и деятельности Маркса и Энгельса за этот период.

Близилась революция 1848 г. Реакция принимала меры предосторожности. Революционная деятельность Маркса в Париже, очаге

---

[440] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 170.

революционного движения, была, конечно, не по душе прусскому правительству. Эта деятельность была в первую очередь направлена против реакции в Германии и надежного оплота реакции — прусского юнкерства. Особенно сильное раздражение вызвала в прусских правительственных сферах статья Маркса «Критическое примечание к статье «Король прусский и социальная реформа».

В этой статье Маркс полемизирует с Руге и вскрывает истинный смысл восстания силезских ткачей (1844). Руге не придавал восстанию никакого значения. Оно, по его мнению, не имело политической души, так как силезские ткачи выдвигали лишь экономические требования.

Маркс смотрел на дело иначе и по-иному осветил требования силезских ткачей. Буржуазия борется за политическую власть, ибо экономически она сильна, поэтому ее революция всегда носит политический характер. Пролетариат же, будучи лишен человеческих условий существования, должен начать с борьбы против экономического гнета, обусловленного режимом частной собственности. Силезское восстание Маркс высоко ценил особенно за то, что в нем проявилась сущность пролетариата.

«*Силезское восстание, — пишет Маркс, — **начинается**, как раз тем, чем французские и английские восстания **кончаются**, — сознанием сущности пролетариата. Даже все его акты носят этот **характер обдуманности**. Уничтожаются не только машины, эти соперники рабочих, но и **торговые книги**, эти вывески собственности, и, между тем как все те движения направлены были главным образом против **хозяев промышленных заведений**, против видимого врага, это движение направлено и против банкиров, против скрытого врага*»[441].

Прусское правительство все время добивалось высылки Маркса из Франции. 11 января 1846 г. французское правительство постановило выслать Маркса из пределов Франции; он вынужден был оставить Париж и переехал в Брюссель.

Начался брюссельский период в жизни и деятельности Маркса и Энгельса.

В Брюссель приехал и Энгельс. С одной стороны, семейные нелады — отец Энгельса никак не мог примириться с тем, что его сын идет по «неправильному» пути, — с другой стороны, то обстоятельство, что коммунистическая агитация Энгельса обратила на него внимание власть имущих и ему грозила серьезная опасность, — все это заставило Энгельса покинуть Германию.

---

[441] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с, 15.

Закончив «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс наметил обширный план литературной деятельности. Он говорил, что, пока не наступило время работать кулаками, надо интенсивно работать пером. Энгельс намеревался вместе со своим старым другом Гессом издавать журнал под названием «Зеркало общества» и задумал библиотеку из произведений Фурье, Сен-Симона и сен-симонистов, Оуэна и др. Между прочим, тот же план возник одновременно и у Маркса. Энгельс собирался также работать над многотомным трудом «Социальная история Англии».

Среди общественных наук, которыми Маркс усиленно занимался, первое место заняла политическая экономия. Начало изучения Марксом политической экономии относится к концу 1843 г. Насколько Маркс продвинулся вперед в деле изучения политической экономии, видно из того, что уже в январе 1846 г. он заключил договор с одним немецким издателем на издание работы под названием «Критика политики и политической экономии» (Эта работа в разных документах фигурирует под разными названиями: то «Критика политики и политической экономии», то «Обзор принципов политики и политической экономии», то «Политическая экономия», наконец, «История политической экономии». Эту работу можно рассматривать как эмбрион будущего «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости»).

С первых месяцев своего пребывания в Брюсселе Маркс стал усиленно работать над этой книгой. Вначале процесс работы затянулся: к тому времени вышло полное собрание сочинений физиократов, и Маркс не считал возможным выпустить свою работу без серьезного ознакомления с новым изданием физиократов. Для успешной работы над «Критикой политики и политической экономии» Маркс также считал необходимым побывать в Англии, на родине классической политической экономии. В июле 1843 г. Маркс и Энгельс вместе уехали в Англию на 6 недель. Здесь Маркс усиленно изучает труды английских экономистов в подлиннике (в Париж он изучал их во французском переводе). По возвращении из Англии он намеревался закончить книгу; но закончена она не была, и не по вине Маркса Издатель отказался ее издавать. Сперва он придрался к тому, что книга не сдана в срок, а затем открыл карты, указав, что имя Маркса сильно скомпрометировано в Германии, и потому книга не может быть издана.

Одновременно с научной и публицистической деятельностью Маркс и Энгельс развернули огромную организационную работу по собиранию и объединению революционных сил и созданию международной коммунистической партии. Работа по созданию единой коммунистической партии требовала дальнейшей разработки и уточнения коммунистической теории. Это осуществлено Марксом и Энгельсом в целой серии работ,

относящихся к этому периоду. Первой из этих работ была «Немецкая идеология», написанная Марксом и Энгельсом совместно.

«Немецкая идеология». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подвергают критике материализм Фейербаха, которому они противопоставляют уже последовательно развернутый исторический материализм.

Маркс и Энгельс с самого начала относились к Фейербаху критически, вместе с тем Фейербах оказал на них значительное влияние. Оно еще сильно чувствуется в «Святом семействе», в котором спекулятивному идеализму Бауэров противопоставляется реальный гуманизм Фейербаха. В «Немецкой идеологии» ограниченность последнего полностью преодолена, и ему противопоставляется исторический материализм.

«*Благодаря тому, — читаем в «Немецкой идеологии», — что Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует только еще как* ***фраза****, перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии? Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которому не только не* ***свойственно отсутствие предпосылок****, но которое эмпирически руководствуется как раз действительными материальными предпосылками как таковыми и потому есть* ***действительно*** *критическое воззрение на мир*»[442].

Маркс и Энгельс согласны с Фейербахом, что абстракция не может быть исходным пунктом истории человечества, но им не может быть и фейербаховский человек, который изображается как существо чувствующее и страдающее. В сущности, и такой человек — лишь абстракция; реален человек, производящий в обществе. Именно потому, что человек является живым существом, именно потому, что человек, по словам Маркса, «имеет телесную организацию», является телом, он связан с внешней природой и должен воздействовать на нее, заставляя ее кормить себя. Он должен производить, притом не в одиночку, а в обществе, которое до сих пор разделено было на классы.

Анализируя ход развития производства, Маркс и Энгельс выделяют античный, феодальный и буржуазный способы производства. Они останавливаются также на роли и значении идеологии. «*В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот*

[442] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 215.

класс, который представляет собой господствующую ***материальную*** *силу общества, есть в то же время и его господствующая* ***духовная*** *сила*»[443].

Замечательно формулировали Маркс и Энгельс роль революции, неизбежной при переходе от одного способа производства к другому: «*...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть* ***господствующий*** *класс, но и потому, что* ***свергающий*** *класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество*»[444].

Таким образом, не может быть и речи о поисках других путей построения нового общества: революционный путь является единственным.

В «Немецкой идеологии» впервые дано материалистическое понимание форм собственности. «*Различные ступени в развитии разделения труда суть вместе с тем и различные формы собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и взаимоотношения индивидов в связи с материалом, орудием и продуктом труда*»[445].

Что касается буржуазной собственности, то она «*...проходит ряд различных ступеней... прежде чем превратиться в современный, порожденный крупной промышленностью и всеобщей конкуренцией капитал, в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость коллективности и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности*»[446].

Решающей особенностью буржуазной собственности является то, что «*...на одной стороне находятся действительные частные собственники, а на другой — лишенные собственности коммунистические пролетарии. Эта противоположность обостряется с каждым днем и непреодолимо ведет к кризису*»[447].

Уже на первых этапах своего развития марксизму пришлось вступить в борьбу с анархизмом, который, рядясь в философский костюм, выдавал себя за последнее слово немецкой философии. Младогегельянец Макс Штирнер (1800—1850) в своей нашумевшей книге «Единственный и его собственность» (1845) развивает концепцию, противоположную фейербаховской. Он не приемлет ни гегелевского идеализма, ни фейербаховского реального гуманизма; и тот и другой — вредные фикции, дурачащие людей. Штирнер

---

[443] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 36.

[444] Там же, с. 60.

[445] Там же, с. 12.

[446] Там же, с. 52.

[447] Там же, с. 463.

особенно обрушивается на Фейербаха за проповедь альтруизма и любви. По Штирнеру, человек — эгоист, который признает и должен признавать только себя. Единственно реальное в мире — это эгоизм.

Значительная часть «Немецкой идеологии» посвящена критике Макса Штирнера. Маркс и Энгельс разоблачили «святого Макса» (так иронически называют они Штирнера), вскрыв классовую природу штирнеровской «теории». Его «единственный» — это мелкий буржуа, сдавленный со всех сторон и желающий вырваться на свободу, но остаться мелким буржуа. Штирнеровский индивид не признает никаких общественных связей, кроме меновых: его идеал — свободный союз эгоистов, базирующийся на обмене. Но тот, кто признает обмен, признает, доказали Маркс и Энгельс, разделение труда и товарное производство и находится в отношениях, соответственных этой форме производства. Следовательно, реальным является не индивид вообще, а индивид, производящий в обществе.

Штирнер нападает на коммунизм за то, что, уничтожая частную собственность, коммунизм якобы уничтожает и индивидуальность. Маркс и Энгельс разоблачают этот буржуазный софизм: «индивидуальность» буржуа неотделима от частной собственности, уничтожение последней равносильно уничтожению его как буржуа. Пролетариат же, наоборот, лишь с уничтожением эксплоатирующей его частной собственности приобретает свою подлинную индивидуальность.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс объявили непримиримую борьбу немецкому «истинному социализму». «Истинные социалисты» перевели французский социализм на немецкий философский язык, подменив его конкретное содержание голыми абстракциями. Французские социалисты резко критиковали буржуазное общество, выявляя его коренные пороки, указывали на господство анархии и безудержную власть конкуренции, ведущую к разорению трудящихся, к кризисам и ухудшению положения рабочих. Они выступали с различными утопическими проектами организации труда.

У немецких «истинных социалистов» все это покрыто философским туманом. Речь якобы идет о борьбе двух начал — начала всеобщности и начала частного; отдельные индивидуумы представляют, мол, идею частного, или отдельного, а коллектив — идею всеобщности. Таким образом, вместо живой, реальной борьбы получалась борьба идей. Маркс и Энгельс справедливо усмотрели в этом выхолащивание конкретного содержания социализма.

Более того, «истинный социализм» превращался в Германии в орудие контрреволюции. В ту эпоху во Франции и в Англии буржуазия уже достигла власти; социализм в этих странах являлся тогда не чем иным, как теоретическим выражением борьбы против господства буржуазии. В Германии

же буржуазия к власти еще не пришла. В 40-е годы немецкая буржуазия только начинала оперяться. Правда, она действовала менее энергично, чем в свое время французская и английская буржуазия, но все-таки представляла собой значительную оппозицию прусскому юнкерскому и всему полуфеодальному, полукрепостническому режиму. Представители истинного социализма, не считаясь с конкретными условиями Германии, вели борьбу только против буржуазии, а в Германии такая односторонняя борьба означала поддержку юнкерства.

Маркс и Энгельс считали, что «истинный социализм» льет воду на мельницу реакции.

«Нищета философии». «Нищета философии» — первая из опубликованных больших экономических работ Маркса (как мы знаем, задуманная Марксом «История политики и политической экономии» не была издана; лекции по политической экономии, читанные Марксом в Брюсселе, были опубликованы лишь в 1849 г.; мы рассмотрим их ниже.). Рассмотренные нами до сих пор работы Маркса носят преимущественно общефилософский характер, в них выковывалась марксистская философия и общая научная методология; в «Нищете философии» они применяются к исследованию экономических явлений. И в прежних работах рассматривались экономические проблемы, то рассматривались, главным образом, в разрезе исторического материализма; «Нищета философии» знаменует собой начало новой, марксистской, эпохи в самой политической экономии. Ее предмет, метод, категории выступают в новом свете.

«Нищета философии» — решающий этап в развитии марксистской политической экономии. Уже здесь Маркс совершает переворот в политической экономии, но этот переворот окончательно (завершится лишь в «Капитале».

«Нищета философии» непосредственно направлена против прудоновской «Философии нищеты» и носит резко полемический характер. Это диктовалось необходимостью борьбы против Прудона и прудонизма, которые отвлекали рабочих от революционной борьбы и тем самым тормозили создание единой коммунистической партии пролетариата.

Энгельс, приехавший в Париж для работы среди немецких рабочих-эмигрантов, сообщал, что он на каждом шагу наталкивается на противодействие со стороны прудонистов и сторонников истинного социализма», который Прудон всячески поддерживал.

А в «Философии нищеты» Прудон подвел «теоретическую базу» под свою мелкобуржуазную концепцию, своим острием направленную против коммунизма. Концепция Прудона, пытавшегося объединить политическую экономию с немецкой философией и излагавшего и ту, и другую, изложена нами

в предыдущей главе, теперь рассмотрим, как, критикуя ее, Маркс совершает переворот политической экономии. Разгромив концепцию Прудона, Маркс не только вскрыл истинный смысл немецкой классической философии и английской классической политической экономии, но и показал, как они могут быть использованы для превращения социализма из утопии в науку.

«Нищета философии» состоит всего из двух глав: 1) «Научное открытие» и 2) «Метафизика политической экономии». В первой главе Маркс показывает, что «научное открытие» Прудона есть не что иное, как искажение того, что действительно открыто было настоящими экономистами до Прудона.

Рикардовскую теорию стоимости Прудон превратил из буржуазной теории в якобы революционную, которая, будучи претворена в жизнь, уничтожит дурные стороны капитализма. Маркс доказал, что рикардовская теория стоимости уже претворена в жизнь, что она формулирует лишь то, на чём базируется экономическая система буржуазии.

Разоблачая мнимое «открытие» Прудона, Маркс делает ***действительное открытие***, вскрывая истинный смысл рикардовской теории стоимости. Как известно, сам Рикардо полагал, что своей теорией стоимости он формулирует естественный и вечный закон, соответствующий человеческой природе. Маркс открыл, что этот закон есть лишь закон общества товаропроизводителей, что труд создаёт стоимость лишь при товарном производстве; закон стоимости исчезнет вместе с исчезновением товарных отношений.

Хотя в «Нищете философии» Маркс ещё не развивает ***своей*** теории стоимости, но, открыв, что стоимость — категория товарного производства, он тем самым заложил основу, на которой впоследствии развернул подлинно научную теорию стоимости. В самом деле, если стоимость — категория историческая и присуща только товарному производству, то и труд, создающий стоимость, — такая же историческая категория. Но труд — условие существования всякого общества; чем же объяснить, что он создаёт стоимость только при товарном производстве? Очевидно, что при товарном производстве труд приобретает ***новое качество***. Каково же это качество, или какова специфика труда, заключённого в товарах?

В «Нищете философии» эта проблема ещё не разрешена[448], но уже заложена основа для её разрешения. Хотя Маркс как будто солидаризуется с Рикардо, противопоставляя его теорию стоимости прудоновской теории, но в

[448] Маркс указывает, что учение о двояком характере заключающегося в товарах труда он впервые развил в своей книге «К критике политической экономии» (см. К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 6).

трактовке Маркса теория трудовой стоимости, как сказано, приобретает иной смысл и строится на новой основе. Следовательно, это уже не совсем рикардова теория, а в значительной мере марксова; она ещё не завершена, но дальнейшее развитие её новой основы приведёт к её завершению.

То же и в отношении других проблем. Прудон утверждал, что деньги уже имеют конституированную стоимость (см. главу 14); возражая ему, Маркс этой «теории» противопоставляет рикардовскую теорию денег[449]. Не вскрыв ещё двоякого характера заключённого в товарах труда, Маркс не вскрыл и специфики денег как всеобщего товара и бытия стоимости. Но и понимание денег у Маркса уже иное, чем у Рикардо: для последнего деньги, как и товар, — категории естественные, для Маркса они — категории исторические.

Прудон уверял, что труд не может быть товаром, так как не имеет стоимости, и приходил к такому выводу: «*Стоимость труда есть фигуральное выражение... Труд производит, капитал стоит. Опуская средние термины, говорят о стоимости труда...*». Приведя эту цитату, Маркс пишет: «*В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, и все современное общество, основанное на труде-товаре, опирается отныне лишь на поэтическую вольность, на фигуральное выражение*»[450].

Маркс дает отпор Прудону, который отделывается от «труда-товара, этой ужасной действительности», пустой фразой. Но вместе с тем в «Нищете философии», как и в других работах этого периода, Маркс ***формально*** стоит еще на позиции Рикардо по вопросу о продаже труда, т. е. он еще полагает, что рабочий продает свой труд. Приводя соответствующую цитату из работы Рикардо, Маркс пишет: «*Резюмируем: труд, будучи сам по себе товаром, измеряется в качестве такового количеством того труда, который необходим для производства труда-товара. А что нужно для производства труда-товара? Для этого нужно именно то рабочее время, которое затрачивается на производство предметов, необходимых для непрерывного поддержания труда, т. е. для доставления работнику возможности жить и воспроизводить свою расу. Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы*»[451].

---

[449] В рассматриваемый период Маркс ещё не отверг рикардовской количественной теории денег.

[450] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, с. 321.

[451] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, с. 316. В сноске к цитированному месту Энгельс указывает ещё и на то, что и он и Маркс в то время считали, что заработная плата определяется стоимостью минимума средств существования и что это положение позаимствовал у них Лассаль; впоследствии Маркс в «Капитале» исправил это положение.

Открытие того, что рабочий продает рабочую силу, а не труд, сделано Марксом позже. К этому вопросу мы еще вернемся при разборе книги «Наемный труд и капитал». Пока что подчеркнем, что и в трактовке данного вопроса Марксом, с одной стороны, и Рикардо — с другой, имеется принципиальное различие. Для Рикардо труд — такой же товар, как и всякий другой; Маркс же в товаре-труде увидел «ужасную действительность», т. е. действительность буржуазную. Другими словами, в товаре-труде Маркс увидел то, что характеризует капиталистический способ производства.

На данном этапе развития экономического учения Маркса отношение Маркса к Рикардо напоминает отношение его к Фейербаху в предыдущий период, до «Немецкой идеологии». Как в области философии, отталкиваясь от Фейербаха и внося все новые и новые моменты в его философское учение, Маркс развил диалектический и исторический материализм, принципиально отличный от фейербаховского гуманизма, так и в политической экономии, отталкиваясь от Рикардо, Маркс развивает свою теорию, принципиально отличную от рикардовской. В «Нищете философии» мы уже видим оно новое, но оно еще не развернуто, еще остается в рамках теории классиков, особенно Рикардо.

Ценным и новым является и учение Маркса о разделении труда. Высмеивая прудоновское идеалистическое понимание разделения труда, Маркс противопоставляет ему материалистическое понимание: разделение труда Маркс рассматривает как определенную ступень в развитии производительных сил общества, где уровень разделения труда соответствует уровню последних.

Припомним, что Адам Смит выводил разделение труда из склонности людей к обмену. Другие экономисты, которых повторяет Прудон, утверждали, что разделение труда возникло вследствие того, что отдельный человек не в состоянии удовлетворить всех своих потребностей собственным трудом и в силу этого сотрудничает с другими людьми. Отвергая этот тезис, Маркс развивает свое учение о единстве производства и потребления и примате производства; в последующих работах Маркса это учение получает дальнейшее развитие. Маркс доказывает, что сами потребности развиваются вместе с развитием производства и что определенный уровень потребностей предполагает определенный уровень производства; потребности хотя и воздействуют на производство, но не могут быть движущей силой его развития.

Во второй главе — «Метафизика политической экономии» — Маркс наносит сокрушительный удар методу Прудона в целом и формулирует важнейшие положения методологии ***новой***, марксистской, политической экономии. Хотя мысль о том, что экономические категории выражают идеи, обретающиеся в разуме, была исключительно прудоновским изобретением, с

которым экономисты, особенно классики, ничего общего не имели, однако и у классиков не было ясного представления об экономических категориях. Во-первых, они их восприняли как нечто раз навсегда данное, чуждое развитию. Во-вторых, они нередко смешивали отношения вещей с отношениями людей; поэтому экономические категории у них выражают то — отношения вещей, то — отношения людей, хотя в основном они исследовали общественные отношения людей. Наконец, в-третьих, они не исследовали природы изучаемых ими отношений, их связи с производством. Маркс первый открыл — и это уже полностью формулировано в «Нищете философии», — что экономические категории определенной экономической формации выражают ***производственные отношения*** данной формации и исчезают с исчезновением последней.

«*Экономические категории, — пишет Маркс, — представляют собою лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства*»[452]. И общий вывод гласит: «*Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собою* ***исторические и преходящие продукты***»[453].

Рассматривая экономические категории как исторические, Маркс превратил политическую экономию из науки надисторической в науку историческую, конкретно изучающую определённый способ производства и соответствующие ему производственные отношения. В первую очередь политическая экономия должна изучать капиталистический способ производства и открыть экономический закон его движения. В «Нищете философии» этот закон ещё не открыт, но уже сформулированы его теоретические предпосылки.

Прудон «открыл» в каждой экономической категории, которую он назвал экономическим противоречием, дурную и хорошую сторону; он ставил себе задачу отсечь дурную сторону и сохранить хорошую (см. главу 15). ***Это было не чем иным, как замаскированной формой защиты буржуазных отношений, которые якобы нуждаются лишь в улучшениях и исправлениях.***

Маркс показал и доказал, что то, что Прудон называет дурной стороной, неотделимо от того, что им названо хорошей стороной; то и другое составляет единое целое, обусловленное капиталистическим способом производства. ***Прудоновскому реформизму Маркс противопоставляет***

---

[452] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, с. 364.

[453] Там же.

пролетарскую революцию, ставящую своей задачей не «исправление» буржуазного общества, а полное его уничтожение.

В «Нищете философии», непосредственно направленной против Прудона, Маркс выковал острое оружие для борьбы против реформизма и оппортунизма.

«Наёмный труд и капитал». «Нищета философии» вышла в свет в середине августа 1847 г., а осенью и зимой того же года Марке читал немецким рабочим в Брюсселе лекции, из которых сложилась книга «Наёмный труд и капитал». По форме и структуре эта работа значительно отличается от «Нищеты философии», но по содержанию она может рассматриваться как её продолжение. Важнейшие положения, впервые развитые Марксом в «Нищете философии» в полемической форме, изложены в «Наёмном труде и капитале» в позитивной форме и систематизированы; применяя метод, разработанный им в «Нищете философии», Маркс в своих лекциях освещает и ряд новых вопросов.

Впервые эти лекции напечатаны были в «Новой Рейнской газете». Революция 1848 г. дала Марксу и Энгельсу возможность вернуться в Германию. Они возобновили издание «Рейнской газеты» под названием «Новой Рейнской газеты». С 5 по 11 апреля 1849 г. в «Новой Рейнской газете» печаталась из номера в номер, в виде отдельных статей, работа «Наемный труд и капитал». Последняя из помещенных статей заканчивалась припиской: «Продолжение следует», но его не последовало; наступившая реакция прекратила существование «Новой Рейнской газеты».

Печатанию лекций в виде статей было предпослано введение, намечавшее план и характер печатаемой работы. «*В трех больших отделах, — сообщает редакция, — мы обрисуем: 1) отношение* ***наемного труда к капиталу****, рабство рабочего, господство капиталиста; 2)* ***неизбежный при современной системе процесс уничтожения средних буржуазных классов и так называемого крестьянского сословия; 3) торговое порабощение, и эксплуатацию буржуазных классов различных европейских наций*** *деспотом всемирного рынка — Англией*»[454].

Как видим, в работе намечались три раздела. Но полностью осуществить эту программу Марксу не удалось. Прежде всего совершенно отсутствует третий раздел, нет ничего о торговом порабощении европейских наций деспотом мирового рынка — Англией. Вопрос о средних слоях освещён, но бегло, совсем мало сказано о крестьянстве. По-видимому, все это предполагалось осветить в дальнейших статьях. Таким образом, все, что было напечатано и вошло в «Наёмный труд и капитал», сводится к освещению

[454] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 226.

первого пункта, т. е. отношения наёмного труда к капиталу, рабства рабочих, господства капиталистов.

Своё исследование Маркс начинает с вопроса: что такое заработная плата и чем она определяется? Ответ Маркса на эти вопросы тот же, что в «Нищете философии». Заработная плата есть цена определённого товара-труда. «*Следовательно, заработная плата определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара*»[455].

Мы уже отметили, что в товаре-труде Маркс, в отличие от Рикардо, увидел «ужасную действительность», и в своих лекциях он эту действительность всесторонне расшифровывает. Но труд, говорит Маркс, «*...это — собственная жизнедеятельность рабочего, проявление его собственной жизни. И эту-то* ***жизнедеятельность*** *он продает другому, чтобы обеспечить себе* ***необходимые средства*** *к жизни... его жизнедеятельность есть для него только средство, дающее ему возможность существовать. Он работает для того, чтобы жить. Он даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью. Труд — это товар, проданный им другому. Поэтому и продукт его деятельности не составляет цели его деятельности*»[456].

Маркс полемизирует с буржуазными экономистами, которые рассматривают заработную плату как долю рабочего в продукте труда; рабочие и капиталисты делят, мол, созданный продукт как участники одного предприятия, в которое рабочие вкладывают свой труд, а капиталисты — капитал. Эту «теорию» развивали и буржуазные рикардианцы, а Джемс Милль даже утверждал (см. главу 11), что капиталист кредитует рабочих, выплачивая им их долю в виде заработной платы до реализации товара. Маркс же доказывает, что согласно законам буржуазной экономики рабочий отчуждён от продукта своего труда; заработная плата берётся не из продукта, а из уже накопленного капитала, на который труд и покупается.

---

[455] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 230. Уже после смерти Маркса Энгельс издал «Наёмный труд и капитал» массовым тиражом для рабочего актива и внёс ряд поправок в соответствии с тем, как экономическое учение Маркса изложено в «Капитале». Например, вместо «продажа труда» Энгельс поставил: «продажа рабочей силы». (Все исправления Энгельсом оговорены в предисловии к названному изданию.) Но для исследования того, как развилось экономическое учение Маркса, мы берём лекции Маркса в том виде, в каком они были напечатаны в «Новой Рейнской газете». В таком виде они напечатаны и в томе 5 Сочинений Маркса и Энгельса. Цитаты же приведены по Избранным сочинениям, так как перевод здесь лучше, точнее.

[456] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 228.

Позиция классиков в данном вопросе была по меньшей мере колеблющейся: с одной стороны, они утверждали, что труд — товар, а заработная плата — цена этого товара; с другой стороны, они часто говорят о доле рабочего в продукте его труда. Маркс вносит в вопрос полную ясность: раз рабочий отчуждает свой труд, то тем самым он полностью отчуждается от продукта своего труда. Рабочий производит и вынужден производить не для себя, а для капиталиста, он свободен по отношению к отдельному капиталисту, но отнюдь не по отношению ко всему классу капиталистов. «*Он принадлежит не тому или другому капиталисту, а* ***классу капиталистов в целом****; и уж его дело — найти себе хозяина, т. е. подыскать покупателя, среди класса капиталистов*»[457].

Как в «Нищете философии», так и в своих лекциях Маркс не проводит ещё различия между трудом и рабочей силой; но и там и здесь под продажей труда он, как видим, понимает совсем не то, что его предшественники. Труд-товар он рассматривает как особую форму порабощения труда капиталом, специфическую для буржуазного общества. Труд, поясняет Маркс, стал товаром только в буржуазном обществе; при рабовладельческом строе и при феодализме труд товаром не был. А став товаром, труд продаётся по тому же закону, что и другие товары, т. е. по закону стоимости. Этим Маркс подчёркивает, что в буржуазном обществе жизнедеятельность якобы свободного рабочего приравнена к вещи, и её цена определяется как цена всякой продаваемой вещи.

Маркс излагает теорию трудовой стоимости, дающую ответ на вопрос: как определяется цена товаров. Мы уже указали на то новое, что Маркс вносит в теорию трудовой стоимости, противопоставляя её прудоновской «теории»; в «Наёмном труде и капитале» это новое Маркс развивает дальше. Рассматривая закон стоимости как закон именно буржуазного общества, Маркс считает его неотделимым от той формы, в которой он проявляется и может проявляться в буржуазном обществе. В отклонении рыночных цен от стоимости, в котором видели нарушение закона стоимости, Маркс видит единственную форму его проявления.

«*На самом же деле, — говорит Маркс, — только в ходе этих колебаний, — приносящих с собой, как выясняется при более близком рассмотрении, ужаснейшие опустошения и сотрясающих, подобно землетрясениям, самые устои буржуазного общества, — только в ходе этих колебаний цены и определяются издержками производства (под последними Маркс понимает стоимость, определяемую трудом. — Д. Р.). Совокупное движение этого*

[457] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 229.

беспорядка есть его порядок. В ходе этой промышленной анархии, в этом круговороте, конкуренция, так сказать, компенсирует одну крайность другою»[458].

Закон стоимости в отношении товара-труда проявляется так, как и в отношении других товаров: заработная плата колеблется вокруг стоимости труда, определяемой стоимостью средств существования. необходимых для поддержания труда (это Маркс развил уже в «Нищете философии»). Жизнь рабочего находится в полной зависимости от рыночных колебаний, от господствующей при капитализме анархии, словом, от стихийно действующего закона стоимости.

На основе закона стоимости производятся прибавочная стоимость и капитал. Маркс говорит, что стоимость, которую труд производит, больше того, что этот труд стоит капиталисту. Разница между стоимостью, создаваемой трудом, и стоимостью самого труда составляет прибыль капиталиста.

Энгельс вполне прав, разоблачая клевету, будто теорию прибавочной стоимости Маркс заимствовал у Родбертуса. Он пишет: «*Напротив, Маркс и без помощи Родбертуса уже тогда (в 40-е годы. — Д. Р.) очень хорошо знал не только откуда, но и как «происходит прибавочная стоимость капиталиста», что доказывают «Misère de la philosophie» («Нищета философии») 1847 г. и лекции о наемном труде и капитале, прочитанные в 1847 г. в Брюсселе...*»[459].

Действительно, когда Маркс писал «Нищету философии» и читал лекции о наёмном труде и капитале, он уже хорошо знал, откуда и как «происходит прибавочная стоимость»; она — результат эксплуатации труда капиталом. Тем не менее предстояла ещё огромная работа, которая была под силу только гению Маркса: полностью решить проблему прибавочной стоимости и заложить краеугольный камень всей марксистской политической экономии. В цитированном предисловии Энгельс, рассказывая историю теории прибавочной стоимости до Маркса, даёт исчерпывающую характеристику этой огромной работы, проделанной Марксом. «*Прежде всего необходимо было подвергнуть критике самую теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил,* ***какой*** *труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд* ***этого*** *рода... Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен*

[458] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 233.

[459] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XI, Предисловие Энгельса.

должны порождать противоположность товара и денег... Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которые разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом»[460].

Результатом этой гигантской работы Маркса являются «К критике политической экономии» и «Капитал»; они — прямое продолжение работ Маркса 40-х годов, но от указанных работ их отделяет долгий творческий путь. Многое будет ещё Марксом коренным образом переработано, и в первую очередь теория стоимости, теория денег, теория прибавочной стоимости. Но многое целиком войдёт в золотой фонд марксистской политической экономии; это относится прежде всего к определению капитала, данному в «Наёмном труде и капитале». Маркс полностью расходится со своими предшественниками и высмеивает их определение капитала. Он пишет:

«*Накопленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал.*

Так говорят экономисты.

Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится **капиталом**. *Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе не является* ***деньгами****, или сахар — ценой сахара*»[461].

Указывая далее, что общества античное, феодальное и буржуазное представляют собой «совокупности отношений производства». Маркс заявляет: «***Капитал*** *— тоже общественно-производственное отношение. Это —* ***буржуазное производственное отношение****, производственное отношение буржуазного общества*»[462]. Маркс формулирует и следующий тезис: «***...капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга...***»[463].

---

[460] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XVIII, Предисловие Энгельса.

[461] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 235–236.

[462] Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 236.

[463] Там же, с. 239.

Этим не исчерпывается учение Маркса о капитале, но общее определение капитала уже дано с исчерпывающей полнотой. С исчерпывающей полнотой дан в лекциях и анализ влияния накопления капитала на положение рабочего класса; исследовано его влияние и при неизменной производительности труда и при её повышении.

В первом случае накопление капитала вызывает спрос на труд, и заработная плата может повышаться. Но и тогда она относительно, по сравнению с прибылью, падает, так как прибыль повышается гораздо больше.

Рикардо видел противоположность между заработной платой и прибылью в том, что понижение первой вызывает повышение второй, и наоборот. Маркс исследовал эту противоположность гораздо глубже и всесторонне. Даже при одновременном повышении заработной платы и прибыли накопление все больше обостряет противоположность между рабочим и капиталистами. Прибыль растёт быстрее, класс капиталистов поднимается все выше по социальной лестнице, а рабочий класс соответственно опускается все ниже.

Во втором случае — накопления капитала при повышении производительности труда, — случае, типичном для капитализма, заработная плата понижается и абсолютно. Накопление капитала сопровождается образованием промышленной резервной армии; повышение производительности труда предполагает развитие техники, дающее возможность заменить квалифицированных рабочих неквалифицированными и взрослых мужчин женщинами и детьми.

Анализ влияния накопления капитала на положение рабочего класса настолько полон, что Маркс его целиком воспроизводит в 7-отделе 1-тома «Капитала», обогащая его большим конкретным материалом и результатами дальнейших исследований капиталистического способа производства.

«Манифест коммунистической партии». Успешная работа Маркса и Энгельса по собиранию и сплачиванию революционных сил пролетариата и созданию коммунистической партии вызывала ярость господствующих классов. В своём страхе и злобе они изображали коммунистов так, как «добрые христиане» изображают антихриста. И «Манифест коммунистической партии» начинается со следующих знаменательных слов: «*Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские*».

Отсюда авторы «Манифеста» делают два вывода:

«*Коммунизм признается уже силою всеми европейскими силами*».

«*Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии*»[464].

Мировоззрение коммунистической партии, сформулированное в «Манифесте», Маркс и Энгельс вырабатывали, как мы видели, в течение многих лет, используя достижения передовой мысли философии, социализма и политической экономии в борьбе не только с явными и тайными врагами, но и с колеблющимися элементами и всякого рода сектантами.

В предисловии к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» Энгельс объясняет, почему «Манифест» назван коммунистическим, а не социалистическим. В то время социалистами назывались, как говорит Энгельс, «*два разряда людей: 1) сторонники утопических систем — оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции, выродившиеся в то время в простых, постепенно вымиравших сектантов; 2) «...всевозможные социальные знахари, которые стремились с помощью различных всеисцеляющих средств и всякого рода заплат устранить общественные бедствия, не причиняя при этом ни малейшего вреда капиталу и прибыли*»[465]. Коммунистами называли себя те рабочие, которые убедились в недостаточности политических переворотов и требовали коренного переустройства общества. Этот коммунизм Энгельс характеризует так: «*Это был еще мало обработанный, лишь инстинктивный, во многом грубоватый коммунизм; но он был достаточно силен для того, чтобы создать две системы утопического коммунизма — «икарийский» коммунизм Кабэ во Франции и коммунизм Вейтлинга в Германии*»[466].

«*А так как мы, — продолжает Энгельс, — уже тогда весьма решительно придерживались мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то не могли ни минуты сомневаться, какое из двух названий выбрать*»[467].

Маркс и Энгельс отмежевывались и от Кабе, и от Вейтлинга, но не от революционных рабочих, которые за ними шли и которых они обучали, организовывали и воспитывали в духе нового мировоззрения - мировоззрения революционного пролетариата. Это мировоззрение не возникло и не могло возникнуть ***стихийно***, ***непосредственно*** из экономической борьбы рабочих: оно, как сказано, выработано было Марксом и Энгельсом при помощи

---

[464] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 138.

[465] Там же, с. 136.

[466] Там же.

[467] Там же.

передовой науки в разных областях знания и провозглашено в «Манифесте коммунистической партии».

С точки зрения развития марксистской теории, «Манифест» является завершением работ Маркса и Энгельса 40-х годов в области философии, истории, социализма и политической экономии. Но основоположники научного коммунизма никогда не останавливались на достигнутом. «Манифест» и поныне остался классическим трудом по марксизму-ленинизму, но вместе с тем он знаменует собой и определенный этап в развитии марксистской теории, исходный пункт последующих работ Маркса и Энгельса.

* * *

«Манифест коммунистической партии» состоит из четырех частей: I. Буржуа и пролетарии, II. Пролетарии и коммунисты, III. Социалистическая и коммунистическая литература, IV. Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям.

Прежде всего провозглашается знаменитый тезис: «*История всего предшествующего общества есть история борьбы классов*». Этот тезис — прямой вывод из исторического материализма, разработанного Марксом и Энгельсом в их прежних трудах, но в такой чеканной и обобщенной формулировке он является новым вкладом в марксистско-ленинскую науку, бросая яркий свет на уже пройденный человечеством путь[468] и на путь, который еще предстоит ему пройти до полной победы социализма во всем мире. Это путь непримиримой классовой борьбы, ведущей к диктатуре пролетариата и построению социализма.

Расшифровывая указанный тезис, авторы «Манифеста» совершенно по-новому освещают историю общества античного, феодального и буржуазного. Впервые в «Манифесте» дана марксистская история буржуазии и пролетариата. В последующих работах Маркса и Энгельса история эта будет исследована полнее; каждый этап в развитии буржуазии и пролетариата будет освещён более детально, но в порядке дальнейшего развития того, что уже есть в «Манифесте».

Вскрывая с особой силой противоречия буржуазного общества, Маркс и Энгельс научно обосновывают неизбежность гибели буржуазии и победы пролетариата. Они показывают, как в самом буржуазном обществе

[468] Тут же необходимо вспомнить замечание Энгельса в сносках к этому тезису, что последний не относится к первобытному общинному строю, не знавшему классов и классовой борьбы.

подготовляются объективные и субъективные факторы будущего социалистического переворота; как, с одной стороны, гигантски развившиеся под властью буржуазии производительные силы вступили в непримиримое противоречие с буржуазными же отношениями, как, с другой стороны, развивается и крепнет могильщик буржуазии - пролетариат, призванный разрешить это противоречие и построить бесклассовое общество.

В «Капитале» Маркс исследует развитие буржуазного общества как «естественно-исторический процесс» и открывает экономический закон развития этого общества. Но классовая структура буржуазного общества с присущими ему противоречиями и формой движения ярко и отчетливо очерчена уже в «Манифесте». Другими словами, в «Манифесте» дана исчерпывающая характеристика объекта исследования «Капитала» — капиталистического способа производства — и определены пути, по которым это исследование должно вестись.

Характеризуя противоречия между производительными силами и производственными отношениями в буржуазном обществе, авторы «Манифеста» совершенно по-новому освещают проблему кризисов и кладут незыблемую основу марксистско-ленинской теории кризисов. «*Вот уже несколько десятилетий, — пишут Маркс и Энгельс, — история промышленности и торговли представляет собою лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и её господства*»[469].

Припомним, что такой крупный экономист, как Рикардо, совершенно отрицал возможность общих кризисов, а Сисмонди видел причину кризисов в противоречии между производством и потреблением и требовал приспособления первого ко второму. Совсем по-иному подходят к проблеме кризисов Маркс и Энгельс: в росте производительных сил они видят прогресс, подготовку объективных факторов неизбежно грядущей пролетарской социалистической революции; в кризисах они видят форму возмущения производительных сил против буржуазных отношений, ставших для них оковами. Эти оковы должны быть уничтожены и будут уничтожены пролетариатом.

«*Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм (речь идет о развитии производительных сил. — Д. Р.), направляется теперь против самой буржуазии.*

[469] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 143–144.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие. — современных рабочих, ***пролетариев***»[470].

С того времени, как Маркс и Энгельс стали коммунистами, они проводили мысль, что только пролетариат может последовательно, до конца бороться за коммунизм; борясь за собственное освобождение, он борется за освобождение всего человечества от всех видов и форм угнетения и эксплуатации. Эта же мысль — одна из центральных в «Манифесте». Она красной нитью проходит по всему «Манифесту»; она исторически и теоретически обоснована в первой главе, ей посвящается и вторая глава - «Пролетарии и коммунисты», где с исчерпывающей полнотой определены место и роль пролетариата в буржуазном обществе.

Объясняя, чего добиваются коммунисты, авторы «Манифеста» едко высмеивают брошенные коммунистам обвинения в том, что они хотят уничтожить собственность, семью, отечество и т.д. Мелкомещанская и крестьянская собственность подорвана и уничтожается развитием крупной промышленности. У пролетария же частной собственности нет. «*Но разве наёмный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никоим образом. Он создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наёмный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наёмный труд, чтобы снова его эксплуатировать*»[471].

Именно эту собственность - капитал коммунисты и хотят уничтожить.

Рикардо определил капитал как накопленный труд, Маркс впервые открыл, что капитал есть классовое отношение, и в своих брюссельских лекциях характеризует капитал как общественное отношение производства. В «Манифесте» в определении капитала подчеркивается другой весьма ценный момент.

«*Капитал — это коллективный продукт и может быть приведён в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счёте — только совместной деятельностью всех членов общества*».

Отсюда вывод: «*...если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь*

---

[470] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 144.

[471] Там же, с. 151.

общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер»[472].

Научно обосновав социализм, т. е. превратив его из утопии в науку, Маркс и Энгельс дают критическую оценку утопическому социализму Сен-Симона, Фурье, Оуэна, громят социализм мелкобуржуазный, буржуазный и феодальный. Особенно достается Прудону и немецким «истинным социалистам». Они подвергнуты были, как мы видели, уничтожающей критике и в прежних работах Маркса и Энгельса, но в «Манифесте» эта критика приобретает еще более острый характер. В свете чётко и художественно формулированного монолитного мировоззрения пролетариата воистину жалкими и ничтожными выглядят прудонизм и «истинный социализм».

Но коммунисты, указывают Маркс и Энгельс в главе IV, не отказываются от поддержки таких рабочих партий, как чартисты в Англии, ещё не ставшие на позицию коммунизма: не отказываются они также от поддержки радикальных партий, борющихся за демократизацию государственного строя. «*Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя*»[473].

Заканчивается «Манифест» следующими незабвенными для каждого пролетарского революционера словами: «*Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир*»[474].

Глава XVI
Торжество марксистской политической экономии

1. «К критике политической экономии»

Первые годы в новой эмиграции. Маркс и Энгельс принимали активнейшее участие в революционных боях 1848–1849 гг. Но, вынужденные после поражения революции вновь эмигрировать из Германии, они после длительных перипетии осели на всю жизнь в Англии. Маркс поселился в

[472] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 151.
[473] Там же, с. 167.
[474] Там же, с. 168.

Лондоне, в столице наиболее развитой тогда капиталистической страны, где скоро принялся за всестороннее и детальное изучение капиталистического способа производства. Энгельс вернулся в Манчестер на работу в хлопчатобумажной фабрике, где работал в 1842–1844 гг.

Прежде всего, перед Марксом и Энгельсом стояла задача осветить революцию 1848 г., движущие её силы, причины её поражения, характер наступившей реакции. До революции они допускали возможность превращения её в социалистическую революцию, но ход событий не оправдал этих надежд. Маркс и Энгельс правильно вскрыли тенденции развития капитализма и безошибочно провозгласили, что пролетариат — могильщик буржуазии. В лице французских рабочих, геройски и беззаветно сражавшихся на июньских баррикадах, рабочий класс выступил как революционная сила, противостоящая всему буржуазному обществу.

Подтверждая правильность этого анализа, Ленин говорит: «*Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу* ***одного*** *пролетариата*»[475].

Но темпы развития капитализма, развёртывания его противоречий и классовой борьбы оказались более медленными, чем предполагалось. Требовалось более полное и всестороннее изучение капиталистического способа производства и дальнейшего хода его развития.

Такое понимание и оценка Марксом и Энгельсом всемирно-исторических событий 1848–1849 гг. заставили их выступить с резкой критикой тех немецких политических эмигрантов, которые ничему не научились и учиться не хотели. Не поняв причины поражения революции, эти эмигранты полагали, что её можно будет искусственно вызвать вновь: нужно только лучше организоваться, вооружиться и вторгнуться в Германию, чтобы нанести сокрушительный удар реакции. Маркс и Энгельс считали такого рода проекты авантюрой и всячески им противодействовало: они требовали серьезного изучения минувших событий и не менее серьезной теоретической и практической подготовки к неизбежным грядущим событиям.

Многие из бывших сторонников Маркса и Энгельса и их соратников в революционных боях в Германии откололись от них, обвиняя их в измене революции. Произошел раскол и в Центральном комитете Союза коммунистов. Рассказывая об этом в своей книге «Господин Фогт», Маркс пишет: «*Ближайшим же практическим поводом (к расколу. — Д. Р.) послужило*

[475] В. И. Ленин. Соч., т. 16, с. 331.

стремление Виллиха[476] *впутать Союз в революционные затеи немецкой демократической эмиграции. Диаметрально противоположные оценки политической ситуации еще более обострили разногласия*»[477].

Число сторонников Маркса и Энгельса уменьшалось, число противников и врагов увеличивалось. Буржуазия ненавидела авторов «Манифеста коммунистической партии», справедливо считая их наиболее опасными революционерами; всякого рода демократы и радикалы нападали на них за то, что они не разделяли их «архи-революционных» иллюзий. Участие в западноевропейской прессе стало для Маркса и Энгельса невозможным, а попытка издавать собственный орган печати не увенчалась успехом. Маркс и Энгельс начали издавать журнал под названием «Обозрения Новой Рейнской газеты», но после первых номеров он прекратил свое существование ввиду недостатки средств.

Невыносимо тяжелыми стали и материальные условия, в которых очутились Маркс и его семья. Лишь в 1852 г. он стал сотрудничать в американской газете «Нью-Йоркская трибуна», но и тогда гонорар был настолько ничтожен, что не обеспечивал его семье и скудного существования. В трудные минуты, — а они у Маркса бывали часто — на помощь ему приходил верный друг и соратник Энгельс, обрекший себя на «собачье торгашество и двадцатилетнее египетское пленение»[478].

Реакция усиливалась; рабочее и революционное движение повсеместно подавлялось. Испугавшись «излишеств» революции, либералы бросились в объятия реакционеров. Разговоры о свободе были забыты, они сменились требованием охраны безопасности. Мировая буржуазия выражала свою солидарность с французской буржуазией и приветствовала её победу над парижскими рабочими.

Революция 1848 г. значительно расширила арену действия капитализма, и в таких странах, как Германия и Австро-Венгрия, капитализм стал быстро развиваться. После экономического кризиса 1847 г. и политических

---

[476] Виллих был одним из видных руководителей революционных отрядов, боровшихся в Германии за имперскую конституцию. Энгельс, участвовавший в руководимом Виллихом отряде, был его адъютантом. После раскола Виллих стал во главе «антимарксистской фракции», клеветавшей на Маркса м Энгельса с не меньшим усердием, чем писаки из буржуазного лагеря.

[477] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, ч. 1, с. 304.

[478] Так сам Энгельс назвал свое длительное пребывание в Манчестере в торговой фирме отца от начала 50-х годов до конца 60-х. На такое длительное пребывание в Манчестере Энгельс обрек себя потому, что хотел своей материальной помощью дать возможность Марксу довести до конца труд его жизни — «Капитал».

потрясений 1848–1849 гг. буржуазия чувствовала себя окрепшей и перешла к своим очередным торгашеским делам; первая половина 50-х годов протекала под знаком экономического подъема.

Многие революционеры впали в уныние. Даже такой революционный демократ, как Герцен, стал пессимистически смотреть на судьбы Западной Европы. Они проглядели, что событиями 1848–1849 гг. нанесён удар утопическому и мелкобуржуазному социализму, но отнюдь не пролетарскому научному коммунизму. Хотя буржуазия и одержала временную победу над пролетариатом, но для неё это была Пиррова победа: пролетариат учёл уроки своего временного поражения, освободился от многих иллюзии, лучше познал свое место и свою историческую роль в буржуазном обществе и массами устремился под знамя, поднятое Марксом и Энгельсом ещё до революции 1848 г.

В своей статье «Исторические судьбы учения Маркса» Ленин пишет: «*В начале первого периода (т. е. время от 1844 до 1848 г. — Д. Р.) учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно много шелённых фракций или течений социализма*»[479]. Охарактеризовав эти течения, Ленин продолжает: «*Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марксовского социализма. Революция во всех странах показывает* ***в действии*** *разные классы общества... Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором*»[480].

Марксизм в этот первый период - от революции 1848 г. до Парижской Коммуны крепнет, развивается и теоретически, и практически и становится непобедимым оружием пролетариата.

Возобновление Марксом экономических исследований. Маркс уже давно открыл ту истину, что «анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии». События 1848—1849 гг. ещё раз подтвердили непреложность этой истины.

Маркс возобновил свои экономические исследования, прерванные за время революции.

Особенно усиленно он занимается ими в течение 1850—1851 гг. Осенью 1851 г. Маркс обсудил вместе с Энгельсом план издания экономической работы в трех томах: I. Критика политической экономии, II. Критика социалистов, III. История политической экономии. В таком плане замысел не был осуществлён,

---

[479] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 331.

[480] Там же, с. 331–332.

результаты экономических исследований Маркса были оформлены в другом плане.

Политические события и необходимость усиленно работать для «Нью-Йоркской трибуны» заставляли Маркса часто прерывать свои занятия или замедлять их темпы. В письме от 21 декабря 1857 г. Маркс пишет: «*Я вынужден убивать день на работу для заработка. Поэтому для настоящей работы мне остается ночь...*»[481] В письме от 22 февраля 1858 г. он повторяет: «*...я не господин, а скорее раб своего времени. Для себя самого мне остается только ночь, да и этой ночной работе мешают часто повторяющиеся приступы болезни печени*»[482].

После переворота, совершённого в декабре 1851 г. Луи Бонапартом, объявившим себя императором Франции - Наполеоном III, Маркс пишет свой знаменитый памфлет «18 брюмера».

Одновременно Маркс следил за текущей экономической литературой и углублялся в историю политической экономии; с большой тщательностью собирал конкретный исторический материал, изучая отчеты парламентских комиссий, доклады фабричных инспекторов и другие официальные и неофициальные документы, и продолжал разрабатывать свою теорию, поднимая её на все большую высоту; регистрировал факты повседневной экономической жизни, классифицировал их и вскрывал в них проявление общих экономических законов. Особенно внимательно Маркс следил за движением фаз промышленного цикла. В письме к Энгельсу от 18 декабря 1857 г. Маркс сообщает, что он завел три большие регистрационные книги: для Англии, Германии и Франции, куда заносит все факты, характеризующие экономическую конъюнктуру.

Накопилось много разнородных по содержанию рукописей: конспекты и выписки из прочитанных работ, факты и цифры, взятые из первоисточников, целые монографии, посвященные определенному кругу проблем. Количество рукописей настолько разрослось, что Марксу пришлось составить к ним указатель...

Маркс готовил большую работу «К критике политической экономии». То, что появилось в печати в 1859 г. под этим названием, мыслилось им как первый выпуск задуманной большой работы. Других выпусков не последовало, зато появился «Капитал».

Итак, сперва Маркс предполагал издать весь труд под общим названием «К критике политической экономии». В предисловии к первому выпуску книги

---

[481] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, с. 221.

[482] Там же, с. 223.

он пишет: «*Я рассматриваю систему буржуазной экономии в следующем порядке:* ***капитал, земельная собственность, наёмный труд; государство, внешняя торговля, мировой рынок***»[483]. Все названные отделы уже были написаны. «*Весь материал, — продолжает Маркс. — лежит предо мною в форме монографии, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе*»[484]. Но в процессе подготовки этих монографий к печати Маркс изменил и название книги (название «К критике политической экономии» осталось лишь в качестве подзаголовка к новому названию «Капитал») и весь порядок ее.

Исследуя «систему буржуазной экономии», Маркс разработал теорию прибавочной стоимости, ту теорию, которая вскрыла всю суть этой системы. Интересно в этом отношении сообщение, сделанное гораздо позже Энгельсом г. письме к русскому корреспонденту И. А. Гурвичу: «*Теорию прибавочной стоимости Маркс, разработал в течение 50-х годов в одиночку и всеми силами противился тому, чтобы опубликовать хоть что-нибудь по этому вопросу, прежде чем он не выяснит себе полностью все выводы. Поэтому-то и не вышли второй и следующие выпуски «К критике»*»[485].

Ко времени подготовки к печати I тома «Капитала» Маркс уже полностью уцепил себе «все выводы».

При ознакомлении с экономическим учением Маркса в законченном виде может создаться впечатление, что Маркс разрабатывал свое учение в той последовательности, в какой его изложил, т. е. товар, деньги, превращение денег в капитал и т. д. Но это далеко не так: глава о товаре для первого выпуска «К критике» написана им впервые лишь осенью 1858 г., т. е. после целого ряда монографий по сложнейшим вопросам «системы буржуазной экономии». Это лишний раз подтверждает, что марксова теория стоимости — не продукт априорных суждений, а результат длительной упорной работы над конкретным материалом и, что она могла быть развита лишь тогда, когда этот материал был освоен и изложен в виде монографий «для уяснения самому себе». Необходимо помнить следующее указание Маркса: «*Конечно способ изложения не может не формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные Формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь*

[483] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 5.

[484] Там же.

[485] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, ч. 1, с. XII, Предисловие Адоратского.

после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение»[486].

В своих предварительных исследованиях в течение 50-х годов Маркс освоил огромный материал, который мог получить лишь в Британском музее проанализировал различные Формы развития, проследил их внутреннюю связь. К концу 50-х годов он приступил к изложению «действительного движения», т. е. «движения капиталистического способа производств!». А началом и исходным пунктом этого движения является товар как «форма экономической клеточки» буржуазного общества.

В своих предварительных исследованиях Маркс идет от сложных отношений к наиболее простым, от целого к клеточке; в изложении он идет обратным путем: от простейших отношений к наиболее сложным, от клеточки к целому.

Анализ работы «К критике политической экономии». Первый выпуск задуманной Марксом большой работы «К критике политической экономии» написан в короткий срок[487], в два-три последних месяца 1858 г., а 26 января 1859 г. он уже был отослан издателю для печатания. Выпуск состоит из двух глав: 1) Товар, 2) Деньги, или простое обращение.

«Критика политической экономии» знаменует собой полный переворот в экономической науке, и мы попытаемся выяснить важнейшие моменты этого переворота в отношении анализа товара и денег.

1. Товар. Анализ товара Маркс начинает с разграничения между потребительной и меновой стоимостью. Это разграничение, как мы видели, проводилось и предшественниками Маркса. Тем не менее, действительное соотношение между потребительной и меновой стоимостью до Маркса вскрыто не было. Установлено было лишь наличие двоякого рода стоимостей: потребительной и меновой. Маркс первый открыл, что потребительная стоимость и стоимость[488] — два фактора товара, что они друг другу противоположны, но в то же время составляют единство, единство противоположностей, выражающее собой противоречие товарного производства. Такое учение о товаре и его двух факторах принципиально

---

[486] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. XXII, Послесловие.

[487] Он не был составлен из имевшихся уже монографий. В письме к Энгельс у от 29 ноября 1858 г. Маркс сообщает: «*...первая (глава. — Д. Р.), Товар, вовсе не была написана в черновом наброске, а вторая, Деньги, или, простое обращение, имелась лишь в виде краткого наброска*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, с. 369).

[488] В «К критике» Маркс под меновой стоимостью еще понимает то меновое отношение товаров, то стоимость товара. Более подробно об этом — ниже, при рассмотрении 1 отдела 1 тома «Капитала».

отлично от учения предшественников Маркса. Для них товар и его стоимость, потребительная и меновая, — явление естественное; весь вопрос сводился к тому, чем определяется меновая стоимость товара. Маркс же открыл в товаре «форму экономической клеточки» буржуазного общества, в которой заложены в зародыше все противоречия этого общества; они заложены в противоположности потребительной стоимости и стоимости.

От анализа товара как единства противоположностей Маркс переходит к анализу труда, заключенного в товаре, и вскрывает двоякий характер этого труда. Предшественники Маркса меновую стоимость товаров определяли трудом, и в этом большая их заслуга. Но они не исследовали (даже не ставили себе такой задачи) при каких условиях и почему труд создает стоимости, так не исследовали и того, почему и при каких условиях продукт труда принимает форму товара. И то и другое им казалось естественным, а потому они проглядели как специфику товара в отличие от продукта труда, так и специфику труда, создающего стоимость, в отличие от труда как условия существования всякого общества. Маркс же, вскрыв специфику товара и специфику труда, заключающегося в товарах, вскрыл и противоречия, обусловливающие эти специфические особенности. Труд товаропроизводителя — одновременно и частный, и общественный труд: как труд противоречивый, он производит товар, являющийся единством противоположностей, производит потребительную стоимость и стоимость.

Уже в ранних своих работах Маркс обратил внимание на то, что член гражданского общества — существо двойственное: он — и частное лицо со своими частными интересами, и член коллектива. К этой мысли Маркс часто возвращался и развивал ее в различных аспектах. Но в «К критике политической экономии» эта мысль находит свое развитие и завершение в учении о товаре и заключенном в нем труде. Товар раздвоен, являясь одновременно потребительной стоимостью и стоимостью; раздвоен и заключенный в товарах труд: он одновременно частный и конкретный труд, производящий потребительную стоимость, а также общественный и абстрактный труд, производящий стоимость.

Классики сводили анализ стоимости к анализу величины стоимости. Этого анализа, как указывает Маркс, было недостаточно. Хотя они твердо держались того положения, что величина стоимости определяется не индивидуальным трудом, а трудом, необходимым обществу, т. е. фактически они сводили труд, создающий стоимость, к труду общественно необходимому, однако это не было обосновано теоретически: рассматривая то, что труд производит стоимость как нечто естественное, они не могли обосновать, почему величина стоимости определяется именно общественно необходимым трудом, а

не трудом каждого индивида, взятого I отдельности. Для Маркса определение величины стоимости общественно-необходимым трудом есть прямой вывод из определения стоимости как выражения абстрактного труда: сведение конкретного труда к абстрактному выражает собой и сведение частного труда к общественному, и индивидуального к общественно-необходимому.

Замечательны в этом отношении следующие места из «К критике политической экономии»: «*Определение меновой стоимости рабочим временем при полагает, далее, что в определенном товаре, например в тонне железе овеществлено* ***одинаковое*** *количество труда, независимо от того, есть ли это труд A или B, или что различные индивиды употребляют равное кол, честно рабочего времени для производства одной и то же количественно и качественно определенной потребительной стоимости*»[489].

«*Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают I анализа меновой стоимости, суть* ***общественного определения*** *труда, или определения* ***общественного труда****, но не просто общественного, а в особенно роде. Это специфический вид общественности. Прежде всего, безграничного простота труда есть* ***равенство*** *работ различных индивидов, взаимное отношение их работ друг к другу как равных, а именно благодаря фактическому сведению всех работ к однородному труду*»[490].

«*Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивида выступает непосредственно как* ***всеобщее рабочее время****, и этот* ***всеобщий характер*** *обособленного труда — как его* ***общественный характер****. Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд... Это — рабочее время отдельного лица,* ***его*** *рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично,* ***чьим*** *именно рабочим временем оно является*»[491].

Рассматривая стоимость как выражение общественного труда, притом «не просто общественного, а в особенном роде», Маркс открыл, что стоимость выражает собой производственное отношение товаропроизводителей, друг на друга работающих, но не прямо, не непосредственно, а при посредстве обмена одних вещей на другие. Поэтому в стоимости это отношение выступает как свойство вещи и отношение вещей. «*Если поэтому, — говорит Маркс, —*

---

[489] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 12.

[490] Там же. с. 12–13.

[491] Там же, с. 13.

справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами, то к этому, однако, следует прибавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой»[492]. Рассматривая стоимость таким образом, Маркс ответил на вопрос, который его предшественники даже не ставили, на вопрос о том, почему труд, затраченный на производство товара, принимает форму стоимости. Классиков интересовал только вопрос о том, чем определяется величина стоимости. Маркс прежде всего решает вопрос о том, что такое стоимость, и из определения стоимости выводит, как сказано, определение её величины.

Не исследуя, почему труд принимает форму стоимости, классики не могли ответить и на вопрос, почему стоимость ***непосредственно*** не измеряется трудом. Тем самым они дали повод к иллюзии «рабочих денег», хотя сами и были далеки от этой иллюзии. Маркс первый научно обосновал невозможность «рабочих денег»: стоимость, будучи общественным отношением, но выступая как свойство вещей, может быть проявлена и выражена лишь в отношениях вещей; за отношениями вещей скрываются отношения людей. Этим Маркс вскрыл сущность и развил единственно научную теорию денег (об этом ниже).

Глава о товаре заканчивается очерком «К истории анализа товара». Здесь Маркс материалистически объясняет возникновение теории трудовой стоимости, её развитие и завершение в пределах буржуазного кругозора Давидом Рикардо. Он показал, что было достигнуто в этой области и почему буржуазные экономисты, даже наиболее глубокие и добросовестные, не могли добраться до «сути вещей». Только освободив политическую экономию от ограниченности буржуазного кругозора, став на точку зрения пролетариата и применив метод материалистической диалектики, Маркс совершил полный переворот в политической экономии. Этот переворот совершен уже в учении о товаре.

В «К критике» полностью рассеяны мелкобуржуазные иллюзии и окончательно разгромлен прудонизм, «теоретической» основой которого является прудоновская «теория» стоимости, базирующаяся на иллюзии, будто стоимость может непосредственно измеряться рабочим временем. Указывая Энгельсу, на что следует особо обратить внимание в рецензии на первый выпуск «К критике», Маркс в письме от 22 июля 1859 г. отмечает два решающих момента: «*...1) что прудонизм уничтожен в корне, 2) что уже в простейшей форме, в форме* ***товара****, выяснен* ***специфически***

[492] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 14.

общественный, а отнюдь не ***абсолютный*** *характер буржуазного производства*»[493].

2. Деньги или обращение товаров. Классики положили лишь начало научной теории денег. Они рассеяли меркантильные иллюзии, будто товаровладелец обогащается через обмен товара на деньги. Они доказали, что стоимость денег, как и стоимость всякого товара, определяется рабочим временем и что в обмене товара на деньги происходит лишь обмен равных стоимостей - обмен стоимости в виде товаров на стоимость в виде денег. Они также отвергли представление, будто деньги созданы государством; деньги, учит Смит, возникли спонтанно, стихийно, из процесса товарообращения (см. главу VII). Но сущности денег классики не вскрыли, как не вскрыли и сущности исторического процесса образования денег.

Маркс использовал научные элементы теории денег своих предшественников; но, коренным образом переработав их, он развил цельную теорию денег. Правильно, что деньги — товар, но они вместе с тем и особый товар, или, как часто говорит Маркс, всеобщий товар. Верно, что и стоимость того товара, который играет роль денег, определяется рабочим временем, как стоимость всякого товара, — без этого он не мог бы стать деньгами; но, став деньгами, этот выделенный товар уже стал бытием стоимости всех товаров. «*Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное* ***бытие*** *меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров как особенный выделенный товар, есть* ***деньги****. Это — кристаллизация меновой стоимости товаров, которую они создают в самом процессе обмена*»[494].

Верно, что деньги не созданы государством, что они возникли стихийно из процесса производства товаров и их обмена; но процесс этот по своему внутреннему содержанию был процессом развертывания противоречия товара, противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью. В выделении одного из товаров в качестве денег противоречие товара нашло форму движения: выражая свою стоимость в выделившемся товаре — в деньгах — и обмениваясь на него как на всеобщий эквивалент, товары обмениваются друг на друга.

Не вскрыв сущности денег, классики не могли правильно определить функции денег; роль денег они свели к функции орудия обращения. Они, конечно, знали, что деньги являются и мерой стоимости, и средством платежа, а также средством накопления; но на все это они смотрели с точки зрения орудия обращения, не понимая своеобразия отдельных функций денег. Маркс

---

[493] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, с. 424.

[494] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 26.

дает исчерпывающую характеристику каждой функции денег как особой формы проявления их сущности и вскрывает связь между ними, их единство.

Каждая функция денег, взятая изолированно, оторванного других функций денег, порождала и порождает соответствующие иллюзии, которые легли в основу разных «теорий» извращающих действительность. И Маркс дает критику этих теорий, освещая их с точки зрения исторического материализма.

* * *

Первому выпуску «К критике» Маркс предпослал предисловие, в котором сформулированы основные положения исторического материализма. В своих прежних работах, как мы видели, Маркс полностью уже развил свое материалистическое понимание истории, но предисловие, являясь итогом, резюме прежних исследований, имеет в то же время громадное самостоятельное научное значение. Здесь исторический материализм поднят на новую ступень, и сущность его сформулирована в непревзойденных по своей четкости классических тезисах.

Предисловие органически связано с последующим текстом: сформулированные Марксом основные положения исторического материализма целиком применяются им к изучению товара и денег - этих простейших категорий товарного производства. Развертывание противоречия товара, раздвоение товара на товар и деньги и проявление сущности денег в их функции — все это рассматривается как естественно-исторический процесс, начавшийся на определенной ступени развития производительных сил общества. Общественные отношения изучаются как материальные производственные отношения, выступающие в форме отношений вещей. Последняя — не иллюзия, а обусловлена объективными особенностями товарного производства.

Исследуя идеологию — в данном случае экономическую теорию, — Маркс вскрывает её классовый характер и объясняет, почему и как возникла та или иная теория. Материалистически объяснено возникновение и развитие теории трудовой стоимости классиков и их теории денег, объяснено происхождение разных номиналистических теорий денег. С позиций исторического материализма Маркс наносит сокрушительный удар мелкобуржуазным иллюзиям.

* * *

Среди монографий, о которых мы говорили выше, найдено и введение, написанное для книги «К критике». Но Маркс не хотел его опубликовывать, не желая предвосхищать те выводы, к которым приводит исследование в целом. В этом введении формулированы основные положения марксова учения о единстве производства, распределения и потребления, а также методологии марксистской политической экономии. (Эти вопросы излагаются в общем курсе политической экономии.)

Рецензия Энгельса на первый выпуск «К критике». И своей рецензии на вышедшую в свет «К критике» Энгельс, комментируя и популяризируя то новое, что дано Марксом п этом труде, в то же время и сам вносит много нового и ценного в политическую экономию, особенно в ее методологию.

В высшей степени ценным является формулированный Энгельсом тезис о единстве исторического и логического. «*С чего начинает история, — пишет Энгельс, — с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве*»[495].

Энгельс показывает, как в «К критике» осуществляется единство исторического и логического. Маркс начинает свой анализ экономической структуры буржуазного общества с того же, с чего начинается её история, т. е. с товара. Продукт труда, предназначенный для обмена, становится товаром «*...только потому, что с* ***вещью****, с продуктом, связывается отношение двух лиц или общин...*»[496].

Анализ этого отношения вскрывает внутреннее противоречие товара, которое разрешается в деньгах. Марксов анализ восходит от товара к деньгам, но и исторически деньги возникли из товара в результате расщепления товарного мира на товар и деньги. Следовательно, развитие теории — её движение от простейшего отношения к более сложным отношениям — есть не что иное, как «зеркальное отражение исторического процесса».

---

[495] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 163–164, Рецензия Энгельса.
[496] Там же, с. 164.

Энгельс указывает, что, рассматривая товар как отношение, Маркс вскрыл, что «*...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда* ***связаны с вещами и проявляются как вещи***»[497].

Интересно и определение политической экономии, которое даёт Энгельс. Оно гласит: «*Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому наличие развитых буржуазных отношений...*»[498]. Здесь ещё нет разграничения между политической экономией в «узком смысле» и политической экономней в «широком смысле», которое будет проведено Энгельсом в «Анти-Дюринге», по приведённое определение — шаг вперед в сравнении с тем определением политической экономии, которое даёт Энгельс в своей ранней работе «Очерки». В «Очерках» политическая экономия трактуется еще в духе утопического социализма, как «наука об обогащении».

Отметим еще, что, исходя из нового определения политической экономии, Энгельс объясняет, почему в Германии экономическая наука не могла развиваться, почему она для немцев является «импортным товаром». Объяснение в основном дано такое же, какое дает Маркс в предисловии к 1 тому «Капитала»; в Германии отсутствовали развитые буржуазные отношения, которые являются предпосылкой самостоятельного развития экономической науки.

Рецензия, состоящая из двух статей, заканчивается следующим обещанием: «В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги». Формально Энгельс своего обещания не выполнил: третья статья не появилась. Но фактически оно выполнено было после выхода I тома «Капитала»: Энгельс составил конспект его и, излагая содержание I отдела «Капитала», в сущности, излагает и содержание «К критике».

Итак, рецензия Энгельса является не только наилучшнм комментарием к работе Маркса, но и имеет большое самостоятельное значение. Во-первых, она освещает ряд важнейших вопросов марксистской политической экономии. Во-вторых, она характеризует развитие экономических воззрений Энгельса, которое шло в полнейшем контакте с развитием воззрений Маркса. Энгельс сумел так мастерски комментировать взгляды Маркса потому, что это были и его взгляды.

---

[497] К. Маркс, К критике политической экономии, с. 164.

[498] Там же, с. 158.

2. Первый том «Капитала»

От первого выпуска «К критике» к I тому «Капитала». Промежуток времени в 8 лет (1859–1867) отделяет I том «Капитала» от первого выпуска «К критике политической экономии». Подготовляя к печати монографии, написанные еще до 1859 г., Маркс коренным образом их переработал; в результате получилась новая книга. Особенно интенсивно Маркс работал в 1861–1863 гг.; к этому времени, как сообщает Энгельс, относится его рукопись в 23 тетради, объемом в 1 472 страницы. Энгельс знакомит и с содержанием этой рукописи. «*На страницах 1–220 (тетради I–V), а затем опять на страницах 1159–1472 (тетради XIX–XXIII) она трактует темы, исследованные в I книге «Капитала», начиная с превращения денег ц капитал и до конца; рукопись представляет первую из имеющихся редакций этой книги*»[499].

Эта рукопись подвергалась в дальнейшем значительным переработкам, и хотя последняя редакция I тома «Капитала» в основном закончена была к 1 января 1866 г., но Маркс не считал еще возможным отправить ее издателю, а продолжал уточнять и совершенствовать отдельные ее части. Только 10 апреля 1867 г. Маркс лично отвез рукопись в Гамбург и сдал ее в печать.

Причины, задерживавшие выход I тома «Капитала», были разные. Их можно разделить на три группы.

Маркс одновременно работал над всеми томами «Капитала», точнее, над «Капиталом» в целом, и пока в основном не была разработана вся книга, он не решался выпустить в свет первую ее часть. 31 июля 1865 г. Маркс пишет Энгельсу: «*Что касается моей работы, то я сообщу тебе об этом чистую правду. Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги). Затем еще нужно будет написать четвертую книгу, историко-литературную... По я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной готовым. Каковы бы ни были их недостатки, одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А этого можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе* ***готовым***»[500].

Такой «способ» должен был, конечно, задержать выпуск I тома «Капитала». Но у Маркса был еще один «способ»: не выпускать работы, пока не изучена вся литература, относящаяся к данной теме, и не исследован весь

---

[499] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 8, Предисловие Энгельса.

[500] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, с. 294.

фактический материал, имеющий хотя бы косвенное к ней отношение. Готовя главу о машине, Маркс изучает технологию и аккуратно посещает лекции по этому предмету. Он изучает также химию и агрономию, интересуется двойной итальянской бухгалтерией и т. д.

Наконец, Маркс в высшей степени требователен к себе: он вновь и вновь переделывает уже законченную работу, неоднократно переписывает свои рукописи с целью достичь максимальной ясности мысли и наибольшей четкости изложения. Притом он постоянно возвращается к исходным пунктам исследования, сопоставляя достигнутые результаты с их предпосылками. И это не могло не задерживать выхода «Капитала».

К причинам второй группы относится то, что Маркс, справедливо считая свою теоретическую работу наиболее важной и нужной партийной работой, все же ею одной удовлетвориться не мог. Маркс постоянно сочетал научную работу с публицистической и организационно-практической работой. «*...Маркс, — говорит Энгельс, — был прежде всего революционер... Его стихией была борьба*»[501]. Когда Фогт выступил с беспримерной клеветой на коммунистическое движение, Маркс собрал большой материал и ответил своим знаменитым памфлетом «Господин Фогт» (1860). Маркс зорко следил за дипломатией, особенно английской и русской, и написал ряд разоблачающих статей; это также навело его на мысль заняться историей тайной дипломатии царской России, начиная с Петра I.

Маркс с неослабным вниманием следил за революционным движением в России, за событиями в Польше — за восстанием поляков в 1863 г., которое, как он надеялся, даст сильный толчок крестьянскому движению в России и положит конец царизму, игравшему роль международного жандарма.

Но наибольшее внимание Маркс уделял рабочему движению, которое с начала 60-х годов значительно оживилось. Английские тредъюнионы стали переходить от экономической борьбы к политической, стали интересоваться международным рабочим движением. Оживилось и оправившееся от июньского поражения рабочее движение во Франции. Развернулось широкое рабочее движение в Германии, где создан был Всеобщий германский рабочий союз. Маркс и Энгельс относились отрицательно к программе и тактике Лассаля, но само движение оценивалось ими как фактор положительный. 1864 год был ознаменован событием всемирно-исторического значения — организацией I Интернационала. Вдохновитель и подлинный организатор его, Маркс, целиком отдается работе в Международном товариществе рабочих. Марксом был

[501] К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, с. 12.

написан адрес и устав Интернационала, представляющий собой крупный теоретический вклад в марксизм.

Конечно, публицистика и организационно-практическая работа часто отрывали Маркса от экономических исследований, от работы по подготовке к печати «Капитала». Но, с другой стороны, они обогащали его новым опытом рабочего движения и доставляли новый материал, который нашел освещение и обобщение в «Капитале».

К третьей группе причин относится тяжелое материальное положение Маркса, которое за это время не только не улучшилось, но периодически и значительно ухудшалось, и частые болезни Маркса делали невозможным продолжение работы. Маркс отличался необыкновенной работоспособностью, но и на ней не смогли не отразиться тяжелые условия жизни, на которые буржуазное общество обрекло величайшего пролетарского мыслителя и революционера. Маркс прав, говоря в одном из своих писем, что никогда научная работа не писалась при столь трудных условиях, как его «Капитал».

Общая характеристика I тома «Капитала». Замечательная и исчерпывающая характеристика «Капитала», и в первую очередь 1 тома, дана была Лениным в его книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Прежде всего Ленин указывает на основную идею «Капитала». В предисловии к I тому «Капитала» Маркс пишет: «*Конечная цель этого сочинения — показать закон развития... современного общества...*». «*Моя точка зрения состоит в том — говорит Маркс — что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс*»[502]. Приводя эти цитаты, Ленин пишет: «*Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала»...*»[503].

«*Каким же образом, — спрашивает далее Ленин, — выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — «отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения*»[504].

С другой стороны, Ленин с особой силой подчеркивал, что Маркс «*...одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что —*

[502] В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 57.

[503] Там же, с. 58.

[504] Там же, с. 59.

«объясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями—он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»[505]. *«...Эта книга... показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»*[506].

Исследуя производственные отношения буржуазного общества, Маркс исследует и классовую борьбу, развёртывающуюся на основе этих отношений, борьбу за рабочий день, условия труда, фабричное законодательство; вскрывает классовую природу буржуазного государства, его парламента, правительства; выводит на чистую воду агентов законодательных, исполнительных и судебных органов власти. Капиталистов Маркс рассматривает как персонификации (олицетворения) капитала, но в то же время он дает незабываемые образы отдельных капиталистов, наиболее ярко и типично представляющих весь класс капиталистов с его ненасытной жаждой прибавочной стоимости. Маркс исследует, как крупное капиталистическое производство разрушает рабочую семью, заставляет рабочих отдавать малолетних детей на фабрику, где они тупеют и дичают. Маркс показывает историческую тенденцию капиталистического накопления — неизбежность гибели капиталистической системы.

Маркс вскрывает классовые корни экономического и политического либерализма, вскрывает смысл требования равенства и свободы, проповедуемой буржуазными идеологами; разоблачает вульгарных экономистов как апологетов капитала и двумя-тремя меткими штрихами дает образы таких экономистов, как Мальтус, Сениор, Мак-Куллох и др.

Первый том «Капитала» во втором издании состоит из 7 отделов и 23 глав. В первом отделе — «Товар и деньги» — исследуется «исходный пункт капитала». Товарное обращение является исходным пунктом капитала не только исторически, но и логически (теоретически). Товар и деньги исторически и логически предшествуют капиталистическому производству. Последнее возникает и развивается лишь на основе развитого товарного производства и обращения, т. е. лишь после того, как превращение продуктов

---

[505] В. И. Ленин, Соч., т. 1, с. 62.

[506] Там же.

труда в товары и товара в деньги достигло известного уровня развития. Но и логически капитал предполагает товар и деньги, его анализ возможен лишь после анализа последних. Только после того, как вскрыта сущность товара и денег и формулирован закон стоимости, можно вскрыть сущность капитала, условия, при которых деньги превращаются в капитал, и как он «самовозрастает».

Исследование ведется по методу «восхождения от абстрактного к конкретному», от наиболее общих и простых отношении ко все более усложняющимся; от товара к деньгам, от денег к капиталу и прибавочной стоимости; от абсолютной прибавочной стоимости к относительной и их единству; от прибавочной стоимости к заработной плате, скрывающей и маскирующей ее; от процесса капиталистического производства к процессу капиталистического воспроизводства. Исходный пункт исследования — товар как «форма экономической клеточки буржуазного общества»; его конечный пункт — всеобщий закон капиталистического накопления; вначале — «клеточка» изучаемого общества, в конце — общество во всей его конкретности и многообразии, с его крайними полюсами; на одном —непрерывно растущее богатство, на другом — нищета и порабощение.

Идеалисты под абстрактным понимают априорное, нечто от разума, но не от опыта; по их уверениям, лишь конкретное дано в опыте. Противопоставление разума действительности — совершенно чуждо и враждебно марксизму. Значение абстракции Маркс определяет так: «...*при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции*»[507]. Абстрактное, стало быть, — та же действительность, данная в опыте, но взятая для всестороннего ее исследования в определенных разрезах; вначале анализируются наиболее общие ее черты, затем те, которые развились из последних, пока действительность не будет воспроизведена во всем ее многообразии и многогранности. Последовательное выделение особенностей изучаемых явлений происходит, конечно, непроизвольно. Так, например, только раскрытие производственных отношений, скрывающихся за товаром и товарообращением, делает возможным анализ развившихся из них производственных отношении, овеществленных в капитале, прибыли, заработной плате. Производственные отношения капиталистической системы — предмет исследования «Капитала» — располагаются как бы ступенчато: одни возвышаются над другими, на них опираясь. В этом и заключается

[507] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 13, Предисловие к 1-му изданию.

сущность метода «восхождения», с помощью которого Маркс теоретически воспроизводит в «Капитале» буржуазное общество.

В первом отделе исследуются товар и деньги. Но краеугольный камень всего экономического учения Маркса — прибавочная стоимость. Ее исследование начинается во втором отделе, где Маркс показывает, как на основе закона стоимости деньги превращаются в капитал. Но мы еще находимся, так сказать, в сфере обращения, где происходит и продажа особого товара — рабочей силы.

Третий, четвертый и пятый отделы вводят нас уже в капиталистическое производство (в тесном смысле слова); здесь изучается производство прибавочной стоимости — абсолютной и относительной. В шестом отделе исследуется заработная плата, **в** седьмом—процесс производства самого капитала, его накопления п воспроизводства капиталистических отношений во все расширяющемся масштабе.

Первый отдел I тома «Капитала» и «К критике политической экономии». В предисловии к I тому «Капитала» Маркс пишет: «*Содержание более раннего произведения, упомянутого выше («К критике политической экономии». — Д. Р.), резюмировано в первой главе*[508] *этого тома. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие едва намеченные там пункты получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускала самая задача исследования, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь*»[509].

Рассмотрим вкратце те «пункты», которые «получили здесь дальнейшее развитие», т. е. в первом отделе I тома «Капитала».

Как в прежней работе, так и в «Капитале» свое исследование Маркс начинает с анализа товара, рассматривая сперва стоимость потребительную, а затем меновую. «*...Мы, — говорит Маркс в «Капитале», — исходим из меновой стоимости, пли менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости*»[510]. Напав на этот «след», Маркс абстрагирует стоимость от меновой стоимости и всесторонне ее исследует, а затем вновь возвращается к меновой стоимости, которая теперь исследуется

[508] В первом издании I тома «Капитала» весь первый отдел — «Товар и деньги» — состоял из одной главы.

[509] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 13, Предисловие к 1-му изданию.

[510] Там же, с. 11.

как форма стоимости. «*Мы должны, — продолжает Маркс, — возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости*»[511].

В «К критике» исследование ведется по-иному. И здесь Маркс, как мы видели, проводит различие между стоимостью и формой стоимости, но п ту и другую он еще называет меновой стоимостью. Он исследует ее и со стороны содержания—как выражение абстрактного труда, и со стороны формы, т. е. как выражение стоимости одного товара в другом. Все же дело не только в том, что одним термином обозначены и стоимость, и форма стоимости. Важнее другое: в «Капитале» гораздо более полно п всесторонне исследовано соотношение стоимости и формы стоимости, полнее показано, как в меновой стоимости «скрывается» стоимость и как она в ней проявляется.

Основным, так сказать, ядром учения Маркса о форме стоимости является то, что стоимость одного товара может быть выражена лишь в другом товаре. Это полностью уже исследовано и обосновано в «К критике», п рассеяны иллюзии, будто стоимость может быть выражена непосредственно в труде пли могут быть созданы «рабочие деньги». Но развивая в «Капитале» свое учение о форме стоимости, Маркс вскрывает «два полюса выражения стоимости» — относительную форму стоимости и эквивалентную, и всесторонне исследует каждую из этих форм.

Новым в «Капитале» является исследование развития форм стоимости от простой формы до денежной. Здесь показано, как уже в простой форме стоимости заложено «дремлющее начало» денег. Этот анализ дополняется затем анализом процесса обмена, где исследуется, как п при каких условиях возник обмен п превратился в «регулярный общественный процесс».

С особой тщательностью исследуется, как на определенной ступени развития этого процесса возникают деньги. «*Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги*»[512].

---

[511] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 11.

[512] Там же, с. 43–44.

«Более обстоятельно», как указывает сам Маркс[513], в «Капитале» исследуется «двоякий характер заключающегося в товарах труда». Основное по этому вопросу уже сказано в «К критике». Более обстоятельное исследование этого вопроса в «Капитале» заключается в более детальном рассмотрении того, как в буржуазном обществе труд раздваивается на труд полезный и конкретный, производящий определенный вид потребительной стоимости, и на труд абстрактный, производящий стоимость. Больше уточнена связь между двумя факторами товара и двояким характером заключающегося в товаре труда. «*Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и, в качестве такого одинакового пли абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные стоимости*»[514].

Всестороннее исследование товара завершается в «Капитале» учением о «товарном фетишизме и его тайне». К этому приводит и анализ товара в «К критике»: уже там вскрыто, что отношения людей выступают как отношения вещей и что эти отношения возникают и развиваются стихийно и господствуют над людьми. Но обобщения, формулированного в теории товарного фетишизма, там еще нет.

Что касается исследования денег и их функций, то больших различий между «Капиталом» и «К критике» нет. Даже порядок исследования в обеих книгах один и тот же. Некоторые вопросы в «К критике» более детально рассмотрены, например вопрос о благородных металлах.

Развивая в «Капитале» свое учение о товаре, Маркс поднимает его на новую ступень. Но это не значит, что с выходом «Капитала» «К критике» потеряла свое самостоятельное научное значение. То, что. в этой книге наиболее полно развито, в «Капитале» не повторяется или лишь бегло отмечается. Следовательно, всякий, желающий усвоить учение Маркса во всей глубине и полноте, должен основательно изучить и ту и другую книгу.

Краеугольный камень всего экономического учения Маркса. В книге «К критике» исследование заканчивается на анализе товара и денег. В «Капитале» Маркс переходит от исследования товара и денег к исследованию того, что является краеугольным камнем всего его учения, — к анализу

---

[513] «*Так как этот пункт, — говорит Маркс, — является центральным, так как к нему тяготеет понимание политической экономии, то мы осветим его здесь более обстоятельно*» (К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 6).

[514] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 10.

прибавочной стоимости. Зачатки теории прибавочной стоимости имеются, как мы видели, уже у предшественников Маркса. «*Существование той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено, — говорит Энгельс, — задолго до Маркса; точно так же с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли... Но вот выступил Маркс. И притом в прямом противоречии со всеми своими предшественниками. Там, где они видели решение, он видел только проблему. Он видел, что здесь... дело шло не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, — тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все найденные им категории... Чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость*»[515].

После данного в «К критике» и в I отделе I тома «Капитала» исчерпывающего ответа на вопрос, что такое стоимость, Маркс в следующих отделах даёт исчерпывающий ответ и на вопрос, что такое прибавочная стоимость, и тем самым даёт «ключ к пониманию всего капиталистического производства».

Предшественники Маркса наталкивались на факт существования прибавочной стоимости только в особых её формах: Петти и Кенэ — в форме ренты, Смит и Рикардо — в форме прибыли. Маркс же исследует прибавочную стоимость, абстрагируясь от особых её форм, и тем самым вскрывает подлинную сущность капиталистического производства как производства антагонистического, основанного на эксплуатации труда капиталом.

Далее Маркс разрешил ту проблему, которая была неразрешима для классической политической экономии.

Согласно закону стоимости, товары обмениваются в соответствии с затраченным на их производство трудом, а при обмене труда на капитал происходит обмен большего количества живого труда на меньшее количество овеществлённого труда. Социалисты даже были уверены, что нетрудовые доходы получаются в результате нарушения закона стоимости. При таком понимании прибыли и других нетрудовых доходов нельзя было развить подлинно научную политическую экономию. Маркс открыл, что продаётся

[515] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 17–18, Предисловие Энгельса.

рабочая сила, а не труд, и показал, что никакого противоречия здесь нет. Обмен труда на капитал в действительности есть обмен рабочей силы на капитал, и труд, затрачиваемый на воспроизводство рабочей силы, равняется труду, овеществлённому в этом капитале (при анализе предполагается, что заработная плата равна стоимости рабочей силы). Маркс показал, что рабочая сила, как и всякий товар, имеет потребительную стоимость и стоимость; уплатив её стоимость, капиталист приобретает право на потребительную стоимость рабочей силы, как и покупатель любого товара. Но рабочий своим трудом производит стоимость большую стоимости его рабочей силы; разница и составляет прибавочную стоимость.

Являясь ключом к пониманию всего капиталистического производства, теория прибавочной стоимости дает возможность различать в нем процесс труда и процесс увеличения стоимости и вскрыть противоречие между производством как процессом труда, необходимым условием существования общества и капиталистической его формой. В процессе труда производитель выступает как ***человек***, как творец, подчиняющий себе и меняющий природу согласно своим замыслам; но капиталистическая форма, процесс увеличения стоимости, сводит его к ***вещи***, к части капитала. Однако, сведённый к вещи, рабочий борется сначала стихийно, а затем сознательно, пока не ниспровергнет господство капиталистических отношений во всём мире.

Таким образом, в теории прибавочной стоимости уже дано научное обоснование неизбежности пролетарской революции, и в этом её всемирное значение.

Теория прибавочной стоимости, вскрывая классовое содержание капитала, по-новому освещает его структуру. Классики рассматривали капитал как накопленный труд и делили его на оборотный и основной капитал. Маркс не отвергает этого деления, но, рассматривая капитал как классовое отношение, как силу, господствующую над трудом, проводит более важное, решающее деление капитала — на постоянный и переменный. На поверхности капиталистического общества выступают прибыль и норма прибыли — категории, скрывающие и маскирующие капиталистическую эксплуатацию. Предшественники Маркса признавали только эти категории. Маркс же открыл скрывающуюся за прибылью и нормой прибыли прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости, выражающие собой форму и степень капиталистической эксплуатации.

С точки зрения капиталистических агентов производства, а также в трактовке всей буржуазной политической экономии: рабочий день представляется ***единым и неразличимым*** в своих частях не чем иным, как

определённым числом часов, проведённых рабочим ежедневно за работой. Совсем в ином свете выступает рабочий день у Маркса.

Единый рабочий день оказывается разделённым — и это непосредственный вывод из теории прибавочной стоимости — на две совершенно различные части: одна часть обусловлена необходимостью воспроизводства стоимости рабочей силы, а другая часть — потребностью капитала в самовозрастании. Единство рабочего дня сводится лишь к тому, что одна его часть невозможна без другой: при капиталистическом способе производства рабочий сможет воспроизводить стоимость средств своего существования для себя, если он производит прибавочную стоимость для капиталиста, и обратно, последняя может быть им произведена только в том случае, если он производит первую.

Обе части рабочего дня регулируются совершенно по-разному. Необходимое рабочее время определяется стоимостью рабочем силы, определяемой, в свою очередь, стоимостью средств существования. Следовательно, эта часть рабочего дня, в конечном счёте, регулируется тем, чем регулируется стоимость любого товара, — уровнем производительности труда: чем ниже этот уровень, тем больше необходимое рабочее время, и наоборот, чем выше уровень производительности труда, тем меньше необходимое рабочее время.

Но иначе обстоит дело со второй частью рабочего дня, с прибавочным временем. Чем оно регулируется? Чем определяется его величина?

Капиталистический способ производства превращает одну часть рабочего времени в прибавочную, но отсюда вытекает лишь то, что рабочий день не может равняться только необходимому времени рабочему времени, он должен быть больше, но насколько? Как регулируется этот излишек? «...*Сама природа товарного обмена не дает никаких пределов для рабочего дня, а потому никаких пределов и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия... право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух прав решение принадлежит силе*»[516].

[516] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 164–165.

Маркс, излагая историю борьбы за рабочий день, исчерпывающе показывает, как разрешалась эта «антиномия» в разные времена: она разрешалась и продолжает разрешаться силой борющихся классов. Конечно, пока существует капитализм, рабочие не могут уничтожить прибавочное время — работу на капиталиста; но от степени их организованности и сплоченности зависит сила сопротивления, которое они могут оказать непрерывным наступлениям капиталистов на рабочий день с целью его удлинения.

Открыв, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости, Маркс показал, что рост производительности труда при капитализме означает рост эксплуатации, увеличение прибавочной стоимости. Маркс пишет: «*При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и как раз для того, чтобы удлинить другую часть дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста*»[517].

Под этим углом зрения Маркс исследует развитие капитализма с первых дней его возникновения и различает три стадии, каждая из которых знаменует собой определенный этап в сокращении необходимого рабочего времени и увеличении прибавочного времени.

Капитализм развивается, как показывает Маркс, по восходящей линии, из простейшей формы обобществления труда под властью капитала — простой кооперации — в высшую форму, в машинное производство. Меняется производственная основа: вначале капитализм развивается на старой основе, на основе ручного труда; только в машине капитализм приобретает новую, адекватную ему, машинную технику. Меняется и форма порабощения труда капиталом: ***формальное*** порабощение труда капиталом переходит в ***реальное*** подчинение труда капиталу.

Каждую стадию в развитии капитализма Маркс исследует и как стадию в развитии процесса труда, и как стадию в развитии процесса увеличения стоимости (т. е. прибавочной стоимости). Под властью капитала труд все больше обобществляется, но этот процесс является и непрерывным процессом роста прибавочной стоимости; следовательно, все больше обостряется противоречие между общественным характером производства и частным — присвоением.

Наиболее полно и всесторонне Маркс исследует третью стадию в развитии капитализма. На этой стадии буржуазные производственные отношения превращаются из формы развития производительных сил в их

[517] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 240.

оковы. Это положение, провозглашённое Марксом и Энгельсом ещё в «Манифесте коммунистической партии», наиболее полно исследуется в XIII главе I тома «Капитала», в главе о машинном производстве. Что буржуазные отношения сковывают развитие производительных сил, наиболее наглядно показывает марксов анализ границ, которые капитализм ставит введению новых машин и усовершенствованию старых.

Маркс также всесторонне исследует отрицательное влияние машины на рабочий класс при капиталистическом её применении: снижение стоимости рабочей силы, рост интенсивности труда, массовое привлечение женского и детского труда, разрушение рабочей семьи. Положения, провозглашённые в «Манифесте коммунистической партии» в виде тезисов, даны в «Капитале» в развёрнутой форме. Но, в отличие от мелкобуржуазной критики, например, сисмондистской, Маркс выясняет и прогрессивные стороны крупного машинного производства. Именно с его развитием подготовляются объективные и субъективные факторы уничтожения власти капитала. И эта основная идея «Манифеста» в анализе крупной капиталистической промышленности получает исчерпывающее экономическое обоснование.

Маркс окончательно решил проблему, которая занимала политическую экономию с первых дней её возникновения. Припомним, что меркантилисты считали производительным трудом труд, применяемый в торговле. Даже Петти не мог ещё освободиться от такой трактовки производительного труда. Физиократы заняли противоположную позицию: труд в торговле и в промышленности они считали бесплодным, производительным же считали только труд в земледелии или, шире, — в сельском хозяйстве. Смит занял двойственную позицию: он считал производительным всякий труд, но более производительным — труд в земледелии. Двойственна позиция Смита и в определении признаков производительного труда: таковым он считает то труд, производящий товары, то труд, производящий прибыль (см. главу VII).

Рассматривая все категории политической экономии как исторические, Маркс рассматривает исторически и категорию «производительный труд»: при капитализме производительным является лишь тот труд, который производит прибавочную стоимость и капитал. «*Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала*»[518].

Категория заработной платы у классиков и у Маркса. Классики, особенно Рикардо, сформулировавшие закон заработной платы и рассматривавшие заработную плату и прибыль как величины

[518] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 395.

противоположные, фактически уже исходили из различия между куплей-продажей обычных товаров и обменом труда на капитал. Но специфика этого обмена ими не вскрыта, а потому не вскрыта и специфика заработной платы как особой формы. Маркс уже в своей ранней работе «Наемный труд и капитал» трактует этот обмен как особую форму рабства. Но там, как мы видели, он еще придерживается того взгляда, что продается труд и что заработная плата есть цена труда, и это мешает ему полностью вскрыть своеобразие заработной платы как особой формы. В «Капитале» это своеобразие вскрыто, вернее, показав, что за обменом труда на капитал скрывается продажа специфического товара- рабочей силы, Маркс показал и своеобразие заработной платы. Она — превращённая форма стоимости и, соответственно, цены рабочей силы. В заработной плате продажа рабочей силы выступает как продажа труда, а стоимость и цена её — как стоимость и цена труда.

И это не простая иллюзия, не только субъективное представление, — это объективно обусловлено самим капиталистическим производством. Рабочий, продав свою рабочую силу, должен работать определённое число часов, дней, недель и т. д., т. е. отчуждении оказывается весь его труд и необходимый, и прибавочный. Следовательно, для него вся работа, которую он должен выполнить, является средством получения определённой платы, и последняя представляется как «стоимость и цена труда». И капиталист, который взамен своего переменного капитала получает вместе с оплаченным трудом и неоплаченный, также имеет «основание» считать, что им куплен именно труд, весь труд, которым он и распоряжается.

Таким образом, капиталистическая эксплуатация, с одной стороны, имеет своей основой превращение рабочей силы в товар, с другой — маскируется. В заработной плате дело представляется так, будто весь труд оплачен, будто нет никакой эксплуатации.

Если в теории прибавочной стоимости вскрыто, как при капитализме рабочий эксплуатируется, то в учении Маркса о заработной плате показано, как эта эксплуатация маскируется. Учение Маркса о превращённых формах, маскирующих эксплуатацию труда капиталом, получает дальнейшее развитие в III томе «Капитала», к которому мы перейдём в дальнейшем.

Теория прибавочной стоимости и всеобщий закон капиталистического накопления. Влияние накопления капитала на положение рабочего класса Маркс исследовал ещё в своей ранней работе «Наёмный труд». Начатое там исследование получает своё завершение в «Капитале» на основе всесторонне разработанной теории прибавочной стоимости.

Это исследование Маркс начинает с анализа воспроизводства, различая воспроизводство простое и воспроизводство расширенное.

Простое воспроизводство — явление для капитализма не типичное; для него типично расширенное воспроизводство и накопление. Маркс начинает анализ с простого воспроизводства только потому, что прежде чем приступить к изучению превращения прибавочной стоимости в новый капитал, следует изучить процесс воспроизводства прежнего капитала и воспроизводства капиталистических отношений в прежнем масштабе, абстрагируясь от того, что ведёт к их расширению.

Исследуя прежде всего процесс простого воспроизводства, Маркс вскрывает ряд новых особенностей, присущих капиталистическому способу производства. Анализ производства прибавочной стоимости предполагает, что все предпосылки, необходимые для такого производства, даны: имеется владелец денег, ищущий для них применения с целью получить прибавочную стоимость; есть на рынке рабочая сила в качестве товара, потреблением которого эта прибавочная стоимость производится; есть, наконец, средства производства, которые могут быть приобретены. Анализ же воспроизводства вскрывает, как все эти предпосылки непрерывно воспроизводятся в качестве результата самого капиталистического производства. «*Но, что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии... становится снова и снова самовозобновляющимся результатом*»[519].

От исследования простого воспроизводства Маркс переходит к исследованию расширенного воспроизводства. Это исследование, в свою очередь, вскрывает уже те черты, которые характерны для расширенного воспроизводства, типичного для капитализма. В высшей степени ценным является анализ превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического накопления.

Но «превращение» это происходит ***так*** — на это Маркс обращает особое внимание, — что законы товарного производства не нарушаются. Не нарушается и закон стоимости, наоборот, он становится основным экономическим законом движения капиталистического производства. Получается следующая «цепь»: 1) товарное производство начинается с превращения продуктов труда в товары; 2) полное своё развитие оно получает лишь с превращением рабочей силы в товар. «*Но лишь отсюда товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства...*»[520]; 3) рабочая сила, став товаром и попав под

[519] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 447.

[520] Там же, с. 462.

действие закона стоимости, уже постоянно производится как товар; и потреблением её производят столь же постоянно стоимость, большую её собственной стоимости (в этом нет нарушения закона стоимости); часть произведённой прибавочной стоимости превращается в добавочный переменный капитал и постоянный. На протяжении всей «цепи» нигде нет прорыва, вся она состоит из обмена эквивалентов на эквиваленты, но все же последнее звено является полнейшим отрицанием первого. Превращение продуктов труда в товары есть признание трудовой собственности; обмен рабочей силы на добавочный капитал, в котором нет «*...ни одного атома стоимости, возникшей помимо чужого неоплаченного труда*»[521] есть полное отрицание трудовой собственности.

Все это исследование заострено против Прудона, «*...который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!*»[522]

Исследуя характерное для капитализма расширенное воспроизводство, Маркс открыл всеобщий закон капиталистического накопления: с неопровержимой научной убедительностью доказывает, что всякое развитие производительных сил при капитализме враждебно пролетариату, что капиталистическое расширенное воспроизводство означает все расширяющееся воспроизводство резервной армии труда, что вместе с капиталистическим накоплением накапливаются силы, которые свергнут власть капитала.

Выдуманному Мальтусом в апологетических целях абсолютному закону народонаселения Маркс противопоставляет действующий при капитализме закон населения, обусловленный всеобщим законом капиталистического накопления. Маркс детально исследует не только то, как создаётся избыточное население, но и те конкретные формы, в которых оно существует.

Совершенно новым является и учение Маркса о концентрации и централизации капитала. Правда, и до Маркса указывали на неизбежность централизации; с особой силой это было выдвинуто Фурье (см. главу XIII). Но Маркс научно доказал, как на основе закона стоимости и прибавочной стоимости происходит концентрация и централизация капитала. Он также вскрыл их различие и их единство: с одной стороны, концентрация является основой централизации, с другой стороны, централизованный капитал быстрее накапливается, концентрируется.

---

[521] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 458.

[522] Там же, с. 462.

Маркс научно предвидел изменение роли банковского капитала. Говоря о кредите, он пишет: «...*в начале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления... по вскоре он становится новым и страшным орудием... и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов*»[523]. Здесь еще не говорится о сращивании банкового капитала с промышленным — во времена Маркса финансового капитала еще не было, — но тенденция к такому сращиванию научно предвидена.

Предел централизации по Марксу был бы достигнут тогда, «...*когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов*»[524]. И здесь — научное предвидение организации трестов и синдикатов, что и отмечено Энгельсом.

Так называемое первоначальное накопление. Проблема первоначального накопления перед предшественниками Маркса не стояла. Правда, Смит проводит различие между первобытным состоянием и современным ему обществом; водораздел, отделяющий одно от другого, он видит в появлении частной собственности на землю и капитал то, как последний появился, он не исследует. Ещё меньше задавался этим вопросом Рикардо, который и первобытное состояние мыслил по образу и подобию буржуазного общества. А вульгарные экономисты, считающие капитал вообще результатом сбережения и «воздержания», таким же результатом считают и первоначальное накопление. Для них тут никакой проблемы нет. Раз капитал всегда и везде — результат сбережения, то различие между историческими периодами сводится лишь к количественным моментам: в одни эпохи капитал накапливается больше, в другие — меньше. Только для Маркса, раскрывшего истинную сущность капитала и капиталистического накопления, первоначальное накопление является качественно отличным от накопления, совершающегося уже на основе капиталистического способа производства. Если капиталистическое накопление есть не что иное, как непрерывно совершающаяся экспроприация наёмных рабочих, присвоение их неоплаченного труда, экспроприация, замаскированная и скрытая за отношением вещей, но происходящая согласно законам товарообращения, то первоначальное накопление есть экспроприация средств производства у производителей с целью превратить их в наемных рабочих- экспроприация, не

[523] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 498.
[524] Там же, с. 499.

прикрытая вещными отношениями, совершающаяся не по законам товарного обращения, а при посредстве внеэкономических факторов.

Капиталистическое накопление само непрерывно воспроизводит свои предпосылки, притом воспроизводит их на основе имманентных капиталистическому способу производства экономических законов. Первоначальное накопление впервые создает эти предпосылки; решающую роль в этом процессе играло насилие, а основу его составляло отделение средств производства от производителей. История капиталистического накопления есть история капитализма, история первоначального накопления—его предыстория. «*Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства*»[525]. Но «предыстория» капитала диалектически с самого начала начинает перерастать в «историю» капитала: когда первая достигает известной силы и мощности, капитал становится, что называется, на собственные ноги и начинает развиваться согласно присущим ему имманентным законам.

Своим исследованием первоначального накопления Маркс проливает яркий свет на историю Англии, в котором этот процесс происходил наиболее классически, начиная с реформации и кончая промышленным переворотом. На первый взгляд вся эта история представляется полнейшим хаосом, царством произвола и случайностей. Маркс вскрывает истинный смысл всей цепи событий, растянувшихся на много веков; материалистически объясняет такое «идеологическое» событие, как реформация; вскрывает, в силу чего происходили разграбление церковных земель, расхищение государственных имуществ, уничтожение общинной собственности, «освобождение» крестьян от земли и роспуск феодальных дружин. В истинном свете представлено и государство с его кровавым законодательством и меркантильной политикой, «фабриковавшей фабрикантов»; показано, как созданы были капиталистические фермеры и промышленные предприниматели, вскрыта роль налогов, государственных займов и колониальной политики.

Исследуя эти события как моменты в предыстории капитала, Маркс вскрыл их внутреннюю связь, их взаимообусловленность и их роль в создании предпосылок для капиталистического производства.

---

[525] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 573.

3. Второй том «Капитала»

Краткая история II тома «Капитала». Второй том «Капитала» издан был Энгельсом спустя два года после смерти Маркса. Ко времени издания I тома «Капитала» в основном был уже готов весь «Капитал», рукопись 1861–1863 гг. представляла собой, как было сказано, первую редакцию всего «Капитала». Однако не все его части были одинаково разработаны. Говоря об этой рукописи, Энгельс пишет: «*Как ни драгоценна эта рукопись, однако пришлось мало воспользоваться ею для настоящего издания II книги*»[526], так как «*...темы, вошедшие во II книгу... еще не получили здесь особой разработки*»[527].

В рукописи 1864–1865 гг., представляющей собой дальнейшую усовершенствованную редакцию всего «Капитала», значительно полнее разработаны также темы II тома. И Маркс имел основание полагать, что за I томом вскоре последует II том. Но к причинам, задерживавшим выход I тома (о них мы говорили выше), прибавились новые, сделавшие выход II тома при жизни Маркса невозможным.

По выходе в свет I тома Маркс стал усиленно готовить II том, но перерывы в работе наступали всё чаще и становились всё более длительными. Прежде всего выход в свет I тома «Капитала» создал новую обстановку и новые формы борьбы. Буржуазный ученый мир встретил I том «заговором молчания». Нужно было расстроить козни учёных лакеев буржуазии. Правда, вся тяжесть борьбы против «заговора молчания» пала на Энгельса, но она велась при активном участии Маркса, о чем свидетельствует их переписка.

С другой стороны, нужно было продвинуть идеи «Капитала» в массы, а между тем и самые близкие к Марксу и Энгельсу партийные работники не совсем поняли значение «Капитала». Даже В. Либкнехт на страницах редактируемой им в то время газеты не сумел должным образом популяризировать «Капитал».

Настоятельной стала также потребность в переводе «Капитала» на иностранные языки. Хлопоты о переводе этой книги на английский язык в то время не увенчались успехом, — первый такой перевод появился уже после смерти Маркса. Но Маркс уделил много внимания и времени французскому переводу «Капитала». Сам Маркс говорил, что на его долю выпала «чертовская работа» и что легче было бы самому сделать перевод. Но «чертовская работа» Маркса была вознаграждена тем, что французский перевод оказался не просто

---

[526] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. VIII, Предисловие Энгельса.

[527] Там же.

переводом, а самостоятельной, как подчеркивает Маркс, научной работой наравне с оригиналом.

Тут же следует отметить, что первым переводом «Капитала» был русский перевод, что было для Маркса приятной неожиданностью. Значительная часть перевода сделана была народовольцем Лопатиным[528], а закончил его народник Даниельсон (псевдоним Николай-он). Проникновение марксизма в Россию началось задолго до перевода «Капитала». Маркс, как видно из его переписки с Даниельсоном, относился с величайшим вниманием к русскому переводу «Капитала» и рассматривал его как важнейшее событие. Маркс также пристально следил, особенно в 70-е годы, за революционным движением в России и хорошо знал, что наряду с такими русскими, которые в молодости увлекались последним словом Запада из-за моды и желания казаться краппе левыми, а затем, став бюрократами, превращались в подлецов (выражение Маркса), были и такие русские, как Чернышевский, названный Марксом великим русским ученым, Лопатин и многие другие.

Скоро Марксу пришлось заняться подготовкой нового издания I тома «Капитала», что также заставило его прервать работу над II томом. И Маркс, по своему обыкновению опять начал сызнова: во второе издание, начиная с первой главы и кончая последней, он дополнительно внёс много ценного; ряд пунктов более детально развит, изложение улучшено.

Работа в Интернационале стала также более напряжённой. К борьбе с прудонистами прибавилась борьба с Бакуниным, который, став членом Интернационала, вел подрывную работу внутри организации, создавал свой альянс и проводил анархистские идеи и бунтарскую тактику. Эта борьба отнимала у Маркса немало времени и требовала с его стороны напряжённого внимания.

Изменилась и общая политическая обстановка. Произошло такое всемирно-историческое событие, как образование Парижской Коммуны, которая, по определению Ленина, знаменовала новую фазу в истории. Маркс всемерно поддерживал коммунаров. Глубочайший анализ и обобщение опыта Коммуны Маркс дал в своей классической работе «Гражданская война во Франции».

Руководя рабочим движением во всех странах, где были секции Интернационала, Маркс особое внимание уделял рабочему движению в Германии. Он весьма критически относился к руководству лассалевского союза

---

[528] Лопатин некоторое время жил в Лондоне и часто бывал у Маркса, который был о нем высокого мнения, как о революционере и человеке. Лопатин вернулся в Россию с целью устроить побег Чернышевскому, почему и не закончил начатого им перевода.

и всячески помогал эйзенахцам — с Либкнехтом и Бебелем во главе — занять правильную позицию и создать подлинную рабочую партию.

Всё же в период от 1867 до 1870 г. Маркс неоднократно принимался за работу над II томом «Капитала»; написал уже специально для этой книги четыре рукописи, из которых некоторые, например отдел I и ряд отдельных глав, уже полностью вошли в этот том. Однако закончить книгу в целом так. чтобы она отвечала его требованиям, Марксу не удалось. После 1870 г. наступает большой перерыв в работе, главным образом из-за резкого ухудшения здоровья Маркса. К концу 1877 г. Маркс делает новую попытку возобновить работу по подготовке к печати II тома; он написал последнюю рукопись (четвертую по счёту), но вынужден был из-за плохого состояния здоровья снова прервать работу.

Заканчивая характеристику оставленных Марксом для II тома рукописей, Энгельс пишет: «Таков материал для II книги, из которого я. как сказ Маркс своей дочери Элеоноре незадолго перед своей смертью, должен был «что-нибудь сделать». Энгельс проделал огромную работу по подготовке к печати книги, достойной быть продолжением I тома «Капитала».

По замыслу, по основной своей идее, II том «Капитала»—такое же цельное произведение, как и I том.

Том II «Капитала» как продолжение I тома. Том I «Капитала» Маркс озаглавил «Процесс производства капитала», том II—«Процесс обращения капитала». Говоря о внутренней связи между этими двумя книгами, Маркс пишет: «*В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический* ***процесс производства****, взятый сам по себе, как непосредственный процесс производства, причём оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства ещё не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется* ***процессом обращения****, который составил предмет исследований второй книги*»[529].

Как процесс производства капитала дополняется процессом обращения его, исследуется во втором томе. Последний вводит нас в сферу обращения, но не простого обращения, а капиталистического. Простое обращение исследовано было в I томе «Капитала», в первом отделе, особенно в III главе, названной «Деньги или обращение товаров».

Одна из важнейших составных частей экономического учения Маркса— это учение о единстве и различии простого товарного производства и

[529] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 25.

капиталистического и соответственно—о различии между простым товарным обращением и капиталистическим. Вопрос этот освещён Марксом впервые. Смит чувствовал различие между ними, но совершенно неправильно отождествлял простое товарное производство с первобытным состоянием. Рикардо не видел различия между простым товарным производством и капиталистическим и средства производства первобытного дикаря считал уже капиталом. Сисмонди и шедшие за ним мелкобуржуазные экономисты, противопоставляя простое товарное производство капиталистическому, видели различие между ними, но отрицали их внутреннюю связь.

Уже в I томе «Капитала», исследуя процесс производства капитала, Маркс рассматривает простое товарное производство как исходный пункт капиталистического и в то же время устанавливает принципиальное различие между ними. Во II томе, где исследуется процесс обращения капитала, проводится соответствующее различие между простым товарным обращением и капиталистическим.

В капиталистическом обращении имеются качественно иные объекты обмена. Во-первых, обращается такой специфический товар, как рабочая сила. Во-вторых — что вытекает из первого, — продукты труда, превратившись в продукты наёмного труда, обращаются не просто как товары и деньги, а как капиталы в определённых формах: деньги обращаются как денежный капитал, товар — как товарный капитал.

Как в капиталистическом производстве, так и в капиталистическом обращении друг другу противостоят антагонистические классы: рабочий класс продаёт свою рабочую силу, класс капиталистов её покупает. Правда, обмен происходит и между разными группами капиталистов — одни капиталисты продают другим капиталистам сырье, орудия труда и т. д.; обмен происходит и между капиталистами и мелкими товаропроизводителями, но ***специфика*** капиталистического обращения заключается именно в том, что обращается как товар рабочая сила. Следовательно, специфика его определяется тем, что это есть обращение между двумя антагонистическими классами.

Изучая во II томе процесс обращения капитала в целом, Маркс вновь вовлекает в круг исследований и процесс производства капитала, но уже под другим углом зрения, под углом зрения смены форм, так как и в процессе производства капитал сбрасывает с себя те формы, которые он имеет в фазах обращения, и принимает другую форму, форму производительного капитала. Если в I томе «Капитала» фазы обращения изучались в такой мере, в какой это нужно было для понимания процесса производства капитала, то во II томе процесс производства капитала изучается постольку, поскольку это

необходимо для понимания процесса обращения капитала как процесса смены форм капитала.

Маркс совершенно по-новому — и это тоже одно из важнейших его открытий — трактует вопрос об обращении. Классики, ставившие знак равенства между капиталом и средствами производства, обращение капитала рассматривали как обращение средств производства, т. е., поскольку они капитал свели к вещи, постольку они и обращение капитала свели к обращению вещи. Маркс же, открывший, что за вещью, именуемой капиталом, скрывается классовое отношение, увидел в обращении капитала смену форм этого классового отношения. Раз капитал не есть сумма вещей, а вещное выражение классовых отношений определенного типа общественной формации, обращение капитала является сменой вещных выражений этих классовых отношений.

Капитал имеет то форму денег, на которые покупаются факторы производства, то — форму самих этих факторов производства, то — форму товаров, произведенных этими же факторами производства.

Второй том «Капитала» состоит всего из трёх отделов, озаглавленных: 1) «Метаморфозы капитала и их кругооборот», 2) «Оборот капитала», 3) «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала».

Анализ форм капитала и их кругообороты. Исследуя три формы капитала и их кругообороты, Маркс, разоблачает односторонность меркантилистов и классиков. Меркантилисты смотрели на капитал глазами купца; движение капитала они представляли себе лишь в форме кругооборота денежного капитала. Они понимали, что цель и смысл капиталистического производства — в получении прибыли и в «делании» денег, но источник прибыли они искали не там, где следует. Они его искали в обращении, а производство рассматривали лишь как необходимое для обращения условие, т. е. они поддавались иллюзии, которая возникает, если ограничиться рассмотрением кругооборота денежного капитала.

Классики покончили с меркантильными иллюзиями. Они правильно исходили из того, что богатство создается в производстве и зависят от развития производительных сил, но они впали в другую односторонность, которая вытекает из анализа кругооборота производительного капитала, взятого изолированно от других форм кругооборота капитала.

Большая заслуга классиков в том, что ими на первое место выдвинуто производство, подчеркнут примат производства. Но сведя кругооборот капитала к кругообороту производительного капитала, они оставили вне поля зрения другие формы капитала и его кругооборота. Поэтому классики не могли полностью преодолеть меркантилистов, так как последние исходили, как

сказано, из кругооборота денежного капитала, который так же реален, как и кругооборот производительного капитала.

Маркс же исходит из единства всех форм капитала и их кругооборотов и исследует и различные стадии, через которые капитал в своем движении проходит и «различные формы процесса кругооборота». Капитал в своём движении «облачается» в разные формы, «которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота». Таких форм три: денежная, производительная, товарная. Соответственно имеются и три формы кругооборота капитала: денежного, производительного и товарного.

Маркс показывает, что капитал есть «*...движение, процесс кругооборота, про ходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое*»[530].

Три формы капитала и три формы его кругооборота—это формы единого промышленного капитала. Последний в своём движении постоянно изменяет свои формы и одновременно выступает как кругооборот денежного капитала, производительного и товарного. «*Капитал, который в течение всего кругооборота, — говорит Маркс, — принимает и потом сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть* ***промышленный капитал...***»[531]. Денежный капитал, производительный и товарный—не особые виды капитала. Они обозначают здесь не отдельные, обособленные друг от друга виды капитала, а особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все три формы, одну за другой.

Маркс противопоставляет всей прежней, политической экономии своё учение о метаморфозах капитала и их кругооборотах. Верно, что примат принадлежит производству, но не менее правильно, что капиталистическое производство включает обращение как один из своих моментов. Капитал, как учит Маркс в I томе, не может возникнуть из обращения, но не может возникнуть и вне обращения. Уже здесь с особой силой подчеркнуто единство производства и обращения, вскрытое анализом превращения денег в капитал и производства прибавочной стоимости. Дальнейшее исследование кругооборота капитала в целом во II томе является и дальнейшим развитием этого тезиса о единстве производства и обращения, хотя примат принадлежит именно производству.

---

[530] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 60.

[531] Там же, с. 20.

Развивая учение о единстве производства и обращения. Маркс полнее исследует и различие между ними. Что стоимость и прибавочная стоимость создаются только в производстве, доказано было в I томе; во II томе доказывается, что именно этим различием обусловлено различие разных форм капитала: именно потому, что прибавочная стоимость создается только в производстве, капитал в этой фазе кругооборота принимает форму производительного капитала. В других фазах капитал является капиталом обращения, и в зависимости от особенности каждой фазы обращения капитал принимает денежную форму и товарную.

Различие между производством и обращением выражается и в различии между издержками производства и издержками обращения, которые Маркс делит на: 1) чистые издержки обращения. 2) издержки хранения, 3) издержки транспорта. Издержки производства состоят из постоянного капитала плюс переменный: стоимость первого переносится на продукт, стоимость второго воспроизводится потреблением рабочей силы, в процессе которою она возрастает. Стоимость чистых издержек обращения, т. е. тех издержек, которые обусловлены только куплей и продажей товаров, следовательно, только сменой форм стоимости, не переносится на продукт и не воспроизводится. Она является вычетом из прибавочной стоимости.

Наконец, различием между производством и обращением обусловлено различием между трудом в производстве и трудом в обращении. Учение Маркса о производительном труде при капитализме, изложенное в I томе, также находит дальнейшее развитие во II томе. Производительным при капитализме является только тот труд, который производит прибавочную стоимость; в обращении труд не производит прибавочной стоимости, а потому в обращении труд непроизводителен.

Уже Кенэ проводил различие между производительным и непроизводительным трудом и объявил труд в обращении бесплодным. Но Кенэ, исходивший из неверной теории «чистого продукта» (см. главу VI), считал бесплодным и труд в промышленности. Маркс, развивая своё учение о единстве производства и обращения и их различии, последовательно проводит разграничение между трудом в капиталистическом производстве и трудом в капиталистическом обращении. Хотя и в последнем труд эксплуатируется (к этому мы вернемся при рассмотрении учения Маркса о торговом капитале), том не менее трудом производительным он не является.

Своим учением о капиталистическом обращении Маркс показал, что при капитализме труд не только эксплуатируется, но и непроизводительно тратится. Капиталистическое обращение поглощает массу труда и тем самым

отвлекает его от производства, т. е. уменьшает производительную силу совокупного общественного труда.

Учение Маркса об обороте капитала. От анализа кругооборота капитала Маркс переходит к анализу оборота капитала и совершенно по-новому освещает вопрос об основном и оборотном капитале. В предыдущих главах мы познакомились с историей этого вопроса. Физиократы, считавшие производительным только капитал в земледелии, делили его на первичные и годичные авансы: они правильно относили это деление исключительно к производительному капиталу, но неправильно объявили капитал в промышленности непроизводительным, как неправильно объявили и труд в промышленности бесплодным. Смит сделал шаг вперед, признав капитал и труд производительными во всех отраслях производства; он также вместо деления капитала на первичные и годичные авансы ввел деление капитала на основной (сам Смит называет его постоянным) и оборотный. Но Смит по сравнению с физиократами делал и шаг назад: во-первых, он делил и капитал обращения (торговый капитал) на основной и оборотный; во-вторых, неправильно обосновал это деление тем, что оборотный капитал приносит прибыль якобы благодаря его обращению, переходу из рук в руки, а основной капитал приносит прибыль не обращаясь.

Маркс вскрыл ошибочность смитовской теории основного и оборотного капитала; он доказал, что правы были физиократы, относившие это деление только к производительному капиталу, но последний не следует понимать ***по-физиократически***, — в этом отношении прав был Смит. В противовес физиократам и Смиту, у которых есть лишь отдельные правильные научные элементы, Маркс развил стройную теорию основного и оборотного капитала. В производстве, учит Маркс еще в I томе, происходит, с одной стороны, создание новой стоимости абстрактным трудом, а с другой — перенесение стоимости постоянного капитала конкретным трудом. Но, учит Маркс во II томе, конкретный труд по-разному переносит на продукт стоимость разных частей постоянного капитала: стоимость сырья, топлива и т. д. переносится целиком на продукт, так как они целиком потребляются в процессе труда; стоимость машины, здания и всего оборудования переносится частями, потому что они хотя и целиком функционируют в процессе труда, но лишь частично изнашиваются. Часть капитала, стоимость которого целиком переносится на продукт, совершает свой полный оборот в течение одного кругооборота; другая часть капитала совершает свой полный оборот в течение многих кругооборотов, и стоимость её переносится на продукт частями. Различие в перенесении стоимости разных частей капитала и соответственно различию их

в обращении придаёт одним частям капитала форму оборотного капитала, а другим — форму основного капитала.

Переменный капитал по своей форме движения относится к оборотному капиталу, так как он в каждом кругообороте вновь воспроизводится п, следовательно, обращается как оборотная часть постоянного капитала. Учение о структуре капитала — его деление на составные части, — развитое в I томе, дополняется во II томе учением об основном и оборотном капитале. Анализ капиталистического производства прибавочной стоимости приводит к делению капитала на постоянный и переменный; анализ же обращения капитала вскрывает действительную основу деления его на основной и оборотный капитал. Если деление капитала на основной и оборотный обусловлено способом перенесения стоимостей разных частей капитала на новый продукт, то деление на постоянный и переменный капитал обусловлено сущностью капиталистического производства как производства прибавочной стоимости. В этом принципиальное различие между делением капитала на основной и оборотный, с одной стороны, и делением его на постоянный и переменный — с другой.

Весьма ценно учение Маркса о действующем и бездействующем капитале и отношении их друг к другу. Время оборота состоит из времени производства и времени обращения. Обращение, следующее за производством, прерывает его; во избежание такого перерыва необходимо, чтобы заранее плелся запасный капитал, который можно было бы по окончании фазы производства авансировать, начать новый оборот еще до окончания оборота первого капитала. Отношение (количественное) между первым и вторым капиталами должно равняться отношению между временем производства и временем обращения.

Создаётся определённое противоречие. С одной стороны, капитал как стоимость, приносящая прибавочную стоимость, должен непрерывно быть занятым в фазе производства, иначе он, строго говоря, перестаёт быть капиталом. С другой стороны, именно для поддержания непрерывности производства, именно для того, чтобы стоимость непрерывно самовозрастала, часть её должна периодически высвобождаться, бездействовать, т. е. не самовозрастать. ***Капитал может непрерывно выполнять свою миссию, если часть его регулярно время от времени лишается возможности выполнять её.***

Указанному противоречию Маркс придает большое значение. «*Экономисты, — пишет он, — забывают именно ту часть (капитала. — Д. Р.), которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя*

как раз это обстоятельство очень важно для ***понимания буржуазного хозяйства****, а потому даёт знать о себе и на практике*»[532].

Дальше Маркс возвращается к этому вопросу и делает указание, в каком направлении названное противоречие разрешается, т. е. получает форму движения. Он говорит: «*Денежный капитал, высвободившийся таким способом вследствие одного только механизма движения оборотов, играет значительную роль (наряду с денежным капиталом, образующимся от последовательного возвращения основного капитала, и с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала), и, когда развивается система кредита, является одной из основ для неё*»[533].

Постоянно высвобождающийся денежный капитал, являясь одной из основ системы кредита, получает благодаря ей новую форму—форму ссудного капитала. В этой форме и находит разрешение рассмотренное нами противоречие. Высвободившийся в одном предприятии денежный капитал через посредство банков (капиталисты держат в банках свои свободные наличные деньги) перебрасывается в другие предприятия, и бездействие капитала доводится до крайнего минимума.

Маркс во II томе исследует процесс обращения капитала как процесс обращения промышленного капитала; торговый и ссудный капитал здесь не исследуются. Но всесторонний анализ процесса обращения промышленного капитала показывает, как механизм этого процесса порождает кредитную систему и преобразует ссудный капитал, а также торговый, превращая их из допотопных форм капитала в формы, производные от промышленного капитала. Процесс обращения промышленного капитала не может совершаться непрерывно, без запасного денежного капитала, который, будучи вложен в банк, принимает форму ссудного капитала. Этот же процесс постоянно выделяет денежный капитал благодаря амортизации основного капитала, который накопляется в денежной форме до полного износа последнего. Капитал в денежной форме накопляется и благодаря тому, что прибавочная стоимость, получаемая после каждого кругооборота, не может из-за недостаточности своих размеров сразу превратиться в производительный капитал.

Непрерывность процесса обращения промышленного капитала может быть обеспечена тем, что реализация товаров становится специальностью

---

[532] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 176 , выделение моё — Д. Р.

[533] Там же, с. 195.

особой группы капиталистов, торговцев, которые к тому же авансируют часть капитала, необходимого на время обращения.

Торговый и ссудный капитал исследуются Марксом в III томе, но во II томе уже вскрыта неизбежность их модификации, т. е. превращения их в формы, производные от промышленного капитала.

Воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Воспроизводство изучается и в VII отделе I тома «Капитала», но в ином разрезе. «*В I книге, — пишет Маркс, — был подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как единичный процесс, независимо от его повторения, и как процесс воспроизводства: производство прибавочной стоимости и производство самого капитала. Изменения формы и вещества, которые капитал проделывает в сфере обращения, были взяты нами в виде предпосылки, на которой мы не останавливались долее*»[534]. Здесь же предметом исследования становится уже то, на чём в 1 томе Маркс «не останавливался долее». В предыдущих отделах II тома «изменения формы и вещества, которые капитал проделывает в сфере обращения», исследовались в отношении индивидуального капитала; в последнем—III—отделе они исследуются в отношении всего общественного капитала.

Между движением индивидуального капитала и движением общественного капитала есть принципиальное различие, выдвигающее новые проблемы: общественный капитал, в отличие от индивидуального капитала, своим движением создает и условия этого движения. Для всякого индивидуального капитала условия его движения даны, так сказать, извне: например, фаза Д—Т кругооборота одного капитала может быть совершена потому, что другие капиталы в своих кругооборотах совершают фазу Т'—Д'. Поэтому при изучении движения индивидуального капитала наличие кругооборотов других индивидуальных капиталов, делающих возможным кругооборот данного индивидуального капитала, ***предполагается***, «витает в представлении как предпосылка», но не исследуется. Исследуется же другое: как и какие формы капитал в своём движении принимает и сбрасывает, периодичность этой смены форм, деление капитала на основную и оборотную части и т. д. Притом движение капитала исследуется только со стороны смены форм, а не вещества, т.е. не исследуется, где и как, скажем, машиностроительные заводы реализуют свои машины и покупают топливо, металл и т. д.; предполагается, что это совершается в результате обмена с другими отраслями производства. При изучении же движения общественного капитала, наоборот, предметом исследования становится именно то, что

[534] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 250.

раньше, при исследовании движения индивидуального капитала, было лишь предпосылкой, и предметом исследования становится не смена форм капитала — она уже изучена, — а обмен веществ: как происходит во всём общественном масштабе обмен одних потребительных стоимостей на другие. Они должны находиться в каком-то соответствии между собой, иначе такой обмен невозможен и невозможно всё общественное воспроизводство.

Каковы условия этого соответствия?

Кенэ первый, поставил эту проблему, и в этом — огромная его заслуга. Но решить её он не мог, так как исходил из своей неправильной концепции. Маркс поставил эту проблему по-новому и разрешил её.

Как в науке, так и в обыденной жизни встречаются всевозможные классификации и деления общественного производства. Когда, например, говорят: «предметы первой необходимости, предметы роскоши», то основой этого деления являются потребительные стоимости этих вещей; но когда говорят: «сельскохозяйственные продукты, промышленные изделия», то основой деления является уже производственный признак. Все же подобного рода деления ничего не дают для анализа воспроизводства и обращения общественного капитала. Маркс же открыл действительную основу, которая дает ключ к решению поставленной проблемы. Он делит общественный продукт на средства потребления и средства производства, и соответственно общественное производство — на производство средств потребления и производство средств производства. Но при капиталистическом способе производства общественный продукт является общественным капиталом; товар-труд при этой системе, являясь не только конкретным, но и абстрактным, создаёт также не только потребительную стоимость, но и стоимость; а являясь в то же время наёмным трудом, он создаёт и прибавочную стоимость, и товарный капитал. Поэтому деление общественного продукта является делением товарного капитала, одна часть которого составляет средства производства, а другая — средства потребления. Первые покупаются на постоянный капитал, вторые — на переменный плюс прибавочная стоимость: следовательно, основой деления всего общественного производства также является деление при капитализме общественного продукта по стоимости на с + с + m. И движение всего общественного продукта, имеющего форму капитала, подчинено закону капиталистического способа производства со всеми присущими ему противоречиями.

Анализ воспроизводства всего общественного капитала Маркс начинает с простого воспроизводства и последнему уделяет наибольшее внимание. «*Главные затруднения, — пишет Маркс, — большая часть которых уже разрешена в предыдущем, представляются при исследовании* ***не***

накопления, а простого воспроизводства»[535]. Прежде всего необходимо исследовать, как из бесчисленного множества хаотических движений отдельных, друг от друга обособленных и формально независимых индивидуальных капиталов создается единое движение всего общественного капитала. Следовательно, центр тяжести — в раскрытии скрывающейся за этим хаосом известной закономерности. А это дает именно анализ простого воспроизводства, еще не усложненного моментом накопления. При простом воспроизводстве указанная проблема поставлена в наиболее чистом виде; и как только она разрешена, т.е. условия и закономерность движения общественного капитала найдены, вопрос о расширенном воспроизводстве с этой точки зрения уже сводится к вопросу о той модификации, которая вносится превращением прибавочной стоимости в капитал.

Гениальная попытка Кенэ разрешить проблему воспроизводства и обращения всего общественного капитала до Маркса не получила дальнейшего развития. Более того, догма Смита, согласно которой весь общественный продукт делится на доходы, делала невозможным решение поставленной проблемы. Только Маркс, разоблачив ошибочность догмы Смита и вскрыв действительные основы деления общественного производства на два подразделения, исчерпывающе разрешил проблему воспроизводства и обращения всего общественного капитала.

В вопросе о возможности расширенного воспроизводства и накопления до Маркса существовало два направления: одно нашло своё яркое выражение в теории реализации Сэя, другое направление, возглавляемое Сисмонди, утверждало, как мы видели, невозможность накопления без «третьих лиц».

Маркс борется против апологета Сэя, отрицавшего противоречия капитализма, и против романтика Сисмонди, тянувшего назад и идеализировавшего мелкое производство. Капиталистическое накопление происходит в антагонистических формах, делающих неизбежными периодические кризисы.

4. Третий том «Капитала»

От II тома к III тому «Капитала». Том III вышел в свет спустя девять лет после II тома. И Энгельс радостно воскликнул: «*Наконец мне удалось опубликовать эту третью книгу главной работы Маркса, окончание теоретической части*»[536].

---

[535] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. 264 , выделение моё — Д. Р.

[536] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 5, Предисловие Энгельса.

Такую длительную задержку выхода III тома Энгельс объясняет целым рядом причин. Хотя в рукописи 1861–1863 гг. и особенно в рукописи 1864–1865 гг. проблемы III тома были разработаны, но на изложении их лежала печать той работы, которую Маркс по своему обыкновению проделывал для «уяснения вопроса самому себе». Требовалась еще огромная работа для упорядочения оставленного материала. Специально «*для третьей книги имелся, — сообщает Энгельс, — только один первоначальный набросок, притом с величайшими пробелами*»[537].

Задерживало выпуск III тома и состояние здоровья Энгельса: слабость зрения, которая с годами увеличивалась и которая чрезвычайно ограничивала его рабочее время. Над составлением III тома Энгельс мог работать всего несколько месяцев в год.

Но немаловажную роль играли и другие «неотложные, — как говорит Энгельс, — работы». За время, отделяющее появление III тома от выхода II, рабочее движение сделало огромные успехи. I Интернационал в начале 70-х годов был распущен, но посеянные им семена дали прекрасные всходы: международное рабочее движение развивалось, захватывая все более широкие круги пролетариата, — вширь развивался марксизм. В этот период всемирной истории — от Парижской Коммуны до русской революции 1905 г.— «*учение Маркса одерживает полную победу и — **идет вширь***»[538].

Появился огромный спрос на переиздание и переводы на иностранные языки работ Маркса и Энгельса. Энгельс пишет предисловия к новым изданиям и переводам; многие переводы он просматривает и помогает переводчикам. По этому поводу Энгельс пишет: «*Кто сколько-нибудь следил за колоссальным ростом интернациональной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот признаёт, что я имел основания поздравлять себя с тем, что очень ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчику и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра его работы. Но рост литературы был только симптомом соответственного роста самого интернационального рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности*»[539].

Появление III тома было не только величайшим научным, но и политическим событием. Тактика «заговора молчания» давно провалилась, — марксизм стал грозной непобедимой силой, и «заговор молчания», с одной

---

[537] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 6.

[538] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 332.

[539] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 5, Предисловие Энгельса.

стороны, сменился всевозможными «опровержениями», а с другой, — приспособленчеством, попытками исказить марксизм. «*Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его* ***переодеваться*** *марксистами. Внутренно-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического* ***оппортунизма****. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наёмного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т.е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников*»[540].

Одним из аргументов «опровергателей» марксизма было то, что Маркс своей теории не закончил и что её якобы закончить нельзя, так как и Маркс не может разрешить противоречия между законом стоимости и законом образования равной прибыли на равновеликие капиталы, как не разрешил этого противоречия и Рикардо. Неудивительно, что появления III тома ожидали с большим нетерпением. В предисловии ко II тому «Капитала», вышедшему на свет в 1885 г., Энгельс оповестил о скором выходе третьей книги и о том, что в ней дано решение названного противоречия. Более того, сам Энгельс наиболее чётко это противоречие формулировал и предложил сторонникам Родбертуса, обвинявшим Маркса в плагиате — будто бы Маркс похитил у Родбертуса учение о прибавочной стоимости, — предвосхитить (до появления II тома) решение этого противоречия. «*Если они (сторонники Родбертуса — Д. Р.) покажут, — писал Энгельс в этом предисловии, — каким образом может и должна образоваться одинаковая равная норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но, напротив, на его основе, тогда ты будем разговаривать с ними дальше*»[541].

Это обстоятельство придало ещё особый, мы бы сказали, специфический характер ожиданию выхода III тома. Ожидали прежде всего решения противоречия, которое сторонникам Родбертуса так и не удалось разрешить. И действительно, дискуссия, поднявшаяся с появлением III тома (1894), концентрировалась преимущественно на том, даёт ли Маркс решение этого противоречия или нет. Последовательные марксисты убедились, что Энгельс вполне прав: Маркс разрешил, «каким образом может и должна образоваться одинаковая равная норма прибыли не только без нарушения закона стоимости,

---

[540] В. И. Ленин, Соч., т. 16, с. 332.

[541] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. XX.

но, напротив, на его основе». Буржуазные «опровергатель» не только не сдавались, но чувствовали себя именинниками, торжествуя победу по случаю поражения марксизма. Маркс, мол, в III томе фактически отказывается от положений I тома; между этими томами—непроходимая пропасть[542]. А сторонники «убийства» марксизма «иудиным поцелуем», вроде Зомбарта и др., заявляли, что между I и III томами «Капитала» противоречия нет, но это потому, что стоимость для Маркса —будто бы только «логический» факт, реальным же фактом является цена производства: вначале Маркс будто бы изображает товарное производство как чисто логическую систему, в которой господствует стоимость, а затем он воспроизводит реальную действительность, в которой место стоимости занимает цена производства.

Появление III тома и связанная с ним дискуссия имели громадное значение для дальнейшего развития марксистской политической экономии. Наиболее опасны были скрытые враги, особенно те, которые проникли в социал-демократические партии и старались разлагать их изнутри. Но революционные марксисты имели такое превосходное оружие для борьбы с врагами всех мастей, как экономическое учение Маркса, получившее свое завершение в III томе. Полемика вокруг последнего ещё больше отточила это оружие.

Завершение марксовой экономической теории. Том III Маркс озаглавил «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Указав на предмет и характер исследований в первых двух томах, Маркс продолжает: «*Что касается задачи этой третьей книги, она не может заключаться в том, чтобы представить общие рассуждения относительно этого единства (единства производства и обращения.—Д. Р.). Напротив, здесь необходимо найти и описать те конкретные формы, которые возникают из* ***рассматриваемого как целое процесса движения капитала****. В своём действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым форма капитала в непосредственном процессе производства, а также его форма в процессе обращения являются лишь особыми моментами. Следовательно, те формы капитала, которые мы описываем в этой книге, шаг за шагом приближаются к той форме, в которой они выступают на поверхности*

[542] Бем-Баверк в своей книге «Капитал и прибыль», настаивая на непримиримости противоречия между I и III томами, победоносно заявляет: «*Никогда еще, я думаю, начало какой-либо системы не было решительнее и резче изобличено во лжи ее концом*». Но этим Бем только изобличил себя как вульгарного экономиста, который не только не мог понять метода Маркса, но, искажая в интересах буржуазии капиталистическую действительность, не нуждался ни в каком научном методе.

общества, в действии различных капиталов одного на другой, в конкуренции и в обыденном сознании деятелей производства»[543].

Таким образом, предметом исследования III тома являются те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, взятого в целом, и «*...шаг за шагом приближаются к той форме, в которой они выступают на поверхности общества...*» По отношению к указанным формам «*...форма капитала в непосредственном процессе производства, а также его форма в процессе обращения, являются лишь особыми моментами*». Они — эти особые моменты — не воспроизводят и воспроизводить не могут капиталистической действительности во всей её конкретности. Более того, они находятся с ней как будто в противоречии. Анализ капитала в непосредственном процессе производства вскрывает специфическую, исторически обусловленную форму классовых отношений, форму господства владельцев средств производства и обращения над владельцами рабочей силы; «на поверхности общества» капитал выступает как деньги, рождающие деньги. Анализ процесса капиталистического производства вскрывает прибавочную стоимость, являющуюся капиталистической формой присвоения прибавочного труда; «на поверхности же общества» фигурирует прибыль как надбавка к издержкам производства и как «порождение» всего капитала. Прибавочная стоимость пропорциональна переменному капиталу, прибыль — всему капиталу.

Анализ процесса обращения капитала показывает, что обращение есть не что иное, как смена форм стоимости, что в обращении не возникают ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Между тем «на поверхности общества» прибыль выступает и в форме торговой прибыли, и в форме ссудного процента, т. е. в форме прибыли от обращения. В процессе обращения—в том виде, как он исследуется во II томе «Капитала», деньги и товары являются денежной и товарной формами промышленного капитала. На «поверхности же общества» деньги и товары живут уже, так сказать, обособленной жизнью и выступают как торговый и ссудный капиталы.

Вот почему изучение капиталистического способа производства не может быть исчерпано только анализом процесса производства и процесса обращения.

В I томе, где исследуется «процесс производства капитала», вскрыта наиболее общая форма классовых отношений буржуазного общества и наиболее общая форма присвоения прибавочного труда, т. е. прибавочная стоимость. Сущность капиталистического способа производства здесь наиболее ярко и прозрачно представлена, и изучена.

---

[543] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938. с. 25.

В процессе обращения капитала, изучаемом во II томе, капитал выступает уже в таких формах, как денежная, товарная, а производительная форма представляется лишь как одна из форм капитала. В этих формах классовое отношение уже искажено и замаскировано; самовозрастание капитала представляется уже результатом его движения, смены его форм; и чем скорее происходит это движение, тем быстрее капитал самовозрастает. Зато сделан значительный шаг в «восхождении к конкретному»: в кругообороте капитала дано единство производства и обращения, и перечисленные формы капитала вытекают из этого единства.

В III томе «Капитала» Маркс возвращается к тому, из чего он исходил с самого начала исследования, т. е. к капиталистической действительности как она непосредственно дана. Классовое отношение выступает наиболее искаженно и замаскированно, но вместе с тем и наиболее конкретно, следовательно, и наиболее действительно.

Для капиталистического способа производства характерно не классовое отношение вообще, не эксплуатация одного класса другим вообще, но классовое отношение в его капиталистической форме. Следовательно, пока не дана эта форма во всём её многообразии и конкретности, не дано ещё во всей его реальности и классовое отношение. Исследование капитализма как особой экономической формации и особой формы классового господства Маркс начинает в I томе «Капитала» и завершает в III томе.

Исходный пункт исследования III тома. «*Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимостипредставляют, относительно, нечто невидимое, требующее раскрытия существенное, между тем как норма прибыли, а потому и такая форма прибавочной стоимости как прибыль обнаруживаются на поверхности явлений*»[544]. Это «невидимое» и «существенное» раскрыто было Марксом в I томе «Капитала», здесь же, наоборот, исследуется, каким образом п в силу чего «невидимое» и «существенное» обнаруживаются на поверхности явления в форме прибыли II нормы прибыли.

В I томе «Капитала» Маркс идет от прибыли к прибавочной стоимости; в III томе путь исследования обратный: от прибавочной стоимости — к прибыли. Исходным же пунктом этого исследования является превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Названное «превращение» и изучается в качестве исходного пункта, в качестве перехода от «невидимого» к тому, что обнаруживается на поверхности явления.

---

[544] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 39.

«*Прибавочная стоимость, — говорит Маркс, — представленная таким образом как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму прибыли*»[545].

Прибавочная стоимость и прибыль друг друга отрицают и друг друга предполагают. Прибавочная стоимость есть выражение прибавочного труда, прибыль представляется как порождение авансированного капитала; прибавочная стоимость есть выражение классовых отношений, прибыль представляется как свойство и отношение вещей. Но прибавочная стоимость как капиталистическая форма присвоения прибавочного труда и капиталистическая форма выражения классовых отношений может в свою очередь быть выражена лишь в прибыли, может быть выражена лишь в своей противоположности.

В III томе получает дальнейшее и всестороннее развитие учение Маркса о превращенных формах. В I томе исследовалась заработная плата как превращенная форма стоимости и цены рабочей силы. В III томе исследуются такие превращенные формы, как прибыль и норма прибыли, средняя прибыль и цена производства, предпринимательский доход и процент, рента.

Закон стоимости и закон равенства прибылей на равновеликие капиталы. От анализа превращения прибавочной стоимости в прибыль п нормы прибавочной стоимости в норму прибыли Маркс переходит к анализу превращения прибыли в среднюю прибыль, которое является в то же время и превращением стоимости в цену производства. Для классической политической экономии такая проблема не существовала, как не существовала для нее и проблема превращения прибавочной стоимости и нормы прибавочной стоимости в прибыль и норму прибыли. Сводя прибыль к прибавочной стоимости, классики не делали между ними никакого различия; они не проводили также различия между прибылью и средней прибылью. Говоря о естественной прибыли, они под ней понимали обычно среднюю прибыль, не подозревая, что последняя—результат уравнения разных прибылей, получаемых в разных отраслях производства. Классики также не проводили различия между стоимостью и ценой производства.

Маркс детально исследует процесс превращения прибыли в среднюю прибыль. Развивая свое учение об органическом строении капитала применительно к одновременно существующим различным отраслям

[545] Там же, с. 33.

производства[546] и учитывая также, что разные скорости оборота влияют на норму прибыли, Маркс полностью вскрывает весь процесс превращения разных прибылей в среднюю прибыль. Действительно, в разных отраслях производятся разные массы прибавочной стоимости; превращаясь в прибыль, они превращаются и в среднюю прибыль, так как происходит не только реализация прибавочной стоимости, но — и это одно из важнейших открытий Маркса — и перераспределение ее.

Средняя прибыль, которую классики рассматривали как естественную, или обычную, прибыль, у Маркса получает иной смысл и иное содержание. Хотя она получается в острой конкурентной борьбе, но как результат перераспределения прибавочной стоимости она выражает общность интересов и единство класса капиталистов по отношению к рабочему классу. Чем выше степень эксплуатации труда всего рабочего класса, тем выше норма и масса совокупной прибавочной стоимости, присваиваемой классом капиталистов. Каждый капиталист стремится из общего котла набрать побольше—отсюда ожесточенная борьба между ними; по все они кровно заинтересованы в том, чтобы этот котел непрерывно увеличивался.

Весь класс капиталистов Маркс уподобляет акционерному обществу, в котором дивиденды получаются в соответствии с величиной капитала каждого акционера. Буржуазное общество признает только одно равенство, равенство прибылей на равновеликие капиталы, независимо от их органических строений и скорости оборота.

Превращение прибыли в среднюю прибыль означает и превращение стоимости в цену производства. Стоимость равняется $c + v + m$; а раз m превращается в среднюю прибыль (p^1), то $c + v + m$ превращается в $c + v + p^1$, т.е. стоимость превращается в цену производства—издержки производства плюс средняя прибыль, и как средняя прибыль есть не что иное, как превращенная форма прибавочной стоимости, так и цепа производства — не что иное, как превращенная форма стоимости.

Между предыдущими томами и III томом «Капитала» не только пет никакого противоречия, по исследования III тома — лишь дальнейшее развитие и завершение исследований первых томов. В 1 и II томе Маркс исходит из того, что товары продаются по стоимости, и это потому, что в анализ еще не введен такой фактор, как распределение прибавочной стоимости. С другой стороны, сам этот фактор действует лишь на основе закона стоимости и

[546] В I томе показано было, как с развитием капитализма повышается органическое строение капитала; в III томе Маркс исходит уже из того, что и в одновременно существующих отраслях имеются различные органические строения капитала.

прибавочной стоимости. Следовательно, закон образования средней прибыли и цен производства есть тот же закон стоимости и прибавочной стоимости, по модифицированный, т. е. получивший иную форму проявления.

Стоимость не только теоретически «предшествует» цепе производства— т. е. последней нельзя объяснить без первой, — но и исторически. «*Итак, — говорит Маркс, — обмен товаров по их стоимостям, пли приблизительно по их стоимостям, соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития». И дальше: «Таким образом, независимо от господства закона стоимости над ценами и движением цен, вполне ссответствует обстоятельствам рассматривать стоимости товаров не только как теоретическое, по и как историческое prius по отношению к ценам производства. Это относится к таким экономическим отношениям, когда средства производства принадлежат самому работнику, а в таком положении находится в древние и в новейшие времена крестьянин, обрабатывающий собственным трудом принадлежащую ему землю, и ремесленник*»[547].

Закон стоимости — закон товарного производства как простого, так и капиталистического; но действие этого закона на протяжении многовековой истории товарного производства модифицировалось. На рынке в результате отделения средств производства от производителей появился особый товар— рабочая сила. Этот особый товар покупается по закону стоимости, но продукт, произведённый потреблением рабочей силы, т.е. в капиталистическом производстве, получает характер продукта капитала и принимает форму товарного капитала. Товарный капитал реализует не тот, кто его действительно производит, а тот, кто на его производство авансировал капитал, и прибавочная стоимость принимает форму прибыли, представленной как порождение всего капитала. Прибавочная стоимость в форме прибыли перераспределяется п превращается в среднюю прибыль, а стоимость — в цену производства.

Но без прибавочной стоимости невозможны ни средняя прибыль, ни цена производства, а сама прибавочная стоимость возникает на основе закона стоимости. Следовательно, при капитализме закон стоимости проявляется через закон прибавочной стоимости, закон средней прибыли и закон цен производства.

Классики очутились вереД двумя неразрешимыми для них противоречиями: 1) противоречием между законом стоимости и обменом труда

[547] К. Маркс, Капитал, Т. 3, 1938, с. 160.

на капитал и 2) противоречием между законом стоимости и законом (тенденцией) равенства прибылей на равные капиталы (см. главу IX). Первое противоречие Маркс разрешил в I томе, второе — в III томе.

Закон тенденции нормы прибыли к понижению и всеобщий закон капиталистического накопления. Еще задолго до Маркса известно было, что с развитием капитализма норма прибыли падает, но предшественники Маркса объяснить этого факта не могли. Причину этого Маркс видит в следующем: «*...если принять в соображение, что хотя вся предыдущая политическая экономия ощупью и подходила к различению постоянного и переменного капитала, но так и не сумела определенно его формулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей —как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; что она никогда основательным образом не анализировала различия в органическом составе капитала, а следовательно, и образование общей нормы прибыли,—то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки*»[548].

Маркс же все это исследовал с величайшей тщательностью, а потому падение нормы прибыли (с развитием капитализма) перестает быть загадочным, более того, становится ясным, что это—закон капиталистического производства, точнее—одно из проявлений всеобщего закона капиталистического накопления.

В I томе (VII отделе) исследованы были: 1) основные моменты этого закона, обусловленные тем, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости, 2) влияние накопления на рабочий класс и 3) вытекающий отсюда особый, свойственный только капиталистическому производству, закон народонаселения. В III томе исследуется другое проявление всеобщего закона капиталистического накопления—его проявление как закона тенденции нормы прибыли к понижению.

Накопление и повышение органического строения капитала порождают два противоположных явления: падение нормы прибыли и увеличение массы прибыли. И это противоречие воспроизводится во все расширяющихся размерах: при непрерывном росте массы прибыли непрерывно растет та часть ее, которая превращается в добавочный капитал. Следовательно, ускоряется накопление капитала, а последнее сопровождается повышением органического строения его, что в свою очередь опять понижает норму прибыли.

---

[548] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 192.

Норма прибыли неуклонно понижалась бы, если бы не было противодействующих причин. Маркс детально исследует эти причины в XIV главе.

Противоречия капиталистического производства находят яркое выражение в законе тенденции нормы прибыли к понижению: являясь выражением всеобщего закона капиталистического накопления, этот закон, в свою очередь развивая и обостряя противоречия капитализма, наиболее ярко характеризует его как систему, исторически преходящую. Если капиталистическое накопление в отношении рабочего класса создает избыточное население, обрекает пролетариат на прогрессирующее обнищание, то на другом полюсе—в царстве прибылей—оно же обусловливает собой определенный закон движения нормы прибыли (тенденцию к ее понижению), создает и избыточный капитал, капитал, который не может быть с обычной прибылью применен в существующих сферах производства. Это заставляет капитал эмигрировать, постоянно расширять (за пределы своего «отечества») свое поле действия. Но это расширение, увеличивая темп накопления, еще больше увеличивает и избыточный капитал; противоречия воспроизводятся на расширенной основе.

Исследуя, как развертываются противоречия закона тенденции нормы прибыли к понижению, Маркс показывает, как эти противоречия находят выражение в кризисах: «...*конфликт противоречивых влияний периодически находит исход в кризисах. Кризисы всегда представляют только временное насильственное разрешение существующих противоречии, насильственные взрывы, которые на мгновение восстановляют нарушенное равновесие*»[549].

По вопросу о кризисах экономисты до Маркса делились на два лагеря: одни, шедшие за Рикардо и Сэем, отрицали возможность общих кризисов; другие, примкнувшие к Сисмонди, правильно считали кризисы неизбежными для капитализма. Но Сисмонди и его сторонники не могли вскрыть ни основной причины кризисов, ни всех форм ее проявления. Маркс показал и доказал, что возможность кризисов уже заложена в простом обращении, соответствующем простому товарному производству; исследовал, как эта возможность превращается в реальность, как на определенной стадии развития капитализма кризисы становятся периодическими и что составляет основу этой периодичности; вскрыл не только сущность кризисов, но и их значение как насильственных взрывов, которые на мгновенье восстанавливают нарушенное равновесие.

[549] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 224.

Промышленный и торговый капитал. В I и II томе «Капитала» весь класс капиталистов был представлен одними, так сказать, промышленными капиталистами. Последние персонифицировали как индивидуальные капиталы, так и весь общественный капитал. Но в реальной капиталистической действительности наряду с промышленным капиталом существует и торговый капитал, который на поверхности общества выступает как капитал «равноправный» и равнозначащий капиталу промышленному. И тот и другой приносят и должны приносить одинаковую прибыль. И «*...современная экономия, — как говорит Маркс, — даже в лице своих лучших представителей, прямо сваливает в одну кучу торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей*»[550].

Учение же Маркса о единстве производства и обращения, о различии между ними и примате производства исчерпывающе решает вопрос и о соотношении промышленного и торгового капитала. Примат принадлежит промышленному капиталу, основной формой которого является производительный, обусловливающий собой другие его формы—товарную и денежную. Торговый капитал—не что иное, как обособившаяся товарная форма промышленного капитала, и в качестве такой формы он имеет ряд «характерных особенностей».

Исследовать эти «характерные особенности» стало возможным лишь после всестороннего анализа промышленного капитала, представляющего собой — в наиболее общей форме—капитал как классовое отношение н движение. Исторически торговый капитал предшествовал промышленному. он появляется задолго до последнего и даже способствует его зарождению. Но теоретически Маркс исследует торговый капитал как одну из обособившихся форм промышленного капитала, как дальнейшее его ***развертывание и конкретизацию***. Однако в этом не следует усматривать разрыв между логическим и историческим, отрыв теоретической модели от изображаемой ею действительности. Торговый капитал возникает раньше промышленного, но он последним преобразуется; торговый капитал в докапиталистическую эпоху и торговый капитал при капиталистическом способе производства—это разные категории. Предшественники Маркса не видят различия между торговым капиталом в докапиталистическую эпоху и торговым капиталом при капитализме. Маркс первый устанавливает это различие. «*При капиталистическом способе производства — т. е. когда капитал овладевает самим производством п придает ему совершенно измененную п*

[550] Там же, с. 241.

специфическую форму — купеческий капитал является лишь капиталом с ***особой*** *функцией. При всех прежних способах производства — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство средств существования для самого производителя, — купеческий капитал представляется функцией капитала par excellence (по преимуществу. — Д. Р.)*»[551].

Еще в самом начале анализа капиталистического производстве Маркс писал: «*В дальнейшем ходе нашего исследования мы увидим, что торговый и ростовщический капиталы представляют производные формы...*»[552]. Торговый капитал является производной формой не только в теории, но и в капиталистической действительности; точнее, он является производной формой в теории, потому что таковым он является в действительности, т.е. в историческом процессе. Этому историческому процессу, преобразующему купеческий капитал, низводящему его до роли «агента производительного капитала», соответствует и теоретический марксов анализ, восходящий от промышленного капитала к торговому.

Купеческий капитал распадается на два, по выражению Маркса, подвида: на товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал. Сперва Маркс исследует товарно-торговый капитал, особенности и своеобразие этого подвида купеческого капитала. Он — обособившаяся товарная форма промышленного капитала; следовательно, необходимо выяснить, какое новое, так сказать, качество он получает в результате этого обособления.

Затем Маркс исследует торговую прибыль как особую форму прибавочной стоимости. Торговая прибыль представляется как результат движения торгового капитала и как будто ничего общего не имеет с промышленной прибылью. Только общий анализ капиталистического производства и основанный на нем анализ торгового капитала, как обособившейся товарной формы промышленного капитала, вскрывает истинную природу торговой прибыли как особой формы прибавочной стоимости.

Часть прибавочной стоимости промышленники уступают торговцам. Но эта уступка происходит в порядке купли-продажи произведенных в промышленности товаров, следовательно, это должно модифицировать цены производства. Сумма цен производства, по которым промышленные капиталисты продают всю товарную массу купцам, уже не может равняться стоимости последней. Отсюда вытекает и исследуется Марксом совершенно

---

[551] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 293.

[552] Там же, т. 1, 1935, с. 108.

неизвестная его предшественникам проблема модификации самих цен производства вследствие превращения части прибавочной стоимости в торговую прибыль. Исследуются также роль и функции торгового капитала. Купец «не даром» получает часть прибавочной стоимости, — его капитал должен выполнять и выполняет необходимые и полезные для капиталистической системы функции. И Маркс рассеивает иллюзию, будто торговый капитал не только извлекает прибыль, но и производит ее.

Но торговый капиталист не был бы капиталистом, если бы он сам выполнял все торговые операции; они выполняются наемным трудом. Отсюда новая проблема, которая Марксом и исследуется, — характер и особенности эксплуатации служащих и рабочих, занятых в торговле.

Весь перечисленный круг проблем обусловлен обособлением товарного и денежного капитала в купеческий капитал. Вообще купеческий капитал Марксом исследуется лишь постольку, поскольку это дает более полное изображение капиталистического способа производства в целом. «*Купеческий или торговый капитал, — пишет Маркс, — распадается на две формы или подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь характеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа основной структуры капитала*»[553].

Маркс не ставил себе задачи писать монографию, посвященную купеческому капиталу. Его задача — исследовать капиталистический способ производства в целом. И купеческий капитал анализируется постольку, поскольку это необходимо для выяснения этого способа производства. Анализ торгового капитала, исследование проблем, связанных с обособлением товарного и денежного капитала в купеческий капитал, — все это раскрывает новые стороны в «основной структуре капитала», освещает ее полнее.

Исследование торгового капитала поднимает общий теоретический анализ капиталистического способа производства на новую ступень; оно вместе с тем приближает к тем формам, в которых капитал выступает на поверхности общества (об этом мы уже говорили выше, при характеристике III тома).

Промышленный, торговый и ссудный капитал. Единство трех форм капитала непосредственно дано лишь в движении промышленного капитала, который не только последовательно переходит из одной формы в другую, но и одновременно пребывает во всех трех формах. В движении торгового капитала дано лишь единство двух форм капитала — денежной и товарной, связь же последних с производительным капиталом скрыта. В ссудном капитале дана только одна форма капитала — денежная; «скрылась с

[553] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 241.

глаз» связь ее не только с производительным капиталом, но и с торговым. Создается иллюзия, будто ссудный капитал является капиталом либо потому, что деньги сами по себе капитал, либо потому, что кредитная сделка как таковая вне связи с капиталистическом производством превращает деньги в капитал. В первом случае исчезает различие между деньгами и капиталом, во втором случае кредиту приписывается магическая сила превращать деньги в капитал. Поэтому торговый и ссудный капитал выступают на поверхности общества как самостоятельные, первичные капиталы, владельцы которых находятся с владельцами промышленного капитала лишь в деловых отношениях. Как торговая прибыль представляется результатом функции торгового капитала, так и процент представляется результатом функций ссудного капитала, т. е. результатом совершаемых им ссудных операций.

В действительности купеческий капитал и ссудный капитал, учит Маркс, — производные формы капитала. Но этим их сходстве ограничивается; дальше уже начинаются различия. Купеческий капитал в основном выполняет те же функции, что промышленный капитал в товарной форме, и в порядке выполнения этих функций притягивает часть прибавочной стоимости. Не то ссудный капитал: связь его с воспроизводством капитала, его движение, форма присвоения им части прибавочной стоимости— все это в одинаковой мере противопоставляет его как промышленному капиталу, так и купеческому.

Ссудный капитал со всей кредитной системой есть надстройка над торгово-промышленным капиталом. Но это не значит, что кредит извне «пристроен» к торговле и промышленности. Уже в I томе «Капитала» (I отдел) своим анализом простого товарного обращения и функций денег Маркс показал, что кредитные отношения органически вырастают из товарных отношений, точнее, являются модифицированными товарными отношениями. Кредитные отношения в свою очередь придают деньгам функцию орудия платежа, на основе чего вырастают кредитные документы и кредитные деньги. А анализ капиталистического обращения (во II томе) показал, как кругооборот капитала постоянно и высвобождает денежный капитал и притягивает его. Непрерывное отталкивание и притягивание денежного капитала, непрерывное превращение его из потенциального капитала в функционирующий и из функционирующего в потенциальный капитал, являясь, 1 условием и следствием движения капитала, содержит в себе, так мы видели, такие противоречия, которые находят разрешение, те. форму движения, в кредите.

Кредит является надстройкой, органически вырастающей из своей основы и в свою очередь воздействующей на нее. Кредитные отношения складываются в сложнейшую систему, составляющую сферу действия ссудного капитала, основой которого остается торгово-промышленный капитал.

Ссудный капитал есть 1) денежный капитал, следовательно, одна из форм торгово-промышленного капитала; 2) но денежный капитал в особой, специфической форме. Ссудный капитал получает от капиталистического производства не только свое бытие как капитал, но и специфичность своей формы. Марксово исследование ссудного капитала в III томе есть дальнейшее развертывание, дальнейшее «восхождение от абстрактного к конкретному» в исследовании капиталистического способа производства в целом и соответствующих ему отношений производства и обмена. Капитал в форме капитала, приносящего проценты, бросает новый свет на «основную структуру капитала». Последняя получает новые определения, получает более богатое содержание.

Обособление товарной и денежной формы промышленного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый капитал обусловливает собой распадение прибыли на промышленную и торговую прибыль. Выделение денежного капитала в ссудный капитал обусловливает собой «распадение прибыли на процент и предпринимательский доход». И процент, и предпринимательский доход характеризуют капитал с новых сторон. Если процент капиталист получает в силу одного права собственности на капитал, то предпринимательский доход он получает в силу того, что функционирует как активный капиталист, активно участвует в промышленности или торговле. Процент делает возможным существование ***пассивных капиталистов*** и стимулирует превращение денежного капитала в ссудный капитал. Предпринимательский доход делает возможным присвоение прибавочной стоимости и при помощи чужого заемного капитала и стимулирует привлечение чужого капитала. Рядом с рынком обычных товаров и рынком труда создается и рынок капиталов; создается и новый вид предприятий, торгующих капиталом и концентрирующих спрос на капитал и предложение его. Словом, воздвигается наиболее сложное здание, настоящий лабиринт в виде грандиозной сети банков, фондовых бирж и всяких иных учреждений. В этом лабиринте капиталистические отношения получают свое наиболее полное выражение и свое наиболее полное искажение; они окончательно мистифицируются и фетишизируются.

«*Поэтому, — говорит Маркс, — в капитале, приносящем проценты, перед нами выступает выработанный в чистом виде этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в*

капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения»[554].

Исследованию «бессодержательной формы этого превращения» Маркс посвящает весь V отдел III тома. Исследование он начинает с того, что вскрывает сущность ссуды как продажи денег в качестве капитала; в ссуде деньги выступают как особый товар, «товар-капитал». И таким товаром деньги являются потому, что при капиталистическом способе производства они получают добавочную потребительную стоимость вследствие того, что, превращаясь в капитал, они приносят прибавочную стоимость.

На основе купли-продажи денег в качестве «товара-капитала» возникли банки, покупающие и продающие этот товар, словом, торгующие им. И Маркс подвергает подробному анализу байковые операции и банковый капитал, его состав и его источники.

Маркс различает банковый кредит и коммерческий кредит. При всем различии этих двух видов кредита Маркс вскрывает их многообразные связи, превращающие их в единую кредитную систему.

Всесторонне исследуя роль кредита при капитализме. Маркс вскрывает его двойственное значение при этой системе. Являясь моментом в воспроизводстве капитала и содействуя его накоплению, концентрации и централизации, кредит ускоряет развертывание противоречий капитализма и играет немаловажную роль в развязывании кризисов. Маркс показывает, наконец, что «*...кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства*»[555].

Класс капиталистов и землевладельцы. Анализом ссудного капитала и процента Маркс завершает исследование того, как прибавочная стоимость, создаваемая в производстве, распределяется между разными группами капиталистов—промышленных, торговых и ссудных—п как в силу этого прибавочная стоимость принимает особые формы. Но на прибавочную стоимость претендуют и земельные собственники; имея в своих руках такое средство производства, как земля и ее недра, они своп претензии осуществляют. При феодализме они присваивали весь прибавочный продукт, притом при посредстве внеэкономических факторов. Капиталистический способ производства, проникший в сельское хозяйство, превративший

[554] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 251.
[555] Там же, с. 537.

феодальную собственность в капиталистическую, превратил тем самым докапиталистическую ренту в ренту капиталистическую, получаемую на основе экономических законов, действующих при этой системе.

Проблема ренты занимала центральное место в классической политической экономии. Вопрос заключался в том, как и в каких пропорциях должно делиться богатство, создаваемое общественным трудом, между буржуазией и земельной аристократией. Неудивительно, что теория ренты разрабатывалась с большой тщательностью и достигла, как мы видели, значительного развития у Рикардо, показавшего, как на основе закона стоимости образуется рента. Но буржуазная ограниченность кругозора великого классика мешала ему вникнуть со всей глубиной в классовую природу ренты; его интересовал количественный момент: как рост ренты уменьшает прибыль. Рента как особая, специфическая форма, обусловленная капиталистическим способом производства, им не исследована. Припомним также, что он признавал только дифференциальную ренту.

Маркс использовал научные элементы рикардовской теории ренты и, коренным образом их переработав, развил подлинную научную теорию ренты. Рикардо увязал ренту со стоимостью и показал, как добавочная прибыль, получаемая на средних и лучших участках, превращается в ренту. Маркс доказал, что этого недостаточно, что прежде всего следует вскрыть природу добавочной прибыли, получаемой на лучших и средних землях. На этих землях труд более производителен, вследствие чего уменьшается необходимое рабочее время и увеличивается прибавочное, следовательно, создается избыточная прибавочная стоимость, которая и превращается в ренту. Последняя—не просто часть стоимости, создаваемой трудом, а часть прибавочной стоимости, производимой наемным трудом, и получается она опять-таки не просто на основе закона стоимости, а на основе закона стоимости и прибавочной стоимости. Короче, на лучших и средних участках получается дифференциальная рента потому, что на них производится больше прибавочной стоимости; степень эксплуатации там выше, выше и норма прибавочной стоимости. Избыточная прибавочная стоимость в промышленности достается промышленнику, в земледелии — собственнику земли.

Маркс всесторонне исследует обе формы дифференциальной ренты и показывает, что она повышается не только тогда, когда цены на земледельческие продукты поднимаются, как думал Рикардо, но может повышаться и тогда, когда цены понижаются. Маркс с особой тщательностью исследует все случаи такого рода.

Маркс освободил теорию ренты от выдуманного буржуазными экономистами закона убывающего плодородия почвы.

Применив теорию цен производства к земледельческим продуктам. Маркс доказал, что добавочная прибыль получается и на худших из обрабатываемых земель, и эта добавочная прибыль превращается в абсолютную ренту.

Совершенно новым является учение Маркса о докапиталистической ренте, о принципиальном отличии ее от капиталистической ренты и о разных ее формах.

Различие менаду капиталистической рентой и докапиталистической обусловлено различием феодального и капиталистического способов производства. Докапиталистическая рента была основной формой прибавочного продукта, присваиваемого феодалами; капиталистическая рента есть одна из особых форм прибавочной стоимости и количественно составляет лишь часть ее.

Капиталистическая рента как часть прибавочной стоимости есть результат эксплуатации труда капиталом. Докапиталистическая рента есть результат эксплуатации мелких производителей (крестьян) феодалами.

Докапиталистическая рента присваивалась путем внеэкономического принуждения. Капиталистическая рента получается на основе действующего при капиталистической системе закона стоимости.

* * *

В предварительном плане рукописи всего «Капитала» изложение законов земельной ренты предшествует анализу торговой прибыли и процента. В III томе изложение идет, как видим, в обратном порядке. Логически исследование ренты могло быть дано уже после II отдела, т. е. после того, как показана была модификация стоимости в цену производства, так как этим уже даны все предпосылки для марксовой теории ренты. Но методологически к ренте можно «восходить» лишь после анализа распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов в собственном смысле. Этот анализ показывает постепенно, шаг за шагом, как происходит отрыв получения прибыли от производства прибавочной стоимости. В ссудном проценте, как мы видели, отрыв этот наиболее резко выражен, а в ренте он достигает своего апогея. Рента в отличие от других особых форм прибавочной стоимости представляется как продукт земли, а не капитала.

Маркс недаром видоизменил своп предварительный план.

В порядке «восхождения» анализ земельной ренты должен 'следовать, как мы показали, именно за торговой прибылью и ссудным процентом.

Анализом «превращения добавочной прибыли в земельную ренту» заканчивается анализ конкретных форм, которые «возникают из рассматриваемого как целое процесса движения капитала». И в VII отделе—«Доходы и их источники» — Маркс подводит итоги результатам исследовании не только III тома, но и всего «Капитала», т.е. всех его трех томов. Основной темой этого послед него отдела является фетишизация производственных отношении буржуазного общества. Тайну товарного фетишизма Маркс вскрывает еще в 1 главе I тома «Капитала», т. е. в начале исследования капиталистического способа производства, анализом же фетишизации производственных отношении это исследование и заканчивается. На основе рассмотрения тех конкретных форм, которые выступают на поверхности общества, тайна фетишизации производственных отношений наиболее наглядно и рельефно обнажается. Тут же Маркс окончательно разоблачает тех экономистов-фетишистов, которые выводят заработную плату из труда, прибыль—из капитала, а ренту—из земли.

5. «Теории прибавочной стоимости»

Четвертый том «Капитала». «Теории прибавочной стоимости» написаны были Марксом задолго до выхода в свет I тома «Капитала». В рукописи 1861—1863 гг., о которой мы уже неоднократно упоминали, имеется отдел под названием «Теории прибавочной стоимости», составляющий, по указанию Энгельса, «...главную часть рукописи: страницы 220—972 (тетради VI—XV)...»[556].

«*Этот отдел, — говорил Энгельс, — содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и кроме того в форме полемики с предшественниками излагает большую часть тех пунктов, которые наследованы впоследствии особо и в логической связи в рукописи, относящейся к книге II и III. Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи* ***в виде IV книги «Капитала»****, причем из нее будут устранены многочисленные места, исчерпанные в книге II и III*»[557]. Маркс также считал «Теории прибавочной стоимости» продолжением «Капитала». В письме от 31 июля 1865 г. Маркс пишет Энгельсу: «*Что касается моей работы, то я сообщу тебе об этом чистую правду. Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги). Затем еще нужно будет написать четвертую книгу, историко-*

[556] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. VIII, Предисловие Энгельса.
[557] Там же, выделение моё — Д. Р.

литературную. Это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее повторением в исторической форме»[558].

Итак, намерение Энгельса подготовить к печати «Теории» в виде IV книги «Капитала» находилось в полном соответствии с планом самого Маркса, который еще в рукописях, охватывающих по содержанию одновременно и три тома «Капитала» и «Теории», наметил выделение историко-экономической части в отдельный IV том и, следовательно, рассматривал «Теории» как продолжение первых трех книг «Капитала». Иначе смотрел на дело Каутский, подготовивший «Теории» к печати: он видел в них работу, параллельную «Капиталу»; аргументировал он это тем, что в «Теориях» повторяется многое из того, что содержится в первых трех томах «Капитала». По Каутскому выходит, будто Маркс вел одновременно два самостоятельных исследования: предметом одного из них был капиталистический способ производства, предметом другого—историческое развитие экономической теории. Это не только находится в противоречии с прямыми заявлениями Маркса и Энгельса, но по существу извращает характер великого труда Маркса.

В тесной неразрывной связи с исследованием конкретной действительности Маркс критически изучал исторически сложившиеся теории, системы, концепции, и его учение выросло в результате этого двустороннего исследования. Данный метод исследования Маркса нашел свое отображение в самом названии труда Маркса: первый заголовок — «Капитал»—говорит об исследовании буржуазного способа производства, при котором господствующую роль играет капитал, а второй заголовок—«Критика политической экономии» — указывает на одновременное наличие в книге критического анализа исторически сложившихся экономических теорий.

Уже в первых трех томах «Капитала» Маркс, развивая свое учение о товаре, о деньгах, о капитале и т. д., критически рассматривает воззрения предшественников, но лишь по соответствующим вопросам, отмечая то, что есть в их взглядах правильного, и отбрасывая неверное. Таким образом, в теоретической части рукописи, вошедшей в первые три тома, Марксом уже дана была по отдельным вопросам (в тематическом плане) история экономической теории[559]; но здесь эта история еще не систематизирована. В историко-экономической же части рукописи, вошедшей в «Теории», Маркс, подытоживая и дальше развивая критические оценки, данные в теоретической части

[558] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, с. 294.

[559] Обильные цитаты в сносках и в самом тексте и критическая интерпретация их Марксом уже дают возможность восстановить историю развития экономических теорий.

рукописи, уже вскрывает связь и последовательность разных направлений экономической мысли в их историческом развитии.

«Теории» являются завершением первых трех томов «Капитала» не только по линии историко-критической, но и по линии позитивной, так как, критикуя концепции своих предшественников. Маркс наиболее полно дает здесь и дальнейшее развитие своей научной теории в позитивной форме. Изучая «Теории прибавочной стоимости», мы находим в них много нового по всем вопросам, трактуемым в первых трех томах.

Как в первых трех книгах «Капитала», так и в «Теориях» краеугольным камнем является учение о прибавочной стоимости. В первых трех томах, исследуя капиталистический способ производства как производства прибавочной стоимости, Маркс под этим углом зрения пересматривает все категории политической экономии и критикует неправильность пли недостаточность их понимания его предшественниками. В «Теориях», критически излагая учения своих предшественников в целом, Маркс оценивает эти школы п направления под углом зрения их приближения или отдаления от правильного понимания сущности капиталистического способа производства и источника прибавочной стоимости

Исследуя капиталистический способ производства в его возникновении, развитии и неизбежной гибели, Маркс последует и буржуазную политическую экономию тоже в ее возникновении, развитии и банкротстве. Своим исследованием Маркс открыл закон движения капиталистической формации и, показав, каков ее базис и какова надстройка, одновременно создал подлинно научную политическую экономию и подлинно научную историю политической экономии.

Метод и содержание «Теории». Метод Маркса есть метод материалистической диалектики. Этот метод применяется Марксом во всех областях знания. Но характер исследования, конкретные приемы применения метода — общего для всех наук — в каждой отдельной дисциплине определяются прежде всего самим предметом исследования. «*Технология, — говорил Маркс, — раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлении. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть*

единственно материалистический, а следовательно, научный метод»[560]. То, чего Маркс требует от историков религии, он сам применяет в отношении истории политической экономии. «Из данных отношений реальной жизни» он выводит соответствующее экономическое учение. Из реальных отношении буржуазного общества на первых ступенях его развития, когда сильно еще было влияние торгового капитала, Маркс выводит меркантильную систему. Так он исследует, конечно, не только меркантилизм, ио п физиократизм, английскую классическую политическую экономию, вульгарных экономистов, мелкобуржуазных экономистов и экономические учения социалистов того времени. Но в то же время одной из важнейших задач в этой области является для Маркса исследование того, как возникли и развились первые понятия о товаре, деньгах, капитале, как появились первые попытки формулировать общую экономическую закономерность, как от видимости вещей стали переходить ко вскрытию их сущности. Под этим углом зрения меркантилизм, физиократизм и английская классическая политическая экономия рассматриваются Марксом как различные ступени в развитии политической экономии как науки, которая с XVI в. до 30-х годов XIX в. развивается по восходящей линии. Главное внимание Маркса сосредоточен;' на исследовании того, как зарождались и развивались те элементы политической экономии — теория стоимости и теория прибавочной стоимости — которые получили свое научное завершение у него самого.

Итак, Маркс, с одной стороны, выводит содержание той или иной экономической системы из реальных отношений соответствую щей эпохи, с другой стороны, вскрывает внутреннюю свят между этими системами как определенными этапами в развитии единой экономической науки.

Выпячивая именно последнее, Гильфердинг полностью извращает метод Маркса, отождествляя его с методом, применяемым I стелем в области истории философии. «*Рассматривая изложение всех 3-х томов (Теорий прибавочной стоимости) все стороны его метода, приходишь прежде всего в необыкновенное изумление: да ведь это Гегель! То, что Маркс излагает, это—саморазвитие политической экономической науки, как она начинается, с первых правильных воззрений Петти и Франклина, признающих труд, общим свойством товаров и денег, и кончается в системе Маркса*»[561].

Гильфердинг замалчивает тот факт, что для Маркса не сознание определяет бытие, а наоборот. Согласно учению Маркса, «духовное

---

[560] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, с. 281.

[561] «Neue Zeit», 1910, № 5.

производство», т. е. наука, искусство п т. д., общественно обусловлено, как и материальное производство. Перефразируя сказанное Марксом о материальном производстве индивидов[562], можно сказать: индивиды, занимающиеся научными исследованиями в обществе, следовательно, общественно обусловленная работа мысли индивидов,—таков естественный исходный пункт для всякой науки, в том число и истории политической экономии.

Начиная исследование экономических учений с системы меркантилистов, Маркс показывает, что не только содержание этой системы, но I: метод и теоретическая обработка материала были общественно обусловлены: «*...Меркантильная система, — по учению Маркса, — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она касалась только поверхности явлений*»[563].

Меркантилисты смотрели на богатство сквозь призму торгового капитала, и иной системы, кроме меркантильной, они создать не могли. С другой стороны, меркантильная система знаменует младенчество политической экономии, как и эпоха, в которую она возникла, относится к младенческому возрасту капитализма.

Физиократы, перенесшие исследование из сферы обращения в сферу производства, знаменуют, по учению Маркса, значительный шаг вперед по сравнению с меркантилистами. Но в то же время Маркс вскрывает классовую природу и историческую обусловленность как научных достижений, так и ошибок физиократов.

Маркс первый вскрыл истинный смысл «Tableau économique», учения физиократов о чистом продукте и всей их системы в целом как первой теоретической системы, пытавшейся охватить все капиталистическое производство в целом, и первый же объяснил своеобразие физиократической системы, буржуазной по содержанию и феодальной по внешности.

Центральное внимание и максимум места (свыше двух третей) уделяет Маркс в «Теориях» английским классикам Смиту и Рикардо. Он критически анализирует каждое их положение, оценивает каждую их установку и определяет, насколько двинули они вперед политическую экономию как науку. При этом он шаг за шагом вскрывает их классовую историческую обусловленность и ограниченность.

---

[562] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, ч. 1, с. 173.

[563] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 302.

Работы Смита и Рикардо Маркс рассматривает как последовательные ступени в развитии экономической науки, отмечая как внутреннюю преемственную связь, так и различие между ними. Это различие, по Марксу, обусловлено тем, что Смит — экономист мануфактурного периода, а Рикардо— периода промышленного переворота. Видя в Смите и Рикардо своих ближайших предшественников, Маркс в то же время подчеркивает принципиальное отличие своего учения от их учения.

В учении Смита и Рикардо Маркс выделяет то, что способствовало развитию теории трудовой стоимости и теории прибавочной стоимости, и отбрасывает все то, что развитию этих теорий мешало.

Маркс выделяет проблемы, которые у классиков остались нерешенными, и показывает, что эти проблемы были им не под силу ввиду классовой ограниченности их кругозора. Таким образом, Маркс с исчерпывающей полнотой определил историческое место Адама Смита и Давида Рикардо в истории политической экономии.

Как мы уже неоднократно отмечали, Маркс первый провел различие между классической политической экономией и вульгарной. В «Теориях» Маркс останавливается на виднейших представителях вульгарной экономии, вскрывает их теоретическую немощь и бесплодие и показывает, что вульгарный апологетический характер их теории обусловлен обострением противоречий капитализма и классовой борьбой.

Значительное место в «Теориях» уделяется тем социалистам, которые пытались использовать классическую политическую экономию в интересах пролетариата. К ним относятся ранние английские социалисты—Томпсон, Равенстон, Годскпн и др. Точке зрения буржуазии они еще не могли противопоставить последовательно пролетарскую точку зрения, — пролетариат к тому времени еще не успел превратиться из «класса в себе» в «класс для себя»! Но они уже пытались рассматривать экономические категории с точки зрения трудящихся и тем самым вступили на путь превращения политической экономии из оружия буржуазии в оружие пролетариата против буржуазии.

После Рикардо буржуазные экономисты уже не двигали политическую экономию вперед. Но из этого правила были единичные исключения. К таким исключениям Маркс относит прежде всего Ричарда Джонса. В «Теориях» (книга третья) Маркс довольно подробно останавливается на его попытках рассматривать катего рии политической экономии исторически. Такого же рода попытки, но значительно более слабые, Маркс находит у Рамзея и Шербюлье.

* * *

Как в первых трех томах, так и в «Теориях» Маркс-ученый и Маркс-революционер неотделимы друг от друга. Будучи пламенным непримиримым борцом против буржуазии и ее политической экономии, Маркс в то же время с подлинно научным беспристрастием отмечает в последней все научные элементы и малейшие достижения.

Маркс дал классический образец соединения объективности с партийностью, что является важнейшей особенностью марксистской методологии.

6. Маркс и Энгельс о диктатуре пролетариата, о социализме и коммунизме

О диктатуре пролетариата. С того времени, как Маркс провозгласил, что носителем социализма является пролетариат, — а это было провозглашено еще в его статьях в «Немецко-французских ежегодниках» (см. главу XVI) — он все больше и все глубже развивает идею диктатуры пролетариата. Эта идея занимает центральное место в «Манифесте коммунистической партии». Слово диктатура еще не произнесено, но неизбежность завоевания пролетариатом политической власти насильственным путем уже обоснована. После же революции 1848 г. Маркс прямо говорит о необходимости «разбить» государственную машину буржуазии.

Все экономическое учение Маркса является обоснованием диктатуры пролетариата. Подводя итог своим исследованиям в I томе «Капитала», Маркс пишет: «*Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а потому и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде*»[564]. Это вытекает из анализа капиталистического производства как производства прибавочной стоимости и из анализа капиталистического накопления как процесса капитализации прибавочной стоимости. Капиталистическое накопление означает превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения[565].

Продолжая свое резюме I тома «Капитала», Маркс говорит: «...*капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы*

---

[564] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1935, стр. 613.

[565] См. там же, с. 462.

порождает отрицание себя самого. Это — отрицание отрицания»[566]. На смену капиталистической собственности идет коллективная собственность. Вновь соединяются средства производства с производителями, но не на докапиталистической основе, а «*...на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом*»[567].

Само капиталистическое накопление создает объективные и субъективные факторы своего же отрицания. «*Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоачация земли, выработка таких средств труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного, общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка, и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима*»[568].

Тот же процесс, который подготовляет объективные условия уничтожения капитализма, создает и субъективный фактор— могильщика буржуазии. «*Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, — продолжает Маркс, — которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства*»[569].

И отсюда революционный вывод: «Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[570].

Открыв экономический закон движения буржуазного общества. Маркс обосновал ***неизбежность диктатуры пролетариата***, что составляет

---

[566] Там же, с. 613.

[567] Там же.

[568] Там же, с. 612.

[569] Там же, с. 612–613.

[570] Там же, с. 613.

живую душу «Капитала» и всего марксизма. Неизбежность диктатуры доказана в «Капитале», проверена на опыте пашей великой социалистической революции. Только реформизм, представляющий собой агентуру буржуазии в рабочем классе, проповедовал и проповедует мирное перерастание капитализма в социализм.

«*То, что я сделал нового,—говорит Маркс в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.,—состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства (historische Entwickelungskampfe der Produktion), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»[571].

Приведя эту цитату, Ленин говорит: «*В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве*»[572].

Наличие классов я классовой борьбы признавали и буржуазные классики. Рикардо, как мы помним, в своем экономическом анализе современного ему общества исходил из существования трех основных классов и противоположности их интересов: но он считал это вполне естественным, присущим всякому обществу. Социалисты-утописты боролись против господства одного класса над другим п стремились к построению бесклассового общества. Но к классовой борьбе они относились отрицательно: они не только не считали ее движущей силой исторического процесса уничтожения классов и перехода к бесклассовому обществу, но и усматривали в ней помеху к этому.

Маркс, исследовав капиталистический способ производства в его возникновении, развитии и гибели, неопровержимо обосновал, что «классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата».

Маркс детально изучал классовую борьбу пролетариата и на каждом этапе обобщал опыт этой борьбы.

После Парижской Коммуны Маркс уже конкретно ставит вопрос о том, чем должна быть заменена государственная машина буржуазии. Итог своему учению о диктатуре пролетариата Маркс подводит в «Критике Готской программы». «*Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — читаем мы там, — лежит период революционного превращения первого во второе. -Этому периоду соответствует и политический переходный*

[571] В. И. Ленин, Соч., т. 21, с. 391–392.

[572] Там же, с. 392.

период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как ***революционной диктатурой пролетариата***»[573].

О социализме и коммунизме. В противоположность социалистам-утопистам Маркс и Энгельс не занимались детальной разработкой устройства будущего общества. Как пролетарские революционеры они мыслили строго научно. В пх время еще нельзя было представить, при каких конкретных условиях совершится социалистический переворот, следовательно, не было еще данных для того, чтобы конкретно представить организацию будущего коммунистического общества. Но основные принципы устройства последнего Марксу и Энгельсу были ясны, они их развивали в течение всей своей революционной научной деятельности.

«*На основании каких же данных, — спрашивает Ленин, — можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?*»

И отвечает: «*На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется*»[574].

Зная, как коммунизм возникнет и в каком направлении он должен развиваться, Маркс определяет фазы его развития—низшую и высшую—и характеризует основные черты той и другой. На первой фазе еще будут «родимые пятна», обусловленные ее происхождением; вторая будет уже окончательно от них освобождена.

«*Мы имеем здесь (на первой фазе коммунизма, — Д. Р.), — пишет Маркс, — дело не с таким коммунистическим обществом, которое* ***развилось*** *на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что* ***выходит*** *как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло*»[575].

В высшей фазе коммунистическое общество развивается уже на собственной основе и «родимые пятна старого общества» окончательно стерты.

---

[573] К. Маркс, Избранные произведения, т. 2, с. 461.

[574] В. И. Ленин, Соч., т. 21, с. 428.

[575] К. Маркс, Избранные произведения, т. 2, с. 452.

Маркс указывает и то, что отделяет высшую фазу коммунизма от низшей, и то, что их объединяет. Уже в первой фазе создается бесклассовое общество, частная собственность заменена общественной (социалистической) собственностью и уничтожена эксплуатация человека человеком. Это — основа и низшей и высшей фазы коммунизма; это — то, что их объединяет в новую общественно-экономическую формацию, принципиально отличную от старых формаций. Высшая фаза отделяется от низшей тем что 1) «...*исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда...*», 2) исчезнет вместе с тем «...*противоположность умственного и физического труда...*», 3) «...*труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни...*», 4) «...*вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком...*»[576]

Маркс нанес сокрушительный удар мелкобуржуазному «принципу»: право рабочего на полный продукт его труда. Это «право» выставлено было, как мы видели (см. главу XIV), ранними английскими социалистами и подхвачено Лассалем, переименовавшим его (это право) в право на «неурезанный доход труда». Маркс точно указал, какие вычеты должны быть из него сделаны. Эти вычеты Маркс делит на две группы: одна обусловлена потребностями самого общественного производства, другая — целым рядом других общественных потребностей, непосредственно к производству не относящихся. К первой группе вычетов относятся: 1) покрытие расходов по восстановлению потребленных средств производства, 2) добавочная часть для расширения производства. 3) резервный пли страховой фонд. Ко второй группе Маркс причисляет: 1) издержки управления, которые в коммунистическом обществе с самого начала будут, как Маркс замечает, значительно сокращаться в сравнении с соответствующими расходами в буржуазном обществе; 2) расходы на удовлетворенье общественных нужд в школах, санитарных учреждениях и пр., — эти расходы в коммунистическом обществе будут все больше и больше расти; 3) на содержание нетрудоспособных членов общества.

Только остающуюся после всех этих вычетов часть продукта общество сможет распределить между работающими его членами. «*Неурезанный трудовой доход», — иронически замечает Маркс по адресу лассальянцев, — «незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо пли косвенно идет на пользу ему же как члену общества*»[577].

---

[576] К. Маркс, Избранные произведения, т. 2, с. 452.

[577] Там же, с. 451.

Как же будет распределяться этот «урезанный доход»?

Ответ на этот вопрос дан в «Критике Готской программы», где проводится четкое различие между двумя фазами коммунистического общества. Хотя в первой, низшей, фазе коммунизма, названной Марксом социализмом, капитализм уже уничтожен, уничтожены и все виды эксплуатации человека человеком, однако распределение происходит еще согласно качеству и количеству труда, затрачиваемого каждым членом общества. На высшей фазе коммунизма проводится уже принцип: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Это учение, как и все учение Маркса, получило дальнейшее развитие в работах Ленина и Сталина.

Глава XVII
Борьба Маркса и Энгельса против враждебных марксизму течений и дальнейшее развитие марксистской политической экономии

Характеризуя период, наступивший после Парижской Коммуны, Ленин пишет:

«*Второй период (1872–1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.*

*Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — **идет вширь**. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам*»[578].

Но именно в этот период делаются неоднократные попытки взорвать марксизм изнутри.

«*Диалектика истории, — продолжал Ленин, — такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его **переодеваться** марксистами. Внутренно-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического **оппортунизма***»[579].

---

[578] В. И. Ленин, Соч., т. 26, с. 332.

[579] Там же.

Разные формы оппортунизма, имеющего длинную историю и неоднократно изменявшего свой цвет, приспособляясь к менявшимся условиям развития капитализма и классовой борьбы, мы рассмотрим во II томе. Здесь же рассмотрим, как Маркс и Энгельс боролись против первых попыток «сгнившего либерализма... оживить себя в виде социалистического оппортунизма». Авторы этих попыток еще не выдавали себя за марксистов, но старались влиять на недавно образовавшиеся социал-демократические партии и вербовать среди них своих сторонников.

К тому времени марксизм теоретически одержал полную победу, дан исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные передовой мыслью человечества в области философии, социализма и политической экономил. Социализм из утопии стал подлинной наукой; политическая экономия из оружия в руках буржуазии превращена была в оружие против буржуазии; выработана была марксистская философия. На первый план выдвинулась задача внедрения марксизма и марксистской политической экономик в массы и борьбы против «сгнившего либерализма», пробиравшегося в социал-демократические партии, и против мелкобуржуазных рецидивов внутри их.

Как раньше, так и теперь Маркс и Энгельс не ограничивали своей критики враждебных пролетариату течений. В борьбе с ними они оттачивали свое собственное оружие, развивали дальше свое учение, поднимали его на все более высокую ступень. В это время Марксом и Энгельсом написано немало классических работ, углубивших и развивших основные положения марксизма и марксист ской политической экономии.

Остановимся на важнейших из этих работ.

1. Последнее десятилетие жизни и деятельности Маркса

«Критика Готской программы». В 1863 г. организован был лассалевский Всеобщий германский рабочий союз, а немного позднее образовалась германская социал-демократия, сформировавшаяся на съезде в Эйзенахе (отсюда название первых германских социал-демократов—эйзенахцы). Лассальянцы имели значительное влияние на часть рабочего класса Германии и мешали созданию единой марксистской партии. Эйзенахцы энергично боролись против лассальянцев, но вместе с тем они сами еще далеко не освободились от влияния Лассаля. Поэтому борьба между эйзенахцами и лассальянцами в основном велась лишь по вопросам текущей политики и по тактическим вопросам; серьезных теоретических дискуссий не было. Основным был вопрос о том, как и на какой основе должно совершиться объединение Германии. Лассаль, а после его смерти вожаки лассальянцев заигрывали с Бисмарком, проводившим политику объединения Германии сверху, точнее,

через прусскую монархию. Эйзенахцы во главе с Либкнехтом и Бебелем требовали объединения Германии снизу, через буржуазно-демократическую революцию. Но эйзенахцы не всегда могли отмежеваться от буржуазных и мелкобуржуазных демократов, особенно в южногерманских государствах с их ярко выраженным провинциализмом и партикуляризмом.

После победоносной для Пруссии франко-прусской войны этот спор между эйзенахцами и лассальянцами отпал: объединение Германии совершено было сверху. «*И тогда, — пишет Ленин, — **умер** спор лассальянцев с эйзенахцами. И тогда **умер** вопрос об **общедемократической** революции в Германии...*»[580].

Но именно тогда особенно почувствовался вред раскола в ра бочем движении Германии. В объединенной Германской империи стал быстро развиваться капитализм, сильно увеличивались ряды пролетариата, но раскол парализовал его силы. Потребность в единой рабочей партии диктовалась и общим развитием рабочего движения. Рядовые члены обеих партий настоятельно требовали объединения.

Маркс и Энгельс были, конечно, за объединение; весь вопрос—на какой основе объединиться? Основоположники научного коммунизма были непримиримыми противниками компромисса по программным, принципиальным вопросам. А между тем эйзенахцы как раз и соглашались на такого рода компромисс. Более того, проект программы, выработанный к объединительному съезду в Готе (1875), базировался на лассалевской основе. Это был даже не компромисс, а прикрытие лассальянства. Неудивительно, что по ознакомлении с этим проектом Маркс и Энгельс тотчас же выступили с резкой критикой и разоблачили его лассальянское нутро.

Свою критику названного проекта Маркс изложил в письме на имя Бракке с просьбой передать его для ознакомления Бебелю, Либкнехту и др. Уже после смерти Маркса, в 1891 г., Энгельс напечатал этот ценнейший документ в научном журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit».

Помимо всесторонней критики воззрений Лассаля, которые будут рассмотрены в следующем томе, наиболее ценным в «Критике Готской программы» является охарактеризованное нами в конце предыдущей главы дальнейшее развитие Марксом учения о диктатуре пролетариата, о социализме и коммунизме. В этом важнейшем документе марксизма Маркс и Энгельс уже отметили появление в рядах германской социал-демократии оппортунизма, который, развиваясь в дальнейшем, привел к полному ее разрыву с революционным марксизмом.

---

[580] В. И. Ленин, Соч., т. 14, с. 215.

Борьба против прудонизма. В 1872 г. в центральном органе эйзенахцев появилось несколько статей доктора медицины Мюльбергера по жилищному вопросу. Усмотрев в этих статьях прудонизм в замаскированном виде, Энгельс ответил на них рядом статей, изданных затем отдельной брошюрой под названием «Жилищный вопрос».

В этой работе, полемической по форме, мы имеем прекрасное изложение основ марксистской политической экономии. Борясь против Мюльбергера, Энгельс борется за правильное понимание сущности капитализма. Он доказывает, что сделка между квартиронанимателем и домовладельцами—это обычная товарная сделка, т. е. сделка, регулируемая общими законами товарного обращения при капиталистическом способе производства, и что изменить условия найма квартир при сохранении капиталистических отношений невозможно. Энгельс сжато, но вполне исчерпывающе излагает теорию прибавочной стоимости, данную в «Капитале».

Но Энгельс идет дальше: он доказывает, что приобретение рабочим в собственность квартиры, домика, клочка земли должно ухудшить, а не улучшить его положение, ибо это прикрепит его к определенному месту и заставит продавать свою рабочую силу на любых условиях. Прудонисты, мечтающие о прикреплении рабочего к домику, к земле, черпают свои идеалы в безвозвратно ушедшем прошлом, они хотят «*...перевести стрелку часов мировой истории на сто лет назад, а тем самым сделать современных рабочих снова такими же ограниченными, пресмыкающимися, угодливыми рабьими душами, какими были их прадеды*»[581].

Какое же решение жилищного вопроса дает Энгельс? «*Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселённых квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и другие экспроприации и занятия квартир современным государством*»[582]. Это и осуществил русский пролетариат, как только завоевал политическую власть: экспроприировав домовладельцев, он заселил их дома рабочими.

В этой же книге Энгельсом выдвинута проблема противоположности между городом и деревней. Мюльбергер вслед за буржуазными экономистами эту противоположность представляет, с одной стороны, как нечто

---

[581] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, с. 19.

[582] Там же, с. 19.

естественное, с другой — возлагает надежду на прогресс, который, мол, ее смягчит. Энгельс доказывает: 1) что противоположность между городом и деревней с развитием капитализма обостряется, 2) что ликвидирована она будет лишь с уничтожением этого способа производства. Особенно важно подчеркнуть заявление Энгельса о том, что «*...было бы чистейшей утопией желать, подобно Прудону, низвергнуть современное буржуазное общество, сохраняя крестьянина как такового*»[583]. А ведь за эту «чистейшую утопию» цеплялись у нас враги народа, всячески борясь против коллективизации сельского хозяйства, которая превращает крестьянина в социалистического производителя и кладёт конец той изолированности и тупости, в которой сельское население неизменно прозябало в течение тысячелетий.

Борьба против Дюринга. В 1875 г. берлинский профессор «...внезапно бросил вызов своему веку в качестве адепта и одновременно реформатора социализма...»[584], противопоставив марксизму изобретённую им новую социальную систему, которая якобы совершает переворот в философии, политической экономии и социализме.

Энгельс в ряде статей, изданных отдельной книгой под названием «Анти-Дюринг», полностью разгромил псевдоучёного «реформатора социализма». В «Анти-Дюринге» учение о природе и учение об обществе даны как части единого целого; а в учении об обществе отводится место политической экономии (в широком смысле) как науке о базисе всякой общественной формации.

Мы остановимся лишь на экономических исследованиях Энгельса. Исходным пунктом их Энгельс, как и Маркс, считает: 1) единство производства, обмена и распределения, 2) различие их внутри единства, 3) примат производства над обменом и распределением. Предостерегая от извращений, Энгельс пишет: «*...с другой стороны, эти функции (производства и обмена. — Д. Р.) в каждый данный момент обусловливают друг друга и воздействуют друг на друга в такой степени, что их можно было бы назвать абсциссой и ординатой экономической кривой*»[585]. Специально о распределении он говорит: «*Однако распределение не является только пассивным результатом производства и обмена; оно, в свою очередь, влияет обратно на то и другое*»[586].

---

[583] Там же, с. 74.

[584] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 4.

[585] Там же, с. 151.

[586] Там же, с. 153.

Энгельс показывает, как противоречие между производством, обменом и распределением, развивая и двигая вперёд эту систему, все более и более обостряется и приводит к революционному свержению власти капитала. В зародыше же противоречия капитализма содержатся уже в форме стоимости. «*В форме стоимости продуктов содержится уже поэтому в зародыше вся капиталистическая форма производства, противоположность менаду капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия, кризисы*»[587].

Основным и решающим из этих противоречий Энгельс считает противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Он пишет: «*Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе* ***в зародыше все столкновения современности.*** *И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства... тем самым оттесняя всё дальше остатки раздробленного производства отдельных производителей,* ***тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением***»[588]. Это же противоречие «***...проявилось как противоположность между пролетариатом и буржуазией***»[589]. Оно же выступает как «***...противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе***»[590].

Исходя из этого противоречия, Энгельс даёт наиболее яркую формулировку марксистской теории кризисов, совершенно извращённую социал-демократическими теоретиками. Он пишет: «*В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением доходит до мощного взрыва... Экономические столкновения (Kollision) доходят до своей высшей точки, —* ***способ производства восстаёт против способа обмена...***»[591]. В кризисах Энгельс видит провозвестника банкротства капиталистической системы: «*Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей силой*

[587] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 327.

[588] Там же, 282–283.

[589] Там же, с. 283.

[590] Там же, с. 285.

[591] Там же, с. 288.

стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от своего свойства капитала, ***к фактическому признанию своего характера — характера общественных производительных сил***»[592].

«Анти-Дюринг» сейчас может быть назван «Анти-Каутский», «Анти-Гильфердинг» и т.д. Энгельс, так отчётливо и так резко выдвигая революционное содержание марксистской политической экономии, бьёт не в бровь, а в глаз этим извратителям марксизма и верным слугам буржуазии.

В «Анти-Дюринге» дана полная характеристика политической экономии. В ней уже учтён весь путь, пройденный политической экономией благодаря работам Маркса и самого автора «Анти-Дюринга». Новое определение политической экономки, как известно, гласит: «Политическая экономия, в широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе».

Энгельс, конечно, не смешивает различные экономические формации. Он пишет тут же: «*Жители Огненной Земли не дошли до массового производства и всемирной торговли, как и до спекуляций векселями и биржевых крахов. Поэтому, кто пожелал бы объединить одними законами политическую экономию Огненной Земли и современной Англии, тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест*»[593]. Но, устанавливая различие между разными экономическими формациями, Энгельс не упускает из виду и их преемственной связи; разные экономические формации суть разные этапы в развитии человеческого общества. Политическая экономия в широком смысле изучает экономическую структуру или экономический базис человеческого общества в историческом развитии, в переходах от одной формации к другой и, следовательно, от одних экономических законов к другим.

Буржуазные классики политическую экономию в широком смысле отрицали. Считая буржуазные отношения единственно естественными, они считали их и единственно заслуживающими внимания в качестве предмета научного исследования.

Политическая экономия в широком смысле дана лишь в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Весьма ценным является отдел «Анти-Дюринга», посвящённый социализму. Здесь дана замечательная характеристика великих социалистов-утопистов, выяснены их место и роль в развитии экономической и социалистической мысли.

---

[592] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 289.

[593] Там же.

С исчерпывающей полнотой Энгельс выясняет природу труда при социализме, когда труд станет непосредственно общественным. Энгельс метко высмеивает Дюринга, уверявшего, что при социализме господствующим началом будет «истинная стоимость» (т. е. стоимость, которая не будет нарушаться конкуренцией). Доказывая, что в форме стоимости уже в зародыше имеются все противоречия капитализма, Энгельс пишет: «*Желать уничтожения капиталистической формы производства при помощи установления «истинной стоимости»—это то же, что стремиться к уничтожению католицизма путем избрания «истинного» папы...*»[594]

В заключение отметим, что в «Анти-Дюринге» имеется и глава, посвящённая истории политической экономии, озаглавленная «Из Критической истории». Эта глава написана Марксом и является замечательным дополнением к «Теории прибавочной стоимости».

2. Работы Энгельса после смерти Маркса

В письме Ф. Беккеру от 15 октября 1884 г. Энгельс пишет: «*Всю свою жизнь я делал то, к чему я был предназначен, — я играл вторую скрипку, — и думаю, что делал своё дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс. Когда же мне вдруг в вопросах теории приходится занимать место Маркса и играть первую скрипку, то дело не обходится без промахов, и никто этого не ощущает сильнее, чем я сам*»[595].

Приведённые слова свидетельствуют о величайшей скромности Энгельса. Гениальный друг и соратник Маркса оказался полностью на высоте задач, вставших перед ним после смерти Маркса.

Творчество Энгельса не прекращалось до последних дней его жизни. Он продолжал двигаться по восходящей линии и развивать марксизм, в частности марксистскую политическую экономию, оставаясь в то же время во главе международной революционной борьбы. Им написана классическая работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства», подготовлены к печати и изданы II и III тома «Капитала», написан ряд замечательных статей и предисловий к старым работам. Энгельс не перестаёт следить за развитием капитализма и теоретически освещает его как в статьях и письмах, так и во вставках и примечаниях к изданным им томам «Капитала». Все это даёт много ценного и нового.

---

[594] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 327.

[595] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, с. 415.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства». На богатом фактическом материале Энгельс исследует экономические условия дикости, варварства и цивилизации. Он проливает много света на генезис целого ряда экономических явлений и институтов— разделение труда, обмен и частную собственность, деньги, торговый и ссудный капитал и т. д. Первую брешь в первобытно-родовой общине пробивает разделение труда между отдельными общинами, вызывающее обмен между ними и порождающее частную собственность. Затем наступает отделение ремесла от земледелия, которое Энгельс назвал вторым великим разделением труда: на этой стадии обмен становится регулярным, производство превращается в товарное производство, родовая община распадается, возникает противоположность между городом и деревней. Третьим поворотным пунктом является третье разделение труда: выделение класса купцов, представителей новой формы богатства — денежной — разлагающей натуральное хозяйство.

Энгельс, ещё в своих ранних работах боровшийся против схематизма, надуманных абстракций и игнорирования фактов, а с другой стороны, высоко ценивший теорию и последовательность в развитии мысли, даёт в «Происхождении» непревзойдённые образцы единства теории и истории.

Ещё в своих ранних работах Энгельс разоблачал классовую природу частной собственности, государства и современной семьи, но в «Происхождении» вскрыто их меняющееся и развивающееся экономическое содержание на протяжении вековой истории. Исследование докапиталистических формаций, начатое в «Немецкой идеологии», продолженное Марксом в «Капитале», а Энгельсом в «Анти-Дюринге». «Крестьянских войнах» и других работах, получает своё завершение в «Происхождении».

Об этой работе Энгельса Ленин писал: «*Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала*»[596].

Работа Энгельса по изданию II и III тома «Капитала». Основной своей задачей в области теоретической экономии Энгельс читает в рассматриваемый период подготовку к печати и издание остальных томов «Капитала».

---

[596] В. И. Ленин, Соч., т. 24, с. 394.

«Работы над этими двумя томами, — пишет Ленин, — потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса». В предисловии ко II тому Энгельс писал: «*Я ограничился по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо и где кроме этого смысл не вызывал никаких сомнений*»[597]. Аналогичное заявление Энгельс делает и в предисловии к III тому. Но Энгельс, несомненно, преуменьшает свою роль. Конечно, он относился с величайшей бережливостью к оставленным Марксом рукописям, и это делало его задачу особенно трудной. «Подготовить к печати, — пишет он в том же предисловии, — вторую Книгу «Капитала» и притом так, чтобы она представляла, с одной стороны, связное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не издателя, — это было нелёгкой работой». Эту «нелёгкую работу» Энгельс выполнил блестяще: II и III тома «Капитала» являются и «связными и по возможности законченными произведениями», и «произведениями исключительно автора, а не издателя».

Переработки и вставки Энгельса ко II тому составляют много печатных страниц. Работа над III томом была ещё значительнее. Большие пробелы в III томе в значительной мере заполнены Энгельсом. Им, например, написана IV глава, «Влияние оборота на норму прибыли», и обработан большой фактический материал, Марксом лишь собранный; конечно, всё это сделано «*по возможности, — как говорит Энгельс, — в духе Маркса*». Громадная научная заслуга Энгельса в том, что труд Маркса действительно вышел законченным и «в духе Маркса». Это оказалось под силу Энгельсу, потому что его собственный образ мыслей совпадал с образом мыслей Маркса.

Энгельс о новых явлениях, обусловленных переходом к империализму. Но этим не исчерпывается научное значение многочисленных вставок, дополнений и примечаний ко всем томам «Капитала». Энгельс пережил Маркса на 12 лет. Он наблюдал в зародыше переход капитализма к новейшей и последней его фазе, к империализму. Это обстоятельство позволяет ему дать много ценного для характеристики и понимания последнего. О важнейших моментах, характеризующих империализм, Энгельс высказывается и в других своих работах, появившихся

[597] К. Маркс, Капитал, т. 2, 1935, с. VII, Предисловие Энгельса.

в указанный промежуток времени. Конечно, Энгельс, умерший в 1895 г. мог наблюдать только первые, так сказать, признаки перехода к империализму. Следовательно, дать развернутой теории империализма Энгельс ещё не мог. Эту задачу целиком выполнил Ленин и Сталин. Однако Энгельс ясно предвидел переход капитализма в новую фазу.

От внимания Энгельса не ускользнул ряд основных и решающих признаков империализма. По издании III тома «Капитала» Энгельс намеревался написать статью под названием «Биржа и дополнительные замечания к третьему тому «Капитала». Предварительно Энгельс написал конспект[598]. В этом конспекте он указывал на изменение роли биржи (фондовой), но биржу он понимает не в обычном узком смысле, а гораздо шире — как рынок ценных бумаг. Этот рынок, как указывает Энгельс, изменился и количественно, и качественно, он в колоссальных размерах расширился, изменилось и его значение.

Рост рынка ценных бумаг обусловлен ростом акционерных предприятий, повсеместно вытесняющих индивидуальные предприятия, а акции концентрируются на бирже. Тем самым «*одна отрасль за другой попадает, — иронически замечает Энгельс, — под действие судьбы*», т.е. биржи. По существу, Энгельс говорит здесь о финансовом капитале и финансовой олигархии, которая держит в своих руках народное хозяйство. Но теории финансового капитала Энгельс еще не даёт, последняя дана Лениным. Энгельс показывает, как при помощи акционерной формы происходит гигантский рост концентрации и централизации в промышленности, торговле, кредитном деле. Даже в сельском хозяйстве «...*действительная верховная собственность над землевладением передается бирже...*»

Энгельс отмечает также рост рантье, рост паразитических элементов, «...*которым надоело вечное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели лишь развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний*».

Не менее ценным является указание Энгельса на изменение характера колонизации: «*Последняя, — говорит он, — ныне простое отделение биржи...*». Этим Энгельс близко подходит к важнейшему признаку империализма — к вывозу капитала в колонии, нужные как место приложения капитала, который не находит достаточно выгодного для себя применения внутри страны.

В одной из своих многочисленных вставок в III томе «Капитала» Энгельс подробно описывает также монополистические объединения и раскрывает

[598] Конспект помещен в Сочинениях Маркса и Энгельса, т. 16, ч. 2.

причины их возникновения. Он характеризует их как «*...новые формы промышленного производства, представляющие вторую и третью ступень акционерного общества*»[599]. Энгельс рассматривает их, таким образом, как дальнейшее развитие концентрации производства и централизации капитала. Эти объединения приводят к господству монополий. И Энгельс приходит к следующему выводу: «***...словом, издревле прославленная свобода конкуренции пришла к концу и должна сама признаться в своём явном скандальном банкротстве***»[600].

Из подчёркнутых слов видно, что Энгельс придавал громадное значение «скандальному банкротству» свободной конкуренции, т. е. тому, что, по учению Ленина, является наиболее характерным и решающим для империализма.

В другом месте Энгельс пишет: «*Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днём всё сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого они должны функционировать, — факт этот в настоящее время всё более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это проявляется в двух симптомах. Во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранять как раз продукты, способные к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных отраслей промышленности, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль*»[601].

Таким образом, в предпринимательских объединениях Энгельс видел начало краха капитализма, ибо они являются симптомами того, что производительные силы перерастают законы капиталистического товарообмена. Как далека эта оценка предпринимательских объединений от оценок, которые давались теоретиками I Интернационала вслед за буржуазными экономистами, усматривающими в этих объединениях проявление мощи капитализма способности его к дальнейшему развитию. Энгельсова оценка монополистических объединений развита и завершена Лениным в цельную теорию, рассматривающую монополистический капитализм, как загнивающий и умирающий капитализм.

Необходимо ещё указать, что замечание Энгельса является продолжением следующего тезиса Маркса: «*Всякая мысль, — говорит Маркс, — о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством*

---

[599] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1938, с. 389.

[600] Там же, выделение моё — Д. Р.

[601] Там же, с. 108–109.

сырого материала, — контроле, ***который в общем и целом совершенно несовместим с законами капиталистического производства*** *и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается исключительно совместными действиям капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга*»[602].

Маркс и Энгельс категорически отвергают возможность регулирования. Свою оценку картелей и трестов, Энгельс пишет: «*Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство нуждается в регулировании, но, несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его на деле*»[603].

Дальнейшее развитие империалистической стадии капитализма, приведшее ко всеобщему кризису капитализма, полностью оправдало прогноз Энгельса. Все нагляднее и нагляднее становилось: 1) что «производство нуждается в регулировании», 2) что «некапиталистический класс призван осуществить его на деле» 3) что на деле это осуществляется в СССР, где пролетариат, свергнув власть капитала, победоносно построил социализм

[602] К. Маркс, Капитал, т 3, 1938, с. 108, выделение моё — Д. Р.
[603] Там же, с. 109.

Печатный орган «Наука марксизм»

https://vk.com/marxist_science

https://t.me/marxist_science

https://marxist-science.workers-paradigm.ru

*«**Рабочая парадигма**» — коммунистическая организация, занимающаяся пропагандой марксизма-ленинизма.*

*«**Наука марксизм**» — печатный орган коммунистической организации «Рабочая парадигма», занимающийся пропагандой марксизма-ленинизма.*

Наша главная задача — очищение марксизма от идеологических привнесений.

Автор: Д. И. Розенберг

Технический редактор: И. Токач